

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

НОЯБРЬ.

8245
98-21

1873.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.** Романъ. Часть третья
и послѣдняя. (Окончаніе). Н. Н. КАРАЗИНА
- II. ШАЛЬГО.** Изъ А. Петѣфи. А. НИХАЙЦОВА.
- III. ПШЕНИЦЫНЫ.** (Изъ исторіи забытыхъ людей.)
(Продолженіе). ИСК. АЛЬБОВА.
- IV. РОЛЬ И ЗНАЧЕНІЕ ЗЕМСКИХЪ ВОЛЬНИЦЪ.** Н. Н. МОЛЕСОНА.
- V. ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ.** Стихотвореніе. М. Н.
- VI. ДѢЙСТВИТЕЛЬНО-ЛИ МЫ БОГАТЫ?** (Ст. первая). Д. Л. ЖОРДОВЦЕВА.
- VII. НАДЕЖДА.** Стихотвореніе. изъ Е. Гейбеля А. А. МОНАСТЫРСКАГО.
- VIII. ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.** Романъ. (Часть третья.
Гл. I — VII). ФР. ГЕРШТЕКЕРА.
- IX. ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ.** Стихотвореніе. ПЕТРА БЫКОВА.
- X. СУДЬБЫ ИРЛАНДИ.** С. С. ШАНКОВА.
- XI. ГРЯЗНАЯ ЯМА.** Стихотвореніе. изъ Барбье. . . . П. А. КАШИНА.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХІІ. ВЕЗХАРАКТЕРНОСТЬ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕН- ЦИИ. Н. В. ШЕЛГУНОВА.

ХІІІ. НОВЫЯ КНИГИ.

Природа. Популярный естественно-историческій сборникъ. Книга 2-я, съ 6 табл. и 114 позитив. Москва, 1873 г.—Физиологическая исторія женщины. Сохраненіе здоровья и красоты. Воспитаніе. Рѣшеніе женскаго вопроса. Книга для матерей и воспитательницъ. Соч. В. Деривера. Второе изданіе. Спб. 1873.—Критика философской системы Конта и дополненіе этой системы мыслями Гегеля и нѣкоторыхъ новѣйшихъ философовъ. Сочиненіе И. Полетики. Спб. 1873.—Атмосфера. Описаніе великихъ атмосферическихъ явленій природы на земномъ шарѣ. Камилла Фламмаріона, съ 87 рис. Спб. 1873 г.—Нравы животныхъ. А. Туссенеля. Перев. съ французскаго Е. Скобачевской. 63 рисунк. Э. Балра. С.-Пб. 1873.

ХІV. СТАТИСТИЧЕСКІЕ ИТОГИ САМОУВѢИСТВА. Б. П. ОНГИРСКАГО.

ХV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неурожаи въ Самарской губерніи и послѣдовавшій за ними голодь.—Призывъ къ облегченію участи бѣдствующаго населенія.—Причины періодическихъ неурожаевъ.—Невѣжество и голодь—неразлучные спутники.—Равнодушіе къ народнымъ бѣдствіямъ, какъ результатъ отсутствія общественной солидарности.—Общая экономическая неурядица и т. д.

ХVІ. КРАСОТЫ ОВЫВАТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

«Астраханскій справочный листокъ», 1872—73г. — «Саратовскій справочный листокъ», 1872—73 г.—«Камско-волжская газета», 1873 г.—«Казанскій биржевой листокъ», 1873 г.—«Нижегородскій справочный листокъ», 1872 г.—«Донъ» 1872—1873 г.—«Сибирь», 1873 г.—«Гдовско-ямбургскій листокъ», 1873 г.

ХVІІ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРО- НИКА.

Неопредѣленность положенія дѣлъ во Франціи.—Биографическія свѣденія о герцогѣ Брольи. — Его непривлекательная наружность. — Происхожденіе Брольи. — Пожалованный въ государственные люди Викторъ Брольи.—Французскіе виги. — Значеніе Виктора Брольи во время июльской монархіи.—Дебютъ Альбера Брольи въ литературѣ. — Либеральный иезуитизмъ герцога Альбера. — Интрига либеральныхъ католиковъ во Франціи. — Вельо, защищающій справедливость. — Оппозиція герцоговъ Брольи во время второй имперіи.—Дѣло Тэла.—Союзъ либераловъ со второй имперіей. — Интрига, организованная Альберомъ Брольи противъ Тьера. — Брольи, вице-президентъ совѣта. — Неудача, постигшая его первую министерскую рѣчь.—Инсинуаціи Брольи на Францію.—Его промахи, какъ министра иностранныхъ дѣлъ.—Надежды, питаемыя монархическими партіями на Мак-Магона.—Вѣроятная ошибочность ихъ расчетовъ.—Утвержденіе республики.

Редакція журнала „Дѣло“ открывая при Главной конторѣ этого журнала (по Надеждинской, д. № 39) подписку въ пользу голодающаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Самарской губ., просить своихъ подписчиковъ принять, по мѣрѣ возможности, искреннее участіе въ судьбѣ пострадавшаго населенія. Деньги, собранныя въ редакціи „Дѣла“, будутъ немедленно отправляемы въ Самарскую Земскую губернскую Управу, о чемъ каждый разъ будетъ заявляться печатно въ нашемъ журналѣ, съ обозначеніемъ именъ тѣхъ жертвователей, которые этого пожелаютъ.

Бл—въ, 50 р.—Ш—въ, 10 р.—Н—въ, 3 р.—Бородинъ, 10 р.—Наборщики типографіи В. Тушнова, 9 р.—Кесневиль, 5 р.—К—въ, 5 р.—Де—съ, 1 р.—Т—въ, 5 р.—Тушновъ, 1 р.— Отъ неизвѣстной, 2 р.— Отъ Воронцова, 2 р.—
Всего 103 р.

ЛХ
ди в' ?
187

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ф Л Р“

въ 1874 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1874 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ дост. въ Петербургъ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція проситъ покорнѣе гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИНАДЦАТОЙ КНИГИ.

Погоня за наживой. Романъ. Часть третья и послѣдняя. (Окончаніе).	<i>Н. Н. Каразина</i>
Шальго. Изъ А. Петѣфи.	<i>А. Михайлова.</i>
Пшеничны. (Изъ исторіи забытыхъ лю- дей). (Продолженіе)	<i>Мих. Альбова.</i>
Роль и значеніе земскихъ больницъ.	<i>И. И. Моллесона.</i>
Честные люди. Стихотвореніе.	<i>М. Н.</i>
Дѣйствительно-ли мы богаты? (Ст. первая).	<i>Д. Л. Мордовцева.</i>
Надежда. Стихотвореніе. Изъ Е. Гейбеля.	<i>А. А. Монастырскаго.</i>
Заря новой жизни. Романъ. (Часть третья. Гл. I—VII)	<i>Фр. Геритекера.</i>
Дождливый день. Стихотвореніе	<i>Петра Бькова.</i>
Судьбы Ирландіи. (Окончаніе).	<i>С. С. Шапкина.</i>
Грязная яма. Стихотвореніе. Изъ Барбье.	<i>П. А. Камаша.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

Безхарактерность нашей интеллигенціи.	<i>Н. В. Шелунова.</i>
Новыя книги	
Статистическіе итоги самоубійства	<i>В. П. Отирскаго.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	
Красоты обывательской журналистики.	
Политическая и общественная хроника. Изъ автобіографіи Дж. Ст. Милля (Окон- чаніе).	<i>В. Т.</i>
Памятникъ Екатеринѣ II.	
Подписка въ пользу голодающихъ въ Са- марской губерніи	

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 11.

ИЗВ. № 24481

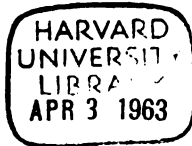
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1873.

△
Psla - 236.4 ($\frac{1873}{11}$)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 ноября, 1873 года.

67*2

ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

VIII.

Тревога и побѣгъ.

Старый, опытный волкъ бредеть, понуривъ голову, опустивъ до самой земли хвостъ-полѣно, прищуривъ подслѣповатые глаза, чуть повода своими надгрызанными въ прежнихъ бояхъ и схваткахъ ушами. Бредеть онъ не спѣша, шагомъ, по сторонамъ не смотритъ, — незачѣмъ! Все ему давно знакомо, все приглядѣлось: и эти пожелтѣвшіе кусты орѣшника, между которыми, уныло воя, проносятся осенній вѣтеръ, и эти обгорѣлые сосновые ши, и бѣленькія черточки березовыхъ стволиковъ, и эта кривлявая стая носатыхъ грачей, только что слетѣвшая съ размокшей пашни за опушкою. Даже вотъ этотъ шестъ съ метломъ наверху, торчащій на поворотѣ новой межи, и тотъ не обращаетъ на себя вниманія стараго бродяги. Плетется онъ по избитой, изстари проторенной тропѣ, и все ниже и ниже клонитъ свою хищную морду съ оскаленными клыками, съ краснѣющимъ между ними кончикомъ запѣнившагося языка.

Бредеть „матерой“ на выгонъ, что за оврагомъ, у самой опушки; тамъ еще, должно быть, пасутся тощіе „животишки“ сосѣдней деревни „Прѣснохлебаловки“ и не разъ уже пользовался тамъ сѣрый разбойникъ то курчавою ярочкою тетки Ма-
„Дѣло“, № 11.

ланы, то поросенкомъ дяди Нивиты, а то такъ даже теленкомъ самого отца дьякона. Очень ужъ ему эти обѣды легко достаются. Пастушонки все маленькіе, четырнадцать лѣтъ отъ роду старшему, дрыхнуть себѣ въ шалашѣ, прикрывшись съ головою отцовскими тулупами, или на рѣчкѣ у огонька варятъ въ котелѣ картошки, украденныя въ огородѣ цаловальника Парфена Карпыча; собаки тоже все дрянъ дрянью, десятерыхъ на одинъ волчій зубъ мало. Лафа да и только!

Вотъ и тащится теперь нашъ волкъ за съѣстнымъ, ни о чемъ не беспокоясь, потому безпокойства ему ни откуда не предвидится.

Вдругъ онъ сразу остановился, даже назадъ попятился и хвостъ промежъ заднихъ ногъ поджалъ подъ самое брюхо, ушами повелъ, прислушался,—что за чортъ, что-то не ладно; подождалъ волкъ немного, присѣлъ, потомъ прилегъ, опять всталъ, за кусть зашелъ, промежъ двухъ кочекъ забился,—волнуется.

„Что за оказія! думаетъ онъ,—все, повидимому, въ порядкѣ, а что-то словно не того...“

А голодъ не свой братъ: кишки ворочаетъ, долго не даетъ раздумывать. Опять пошелъ волкъ впередъ, только много тише; дошелъ уже до самаго врага: вонъ и дымокъ синѣетъ у воды, влѣво бубенчикъ брякаетъ близко,—знаетъ онъ даже, на чьей шеѣ это брякаетъ. Эвось, волкъ тѣ заѣшь, ягнать-то сколько. Котораго-бы спалать? Да нѣтъ, свою шкуру уже очень вдругъ жалко стало; подумалъ волкъ, подумалъ, подхватилъ языкомъ липкую, тягучую слюну, повернулъ назадъ да и ходу, чѣмъ дальше, тѣмъ шибче, вотъ уже вскачь запрыгалъ, пугливо по сторонамъ озирается, отъ всякаго шума въ сторону бросается; версты четыре продралъ, забился въ самую чашу, на глухой болотинѣ и залегъ, вздрагивая и ежась отъ совершенно неожиданнаго, богъ-вѣсть отчего, богъ-вѣсть откуда налетѣвшаго страха.

И все, что до сихъ поръ казалось такимъ простымъ, такимъ знакомымъ, все это уже смотреть теперь не такъ, все словно грозить, все предвѣщаетъ о какой-то скрытой, неминуемой, смертельной опасности.

И вѣрно, что это не мнимая опасность: она, дѣйствительно, существуетъ, не пригрезилась она волку, а ему подсказалъ ее и

предостерегъ его вѣрный таинственный инстинктъ, никогда до сихъ поръ не обманывавшій опытнаго звѣря.

Вотъ въ такомъ точно положеніи струсившаго волка чувствовалъ себя Юлій Адамовичъ со дня разговора своего съ Катушкинымъ. Онъ очень хорошо понялъ, что настала пора принять оборонительное положеніе. Онъ чужалъ теперь врага, и врага могучаго, пренебрегать которымъ было-бы болѣе, чѣмъ неблагоразумно; онъ ясно сознавалъ, что опасность растеть все болѣе и болѣе съ каждою минутою, что скоро настанетъ та минута, когда будетъ уже поздно. Онъ рѣшилъ во что-бы то ни стало предупредить эту скверную минуту и зорко сталъ приглядываться и прислушиваться ко всему окружающему.

Старый волкъ насторожилъ свои воровскія уши.

И вотъ, подѣ влияніемъ этого чувства, всѣ обиденныя явленія, до сихъ поръ казавшіяся самаго невиннаго свойства, стали принимать для него совершенно иное, тревожное значеніе. Каждая встрѣча, каждый взглядъ, совершенно случайно брошенный въ его сторону, казались ему крайне подозрительными. Въ каждомъ словѣ онъ слышалъ скрытый намекъ; подчасъ ему становилось просто страшно въ присутствіи другихъ людей, особенно принадлежащихъ по мундиру къ предупредительнымъ или карательнымъ административнымъ элементамъ, а между тѣмъ его такъ и тянуло въ эту среду, такъ и подмывало во все вслушаться, взглядѣться, взвѣсить, сообразить.

— А позвольте, милостивѣй государь...

Юлій Адамовичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и даже въ сторону шарахнулся: рука въ галунномъ обшлагѣ мелькнула чуть не у самаго его лица и звякнуло что-то металлическое.

— ...позаимствоваться огонькомъ вашей сигарки, докончилъ исправляющій должность городничаго, капитанъ Широкошагаевъ, неожиданно подвернувшійся изъ-за покосившагося угла лѣтнаго барака пожарной команды.

— Я-съ... я съ большимъ удовольствіемъ... позвольте я сначала раскурю. Ваше здоровье какъ... семейство ваше... супруга-съ? засуетился Бржизницкій.

— Э-гмъ... супруги не имѣю еще, семьею не обзавелся, покорнѣе благодарю. О ревуаръ-съ... я сюда.

И капитанъ солидно зашагалъ къ дверямъ барака, у котора-

го давно уже, вытянувшись въ струну, жилился часовой, рассчитывающій, вѣроятно, этимъ напряженнымъ жилищемъ выразить всю свою исправность по службѣ.

„Знаемъ мы, моль, зачѣмъ тебѣ сигару закурить потребовалось“, думалъ и передумывалъ Юлій Адамовичъ и поспѣшно свернулъ въ переулокъ, — свернулъ потому, что замѣтилъ впереди еще какіе-то два шитые воротника и кончикъ казачьей винтовки.

Сегодня утромъ въ туземномъ городѣ, около воротъ караванъ-сарая Перловича, завязалась свалка между евреями и сартами, — началась съ пустяковъ, какъ обыкновенно; кончилось тѣмъ, что пришлось употребить цѣлый казачій взводъ, чтобы разогнать дерущихся. Въ другое время Юлій Адамовичъ оставался-бы самымъ равнодушнымъ, спокойнымъ зрителемъ со стороны, теперь же, оправившись отъ перваго испуга, потому что всякій шумъ сталъ производить на него это непріятное дѣйствіе, онъ поспѣшилъ подать самую дѣятельную помощь блюстителямъ порядка и съ этою цѣлью поднялъ на ноги всѣхъ служащихъ при караванъ-сарайѣ.

— Ну, батюшка, спасибо, что со своими молодцами съ знтаго фасу ихъ перехватили, а то-бы гдѣ управиться, говорилъ ему казачій офицеръ, вытирая рукавомъ кителя потъ на своемъ красно-буромъ, загорѣломъ лицѣ.

Юлію Адамовичу было очень пріятно слышать это одобреніе.

— Я всегда за порядокъ, всегда за порядокъ. Отдохнуть заходите. Эй, отпереть ворота для господъ казаковъ! Я имъ сейчасъ, съ вашего позволенія, по стакану водки... засуетился онъ.

И не только, что угостилъ казаковъ водкою, но, особенно разчувствовавшись, выдалъ имъ по полтиннику на челоуѣка, а хорунжему презентовалъ качевскій серебряный подстаканникъ, случайно подвернувшійся подъ руку.

Ѣхавши домой, онъ остановилъ лошадь у губернаторскаго подъѣзда и зашелъ съ единственною цѣлью потолкаться въ пріемной и прислушаться. Въ пріемной было очень малу народу: челоуѣка три стояли въ сторонѣ и о чемъ-то горячо говорили; при входѣ Бржизницкаго они разомъ замолчали и стали переглядываться; это показалось очень подозрительно.

— Генераль сегодня не принимаетъ, подошелъ къ нему де-
журный адъютантъ.

— Неужели! удивился Вржизицкій.— Ахъ, какъ жаль! а мнѣ
было...

И онъ замолчалъ, потому что ему положительно не зачѣмъ
было видѣть губернатора.

Быстро вошелъ въ комнату знакомый ему штабный полков-
никъ, взглянулъ на него какъ-то странно,—такъ, по крайней мѣ-
рѣ, ему показалось,—вернулся, сказалъ что-то тихонько ординар-
цу у дверей и ураганомъ пронесся черезъ пріемную прямо во
внутренніе апартаменты.

„Попался, попался!“ проступилъ у Вржизицкаго подь бѣль-
емъ холодный потъ и онъ, неловко раскланявшись, поспѣшилъ
отретироваться. Весь какъ-то нравственно съезжившись, не глядя
ни куда опредѣленно, а какъ-то въ пространство, шмыгнулъ онъ
мимо ординарца, мимо часового у дверей. „Вотъ, думалъ онъ,—
сейчасъ за шиворотъ схватятъ, дорогу ружьемъ загородятъ“;
однако, никто его за шиворотъ не хваталъ, никто дороги ружь-
емъ не загораживалъ, и онъ благополучно добрался до своей
лошади.

Онъ даже нарочно проѣхалъ мимо дома Ивана Иларіоновича,
хотя это было совсѣмъ уже не по дорогѣ.

Сунулся-было онъ въ ресторанъ Тюльпаненфельда, слѣзъ съ
лошади, передалъ лошадь на попеченіе мальчика-сартенка, взо-
шелъ на крыльцо, шагнулъ черезъ порогъ, пріостановился на
мгновеніе и поспѣшно вернулся назадъ,—такъ ужь его встрево-
жила фраза, случайно долетѣвшая до его слуха.

— Я вамъ говорю, его еще не арестовали! горячился кто-то
въ одной изъ боковыхъ комнатъ.

— Какъ не арестовали? На другой-же день и арестовали;
какъ-же иначе? Вѣдь онъ въ рожу ему закатилъ; тотъ обидѣл-
ся, подалъ рапортъ. Ну, понятное дѣло, „военное положеніе“...
Эй, опять салфетки всѣ во вчерашнемъ шпигать... Свинья!

— Пожалуй, сѣрую шинель надѣнетъ?

— Какъ-бы хуже чего не было.

Очевидно, рѣчь шла не о Вржизицкомъ, но Юлій Адамовичъ
не слышалъ уже дальнѣйшаго разговора—онъ усиленно погонялъ
свою лошадь, а вмѣстѣ съ топотомъ копытъ по шоссе въ его

ушахъ звенѣли и варьировались на разные лады непріятныя, ровныя слова: арестъ... арестовали... еще не арестовали...

— Ну что нашъ Юлій скажетъ хорошаго? въ третьемъ лицѣ отнесся къ Бржицицкому Станиславъ Матвѣвичъ, когда тотъ вошелъ къ нему въ кабинетъ, притворилъ за собою дверь и на мгновеніе приостановился, словно не соображая сразу: зачѣмъ онъ сюда зашелъ, что ему надо сказать?

— А что я вамъ могу сообщить? Рись выгрузили, съ красивымъ товаромъ нынче тихо. Вотъ еще...

Перловичъ рѣзко позвонилъ и крикнулъ шарахнувшемуся за дверями Шарипу, чтобы тотъ подалъ свѣчи.

Въ комнатѣ было довольно темно; багрово-красный лучъ заходящаго солнца прорвался въ окно и, нарисовавъ на стеклахъ узорчатую, кружевную тѣнь какой-то вѣтви ближайшаго къ окну дерева, скользнулъ по выдающемуся углу массивнаго шкафа и раздѣлил всю комнату на двѣ почти равныя части. Въ одной, благодаря слабому свѣту этого луча, можно было разсмотрѣть находившіеся въ ней предметы, въ другой-же царствовала густая синеватая тѣнь, и тамъ-то чуть очерчивалась фигура Бржицицкаго.

Перловичъ не могъ видѣть лица своего агента, но онъ очень хорошо слышалъ звукъ его голоса, поразившій его съ самой первой ноты. Это говорилъ не Бржицицкій, — по крайней мѣрѣ, онъ никогда не говорилъ такъ...

Вы одни; кругомъ глухой лѣсъ, гніющія болотины, подернутыя туманомъ; фосфорическія блески мигаютъ въ воздухѣ надъ этою массою гнили. Изъ мрака сгустившихся сумерекъ со всѣхъ сторонъ тянутся сухія вѣтви, принимая самыя фантастическіе образы. Эти вѣтви, словно костлявыя руки лѣсныхъ чудищъ, пытаются сорвать васъ съ сѣдла; рогатые пни торчатъ по сторонамъ исковерканной непогодю дорога; храпять пугливый конь, осторожно ощупывая копытомъ невѣрную почву. Вамъ жутко; нервы ваши напряжены до послѣдней степени. Вы пытаетесь бороться съ этимъ сквернымъ чувствомъ; силою воли и разсудка вы побѣждаете его и бодрѣе вглядываетесь въ тем-

ноту. Даже вашъ конь инстинктивно чувствуетъ то и заражается бодростью вашего духа. Чу! что это? Крикъ, раздрающій душу, тоскливый, какъ-то хрипло скрипящій, пронесся въ воздухъ. Вздогнувъ конь и осѣлъ на заднія ноги; разомъ исчезло все ваше завоеванное спокойствіе. Опять тоска, опять неприятное, тяжелое чувство одиночества, что-то очень близкое къ паническому, бессмысленному страху.

А между тѣмъ вы очень хорошо знаете, что за существо издало этотъ отвратительный вопль. Вы знаете, что это не продѣлки какого-нибудь фантастическаго лѣснаго духа. Скромный филинъ, свергнувъ въ темнотѣ своими желтыми глазами, страхнулъ съ крыльевъ дождевую воду и, собираясь перелетѣть на сосѣднюю душлистую липу, затаилъ свою негармоническую пѣсню.

И въ настоящую минуту звукъ голоса Бржицицкаго былъ для Станислава Матвѣевича чѣмъ-то въ родѣ крика филина.

Быстро поднялся на ноги Перловичъ, подошелъ къ своему повѣренному, пристально взглянулъ на него и произнесъ:

— Что, плохо?

Тотъ не отвѣчалъ.

— Это письмо... Вы, вѣрно, узнали, гдѣ оно? Оно...

— А дьяволъ его возьми, гдѣ оно! я не знаю, я только могу догадываться. Вы вотъ сидите здѣсь, вы не видите ничего, не слышите этихъ постоянныхъ намековъ, не косаясь на васъ всѣ встрѣчны...

Въ первый разъ еще Бржицицкій заговорилъ такимъ раздражительнымъ тономъ.

— Такъ, значитъ, колесо, намъ надо... началъ Перловичъ.

— Погодите еще день и я узнаю все. Бѣжать еще будетъ время, да, наконецъ, можетъ быть, и не отчего будетъ бѣжать намъ.

— Вы-же говорили, что письмо это не можетъ миновать нашихъ рукъ.

— Да, я это говорилъ, это такъ-бы и было, можетъ быть и будетъ, но меня смущаетъ только одно обстоятельство.

— Что еще?

— Вчера вечеромъ у Тюльпаненфельда, а можетъ быть, это было раньше, мнѣ не сказали, когда именно... конечно, я не видѣлъ его самъ, но мнѣ говорили, это все равно... мнѣ говорили, что...

фразы были такъ похожи, сколько я припоминаю... проклятый листокъ переходилъ изъ рукъ въ руки.

— Какой листокъ?

— Это письмо... копія-ли это, самый-ли оригиналь— я не знаю; его нашли въ одной изъ боковыхъ комнатъ. Его нашли въ той самой комнатѣ, гдѣ былъ недавно я. Не я-же самъ, наконецъ, его потерялъ,—значить другой, а я былъ тамъ только вдвоемъ съ Катушкинымъ,—только вдвоемъ съ Катушкинымъ. Какая-то рожа еще заглядывала,—я не встрѣчалъ ея прежде. Этотъ листокъ былъ потерянъ или забытъ въ этой комнатѣ; не я его потерялъ,—значить Катушкинъ; если-же и не онъ, то эта рожа. Я заѣзжалъ послѣ на почтовую станцію и узналъ, что это былъ пріѣзжій изъ „Забытаго“ форта. Онъ былъ пьянъ до потери сознанія и спалъ. Добудиться было невозможно. Проклятая свинья мычала только во снѣ и ворочалась. Завтра рано утромъ я опять подъ какимъ-нибудь предлогомъ постараюсь увидѣть этого пріѣзжаго и отъисповѣдаю его.

— Это письмо исчезло на почтѣ, на дорогѣ... соображалъ Перловичъ.

— Я догадываюсь, въ чемъ дѣло, и завтра узнаю все. Кромя того я-бы вамъ посовѣтывалъ тоже съѣздить въ городъ, а пока...

И Вржизицкій, не прощаясь съ хозяномъ, вышелъ изъ комнаты, оставивъ Станислава Матвѣевича на досугѣ соображать и догадываться.

А на другой день Станиславъ Матвѣевичъ, пріѣхавъ въ свой караванъ-сарай, не нашелъ тамъ Вржизицкаго. Дѣла въ этотъ день почти не было, рабочіе спали въ тѣни навѣсовъ или-же бродили подъ базарными сводами. Изъ туземныхъ пріятелей (тамыровъ) Перловича мало кто навѣдывался къ „русскому баю“; только сосѣдъ, кожевникъ, Мусса-Джанъ, зашелъ около полудня, да такъ и огорошилъ хозяина караванъ-сарая возгласомъ:

— Ва! А что-же это народъ болтаетъ, что тебя русскіе въ курганъ (крѣпость) посадили?

— Кто-же это именно болталъ? спросилъ Станиславъ Матвѣ-

вичь, и разомъ поблѣднѣлъ, какъ та выштукатуренная гипсомъ стѣна, около которой они сидѣли. „Ужь коли на базарѣ болтають...“ промелькнуло у него.

— Всѣ говорятъ, хе, хе, всѣ говорятъ! присаживался поудобнѣе на пестрый шлямъ Мусса-Джанъ, — всѣ говорятъ. И у Саида-Азима говорятъ, и въ шелковомъ ряду говорятъ, и кузнецы эти корявые въ русскомъ городѣ на „большихъ“ работахъ были — пришли, всѣмъ своимъ рассказали. Пойду, думаю, провѣдаю; прихожу, а ты здѣсь сидишь-себѣ и угощаешься. „Юлій-тюра“ гдѣ?

И Мусса началъ осматриваться, не сидитъ-ли гдѣ-нибудь въ углу „Юлій-тюра“, какъ обыкновенно называли всѣ туземцы повѣреннаго Станислава Матвѣевича.

Пришелъ еще одинъ сосѣдъ съ другой стороны, остановился на минуту на самомъ порогѣ, изумленно взглянулъ на Перловича, потомъ на Мусса-Джана, еще разъ переглянулся и тогда уже произнесъ прिवѣтственное „аманъ!“

— А намъ говорили... началъ новый гость.

— Что, вѣрно, мнѣ голову отрѣзали, на колѣ посадили? вспылить Перловичъ. Нервы его до такой степени были раздражены за послѣднее время, что онъ потерялъ способность удерживать порывы вспыльчивости.

— Что-же ты сердиться, равнодушнымъ тономъ замѣтилъ гость, — мало-ли чего народъ болтаетъ; много всякаго вздора и не про тебя одного говорятъ. Всего не переловишь, что носится по вѣтру.

И онъ усердно захрипѣлъ кальяномъ, зажавъ пальцемъ дырочку въ верхнемъ тычвенномъ полушаріи.

— Ты кого это зарѣзалъ? прямо, безъ обиняковъ, рывкнута басомъ мулла Куддашъ, загородивъ всю входную дверь своею массивною фигурою.

— Ну, прощайте! Нѣкогда мнѣ тутъ съ вами болтать: дѣло есть! не выдержалъ Перловичъ, поднялся на ноги и пошелъ во внутренней дворъ, чтобы только избавиться отъ докучныхъ посѣтителей.

— Всѣ знаютъ, всѣ говорятъ! тоскливо сжималось у него сердце. — А можетъ быть тамъ?!

И холодный потъ проступилъ у него отъ одного только страшнаго предположенія.

Солнце стояло еще высоко, а уже Станиславъ Матвѣвичъ прискакалъ къ себѣ на дачу. Околою дорогою, черезъ туземные сады, пробрался онъ на чимкентскій трактъ. Онъ положительно боялся русскаго города. Даже во дворъ онъ не въѣхалъ, а привязавъ лошадь за калиткою, прошелъ черезъ виноградники, прямо къ своему балкону.

— Тюра-Юлій былъ у тебя, докладывалъ ему Шарипъ. — Тамъ записку, бумагу такую тебѣ оставилъ, вонъ на столѣ лежитъ.

— Давно онъ былъ?

— Давно. Долго сидѣлъ. Меня въ кузницу послалъ съ лошадью, а самъ все здѣсь сидѣлъ.

— Ну, ступай. Эй! а еще никого не было?

Перловичъ значительно понизилъ тонъ голоса при этомъ вопросѣ и даже оглянулся.

— Еще никого не было, никого... Да, купецъ изъ Кокана, что верблюдовъ у насъ мѣнялъ, приходилъ... ну, тотъ только такъ былъ: справиться о здоровьѣ заходилъ. А больше никого не было! еще разъ повторилъ Шарипъ уже за дверями.

На видномъ мѣстѣ, на темно-зеленомъ фонѣ столоваго сукна, такъ и лѣзъ въ глаза маленькій, бѣлый четверугольникъ. Это была записка Бржицицаго.

„Дѣло наше безвозвратно проиграно. Я узналъ, наконецъ, все. писалъ четкимъ, рѣшительнымъ почеркомъ Юлій Адамовичъ. — Письмо въ рукахъ Лопатина. Кажется, что уже сдѣлано распоряженіе объ арестѣ. Всѣ улики противъ насъ и мы сдѣлаемъ самое лучшее, если позаботимся о спасеніи своей собственной шкуры. Я уже позаботился объ этомъ. Я не хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ вами по той причинѣ, что двоихъ гораздо удобнѣе ловить, чѣмъ одного. Если вамъ удастся благополучно перебраться черезъ тѣншанскіе отроги, то постарайтесь увидѣться со мною въ Кашгарѣ или-же далѣе, на пути къ Кашмиру. А впрочемъ, это рѣшительно предоставляется на ваше усмотрѣніе. Не вздумайте только броситься къ Бухарѣ: тамъ васъ непремѣнно перехватятъ и выдадутъ обратно русскому правительству. Это мой совѣтъ.

Юлій Бржицицкій.“

— Такъ скоро! прошептали губы Перловича,—такъ скоро!

Его даже не удивилъ поступокъ Бржицицаго, онъ находилъ

это такъ естественнымъ, что самъ-бы, пожалуй, поступилъ такъ-же. Но только какъ-же горько стало у него во рту,—казалось, вся жгучь слюда влила въ горлу, когда въ его пораженномъ мозгу возникъ ненавистный призракъ Юлія Адамовича, спасающаго свою собственную шкуру.

Вотъ мелькаетъ въ пыли крупъ его лошади. Чуть виднѣется голова изъ-за согнутой спины; рука, вооруженная нагайкою, усердно сѣчетъ взмыленный конскій крупъ.

Перловичу почему-то казалось, что Бржицицкій въ эту минуту удираетъ именно такимъ патриархальнымъ образомъ.

IX.

Сборы.

Хаосъ, полнѣйшій безпорядокъ царствовалъ въ уютной, такъ комфортабельно устроенной квартирѣ madame Брозе и ея дочери. Вся середина общей круглой комнаты была заставлена открытыми баулами, сундуками и разными укладками; тиковыя полосатныя внутренности чемодановъ такъ и лѣзли въ глаза и въ комнату преобладалъ запахъ ремней и экипажной кожи. На спинкахъ кресель и стульевъ эффектно драпировались роскошные шлейфы всевозможныхъ цвѣтовъ и матерій.

Фридерика Казиміровна ловко лавировала между всѣми этими предметами, соображала, распредѣляла и метала во всѣ стороны самые хозяйственные, озабоченные взгляды. Адель, у себя въ комнатѣ, щелкала замочками безчисленныхъ туалетныхъ ящичковъ.

— Утромъ, пораньше, какъ можно пораньше! рѣшительно произнесла Фридерика Казиміровна. — Чуть свѣтъ. Я думаю, даже до восхода солнца. А ты какъ полагаешь, Адочка?

— Мнѣ рѣшительно все равно.

— Или ужъ вечеромъ, попозже, какъ стемнѣетъ? А то, знаешь, вставать надо такъ рано. Въ это время всегда такъ спать хочется... Развѣ вечеромъ?

— Отстань!..

— Ну такъ ужъ вечеромъ! перерѣшила madame Брозе. — Сегодня не мѣшало-бы покончить съ укладкою пораньше. Платья,

тѣ вотъ, съ кружевами, въ большой бауль. А то, знаешь, что я придумала? Дѣйствительно, лучше утормъ. Здѣшніе мерзавцы всю ночь таскаются по улицамъ, и, какъ-бы поздно мы ни выѣзали, намъ не избѣжать какой-нибудь демонстраціи.

— Да, проводы будутъ, задумчиво произнесла Адель.

— Ну, вотъ, вотъ... Итакъ, утормъ! Ты, Павелъ, такъ и доложи Ивану Иларіоновичу, что, молъ, рѣшили завтра утормъ, чуть забрезжетъ свѣтъ, такъ и скажи: приказали, молъ, сообщить, что рано утормъ, чуть забрезжетъ свѣтъ.

— Слушаю-сь! больше ничего не прикажете? попятился Павелъ къ дверямъ.

— Ничего, или нѣтъ, постой! Я сейчасъ напишу нѣсколько словъ, а ты передай эту записку лично самому Ивану Иларіоновичу, такъ прямо въ руки и отдай—никому больше. При Катускинѣ тоже не отдавай, а такъ, знаешь,—да ты понимаешь, въ чемъ дѣло, понимаешь?

— Понимаю-сь.

Фридерика Казиміровна присѣла къ бюро и торопливо принялась тыкать перомъ въ фарфоровую чернильницу.

Такъ вотъ уже третій день мадамъ Брозе съ дочерью собирались въ обратную дорогу.

Фридерика Казиміровна совершенно уже освоилась съ мыслью объ отъѣздѣ и успокоилась. Ее нѣсколько тревожилъ только самый процессъ этого отъѣзда. Ей все казалось, что цѣлый Ташкентъ собирается смотрѣть на нихъ; изъ каждаго окна такъ вотъ и будутъ высовываться разныя фізіономіи и провожать ихъ экипажъ самыми насмѣшливыми, сатирическими взглядами.

— Архитекторша, та, подлая, непремѣнно со всею своею ватагою выѣдетъ. Конечно, я ничего, мнѣ наплевать! соображала Фридерика Казиміровна,—но Ада съ ея нервозностью!—А дочка, ангелъ мой, ты всѣ свои вещицы: броши, серьги,—последнія эти съ большими камнями,—собери въ одно мѣсто. Дай, я ихъ уложу въ мой несесеръ. Вѣдь это цѣнность; все лучше, когда будетъ все въ одномъ мѣстѣ и подъ руками.

— А вотъ я ихъ всѣ отошлю сегодня къ Лопатину, буркнула Адель, съ азартомъ захлопывая какой-то ящикъ.—Всю эту дрянъ...

— А дочка, что ты это, что ты? Это будетъ капитальнѣй-

шая глупость. Не смѣй и думать! да, наконецъ, я не позволю: это капиталъ, это твои средства, и я, какъ мать... вздоръ! заволновалась Фридерика Казиміровна.

— Ты что это писала Лопатину?

— А чтобы онъ хоть передъ самымъ отъѣздомъ зашелъ показать свои ясныя очи, лупоглазый болванъ! Этого, наконецъ, требуетъ простое чувство приличія! кипятилась мадамъ Брзе.

— Зачѣмъ? Вотъ еще очень нужно!..

— А затѣмъ, что ты ничего не понимаешь... Если-бъ онъ хотя нѣсколькими днями раньше могъ-бы освободиться изъ-подъ вліянія этого негодяя, то дѣла навѣрное пошли-бы совсѣмъ иначе.

— Все къ лучшему! задумчиво говорила Адель.

— Ничего не къ лучшему. Сто разъ можно ссориться, и не изъ-за такихъ пустяковъ, и потомъ сходиться еще прочтѣе.

— Бррр! замотала головкою Адель.

— Нечего отфыркиваться! со всего размаха усѣлась Фридерика Казиміровна на диванъ, такъ, что даже пружины врякнули и отлетѣла одна изъ обойныхъ пуговицъ.

Минуть черезъ десять прерванная укладка возобновилась.

— Ну, а этотъ парюръ, я думаю, сюда не влѣзетъ! говорила мадамъ Брзе уже совершенно успокоившимся голосомъ.

— Сегодня утромъ я справочку навелъ-сь: оказалось, что уже сдѣлано распоряженіе, говорилъ Иванъ Демьяновичъ, присаживаясь на стулъ рядомъ съ кресломъ Ивана Иларіоновича.

— Обѣщалъ губернаторъ, обѣщалъ, самыя дѣятельныя мѣры обѣщалъ. Ну, что тамъ?

Лопатинъ глубоко вздохнулъ и принялся духлыми пальцами отстегивать нижнія пуговицы своего бѣлаго жилета.

— Укладываются, слава тебѣ, Создателю!.. Ну-съ, батюшка, Иванъ Иларіоновичъ, какъ мы теперь, съ обоими этими дѣлами, пришли, такъ-сказать, къ благополучному окончанію...

— Не совсѣмъ еще, — охъ, не совсѣмъ!

— Въ акуратъ! Молодцовъ такъ теперь подловили, что имъ ни взадъ, ни впередъ! Это вѣрно-сь, то-есть вотъ какъ! (Катушкинъ растопырилъ правую пятерню, поигралъ въ воздухъ паль-

цами чуть не передъ самымъ носомъ Лопатина и сжалъ ихъ въ кулакѣ). Сегодня ночью (онъ понизилъ голосъ) облаву учинять и спаають... Общій обыскъ—и пошла писать. Теперь ужъ не вернуться, гдѣ ужъ!.. Такъ мнѣ и самъ господинъ полковникъ сказывалъ. Насчетъ-же иного прочаго, такъ вѣрите вы мнѣ, Иванъ Иларіоновичъ, не стоитъ дѣло вѣденнаго яйца, потому этого добра всегда достаточно... И ежели у человѣка капиталъ, такъ только свистнуть...

— Тяжело!

Лопатинъ покачалъ головою и потупился.

— Попривыкнете, это скоро. И ежели при подходящемъ развлеченіи...

— У лаховъ что дѣлается?

— Все въ должномъ порядкѣ и на своихъ мѣстахъ. Платежи въ конторѣ пріостановили; Станиславъ Матвѣевичъ будто поспокойнѣе стали, а *этотъ* что-то сильно мечется.

— Что такъ?

— Предчувствіе, надо полагать. Со мною вчера на большой улицѣ встрѣтился, свернулъ черезъ кирпичный заводъ въ переулокъ,—хе, хе, избѣгаетъ!

— Слушай, Иванъ Демьяновичъ, ты, братъ, не сердись... что-же, это ничего, это даже слѣдуетъ... и притомъ я только на самое малое время... Минута-другая не больше...

Иванъ Иларіоновичъ безпокойно задвигался въ креслахъ и какъ-то странно, почти просительно взглянулъ на своего собесѣдника.

— Это насчетъ чего-съ?

— Когда онѣ поѣдутъ—ты говорилъ, завтра, чуть свѣтъ,—такъ, кажется?

— Такъ-съ.

— Ну, такъ вотъ, видишь-ли, мы съ тобою тоже... Я только посмотрю на нее, пожелаю ей... Ты вѣдь понимаешь? Нельзя-же такъ сразу вырвать изъ сердца... и это...

Иванъ Иларіоновичъ пащупалъ рукою конецъ фуляроваго платка, торчавшій у него изъ кармана, и потянулъ его.

— Понимаю-съ. Что-же, какъ прикажете, мнѣ что-же!

— Ну, вотъ, вотъ, ты сейчасъ воображаешь, что я тамъ раз-

чувствуюсь и... вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ: этого, наконецъ, требуетъ пустое чувство приличія.

Иванъ Иларіоновичъ никакъ уже не предполагалъ, что въ эту минуту, на разныхъ половинахъ дома, по одному и тому-же поводу произносилась одна и та-же фраза.

— Верховъ или шарабанъ прикажете?

— А какъ ты, братъ, думаешь?

— Я полагаю, верхомъ будетъ сподручнѣе, потому въ экипажѣ намъ по одной дорогѣ придется, а тутъ мы со стороны на дорогу выѣдемъ у русской избы. Много удобнѣе будетъ...

— Такъ ужь ты...

— Слушаю-сь, будьте покойны.

И Иванъ Демьяновичъ поднялся со стула, почтительно и легонько сжавъ между двухъ ладоней протянутую ему руку.

Х.

А р е с т ь .

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда на задворки лопатинскаго дома прискакалъ казакъ уралецъ, оставилъ своего маштака такъ, безъ привязи, по срединѣ двора и прошелъ къ флигелю, занимаемому Катушкинымъ.

Не мало тревоги надѣлало появленіе этого всадника, и когда тотъ, въ сопровожденіи самого Ивана Демьяновича, вновь показался на крыльцѣ, уже все населеніе лопатинскаго дома высыпало на дворъ и столпилось у конюшенныхъ навѣсовъ.

— Иванъ Демьяновичъ, куда это вы-сь, на ночь-то глядя? освѣдомился одинъ изъ приващиковъ, услыхавъ, какъ тотъ приказалъ сѣдлать себѣ „бураго“, да попроворнѣе, потому—спѣшно.

— А куда слѣдуетъ, основательно отвѣтилъ Иванъ Демьяновичъ и, спѣшно застегиваясь на ходу, рысцею направился на хозяйскую половину.

— Куда это, землячокъ? вѣрадиво обратился къ казачку другой приващикъ.

— На охоту, отвѣтилъ тотъ и сталъ копать у подируги своею сѣдла.

— Это чего-же-сь?

— Какая такая охота?

— Шли бы спать; чего изъ норъ повыползли! сплюнулъ на сторону казакъ и замолчалъ.

А тутъ и Катухинъ вышелъ на крыльцо, сѣлъ на подведеннаго къ нему „бураго“ и оба всадника выѣхали за ворота.

Страшная темнота царствовала кругомъ, такая темнота, что всякій опытный всадникъ предпочитаетъ скорѣе довѣриться путеводному инстинкту своего коня, нежели своему собственному зрѣнью. Поговорка: „хоть глазъ выколи“—здѣсь какъ нельзя болѣе умѣстна: въ этомъ мракѣ органы зрѣнія совершенно бесполезны. Это не тотъ блесоватый мракъ нашихъ ночей, въ которомъ вы ясно различаете массы и очертанія предметовъ, когда вы ясно видите болѣе свѣтлое подотно дороги подъ ногами и можете безошибочно опредѣлить мѣсто, гдѣ находитесь. Здѣсь не то. Густой, тяжелый мракъ надвигается со всѣхъ сторонъ; онъ давитъ васъ, онъ словно отдѣляетъ васъ отъ всего остального и вы ощущаете непріятное, жуткое чувство одиночества.

Все ваше вниманіе сосредоточивается только на одномъ звѣздообразномъ кружкѣ свѣта подъ вашимъ фонаремъ. Въ чертѣ этого свѣта каждая мелочь, камешекъ, черепокъ, слѣдъ конскаго копыта, брошенный окурокъ сигары,—все получаетъ значеніе. Выѣже этого ограниченаго пространства все исчезаетъ, поглощенное мракомъ ночи. Вы не видите даже черты, отдѣляющей горизонтъ; даже самыя звѣзды, неподвижно висящія въ пространствѣ, не даютъ вокругъ себя мерцающихъ лучей, словно на черное сукно нашитыя бляхи.

Минуть черезъ двадцать всадники выбрались изъ европейской части города; это было замѣтно уже потому, что окончились прямыя, ровныя линіи шоссе и кони поминутно начали вязнуть въ грязи и спотыкаться, пробираясь по узкимъ, кривымъ переулкамъ „воканскаго“ предмѣстья.

Несмотря на довольно позднее время, по саклямъ кое-гдѣ видѣлись огни и слышались голоса. Откуда-то понесло гарью; падалю потянуло отъ мясныхъ лавокъ, притаившихся у самой полуразрушенной стѣны прежней крѣпости.

Въ одной изъ сакель, болѣе обширныхъ, въ которой, вопреки туземному обычаю, были продѣланы на улицу окна, заклеенныя промасленною бумагою, собралось довольно многочисленное обще-

ство. Судя по формѣ силуэтовъ, поминутно рисовавшихся на грязно-матовомъ фонѣ бумаги, не трудно было догадаться, что большинство посѣтителей были туземцы.

Вотъ массивная чалма загородила собою почти весь четырехугольныйе окна, вотъ мелькнули рога оригинальной киргизской войлочной шапки, вотъ суетливо движутся двѣ кругленькія, словно обточенные, верхушки столбиковъ тубетейки. Пьяный говоръ и крикъ, унылыя ноты монотонной, туземной пѣсни, дикое завываніе совершенно опьянѣвшаго, пришедшаго въ экстазъ индійца, русская характерная брань, комично произнесенная, очевидно, не русскимъ языкомъ, и жалобное, слезливое всхлипываніе какого-то, совсѣмъ почти голаго байгуша-сарта, — несутся изъ отворенныхъ настежь дверей, во всѣ дыры прорванной оконной бумаги.

Затхлый запахъ чего-то гнилого, ѣдкая, спиртуозная вонь кабака такъ и шибаетъ въ носъ. Тамъ-тамъ-тамъ, глухо гудитъ сторожевой бубенъ больше отъ скуки развлекающагося сторожа.

Большой бумажный фонарь тусклымъ пятномъ виднѣлся подъ черною аркою воротъ „Коканъ-Дервазъ“, отбрасывая на эти старыя, почернѣвшіе своды растаявша тѣни всадниковъ. Проѣхавъ ворота, казакъ тронулъ своего коня впередъ, Катушкинъ поѣхалъ за нимъ. Тотъ переулкомъ-щель, по которому пришлось ѣхать, былъ слишкомъ узокъ даже для двухъ всадниковъ рядомъ. Металлическія стремяна поминутно визжали, черта по шероховатымъ поверхностямъ стѣнъ бѣдныхъ сакель „жидовскаго квартала“.

Тихо было въ уснувшемъ кварталѣ мирныхъ красильщиковъ*). Только собаки, слышавъ топотъ коней и тихій говоръ всадниковъ, вскакивали во снѣ и выли, глядя съ крышъ на ночныхъ путешественниковъ. Кучки клеверныхъ скоповъ, привезенныхъ еще съ вечера, уборка которыхъ на крыши отложена была до утра, поминутно загораживали дорогу. Грязныя струи воды, прорвавшіяся изъ какого-то внутренняго „хяуза“ (пруда) бѣжали самою серединою переулка, плескаясь по камнямъ мостовой и пѣнаясь въ трещинахъ. Отъ этой струи распространялся въ ночномъ воздухѣ ѣдкій запахъ кубовой краски и сандала.

— Эка дорога! шепталъ Иванъ Демьяновичъ.

*) Главнѣйшій промыселъ мѣстныхъ евреевъ.

— Скоро лучше пойдетъ, ободрялъ его казакъ, — а тамъ въ сады взѣдемъ. Ихъ высокоблагородіе, чай, ужъ на поворотѣ дожидаются.

— Погоняй, братецъ, погоняй, торопилъ казака Катушкинъ. Выбрались, наконецъ, на относительный просторъ; проѣхали черезъ дворъ мечети на которомъ, подъ окружающимъ четверугольное зданіе мечети, навѣсомъ, прямо на голыхъ циновкахъ спали сѣдобородные муллы; чуть не задавили индійца „Терли“, растянувшася поперегъ улицы, и выѣхали на обрывистый берегъ Бо-су. Шумъ быстробѣгущаго аръка и глухой плескъ мельничныхъ колесъ доносился откуда-то съ низу, изъ этихъ сырыхъ, бѣловатыхъ волнъ медленно поднимающагося тумана.

Прямо виднѣлось что-то черное, приземистое, безконечно расползающееся вправо и влѣво. Тамъ кое-гдѣ мигали желтоватая и бѣлая точки фонарей и слышны были періодическіе удары сторожевыхъ бубенъ и сухой звукъ трещотокъ. То былъ большой ташкентскій базаръ. Отсюда всадники свернули направо, спустились подъ гору, и скоро прохладный, свѣжій воздухъ, смѣнившій вонючую атмосферу города, далъ знать, что близки были сады, широкимъ кольцомъ окаймляющіе всѣ городскія предместья.

Красноватая точка вдали то вспыхивала, то погасала. Весело заржалъ казачій маштакъ; изъ темноты послышалось отвѣтное ржаніе.

— Вонъ полковникъ, сигарку курить! сообщилъ казакъ.

Всадники погналы лошадей полною рысью.

— Очень благодаренъ, ваше высокоблагородіе, очень премного благодаренъ, что увѣдомили, говорилъ черезъ минуту Катушкинъ, усердно раскланиваясь по тому направленію, гдѣ мигала полковничья сигара.

— Вы просили и притомъ генералъ приказалъ. Вы ему такихъ чудесъ наговорили объ этомъ Бржизницкомъ, что онъ боится, какъ-бы не прозѣвали его и на этотъ разъ, тѣмъ болѣе, что онъ или извѣщенъ кѣмъ-то объ арестѣ, или догадывается, цѣдилъ сѣвось зубы офицеръ.

— Оборони Господь!

— Я полагаю, весь дворъ окружить, у калитокъ поставить

часовыхъ и потомъ сразу: одни во флигель, а другіе прямо въ Перловичу, говорилъ кто-то еще въ темнотѣ.

— То-есть, вѣрите, просто сквозь пальцы нѣсколько разъ прорывался... Ну, ты, чортъ!.. чуть не оборвался виѣсть съ лошадыю Иванъ Демьяновичъ въ какую-то яму у самой дороги.

— Не вывернется.

— Очень ужъ прекрасно, что мы объѣздной дорогой.

— Вы находите?

— Какже-съ: таперича мы прямо отъ садовъ, а человекъ пять со стороны большого тракта зашлемъ,—куда имъ дѣться?.. Эхъ, важно!..

Катушкинъ даже на сѣдлѣ заерзалъ отъ подступающаго нетерпѣливаго волненія. *

— Въ „Большомъ фортѣ“ тотъ разъ... началъ-было онъ.

— Те! предостерегъ одинъ изъ переднихъ.

Не вдалькѣ показались два свѣтлыхъ четырехугольника, на которыхъ можно было различить темные переплеты оконъ. Внизу слышно было, какъ тяжело сопѣли и чавкали дремавшіе верблюды; собака рычала въ сторонѣ. Вдоль какой-то стѣны медленно двигался бумажный фонарь, то скрываясь на мгновеніе за толстыми стволами тополей, то появляясь снова.

— Это мы вотъ много выше стоимъ теперь, намъ черезъ стѣну и видно, объяснялъ Катушкинъ.—Тѣ два окна, что свѣтятся, его кабинетъ и есть. Не спитъ еще значить... а правѣе, вонъ чуть трубы видны, то „прикащикья“, тутъ сейчасъ и Бржилицкаго квартира, намъ ее теперь нельзя за стѣною видѣть.

— Такъ не уйдуть! улынулся полковникъ, осторожно слѣзая съ лошади.

— Пошли Господи... шепталъ Иванъ Демьяновичъ.

Человѣка три казаковъ остались при лошадяхъ, остальные, подхвативъ свои шапки, чтобы не звякали даромъ, потихоньку, ощупью, спотыкаясь и чуть не падая, отправились оцѣплять загородную дачу Станислава Матвѣевича.

— Стойте, ребяташки, стойте, голубчики мои, тутъ вотъ калиточка должна быть, я помню! суетливо говорилъ Иванъ Демья-

новичъ, оцупывая руками вдоль стѣны и путаясь ногами въ высокомъ, сухомъ бурьянѣ, выросшемъ у самаго фундамента. Есть,— нашелъ, заперта никакъ!

И онъ легонько потрогалъ желѣзную скобу.

— Становись, Илья, къ самой стѣнѣ, я на тебя, а тамъ черезъ стѣну махну, шепталъ одинъ изъ казаковъ.

— Оборвешься!

— Да понапереться плечомъ и такъ отскочить... а ну-ка!.. ну еще!..

— Чу!..

Чи-то шаги слышались за калиткой и остановились.

— Тс! даже присѣлъ на мѣстѣ Катускинъ, и сердце у него забилося такъ сильно, такъ сильно, что вотъ-вотъ, готово было выпрыгнуть изъ-подъ жилета; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось самому Ивану Демьяновичу.

— Зашли-ли наши съ той-то стороны? сомнѣвался кто-то.

— Эвось, сколько времени!

— Кто тамъ? окликнулъ голосъ со двора.

— Ну, такъ какже? неудомѣвали казаки.

— Отворяй! рѣшительно произнесъ Катускинъ.

— Да кто такіе?

— Отворяй скорѣе... дѣло есть!..

— Какое такое дѣло по почамъ; приходите завтра.

— Навались разомъ! Ну, всѣ вмѣстѣ. У-ухъ!

— Караулъ!

— Бѣгомъ, братцы, за мною бѣгомъ! перелѣзъ Иванъ Демьяновичъ черезъ сорванную вмѣстѣ съ косяками калитку.— А, ты драться! Сюда, сюда! вотъ крылечко; за окнами смотри, чтобы не высочили. Полковникъ самъ гдѣ?

Разбуженные неожиданнымъ шумомъ, прикащики Перловича и служившіе у него туземные работники поднимались на ноги и положительно не понимали, что такое происходитъ передъ ихъ заспанными глазами.

А между тѣмъ Катускинъ, хорошо зная топографію всѣхъ дачныхъ построекъ, ломился ужъ въ двери квартиры Юлія Адамовича.

Къ его крайнему удивленію, дверь оказалась не запертою, и тотчасъ-же уступила усиліямъ отворявшаго. Въ комнатахъ было

тихо и, какъ казалось, пусто. Неприятная догадка промелькнула въ головѣ лопатинскаго повѣреннаго. Онъ нащупалъ спички въ карманѣ, черкнулъ. И вотъ изъ мрака мало-по-малу выдѣляются различныя подробности мебелировки, освѣщенныя колеблющимся синеватымъ пламенемъ. Столъ письменный съ разбросанными въ беспорядкѣ бумагами, опрокинутый стулъ посреди комнаты, углы какихъ-то шкафовъ, вотъ кровать, застланная одѣяломъ, даже несмятая, неприготовленная даже къ спанью. Ясно, что обитателя не было дома.

„Когда онъ ушелъ: сейчасъ-ли, давно-ли?.. пробѣгало въ головѣ Ивана Демьяновича. — А ну, какъ и на этотъ разъ! Да нѣтъ, не можетъ этого быть: онъ здѣсь, должно быть, у хозяина. — Вы, ребята, пошарьте здѣсь хорошенечко, вѣдь знаете его, какъ-то онъ изъ себя? А я туда... я разомъ... не можетъ быть!..

И онъ, бѣгомъ, еле переводя духъ, пустился черезъ дворъ къ балкону, у котораго все еще ярко свѣтились окна хозяйскаго кабинета.

Ярко горѣла лампа на письменномъ столѣ Станислава Матвѣевича, ярко и весело пылалъ каминъ, до-красна накаливая забитыя на угольяхъ щипцы, во весь ротъ улыбались шафранные китайцы на спущенныхъ шторахъ, мягкимъ разноцвѣтнымъ узоромъ пестрѣли ковры на полу и диванахъ; мириадами металлическыхъ искръ сверкало развѣшанное по стѣнамъ туземное оружіе и сбруя, блестяли полированные бока шкафовъ и этажерокъ. Все смотрѣло какъ-то празднично и уютно. Только самъ хозяинъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ обстановкою своего жилища.

Блѣдный, небритый, въ смятомъ парусинномъ пальто и съ всклокоченными волосами, онъ то шагаль изъ угла въ уголъ по комнатѣ, то садился къ столу и, подперѣвъ руками свою пылающую голову, неподвижно уставлялся взглядомъ на карту, разложенную на столѣ и занимавшую чуть не большую его половину. Иногда карандашъ, дрожа и прыгая въ худыхъ пальцахъ Станислава Матвѣевича, чертилъ на этой картѣ какія-то, ему одному понятныя замѣтки. По временамъ онъ судорожно стискивалъ себѣ обѣими руками голову, словно силясь унять этимъ движеніемъ

невыносимую боль, или-же, откинувшись назадъ, на спинку кресель, обдумывалъ что-то и соображалъ, шевеля поблекшими, сухими губами, выдѣлывая руками непонятные жесты.

— Бѣжать, бѣжать, пока еще не поздно! произнесъ онъ, наконецъ, довольно ясно.

Къ этому рѣшенію онъ пришелъ еще вчера; онъ инстинктивно чувствовалъ, что вокругъ его творится что-то недоброе. Такъ-же, какъ и Бржизницкій, онъ уже нѣскольکو дней метался по городу. Пріятель его, одинъ изъ чиновниковъ губернаторской канцеляріи, даже намекнулъ ему довольно ясно о серьезной опасности; сегодняшняя-же записка Бржизницкаго окончательно рѣшила дѣло.

Весь вечеръ былъ проведенъ надъ картою. Перловичъ изучалъ маршрутъ своего предполагаемаго бѣгства, соображалъ, обдумывалъ; пытливимъ глазомъ вглядывался онъ въ эти кривыя и ломанныя линіи, въ эти красныя кружочки—города и кишлаки, въ эти лабиринты горныхъ цѣпей; ему казалось, что онъ видитъ уже новыя страны, пробирается по этимъ чуть замѣтнымъ дорожкамъ. Топотъ погони слышится за плечами... голоса!.. Уйдеть-ли онъ, доберется-ли вотъ хоть до этого ущелья? А тамъ... А что-же тамъ?—пустынная, неизвѣстная мѣстность, полудикій народъ... лишенія... Хорошо еще, если онъ встрѣтится съ Бржизницкимъ, если они доберутся до англійскихъ владѣній. Ну, тогда еще, дѣйствительно, не все потеряно; а ежели... И у Перловича передъ глазами начали проходить всѣ страшныя сцены плѣна у этихъ дикарей и тяжелаго, безвыходнаго, безконечнаго рабства... И припомнилъ онъ, что давно, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ слышалъ рассказъ объ этой ужасной жизни,—непосредственно, отъ человѣка лично испытывающаго слышалъ онъ это.

— Какъ холодно... какъ холодно... дрожалъ и стискивалъ стучащіе зубы Станиславъ Матвѣевичъ и подсаживался къ самому камину, словно думая этимъ жаромъ унять нестерпимый внутренній холодъ.

То на него находили минуты совершеннаго спокойствія; даже какого-то забытья. Его клонило ко сну, въ ухахъ стоялъ тихій, монотонный звонъ; всѣ предметы колебались передъ глазами и застигались какимъ-то туманомъ; то вдругъ его охватывало положительное бѣшенство, онъ порывисто вскакивалъ на ноги и

сжавъ кулаки, дико оглядывался, словно искалъ глазами, на комъ-бы это ему все вымѣстить.

Его караванъ-сарай, его склады, начатыя громадныя обороты, отъ которыхъ предвидятся не менѣе громадныя барыши, все это устройство, положеніе,—и все это надо бросить... Изъ-за чего?—изъ-за глупой, бессмысленной ошибки подлеца Бржицицкаго!

Если-бы въ эту минуту „подлецъ Бржицицкій“ явился въ хозяйскій кабинетъ, врядъ-ли это посѣщеніе обошлось-бы ему благополучно; но онъ не могъ явиться. Онъ въ это время находился, можетъ быть, уже далеко... Онъ во-время позаботился о своей личной безопасности и счелъ даже нужнымъ скрыть отъ Перловича настоящій свой слѣдъ, сообщая ему въ известной намъ запискѣ, что, молъ, будетъ ожидать прибытія Станислава Матвѣевича въ Кашгаръ, если ему удастся также благополучно обратиться черезъ „тіаншанскіе отроги“. Въ своемъ-же благополучномъ прибытіи въ Кашгаръ Бржицицкій не сомнѣвался.

— Сто тысячъ, только сто тысячъ... возникали въ мозгу Перловича новыя представленія. Это все, что онъ могъ увести съ собою. Если-бъ звалъ раньше, если-бы онъ могъ мало-по-малу обратитъ все это въ деньги, въ такой видъ, что вотъ, молъ, взялъ все, уложилъ въ маленькій чемоданчикъ, привязалъ за сѣдломъ... И онъ остановился передъ своимъ несгораемымъ шкафомъ, отразившимъ на металлическомъ щитѣ половину его бѣлой фигуры, остановился и пристально сталъ вглядываться въ эти львинья, бронзовыя морды, закрывающія отверстія безчисленныхъ замковъ и засововъ.

— Ну вотъ, не можетъ быть... вздоръ!.. произнесъ онъ довольно спокойно, хотѣлъ еще что-то сказать, да горло не пропустило звука, конвульсивно сжавшись, задерживая ускоренное дыханіе... Только похолодѣвшіе пальцы, словно машинально, протянулись къ личинкамъ и стали ощупывать ихъ, быстро перебѣгая съ одной на другую.

Вдругъ онъ засуетился, непонятная энергія охватила всѣмъ его существомъ. Хитро воткнутый ключъ завизжалъ въ первомъ замкѣ—не поддается... къ болтамъ—они не заперты, они только наложены для вида. Сильно потянулъ Станиславъ Матвѣевичъ за скобы; тихо, безъ шуму отворилась тяжелая дверца и передъ гла-

вами Перловича, освѣщенный свѣтомъ камина, показались пустыя металлическія полки.

Его предупредили.

Какой-то глухой шумъ неся со двора; за дверь, по голымъ плитамъ пола, зашлепали босыя ноги Шарипа... Говорь... Звягнуло что-то. За окномъ шелестятъ кусты, лошадь заржала неподалеку.

— Ну, пусти, дуракъ! спокойно говорить за дверью чей-то баритонъ.

— Погоди, нельзя такъ; тюра докладывать велѣтъ. Не ходи! горячится Шарипъ, загораживая дорогу.

Слышится легкая возня.

— Я очень радъ, господинъ Перловичъ, что засталъ васъ еще на ногахъ и совершенно одѣтымъ—это сократитъ церемонію, любезно раскланиваясь, говорилъ полковникъ, входя въ распахнувшуюся дверь.

Изъ-за его плечъ виднѣлись еще двѣ офиціальныя фуражки; между ними протискивалась впередъ недоумѣвающая, заспанная физиономія старика Шарипа.

— Я также очень радъ. Благодарю, отъ души благодарю, сжималъ руку полковника Станиславъ Матвѣевичъ.

Тотъ невольно обернулся, чтобы видѣть, на кого это такъ пристально уставился Перловичъ.

— Итакъ, господа, садитесь, милости просимъ! (Перловичъ говорилъ ровнымъ, беззвучнымъ голосомъ,—говорилъ куда-то въ простраство, ни къ кому особенно не обращаясь, и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ руку полковника.) Садитесь! Мы собрались здѣсь, чтобы обсудить, главнымъ образомъ, цѣли нашего предпріятія... Ахъ, да... мѣсто для дамъ... я вообще немного стѣсняюся въ дамскомъ обществѣ... дамы—женщины, онѣ испугали нашего верблюда... Только двое... посреди Кашгара... сто тысячъ за сѣдломъ... Шарипъ! чаю и вина, и позаботься объ лошадяхъ господина губернатора.

— Вы, кажется, больны, мягко заговорилъ офицеръ,—успокойтесь немного. Мы должны сейчасъ ѣхать виѣстѣ съ вами. Берите вашу фуражку, вотъ она.

— Pardon! я, кажется, наступилъ на вашъ шлейфъ?

— Да нѣтъ, куда ему уйти? это пустяки! слышался все ближе и ближе голосъ Ивана Демьяновича;—пустяки... сегодня еще

утромъ въ городѣ видѣли. Вѣдь гдѣ-нибудь спрятался. По сараямъ поискать надо, а то по хозяйскимъ комнатамъ. Пропустите-ка, ребята, раздайся! А *самъ-то* на лицо?

И Катушкинъ, запыхавшійся, взволнованный, протискался вперёдъ, сквозь толпу, собравшуюся у дверей кабинета Станислава Матвѣевича.

Перловичъ выпустилъ руку полковника и, заложивъ руки въ карманы своихъ панталонъ, сталъ медленно прохаживаться по комнатамъ, осторожно переступая черезъ болѣе яркія пятна ковроваго узора. Его окаменѣвшее съ первой минуты лицо стало какъ-то странно улыбаться. Что-то идиотическое, животное начало проявляться въ этихъ искаженныхъ чертахъ.

Мозгъ его не выдержалъ и на этотъ разъ измѣнилъ своему хозяину.

Рѣшено было не употреблять силы и дать знать въ городъ о всемъ случившемся. Къ кабинету Перловича приставили часовыхъ; изъ комнаты вынесли все, что могло-бы служить оружіемъ. Казаки ходили на цыпочкахъ, говорили шопотомъ; имъ жутко было прислушиваться къ нелѣпой, безсвязной болтовнѣ несчастнаго.

— Вы думаете, притворяется? спрашивалъ полковникъ Катушкина, выйдя съ нимъ въ сосѣдную комнату.

— А кто его знаетъ, „ваше высокоблагородіе“, будто какъ и взаправду, а то пожалуй, что... Да вотъ доктора утромъ подѣлать, тѣ порѣзать. А то скверно, что самаго настоящаго-то волка изъ рукъ выпустили.

И Катушкинъ подалъ „его высокоблагородію“ найденную имъ на столѣ Перловича записку Бржизницкаго.

По прочтеніи этого клочка бумаги продолжать дальнѣйшіе поиски и ворочать вверхъ дномъ все на дачахъ Перловича было совершенно бесполезно.

ХІ.

«Коляска Ивана Иларіоновича теперь свободна».

Какъ ни хлопотала Фридерика Казиміровна, чтобы выбраться пораньше изъ города, пока эти мерзавцы не начали таскать-

ся по улицамъ, но, когда изъ воротъ лопатынскаго дома выѣхалъ знакомый намъ дормезъ, солнце поднялось уже надъ проснувшимся Ташкентомъ и на его базарныхъ площадяхъ и улицахъ съ каждою минутою все разгаралось и разгаралось обыденное движеніе.

Глухо гремяли по шоссе колеса громаднаго экипажа, навьюченнаго и нагруженнаго сундуками, баулами и чемоданами. Зеленатя шторы дормеза были спущены, и только съ одной стороны, съ той, гдѣ находилась Фридерика Казиміровна, по временамъ сквозила небольшая щелка и виднѣлись толстые, пухлые пальцы, унизанные кольцами и перстнями.

Появленіе на улицахъ этого экипажа, единственнаго во всемъ Ташкентѣ по своимъ размѣрамъ, выкрикиваніе ямщиковъ, особенно передоваго киргизенка, просто бѣснующагося на своемъ сѣдлѣ, не могло не возбудить любопытства всѣхъ, кто только ни встрѣчался на улицахъ. Прохожіе и проѣзжіе останавливались, переглядывались, дѣлая различныя замѣчанія и догадки. А тутъ еще, на одномъ изъ поворотовъ, дорога оказалась загороженною арбами съ клеверомъ; пришлось остановиться на нѣсколько минутъ...

— Какъ ты тамъ ни говори, Адочка, какъ ни разсуждай, а мнѣ все-таки жаль его, съ чувствомъ говорила маменька.—Какъ-то грустно и тяжело становится на душѣ, какъ подумаешь... Ну, чего смотреть, чего глазѣютъ, болванн? ишь, пальцами показывають! Вотъ ужъ не понимаю этого провинціального любопытства.

А красавица дочь ничего не отвѣчала на замѣчанія своей мамы. Она была немного утомлена бессонною ночью, проведенною въ сборахъ и укладкахъ, и, откинувшись въ уголь кареты, дремала подъ эту глухую, ровную стукотню колесъ и дробный перестук копытъ почтоваго шестерика.

Едва они выбрались изъ города, какъ имъ навстрѣчу, изъ-за триумфальной арки, въ облакахъ пыли, пронеслась открытая коляска,—спереди казаки, съ боковъ вѣзачи, сзади казаки. Въ этой колясцѣ сидѣлъ Станиславъ Матвѣевичъ и съ нимъ рядомъ знакомый намъ штабъ-офицеръ. На передней скамеечкѣ, придерживаясь за скобы козелъ, торчала тщедушная фигурка какого-то жиждообразнаго брюнета съ докторскими погонами на плечахъ.

Перловичъ, тупымъ, безжизненнымъ взглядомъ уставился въ

лицо своего vis-a-vis и ошупью пересчитывалъ пуговицы на докторскомъ кителѣ; полковникъ раскинулся въ коляскѣ „à la Napoléon“ и, вытянувъ безцеремонно ноги, съ сознаниемъ необыкновенной важности своего поста, поглядывалъ то искоса на арестованнаго, то вопросительно на доктора, то внушительно на трясущихся и подпрыгивающихъ казаковъ сборной сотни.

— Сто тысячъ одна, сто тысячъ другая, сто тысячъ третья, бормоталъ Станиславъ Матвѣевичъ, — сто тысячъ четвертая, сто тысячъ пятая...

— Однако, чортъ возьми! И чаю хочется, и закусить хочется, и спать до смерти хочется. Всю ночь напролетъ провозились! мечталъ полковникъ о предстоящемъ отдыхѣ, по исполненіи возложеннаго на него порученія.

— Кто-же мнѣ теперь за визитъ заплатитъ: изъ слѣдственной-ли комиссіи или это уже Лопатина дѣло? Терпѣть не могу вотъ эдакихъ неопредѣленностей! недоумѣвалъ докторъ, все крѣпче и крѣпче придерживаясь за скобы, такъ ужъ его подавало и подкидывало на его неудобномъ сидѣньѣ.

Наши путешественницы не видѣли этого поѣзда. Едва только слышанъ былъ вдали стукъ колесъ, Фридерика Казиміровна поспѣшила опустить шторку. Она все еще боялась „враждебной демонстраціи“.

— Мнѣ, наконецъ, душно, мама! Долго ты еще будешь закупориваться? словно проснулась Адель.

— Теперь, я думаю, можно: кажется, что мы уже довольно далеко отъѣхали, сообразила Фридерика Казиміровна.

Раскупорились.

Ярко-зеленныя стѣны садовъ потянулись по обѣимъ сторонамъ экипажа. Безконечно высокіе тополи и развѣсистые карагачи покрывали сплошною тѣнью всю дорогу, еще не успѣвшую просохнуть отъ ночной росы; изъ-за гребней глиняныхъ стѣнъ выглядывали туземныя дѣтскія головки, смуглыя, въ красныхъ шапочкахъ, сверкающія глазенками и ярко бѣлыми зубами. Арбы и верблюды, попадающіеся на встрѣчу, сворачивали и жались къ сторонамъ; стан розовыхъ скворцовъ съ шумомъ перелетали съ одной группы деревьевъ на другую. Дормезъ началъ потихоньку спускаться къ „Бо-су“, подтормозивъ колеса, и на томъ берегу,

въ массахъ темной зелени, показался знакомый уже намъ, изукрашенный мелкою рѣзбою фасадъ „русской избы“.

Два всадника, довольно тучныхъ по очертаніямъ своихъ фигуръ, распустивъ поводья, какъ-то сутуловато сидя на своихъ сѣдлахъ, виднѣлись на поворотѣ или, правильнѣе, надъ поворотомъ, потому что они находились на довольно высокомъ обрывѣ, у подошвы котораго пролегла самая дорога. Лошадь подъ однимъ изъ всадниковъ, развѣсивъ уши, мотала головою и отфыркивалась отъ какаго-то, слишкомъ ужъ назойливаго овода; подъ другимъ — спокойно обкусывала-себѣ молодые, желтоватые побѣги ближайшаго куста, и забиралась все дальше и дальше въ чащу, такъ что всадникъ принужденъ былъ потянуть, наконецъ, за поводъ, и этимъ хотя сколько-нибудь унять расхажившіе порывы, утренняго аппетита своей лошади.

— Дочка! смотри, смотри скорѣе! заволновалась Фридерика Казиміровна.

— Что такое? чего ты это такъ?

— Лопатинъ! смотри, вонъ стоитъ! и съ нимъ этотъ... Что, что, что я тебѣ говорила? Видишь теперь, какъ этотъ человекъ умѣетъ чувствовать. Развѣ остановиться на минуту?

— Это его дѣло, а не наше.

— Ну отчего-же? Эй, послушай! стой! стой, придержи лошадей! кривнула ямщику madame Брозе, торопясь спустить стекло передняго окна.

Дормезъ остановился: Лопатинъ и Катускинъ начали спускаться съ обрыва.

— О, какъ вы добры, Иванъ Иларіоновичъ, какъ вы великодушны! запѣла Фридерика Казиміровна.

Иванъ Иларіоновичъ раскрылъ-было ротъ, хотѣлъ-было сказать что-то—и вдругъ учащенно заморгалъ глазами и поспѣшилъ вытереть себѣ носъ перчаткою.

— Что-жь! такъ, значить, Господу Богу угодно, поспѣшилъ ему на помощь Иванъ Демьяновичъ.—И все это къ общему благополучію. Мы, значить, сами по себѣ, вы тоже ни въ чемъ въ обидѣ не состоите. Всякаго вамъ счастья и благополучія во всѣхъ начинаніяхъ; главное—пошли Господи здоровья!—Трогай, братецъ! закончилъ онъ свою рѣчь, кивнувъ ямщику.

— Стой! стой! стой! послышалось внутри дормеза, но этотъ

голосъ былъ покрытъ грохотомъ экипажа, въ карьеръ подхваченнаго шестерикомъ на крутой подъемъ противоположной стороны оврага.

Когда экипажъ былъ на самомъ уже верху, то на мгновеніе еще разъ показались обѣ верховныя фигуры.

Иванъ Иларіоновичъ подсмаркивалъ носомъ, — ужь очень щекотали тамъ обѣжавшія по его оплывшему лицу слезинки и махалъ своею фуражкой. Фридерика Казиміровна поспѣшила поднести платокъ къ глазамъ, Адель откинулась назадъ, въ самый уголь дормеза, и начала отѣскивать въ своемъ карманѣ коробочку съ мятными лепешками. Она вдругъ почувствовала припадокъ тошноты. Вѣроятно, опять какія-нибудь воспоминанія произвели это непріятное дѣйствіе.

И въ тотъ-же день, послѣ обѣда, Иванъ Иларіоновичъ получилъ маленькую треугольную записочку, отъ которой за нѣсколько шаговъ пахло ванилью и розами.

„Что такое?“ подумалъ онъ, понюхалъ, присмотрѣлся къ почерку и распечаталъ, не мало повозившись-таки съ хитросложеннымъ конвертомъ.

„Добрѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Иларіоновичъ!

„Мнѣ очень пріятно было-бы покататься сегодня въ вашей прелестной коляскѣ, я немножко прихворнула и докторъ запретилъ мнѣ на нѣкоторое время прогулку верхомъ.

„Ваша коляска, кажется, *теперь свободна* и я вполне увѣрена, что вы не затруднитесь исполнить эту маленькую просьбу.

Все та-же М. Л.“

— Видишь, братецъ? протянулъ Лопатинъ эту записочку Ивану Демьяновичу.

— Вижу-съ! улыбнулся Иванъ Демьяновичъ.

— Понимаешь, къ чему дѣло идетъ?

— Какъ не понять!

— Послать, что-ли?

— Чего-съ?

— Коляску-то?

— Что-же, поразвлекитесь немножко, оно очень вамъ полезно будетъ въ теперешнемъ вашемъ душевномъ состояніи.

— Ну-да, да, я и самъ такъ думаю.

— Ежели ужъ нельзя обойтись, то, во всякомъ случаѣ, *эта статья*, по нашему коммерческому дѣлу, много подходящее будетъ.

И Лопатинъ сдѣлалъ распоряженіе приготовить къ вечеру его щегольскую коляску.

ХП.

Каракольскіе рудники.

Не клеилось дѣло Бурченко послѣ описанныхъ нами событій. Только малороссійская настойчивость и упрямство удерживали его на мѣстѣ работъ. Не разъ уже ему приходила въ голову идея либо бросить дѣло, либо начать хлопотать объ официальной поддержкѣ; съ нескрываемой грустью поглядывалъ на всѣ эти груды взломаннаго камня, на эти холмы вырытой земли, на эти сіяющія отверстія шахтъ, изъ которыхъ бѣлѣли крестообразные брусья скрѣплъ и подпоровъ.

„А что, развѣ и въ самомъ дѣлѣ? думалъ онъ — и тутъ-же самъ разбивалъ въ дребезги возникшее въ его головѣ предположеніе.— Эхъ, да что толку! Ну, пришлютъ казеннаго инженера, пришлютъ роту пѣхоты, казаковъ полсотни. Укрѣпленіе, пожалуй, еще возведутъ какое ни на есть! Этихъ-то, настоящихъ работниковъ спугнуть съ насиженныхъ мѣстъ тогда изъ кишлаковъ горныхъ уже никто ни ногой, развѣ въ базарный день, разъ въ недѣлю.

Ледоколовъ изъ кожи лѣзъ, лишь-бы усердіемъ и своимъ знаніемъ хотя какъ-нибудь поддержать испорченное имъ дѣло. Онъ положительно надрывался надъ работами и рысканьемъ для вербовки вольныхъ рабочихъ.

А этихъ-то вольныхъ рабочихъ съ каждымъ днемъ становилось все менѣе и менѣе. Они уходили часто такъ, сами по себѣ, не предупредивъ „русскихъ уста“ (мастеровъ), не сказавъ даже слова, и уносили съ собою свои инструменты, а подчасъ даже и хозяйскіе.

Прошла еще недѣля, и остались только тѣ, кто положительно не зналъ, гдѣ-бы ему чего-нибудь поѣсть,—остались единственно только потому, что каждый день, въ большомъ котлѣ, вдѣланномъ въ камни у самаго обрыва „Караколь“, варилось нѣсколько фунтовъ рису и торчала какая-нибудь верблюжья или лошадиная кость,—все, чѣмъ только могъ кормить ихъ Бурченко, кошелекъ котораго тощаль въ наводящей уныніе прогрессіи.

Въ чести „русскихъ уста“ надо отнести то обстоятельство, что они не позволяли себѣ лично имѣть другой столъ, кромѣ общаго котла; жидкій кирпичный чай по утрамъ—это вся роскошь, которую они допускали въ отношеніи своихъ желудковъ.

— Скверно! вздыхалъ Бурченко.

— Ну, еще, можетъ быть, справимся. Придетъ неожиданный переломъ, дѣло обернется къ лучшему, бравировалъ, впрочемъ, весьма унылымъ тономъ, Ледоколовъ.—Случается, что вотъ, думаешь, совсѣмъ плохо, а...

— Что-же, съ небесъ, что-ли, свалится? Повѣрьте, если и свалится что-нибудь сверху, такъ развѣ вонъ тотъ кряжъ. Его что-то ужъ очень подмываетъ за послѣднее время. Я вотъ ходилъ смотрѣть послѣ той бури: сомнительно, шибко сомнительно!

— Обвалъ насъ, во всякомъ случаѣ, не задѣнетъ! и тутъ попытался сунуться съ утѣшеніемъ Ледоколовъ.

— Вчера еще четверо ушли, сегодня въ ночь двое... Осталось...

— Девять человѣкъ осталось,—цѣлыхъ девять человѣкъ. Это чего-нибудь да стоитъ!

— Ничего-таки не стоитъ.

И не могъ не согласиться Ледоколовъ, что оставшіеся девять человѣкъ лѣнливыхъ бродягъ, работающихъ только изъ-за того, чтобы ихъ подпустили къ котлу, дѣйствительно ничего не стоятъ при дѣлѣ, гдѣ еще полторы недѣли тому назадъ двѣсти кипшеней и лопатъ поднимали стукотню на всю каракольскую лощину.

Сегодня рано утромъ подошелъ къ Бурченко одинъ изъ работниковъ, послѣдній ташъ-огырецъ, и, опустивъ кипшень на землю, сказалъ:

— Ты, братъ, уходи лучше!

— Что такъ? приподнялся на локоть Бурченко.

— Видѣлъ, ночью трое нашихъ съ той стороны приходили?

— Ну?

— Такъ вотъ они сказали намъ такое слово, что вамъ уходить надо—тебѣ и тому бородатому. Куда это онъ поѣхалъ?

— Неподалеку; что-же они тебѣ сказали такого?

— Не мнѣ одному, всѣ слышали. Ты говоришь, неподалеку,— куда-же именно, въ какую сторону?

И работникъ поглядѣлъ внизъ по Караколу, гдѣ между двумя темносиними скалами виднѣлась бѣлая зубчатая полоса далекихъ ледниковъ.

— Какъ-бы онъ не попался! Ежели теперь онъ тамъ... гм! началъ онъ соображать вслухъ и чесать своими черными, заскорузлыми пальцами широкій, потный затылокъ.

— Да ты говори толкомъ, что обвиняками закидываешь, поднялся совсѣмъ на ноги Бурченко, заинтересованный соображеніями ташъ-огырца.

— Назарь-барантачъ идетъ съ своими шайками; человекъ сто будетъ, вотъ что! Можетъ, сегодня къ ночи нашими мѣстами проходить будетъ, а можетъ, еще... Гляди, вонъ ѣдетъ!

Даже поблѣднѣлъ малороссъ отъ такой неожиданности и при словѣ „ѣдетъ“ схватился за оружіе.

— Не Назарь, погоди еще! усмѣхнулся работникъ;—твой ташыръ ѣдетъ; вонъ онъ съ горы, за красными камнями, спускается.

И дѣйствительно, вдали, по тропѣ, вьющейся между темнокрасными горами желѣзистой почвы, бѣлѣлъ широкій плацъ Ледоколова, во всю прѣть коня спускающагося къ ручью.

Въ безопасную минуту, когда никто не гонится сзади, когда не слышно за спиною топота вражескаго коня, никто-бы не рискнулъ такъ галошировать по этой опасной дорогѣ.

Бурченко невольно почувалъ близость тревоги. Даже Каримъ взялся за сѣдло и покосился въ ту сторону, гдѣ стоялъ на приколѣ сѣрый конь—подарокъ муллы Аллалара.

— Бѣда, бѣда! еще издали кричалъ Ледоколовъ.—Назаркины люди Ташъ-Огырь прошли; я самъ четырехъ „кызыль-чапанъ“ (красный кафтанъ) видѣлъ,—чуть-было не попался!

Взмылился конь Ледоколова и переднія ноги дрожали отъ скачки по горнымъ дорогамъ.

— А что они намъ сдѣлають: взять у насъ нечего! пожалъ плечами Бурченко.

— Если-бы всѣ рабочіе, что прежде работали, на лицо состояли, мы-бы не побоялись назаркиной сволочи, а теперь...

— А теперь мы-то уйдемъ, а васъ заберутъ всѣхъ троихъ и погонять туда, откуда уже не вывернетесь! оскалилъ зубы ташь-огырецъ, сплюнулъ табачную жвачку и пошелъ-себѣ, не простившись, по той самой тропинкѣ, на которой еще видѣлись кованые слѣды ледоколовской лошади.

Не прошло и четверти часа, какъ еще гонецъ присекалъ на каракольскіе рудники. Это былъ посланный отъ муллы Аллаяра изъ Ташь-Огыра. Очень лаконическую вѣсть принесъ онъ — только два слова было въ этой вѣсти.

„Уходите скорѣе“, — вотъ все, что прислалъ имъ сказать Аллаяръ, и въ доказательство того, что это именно идетъ отъ ташь-огырскаго старшины, гонецъ вынулъ изъ кожаннаго гамана маленькую сердцеобразную печать, которую и оттиснулъ сейчасъ-же на холодномъ кусочкѣ бараньяго сала.

Печать оказалась знакомою, какъ Бурченкѣ, такъ и его товарищу, и сомнѣваться не предстояло никакой возможности.

— Сѣдай, Каримъ, лошадей! вздохнулъ, глубоко вздохнулъ малороссъ и отвернулся лицомъ на сѣверъ, чтобы не видѣть того, что ему такъ трудно, такъ тяжело было оставить.

— Мясо-то не забирай съ собою: намъ оставь! окружили его оставшіеся рабочіе, оборванные, полуголые, съ худощавыми, скуластыми лицами какаго-то буроватаго, землистаго цвѣта.

— А куда инѣ его? — берите, жрите на здоровье! — И Бурченко указалъ на распяленную на шестахъ красную тушу вчера только зарѣзаннаго верблюда.

Дня три тому назадъ, въ десяти верстахъ отъ рудниковъ, проходилъ караванъ изъ Андижака. Одинъ изъ верблюдовъ оступился, рухнулъ внизъ, сажень на пять высоты, и переломалъ себѣ ноги. Издыхающее животное куплено было малороссомъ за безцѣноеъ и его мясо было послѣднимъ подаркомъ отъ „русскихъ уста“ несчастнымъ, проголодавшимся горцамъ-бездомникамъ.

Скоро собрался печальный караванъ изъ трехъ всадниковъ и „Дѣло“, № 11.

одного вьючнаго верблюда и потянулся къ сѣверу, уходя отъ „кызыль-чапановъ“ страшнаго „Назара-Кула“.

И въ этотъ-же день, только-что солнце спустилось къ горажь и понизу начали темнѣть глубокія лощины, на Караколь нагрѣнули „кызыль-чапаны“.

Съ любопытствомъ дикбарей бродили джитты-барантачи по рудникамъ, осматривали все, руками трогали для большей наглядности и никакъ не рѣшались спуститься внизъ по лѣстницамъ въ эти черныя, зіяющіе провалы, отсюда, казалось имъ, вотъ-вотъ, въ массахъ краснаго огня, вылетитъ разная, напущенная гяурами, чертовщина. Наивныхъ разбойниковъ особенно интересовалъ и смущалъ забытый въ попыхахъ Ледоколовымъ испорченный барометръ-анероидъ.

— Не тронь! остерегалъ одинъ кызыль-чапанъ другого.—Какъ хватить во всѣ стороны—будешь тогда знать! Брось его на землю!

— Шайтаплькъ (чертовщина), одно слово; рукъ не погань, брось!

А на другомъ концѣ, на выѣздѣ, собралась густая толпа около двухъ смѣльчаковъ-работниковъ, рискнувшихъ остаться на мѣстѣ и выжидать прибытія шайки.

— Такъ, что ты говоришь, чего *они* здѣсь искали, подъ землю-то? спрашивала стальная кольчуга, придерживая одного изъ работниковъ за воротъ—для вѣрности, должно-быть.

— Какже это вы, собаки поганья, уйти имъ дали, а?.. горячилась рогатая войлочная шапка, тряся за воротъ другого.

— А-пойди тронь ихъ, какже! оправдывался работникъ.—Мы было-сунулись къ нимъ, а они только плюнули въ нашу сторону—мы и попадали на землю. Ну, кто-то ноги такъ и подкосилъ... Непусти мнѣ Аллахъ никогда больше ѣсть баранины.

— Развѣ пойдешь противъ самого шайтана? А они его родныя дѣти! собирался въ свое оправданье врать другой.

И барантачи убѣдились, что, дѣйствительно, противъ самого шайтана ничего не подѣлаешь. Одно только удивляло ихъ: отчего эти шайтановы дѣти отъ нихъ удрали, коли имъ стоитъ плюнуть, чтобы подкосились вражескія ноги?

Впрочемъ, этотъ непонятный страхъ тѣшилъ самолюбіе барантачей, и они не тревожили больше оставшихся на мѣстѣ работ-

никовъ, изъявившихъ желаніе на другой день идти вмѣстѣ со всею шайкою.

А черезъ недѣлю послѣ этого событія тревожные слухи, съ быстротою электрической искры, разнеслись по всему Ташкенту и его окрестностямъ; говорили, что въ Манкентѣ ночью сдѣлано нападеніе на почтовую станцію, будто-бы зарѣзанъ тамъ проѣзжавшій какой-то казачій офицеръ, уведены въ плѣнъ двое русскихъ, служившихъ при этой станціи. На Черчинѣ, во время переправы, чуть-было не попался въ руки барантчамаъ даже самъ уѣздный начальникъ. Въ другомъ вишлагѣ порѣзали русскихъ сборщиковъ податей; разбойники прошли даже дальше и появились на большомъ почтовомъ трактѣ у станціи Аръсъ. Слухи эти мало-по-малу оказывались справедливыми.

Высланы были немедленно небольшіе конные отряды для противодѣйствія разбойникамъ. Въ городѣ засуетились.

Новый слухъ пробѣжалъ по Ташкенту и возбудилъ еще болѣе толковъ и говору: мадамъ Броне и ея красавица дочь не избѣгли рукъ назаркиныхъ кызыль-чапановъ... Передавались даже всѣ мельчайшія подробности этого ужаснаго событія. Словно кто-нибудь былъ на мѣстѣ происшествія и видѣлъ своими глазами разыгравшуюся драму.

Какъ громовымъ ударомъ пораженъ былъ Иванъ Иларіоновичъ этою вѣстью; онъ сразу даже не понялъ, не сообразилъ, въ чемъ дѣло, и нѣсколько минутъ сидѣлъ, словно ошалѣлый, поводя во всѣ стороны безсмысленными глазами. И вотъ на этихъ глазахъ заблестало что-то, налилось въ крупныя капли, потекло по щекамъ...

— Что-же убиваться изволите, Иванъ Иларіоновичъ: развѣ это отъ васъ? Воля Божья, значить! сунулся-было съ утѣшеніемъ Катушкинъ.

— Загубилъ я ее, загубилъ! зарыдалъ Лопатинъ и припалъ лицомъ на шитую шелками диванную подушку.

И—странная случайность!—отъ этой подушки, отъ вышитаго на ней букета китайскихъ розъ и фантастическихъ лилій пахнуло на него запахомъ резеды—преимущественными духами хорошеькой архитектурши.

XIII.

«Эта она!»

— Вонъ тамъ, внизу, давно-ли ѣхали, часа два не больше, тепло такъ было, славно, а здѣсь... бррр!

И Бурченко передернулъ плечами подъ своимъ плащемъ изъ верблюжьяго сукна и затискалъ плотнѣе полы между сѣдломъ и колѣнами, чтобы не такъ продувалъ снизу сыроватый, пронизывающій горный вѣтеръ.

— Это только пока за тотъ уступъ переберемся, а тамъ опять будетъ затишье... Однако, чортъ возьми, дѣйствительно прохватываетъ.

И Ледоколовъ тоже началъ поправлять свой плащъ и башлыкъ, пріостановивъ лошадь и повернувъ ее спиною къ вѣтру, такъ что пушистый хвостъ его коня путался между заднихъ ногъ и хлесталъ по брюху.

— Закурили?

— Не могу сладить: все тухнуть... Фу ты, проклятый вѣтеръ!

— Пойдите, у меня, кажется, удачнѣе дѣло идетъ. А, готово! Хотите?

— Благодарю. Ну, однако, надо погонять... Что у васъ, хромаетъ никакъ?

— Кажется, засѣкся немного. Ну, не бойсь; чего ушами прядешь!

И пріятели подбавили ходу, чтобы хотя къ ночи успѣть пройти за переваль, гдѣ они ожидали найти относительное затишье.

Какъ ни крѣпился Бурченко, какъ ни представлялъ себѣ, что дѣло ихъ не выгорѣло, что его надо бросить, что самое лучшее — и не возвращаться болѣе „на погорѣлое мѣсто“, какъ шутивно самъ-же онъ называлъ преждевременно скончавшіяся „каракольскіе рудники“, — однако, не выдержалъ и, тронувъ Ледоколова за плечо, произнесъ:

— А что, не съѣздить-ли намъ?

— Вуда?

— Гм, вуда! провѣдать, посмотрѣть, что тамъ и какъ; можетъ, завалили ихъ эти кызылы-то, а можетъ быть, и все въ порядкѣ.

— А попадемся!

— Мы осторожно: ночью, что-ли... два всадника всегда могут такъ пробраться, что никому и въ глаза не бросятся. Вотъ разъ мнѣ случилось тоже вотъ такъ, вдвоемъ: поѣхали мы — а да еще одинъ топографъ такой неважный...

И Бурченко для приѣбра привелъ одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ своего шатанья по горамъ и долинамъ.

— Да что-же, поѣдемъ.

— Знаете, можетъ быть, въ Ташъ-Огиръ проѣхать можно. Поговорю опять съ пріятелемъ Аллааромъ, — кто знаетъ, народъ вѣдь такъ думаетъ: сегодня одно, а завтра — другое. Больше, откуда вѣтеръ дуетъ... Да вы не улыбайтесь: случаются такія неожиданныя вещи.

А Ледоколовъ еще шире улыбнулся и готовъ былъ, что-называется, фыркнуть, потому что вспомнилъ, какъ дня три тому назадъ совершенно въ томъ-же духѣ утѣшалъ своего пріятеля, увѣряя его, что всегда можетъ случиться что-нибудь такое непредвидѣнное, и прочая, и прочая.

Велѣли Каримкѣ осѣдлатъ своихъ лошадей, забрали у маркизанта провизіи дня на четыре, не больше, сѣли и поѣхали, никому въ увѣрленіи не сообщивъ о цѣли своей поѣздки.

Прислалъ уѣздный начальникъ казака спросить, куда это господа частные инженеры собираются ѣхать? Онъ видѣлъ изъ окна своей квартиры, какъ Бурченко приторачивалъ къ сѣдлу походные чемоданчики.

— Такъ, прогуляться! удовлетворилъ любопытство начальника Ледоколовъ.

— Неподалеку, пояснилъ отъ себя Бурченко, садясь на лошадь. — Въ горы!

И вотъ теперь-то Ледоколовъ съ Бурченко ѣхали посмотреть на свое пепелище и попытаться еще разъ оживить совсѣмъ уже умершее на видъ дѣло.

Добрыхъ шесть часовъ ѣзды осталось имъ до каракольскаго ущелья. А уже дѣло становилось къ вечеру. Сырой, жидкій туманъ полосой сползлъ съ горъ и мелкимъ дождемъ нансось неся на встрѣчу путешественникамъ. Унылый гулъ вѣтра слышался въ далекихъ ущельяхъ. Все небо затянуло свиньи, тяжелыми тучами. Горные орлы-ягнятники забились въ свои расщели-

ны, гдѣ чернѣлись ихъ косматыя гнѣзда, усѣянные кругомъ бѣлѣющими костями козлятъ и горныхъ куропадокъ. Даже аркары и тѣ не видѣлись больше на вершинахъ торчащихъ особнякомъ скалъ, а спрятались съ своими самками и агнятами въ болѣе безопасныя убѣжища. Все предвѣщало сердитую непогоду, собирающуюся разыгратъ во всемъ своемъ грозномъ величїи.

— Раньше, какъ на Караколѣ, негдѣ укрыться! рѣшилъ Бурченко.— Во всякомъ случаѣ, почевать уже будемъ на мѣстѣ.

— Довѣдемъ-ли мы, какъ стемнѣетъ? сомнѣвался Ледоколовъ.

— Хотя за полночь да доведемъ: дорога знакомая.

И восемь кованныхъ конскихъ ногъ дружно работали по каменной дорогѣ подъ глухой, монотонный аккомпаниментъ усиливающегося ливня.

Два яркихъ костра пылали на самомъ берегу Каракола и далеко разбѣгались во все стороны лучеобразныя, колеблющіяся полосы краснаго свѣта. Десятка два лошадей, засѣдланыхъ, навьюченныхъ по дорожному, стояли на приволахъ, по-одаль одна отъ другой. У огня толпились темныя фигуры, заслоняя ихъ своими силуэтами, слышался громкій говоръ, выкрикиванїя мулы, нараспѣвъ гнусившаго какіе-то стихи изъ корана, злобно взвизгивалъ статный жеребецъ, покрытый полосатою попоной, нарывающій какъ-бы половчѣй лягнуть въ бокъ своего сосѣда.

Это остановилась на ночлегъ шайка „кызыл-чапановъ“, возвращавшаяся съ своего удачнаго набѣга.

Удачнымъ ихъ набѣгъ можно считать уже потому, что, во-первыхъ, число барантачей уменьшилось только на четыре человѣка, между тѣмъ какъ частенько случалось, что изъ шайки въ срокъ человѣкъ возвращалось только четыре, богъ-вѣсть какими судьбами уцѣлѣвшіе, „батыря“. Во-вторыхъ, еще потому, что, кромѣ ихъ верховыхъ коней, на длинныхъ чумбурахъ стояло еще съ десятокъ благопрїобрѣтенныхъ лошадей и штукъ шесть верблюдовъ, навьюченныхъ почти-что по самыя уши. Что было въ этихъ вьюкахъ накрытыхъ отъ непогоды и пыли широкими узорными войлоками, Аллахъ вѣдаетъ. Вѣрнѣе спросить: чего только тамъ не было. А главное, что составляло вѣнецъ всей добычи,

это были вонъ тѣ темныя, закутанныя съ головою фигуры, неподвижно, словно не живые люди, а какіе-то камни, полулежащія на разостланномъ у огня коврѣ—гилямѣ.

Давно уже, еще съ вечера, шайка пришла на Караколь и теперь только выжидала разсвѣта, чтобы тропуться снова въ до-рогу.

Лошади уже выкормилились и отдохнули, торбы съ ячменемъ давно уже сняты были съ ихъ сухихъ, породистыхъ мордъ. Джигиты тоже все уже изъ общаго котелка вылокали и только одинъ красный халатъ, очищая посуду, чтобы привязать ее снова къ сѣдлу, усердно собиралъ пальцемъ съ краевъ закопченнаго котла побѣлѣвшіе остатки застывшаго сала. Кунганчики чайные тоже были убраны. Даже выспаться успѣли барантаци, а если и растягивала кое-кому рты конвульсивная зѣвота, такъ это было скорѣе вліяніе сырости и холода ночи, чѣмъ навязчивый позывъ къ сладкой, неотразимой дремотѣ.

Совершенно спокойно расположились барантаци въ каракольской лощинѣ; они и не подозрѣвали, что за ними, изъ боковой разсѣлины, зорко наблюдаютъ четыре посторонніе, враждебные глаза.

Ничкомъ, совершенно растянувшись на мокрой землѣ, притаившись за вывороченными каменными глыбами, лежали Бурченко съ Ледоколовымъ и выжидали, скоро-ли уберутся „эти бродяги“ и уступятъ имъ свое мѣсто. Уже съ добрый часъ какъ подползли они сюда. Толстые плащи не пропускали мокрыхъ и каменистая почва успѣла уже нагрѣться нѣсколько подъ ихъ тѣлами.

Лошадей они оставили версты на полторы сзади, тоже въ удобномъ мѣстѣ; Бурченко не рискнулъ держать ихъ ближе: онъ совершенно справедливо опасался, что онѣ своимъ ржаніемъ и фырканьемъ выдадутъ непріятелю ихъ присутствіе.

— Что-же, долго это мы созерцать ихъ будемъ? шепталъ Ледоколовъ.

— Погодите, они скоро уйдутъ. Вонъ, уже собираются. Ви-

дите, приколы вытягиваютъ. Эка награбили, эка награбили сколько!

— Смотрите, смотрите, плѣнные есть! волновался Ледоколовъ.— Вонъ совсѣмъ почти голый, вонъ связанный на брюхѣ лежитъ. Вонъ еще, кажется.

— Женщины.

— Да, да. Несчастныя, экъ ихъ закутали! Это ихъ такъ, за сѣдлами, и поволокутъ?

— А то какъ-же!

Кое-кто изъ джигитовъ оправили уже своихъ лошадей и начали садиться. У одной вьючной лошади, только-что успѣли тронуться съ мѣста, лопнула веревка, охватывающая весь вьюкъ снаружи. Лошадь подпрыгнула; одѣяла, стеганныя, полосатыя, тканья, различная одежда, какая-то мѣдная утварь— посыпались на землю. Послышались крики, сумятица; наконецъ, сладились.

— Что съ вами, что съ вами? озадачился Бурченко, взглянувъ на фигуру своего сосѣда.— Да что-же такое, говорите! Осторожиѣе, сумасшедшій!

И онъ съ силою схватилъ Ледоколова за шею и попытался пригнуть къ землѣ, чтобы спрятать эту полупомѣшанную, блѣдную, дрожащую отъ волненія фигуру, до половины поднявшуюся надъ камнями-барикадами.

Одну изъ плѣнныхъ женщинъ въ эту минуту сажали на сѣдло. Два дюжихъ джигита подняли ея на рукахъ, усадили верхомъ на крупъ лошади, а третій джигитъ, уже сидѣвшій на этомъ-же конѣ, размоталъ чалму и приготовился припоясать несчастную къ своему поясу.

Не сопротивлялась несчастная усиліямъ разбойниковъ, хотя ея нѣжныя, бѣлыя руки были совершенно свободны. Она только, и то какимъ-то машинальнымъ движеніемъ, поправила волосы, выбившіеся изъ-подъ платка и закрывавшіе ея лицо. Она открыла это лицо,—на одно только мгновеніе открыла его. Не то слеза, не то свѣтъ костра свергнулъ въ этихъ большихъ, темныхъ глазахъ, окруженныхъ густою синевою.

— Это она... это она!! неистово вскрикнулъ Ледоколовъ, рванулся, вскочилъ на ноги и ринулся впередъ, ничего передъ собою не вида, потерявъ всякое сознание.

— Несчастный! схватился за голову Бурченко.

Не сразу понял онъ, что такое произошло передъ его глазами, тамъ, внизу, между двухъ разметанныхъ, полупотухшихъ козловъ разбойничьяго бивуака.

Вслѣдъ за этимъ отчаяннымъ, потрясающимъ душу воплемъ слышались тревожные, гортанные крики барантачей. Двѣ или три лошади шарахнулись съ перепугу, вырвались, смяли державшихъ и, задрвавъ хвосты, трепля свои вьюки, поскакали по ущелью. Нѣсколько выстрѣловъ коротко стукнули, замолкли на мгновеніе и гулко зарокотали по горамъ, подхваченные эхомъ. Съ визгомъ зацелкали по камнямъ неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно куда пущенныя пули.

Да и сами барантачи не съ разу поняли, въ чемъ дѣло; особенно одинъ, приземистый, кривоногий „китабець“, съ комичнымъ недоразумѣніемъ на своемъ широкоскуломъ, изуродованномъ оспою лицѣ, посматривалъ то на свою саблю (клинчъ), то на лежавшее передъ нимъ навзничь, конвульсивно вздрагивающее въ послѣдней агоніи тѣло.

— И когда это я ее изъ ноженъ выволокъ? косился джигить на кривой, серпообразный клинокъ, по глубокимъ, прорѣзнымъ доламъ котораго струились и сбѣгали буроватая, липкія капли.—Экъ я его свиснулъ, го-го-го! а зачѣмъ?

— Да, зачѣмъ?

— Да вѣдь не я одинъ, кажется! Ловко пришлось... сссзинъ-сигейнъ!

И джигить, нагнувшись къ тѣлу Ледоколова, ощупывалъ пальцемъ кровавые рубцы его расколотаго черепа.

— Словно живымъ не могли взять! пожалъ плечами другой;— чего обрадовались! Насъ много, онъ одинъ—связать арканомъ, да и все тутъ...

— Самъ ножомъ пырнулъ.

— Гдѣ? У меня и ножа-то въ рукавахъ не было.

— А вонъ изъ-подъ ребра торчитъ!

— И откуда это онъ выскочилъ?

— А чортъ его знаетъ, откуда!

— Изъ ямъ, вонъ тѣхъ, что русскіе колдуны нарыли. Вонъ оттуда и выскочилъ. Я самъ видѣлъ! горячился бараній малахай

и суетливо указывалъ на темныя отверстія шахтъ, виднѣвшіяся съвозъ предразсвѣтную дымку.

— Нѣтъ, не изъ ямъ, а вонъ откуда! тряхнулъ головою джигитъ въ кольчугѣ.

— Я тамъ еще что-то видѣлъ, да одному пойдти посмотрѣть болзно.

И джигитъ покосился въ ту сторону, гдѣ теперь уже совершенно ясно были видны камни, служившіе прикрытіемъ нашимъ инженерамъ.

Началось совѣщаніе.

Осторожно, съ трехъ сторонъ зашли барантчи, осмотрѣли все мѣсто, даже камни съ мѣста своротили, переглянулись и торопливо пошли прочь, въ лошадымъ, стороною обходя оеровавленное тѣло.

А Бурченко въ это время успѣлъ уже, сначала ползкомъ на брюхѣ, а потомъ бѣгомъ, согнувшись въ полъ-фигуры, уйти изъ опаснаго пункта и, едва переводя духъ отъ усталости и волненія, невольно дрожавшими пальцами распутывалъ какъ нарочно затянувшіяся въ узелъ поводья.

Н. Карзинъ.

(Окончаніе.)

ШАЛЬГО.

(Изъ А. Петёфи.)

На рубежѣ Гемёра съ Неоградомъ *)
Уходитъ вдаль лѣсистой Матры вѣтвь
И, словно левъ измученный, угрюмо
Глядитъ впередъ изъ подъ косматой гривы.
Здѣсь на верху утесистой горы
Въ туманный день, собираются на отдыхъ
Чреватыхъ тучъ бродячія толпы
И, какъ кузнецъ суровый, злая буря
Работаетъ при грохотѣ громовъ,
Изъ пламени готова сотни стрѣль—
Орудіе разгнѣваннаго Бога...
Здѣсь былъ Шальго—надмѣнный великанъ,
Тянувшійся рукою дерзновенной
За звѣздами къ лазурнымъ небесамъ;
Здѣсь былъ Шальго—стоялъ онъ близко къ небу,
Но въ немъ самою царилъ кромѣшный адъ
И подѣ пятой гнетущею столѣтій
Онъ, наконецъ, рассыпался во прахъ.
Отъ прошлаго остались двѣ руины,
Влачатъ онѣ безрадостную жизнь,
Какъ жизнь того, кто послѣ дней разгула,
Измученный, отшельникомъ живетъ...
Я поднялся на горные уступы,

*) Неоградъ и Гемёръ—два сосѣднія графства

Я проходилъ по камнямъ тѣхъ руинъ, —
 Былъ ясный день, какъ птица послѣ клѣтки,
 Ширялъ мой взоръ въ пространствѣ безграничномъ,
 Привѣтствуя сияющую даль,
 Рядъ мирныхъ селъ, зеленя поляны,
 Стада овецъ и ясныя ручьи,
 Сверкавшіе при солнцѣ яркимъ блескомъ...
 Но грудь мою совѣмъ иныя сцены
 Тревожили и мысль моя неслась
 Къ прошедшему: вставали предо мною
 Одѣтыя въ загадочный туманъ,
 Кровавыя, угрюмыя видѣнья,
 Гласившія про среднія вѣка.

* * *

Блеснулъ зарей четырнадцатый вѣкъ,
 Но для моей отчины наставала
 Глухая ночь... Въ тѣ дни на вѣкъ угасъ
 Послѣдній лучъ ея родного солнца —
 Арпадовъ *) родъ угасъ съ Андреемъ третьимъ.
 Дѣлился край на партіи и бури
 Шумѣли въ немъ и мутной становилась
 Рѣка отъ бурь — въ водѣ-же мутной людямъ
 Легко удить довѣрчивую рыбку.
 Забыли всѣ въ странѣ главы лишенной
 Священную къ отечеству любовь
 И, алчностью грѣховной зараженный,
 Стремился сынъ ограбить мать-отчизну,
 Лежавшую безпомощно предъ нимъ.
 Рядъ замковъ сталъ вертепами разбоя,
 Гдѣ наглый смѣхъ гремѣлъ въ отвѣтъ слезамъ
 И ропоту разграбленнаго края,

*) *Арпадъ* — первый изъ повелителей венгровъ на европейской почвѣ. Онъ былъ избранъ въ 893 году въ лагерѣ при Мункачѣ, гдѣ его подняли на щитъ и онъ поклялся въ вѣрности тогдашней венгерской конституціи, обѣщаясь „быть первымъ между равными“ и, давая слово за своихъ потомковъ, что „они не будутъ принимать никакихъ рѣшеній и не станутъ ничего дѣлать безъ согласія народа“. Родъ Арпадовъ угасъ въ 1301 году, когда умеръ Андрей III.

Такъ осени губительной набѣги
 Смѣняетъ свистъ нахальный зимнихъ вьюгъ.
 Владѣтелемъ Шальго былъ Петръ Комполти,
 Дрожаль весь край, слышавъ это имя,
 И зналъ народъ, что страшный мечъ Петра
 Сокровища добыть сумѣетъ всюду
 И, повстрѣчавъ хоть тѣнь сопротивленья,
 Бровавый слѣдъ оставить за собой,
 За нимъ во слѣдъ въ грабительскихъ набѣгахъ
 Повсюду шли Давидъ и Іовъ—дѣти,
 Достойныя разбойника-отца.
 Уже они разграбили нещадно
 Ближайшій пунетъ—Шомошъ *). Во слѣдъ за нимъ
 Предъ ихъ мечемъ не устоялъ Фюлекъ. **)
 Теперь-же имъ пришлось на совѣщаньи
 Рѣшить, куда направить свой набѣгъ.
 Лежать они въ угрюмой залѣ замка,
 Раскинувъ въ ней свои медвѣжьи шкуры,
 Боторыя служили имъ плащами,
 Когда рога сзывали ихъ въ походъ,—
 Лежать они, виномъ подогрѣвая
 И безъ того влокочущую кровь,—
 Она кипитъ и льется въ жилахъ ихъ,
 Какъ веривъ и вкось блудящая комета
 Проносится въ пространствахъ мировыхъ.
 „Товарищи, поднимемте бокалы!
 Да здравствуетъ на долго Симонъ Гедѣ!
 Воскликнулъ Петръ Комполти.—Если Богъ
 Поможетъ намъ, то завтра-жъ ночью гости
 Появятся у Симона—и такъ
 Да здравствуетъ пріятель нашъ на долго!“
 „Да здравствуетъ на долго!“ повторили
 Слова отца и глотки сыновей
 И, словно громъ, пронесся тостъ заздравный
 По комнатамъ и въ гудкихъ сводахъ замка

*) Шомошъ—Somos—разрушенный замокъ въ Неоградскомъ графствѣ.

**) Фюлекъ—Fulek—разрушенная крѣпость въ Неоградскомъ графствѣ.

Послышалось рычанье,—такъ порой
 Встревоженный во время сна внезапно
 Рычитъ бульдогъ, покуда не устанеть.

* *
 *

Могилы тишь царила въ замкѣ Гедѣ;
 Лежала ночь надъ нимъ, какъ крыша гроба
 Надъ мертвецомъ. Но въ этотъ часъ полночный
 Въ нѣмыхъ стѣнахъ не все забылось сномъ;—
 Двѣ лучшія изъ звѣздъ небесныхъ ярко
 Горѣли въ нихъ: привязанность къ отчизнѣ
 И женская чистѣйшая любовь.
 Дремало все,—но честный Симонъ Гедѣ
 Не знаетъ сна: заботы патріота
 Отъ глазъ его отпугиваютъ сонъ.
 А между тѣмъ, пока онъ занятъ думой
 Объ участи измученной страны,
 Его жена—прекрасная Перенна—
 Склонивъ чело, стоитъ въ сосѣдней залѣ
 И шлетъ въ слезахъ молитвы къ небесамъ,
 Чтобы они спасли страну мадяровъ,
 Безъ счастья которой никогда
 Не можетъ быть счастливымъ Симонъ Гедѣ.
 Но чу! вблизи пронесся звукъ оружія,
 Бѣ супругу въ залъ бросается Перенна
 И въ ужасѣ становится въ дверяхъ:
 Въ другихъ дверяхъ стоялъ вооруженный
 Съ насмѣшливой улыбкой Петръ Кюмпolti.
 „Привѣтъ тебѣ, почтенный Симонъ Гедѣ!
 Промолвилъ онъ.—Пришли къ тебѣ мы въ гости
 И ждемъ себѣ радушнаго приѣма.
 Надѣюсь, ты безъ просьбъ отдашь намъ все,
 Что слѣдуетъ: отдашь свои богатства.
 Ты удивленъ, что мы пришли неожиданно,
 Негаданно, что не замѣтилъ насъ
 Никто изъ слугъ,—а дѣло было просто:
 Подкупленъ мной твой вѣрный управитель,
 Онъ мнѣ открылъ ворота въ замокъ твой

И съ сотнею—ты слышешь: съ сотней!—слугъ
 Явился я, взявъ въ плѣнъ твою прислугу.
 Она спала отлично сладкимъ сномъ,
 Покуда ей мы связывали руки...
 Итакъ, давай свой скарбъ, почтенный Гедѣ,
 Иль, можетъ быть, ты на слово не вѣришь,
 Такъ посмотри!“ Разбойникъ отперъ двери
 И показалъ на сыновей своихъ,
 Съ ватагою стоявшихъ въ ожиданьи.
 „Что-жь грабъ скорѣй, разбойникъ, что найдешь!
 Отвѣтствовалъ хозяинъ.—Ты, Перенна,
 Иди къ себѣ и будь вполне спокойна.
 Я самъ тебя, безцѣнный кладъ, съумѣю
 Передъ врагомъ нахальнымъ защитить.
 Другое все меня заботитъ мало
 И пусть грабежъ насытитъ эту сволочь!“
 Съ поспѣшностью грабитель вышелъ къ шайкѣ
 И алчный сбродъ пустился на добычу.
 Не шли за нимъ одни Давидъ и Іовъ,
 Въ безмолвіи смотрѣвшіе впередъ.
 Казалось, ихъ смущалъ вопросъ: чей образъ
 Явился имъ, какъ сонъ? Какая фея
 Сошла съ небесъ на землю, въ этотъ замокъ?
 Когда они очнулись, наконецъ,
 И, какъ туманъ, прошло ихъ изумленье,—
 Они пошли поспѣшными шагами
 Къ той комнатѣ, куда ушла Перенна.
 Тамъ у дверей съ оружіемъ въ рукахъ
 Былъ вѣрный стражъ, какъ гнѣвный ангель-мстителъ,
 Поставленный у входа въ свѣтлый рай.
 „Прочь! крикнулъ онъ.—Впередъ ни шагу больше!
 У чистаго порога этой двери
 Отчаянье сослужить службу смерти!“
 Но ни слова, похожія на громъ,
 Ни грозный блескъ сверкающаго взгляда,
 Какъ молнія предшествовавшій слову,
 Двухъ наглецовъ отважныхъ не смутили.
 „Ты заградилъ мнѣ входъ? воскликнулъ Іовъ.

Ты на пути моемъ стоишь, несчастный!
 Такъ знай, что я пробью себѣ дорогу,
 Хотя-бы мнѣ грозило сто мечей
 И тысячу смертей готовилъ каждый.“
 И въ тотъ-же мигъ враги, скрестивъ мечи,
 Вступили въ бой, подобно двумъ утесамъ,
 Столеувшимся среди землетрясенья.
 А между тѣмъ Давидъ нашель лазейку
 Въ ту комнату, гдѣ въ ужасѣ Перенна
 Почти безъ чувствъ была отъ этой сцены.
 Раздался крикъ, пронесся тихій стонъ:
 Перенна крикъ, похищенной въ объятяхъ,
 И Гедѣ стонъ, пронзеннаго мечемъ.

* * *

Межъ замками Шальго и Гедѣваромъ
 Построенъ былъ Гайначкѣ на скалѣ.
 Кругомъ него и въ немъ все было тихо.
 Царилъ въ немъ сонъ и только стражъ на башнѣ
 Спалъ не вполнѣ, а только въ половину.
 Песочными часами возвѣщался
 Полночный часъ, когда среди затишья
 Послышался какой-то смутный шумъ,
 Все дѣлаясь и громче и слышнѣе.
 Сталь часовой креститься и изъ башни
 Испуганно въ долину бросилъ взглядъ:
 Спокойствія земли смущать не станеть
 Въ полночный часъ никто другой, конечно,
 Какъ призраки иль вѣдмы. Смотрить сторожъ,
 А тамъ, внизу весь замокъ луннымъ свѣтомъ,
 Какъ золотой фатою, окруженъ
 И этотъ свѣтъ съ серебряннымъ туманомъ
 Сливается, какъ двѣ души влюбленныхъ.
 Дорогою отъ Гедѣвара всадникъ
 Летитъ стрѣлой въ Шальго при лунномъ блескѣ
 И женщину въ одеждѣ бѣлоснѣжной
 Съ распущенной черняющей косой
 Уносить онъ. За ними по пятамъ

Летить другой наѣздникъ на конѣ...
 Какъ молнія, мелькнула эта сцена
 И, пробудясь на слѣдующій день,
 Стражъ принялъ все, что видѣлъ онъ, за грезы.

* * *

Когда въ Шальго Давидъ Комполти прибылъ
 Съ прекрасною добычею своею, —
 Она была безжизненна, какъ трупъ.
 Въ его рукахъ безъ чувствъ она лежала,
 Въ ея груди повѣдка и испугъ
 Сознаніе и кровь оледенили.
 Заботливо разбойникъ молодой
 Донесъ ее къ софѣ и грѣлъ ей руки,
 Какъ мальчуганъ отогрѣваетъ птичку,
 Которую увралъ онъ изъ гнѣзда.
 Онъ всталъ предъ ней, отдавшись созерцанью,
 Онъ говорилъ восторженно: „Зачѣмъ
 Не столько глазъ дано мнѣ, сколько небо
 Имѣть звѣздъ, чтобъ могъ я ими всѣми
 Вполнѣ тобой налюбоваться! Кто ты?
 Мнѣ кажется, что мнѣ давно знакома
 Въ твоёмъ лицѣ малѣйшая черта.
 Иль я встрѣчалъ тебя въ былые годы?
 Да, вспомнилъ я, встрѣчался я съ тобой
 Давно, давно. Когда мнѣ сладко было
 Бродить во тьмѣ дубравы полудикой,
 Когда дитя, невинное дитя
 Я замиралъ въ тоскѣ передъ изюбрежъ,
 Пораненнымъ предательской стрѣлой
 И плававшимъ въ крови передъ врагами, —
 Тогда, тогда тебя я видѣлъ часто,
 Забывшись сномъ въ долинѣ безмятежной,
 На берегу цвѣтущемъ ручейка, —
 Да, въ тѣхъ вѣстахъ являлась ты съ улыбкой
 Мнѣ въ вѣстахъ снахъ, возлюбленная фея.
 Ты шла ко мнѣ, склонялась надо мной,
 Какъ радуга надъ бѣдною землею,
 „Дѣло“, № 11.

И я ловилъ твой шопоть благодатный;
 Я простиралъ къ тебѣ свои объятя,
 Я вскакивалъ... Но ты уже мелькала
 Межъ зеленью темнѣющей лѣсовъ
 Бѣлѣющимъ туманомъ въ отдаленя,
 И за тобой, какъ вѣтерокъ вечерній
 За бабочкой, я гнался вдаль, на свалы...
 Я съ ихъ вершинъ смотрѣлъ вокругъ и сердце
 Сжимала грусть: была ты такъ далеко!
 Ты въ образѣ звѣзды вечерней съ неба
 Свой кроткій свѣтъ низпосылала мнѣ...
 Прошли они, младенческіе годы.
 Прошли на вѣкъ и унесли съ собой
 Рядъ чудныхъ грезъ и юношею пылкимъ
 Съ теченьемъ лѣтъ сталъ скромный мальчуганъ...
 Я говорю, но ты меня не слышишь,
 Ты предо мной, лишенная движеня,
 Какъ статуя, упавшая лежишь.
 Жива-ли ты иль смерть тебя скосила?
 Не умирай! Пусть лучше всѣ цвѣты
 Роскошныя увянутъ безвозвратно
 И никогда весна къ нимъ не придетъ!
 А, наконецъ, глаза открыла ты,
 Какой въ нихъ блескъ божественный свергаетъ!
 Мнѣ кажется, что я попалъ туда,
 Гдѣ создаетъ Творецъ для міра солнца...
 Да, да, я тамъ и предо мной восходятъ
 На небеса два яркія свѣтила,
 Готовы испепелить весь міръ!
 „Довольно, братъ, теперь чередъ за мной!“
 Давида рѣчь прервалъ внезапно Іовъ,
 Добравшійся до замка въ этотъ мигъ.
 „Довольно, братъ, теперь чередъ за мною!
 Раздѣлимъ мы по-ратски этотъ кладъ.“

*
* *
*

Пришла въ себя Перенна и, въ испугѣ
 Смотри вокругъ, воскликнула безсвязно:

„Мой мужь!.. Гдѣ онъ?.. Кто эти два мужины?..

А этотъ залъ—онъ не похожъ на нашъ...

Гдѣ-жь я теперь и гдѣ мой мужь остался?..

Какъ могъ меня одну оставить онъ?“

„Красавица, твой мужь теперь далеко,

Отвѣтствовалъ ей Іовъ.—Тщетно будешь

Ты ждать его. Скорѣе ты поблекнешь,

Чѣмъ онъ къ тебѣ вернется изъ похода.

Забудь о немъ и намъ скорѣй отдайся,

Чтобъ мы могли вкусить хоть часть блаженства,

Которымъ онъ былъ небожь надѣленъ.“

„Прочь отъ меня! пронесся крикъ Перенны.—

Назадъ, наглець, и болѣе ни слова,

Чтобъ не пришлось платить за каждый звукъ,

За каждый шагъ, когда мой мужь вернется!“

„Когда твой мужь вернется, молвилъ Іовъ,

Да я-жь сказалъ, что онъ ушелъ далеко,

Ушелъ туда, откуда шаръ земной

Покажется ему простой песчинкой.

Скажу яснѣй, чтобъ ждать ты перестала:

Вотъ видишь мечъ, облитый свѣжей кровью, —

Ту кровь твой мужь, убитый мною, пролилъ.

Красавица, теперь свободна ты,

Съ твоей души свалилась рабства цѣпь —

Цѣпь вѣрности супружеской. Скорѣе-жь,

Свободная, воспользуйся свободой.

Не двѣ руки отнынѣ, а четыре

Ждутъ отъ тебя твоихъ завѣтныхъ ласкъ.“

Вся блѣдная, холодная, внимала

Она рѣчамъ въ нѣмомъ оцепѣненнѣ,—

Такъ въ мертвенномъ затишьи зимней ночи

Стоитъ въ снѣгу полусохшій кустъ.

Въ безмолвіи на мечъ она смотрѣла,

Покрывшійся родною свѣжей кровью,

А между тѣмъ ей сердце надрывала

Тяжелая и страшная борьба;

Ея душа томила и рыдала

И билася тревожно, какъ волна

Въ живомъ ручьѣ подь ледяной корою.
 Но, наконецъ, отчаянье наружу
 Вдругъ вырвалось. Какъ изъ груди вулкана
 Огонь и дымъ стремятся на просторъ,
 Такъ вырвались у ней слова проклатій
 Разбойникамъ, убійцамъ гнуснымъ мужа.
 Но Іовъ имъ внималъ съ довольнымъ видомъ,
 Какъ будто-бы душистые цвѣты
 Ему рука любимая бросала,
 Чтобъ онъ впивалъ ихъ сладкій аромать.
 Когда она умолкла, онъ промолвилъ:
 „Клянусь, что ты прекрасна и въ проклатьяхъ!
 Когда-бы ты вѣнчалась ежедневно,
 Я и тогда готовъ-бы быть убійцей
 Твоихъ мужей. Кляни, не умолкая!
 Я слушаю, хотя-бъ проклатья эти
 Исполнились на завтра-жь надо мной.“
 Тогда она упала предъ Давидомъ
 И обняла съ мольбой его колѣни:
 „О юноша, не такъ, какъ этотъ демонъ,
 Ты выглядишь. Изъ чувства состраданья
 Спаси меня и защити предъ нимъ!
 Я сдѣлаюсь твоей рабыней вѣрной,
 Дай только мнѣ укрыться отъ убійцы,
 Будь мнѣ щитомъ предъ этимъ сатаной!“
 „Не плачь, не плачь, подруга дѣтскихъ сновъ,
 Волшебное дитя небесъ далекихъ.
 Вскричалъ Давидъ, Перенну поднимая.—
 Передъ тобой щитомъ стоять я буду
 И кто тебя осмѣлится коснуться,
 Тому разбить придется этотъ щитъ.
 Итакъ, мой братъ, запомни это слово!“
 „Постой-ка, братъ, отвѣтилъ Іовъ съ жаромъ
 И взоръ его блеснулъ надмѣннымъ гнѣвомъ,—
 Постой-ка, братъ, ты говоришь не дѣло:
 Мы общею считаемъ всю добычу,
 Такъ и „она“ принадлежитъ обоимъ!
 А если ты противишься, такъ знай,

Что этотъ мечъ, писавшій отпускную
 Въ далекій путь для Гедѣ, — не притушленъ
 И, какъ всегда, тверда моя рука!
 Лицомъ въ лицу стояли оба брата,
 Лицомъ въ лицу въ молчаньи гробовомъ:
 За нихъ мечи теперь заговорили.
 Вдругъ въ комнату отецъ вошелъ и крикнулъ:
 „Стой!“ — и бойцы оружье опустили.
 „Будь ты, отецъ, судьбою между нами?
 Вотъ женщина, промолвилъ мрачно Ювъ,
 Задумалъ братъ себѣ ее присвоить.
 Я говорю, что онъ не правъ: добыча
 Принадлежать должна обоимъ. Такъ-ли?“
 „Мальчишка вы! сказалъ отецъ съ презрѣньемъ.
 Изъ-за такихъ ненужныхъ мелочей
 Готовы вы въ пылу убить другъ друга.
 И смѣете просить, чтобъ я рѣшилъ?
 Вашъ глупый споръ, — просить меня! Прекрасно
 Вотъ я его рѣшу въ одну минуту.
 Никто изъ васъ владѣть не будетъ ею,
 Ни ты, ни онъ... Красотку молодую
 Возьму я самъ, возьму одинъ я въ жены!“
 Мечи изъ рукъ у сыновей упали,
 Вскипѣла кровь въ ихъ жилахъ; зашипѣла
 Въ сердцахъ ихъ злость, — такъ подъ ударомъ молній
 Шипитъ вода, — и начался ихъ ропотъ.
 Тогда отецъ молниеноснымъ взглядомъ
 Измѣрилъ ихъ и крикнулъ грознымъ тономъ:
 „Кто смѣетъ тутъ роптать и хмурить брови
 Когда сказалъ самъ Петръ Комполти: смирно!“

* * *

Въ чемъ завалилъ Господь людское сердце,
 Что можетъ жить оно среди тѣхъ мукъ,
 Какими рокъ испытывалъ Перенну?
 Подъ стражею въ пѣвнхъ стѣнахъ Шальго
 Шли дни ея въ суровомъ заточеньи

И эти дни тянулись, какъ вѣка,
 Подъ бременемъ тяжелаго страданья.
 Тяжелъ былъ крестъ души осиротѣлой!
 Порою скорбь сжимала эту грудь,
 Порой она отъ страха леденѣла...
 А дни все шли и думала она,
 Какъ вырваться изъ этихъ стѣнъ на волю,
 Какъ отомстить убійцамъ наглымъ мужа,
 Но тщетными попытки эти были.
 И вотъ еще настало испытанье,
 Настойчиво сказалъ ей Петръ Комполти:
 „Самъ сатана живетъ въ тебѣ, должно быть,
 Приколдовать меня успѣла ты.
 Ты съ каждымъ днемъ мнѣ кажешься милѣе.
 И все равно—неволей или волей—
 Моей женой ты сдѣлаться должна.“
 „Согласна я!“ отвѣтила Перенна
 И былъ отвѣтъ рѣшителенъ и страшень,
 Базалось, въ немъ суровый ангелъ смерти
 Свой приговоръ изрекъ ея устами:
 „Послѣднй часъ насталь тебѣ, Комполти!“
 Былъ вечеромъ Давидъ Перенной призвавъ
 И отъ нее онъ услыхаль вопросъ:
 „Скажи, меня любилъ ты въ самоъ дѣлѣ?
 Иль тотъ порывъ былъ вспышкой мимолетной,
 На мигъ однимъ блеснувшимъ огонькомъ?
 И если ты любилъ меня сначала,
 То любишь-ли по-прежнему теперь?“
 „Да, я люблю! Давидъ воскликнулъ страстно,
 Люблю тебя, какъ любить ключъ долину,
 Люблю тебя, какъ звѣзды любятъ небо...
 А ты? Скажи, ты любишь-ли взаимно?
 И чѣмъ любовь я заслужить могу?“
 „Чѣмъ? Средство есть, звучалъ Перенны шопотъ,
 Твой братъ убилъ мнѣ мужа. Твой отецъ
 Желаетъ быть вторымъ моимъ супругомъ,
 Но я къ нему питаю отвращенье,

Такое-же, какъ и къ убійцѣ мужа...
 Ты преданъ мнѣ? Вѣди-же на свободу
 Меня отъ нихъ... Когда отца и брата
 Ты умертвишь—я сдѣлаюсь твоей!“

* * *

Любовь, любовь, загадочное чувство!
 Ты, какъ потогъ, уносишь на волнахъ
 Теперь цвѣты, а завтра соръ негодный
 И это все ты черпаешь со дна
 Людскихъ сердець! Ты океанъ безбрежный,
 Твоихъ границъ еще не знали люди
 И въ глубь твою никто не проникалъ.
 Страшнѣе всѣхъ гигантовъ передъ міромъ
 Ты въ сказочномъ величїи стоишь:
 Спокойна ты—и въ зеркалѣ твоёмъ
 Красуются всѣ звѣзды небосвода,
 Бушуешь ты—и всѣ пороки ада
 Въ твоихъ волнахъ ведутъ кровавый бой.
 Исполнена ты силы всемогущей,
 Ты ангела творишь изъ человѣка,
 Ты демона изъ ангела творишь
 И подъ твоей рукою даже демонъ
 Становится порою человѣкомъ!

* * *

Сіяла ночь прозрачно-голубая,
 Привѣтливо съ безоблачныхъ небесъ
 Рой яркихъ звѣздъ и мѣсяцъ озаряли
 Уснувшій міръ... А на землѣ въ то время
 Преступное убійство совершалось...
 Давидъ змѣей прокрался въ залъ отца,
 Украдкою откинулъ пологъ ложа,—
 Его рука дрожала, точно онъ
 Хотѣлъ утесъ тяжелый сдвинуть съ мѣста.
 „Онъ здѣсь лежитъ, онъ спитъ, убійца думалъ,
 Плававшій взглядъ вперивъ на старика.—

И какъ теперь спокойно выраженье
 Зловѣщаго и адскаго лица!
 Иль только ты, запуганная совѣсть,
 Его такимъ спокойнымъ представляешь?
 Прочь отъ меня, незванный гость, скорѣе!
 Не слышу я твоихъ рѣчей! Напрасно
 Передо мной простерть твой перстъ съ угрозой!
 Не стану я тебѣ повиноваться!“
 И соннаго за горло онъ схватилъ,
 И задушилъ въ груди его дыханье...
 Ни звука... дрожь всѣхъ членовъ... вотъ и все...
 Завѣса вновь задернута, убійца
 Пошелъ къ дверямъ, но отъ порога къ ложу
 Вернулся онъ, чтобы взглянуть на трупъ:
 Не живъ-ли онъ? не встанетъ-ли внезапно?
 Въ безмолвіи стоялъ онъ у постели,
 Но полого не смѣлъ поднять онъ снова,
 Не смѣлъ взглянуть на дѣло рукъ своихъ...
 Пустился онъ изъ зала безъ оглядки
 Въ ту комнату, гдѣ спалъ въ то время братъ.
 Услышавъ шумъ, вскочилъ съ постели Іовъ
 И посмотрѣлъ бессмысленно на брата,
 Когда-же онъ успѣлъ вполнѣ очнуться—
 Его груди уже коснулся мечъ.
 Захваченный съ поспѣшностью Давидомъ.
 Ударъ былъ слабъ. Шатаясь, старшій братъ
 Пошелъ впередъ, чтобъ захватить скорѣй
 Своей рукой предательскую руку...
 Но въ тотъ-же мигъ отъ новаго удара
 Свалился онъ, облитый теплой кровью...
 Отбросивъ мечъ, Давидъ бѣжалъ поспѣшно,
 Какъ будто-бы неслись за нимъ во слѣдъ
 Сто тысячъ вѣдьмъ, чертей и провидѣній,
 Тѣхъ страшныхъ лицъ, которыхъ создаетъ
 Фантазія въ болѣзненныхъ припадкахъ.
 Онъ убѣгалъ и самъ не зналъ, куда.
 Забился онъ въ какой-то уголъ темный.

Закрывъ глаза, чтобъ не видать тѣней,
 А между тѣмъ съ закрытыми глазами
 Онъ видѣлъ ихъ, какъ прежде, предъ собой.
 Вставалъ предъ нимъ отцовскій блѣдный образъ,
 Носился братъ, забрызганный въ крови;
 Онъ гналъ ихъ прочь дрожащею рукою,
 Но призраки все ближе, ближе были
 И, наконецъ, въ него вонзили ногти,
 Сдавили грудь... Онъ силился вдохнуть
 И съ стонами болѣзненно метался.
 Очнувшись вновь, онъ увидалъ, что утро
 Свои лучи бросало сквозъ окно,
 Что онъ лежалъ всю ночь передъ постелью,
 Передъ отцомъ задавленнымъ своимъ.
 „Вставай отецъ! Вставай скорѣе, слышишь?
 Кричалъ Давидъ, толкая блѣдный трупъ.—
 День занялся. Скорѣе на добычу.
 Поѣдемъ въ путь, разграбимъ замокъ Гедѣ!
 Возьмите всѣ ~~сопровождающа~~
 Отдайте мнѣ одну хозяйку замка!
 Что-жь ты лежишь? Понѣвился довольно!
 Вставай! Но ты не слышишь, не встаешь?
 Ну, погоди, проснешься въ судный день.
 Да только ты не вздумай передъ Богомъ
 Сказать, что я навѣялъ этотъ сонъ,
 Не то тебя я задавлю мгновенно.“
 Пошелъ онъ прочь въ сосѣдніе покои.
 „Кто здѣсь лежитъ? промолвилъ онъ, ногою
 Толкая трупъ.—Какъ это ты? Братъ Іовъ?
 Чортъ побери, зачѣмъ лежишь ты тутъ?
 Ты могъ-бы спать на лучшемъ ложѣ ночью!
 Твоимъ костямъ приличнѣ лежать
 Не на доскахъ, а на постели мягкой,
 Да ну, вставай, пошевели лицо!
 Кровь у тебя застыла въ жилахъ, что-ли?
 Проклятіе! Сегодня здѣсь не хочетъ
 Никто вставать. Тѣмъ лучше! Будетъ случай

Мнѣ убѣжать съ возлюбленной моей!
 И въ комнату къ Переннѣ онъ вошелъ.
 „Ты ихъ убилъ?“ послышался вопросъ.
 „Убилъ?.. Кого? вскричалъ Давидъ.—Неправда,
 Я никого не убивалъ... Неправда!
 Спокойнымъ сномъ они уснули оба.
 Одинъ изъ нихъ такъ блѣденъ, а другой
 Весь красный. Ангелъ мой, скорѣе
 Сбирайся въ путь. Ихъ сонъ теперь такъ крѣпокъ.
 Теперь съ тобой мы можемъ убѣжать.
 Иди, никто не выйдетъ къ намъ на встрѣчу.
 Мы поспѣшимъ на башню и оттуда
 Умчимся мы стрѣлой на небеса!“
 „Сшелъ съ ума!“ подумала Перенна
 И въ ужасѣ отпрянула назадъ.
 Но онъ ее схватилъ въ свои объятія
 И выбѣжалъ, неистово крича:
 „Молчи, молчи, прошу во имя Бога!
 Тогда нельзя намъ будетъ убѣжать,
 Поймаютъ насъ... А, вотъ они идутъ!“
 И все быстрѣй, быстрѣй бѣжалъ онъ съ нею
 По крѣпости. „Теперь лети скорѣй!
 Раздался крикъ безумнаго. На небо
 Мы прилетимъ съ тобой въ одно мгновенье!“
 И, сжавъ въ своихъ объятіяхъ Перенну,
 Онъ бросился,—окрасились утесы
 И кровью ихъ и утренней зарею.

* * *

Остаться могъ Давидъ безъ погребенья,
 Онъ бездною подъ замкомъ былъ проглочень
 И погребень. Тѣла-жь отца и брата
 Никто изъ слугъ не думалъ хоронить.
 Комполти родъ былъ истребленъ и слуги
 Дѣлили скарбъ награбленный поспѣшно.
 Прошелъ дѣлежъ не безъ борьбы кровавой

И мечь сразилъ не одного бойца.
Спасти въ бою пришлось изъ нихъ немногимъ.
Къ тѣламъ бойцовъ воронъ голодныхъ стая
Слеталася, какъ на роскошный пиръ.
Такъ много дней стоялъ безмолвнымъ замокъ
И на дворъ усѣянномъ костями
Однихъ воронъ носился алчный крикъ,
Въ долинахъ-же народъ бѣжалъ отъ вѣтра,
Который дулъ со стороны Шальго.

А. Михайловъ.

ПШЕНИЦЫНЫ.

(ИЗЪ ИСТОРИИ ЗАВИТЫХЪ ЛЮДЕЙ.)

XIV.

Весь разбитый, въ какомъ-то туманѣ пришелъ Андрей Федоровичъ домой. Совершенно безсознательно, механически, дѣйствуя только по привычкѣ, поднялся онъ медленно по лѣстницѣ, позвонилъ, снялъ шинель и прошелъ въ комнаты. Такъ-же, по-старому, трещало на сковородѣ что-то жарившееся, виднѣлась спина наклонившейся у печки Агафьи, выглянула изъ кухни вся раскраснѣвшаяся, съ засученными рукавами и заплаканными отъ дыму глазами, Авдотья Семеновна; на обѣденномъ столѣ бѣлѣлась скатерть и стояли приборы; Федя и Коля трудились на полу надъ запряганіемъ деревяннаго коня въ телѣжку; канарейка изъ всѣхъ силъ надрывалась въ своей клѣткѣ, — вся обстановка, со всѣми мелочами, все старое, къ чему приглядѣлся Пшеницынъ и что привыкъ онъ встрѣчать постоянно, безъ измѣненія, переступая порогъ своей квартиры, — пахнуло на него, а Пшеницынъ какъ-будто не замѣчалъ, что онъ у себя дома, а не на улицѣ или въ канцеляріи; тотъ хаосъ, въ который смѣшались для него всѣ предметы еще въ кабинетѣ его превосходительства при первомъ-же слогѣ рокового слова, произнесеннаго его устами, — хаосъ, въ которомъ сидѣлъ онъ въ присутствіи до узаконеннаго часа, въ которомъ сходилъ по лѣстницѣ и шелъ по улицѣ, — этотъ хаосъ продолжалъ окружать Пшеницына и Пшеницынъ не могъ изъ него освободиться. То свинцовое бремя, которое опустилось на него всей своей массой часъ или полтора назадъ, еще продолжало давить

Андрея Федоровича; какъ и въ ту ужасную минуту, онъ еще ощущалъ спазматическія сжатія горла словно лишился всѣхъ отъправленій своихъ чувствъ. Если онъ пришелъ домой, если онъ снялъ шинель и повѣсилъ ее на гвоздь, если онъ скинулъ вицмундиръ и надѣлъ гороховую визитку, — во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, повторяю, ни мало не участвовала мысль: это были дѣйствія только механическія, безотчетныя и привычныя. Если-бы Андрей Федоровичъ, сидящій теперь на стулѣ, опершись локтями о столъ и пристально наблюдая какое-то пятнышко на оконномъ стеклѣ, очутился вдругъ... ну, хоть на шпицѣ высокой башни, что-ли, и вмѣсто твердаго пола почувствовалъ-бы подъ ногами отсутствіе опоры—эта перемѣна положенія едва-ли-бы его удивила; вѣрнѣй всего, что онъ-бы совсѣмъ не замѣтилъ, а продолжалъ-бы такъ-же равнодушно и безчувственно глядѣть богъ-знаетъ куда и бодтать ногою, какъ теперь. Это было то мертвенное и безчувственное оцѣпенѣніе всего организма, въ которое погружается человѣкъ въ первый періодъ моральнаго потрясенія, которое, однако, не имѣетъ надлежащаго опредѣленія и которое лучше всего назвать сномъ на яву. Едва-ли Андрей Федоровичъ думалъ теперь о чемъ-нибудь; онъ, словно мертвый, приросъ къ своему стулу и внимательно глядѣлъ въ окно, не шевеля ни однимъ мускуломъ лица, съ тѣмъ сосредоточенно-разсѣяннымъ положеніемъ зрачковъ, въ которомъ они неподвижно смотрятъ и ничего не видятъ. Въ другой комнатѣ раздавались торопливые шаги Авдотьи Семеновны, брэнчали ножи и вилки, канарейка пѣла,—Пшеницынъ ничего этого не слышалъ. Онъ пробудился изъ своего усыпленія только тогда, когда Авдотья Семеновна вошла въ комнату и заговорила съ нимъ.

— Иди обѣдать, Андрей Федоровичъ.

— А? нереспросилъ Пшеницынъ, словно испуганный, вставъ и глядя на жену.

— Обѣдать иди, говорю... да что это съ тобой: на тебѣ лица нѣтъ!

— Я?.. нѣтъ... я ничего... пробормоталъ, какъ во снѣ, Андрей Федоровичъ и провелъ ладонью по лбу;—голова болитъ.

— Пообѣдай да лягъ потомъ; я тебѣ горчишникъ приготовлю.

— Я лягу... только ѣсть не буду... не хочу и горчицы не нужно... Это пройдетъ, это пустяки; я лягу.

Андрей Федоровичъ дѣйствительно легъ и тотчасъ-же повернулся лицомъ въ стѣнѣ. Авдотья Семеновна постояла надъ нимъ нѣсколько секундъ молча, потомъ наклонилась, пощупала ему голову (голова была холодная, какъ ледъ), еще постояла, поправила подушку и, прошептавъ ему „усни-же“, вышла изъ комнаты. Андрей Федоровичъ повернулся на спину и долго лежалъ въ этомъ положеніи, съ открытыми глазами. Мало-по-малу, Пшеницынъ погрузился въ безчувственное оцѣпенѣніе.

Онъ проспалъ до вечера. Слабые осенніе сумерки, при которыхъ заснулъ онъ, замѣнились совершенною темнотою. Дверь въ другую комнату была полуотворена. Тамъ горѣла свѣча, и золотистая полоса свѣта протягивалась по полу комнаты Андрея Федоровича. Пшеницынъ всталъ. Авдотья Семеновна сидѣла за столомъ и шила.

— Прошла твоя голова? спросила она мужа, который, весь, какъ разваренный, всклокоченный и опухшій въ лицѣ, тяжело сѣлъ на стулъ, щура глаза при свѣтѣ.

Пшеницынъ молчалъ, опершись локтями на колѣни и смотря въ полъ.

— Ты-бы пройдтись пошелъ, Андрей Федоровичъ, замѣтила опять Авдотья Семеновна,—вѣтромъ, по крайней мѣрѣ, тебя обдуетъ, да и размаешься. Я тѣмъ временемъ самоваръ велю поставить. Скоро восемь будетъ бить.

— Я пойду, тихо произнесъ Андрей Федоровичъ и медленно потащилъ свою фигуру въ прихожую.

Холодный осенній воздухъ освѣжилъ Пшеницына. Мысли его сдѣлались яснѣе. Это не былъ уже безобразный сумбуръ, какъ прежде.

Теперь Андрей Федоровичъ яснѣе и опредѣленнѣе сознавалъ свое положеніе. Безотчетно, безъ всякой цѣли шелъ онъ дальше и дальше, поворачивая изъ улицы въ улицу и погрузившись въ воспоминація недавнихъ событій, которыми ознаменовался для него этотъ день.

Онъ незамѣтно очутился на Конно-гвардейскомъ бульварѣ. На немъ было пусто. Андрей Федоровичъ сѣлъ на скамейку. Ему надобно было о многомъ подумать, а сидя думать удобнѣе, чѣмъ на

ходу. Всюду было тихо; только изрѣдка громыхали дрожки да гдѣ-то за угломъ разбитая шарманка тоскливо визжала стереотипный мотивъ изъ Трубадура. Мелкій осенній дождикъ начиналъ моросить въ воздухѣ, сквозь мглу тускло мерцали фонари. Однимъ словомъ, былъ одинъ изъ тѣхъ мерзкихъ петербургскимъ вечеровъ, которые начинаются у насъ съ появленіемъ листопада и въ которые все грустное и ненормальное, таящееся въ душѣ, выходитъ наружу и сильнѣе даетъ себя чувствовать. Изрѣдка вѣтеръ шелестѣлъ опавшими листьями, густымъ слоемъ лежавшими по бокамъ аллеи, изрѣдка шмыгала мимо Пшеницына какая-нибудь искательница приключеній, походкой съ развальцемъ, пытливо и искоса поглядывая на него и, вѣроятно, принимая его за одного изъ вечернихъ аматоровъ; шарманка продолжала играть за угломъ, смѣнивъ свое нѣтъ на еще болѣе безотрадный мотивъ... Андрей Федоровичъ безотчетно приглядывался и прислушивался ко всему этому, по извѣстному свойству человѣческой природы, легко поддающейся той внѣшней обстановкѣ, которая гармонируетъ съ нашимъ личнымъ настроеніемъ, — а неотступный вопросъ: „что дѣлать?“ все безпощаднѣе буравилъ его мозгъ и, вдумываясь въ этотъ вопросъ, Андрей Федоровичъ все очевиднѣе приходилъ къ сознанію своего безсилія и одиночества... Ему видѣлась его квартира, Авдотья Семеновна, дѣти; онъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, любилъ свой уголокъ, и теперь, когда онъ сидѣлъ на бульварной скамейкѣ и думалъ о своемъ положеніи, представленіе о всѣхъ этихъ предметахъ возникало передъ нимъ помимо его воли. Рядомъ съ этими назойливо ввязывалась мысль о канцеляріи. Пшеницыну припоминалось сѣрое утро, глядѣвшее въ окна канцеляріи, форменные вицмундиры чиновниковъ, разговоры въ полголоса и бакенбарды его превосходительства и ярко вычищенные его сапоги, и много, много богъ-знаетъ чего безъ всякой логической послѣдовательности возникало передъ нимъ и какъ-то странно между собою гармонировало; припоминались также ему бессонныя ночи за спѣшной и срочной работой, влейка коробочекъ, дежурство въ департаментѣ не въ очередь за полтинникъ, — все это одно за другимъ вытекало изъ одной и той-же мысли, которая гвоздемъ сидѣла въ головѣ Андрея Федоровича; а думалъ онъ теперь о своей отставкѣ... „Куда обратиться? кто поможетъ мнѣ, кто поможетъ?“ думалось Пшеницыну. И опять зашевелилась въ немъ неотвязная

мысль о женѣ, о дѣтяхъ, изъ которыхъ Саша уже ходитъ въ гим- назію, а Федю придется скоро вести въ нее, которыхъ нужно поить, кормить и одѣвать, которыхъ...

— Господи! отчаянно прошепталъ Пшеницынъ и стиснулъ голову руками.

Въ вечернемъ воздухѣ раздались удары колокола; Андрей Федоровичъ машинально сосчиталъ ихъ: било девять. Онъ всталъ и медленно побрѣлъ во-своаяси.

Большую часть ночи Андрей Федоровичъ не спалъ. Съ закинутыми подъ голову руками, въ ночномъ безмолвіи, нарушаемомъ только токаньемъ маятника и всхрапываньемъ Авдотьи Семеновны, спавшей подлѣ мужа, Пшеницынъ неподвижно лежалъ съ открытыми глазами, смотрѣлъ на лампадку [передъ образомъ и переворачивалъ со всѣхъ сторонъ ту мысль, которая гвоздемъ сидѣла въ его головѣ. Сознаніе своего положенія, какъ неутомонный червякъ, продолжало сосать его сердце, но виѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не было уже мѣста тому безысходному отчаянію, въ которомъ Пшеницынъ обрѣтался за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Нѣтъ такого горя, къ которому нельзя до нѣкоторой степени привыкнуть. Нѣтъ столь затруднительнаго положенія, въ которомъ не замерцала-бы, наконецъ, искра надежды. Необходимо, чтобъ она была; если сама она не является, такъ нужно избрѣсти ее, наконецъ; она должна быть, потому что на ней отдыхаетъ мозгъ, утомленный усиленной работой въ исканіи средствъ счастливаго исхода.

Итакъ, Андрей Федоровичъ, повторяю, все лежалъ, не смыкая глазъ, и все думалъ. Авдотья Семеновна храпѣла у него подлѣ бокомъ безмятежно. Тихо, тихо во всей квартирѣ. Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ, проливаемый лампадкой; но лампадка все слабѣе и слабѣе брезжилась, вотъ она вспыхнула въ послѣдній разъ, съ трескомъ погасла—и совершенный мракъ затушевалъ всѣ предметы. Часы пробили два; какъ-то странно и рѣзко раздавались эти удары въ ночномъ безмолвіи. Опять тихо и опять Андрей Федоровичъ думаетъ, вперивъ въ темноту свои взоры. Безконечно, томительно-долго тянулась ночь. Пшеницыну не спалось. Малѣйшіе звуки ясно и отчетливо достигали его слуха. Онъ слышалъ, какъ тихо, тихо, зловѣще затянулъ вѣтеръ въ печной трубѣ свою протяжную ноту, гдѣ-то въ углу несчастная муха, попавъ въ тенета паука, жалобно

верещала въ предсмертныхъ мукахъ; дождикъ начиналъ награвывать и мягко забарабанилъ въ оконныя стекла; „тикъ-такъ, тикъ-такъ“, монотонно отчеканивалъ маятникъ въ другой комнатѣ. Андрей Федоровичъ слышалъ, какъ часы пробили три, какъ пробили четыре, какъ пробили пять... Блѣдный разсвѣтъ осенняго утра заснѣлъ въ комнатѣ,—и тогда только сонъ, словно сжалившись надъ нашимъ героемъ, наконецъ, смежилъ его вѣки.

XV.

На другое утро Андрей Федоровичъ проснулся позже обыкновеннаго. Сонъ ни мало не подкрѣпилъ его; онъ съ трудомъ поднималъ съ подушки голову и распрямилъ спину, которая ныла, словно Пшеницынъ протаскалъ на ней наканунѣ нѣсколько пудовъ. Когда онъ вышелъ къ чаю, онъ казался совсѣмъ опустившимся, а лицо его, при свѣтѣ сумрачнаго утра, весьма походило на выжатый лимонъ. Авдотья Семеновна замѣтила его разстройство.

— Неможется, что-ли, тебѣ? сказала она, съ подозрительной заботливостію смотря на мужа;—ишь ты какой сегодня нехорошій.

Андрей Федоровичъ сказалъ, что „это ничего“, что онъ здоровъ, но что плохо спалъ ночь.

— Съ чего-же это у тебя бессонница? Полно, ужъ не ходи сегодня въ должность. Вонъ у тебя и глаза какіе непріятные.

— Что выдумала! Пустяки все это, говорю тебѣ.

Андрей Федоровичъ не смотрѣлъ на жену и задумчиво помѣшивалъ ложечкой въ стаканѣ. Предметъ разговора ему не нравился, да и не до разговора ему было. Саша, собравшись въ классъ, подошелъ къ нему проститься. Онъ поднялъ голову и съ разсѣяннымъ выраженіемъ, весьма похожимъ на недоумѣніе, посмотрѣлъ на него. Потомъ онъ опять опустилъ голову и съ тѣмъ-же разсѣяннымъ выраженіемъ сосредоточилъ вниманіе на серебряной ложечкѣ, на узорѣ скатерти, на сахарницѣ съ чистившейся и заботливо отряхавшейся на ней мухою. Стаканъ стылъ, а Пшеницынъ и не принимался за него.

— Пей чай-то, простылъ совсѣмъ; налью тебѣ, да и убирать пора, замѣтила Авдотья Семеновна, почти неспускавшая взгляда съ Пшеницына, который не замѣчалъ его.

— Не буду больше.

Андрей Федоровичъ потянулся и вздохнулъ.

— Таеъ убирать?

— Убирай.

Пришла Агафья, обняла еще горячій и шипѣвшій самоваръ и унесла въ кухню. Обыкновенно Авдотья Семеновна отпивала чай уже безъ мужа, но теперь послѣдній все еще продолжалъ сидѣть и, казалось, забылъ, что пора уже идти на службу. Наконецъ, онъ какъ-то встрепенулся, пощупалъ совсѣмъ холодный стакагъ и выпилъ его въ одинъ приемъ. Затѣмъ онъ всталъ, пошелъ въ прихожую и принялся снимать шинель.

— Куда ты? спросила Авдотья Семеновна, стоя въ дверяхъ и съ удивленіемъ смотря на мужа.

— Куда? На службу, конечно; точно не знаешь.

— Въ халатѣ-то?

Пшеницынъ машинально взглянулъ на свое одѣяніе и смущенно усмѣхнулся.

— И то... Эхъ, что это, въ самомъ дѣлѣ, со мною сегодня?

Пшеницынъ опять возвратился въ комнату, напялилъ свой неизмѣнный вицмундиръ и принялся одѣваться.

— Право, останься, Андрей Федоровичъ, опять попросила его Авдотья Семеновна.—Ты не хочешь говорить, а я вижу, что съ тобой неладно.

— Ну, экъ пристала! съ нетерпѣливой досадою махнулъ на нее рукой Пшеницынъ.

Онъ торопливо всунулъ ноги въ балоши и торопливо ушелъ, не простившись, словно боясь, что Авдотья Семеновна опять воротить его.

Пшеницына задумчиво прислушивалась къ звуку мужниныхъ балошъ, все слабѣе хлопавшихъ по лѣстничнымъ ступенямъ, и стояла до тѣхъ поръ, пока шаги Андрея Федоровича совсѣмъ не замолчали. Таеъ-же задумчиво провожала она его глазами до воротъ и стояла у окна, пока онъ не повернулъ за уголь. Потомъ она вошла въ комнату, таеъ-же задумчиво принялась мыть чашки, при чемъ безпокойство по случаю страннаго поведенія мужа не покидало ее и о причинѣ этого страннаго поведенія она ломала теперь голову.

Повернувъ за уголь, Андрей Федоровичъ вдругъ остановился

и задалъ себѣ вопросъ: куда идти? Цѣли пока у него не было. Не думая долго, онъ зашагалъ, наудачу, по направленію, совершенно противоположному дорогѣ въ присутствіе. Ему требовалось какимъ-бы то ни было образомъ скоротать время до четырехъ часовъ. Поэтому ему и все-равно было, куда ни идти. Онъ хотѣлъ зайти къ Преполовенскому, когда тотъ вернется изъ должности, слѣдовательно, у него было впереди цѣлыхъ семь часовъ времени—вышелъ онъ изъ дому въ девять.

Маршрутъ его былъ таковъ: время отъ девяти до часу посвящать на ходьбу; въ часъ онъ зайдетъ въ одну изъ греческихъ кухмистерскихъ закутить; такъ можно промаячить до двухъ; но куда еще дѣвать часъ слишкомъ? „Ну, тамъ увидимъ“, рѣшилъ Андрей Федоровичъ, подвигаясь къ Николаевскому мосту.

На улицѣ свирѣпствовала осенняя слякоть. Несмотря на десятый часъ, бѣлесоватое утро только-что вставало надъ городомъ. Въ мгlistомъ воздухѣ былъ запахъ дыма, сырость и туманъ. Густые столбы дыма изъ трубъ медленно стлались по крышамъ, словно не имѣя силы подняться къ небу, сѣрому, непривѣтному и запруженному грязными массами разорванныхъ тучъ. Городъ, соотвѣтствуя порѣ умиранія природы, имѣлъ крайне сонливую и непривѣтную фізіономію, словно кутила, который нехотя поднялся послѣ вчерашнихъ безобразій и озлобленно протиралъ глаза, чувствуя, что его сильно ломаетъ. Парализирующее вліяніе гнилой погоды сказывалось во всемъ, что только одарено способностью чувствовать это вліяніе. Городовой на мосту, въ башлыкѣ, со скрещенными на груди руками и прислонясь къ фонарному столбу, уныло взираетъ на окружающее, утративъ всякое начальственное выраженіе фізіономіи. Съжившись на дрожкахъ, трясется бюрократія, прижавъ къ персямъ портфели и утѣнувъ подбородки въ воротники шинелей, и только по носамъ, безотрадно высунутымъ на волю стихій, можно судить о душевномъ состояніи ихъ владѣльцевъ, обуреваемыхъ меланхоліей. Даже извозчики—эта равнодушная ко всѣмъ атмосферическимъ явленіямъ порода петербургскаго населенія—уныло дремлютъ на сидѣньяхъ и забыли свою обычную фразу къ пѣшеходамъ: „эхъ, подвезъ-бы за гривенничекъ“. И лошади уныло трусятъ по грязной мостовой, равнодушно шлепая въ лужи и обдавая цѣлыми потоками брызгъ и сѣдока,

и возницу, и себя самихъ, словно въ головахъ ихъ, задумчиво опущенныхъ долу, мелькаетъ мысль о самоубійствѣ.

Андрей Федоровичъ шель по Николаевскому мосту. Нева сѣрѣла сквозь туманъ и съ шумомъ плескалась о гранитъ, взъерошенная вѣтромъ съ моря, который порывами проносился по городу, стѣснялъ дыханіе и безчинно заворачивалъ подола юбокъ и капюшоны шинелей. Перейдя мостъ, Андрей Федоровичъ опять остановился не надолго и задался вопросомъ относительно направленія; подумавъ, онъ перешель набережную, повернулъ къ Андреевскому рынку и пошелъ по Среднему проспекту Васильевского острова, въ сторону къ Чевушамъ.

Какою мыслию руководился Пшеницнъ, задавшись цѣлью какимъ-бы то ни было образомъ пространствовать до четырехъ часовъ? Насколько вы помните, Авдотья Семеновна ничего не знала о постигшей мужа катастрофѣ; Андрей Федоровичъ не рѣшился сказать ей объ этомъ сегодня, — онъ не хотѣлъ говорить и завтра, и послѣ-завтра. На сколько возможно, онъ хотѣлъ скрыть дѣло отъ своихъ; нужно сначала испробовать всѣ средства къ благополучному исходу. Вѣдь долженъ-же гдѣ-нибудь онъ, этотъ исходъ, существовать, — Андрею Федоровичу необходимо было вѣрить въ его существованіе; это только одно и поддерживало ту небольшую долю энергіи, которая обрѣталась въ немъ. Поэтому-то и рѣшился Андрей Федоровичъ, не говоря домашнимъ ни слова, отправляться каждое утро на экскурсіи по присутственнымъ мѣстамъ; и, конечно, все кончится благополучно, только неизвѣстно, какъ скоро, и тогда Андрей Федоровичъ найдетъ въ себѣ силу прямо взглянуть въ глаза женѣ и всѣмъ домочадцамъ, а что этотъ день непременно, рано или поздно, наступитъ — Пшеницнъ твердо вѣрилъ; въ противномъ случаѣ ему оставалось одно изъ двухъ: либо въ петлю, либо въ воду.

„Эхъ, куда-же это я забрелъ?“ спросилъ самъ себя Андрей Федоровичъ, который, какъ опустилъ голову внизъ, переступая порогъ своей квартиры, такъ и не подымалъ ее ни разу уже нѣсколько времени. Задалъ онъ себѣ этотъ вопросъ, внезапно на что-то наткнувшись и почувствовавъ преграду дальнѣйшему продолженію пути. Онъ осмотрѣлся. Передъ нимъ былъ нескончаемый заборъ; такой-же заборъ тянулся по другую сторону улицы;

вдали виднѣлась крышка полицейской будки. Пустырь, однимъ словомъ; кругомъ ни извожика, ни собаки, только вдалькѣ, богъ-знаетъ гдѣ-то, бойко оралъ пѣтухъ. Мелкій дождикъ продолжалъ сѣяться въ мгlistомъ воздухѣ. Мѣстность была совершенно незнакомая.

Пшеницынъ нѣсколько очнулся, свернулъ въ сторону отъ забора, на мостки, и взглянулъ на часы; было нѣсколько минутъ двѣнадцатаго. Онъ уже шелъ безъ остановки два часа слишкомъ и съ непривычки чувствовалъ въ колѣняхъ нѣкоторое дрожаніе.

Андрей Федоровичъ пошелъ назадъ, припоминая тѣ мѣста, которыми онъ проходилъ. Времени до четырехъ часовъ еще много; куда дѣвать его? Пшеницынъ подумалъ, подумалъ и скоро нашелся. „Эхъ, олухъ я, олухъ! сказалъ онъ про себя и даже хлопнулъ себя по лбу: — въ Преполовенскому-бы мнѣ давно было идти, и выспаться-бы у него могъ до его прихода“. Андрей Федоровичъ прибавилъ шагу.

XVI.

Преполовенскій жилъ близъ Сѣнной, въ одномъ изъ тѣхъ встрѣчающихся повсемѣстно въ Петербургѣ домовъ, отъ чердаковъ и до подваловъ набитыхъ самымъ разношерстнымъ людомъ, по своей численности неуступающимъ населенію иного городишки, въ родѣ какихъ-нибудь Кобеякъ или какого-нибудь Каменогорска, которые такъ похожи на ноевъ ковчегъ. Въ этомъ-то ноевомъ ковчегѣ, въ третьемъ этажѣ, по темной и необыкновенно способствующей паденію лѣстницѣ, и обрѣтался Преполовенскій. Звонка у двери не полагалось, а потому Пшеницынъ, два или три раза побывавшій у Павла Ивановича на новой квартирѣ, по примѣру прежнихъ посѣщеній, подергалъ за дверную ручку. На этотъ разъ ему пришлось дергать довольно долго безъ всякаго успѣха. Наконецъ, извнутри послышался слабый звукъ, произведенный какъ-бы паденіемъ откуда-то съ высоты человѣческихъ ногъ, дверь отворилась и въ полутемной прихожей неясно обозначались мужская фигура.

— Павла Ивановича нѣтъ... Да это вы, Андрей Федоровичъ?

А я васъ и не узналъ, сударь. Грѣшнымъ дѣломъ, соснулъ маленько, такъ глаза-то затмило.

Шеницынъ вошелъ въ прихожую и сталъ раздѣваться. Человѣкъ Преполовенскаго, усатый малый, въ плисовомъ жилетѣ и въ нанковыхъ штанахъ, по всему—изъ отставныхъ солдатъ, одной рукой протираетъ заспанные глаза, а другою вѣшалъ шинель Шеницына на гвоздь, игравшій роль вѣшалки для платья.

— Ждать его будете? спросилъ онъ, между тѣмъ какъ Андрей Федоровичъ входилъ въ комнату.

— Подожду, Антонь.

Антонь стоялъ посреди комнаты и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Шеницына. Потомъ повернулся налѣво кругомъ, ушелъ въ прихожую, за перегородку, и съ кряхтѣніемъ полѣзъ опять на лежанку, съ которой согналъ его стукъ Андрея Федоровича.

Квартира Преполовенскаго состояла изъ двухъ комнатъ и прихожей, раздѣленной перегородкою, за которою стояла печка и спальнъ человѣкъ Павла Ивановича. Первая комната служила столовой, залой, гостиною и чѣмъ хотите; слѣдующая-же, темная и тѣсная коморка—спальней хозяину. Во всемъ царилъ вообще тотъ безпорядокъ, который присущъ квартирамъ холостого человѣчества. По всему было видно, что и хозяинъ, и слуга не особенно заботились о порядкѣ и симетріи. Старинный, неуклюжій письменный столъ, покрытый клеенкою, былъ заваленъ цѣлою грудой всякой всячины, до которой стоило, кажется, притронуться только легонько пальцемъ, чтобы она съ грохотомъ покатила на полъ. На окошкѣ стояли запыленные герань и алоэ, тутъ-же красовался подсвѣчникъ и лежала сапожная щетка, вѣроятно, какъ-нибудь забытая Антономъ. На спинкѣ обтянутого зеленою клеенкою дивана, до невозможности продавленнаго посрединѣ и набитого чѣмъ-то въ родѣ булыжника, висѣли панталоны Павла Ивановича. Передъ диваномъ былъ шаткій ломберный столъ, на одной ногѣ, покрытый клѣтчатой вязанной скатертью; на немъ стояла керосиновая лампа подъ зеленымъ бумажнымъ колпакомъ.

Шеницынъ подошелъ къ окну. Напротивъ возвышалась стѣна надворнаго флигеля, грязно-желтая, съ какими-то бурными потеками. Андрей Федоровичъ долго стоялъ и безцѣльно смотрѣлъ на эту стѣну и потеки. Такъ простоялъ онъ долго, пока не за-

рыбило у него въ глазахъ. Андрей Федоровичъ повернулся, прошелся раза два по конатѣ и сѣлъ на диванъ. На дворѣ завывалъ вѣтеръ, изъ прихожей доносился густой храпъ съ разными фіоритурами. Пшеницныъ принялъ полулежачее положеніе, прислонивъ голову къ гарусной подушкѣ, которая была на диванѣ. Онъ вдругъ почувствовалъ непобѣдимое желаніе заснуть, такъ-какъ спалъ опъ ночью немного и смаялся долгою ходьбой. Онъ вытянулъ ноги, зѣвнулъ—и спустя нѣсколько времени уже спалъ сномъ мертвыхъ.

Проснулся Андрей Федоровичъ когда уже совсѣмъ стемнѣло. На столѣ горѣла лампа и освѣщала судокъ съ кушаньями, тарелки, графинчикъ водки и самого Преполовенскаго, который воротился изъ должности и теперь обѣдалъ.

Пшеницныъ поднялся и долго протиралъ глаза, ослѣпленные внезапнымъ переходомъ отъ мрава къ свѣту.

— Проснулся, братъ. Каково спалось?

Андрей Федоровичъ зѣвнулъ и облокотился на столъ, прикрывъ глаза отъ свѣта.

— Поѣсть не хочешь-ли?

— Нѣтъ, благодарю.

— Да ты не церемонься, вѣдь мнѣ хватить... Эдакая погода, хоть у кого аппетитъ отобьетъ.

Павель Ивановичъ налилъ рюмку и хватилъ ее залпомъ.

— Право, поѣшь... Я тебѣ налью.

Онъ налилъ въ тарелку супу и подвинулъ ее Пшеницныу, который не отговаривался, но, впрочемъ, ѣлъ неохотно. Что касается самого Преполовенскаго, то, несмотря на его завѣреніе объ отсутствіи аппетита, онъ истреблялъ свою долю довольно исправно.

Нѣкоторое время оба пріятели обѣдали въ молчаніи. Стучали только ложки и раздавалось отъ времени до времени побрякиваніе Павла Ивановича, которымъ онъ имѣлъ обыкновеніе сопровождать каждую выпитую рюмку. Изрѣдка онъ бросалъ изпод лобья пытливые взгляды на Пшеницныа, который ѣлъ, не подымая головы. Преполовенскій замѣтилъ перемигну въ своемъ пріятелѣ, его осунувшееся лицо и желтизну. Наконецъ, отобѣдали.

— Убирай, Антонъ! крикнулъ Павель Ивановичъ.

Антонъ пришелъ и убралъ.

Преполовенскій ушелъ въ другую комнату, надѣлъ тамъ халатъ, сѣлъ противъ Андрея Федоровича, зажегъ папироску и принялся курить, закинувъ голову назадъ и задумчиво слѣдя за колебаніемъ облаковъ табачнаго дыма.

Андрей Федоровичъ сидѣлъ въ своей обычной согбенной позѣ и сосредоточено смотрѣлъ куда-то въ уголъ. Оба молчали.

— Ну, что, какъ здоровье Авдотьи Семеновны? спросилъ, наконецъ, Преполовенскій съ единственною цѣлью что-нибудь связать.

— Слава-богу.

— И дѣтки?

— Здоровы.

— Ну, и слава-богу.

Павель Ивановичъ вздохнулъ, вздохнулъ и Пшеницынъ, и опять оба замолчали. Преполовенскій чувствовалъ себя какъ-то принужденно. Надобно сказать, что отставка Андрея Федоровича и его сильно поразила, и онъ думалъ объ этомъ наканунѣ весь вечеръ, думалъ и теперь. Онъ понималъ, что чувствуетъ и о чемъ размышляетъ въ это время его пріятель, ощущалъ необходимость сказать что-нибудь по этому случаю и не находилъ словъ. Онъ только старался обходить щекотливый пунктъ и говорилъ съ принужденной развязностью.

Наконецъ, онъ всталъ, крикнулъ, швырнулъ окурокъ потухшей папиросы и принялся, заложивъ руки за спину, шагать по комнатѣ. Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Экая бѣда-то стряслась, а? Кто-бы могъ подумать! сказалъ онъ, нарушая молчаніе. — Вѣришь-ли, Андрей Федоровичъ, я весь день вчера былъ самъ не свой...

Пшеницынъ вздрогнулъ, глаза его какъ-то пугливо забѣгали и онъ понурился, не произнеся ни слова на восклицаніе Преполовенскаго.

Павель Ивановичъ бросилъ искоса взглядъ на удрученную фигуру Андрея Федоровича и продолжалъ:

— Я понимаю твое положеніе, Андрей Федоровичъ, и не хочу приставать къ тебѣ съ утѣшеніями, потому что знаю, что все это одно переливаніе изъ пустого въ порожнее—ими дѣло не поправишь; прими, по крайней мѣрѣ, мой искренній совѣтъ: не убивайся такъ, ради-бога. Конечно, ты человекъ такой... закалки

въ тебѣ нѣтъ, ну, и положеніе твое... Эхъ, не то все я говорю! съ досадой перебилъ онъ себя. — Жена знаетъ? вдругъ спросилъ онъ быстро и остановился противъ своего пріятеля, пытливо смотря ему въ лицо.

Пшеницынъ покачалъ головою.

— Нѣтъ? Эхъ, дрянъ дѣло! — Преполовенскій круто повернулся на каблучкахъ и опять зашагалъ по комнатѣ. — Вотъ ужъ этого я, братъ, не одобряю... во-первыхъ, это ужъ совсѣмъ не благо-разумно, потому что во всякомъ случаѣ сказать придется, — это разъ; а во-вторыхъ, чтѣ тебѣ въ этомъ за выгода? Неправдич-ный ты человѣкъ. Подумай ты одно: кто можетъ такъ подкрѣ-пить и ободрить человѣка, какъ не любящая женщина? Я чрез-вычайно уважаю твою Авдотью Семеновну, по совѣсти говорю, а ты... колпаекъ ты, братецъ ты мой, вотъ что я тебѣ скажу.

Пшеницынъ сперва ничего не отвѣчалъ на слова Преполовен-скаго, а потомъ сказалъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ:

— Я вчера, какъ пришелъ домой, много думалъ объ этомъ... и сегодня всю ночь думалъ... Не дай Богъ никому испытать того, что я испыталъ въ эту ночь. (Андрей Федоровичъ говорилъ съ разстановкою, словно что-нибудь припоминалъ.) Не могу тебѣ, пра-во, объяснить, отчего я именно рѣшился не говорить ни слова женѣ... когда она вчера спросила, что со мной, у меня просто языкъ не повернулся отвѣтить ей... Нѣтъ, ужъ пусть будетъ, что будетъ, а я не стану говорить ей до тѣхъ поръ, пока воз-можно... и положеніе-то ея теперь такое...

Преполовенскій прервалъ свою прогулку по комнатѣ и оста-новился, вопросительно смотря на Пшеницына.

— Скоро вѣдь она у меня должна разрѣшиться...

— Шестой ужъ это?

Андрей Федоровичъ вздохнулъ. Преполовенскій снова, съ ка-кимъ-то озлобленіемъ, зашагалъ по комнатѣ.

— Вотъ ты меня колпакомъ называешь, продолжалъ Пшени-цынъ, не подымая головы и упорно смотря въ уголъ, — говоришь: дурно, что я скрываю отъ жены, а вѣришь-ли, у меня языкъ не поворачивается... ну, вотъ, не могу, да и конечно! не могу я себя переломить... — Пшеницынъ умолелъ на минуту, а потомъ про-должалъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ: — Вѣришь-ли, какъ я пришелъ вчера домой да увидѣлъ всю свою обстановку: Авдотья

Семеновна у печки стряпааетъ, ребятишки на полу возятся, канарейка поетъ—всѣ это покойны такъ,—да подумаль я о томъ, что словомъ своимъ, однимъ словомъ своимъ долженъ все это разстроить,—такъ ноги у меня словно подбосились и ровно это кнутомъ меня по сердцу полоснулъ... и не могъ я вымолвить слова-то этого проклятаго... а вѣдь хотѣлъ я все женѣ рассказать.

Пшеницынъ умолкъ опять и обловотился на столъ, полуприкрывъ руками лицо. Павелъ Ивановичъ продолжалъ шагать по комнатѣ; онъ молчалъ и не глядѣлъ на Пшеницына.

— Ты думаешь, легче мнѣ отъ молчанія-то? продолжалъ Андрей Федоровичъ тѣмъ-же надтреснутымъ голосомъ.—Я не о себѣ забочусь, а о женѣ да ребятишкахъ,— вотъ о комъ я хлопочу. Скажи на милость, чѣмъ-же они-то виноваты, что отца ихъ выгнали со службы? Зачѣмъ разстроивать ихъ спокойствіе, коли это ни мнѣ, ни имъ не поможетъ? Много я объ этомъ передумалъ нынѣшнюю ночью и рѣшилъ молчать до поры, до времени.

Опять наступило молчаніе, болѣе продолжительное. Раздавались только грузные и медленные шаги Преполовенскаго по комнатѣ. Раньше, въ короткія остановки Пшеницына, онъ нѣсколько разъ какъ-будто собирался возражать. Теперь, когда Пшеницынъ пересталъ говорить, онъ прекратилъ свою прогулку и сѣлъ на стулъ противъ своего пріятеля.

— Ну, это отлично все, я съ тобою согласенъ, замѣтилъ онъ,—только скажи мнѣ, какъ долго можетъ это продолжаться? Ты вотъ говоришь: *до поры, до времени...*

— Не знаю, сколько времени, раздумчиво замѣтилъ Пшеницынъ;—видишь-ли, Павелъ Ивановичъ, я рѣшилъ съ завтрашняго же дня начать прискиваніе какого-нибудь мѣста... вѣдь такъ быть не можетъ... долженъ-же я служить... не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ, иначе чѣмъ-же жить-то мнѣ? Ну, вотъ я и рѣшилъ...

Андрей Федоровичъ проговорилъ это медленно, съ разстановкою и какимъ-то неувѣреннымъ голосомъ, съ тою интонаціею, которая свойственна человѣку, въ чемъ-либо оправдывающемуся. Преполовенскій слушалъ, наклонивъ голову, молчалъ и разсѣянно щипалъ одну изъ своихъ густыхъ бакенбардъ.

— Ну, вотъ я рѣшилъ, продолжалъ Пшеницынъ:—по моимъ расчетамъ, это можетъ продолжиться недѣлю... ну, много—двѣ;

пожалуй, первое время придется служить безъ жалованья. Конечно, трудное это для насъ будетъ время, задолжать, можетъ быть, придется... ну, да что Богъ дастъ!.. Буду я каждый день изъ дому выходить въ тѣ-же часы, какъ прежде отпраплялся на службу, и домой приходить въ тѣ-же часы... Можетъ быть, у меня будетъ иной разъ оставаться лишнее время до четырехъ часовъ, такъ ужъ ты позволь мнѣ, братъ, заходить тогда къ тебѣ; вѣдь ты позволишь, конечно? Я нарочно зашелъ къ тебѣ сегодня, чтобы предупредить объ этомъ... Дома я все-таки ничего не буду говорить... конечно, до тѣхъ поръ, пока все это не обстроится благополучно... а пока, воля твоя, не могу!.."

— Гмъ! тагъ...

Преполовенскій всталъ и, нахмурившись, опять заходилъ по комнатѣ. Много хотѣлось ему возразить на слова Пшеницына, хотѣлось ему сказать, что, молъ, это не такое дѣло, чтобъ „тяпъ да ляпъ и вышелъ корабль“, что много пороговъ ему обить придется, пока все „обстроится благополучно“, и не недѣля, и не двѣ, пожалуй, до того времени пройдетъ, и много еще кой-чего хотѣлъ онъ возразить на слова Пшеницына; излагать-же всѣ свои сомнѣнія передъ Пшеницынымъ ему казалось и жестокимъ, и неуиѣстнымъ. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что крикнулъ какимъ-то особеннымъ образомъ, молчалъ и ходилъ.

— Что ты скажешь на это? спросилъ Пшеницынъ послѣ небольшого молчанія.

Преполовенскій подошелъ къ столу и, не глядя на своего пріятеля, теребя скатерть, отвѣчалъ немного смущеннымъ голосомъ:

— Что-жь? Это ты прекрасно придумалъ... я-бы на твоемъ мѣстѣ сдѣлалъ то-же. Дай Богъ тебѣ удачи.

Онъ вздохнулъ, отошелъ отъ стола и опять заходилъ.

— Вѣдь можетъ все это кончиться въ двѣ недѣли, а, какъ ты думаешь? спросилъ опять Андрей Федоровичъ.

Преполовенскій молча пожалъ плечами.

Опять помолчали. Наконецъ, Пшеницынъ встрепенулся.

— Ну, прощай, Павелъ Ивановичъ, сказалъ онъ, вставая, — слишкомъ я засидѣлся... Тамъ Авдотья Семеновна, чай, богъ-знаетъ что о моемъ отсутствіи думаетъ.

— Прощай, медленно промолвилъ Павелъ Ивановичъ, пожи-

мая руку своего пріятеля,—такъ ты, слышь, заходи... и завтра зайдѣ... ну, прощай, дай Богъ тебѣ успѣха.

— Вотъ что, Андрей Федоровичъ, говорилъ онъ въ прихожей въ то время, какъ Пшеницынъ одѣвался,—сегодня въ канцелярії этотъ скотъ Подгоняловъ говорилъ мнѣ о тѣхъ шести рубляхъ, что ты у него въ счетъ жалованья взялъ. „Напомните, говоритъ, Андрею Федоровичу“. Говорилъ онъ тебѣ о нихъ вчера?.. Ну, такъ вотъ что я хотѣлъ сказать... ты о нихъ не безпокойся: я отвязался отъ него.

— Ты заплатилъ? Спасибо тебѣ, Павелъ Ивановичъ, вѣрь мнѣ...

— Ну, ладно, перебилъ его Преполовенскій, — поправившись въ обстоятельствахъ, такъ отдашь. Вѣдь не быть-же мнѣ такимъ подлецомъ, какъ этотъ Подгоняловъ... Изъ-за шести рублей не стану давиться! Ну, прощай, однако... заходи-же, слышь, завтра-то...

Андрей Федоровичъ уже отворялъ дверь на лѣстницу, но потомъ вдругъ быстро повернулся назадъ, какъ-будто что-то вспомнивъ, и сказалъ, подойдя какъ можно ближе къ Преполовенскому:

— Если ты когда-нибудь зайдешь къ намъ, такъ, пожалуйста, не говори ни слова Авдотѣ Семеновнѣ... ни-ни, ни слова, то-есть и виду не подавай... какъ-будто все по-старому, слышишь?

— Ну, да, конечно! махнулъ рукой Павелъ Ивановичъ.—Зачѣмъ тебѣ предупреждать? Понимаю я.

По уходѣ Пшеницына, Преполовенскій долге ходилъ по комнатѣ, сдвинувъ брови, заложивъ руки за спину и наклонивъ голову. Богъ-знаетъ, какія мысли приходили ему въ голову по поводу словъ его пріятеля. Разъ онъ какъ-то особенно покрутилъ головою и промолвилъ самъ съ собой, вздохнувши: „Эхъ, Андрей Андрей!“ Неизвѣстно, что онъ разумѣлъ подъ этимъ восклицаніемъ, но, очевидно, разговоръ съ Пшеницынымъ оставилъ въ немъ глубокое впечатлѣніе.

XVII.

Опасенія о здоровьѣ мужа и тревога, вызванныя въ Авдотѣ Семеновнѣ его страннымъ вчерашнимъ поведеніемъ, на другой день послѣ свиданія Пшеницына съ Преполовенскимъ не разсѣялись

совершенно, но получили новое направление. Андрей Федорович понималъ, что для отвлеченія всякаго повода къ подозрѣнiю со стороны Авдотьи Семеновны, ему необходимо казаться именно такимъ, какимъ онъ былъ всегда, и изгладить то впечатлѣнiе, которое должно было произвести на жену его поведенiе въ то время, когда онъ въ послѣднiй разъ пришелъ со службы. Онъ боялся разспросовъ жены и необходимости отвѣчать на нихъ. Необходимость казаться естественнымъ заставляла его дѣлать гигантскiя усилiя надъ собою. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что ему удалось обмануть Авдотью Семеповну своей напряженной непринужденностью, лихорадочною словоохотливостью и конвульсивной улыбкой, которая появлялась на его лицѣ совершенно не кстати, но будучи, такимъ образомъ, если можно такъ выразиться, постоянно на сторожѣ надъ самимъ собою, онъ часто, самъ того не замѣчая, выдавалъ себя, позабывая о своей роли. Это не укрывалось отъ глазъ Авдотьи Семеновны и укореняло ее въ сомнѣнiяхъ, которыя она старалась разрѣшить, и не могла. Но она оставила Андрея Федоровича совершенно въ покоѣ, не разспрашивала его и, стараясь не обращать вниманiя на его странности, ожидала, что время разрѣшить ея недоумѣнiя. Авдотья Семеновна молчала и Андрей Федоровичъ приписывалъ это своей хитрости. Но и тотъ, и другая какъ-то подозрительно слѣдили другъ за другомъ. Въ отношенiяхъ супруговъ появилась натянутость, отъ которой обоимъ было не легко, но болѣе жены страдалъ отъ этого Андрей Федоровичъ. Онъ проводилъ безсонныя ночи и думалъ, думалъ, когда около и вокругъ него раздавалось на разные тоны здоровое храпѣнiе его чадъ и домочадцевъ, и засыпалъ подъ утро утомленный нравственно и физически, чтобы погрузиться на нѣсколько часовъ въ безобразный мiръ видѣнiй. Домашняя обстановка тяготила его, и удалаться отъ нея, уединиться съ самимъ собою сдѣлалось для него необходимою. Онъ началъ гулять по вечерамъ. Выдерживая свою роль, онъ шелъ по двору молодцомъ, быстро ступая, поднавъ вверхъ голову и осматриваясь по сторонамъ, но чѣмъ далѣе онъ подвигался по улицѣ, тѣмъ медленнѣе становились его шаги и голова опускалась ниже. Онъ шелъ безъ цѣли, куда глаза глядятъ, придерживаясь больше малолюдныхъ и узкихъ улицъ, шелъ медленно, сгорбившись и опустивъ голову, шелъ

до тѣхъ поръ, пока не чувствовалъ усталости, и тогда поворачивалъ назадъ.

Я не буду описывать ежедневныхъ странствованій Андрея Федоровича по присутственнымъ мѣстамъ, его томленій во время восхожденія по широкимъ лѣстницамъ, томленій подъ взглядами множества торопливо и молчаливо пишущихъ чиновниковъ и проч., и проч. Съ каждымъ днемъ Андрей Федоровичъ все болѣе и болѣе убѣждался, что наша столица—водоворотъ, въ которомъ каждый держится за то, за что успѣлъ ухватиться, не обращая вниманія на другихъ и заботясь только о себѣ, чтобы не выпустить изъ рукъ своей точки опоры; разъ попавъ на нее, каждый крѣпко на ней основался и равнодушно смотритъ на несчастливцевъ, дѣлающихъ нечеловѣческія усилія, чтобы уцѣпиться, и усилія которыхъ напрасны, потому что состязателей видимо-невидимо. Андрей Федоровичъ съ раннаго утра гранилъ петербургскіе тротуары, шагаль по великолѣпнымъ лѣстницамъ, терзался въ приемныхъ, получалъ отказы и, весь въ испарицѣ, измученный и разбитый, выходилъ на улицу, чтобы опять гранить тротуары. Придя къ Преполовенскому до его возвращенія изъ должности, онъ ложился на диванъ и, утомленный дневными странствованіями, засыпалъ. Приходъ Павла Ивановича пробуждалъ его. Андрей Федоровичъ рассказывалъ свои похожденія, а Преполовенскій молча ѣлъ, изрѣдка вставляя и свои замѣчанія. Иногда онъ не ограничивался этимъ и передавалъ своему пріятелю какую-нибудь новую „штуку“ начальства, что единственно вызывало его на болѣе продолжительный разговоръ и заставляло его изливать свою жолчь въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ.

— Выпей, Андрей Федоровичъ, а? обращался онъ иногда къ пріятелю.

— Не могу, ты вѣдь знаешь.

— Э-эхъ, братъ! то-то оно лучше-бы было, если-бы ты могъ... Былъ-бы какъ и всѣ порядочные люди, а то скверная у тебя натура... ну, да Богъ съ тобой.

Павелъ Ивановичъ крикалъ и осушалъ рюмку.

Сидѣли, молчали. Андрей Федоровичъ замѣчалъ, что пора домой, вставалъ, прощался и уходилъ.

Посѣщать ежедневно Преполовенскаго сдѣлалось для Пшеницына положительной необходимостью, такою-же, какъ ходить по

вечерамъ до усталости, какъ удалаться вообще на нѣсколько времени отъ своей домашней обстановки. Не развлечься какъ-нибудь, не разсѣять по-возможности день и ночь гнетущія мысли имѣлось тутъ въ виду, — совсѣмъ напротивъ. Бесѣда Преполовенскаго не была способна на это. Я говорилъ, что Андрей Федоровичъ долженъ былъ по-временамъ бросать свою роль, играть которую всегда ему было не подъ силу, а оставить совсѣмъ — рѣшимости не хватало. Скидывать эту маску у Павла Ивановича было такъ-же удобно, какъ и вездѣ, *кромя дома*. Злобствовалъ-ли Преполовенскій, молчалъ-ли онъ, сидя на стулѣ и глядя въ потолокъ, или шатался, зѣвая, изъ угла въ уголъ, Пшеницынъ могъ слушать, молчать, думать, сидя сгорбившись, наморщивъ лобъ и опустивъ углы губъ, предоставленный всецѣло самому себѣ, не чувствуя тяготящаго на себѣ участливо-подозрительнаго взгляда; онъ могъ дышать легче, какъ вырвавшійся на волю, — дышать легче потому, повторяю, что онъ былъ здѣсь, а не дома. Когда наступало время прекратить свиданіе, онъ тяжело, неохотно отрывался отъ стула и медленно брелъ во-своися, на жертву тѣхъ-же участливо-подозрительныхъ взглядовъ и безконечной, томительной, бессонной ночи до разсвѣта.

XVIII.

Прошло нѣсколько дней безъ измѣненія въ дѣлахъ дѣйствующихъ лицъ. Натянутыя отношенія между супругами продолжались. Авдотья Семеновна терпѣла и ждала, а Андрей Федоровичъ не дѣлалъ ни шага для выясненія дѣла. Авдотья Семеновна все еще ломала голову надъ разрѣшеніемъ мучившей ее загадки. Сперва она приписывала состояніе своего мужа какимъ-нибудь неприяностямъ по службѣ, но при всей впечатлительности его натуры, легко тревожившейся при мелочахъ, нельзя было предположить, чтобы безпокойство, чѣмъ-бы оно ни было возбуждено, не ослабѣло-бы втеченіи цѣлой недѣли. Не имѣла тутъ участія и какая-нибудь болѣзнь, которую-бы онъ скрывалъ. Кромя того, Авдотья Семеновна замѣтила, что съ того дня, когда Андрей Федоровичъ въ первый разъ обратился на себя ея пытливое вниманіе, онъ началъ приходить со службы позже обыкновеннаго. Она богъ-знаетъ

что-бы дала, лишь-бы только найти объясненіе всего этого. Не было ничего такого, на чемъ-бы можно было основаться изъ чего-бы можно было вывести какое-нибудь заключеніе. Меньше всего Авдотья Семеновна могла спрашивать у самого Андрея Федоровича. Прямой вопросъ предложить ему было совершенно бесполезно, такъ-какъ, кромѣ отвѣта: „ничего, ничего, съ чего тебѣ это вообразилось?“ — другого отъ него нельзя было добиться. Оставалось вывѣдать какимъ-нибудь окольнымъ путемъ, задавать осторожные вопросы, наводить его, такъ-сказать, самой на слѣдъ, разспрашивать, по-возможности, равнодушно, какъ-будто между прочимъ, не обнаруживая особаго интереса, такъ-сказать, щупать его со всѣхъ сторонъ и вытягиваемые, такимъ образомъ, отвѣты, какъ-бы ни были они малозначительны, исподоволь мотать себѣ на усъ. Но и эти дипломатическія соображенія Авдотьи Семеновны не принесли желаннаго результата: Андрей Федоровичъ былъ на-сторожѣ и инстинктивно чуялъ, чего отъ него добиваются. При первыхъ-же экивокахъ жены онъ растерянно, оторопѣло взглянулъ на нее, глаза его тоскливо забѣгали, губы задрожали — однимъ словомъ, лицо его приняло такое отчетливое выраженіе тревоги, что Авдотья Семеновна рѣшилась прекратить свою тактику, чтобы не подвергать мужа напраснымъ терзаніямъ, которыя, очевидно, доставляли ему ея разспросы. Какъ я сказала, она рассудила оставить его въ покоѣ и ждать терпѣливо обстоятельствъ, которыя раскроютъ дѣло.

Обоимъ было нелегко.

— Ума-то, ума-то я прибрать не могу, что-бы это такое съ нимъ творилось? жаловалась однажды Авдотья Семеновна Агафѣ, возясь съ нею на кухнѣ, когда еще Андрея Федоровича не было дома. — Совсѣмъ онъ на себя непохожъ сталъ; и прежде онъ у насъ былъ не разговорчивъ, а теперь такъ и того хуже. Живемъ мы съ нимъ, слава-богу, уже порядочно времени, — кажется, знаю его вдоль и поперекъ, а теперь вотъ постигнуть не могу.

— Допросили-бы вы его, матушка, Авдотья Семеновна; все легче... и ему-то.

— Не могу я, Агафьюшка; если ужъ онъ говорить не хочетъ, такъ что-же тутъ толку? Вѣдь сама я вижу, что ему нелегко, да я-то чѣмъ помочь могу?.. вотъ это пуще и мучить меня, что не могу придумать, что у него за забота такая въ головѣ си-

дять. А что есть у него что-нибудь на сердцѣ—это ужь непременно... Меня онъ не обманеть, какъ онъ ни прикидывайся. Я ужь и молчу, какъ-будто не замѣчаю, — пусть его потѣшится.

— Это болѣзнь, можетъ быть, матушка; это бываетъ: иногда здоровъ человекъ, то-есть вотъ никакой боли не чувствуетъ, а мѣста себѣ найти не можетъ... на сердцѣ томно, ровно что гложетъ, ровно боишься чего-то,—словомъ, сердце болить. Это бываетъ.

— Хоть-бы Павелъ Ивановичъ, что-ли, завернулъ когда-нибудь. Разспросила-бы я его, нѣтъ-ли съ начальствомъ у Андрея Федоровича какой-нибудь неприятели... а если другое что, такъ, можетъ быть, Павлу Ивановичу и извѣстно, а нѣтъ—попросила-бы его разспросить какъ-нибудь Андрея Федорыча, и, можетъ быть, посовѣтоваль-бы онъ мнѣ что-нибудь: онъ все-таки мужчина. Да и Павелъ Ивановичъ какъ въ воду канулъ.

— Перемелется, матушка, все мука будетъ. Конечно, супружеское дѣло, это что говорить, только напрасно ужь слишкомъ сумлеваться да мыслямъ всякимъ надъ собой волю давать: въ мысляхъ-то вотъ въ этихъ и вредъ.

Не одинъ разъ происходили подобныя разговоры между Авдотьей Семеновной и ея кухаркой, и всегда и та, и другая приходили къ одному и тому-же успокоительному положенію, въ иныхъ случаяхъ прекрасно замѣняющему недостатокъ болѣе положительныхъ данныхъ, что, молъ, все перемелется, мука будетъ, и чѣмъ меньше думать объ этомъ, тѣмъ лучше. Но Авдотья Семеновна не могла удовлетвориться этимъ, по той причинѣ, что не въ ея власти разогнать свои мысли, которыя, коли разъ попали въ голову, засядутъ въ ней гвоздемъ и однимъ сознательнымъ убѣжденіемъ въ бесполезности ихъ присутствія выбить ихъ оттуда мудрено.

Въ тотъ-же день былъ одинъ случай, который даль-бы подозрительности Авдотьи Семеновны новую пищу, если-бы былъ замѣченъ ею. Это было за обѣдомъ. Авдотья Семеновна замѣтила мужу, что такъ-какъ на этихъ дняхъ въ лабазѣ, когда она была тамъ, прикащикъ просилъ денегъ, то чтобы онъ, Андрей Федоровичъ, свелъ заранѣе счетъ всему забранному, чтобы заплатить сколько-нибудь, и при этомъ спросила, когда у нихъ будутъ выдавать жалованье. Авдотья Семеновна сказала это безъ всякаго

скрытаго намѣренія; вопросъ ея былъ самый естественный, такъ-какъ Пшеницны забирали провизію въ долгъ, на книжку, выплачивая по частямъ отъ времени до времени, — но онъ произвелъ на Пшеницна такое дѣйствіе, которое поразило-бы Авдотью Семеновну, если-бы въ эту минуту вниманіе ея было устремлено на мужа. Ложка, которою онъ хлебаль супъ, дрожала и чуть не выпала у него изъ рукъ, а самъ онъ весь перемѣнился въ лицѣ. Легкое дрожаніе въ голосѣ Андрея Федоровича, когда онъ произносилъ отвѣтъ, не было замѣчено Авдотьею Семеновной, и потому самому, что вопросъ ея былъ самый обыкновенный, она не подняла глазъ на мужа и не видала его смущенія. На самоѣже дѣлѣ напоминаніе о жалованьѣ должно было смутить Андрея Федоровича, особенно въ данное время, когда онъ еще съ самаго утра томился мыслью о томъ, что ресурсы все истощаются и нѣтъ средствъ пополнить ихъ откуда-нибудь. Преполовенскому онъ своего затрудненія не объяснялъ, потому что неловко-бы было просить у него послѣ того, какъ онъ недавно заплатилъ за него шесть рублей. Послѣ того, какъ Авдотья Семеновна напомнила ему о жалованьѣ, онъ рѣшился откуда-бы то ни было раздобыться деньгами. За обѣдомъ онъ все думалъ объ этомъ, пока не остановился на одномъ планѣ, который единственно ему оставался и который, хотя самый легкій и наиболѣе исполнимый, послѣднимъ пришелъ ему въ голову, какъ рѣшительное средство, къ которому заставляетъ прибѣгать только крайность, такъ-какъ ничего другого онъ не могъ придумать. Весь вечеръ онъ размышлялъ объ этомъ, переворачивая свой планъ со всѣхъ сторонъ; онъ началъ отчасти примиряться съ нимъ, какъ со всякою мыслью, которую необходимость заставляетъ насъ принять.

Прошелъ вечеръ, наступила и ночь. Андрею Федоровичу, по обыкновенію, не спалось. Не одна только бессонница была причиною его бодрствованія: онъ лежалъ съ спокойнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ, какъ бываетъ у человѣка, который чего-нибудь ждетъ. Пшеницны, дѣйствительно, ждалъ. Иногда онъ тихо, тихо приподымался на локтѣ въ полулежачее положеніе и осторожно взглядывалъ на лицо жены, глаза которой были закрыты, но нельзя было опредѣлить, легкая-ли то дремота только, или полное забвеніе. Андрей Федоровичъ ожидалъ послѣдняго.

Наконецъ, Авдотья Семеновна два или три раза слегка всхрапнула.

Андрей Федоровичъ опять приподнялся и, не переставая внимательно смотрѣть на ея лицо, медленно началъ ползти къ краю кровати, стараясь не дѣлать шороха. Кровать тихо скрипнула. Авдотья Семеновна пошевелилась и открыла глаза. При свѣтѣ лампадки она прямо передъ собою увидѣла бѣлую фигуру мужа съ всклокоченными волосами, сидящаго опершись на кровать и застыившаго въ этой позѣ.

Авдотья Семеновна подняла съ подушки голову и внимательно нѣе посмотрѣла на Пшеницына. Онъ уже легъ и закутывался въ одѣяло.

— Что ты возишься? спросила Авдотья Семеновна заспаннымъ голосомъ. — Клопы кусаютъ? Не откуда быть клопамъ. Я третьяго дня ихъ выварила.

— Не клопы... не спится, прошептала Андрей Федоровичъ и вздохнулъ, но жена уже не слыхала его словъ: она опять закрыла глаза и задремала.

Такъ прошло съ полчаса. Наконецъ, Авдотья Семеновна захрапѣла тѣмъ громкимъ, съ разными переливами, храпѣніемъ, которое показывало, что глубокой сонъ овладѣлъ ею. Андрей Федоровичъ откинулъ одѣяло и началъ свои прежніе маневры, которые ему на этотъ разъ удалось исполнить, не потревоживъ сна Авдотьи Семеновны. Пристально наблюдая ея лицо и вздрагивая каждый разъ, когда, благодаря мигавшему огоньку лампадки, ему казалось, что губы и рѣсницы Авдотьи Семеновны приходятъ въ движеніе, онъ перешагнулъ черезъ женины ноги, нагишомъ высунувшійся изъ-подъ одѣяла, и медленно спустился съ кровати. Въ углу висѣло будничное платье Авдотьи Семеновны. Пшеницынъ запустилъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда ключъ и, едва переводя дыханіе, вложилъ его въ одинъ изъ ящичковъ бюро. Замокъ щелкнулъ и зазвенѣлъ... Огненная струя ударила въ голову Пшеницына, а рука такъ и замерла на ключѣ. Авдотья Семеновна по-прежнему храпѣла безмятежно. Андрей Федоровичъ осторожно потянулъ ящикъ и выдвинулъ его до половины, нѣсколько разъ останавливаясь и прислушиваясь; все спало... Запустивъ въ ящикъ руку, онъ вытащилъ два бумажныхъ свертка: въ одномъ была дюжина серебряныхъ столовыхъ ложекъ, только въ имянины упо-

треблявшихся, въ другомъ темно-малиновый сафьянный футляръ съ вызолоченною браслеткой—подарокъ Андрея Федоровича Авдотья Семеновнѣ, когда онъ былъ еще женихомъ. Вынувъ изъ футляра браслетъ и положивъ первый на прежнее мѣсто, въ дальній уголъ ящика, наполненнаго всякой всячиной,—онъ завернулъ его, вмѣстѣ съ ложками, въ газетную бумагу, перевязалъ бичевкой и опустилъ въ одинъ изъ кармановъ своего вицмундира, висѣвшаго на ручей двери. Но тутъ онъ немного задумался, досталъ свертокъ обратно и спряталъ его подъ бюро, къ стѣнѣ. Нужно было опять задвинуть ящикъ и запереть его. Онъ туго входилъ въ свое мѣсто. Андрей Федоровичъ сдѣлалъ усиліе, нажалъ—и ящикъ подался съ трескомъ. Пшеницынъ, повинуясь инстинктивному чувству ужаса, закрылъ руками голову, присѣлъ къ полу и обмеръ... Авдотья Семеновна заворочалась на кровати, храпѣніе ея прекратилось и она что-то неясно забормотала въ просонвахъ... Андрей Федоровичъ остался неподвиженъ и затаилъ дыханіе... Сердце отчаянно колотилось у него въ груди. Прошло нѣсколько страшныхъ, жгучихъ мгновеній, томительныхъ для Пшеницына, какъ для вора, внезапно увидѣвшаго протянутую надъ нимъ руку, готовую схватить его. Мало-по-малу, сердце его отошло. Онъ поднялъ голову и прислушался. Авдотья Семеновна по-прежнему спала и ровное храпѣніе ея оглашало комнату. Андрей Федоровичъ вздохнулъ съ облегченіемъ и замкнулъ бюро. Потомъ, положивъ ключъ куда слѣдуетъ, онъ прежнимъ порядкомъ занялъ свое мѣсто на кровати. Онъ былъ весь въ поту и, еще не совсѣмъ оправившись отъ недавнихъ ужасовъ, чувствовалъ въ колѣняхъ нервическую дрожь...

XIX.

Прошло еще нѣсколько дней послѣ описаннаго выше событія; наступила и суббота.

Только-что вставъ утромъ со сна, Андрей Федоровичъ почувствовалъ себя нехорошо. У него была головная боль, слабость и ознобъ. Весь этотъ день онъ провелъ дома, не выходя на улицу и большею частію лежа на кровати.

На слѣдующій день, въ воскресенье, ему сдѣлалось лучше.

Дождливая и пасмурная съ самаго утра погода къ вечеру разгулялась. По совѣту жены, одѣвшись потеплѣе, Андрей Федоровичъ пошелъ прогуляться.

Тусельный осенній вечеръ темнымъ флеромъ висѣлъ въ квартирѣ Пшеницныхъ. На кругломъ обѣденномъ столѣ передъ диваномъ горѣла лампа, распространяя красноватый полусвѣтъ въ комнатѣ. На диванѣ сидѣла Авдотья Семеновна и вязала изъ красной шерсти шарфъ мужу, къ зимѣ. Пальцы ея, вооруженные деревянными спицами, быстро двигались; лицо съ серьезно-сдвинутыми бровями и наморщеннымъ лбомъ не отрывалось отъ работы; она или думала крѣпко, или озабочивалась не спустить петли. Старшій сынъ Саша тутъ-же у стола, также съ озабоченной физиономіей, опершись локтями, шевеля руками въ волосахъ и беззвучно двигая губами, училъ урокъ; Коля, опираясь колѣнями на стулъ и полудлежа на столѣ, рисовалъ на бумагѣ какія-то каракульки, долженствующія изображать солдатъ и домики; Маша, сидя на диванѣ возлѣ матери, смотрѣла на его работу; Федя и Даша, ерзая по-полу, тискали котенка. Всѣ молодые отростки сгруппировались здѣсь. Чтò удивительно, въ комнатѣ присутствовала полная тишина, которую можно было-бы назвать мертвою, если-бы не жалобное взвизгиваніе, подчасъ, котенка, шепотомъ передаваемыя, по временамъ, замѣчанія Коли и Маши, да пѣніе самовара, слабо долетавшее изъ кухни; слышенъ былъ даже тихіе звуки, которые производить горѣніе въ лампѣ.

Протекло уже полчаса, какъ ушелъ Андрей Федоровичъ. Среди этой тишины вдругъ звякнулъ колокольчикъ. Авдотья Семеновна съ выжиданіемъ подняла голову; по звонку она узнала, что это не мужъ: тотъ звонилъ протяжно, а теперь колокольчикъ ударилъ отрывисто.

Догадка Авдотьи Семеновны оправдалась: въ комнату вошелъ Преполовенскій.

Никогда приходъ его не былъ такъ кстати и пріятенъ для нея, какъ теперь.

— Сколько лѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ не ожидала! радостно сказала Авдотья Семеновна, подымаясь ему навстрѣчу. — Гдѣ вы это столько времени пропадали? спросила она послѣ того, какъ Преполовенскій, поздоровавшись съ ребятами, потирая руки и озираясь по сторонамъ, садился на стулъ.

— Да гдѣ пропадать, матушка?—дома все пребываль. Самы знаете, какаѣ погодѣ стояла до сегодняшняго дня. Придешь къ себѣ со службы по сырости да слякоти—тряпка-тряпкой, не глядѣль-бы, кажется, ни на что (это всегда ужь дурная погода на меня такое дѣйствіе производитъ); первымъ дѣломъ, какъ пообѣдаешь—къ храповицкому, иначе нельзя, потому—погода ужь такая; смотришь, и протрубишь чуть не до чаю... время-то и пройдетъ самымъ безпутнымъ образомъ. Сегодня, слава богу, вечеръ порядочный выдался; думаю, дай пройдуся, да кстати и къ вамъ завернулъ, благо давно не бываль.

— И спасибо вамъ, Павелъ Ивановичъ; а я вотъ одна съ ребятишками. Скука такая смертная. Андрей Федоровичъ не такъ давно, передъ вами, ушелъ.

— Я только про него хотѣлъ спросить. Куда онъ ушелъ?

— Да тоже вольнымъ воздухомъ поосвѣжиться. Надо бытъ, теперъ скоро вернется.

— Что онъ, здоровъ?

— Сегодня, слава-богу, ничего, а вчера такъ чуть не весь день пролежалъ. Я ужь его и на службу не пустила; сами посудите, еле на ногахъ держится, а дома посидѣтъ не хочеть.

— Что съ нимъ?

— Да простудился, вѣроятно: лихорадка маленькая, слабость... На ночь его малиной напоила, сегодня и отошло. Вѣдь онъ у меня, все равно, что ребенокъ маленькій, самъ о себѣ никогда не позаботится... Больно ужь мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ сегодня на улицу выходилъ, да вижу, что ему не втерпѣжъ дома сидѣтъ, такъ и не уговаривала (Авдотья Семеновна испустила легкій вздохъ), одѣла его только потеплѣе... А теперъ вотъ и сама жалѣю, что не удержала его: послѣ малины-то слѣдуетъ поберечься.

— Ну, сегодняшній вечеръ вреда ему не принесеть. Воздухъ сухой и морозецъ маленькій... Того и гляди, снѣгъ скоро выпадеть, да и пора-бы, это время такъ надоѣло, что мочи нѣтъ. Самое глупое время: ни ночь, ни день, ни зима, ни лѣто—галиматья какаѣ-то!

Оба вздохнули и примолкли на нѣсколько минутъ. Авдотья Семеновна было, очевидно, немного не по себѣ. Предыдущій разговоръ ея служилъ только предисловіемъ къ главной сути, занимав-

шей ее, и приступить къ которой она выбирала время. Воспользовавшись перерывомъ, она обратилась къ старшему сыну.

— Мы тебѣ мѣшаемъ, дружочекъ. Спроси у Агафьи свѣчку, да иди заниматься въ папину комнату.

— И мы пойдёмъ, маменька! сказалъ одинъ изъ дѣтей, которыя съ приходомъ гостя еще болѣе притихли.

— Вы мѣшать будете братцу.

— Мы будемъ сидѣть смирно, маменька... мы будемъ домики строить, у насъ карты есть.

— Идите, да не шумите только.

— А вѣдь нечего жаловаться, Павелъ Ивановичъ, тихи они у меня, сказала она, когда дѣти вышли изъ комнаты, — на другихъ дѣтей посмотришь — Господи, какіе сорванцы бывають! а изъ моихъ ни про одного сказать нельзя, чтобы даже рѣзовъ былъ... Это, пожалуй, и не совѣмъ хорошо, потому кому и рѣзвиться, какъ не ребенку? Возрастъ ужъ такой, необходимо. Въ отца, зная, они пошли у меня.

— Вы что это вяжете, Авдотья Семеновна? спросилъ Преполовенскій послѣ небольшой паузы.

— Шарфъ Андрею Федоровичу. — Авдотья Семеновна накинула его на руку и немного протянула эту руку, чтобы Павлу Ивановичу удобнѣе было рассмотреть ея работу. — Въ магазинѣ покупать не стоять: и дорого возьмутъ, да и плотности той не будетъ, не то, что какъ сама сдѣлаешь. Я вотъ купила шерсти, да и принялась. Андрей Федоровичъ кутаться не любитъ и шарфовъ не носить, да я на это не смотрю. Какъ придетъ зима да начнутъ трещать двадцатиградусные морозы, онъ еще мнѣ спасибо скажетъ.

— Счастливые, право, семейные люди, позавидуешь имъ. Это не то, что нашъ братъ холостякъ бездомный. Здоровъ-ли, не голоденъ-ли, не холоденъ — никто тебя не спроситъ.

— А хотите, я вамъ невѣсту найду?

— Богъ съ вами, матушка! отшутился Преполовенскій. — Поздно ужъ объ этихъ роскошахъ думать. Какимъ сложился, такимъ и останусь. Семейная жизнь, матушка, великое дѣло... Да и пословица у насъ, знаете, есть: одна голова не бѣдна, а бѣдна, такъ одна; а это вѣдь тоже что-нибудь значитъ!..

— Справедливая пословица, Павелъ Ивановичъ!

Опять замолчали. Авдотья Семеновна быстро вертѣла спицами,

а Преполовенскій всталъ со стула и началъ ходить. Это была его любимая привычка, прибрѣтенная имъ въ одиночествѣ, которой онъ слѣдовалъ всякій разъ, когда разговоръ прерывался. Надобно сказать, что онъ былъ въ нѣкоторомъ волненіи. Не видавъ Пшеницына два дня послѣ того, какъ онъ ежедневно бывалъ у него, Преполовенскій впалъ въ нѣкоторое безпокойство, приписывая его отсутствіе какому-нибудь случаю. Чтобы узнать объ этомъ, онъ теперь и пришелъ. Хотя дѣло объяснилось весьма для него удовлетворительно, тѣмъ не менѣе, не заставъ Андрея Федоровича дома, онъ почувствовалъ нѣкоторое смущеніе. Его обезпокоивала перспектива бесѣды съ Авдотьей Семеновной. Онъ былъ твердо увѣренъ, что послѣдняя не знаетъ еще о томъ, что случилось съ ея мужемъ; въ первыхъ-же словахъ Авдотьи Семеновны онъ нашель этому подтвержденіе; но онъ зналъ настолько и Андрея Федоровича, и его жену, и помнилъ всегдашнее состояніе его духа, насколько онъ могъ замѣтить во время его посѣщеній, чтобы угадать, что онъ не съумѣетъ замаскироваться совершенно передъ Авдотьей Семеновной и не избѣгнетъ ея подозрѣній. Однимъ словомъ, онъ вѣрно угадалъ всѣ обстоятельства дѣла, не зная только, вонечно, какъ далеко простираются подозрѣнія Авдотьи Семеновны.

Молчаніе прервала Авдотья Семеновна.

— Сядьте-ка, Павелъ Ивановичъ, сказала она, — мнѣ нужно кой-что у васъ спросить.

Преполовенскій понялъ, что время наступило, прекратилъ свою прогулку и покорно усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

— Вы, Павелъ Ивановичъ, нашъ хорошій знакомый и кумъ; мы считаемъ васъ почти за родственника и я знаю, что вы тоже къ намъ расположены... Потому я всегда откровенно могу довѣриться вамъ и надѣюсь, что вы, насколько въ силахъ, не откажетесь помочь. Я давно уже васъ поджидала и теперешнимъ вашимъ приходомъ вы меня чрезвычайно обрадовали. Я хотѣла обратиться къ вамъ, надѣясь, что вы можете разъяснить мнѣ нѣкоторую вещь, которая меня въ послѣдніе эти дни очень тревожить. Вы можете меня успокоить или, по крайней мѣрѣ, дать добрый совѣтъ...

— Въ чемъ посовѣтовать вамъ, Авдотья Семеновна? Я всегда радъ... Какая такая вещь васъ тревожитъ?

— Я хотѣла спросить васъ насчетъ Андрея Федоровича. Вы

видитесь съ нимъ на службѣ каждый день; не замѣтили-ли вы, что онъ въ послѣднее время сдѣлался какой-то странный?

— Я въ немъ ничего не замѣтилъ; онъ, кажется, всегда таковъ, какой былъ.

— Не замѣтили-ли вы, чтобы онъ былъ задумчивъ, чтобы онъ какъ-будто скрывалъ что-нибудь?

— Право, не могу вамъ сказать, Авдотья Семеновна. Мало вѣдь съ нимъ на службѣ видимся... Да къ тому-же онъ вѣдь и всегда былъ не изъ весельчаковъ.

— Ну скажите, пожалуйста, не вышло-ли у него тамъ, съ начальствомъ-то, какой-нибудь непріятности? Вѣдь оно у васъ нынче какое-то бѣдовое... а вы сами знаете, какъ Андрей Федоровичъ все близко къ сердцу принимаетъ...

— Съ начальствомъ—что-жь? начальство съ нимъ хорошо, отвѣчалъ Преполовенскій не безъ смущенія, котораго онъ не могъ подавить и которое ускользнуло отъ вниманія Авдотьи Семеновны, увлеченной своими разспросами.

— Я потому васъ обо всемъ этомъ разспрашиваю, что онъ самъ на себя сталъ непохожъ. Я его такимъ никогда еще не видывала. Вы вѣдь знаете, что онъ не изъ разговорчиваго десятка, а теперь вдругъ иной разъ разговорится, да такъ, что лучше не слушала-бы его... Или смѣяться подчасъ начнетъ слову какому-нибудь, а что онъ въ немъ смѣшного напелъ—Господь его разберетъ... Я знаю, что ему обмануть меня все хочется, отвести глаза, чтобы я не догадалась, что онъ отъ меня что-то скрываетъ. А какъ-же недогадаться, сами посудите? Кто не знаетъ его, того еще провести можно, только ужъ никакъ не меня: не первый годъ съ нимъ живу... знаю его отлично. Онъ не видитъ, какъ я слѣжу за нимъ. Иной разъ задумается онъ, задумается такъ, согнется весь и въ землю смотритъ (дума-то, значить, его заберетъ), да какъ замѣтитъ, что я на него гляжу, встрепететъ, знаете, весь; скрыть-то ему хочется, что вотъ онъ задумался, да чтобы разспросы не пошли, чего добраго, и ужъ радехонекъ, коли я о чемъ-либо другомъ заговорю. Разъ, впрочемъ, я у него какъ-то спросила: „о чемъ, говорю, Андрей Федоровичъ, такъ задумался?“ Какъ вскинетъ онъ на меня глазами, точно ошпаренный. „Съ чего это тебѣ, говорить, представилось? Ничего, говорить, я не думаю, ничего, ничего“... Вѣдь вотъ что сказали! Хоть-бы онъ

другое что придумаль... Я ужь и отступилась. И апшетита у него тоже не стало. Прежде, бывало, изъ должности придетъ, славно такъ пообѣдаетъ—понятно, человекъ усталый... А теперь супу развѣ ложки три хлебнетъ да мяса кусочекъ крохотный съѣстъ, а до хлѣба и не дотронется; я ужь, право, не понимаю, чѣмъ онъ и сытъ бываетъ. По ночамъ заснуть не можетъ: иной разъ проснешься и слышишь, какъ онъ ворочается.

— Вы не пробовали спрашивать его? замѣтилъ Преполовенскій, не глядя на Авдотью Семеновну.

— Пыталась я и разспрашивать, да толку никакого отъ него нельзя добиться. Прямо я никакъ не могу заговорить съ нимъ, потому что онъ раздражается и не отвѣчаетъ, что я ужь по опыту знаю, а если начать допытываться отъ него какимъ-нибудь другимъ образомъ, издалека, такъ на чемъ-же я могу основываться и какъ могу разспрашивать, если я сама не знаю, что подозреваю? Слѣдъ-то-бы мнѣ только найти, слѣдъ только...

Преполовенскій пожалъ плечами и молчалъ.

— Павелъ Ивановичъ! вдругъ возвыся голосъ, продолжала Авдотья Семеновна, — скажите мнѣ ради-бога, если вамъ извѣстно что про Андрей Федоровича! Я сперва думала, что онъ болѣзнъ, но это не болѣзнъ, Павелъ Ивановичъ. Я по всѣмъ признакамъ вижу, что это не болѣзнъ, а что-нибудь другое. Можетъ быть, вы знаете, что это такое. Можетъ быть, это что-нибудь дурное и вы не хотите меня испугать... но мнѣ все-таки будетъ легче, когда я узнаю, чѣмъ мучиться постоянно, какъ теперь; вѣдь у меня сердце выболѣло все, на него гляючи, прибавила Авдотья Семеновна дрогнувшимъ голосомъ. — Скажите, Павелъ Ивановичъ, если вы знаете; намъ обоимъ будетъ легче.

— Ничего я не могу вамъ сказать, Авдотья Семеновна, промолвилъ Преполовенскій, невольно потупившись, — я ничего не знаю. Я сказалъ-бы, если-бы могъ. („Все нейдетъ, анафема!“ тоскливо и злобно подумалъ онъ про Пшеницына.)

— А я на васъ рассчитывала, какъ на едипственнаго человека, думала, что вы меня успокоите, задумчиво произнесла Авдотья Семеновна.

— Если-бы я могъ... все это можетъ въ свое время объясниться...

— Слушайте, Павелъ Ивановичъ, я вамъ все рассказала, что

замѣтила въ Андрей Федоровичъ. Вы можете вывести какое-нибудь заключеніе изъ этого. Я много ужъ объ этомъ думала... Скажите, что вы предполагаете, я хочу знать ваше мнѣніе.

— Да, вѣдь, можно ошибиться, Авдотья Семеновна, медленно и раздумчиво проговорилъ Преполовенскій; — кромѣ того, признаться сказать, я пользы въ этомъ никакой не вижу. Если я сдѣлаю свое предположеніе, развѣ это въ состояніи васъ успокоить? И, наконецъ, можетъ статься, что то, о чемъ мы теперь разсуждаемъ, не въ такой степени достойно вашего безпокойства.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, я предчувствую, что дѣло не совсѣмъ ладно. Не пустяки тутъ замѣшались, а что-нибудь поважнѣе. Не могло-же это продолжаться почти двѣ недѣли, если-бы были пустяки.

Наступило тяжелое молчаніе. Оба задумались.

— Вы вѣдь, конечно, можете мнѣ, Павелъ Ивановичъ? спросила, наконецъ, Авдотья Семеновна.

— Радехонекъ, чѣмъ могу. Ей-богу, я до глубины души вамъ сочувствую и, если могу что-нибудь сдѣлать съ своей стороны, я готовъ хоть сейчас!

— Спасибо вамъ. Это все насчетъ того, что мнѣ узнать хочется. Вы мужчина, вы лучше меня можете это сдѣлать. Я ужъ отступилась. Можетъ быть, съ вами Андрей Федоровичъ будетъ откровеннѣе, если ужъ мнѣ онъ не хочетъ ничего говорить. Заговорите когда-нибудь въ должности съ нимъ объ этомъ, убѣдите его не скрывать. Обо мнѣ не упоминайте: пусть онъ не подозреваетъ, что я васъ научила. Вы сдѣлаете это?

— Если-бы вы и не просили, я-бы это сдѣлалъ, Авдотья Семеновна.

— Можетъ быть, онъ сначала и отъ васъ скрывать будетъ изъ боязни, что вы мнѣ передадите, — такъ вы ужъ возьмите грѣхъ на душу, Павелъ Ивановичъ: увѣрите его какимъ-бы то ни было образомъ, что мнѣ ничего не будетъ извѣстно... Вѣдь это для его-же пользы. Вы не откажетесь, Павелъ Ивановичъ, отъ этого? Болитъ вѣдь мое сердце за него.

— Я всѣчески постараюсь убѣдить его, Авдотья Семеновна, честное слово вамъ даю. Можетъ быть, онъ и самъ вамъ все объяснить, сказалъ Преполовенскій, хладнокровіе котораго начало подаваться передъ рѣчами Авдотьи Семеновны. Въ головѣ его

мелькнула мысль не откладывать далѣе—измѣнить Андрею Федоровичу и рассказать все его женѣ.

Можетъ быть, еще минута—и онъ привелъ-бы въ исполненіе свое намѣреніе, если-бы судьба или случай не оказали своего сопротивленія. Въ то время, какъ Преполовенскій обдумывалъ, въ какихъ словахъ ему начать изложеніе щекотливаго дѣла, въ прихожей раздался звонокъ. Пшеницынъ воротился съ прогулки.

Тотчасъ-же съ его приходомъ былъ поданъ самоваръ.

Встрѣча пріятеля въ своей квартирѣ, какъ видно, не особенно обрадовала Андрея Федоровича; мало того, она смутила его. Онъ быстро, изъ-подлобья, взглянулъ на жену и Преполовенскаго и безсвязно отвѣчалъ на его привѣтствіе. Онъ засталъ ихъ вдвоємъ, а дѣтей въ комнатѣ не было никого,—это разъ; кромѣ того, въ минуту его прихода они молчали, какъ-будто онъ помѣшалъ ихъ разговоръ, и, наконецъ, ему показались на лицѣ жены слѣды недавняго волненія, а Павла Ивановича—замѣшательства. Все это поразило мгновенно Пшеницына. Сперва ему пришло въ голову, что Авдотья Семеновнѣ все извѣстно, и хотя дальнѣйшія наблюденія его не подтвердили этого предположенія, первое впечатлѣніе все-таки оставило свои слѣды и тревожное состояніе духа не покидало его въ остальную часть вечера, пока оставался Преполовенскій. Отсутствіе его весьма-бы облегчило Пшеницына.

Вообще, всѣ трое были въ какомъ-то натянутомъ состояніи. Преполовенскій украдкой наблюдалъ своего пріятеля и замѣтилъ перемѣну, происшедшую въ немъ въ эти послѣдніе два дня. Онъ какъ-будто еще болѣе похудѣлъ, пожелтѣлъ и согнулся. Разговоръ шелъ вяло. Пшеницынъ положительно не сказалъ во весь вечеръ ни слова, а Авдотья Семеновна ограничилась кой-какими немногосложными замѣчаніями.

Почти тотчасъ-же послѣ чаю Преполовенскій ушелъ домой.

XX.

На другой день, по обыкновенію, въ четыре часа Пшеницынъ сидѣлъ у Преполовенскаго. Нагорѣвшая свѣча тускло мерцала на столѣ.

Андрей Федоровичъ сидѣлъ на диванѣ и молчалъ, а Преполовенскій рассказывалъ въ халатѣ, заложивъ руки за спину, и

ораторствовалъ съ большимъ жаромъ. Громадная тѣнь, бросаема я его фигурой, двигалась рядомъ съ нимъ по стѣнѣ, захватывая и потолокъ.

Павель Ивановичъ только-что побѣждалъ и разговоръ между пріятелями только-что начался.

— Никогда я не прощу себѣ, говорилъ Преполовенскій, — что позволилъ тогда себѣ согласиться съ тобою. Это страшная глупость, которую я тогда сдѣлалъ, по твоей милости. Знаю я тогда, что изъ этого должно выйти, я ни за что бы не допустилъ. Нѣтъ, я почти зналъ, я догадывался, что твоя жена не изъ такихъ, которую такой тюфякъ, какъ ты, можетъ оплести, — не изъ такихъ она, другъ ты мой любезный, и если-бы ты глядѣлъ сколько-нибудь дальше своего носа, ты самъ-бы это увидалъ. Я догадывался, что она будетъ подозрѣвать, потому что кому другому, а ужъ никакъ не тебѣ хитрить съ нею. Я только не зналъ, какихъ тревогъ это можетъ надѣлать ей, и за это я себя ругаю. Мнѣ еще тогда слѣдовало-бы побѣждать къ ней и все рассказать.

— Она знаетъ? испуганно спросилъ Андрей Федоровичъ. Онъ поднялъ голову и, весь помертвѣвъ, смотрѣлъ на Павла Ивановича.

— Она знала-бы вчера, если-бы ты своимъ приходомъ не помѣшалъ мнѣ, и я крайне сожалѣю, что не сказалъ ей еще въ началѣ разговора. Признаться сказать, я не желалъ, чтобы она заводила объ этомъ рѣчь, и сознаюсь, что доволенъ теперь, что она заговорила, такъ-какъ иначе я не зналъ-бы, что у васъ творится. Она подозрѣваетъ, — слышишь, Андрей Федоровичъ, она подозрѣваетъ, и неужели ты этого не замѣчалъ?

Пшеницны растерянно повурился и спросилъ:

— Что она подозрѣваетъ?

— Все и ничего; однимъ словомъ, она не имѣетъ ничего опредѣленнаго, ни изъ чего не можетъ вывести заключенія, но подозреваетъ, что съ тобой произошло что-то неладное, и это не даетъ ей покоя. Довольно тебѣ этого? Она разспрашивала меня...

— Что она, что разспрашивала? быстро заговорилъ Андрей Федоровичъ и впился глазами въ своего пріятеля.

— Она разспрашивала, не знаю-ли я чего про тебя. Я былъ настолько глупъ, что сдержалъ свое слово и отлынивалъ, какъ умѣлъ. Ты вѣдь знаешь, что я... ну, какъ-бы это сказать, ну,

дубовать, — нечего грѣха таить, — однако, ея слова такъ пробрали меня, что я подъ конецъ нестерпѣль и рѣшился выдать тебя и выдалъ-бы непременно, если-бы въ эту минуту не дернулъ тебя чортъ вернуться домой и помѣшать мнѣ...

— Она плакала?

— Нѣтъ. Да не въ томъ дѣло. Важно то, что она тревожится и не находитъ себѣ покоя. Ты самъ знаешь, какъ тяжело человѣку, если ему въ голову влѣзетъ мысль, которая мучить безпрестанно... Хныканье тутъ не поможетъ.

Преполовенскій говорилъ все это, ни разу не остановившись, на ходу, и насупившись, какъ грозовая туча.

— Слушай, Андрей Федоровичъ, продолжалъ Преполовенскій и на этотъ разъ остановился передъ своимъ пріятелемъ, — я говорю тебѣ серьезно: пора бросить все это и покончить дѣло какъ слѣдуетъ...

Пшеницынъ обратилъ безнадежный взглядъ на фигуру Павла Ивановича, перенесъ его на стѣны, на полъ и молчалъ.

— Неужели ты не можешь понять, что это не должно такъ продолжаться? Ты говоришь, тебѣ тяжело, а подумай-ка: ей-то каково?

Преполовенскій крикнулъ и снова заходилъ. Андрей Федоровичъ тупо слѣдилъ за нимъ глазами. Павелъ Ивановичъ продолжалъ:

— Авдотья Семеновна просила меня убѣдить тебя перестать скрываться, и я далъ ей слово, которое долженъ сдержать.

Преполовенскій взглянулъ на Пшеницына; тотъ по-прежнему безмолвствовалъ и напряженно смотрѣлъ въ полъ.

— И что это за люди такіе, — ей-богу, я не постигаю! воскликнулъ энергически Преполовенскій и пожалъ плечами, вздернувъ глаза къ потолку. — Я согласенъ, ты не хотѣлъ ее тревожить... у тебя была причина, и я съ тобой согласился, ты знаешь; все это имѣло цѣль; пойми-же ты теперь, что это бесполезно и что, продолжая такимъ образомъ, ты портишь дѣло... вѣдь ты не умѣешь притворяться, — ты только себя выдаешь; пойми ты, пойми ты это, странный ты человѣкъ! Мало того, что самъ терпишь Вуку-мученскую, ты и другихъ страдать заставляешь. Подумай ты одно, какъ долго это можетъ продолжаться? Вѣдь придется все равно сказать... я удивляюсь, какъ ты до сихъ поръ держишься:

вѣдь у тебя и средствъ-то нѣтъ никакихъ. Странно, на какія деньги ты и живешь.

Пшеницынъ смутился. Онъ вспомнить ту ночь, нѣсколько дней назадъ, когда, дрожа какъ воръ, запустилъ ключъ въ ящикъ своего бюро.

— Вѣдь должно-же рѣшить, наконецъ; будь ты мужчиной немножко. Вѣдь ты самъ себя мучишь, добровольно мучишь. Посмотри, на кого ты сталъ похожъ? Тряпка истасканная, привидѣннѣе какое-то, противно даже смотрѣть! У тебя даже и взглядъ какой-то пасквильный сдѣлался. Слушай, Андрей Федоровичъ, я говорю серьезно: я далъ слово твоей женѣ и долженъ его сдержать: повторяю тебѣ: если ты не хочешь поступить какъ порядочный человѣкъ, я завтра-же все расскажу, слышишь? Я общаю тебѣ это, честное и благородное слово! Понялъ ты это?

— Павелъ Ивановичъ! заговорилъ вдругъ Пшеницынъ; — не завтра, пожалуйста, — я прошу тебя, не завтра! Я согласенъ съ тобой, я ей скажу, погоди ты только немножко, дай-ты мнѣ только хоть приготовиться; потерпи еще день, два... я не могу, воля твоя не могу; я дуракъ, ну, я согласенъ, я тряпка... пожалуйста хоть ты меня нѣсколько... я совсѣмъ одурѣлъ за эти дни...

На послѣднемъ словѣ голосъ Пшеницына порвался; онъ замолчалъ, облокотился руками на столъ и спряталъ въ нихъ голову.

Минуты съ двѣ въ комнатѣ было безмолвіе. Преполовенскій ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и не глядѣлъ на Пшеницына. Наконецъ, онъ подошелъ къ столу и сѣлъ противъ своего пріятеля.

— Ну, будетъ, Андрей Федоровичъ, успокойся и не сердись, пожалуйста, на меня, что я немножко погорячился. Вросимъ все это и поговоримъ о другомъ. Полно-же, экой ты ребенокъ. Вѣдь я тебѣ все по-дружески говорилъ. Ты думаешь, мнѣ все равно? Ну, да ладно; будетъ! Слушай, Андрей Федоровичъ: мнѣ тебѣ нужно важную штуку сообщить... Обрадовать тебя, а?

Пшеницынъ сдѣлался внимательнѣе.

— Видишь-ли, въ чемъ дѣло. Нужно сказать — какъ ни вертись, дѣло твое плохо. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ ты обиваешь пороги, а пользы все ни на грошъ и, если говорить откровенно, то едва-ли скоро будетъ какой-нибудь толкъ. Я тебѣ правду говорю, только ты не пугайся. Что-жъ дѣлать? Питеръ ужъ такой

анафемскій городъ, что какъ ни вертись, а на линію попасть трудновато. Ты знаешь пословицу: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“. Здѣсь эта пословица наоборотъ выворачивается. Понимаешь, что я хочу сказать? Работа здѣсь не стоитъ: претендентовъ на нее вволю. Ну, да и это еще куда ни шло! Бываетъ, что и работа рукъ ищетъ, трудно только во-время напасть на нее, чтобы ты первый, значить, на нее наскочилъ, другіе-бы дороги не перебили, а для этого протекція нужна. Согласенъ ты со мной?

— Я это знаю, только какъ-же это, будто ужъ и нельзя...

Пшеницны не докончилъ. Очевидно, обѣщаніе Преполовенскаго обрадовать его не осуществилось и послѣднія слова пріятеля произвели на Андрея Федоровича совершенно обратное дѣйствіе.

— Ты хочешь сказать, безъ протекціи? Ну, можетъ быть, я и ошибаюсь, только я такъ думаю. Однако, я еще не кончилъ. Я нашелъ средство, которое поможетъ лучше всего. Надобно тебѣ сказать, что въ Питерѣ существуетъ нѣкій графъ... эхъ, какъ его: не-то Пфефферкухенъ, не-то... погоди, у меня записано.

Преполовенскій досталъ изъ кармана бумажный листокъ и прочелъ:

— Траубенмилхъ. Слыхалъ когда-нибудь эту фамилію?

— Нѣтъ.

— Этотъ графъ—филантропъ, членъ разныхъ комитетовъ, богачъ, со связями, ну и благодѣтель. Я слышалъ, что онъ многихъ въ люди вытащилъ... Говорятъ, это ему все равно, что наплевать. То-есть, ты понимаешь, такъ говорятъ; за истину всего этого я не ручаюсь. Мнѣ сегодня, въ должности, все это Половицныъ рассказалъ, онъ-же и адресъ далъ,—откуда онъ это знаетъ, имѣлъ-ли онъ съ нимъ дѣло или нѣтъ—я не знаю, не спрашивалъ, да этого намъ и не нужно; главная штука въ томъ, что такой человѣкъ существуетъ—и баста! Половицныъ говорить, что онъ очень любезный старикъ. Если кто является къ нему безъ рекомендаціи, того онъ спрашиваетъ, наводитъ справки, если нужно... Слѣдуетъ только ему понравиться. Онъ, говорятъ, даже и денежное вспомошествованіе даетъ. Опять повторяю, что я слышалъ такимъ образомъ и утверждать за вѣрное не могу. Конечно, онъ сразу тоже не можетъ помочь—все-таки время нужно, но ужъ если онъ согласился помочь, то поможетъ, а это главное. Что ты скажешь на это? Понимаешь, къ чему я рѣчь клоню?

Андрей Федорович молчалъ; и радость и недовѣріе было въ немъ. Последнее онъ высказалъ:

— Не вѣрится мнѣ что-то, странно какъ-то, сказалъ онъ раздумчиво и съ тѣмъ выраженіемъ на лицѣ, которое показывало, что сомнѣнія его колеблются и что довольно одного какого-нибудь положенія, чтобы ихъ разсвѣять совершенно.

— Странно или нѣтъ, а ты попробуй; ты пойми то, что я не обнадеживаю тебя, я самъ объ этомъ плохо знаю, — да чего быть не можетъ? Я самъ объ этой штуцѣ въ первый разъ слышу, а ты попытайся.

— Павелъ Ивановичъ! горячо воскликнулъ Пшеницынъ, — если это правда, что ты говоришь, я не съумѣю тебя отблагодарить: вѣдь ты меня воскресилъ тогда, на ноги поставилъ!

Андрей Федоровичъ вдругъ умолкъ и опять задумался. Предъидущая часть разговора съ Преполовенскимъ, гдѣ послѣдній сообщилъ ему, что жена подозрѣваетъ, и это теперешнее извѣстіе совершенно ошеломили Пшеницына разнородностью произведенныхъ впечатлѣній.

— А я тебѣ опять говорю: попробуй. Иди завтра утромъ: онъ по утрамъ каждый день принимаетъ. Спиши адресъ, а не то возьми его: мнѣ не нужно... Главное, не робѣй, Андрей Федоровичъ, объясни ему все безъ утайки. — Куда ты? спросилъ онъ.

Пшеницынъ въ эту минуту посмотрѣлъ на часы, поспѣшно всталъ и суетливо переминался съ ноги на ногу.

— Я у тебя засидѣлся, прощай; Авдотья Семеновна будетъ беспокоиться.

Преполовенскій внимательно посмотрѣлъ на своего пріятеля. Недавнее выраженіе оживленія сбѣжало съ его лица. Одной рукой онъ медленно пряталъ записку въ карманъ, а другою держался за голову; глаза его разсвѣянно блуждали по комнатѣ. Передъ Павломъ Ивановичемъ стоялъ прежній забытый, надорванный человекъ съ выраженіемъ тупой думы на лицѣ, котораго представлялъ въ послѣднее время Пшеницынъ.

Преполовенскій медленно и задумчиво пожалъ ему руку и спросилъ:

— Такъ ты завтра пойдешь?

— Пойду.

— Завтра непременно зайди ко мнѣ, — слышишь, расскажешь все.

— Да. Прощай! всегдашнимъ своимъ глухимъ и безучастнымъ тономъ отозвался Андрей Федоровичъ.

Онъ повернулся, чтобы уходить, но Преполовенскій воротилъ его.

— Подумай, Андрей Федоровичъ, о томъ, что я тебѣ давеча говорилъ... Не мучь ты себя и другихъ попусту.

— Да, я знаю, я все скажу, завтра-же; пора рѣшить... измаялся вѣдь я! медленно и почти шепотомъ произнесъ Пшеницны.— Прощай.

По его уходѣ Преполовенскій долго сидѣлъ передъ столомъ, разсѣянно созерцая огонекъ свѣчки, въ то время, какъ его пріятель медленно тащился домой съ такимъ запасомъ мыслей, чувствъ и впечатлѣній, самыхъ сильныхъ и разнородныхъ, который только можетъ выдержать человѣческій мозгъ, и я увѣренъ, что всякій, встрѣчавшійся съ нимъ на улицѣ, будучи знакомъ съ мучительнымъ процессомъ его внутренней работы, невольно пожалѣлъ-бы моего героя.

XXI.

На другой день утромъ Андрей Федоровичъ, выйдя въ опредѣленный часъ изъ дому, отправился въ Большую Морскую. Адресъ, данный Преполовенскимъ, былъ при немъ, и онъ скоро отыскалъ мѣстопробываніе филантропа, которому поставить человѣка на ноги, по выраженію Павла Ивановича, все равно, что плюнуть. Погода, простоявшая два дня порядочной, опять испортилась: было сыро, туманно и холодно; мгlistый воздухъ свербилъ въ груди. Нынѣшняя ночь была для Андрея Федоровича самою тревожною и бессонною изъ всѣхъ, проведенныхъ имъ въ послѣднее время. Это видно было въ его наружности. Лицо его было желтѣе обыкновеннаго, движенія вялы и медленны, какъ подъ вліяніемъ разсѣянности. Я уже сказала, что вчерашній разговоръ съ Преполовенскимъ возбудилъ въ немъ много разнородныхъ мыслей и впечатлѣній. Вечеромъ того-же дня онъ вытерпѣлъ муку мученскую, избѣгая взглядовъ Авдотьи Семеновны, которые возбуждали въ немъ величайшее смущеніе, весьма вамъ понятное. Вечеръ прошелъ крайне медленно, тоскливо и безмолвно, словно гнетъ какой давилъ весь дождь... Супруги, за исключеніемъ са-

мыхъ необходимыхъ замѣчаній, не сказали другъ другу ни слова. Никогда натаянность между ними не проявлялась въ такой степени, — натаянность, такъ-сказать, напряженная, искавшая случая разрѣшиться объясненіемъ. Сознаніе необходимости этого объясненія гнело Андрея Федоровича. Онъ не показывался изъ своей комнаты и безмолвно терзался. Авдотья Семеновна сидѣла въ другой комнатѣ, на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ за столомъ на диванѣ, напряженно сдвинувъ брови, вазала свой нескончаемый шарфъ и изрѣдка вздыхала. Даже ребятишки забились по угламъ, точно тягостное вліяніе, которое давило ихъ родителей, распространилось и на нихъ. Осеннему вечеру, казалось, и конца не будетъ, и когда онъ кончился, огни загасили и весь домъ погрузился въ сонъ, Пшеницынъ точно отдохнулъ, отдавшись всегдѣшнему теченію мыслей. Это утро Авдотья Семеновна не здоровилось. Андрей Федоровичъ понималъ, что значить это нездоровье, давно нося въ себѣ. ожиданіе приращенія семьи, которое общало извѣстное положеніе его жены. Онъ до того привыкъ къ этой мысли, что и въ теперешнемъ его положеніи это обстоятельство не произвело на него особаго дѣйствія. Направляясь теперь куда ему было нужно, онъ исключительно думалъ о предстоящемъ свиданіи съ человѣкомъ, которому стоитъ только кивнуть головой, чтобы поднять его на ноги.

Было около десяти часовъ, когда Пшеницынъ подошелъ къ подъѣзду благодѣтеля. Онъ вошелъ въ просторныя сѣни и безотчетно растерялся, ступивъ на мягкій коверъ, простирившійся дорожкой отъ дверей и по широкой лѣстницѣ вверхъ. Саженное трюмо на лѣстничной площадкѣ безощадно отразило мизерную фигуру Пшеницына, который вертѣлъ въ рукахъ свою мокрую шляпенку и смущенно озирался по сторонамъ. Его выручилъ швейцаръ, сидѣвшій у стѣны за столомъ и погруженный въ чтеніе утренней газеты. Онъ имѣлъ благородную, откормленную физиономію съ бакенбардами въ видѣ котлетокъ и ко всему носилъ свой попугаеподобный нарядъ съ величественнымъ достоинствомъ.

— Кого вамъ? спросилъ онъ моего растеряшагося героя.

— Его сіятельство... мнѣ нужно видѣть его сіятельство... я полагаю, онъ можетъ меня принять, прошепталъ Андрей Федоровичъ.

— Вверхъ, во второй этажъ. Да они теперь почиваютъ. Въ

двѣнадцать приходите, вымолвилъ швейцарь, на этотъ разъ взглянувъ (взглянувъ не безъ снисходительной строгости, такъ-сказать) на Пшеницына, и съ этими словами, съ тѣмъ-же величественнымъ спокойствіемъ, опять погрузился въ чтеніе, показывая тѣмъ, что онъ занятъ.

Андрей Федоровичъ вышелъ и полною грудью дохнулъ воздуха.

Онъ повернулъ на Вознесенскій проспектъ и пошелъ по направленію къ Измайловскому мосту. Ему попалась на глаза темносиняя вывѣска съ изображеніемъ фантастическаго чайника съ полнымъ приборомъ и съ надписью „Tracteur“. Пшеницынъ вошелъ, спросилъ себѣ полпорціи чаю и сѣлъ за одинъ изъ столиковъ.

Наливаясь чаемъ, Андрей Федоровичъ по временамъ посматривалъ на часы. Время тянулось для него безконечно долго, а вмѣстѣ съ тѣмъ волненіе, которое разсѣялось въ немъ послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ сѣней графскаго дома, снова возобновилось и увеличивалось по мѣрѣ того, какъ часовая стрѣлка приближалась къ назначенному времени. Наконецъ, сидѣть болѣе было нельзя: чай былъ выпить и оставаться долѣе Пшеницынъ чувствовалъ неловкимъ, просидѣвъ слишкомъ часть. Впрочемъ, онъ старался еще убить время, взявъ со стола одну изъ дешевыхъ и засаленныхъ газетъ, но буквы прыгали у него въ глазахъ и онъ не понималъ читаемаго. Онъ бросилъ газету, расплатился и вышелъ на улицу. Онъ нашелъ болѣе удобнымъ сократить время въ ходьбѣ. Было нѣсколько минутъ двѣнадцатаго, когда онъ вышелъ изъ трактира.

Туманъ разсѣялся на улицахъ, но дождь лилъ сильнѣе.

Андрей Федоровичъ прошелъ съ четверть версты по набережной Екатерининскаго канала и опять взглянулъ на часы. Было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Пшеницынъ повернулъ назадъ по направленію къ Морской, то замедляя шаги, то идя скорѣе, опасаясь не поспѣть къ сроку, и ровнехонько въ двѣнадцать взялся за массивную синяго стекла ручку дубовой двери подъѣзда. Волненіе въ немъ было сильнѣе прежняго: наступала рѣшительная минута.

Андрей Федоровичъ поспѣшно скинулъ свою шинелишку, чтобы великолѣпный швейцарь не успѣлъ съ него снять, повѣсилъ на вѣшалку, представлявшую собачью голову, и началъ подниматься

по лѣстницѣ вверхъ, не слыша подь собою ногъ. Проходя мимо трюмо, онъ увидѣлъ всю свою фигуру съ ногъ до головы. Вицмундиръ съ потертыми лацканами казался старымъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь; широкіе, въ складкахъ, сапоги, хотя Андрей Федоровичъ и пришелъ въ валочахъ, носили очевидные слѣды долгаго пребыванія въ сырости; панталоны были забрызганы грязью почти до самыхъ колѣнъ; одинъ воротничекъ манишки выбился изъ-подъ жилетки, крайне безобразно торчалъ къверху и, несмотря на всѣ старанія его хозяина придать ему болѣе приличный видъ, упорно принималъ прежнее положеніе. Присоедините еще къ этому растрепавшіеся и слипшіеся отъ поту на лбу волосы, желтое, измученное и осунувшееся лицо—и вы будете имѣть полное понятіе о фигурѣ Пшеницына, когда онъ, конвульсивно прижавъ къ груди свою истасканную шляпенку, едва переводя духъ, поднимался по широкой лѣстницѣ въ покои графа. Андрей Федоровичъ чувствовалъ инстинктивно, что имѣетъ крайне некрасивый видъ, что въ его теперешнихъ обстоятельствахъ было болѣе, чѣмъ когда-либо, неумѣстно, и это еще сильнѣе заставило его упасть духомъ. Поднявшись на верхнюю площадку, онъ замѣтилъ дверь, обитую зеленымъ войлокомъ съ металлическими гвоздиками и яркobleщащею мѣдною дощечкою, на которой было изображено: „Графъ Августъ Христіановичъ фонъ-Траубенмильхъ“.

Андрей Федоровичъ приложилъ дрожащую руку къ костяной пуговкѣ звонка и позжалъ ее. Почти тотчасъ-же замокъ громко щелкнулъ, дверь отворилась—и Пшеницынъ очутился въ прихожей. Крайне благородной наружности лакей стоялъ и смотрѣлъ на него. Андрей Федоровичъ освѣдомился, можно-ли видѣть графа. Лакей отвѣчалъ утвердительно и спросилъ, какъ о немъ доложить. Нашъ герой сказалъ, и былъ введенъ въ обширную, свѣтлую, о шести окнахъ залу. Всю обстановку богатаго барина онъ видѣлъ, какъ въ туманѣ: ему было не до разсматриванья. Онъ думалъ о томъ, что скоро, не дальше, какъ черезъ минуту, чрезъ одну только минуту, должно произойти, когда отворится передъ нимъ таинственная дверь кабинета, къ которой были прикованы его взоры.

Наконецъ, она отворилась, показался лакей и сказалъ: „пожалуйте!“

Сердце Пшеницына въ послѣдній разъ екнуло и упало. Онъ всталъ, поспѣшно выморкался, кинулъ отчаянный взглядъ на зеркало, мимо котораго проходилъ, и, помянувъ мысленно царя Давида и кротость его, очутился въ кабинетѣ.

Этотъ кабинетъ былъ обыкновенный богатый кабинетъ богатаго дѣловаго человѣка. Какъ водится, каминъ съ весело бѣгающимъ огонькомъ и съ зеркаломъ, въ которомъ, богъ-знаетъ который разъ, отразилась фигура Пшеницына, нѣсколько гравюръ на стѣнахъ, у окна столъ письменный, а на немъ роскошный приборъ для письма и—бумагъ, бумагъ, бумагъ!..

Вся обстановка этой комнаты съ перваго мгновенья, какъ онъ, дрожа въ сочлененіяхъ, вошелъ въ нее, одѣлась для Пшеницына въ туманный флеръ. Онъ видѣлъ только самого хозяина.

Графъ фон-Траубенмильхъ былъ старецъ, убѣленный сѣдинами, которыя остались только на вискахъ, тогда какъ темя и вся остальная часть головы лоснились, какъ бильярдный шаръ. Крутой лобъ, кажущійся глубокомысленнымъ, благодаря отсутствію волосъ, высоко поднятыя брови, будто застывшія въ какомъ-то вѣчномъ недоумѣніи, и благородный носъ,—все поражало въ немъ, можно сказать, олимпійскимъ величіемъ. Впрочемъ, величіе это, при внимательномъ созерцаніи его, изрядно уже поистаскалось: графъ съ остервѣненіемъ посѣщалъ балетъ и иногда, смѣнивъ достоинство администратора на игривость мышиного жеребчика, точа слюнки, покорно подставлялъ уцѣлѣвшія на вискахъ сѣдины подъ бойкія ручки нѣкой Армансъ, пикантной особы французскаго происхожденія. Въстѣ съ величіемъ въ его наружности лежало также выраженіе кроткой снисходительности. Главною причиною этого обстоятельства были пухлыя, въ видѣ мѣшочковъ, щеки желтовато-бѣлаго цвѣта, которыя производятъ извѣстное каждому безотчетное впечатлѣніе холодной телятины, и глаза цвѣта болотной воды, одаренные неопредѣленнымъ выраженіемъ.

Онъ сидѣлъ въ богатомъ шелковомъ халатѣ и сосалъ обольстительно ароматическую гаванну. На почтительный поклонъ Пшеницына онъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы и вынулъ изо рта сигару. Андрей Федоровичъ стоялъ у дверей и рекомендовался. Графъ молча и тихимъ склоненіемъ пальца указалъ на стулъ. Пшеницынъ сѣлъ, уронилъ въ волненіи шляпу и, смутившись неописанно, сунулъ ее подъ стулъ, поднялъ опять и при-

жалъ къ своимъ дрожащимъ колѣнкамъ. Хозяинъ смотрѣлъ на эти эволюціи съ кроткимъ спокойствіемъ и благоухалъ сигарой.

Графъ нервный началъ говорить.

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ.

Андрей Федоровичъ съ отчаянной рѣшительностью робкаго человѣка началъ объясненіе. Онъ говорилъ еще по дорогѣ затвержденную рѣчь, въ которой разсказалъ о своемъ стѣсненномъ положеніи, упомянулъ о томъ, что осмѣлился обратиться къ его сіятельству, слыша отъ другихъ о его милостяхъ, что онъ никогда не подумалъ-бы угрождать его, если-бы ненадѣялся на его снисходительство и благосклонность, и въ заключеніе просилъ не оставить его своимъ милостивымъ вниманіемъ, которое онъ оправдаетъ, употребивъ всѣ силы.

Андрей Федоровичъ проговорилъ все это заикаясь, путаясь и трепещущимъ голосомъ, продолжая тискать свою шляпу.

Графъ нѣсколько времени помолчалъ, задумчиво смотря на кончикъ своей сигары, и потомъ спросилъ:

— Кто совѣтовалъ вамъ обратиться ко мнѣ?

Пшеницынъ посмотрѣлъ по угламъ, не зная, какъ отвѣчать, и сказалъ со смущеніемъ:— Я... я слышалъ...

— У васъ есть рекомендательное письмо? присовокупилъ графъ.

Андрей Федоровичъ растерянно вынулъ изъ кармана платокъ и отеръ имъ обильно выступившій на лбу потъ, забывъ, что этимъ платкомъ онъ за нѣсколько минутъ назадъ вытиралъ свои сапоги.

Графъ поигрывалъ кисточкой халата и, ожидая отвѣта, пристально смотрѣлъ ему въ лицо.

Пшеницынъ прошепталъ: „нѣтъ“.

— Какъ, васъ никто не рекомендуетъ? съ легкимъ отѣнкомъ изумленія переспросилъ филантропъ.— Что-же я могу для васъ сдѣлать? Такъ нельзя, это не въ порядкѣ вещей...

Андрей Федоровичъ съ прежнимъ растеряннымъ видомъ вынулъ платокъ и опять отеръ имъ потъ, еще больше размазавъ на лицѣ грязь.

— Посудите сами, господинъ... господинъ...

— Пшеницынъ, прошепталъ владѣлецъ этой фамиліи.

— Посудите сами, господинъ Пшеницынъ, продолжалъ фон-Траубенмилхъ тѣмъ кроткимъ и виѣстѣ наставительнымъ тономъ,

которымъ старшіе показываютъ ребенку неблагоразуміе его поступка.—При всемъ моемъ желаніи оказать вамъ то, о чемъ вы меня просили, я не могу этого сдѣлать. Въ томъ положеніи, которое я занимаю, я могу оказать помощь, и многіе, которые обращались ко мнѣ, въ состояніи это подтвердить, но, опять-таки повторяю, безъ рекомендательнаго письма, безъ письменнаго ручательства въ личности человѣка, котораго я вижу въ первый разъ, я не могу за него ходатайствовать.

Слова филантропа капля по каплѣ вливали холодъ въ сердце Пшеницына; онъ попеременно краснѣлъ и блѣднѣлъ, чувствуя, что зыбкая доска, на которую онъ возложилъ столько надежды, исподволь ускользаетъ изъ-подъ его ногъ. Онъ нашелся только пробормотать:

— Я надѣялся... я полагалъ... съ теченіемъ времени заслужить...

— Вы должны знать, господинъ...

— Пшеницынъ, опять подсказалъ Андрей Федоровичъ.

— Вы должны знать, господинъ Пшеницынъ, продолжалъ филантропъ, пропустивъ мимо ушей робкое заявленіе Андрея Федоровича,—что положеніе, которое я занимаю, требуетъ осторожности въ выборѣ людей. Если человѣкъ не оправдалъ моего довѣрія въ то время, какъ я ходатайствовалъ за него, поставивъ себя въ положеніе нѣкоторой отвѣтственности,—въ этомъ должна быть моя вина. Для меня должна быть гарантія, милостивый государь. Только въ томъ случаѣ мнѣ нѣтъ надобности въ документъ, это—когда человѣкъ извѣстенъ мнѣ лично.

Пшеницынъ не возражалъ, подавленный выводами филантропа. Онъ началъ приходить къ убѣжденію, что отсюда ему ждать нечего. Впрочемъ, онъ пріободрился, когда тотъ связалъ, растягивая слова:

— Но все-таки я постараюсь для васъ что-нибудь сдѣлать... можетъ быть, я постараюсь... это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.—И сейчасъ-же прибавилъ:—Объясните мнѣ тѣ причины, по которымъ вы вышли въ отставку. Вѣроятно, вамъ было предложено начальствомъ?

Андрей Федоровичъ смутился еще болѣе, почувствовавъ, что начинается самая щекотливая часть объясненія.

— Не тревожьтесь, говорите откровенно, подкрѣпилъ его фон-

Траубенильхъ снисходительнымъ голосомъ. — Можетъ быть, это было какое-нибудь недоразумѣніе?

— Нѣтъ, я самъ былъ тому причиной. Я потерялъ бумаги, и мнѣ велѣли выйти въ отставку.

— Вы потеряли? Какимъ это образомъ?

Андрей Федоровичъ чувствовалъ себя въ мучительномъ состояніи. Онъ зналъ, что факты заявляютъ его съ самой невыгодной стороны, онъ не могъ прикрыть ихъ неблагоприятность мягкостью выраженій, такъ-какъ смыслъ ихъ говорилъ самъ за себя.

— Вы... пьете?

Пшеницынъ объяснилъ несчастное свойство своего организма, благодаря которому онъ пьетъ иногда запоемъ, что бываетъ очень рѣдко; въ остальное-же время совершенно не употребляетъ вина. Въ одинъ изъ этихъ періодовъ съ нимъ и случилось несчастіе. Окончивъ объясненіе, Пшеницынъ тревожно взглянулъ на лицо хозяина. Тотъ слушалъ внимательно, поигрывая вѣстью халата. На лицѣ его не было никакого особеннаго выраженія, но Андрей Федоровичъ инстинктивно угадалъ, что рѣшительно упалъ въ его мнѣнія.

Наконецъ, тотъ всталъ и сказалъ:

— Отчего вы этого не сказали раньше? Намъ-бы не пришлось потратить столько словъ по-пустому... Весьма жалѣю.

Графъ стоялъ и смотрѣлъ на Пшеницына. Поза и голосъ его показывали, что онъ считаетъ разговоръ поконченнымъ и не желаетъ входить въ дальнѣйшія объясненія. Андрей Федоровичъ всталъ тоже и во второй разъ уронилъ шляпу. Графъ холодно смотрѣлъ, какъ онъ ловилъ ее подъ стульями, тыкаясь о нихъ головою, и не произнесъ болѣе ни слова.

Пшеницынъ опять почувствовалъ, какъ спасительная доска быстро помчалась у него изъ-подъ ногу.

— Ваше сіятельство, вымолвилъ онъ трепещущимъ голосомъ, — я надѣюсь...

— При всемъ моемъ желаніи быть вамъ полезнымъ, отвѣчалъ его сіятельство съ легкимъ поклономъ, — я не могу этого сдѣлать... Извините. Весьма жалѣю объ этомъ.

Онъ еще разъ сдѣлалъ легкій поклонъ, показывая тѣмъ, что Пшеницынъ можетъ уходить.

Андрей Федорович убѣдился самымъ яснымъ образомъ, что дѣло его окончательно проиграно.

— Ваше... ваше сіятельство! заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, дѣлая послѣднюю попытку, между тѣмъ какъ глаза его судорожно замигали;—будьте такъ добры... я въ крайности... я честный человѣкъ, ваше сіятельство, я съумѣю оправдать ваше довѣріе,—вѣрьте Богу, я заслужу... Я все силы положу, чтобы оправдать... на васъ послѣдняя моя надежда!..

Графъ фон-Траубенмилхъ стоялъ и молчалъ.

Слезы, подымавшіяся у Пшеницына въ горлѣ съ первыхъ словъ его тирады, вслѣдствіе той нервической напряженности, которая была въ немъ во все время разговора, не могли болѣе удерживаться и обильными струями полились по лицу.

Брови его сіятельства поднялись выше обыкновеннаго съ негодующимъ выраженіемъ, изогнулись надъ переносцемъ и застыли, какъ двѣ півки.

— Вы выпили, милостивый государь!

Пшеницынъ хотѣлъ говорить.

— Вы пьяны, говорю я вамъ! подтвердилъ его сіятельство громовымъ голосомъ.—У меня есть глаза, милостивый государь! Ваша наружность, ваше поведеніе сразу посадили во мнѣ подозрѣніе; теперь я убѣдился самымъ положительнымъ образомъ. Вы забылись! Вы не знаете, куда пришли! Я умѣю различать людей! Прошу избавить меня отъ вашего присутствія, сейчасъ-же! Па-жалте!..

Рука сіятельнаго филантропа съ указательнымъ перстомъ поднялась въ горизонтальное положеніе, по направленію къ двери, и замерла въ воздухѣ.

Пшеницынъ, убитый окончательно, поплелся изъ кабинета и вышелъ изъ дома сіятельнаго филантропа. Дождь, холодъ, рѣжущій лицо вѣтеръ и трескъ городской ѣзды на-время какъ будто ошеломили Пшеницына. Онъ сдѣлалъ пять или шесть шаговъ и остановился противъ двухъ извожиковъ, стоявшихъ порожемъ.

— Буда изволите? спросили извожники въ одинъ голосъ, подбѣгая къ нему.

Андрей Федоровичъ бросилъ на нихъ мутный взглядъ, издали невнятный звукъ, двинулся съ мѣста и съ размаху ухватился за

фонарный столбъ. Пробывъ въ этомъ положеніи очень немного времени, онъ отошелъ и пошелся дальше, придерживаясь слегка стѣнки.

— Важно насандалился парень! замѣтилъ одинъ изъ извощиковъ.

— Это его вѣтромъ качаетъ, подтвердилъ другой.

— А надоть быть изъ господъ...

Мих. Альбовъ.

(Продолженіе будетъ.)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНІЕ ЗЕМСКИХЪ ВОЛЬНИЦЪ.

До введенія земскихъ учрежденій, когда *благотворительныя* заведенія находились подъ управленіемъ Приказа общественнаго призрѣнія, получавшаго свои средства изъ разныхъ источниковъ, а главнымъ образомъ *отъ финансовыхъ операций*, — больницы, имѣвшія цѣлю *поданіе помощи страждущему человечеству*, въ совершенствѣ выполняли свое назначеніе, принимая *всѣхъ больныхъ* безъ различія званій и сословіи и *со всѣми недугами*, будь это лихорадка или вывихъ, ревматизмъ или старческая дряхлость и т. д. Насколько онѣ оправдывали это назначеніе въ другихъ отношеніяхъ, — это другой вопросъ; въ этомъ отношеніи онѣ были скорѣе кладбищами, чѣмъ лечебницами; но дѣло въ томъ, что отъ больницы, какъ заведенія *филантропическаго*, требовалось принимать всякаго, кто-бы ни пожелалъ въ ней лечиться, и она это дѣлала. Общественная медицина была въ тѣ блаженныя времена еще въ зачатномъ состояніи, *о правильной организаціи медицинскаго дѣла* мало думалось; что такое *общественная больница* и какое она должна имѣть значеніе — никому не приходило и въ голову и все обстоило какъ нельзя болѣе благополучно.

Но вотъ появилось на свѣтъ земство: оно расширило вопросъ о народномъ здоровьѣ, внесло нѣсколько совершенно новыхъ идей и, казалось, вдохнуло въ него жизнь. Но это, къ сожалѣнію, только казалось: десятилѣтній опытъ убѣждаетъ, что эта жизнь мало чѣмъ отличается отъ прежней рутинны.

Постараюсь объяснить. Для этого постараюсь отвѣтить обстоятельно на слѣдующіе вопросы.

1) Насколько *земскія больницы* стали лучше прежнихъ приказныхъ?

- 2) Какіе больные лечатся въ земскихъ больницахъ?
 3) Для кого существуютъ и кому служатъ земскія больницы?

I.

Губернскія больницы, доставшіяся отъ Приказа, представляютъ большую частію старыя, прованявшія зданія въ два этажа, съ особымъ отдѣленіемъ для умалишенныхъ больныхъ, отдѣленіемъ терапевтическимъ („внутреннія болѣзни“), хирургическимъ („наружныя болѣзни“), иногда сифилитическимъ и общимъ женскимъ, куда помѣщаютъ всѣхъ больныхъ, не разбирая уже никакихъ болѣзней: тифозная лежитъ рядомъ съ сифилиткой, да-дѣе какая-нибудь женщина съ отмороженной ногой, затѣмъ беременная и т. д. Специальныя-же отдѣленія (кромѣ умалишенныхъ) назначены только для мужчинъ. Каждымъ отдѣленіемъ завѣдуетъ особый „ординаторъ“, административный-же надзоръ за больницей ввѣряется „старшему врачу“, на обязанности котораго большую частію также лежитъ и леченіе умалишенныхъ, не принимая во вниманіе, насколько старшій врачъ свѣдущъ въ психіатрію. Сифилитическимъ и женскимъ отдѣленіями нерѣдко завѣдуютъ врачи, которые всего менѣе расположены къ леченію сифилиса или женскихъ болѣзней. Въ хирургическомъ отдѣленіи часто встрѣчаются ординаторы, которые ни разу въ жизни не брали ножа въ руки для операцій, производящихся другими больничными врачами или по приглашенію изъ города, какъ, напримѣръ, было въ Вяткѣ, такъ что операцію дѣлаетъ одинъ, а лечитъ потомъ оперированнаго другой, и въ случаѣ неблагоприятнаго исхода, обыкновенно начинается пререканіе: первый утверждаетъ, что не было соблюдено послѣдовательное леченіе, а второй — что была сдѣлана дурно операція, и т. д. Въ лучшихъ условіяхъ, повидимому, находится терапевтическое отдѣленіе, потому что каждый врачъ у насъ по преимуществу больше знакомъ съ болѣзнями внутреннихъ органовъ и въ немъ каждый можетъ быть на своемъ мѣстѣ, но за то здѣсь выступаетъ на сцену другое зло, которое несравненно въ меньшей степени извѣстно другимъ отдѣленіямъ и о которомъ я скажу ниже. Прислуга состоитъ обыкновенно изъ отставныхъ, грубыхъ солдатъ, совершенно неспособныхъ къ уходу за больными;

при этомъ она не раздѣляется на палатную и чернорабочую, а одно лицо исполняетъ обѣ обязанности. Понятно, что, гоняся за двумя зайцами, прислуга никогда не успѣваетъ поймать ни одного, отчего въ больницахъ мы встрѣчаемъ постоянно вопіющія безобразія какъ въ отношеніи ухода за больными, такъ и въ соблюденіи истинной (неофициальной) чистоты. „Если назначены припарки или холодныя примочки, то будьте увѣрены, что больной получить ихъ только во время визитаціи врача. Служитель-новичекъ простодушно увѣряетъ, что постоянно нельзя-же мѣнять припарку или нагрѣвшійся компрессъ: есть и другая работа. Но служитель опытный, что-называется прожженный, обыкновенно божится и вляется, что онъ и день, и ночь смѣняетъ припарки, холодныя примочки *). Постель и платье очень часто переходятъ отъ одного больного къ другому немнѣтми, хотя-бы предшественникъ страдалъ какою-нибудь заразительною болѣзью. Услѣдить-же за служителемъ при этомъ крайне трудно; такъ, напр., что вы сдѣлаете, если онъ не считаетъ дурнымъ и непозволительнымъ полосканіе швабры не только въ ваннѣ, но и въ той водѣ, которая уже приготовлена для больного? Умирающій больной, мучимый нестерпимою жаждою, просить пить, такъ-какъ самъ не въ силахъ протянуть руку къ столу за напиткомъ. Его умоляющая, предсмертная просьба должна-бы, кажется, разжалобить и самую грубую натуру, а нашъ служитель или сидѣлка отвѣчаютъ ему: „а ну тебя, оказанный! надѣлъ, какъ горькая рѣдьба! то-и-дѣло возись съ тобой. На, глотни! Околѣль-бы, что-ли, скорѣе!“ И безъ того убитый горемъ, а теперь уязвленный грубостью служителя до глубины души, больной даже и не заплачетъ...”

Что касается другихъ нравственныхъ сторонъ больничной прислуги, то пьянство, кража денегъ и вещей у больныхъ, вѣточничество, торгашество больничными порціями, хлѣбомъ и виномъ и развратъ—составляютъ ея непремѣнныя и постоянныя качества. Все это заставляеть, разумѣется, больничную администрацію весьма часто мѣнять прислугу. Такъ что, напр., въ Казани, въ той-же больницѣ „впродолженіи 20 мѣсяцевъ (съ 1 января

*) Н. И. Студенскій, «О больничной прислугѣ» (изъ казанской городской больницы). См. «Труды общества врачей г. Казани». 1872. Отд. I, вып. 1, стр. 55, 56, 57.

1870 г. по 1 сентября 1871 г.) сдѣнилось 134 человекъ больницы прислуги.

Продолжительность пребывания.	Число служителей.	Число сидѣлокъ.	Всего.
1 мѣсяць	21	20	41
2 "	20	22	42
3 "	6	10	16
4 "	6	8	14
5 "	2	2	4
6 "	—	1	1
7 "	1	3	4
9 "	—	1	1
11 "	—	1	1
12 "	—	3	3
14 "	1	1	2
16 "	1	—	1
18 "	—	1	1
20 "	1	—	1
	59	75	134 "

Цифры эти показываютъ, что „большинство прислуги оставляетъ больницу черезъ одинъ, два мѣсяца и что немногіе живутъ въ ней болѣе 4 — 5 мѣсяцевъ“ *). Съ другой стороны, этотъ фактъ, не говоря уже о томъ, что онъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ отражается на больныхъ, производитъ дурное впечатлѣніе о больницѣ, о неуживчивости въ ней и на прислугу, и хорошіе люди нейдутъ туда въ услуженіе, особенно если принять во вниманіе, что 1) за такую трудную обязанность во многихъ мѣстахъ даютъ вознагражденія мужчинамъ 4 руб. въ мѣсяць, а сидѣлкамъ — 3 (едва-ли не самое высшее жалованье, за исключеніемъ столицъ, — въ Перми, гдѣ платятъ 8 руб.) и 2) что прислуга совершенно не гарантирована отъ произвола надзирателей. Между тѣмъ земствомъ не предпринимается ничего для обезпеченія правильнаго, человѣчнаго ухода за больными и организаціи хорошей прислуги. Но чтобы лучше ориентироваться въ сферѣ фактовъ, мы возьмемъ одну изъ лучшихъ больницъ—новгородскую; считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что

*) Тамъ-же, стр. 51.

новгородское земство, между прочимъ, своими „богоугодными заведеніями“ надѣлало нѣкогда такого шуму, что Новгородъ для земца сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ земской Мекки; казалось, земство шло вперед и перестраивало все заново. Къ числу пилигримовъ, путешествовавшихъ въ Новгородъ, я долженъ причислить и себя, хотя и тутъ убѣдился въ непоколебимой истинѣ нашей старой пословицы: „не все то золото, что блеститъ“.

Вотъ что я встрѣтилъ въ Новгородѣ *):

Маленькая двухъэтажная, кубическаго вида больничка на 50—60 человекъ, имѣетъ, правда, довольно чистенькій входъ съ широкою лѣстницею, покрытою коврами, въ верхній этажъ, гдѣ и помѣщаются больные; но палаты въ ней проходныя, такъ-что нѣтъ никакой возможности изолировать ни выздоравливающихъ больныхъ, ни заразительныхъ, какъ, напр., тифозныхъ, сифилитиковъ и т. д. Всѣ они скучены на одной небольшой площадѣ, всѣ дышать испорченнымъ воздухомъ. По словамъ врача, случаи госпитальной рожи—не рѣдкость въ новгородской больницѣ. Стѣны грязны, на полу во многихъ мѣстахъ нѣтъ и слѣдовъ какой-либо краски, рамы вставлены плохо, зимой дуетъ. Особаго устройства печи и отсутствіе всякой вентиляціи даютъ душливый и до такой степени сухой воздухъ (передъ отдушникомъ въ часъ высыхаетъ одинъ фунтъ воды), что въ 2 или 3 палатахъ устроены фонтаны, занимающіе огромное пространство посреди комнатъ. Но такъ-какъ этого средства недостаточно для орошенія воздуха, то въ каждую палату продѣланы трубы съ лейками для прохожденія пара и, кромѣ всего этого, развѣшиваются мокрыя простыни. Понятно, что, кромѣ всѣхъ неудобствъ, снаряды эти производятъ еще большую неоправданность въ больницѣ, тѣмъ болѣе, что на все число больныхъ земствомъ дается только 4 человека служителей (2 для мужского отдѣленія и 2 сидѣлки для женскаго), на обязанности которыхъ лежитъ и черная работа, и уходъ за больными. Естественно, что они не въ силахъ справиться съ дѣломъ, и это неминуемо отражается какъ на оправности, такъ и на уходѣ, который, разумѣется, слабъ.

*) См. мою «Записку по поводу осмотра столичныхъ и земскихъ больницъ» въ «Сборникѣ пермскаго земства», 1872, № 4.

Недешево, говорятъ, стало земству отстроить домъ для умалишенныхъ и богадѣльню (извѣстныя подъ общимъ именемъ *колмоовскихъ заведеній*), но, входя въ эти зданія, только удивляешься, когда говорятъ, что они существуютъ какіе-нибудь 4 или 5 лѣтъ: такъ они мало отличаются и по конструкціи, и по гигиенической обстановкѣ отъ тѣхъ, которыя видѣли въ своихъ стѣнахъ уже десятки и сотни тысячъ больныхъ. Они находятся въ 4 верстахъ отъ города, на очень низкой и болотистой мѣстности. Стѣны въ домѣ умалишенныхъ вездѣ выкрашены цвѣтной краской, окна малы и потому комнаты представляются унылыми, мрачными. Вслѣдствіе отсутствія вентиляціи (однѣ форточки) и устройства ватерклозетовъ въ срединѣ помещенія, воздухъ, естественно, оказывается затхлымъ и испорченнымъ.

Казанская земская больница оказывается настолько хороша, что изъ 195 человекъ, пробывшихъ (въ 1870 году) въ хирургическомъ отдѣленіи меньше недѣли, захворали собственно *болыничными болъзнями* 93 человека, и изъ нихъ 9 умерло: одинъ попустилъ съ язвой на ногѣ, умеръ отъ рожи; другой съ фистулой задняго прохода—отъ кроваваго поноса и т. д. ¹⁾ О той-же больницѣ профессоръ И. М. Гвоздевъ заявилъ, что „въ нему въ октябрѣ 1871 года въ судебно-медицинскій кабинетъ былъ доставленъ трупъ татарина, утонувшаго въ отхожемъ мѣстѣ казанской земской больницы. Хотя фактъ этотъ указываетъ, между прочимъ, на плохое устройство и содержаніе ретиральныхъ мѣстъ, но онъ въ то-же время ясно свидѣтельствуетъ и о нерадѣніи больничной прислуги“.

Я полагаю, что приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться, какова вообще гигиеническая обстановка нашихъ земскихъ больницъ и потому я умолчу здѣсь о безобразіи еще извѣстной мнѣ пермской больницы и дома умалишенныхъ, тѣмъ болѣе, что Пермское земство существуетъ всего 3 года и не успѣло еще оглядѣться ²⁾. Подождемъ. Въ послѣдній годъ

¹⁾ Н. И. Студенскій. См. Приложение къ протоколамъ общества врачей г. Казани, 1871 г., стр. 146.

²⁾ Осмотры, сдѣланные мною въ Перми земской богадѣльни, дома умалишенныхъ, больницы и оспеннаго института, помѣщены въ Сборникахъ пермскаго земства за 1872 г., №№ 1, 2 и 4 и 1873 г.—№ 2.

передъ введеніемъ земства, Приказъ считалъ у себя всего 563 богоугодныхъ заведенія ¹⁾). Если отсюда исключить 114 больницъ и 9 домовъ умалишенныхъ, которые находятся и по настоящее время въ вѣдѣніи Приказа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земства еще не существуетъ, то переданныхъ ему окажется 440 больницъ. И если мы предположимъ, что даже 50 (?) изъ нихъ дѣйствительно „образцовы“ и „безукоризненны“, какъ говоритъ officialный отчетъ, то и тогда онѣ составятъ только 12%, а остальные 88% будутъ уккоризненны, т. е. такія, какія описаны выше.

Но это губернская земскія больницы. Уѣздныя-же еще хуже того. Такъ, напр., въ Даниловѣ, ярославской губерніи, „больница, какъ внутри, такъ и снаружи, поражаетъ чистотой и опрятностью. Одна бѣда: *вентиляціи совсѣмъ нѣтъ*. Нѣтъ даже маленькихъ форточекъ ни въ одной палатѣ“ ²⁾).

„Городскія больницы (въ архангельской губерніи) чрезвычайно тѣсны, неудобны и лишены самыхъ необходимыхъ гигиеническихъ условій. Въ г. Кеми, населеніе котораго доходитъ до 1,500 человекъ, больница построена на 8 человекъ, а больныхъ бываетъ вдвое или втрое болѣе, такъ что они должны помѣщаться въ двухъ комнаткахъ. Въ больницѣ недостаетъ кроватей, бѣлья, одежды и проч. Вентиляція устроена вопреки всѣмъ требованіямъ гигиены, тогда какъ комнаты биткомъ набиты больными, изъ которыхъ иные зачастую подвергаются тяжелымъ болѣзнямъ“.

„Земскихъ аптекъ въ олонцкой губерніи (изъ медицинскаго отчета врачебнаго отдѣленія) нѣтъ ни одной, тюремныхъ больницъ тоже; домовъ умалишенныхъ всего одинъ на цѣлую губернію, да и то на 6 кроватей. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., въ Повѣнцѣ, никакихъ врачей не полагается. Больницъ на всю губернію 6, содержатся онѣ до-нельзя плохо, лишены даже самаго необходимаго. Такъ, въ Повѣнцѣ земская больница устроена на 12 кроватей; за неимѣніемъ ни земскаго, ни городского, ни уѣзднаго врачей, она находится на попеченіи одного фельдшера“ ³⁾).

¹⁾ «Устройство общественнаго призрѣнія въ Россіи», 1862. Брошюра, составленная начальникомъ отдѣленія хозяйственнаго департамента К. Мушинскимъ.

²⁾ «Биржевыя Вѣдомости», 1872, № 151.

³⁾ «Новое Время», 1872. №№ 134 и 143.

Въ 10 уѣздныхъ земскихъ больницахъ полтавской губерніи ¹⁾ считается 260 комнатъ, но изъ нихъ $\frac{3}{5}$ отходятъ подъ квартиры служащихъ, прислуги и проч., больнымъ-же остается лишь $\frac{2}{5}$. Еще болѣе странное употребленіе больничныхъ зданій представляютъ полтавская, роменская и кременчугская больницы. Въ первыхъ двухъ больницы занимаютъ $\frac{1}{3}$ зданій, а въ послѣдней даже $\frac{1}{4}$ (стр. 37). Во всѣхъ почти больницахъ *хозяйственной прислуги* болѣе, чѣмъ собственно назначенной для больныхъ, а въ нѣкоторыхъ, напр., въ лубенской больницѣ, хозяйственная прислуга стоитъ въ 3 раза дороже палатной. Нормальное отношеніе представляютъ только 2 больницы изъ 10, въ которыхъ палатная прислуга дороже хозяйственной (стр. 44). *Въ лубенской больницѣ, кромѣ дворянъ (!), другіе больные масла не получаютъ вовсе (! стр. 50)*. Роменская больница расходовала $2\frac{1}{2}$ копейками болѣе на отопленіе, чѣмъ на пищу больныхъ (стр. 51). Интересно, придерживаются-ли члены земской администраціи той-же системы у себя дома?

Иногда аптека, контора, бібліотека, пріемный покой для амбулаторныхъ и операціонная, — все это помѣщается въ одной комнатѣ, какъ, напр., въ Яранскѣ, вятской губерніи. Тамъ-же мнѣ однажды пришлось помѣстить 13 человекъ больныхъ арестантовъ, изъ которыхъ 11 было тифозныхъ (брюшной тифъ), въ комнатѣ въ $2\frac{1}{2}$ саж. длины и 1 саж. ширины (съ однимъ окномъ), гдѣ едва устанавливались 4 кровати, такъ-что на каждаго больного приходилось $1\frac{1}{4}$ кв. арш. пространства и на одной кровати должны были лежать 3 человекъ. Понятно, что они не помѣщались и валялись на полу, подъ кроватями и т. д. Несмотря на мою *переписку* (канцеляризмъ уже, къ сожалѣнію, всосался въ земство и на словахъ съ нимъ ничего не подѣлаешь) съ управой, управы съ городской думой, по поводу отвода зданія подъ больницу, — ничего не вышло и я втеченіи 2 лѣтъ все-таки не дождался лучшей больницы. Та-же безконечная переписка земства съ городомъ идетъ теперь на моихъ глазахъ въ Шадринскѣ пермской губерніи. Та и другая стороны сохраняютъ при этомъ невозмутимѣйшее спокойствіе и присутствіе духа, какъ и подобаетъ такимъ

¹⁾ Труды постоянной медицинской комиссіи при полтавской губернской земской управѣ.

солиднымъ учрежденіямъ, и кромя переписки не двигаютъ даже и мизинцемъ, а больные ждуть вотъ уже 3 года и лежатъ въ слѣдующемъ зданіи (дѣлаю выписку изъ документовъ управы):

„Зданіе больницы рѣшительно не соотвѣтствуетъ своему назначенію, потому что чрезвычайно тѣсно и ветхо. Въ немъ помѣщается всего 3 палаты, такъ-что невозможно размѣстить больныхъ ни по роду болѣзней, ни по полу. Черезъ стѣны больницы въ нижней части изъ-подъ полу и въ окна продуваетъ вѣтеръ, вслѣдствіе чего зданіе очень холодно. Всѣ палаты вмѣщаютъ въ себѣ 28 кроватей. Освѣщеніе производится сальными свѣчами; отхожее мѣсто сообщено съ коридоромъ и помѣщеніемъ для ваннъ, весьма неудобно по своему устройству, очень ветхо, почти разрушилось, отчего *испражненія изъ него вытекаютъ на большое пространство подъ полъ зданія больницы, а такъ-какъ полы сгнили, то газы проходятъ въ самое зданіе, отчего воздухъ въ немъ вонючъ и имѣетъ дурное вліяніе на ходъ болѣзней. Комната для ваннъ скорѣе похожа на чуланъ для самаго ненужнаго хлама, безъ оконъ, темна, сыра и вонюча*“ и т. д., и т. д.

Вотъ общій характеръ громаднаго большинства нашихъ настоящихъ земскихъ больницъ: тѣснота, духота, вонь, насѣкомья, неопрятное „сальное“ освѣщеніе, отсутствіе необходимаго количества воздуха и воды, рѣшительное отсутствіе *настоящей* палатной прислуги и потому полнѣйшая небрежность въ уходѣ за больными, недостатокъ въ сообразной различнымъ медицинскимъ и гигиеническимъ цѣлямъ пищи и т. д.,—все такіе атрибуты и качества, съ которыми мы знакомы уже давно, со времени покойнаго Приказа.

Правда, въ газетахъ приходится нерѣдко читать, что тамъ-то предполагено перестроить больницу, тутъ-то ассигнованы извѣстныя суммы на поправку и т. д.,—но все это еще когда-то будетъ? Въ Новгородѣ, напр., были выстроены зданія и вновь, да оказались хуже старыхъ; въ Шадринскѣ 3 года уже все говорятъ и пишутъ; въ Яранскѣ уже 6 лѣтъ занимаетъ этотъ вопросъ земство и т. д., а для большинства—онъ еще и не возбуждался даже, и составляетъ лишь *riam desideriam* врачей!

Такимъ образомъ, оказывается, что земство, кой-гдѣ подправивъ, кой-гдѣ замазавъ, кой-что заштопавъ, оставило больницы въ прежнемъ ихъ видѣ и формѣ, начиная со стѣнъ и кончая

само́й больничной организаціей, съ той только разницей, что прежде ничего не дѣлалъ „больничный совѣтъ“, а теперь за эту-же дѣятельность взялись земскія управы,—какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ народъ вовсе некомпетентный въ дѣлѣ больничнаго управленія и, по правдѣ сказать, мало интересующійся имъ искренно.

Вторая черта, въ которой земскія больницы вполне сходятся съ таковыми-же отжившаго Приказа, состоитъ въ болѣе чѣмъ странномъ *пріемѣ больныхъ*.

Дѣло въ томъ, что всѣ уѣздныя больницы и терапевтическія отдѣленія губернскихъ по преимуществу вѣрнѣе можно назвать *богачельями*, чѣмъ больницами: онѣ постоянно бываютъ переполнены неизлечимыми хрониками, неимущими и т. д. Здѣсь вы встрѣтите безчисленные застарѣлые ревматизмы, хроническія страданія дыхательныхъ органовъ (особенно чахотку и хроническій бронхитъ), малярию, различныя неизлечимыя нервныя болѣзни и т. д. Далѣе сюда ложатся просто отдохнуть чиновники, отставные и служащіе солдаты, арестанты, ссыльные, находящіеся подъ надзоромъ полиціи, неимѣющіе своего крова и т. п. Утверждаютъ они, что у нихъ или ломота „въ костяхъ“ и сочлененіяхъ, шумъ въ ушахъ и головѣ или что-нибудь въ этомъ родѣ, недоступное объективному изслѣдованію. Пересматривая скорбныя листы пермской губернской больницы за 8 лѣтъ, я нашелъ огромное множество диагнозовъ: притворство, cephalea, cephalalgie, congestio ad pulmonum, ad caput и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти больные приходили въ больницу отдохнуть отъ тревожной житейскихъ и она часто съ евангельскимъ мягкосердіемъ и смиреніемъ голоднаго—кормила, нагого—одѣвала, неимущему—давала пріютъ, а между тѣмъ всѣ эти *фалеи* и *фалалгии* отнимали у больницы ежедневно по нѣсколько кроватей, проводили въ ней иногда цѣлыя мѣсяцы и, считая содержаніе больного по 70—80 к. въ сутки, ежегодно расходуя огромныя суммы, которыя-бы должны были идти на людей дѣйствительно нуждающихся въ больничномъ леченіи. Нерѣдко встрѣчаются нищіе (особенно старухи), которые лѣтомъ собираютъ милостыню, а осенью ложатся въ больницу „зимовать“, просто точно въ свою собственную квартиру на цѣлую зиму. И вы никакъ не можете отдѣлаться отъ нихъ: сегодня врачъ выписываетъ какую-нибудь „неимущую старуху“, а

черезъ день она снова просится въ больницу. Врачъ отказывается, а завтра она приходитъ „съ бумагой“ изъ полиціи, которая „проситъ контору больницы принять такую-то и оказать ей медицинское пособіе въ такой-то болѣзни“. Врачъ не принимаетъ; дѣло доходитъ до земской управы, и она, какъ сердобольная купчиха, пріючаетъ у себя всѣхъ, несмотря на то, что такихъ дармовѣдовъ бываетъ цѣлая треть. „Несмотря на плачевное состояніе нашей (казанской) больницы, говоритъ г. Студенскій ¹⁾,—есть, однакожь, люди, которымъ она очень нравится. Весьма многіе съ радостію поступаютъ въ нее по ничтожному поводу и даже нерѣдко весьма искусно разыгрываютъ роль тяжело-страдающихъ, лишь-бы только попасть на даровую койку. Такъ больничной администраціи очень хорошо извѣстенъ цѣлый кружокъ больныхъ, которые ежегодно, съ наступленіемъ зимы, начинаютъ одинъ за другимъ осаждать больницу и, поступивъ въ нее, только съ большимъ трудомъ могутъ быть выписаны до весны, потому что никѣмъ неслышимый кашель, ревматизмы и мигрени, ихъ поражающіе, особенно упорнаго свойства. Нѣкоторымъ больнымъ такъ мила наша больница, что они готовы увѣчить себя, лишь-бы не разстаться съ нею. Однажды я сказалъ отставному чиновнику, у котораго уже совершенно зажили вѣтматозныя язвы на ногахъ, чтобы онъ на слѣдующій день выписался; больной видимо взволновался, но ничего не сказалъ. На другой день, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ нѣсколько мелкихъ, круглыхъ, покрытыхъ коростами, язвъ на голенѣ. О причинѣ быстрого появленія я ничего не могъ узнать отъ больного, кромѣ того, что и прежде обыкновенно такъ бывало; искусственное произведеніе язвъ, однакожь, было ясно“. Я зналъ одного ссыльнаго офицера, который, такимъ образомъ, по 10 разъ въ годъ ложился ко мнѣ въ больницу, утверждая, что у него „недержаніе мочи“, тогда какъ завѣдомо нарочно мочился подъ себя всякій разъ, когда его финансовыя обстоятельства, вслѣдствіе хроническаго пьянства, истощались. И это самый назойливый, докучливый народъ. Съ другой стороны, тяжело и относиться равнодушно къ этимъ людямъ, оторваннымъ

¹⁾ Н. И. Студенскій. „Изъ казанской городской больницы“. Протоколы и труды общества врачей г. Казани, 1871 г., стр. 147.

часто отъ дому, семьи и т. д. и обреченнымъ жить на 2—3 рубля въ мѣсяцъ. Войдя съ одной компаніей ссыльныхъ въ условіе, чтобы они не требовали отъ меня больничнаго помѣщенія, я позволялъ имъ ночевать въ больничной банѣ—и дѣло шло хорошо; но перемѣнилась земская администрація, баня была заперта и больница снова начала наполняться здоровыми. Еще больше мученій испытываетъ врачъ (земскіе врачи хорошо поймутъ меня) съ дѣйствительно больными людьми, но неизлечимыми хрониками, которые не подлежатъ больничному леченію, а требуютъ именно „призрѣнія“. Я не имѣю подъ руками цифръ, чтобы показать, сколько лечится такихъ больныхъ по больницамъ, но знаю, что число ихъ вообще велико. Въ уѣздныхъ полтавскихъ больницахъ оно опредѣляется приблизительно въ 20%. И уже отъ этихъ больныхъ врачъ не можетъ отдѣлаться ни крестошъ, ни пестомъ. Проводя почти всю свою жизнь въ больницахъ, изучивъ до тонкости всѣ ея порядки и обычаи и при томъ отвыкнувъ отъ всякаго дѣла, облѣявшись, они отъ скуки заводятъ всевозможныя интриги, сплетничаютъ, ссорятъ больныхъ между собою, больныхъ съ прислугой, надѣдаютъ врачу до невыносимыхъ размѣровъ своими жалобами, неудовольствіями на фельдшеровъ, на содержаніе, безпрестанно требуютъ назначенія новыхъ порцій, такъ-какъ имъ все уже, разумѣется, пріѣлось, злоствуютъ на недѣйствительность прописываемыхъ лекарьствъ, невниманіе къ нимъ врача, медленное выздоровленіе и т. д., и т. д.,—словомъ, доводятъ врача до того,—по крайней мѣрѣ, меня и многихъ знакомыхъ мнѣ врачей,—что всякое ихъ слово начинаетъ дѣйствовать уже самымъ раздражающимъ образомъ на нервы, подобно тому, какъ на нѣкоторыхъ особъ видъ мокрицы, черного таракана, лягушки или мыши. Я всегда старался сгруппировать такихъ больныхъ въ одну комнату и рѣшительно не въ состояніи былъ ежедневно посѣщать ихъ, а выбиралъ для этого одинъ или два дня въ недѣлю и входилъ въ нее, какъ обреченный на какую-нибудь пытку.

И при всемъ томъ эти люди весьма дорого обходятся земству. Такъ, напр., по вычисленію полтавской медицинской комиссіи, содержаніе такихъ больныхъ въ 10 уѣздныхъ больницахъ полтавской губерніи обходится въ годъ въ 11,736 р. лишнихъ, т. е. пропадающихъ даромъ, потому что если-бы кадѣки эти лежали въ богадѣльнѣ, то, при 16¹/₂ коп. стоимости содержанія въ сут-

ки, обошлись-бы въ 3,500 р., тогда какъ въ больницахъ въ сутки расходуется 52½ к. на каждаго (стр. 121). На это явленіе обращено уже вниманіе и въ Петербургѣ. Такъ „Правительственный Вѣстникъ“ (1873, № 60) говоритъ, что санитарная комиссія нашла, что „больницы помѣщаютъ у себя такихъ лицъ, которыя почти или даже и вовсе не пользуются медицинскими пособіями, а нуждаются лишь въ призрѣніи и пристанищѣ. Подобныя личности иногда по нѣсколько лѣтъ занимаютъ мѣсто въ больницахъ, лишая возможности другихъ воспользоваться мѣстомъ и правомъ леченія. При этомъ нужно принять въ расчетъ, что содержаніе въ богадѣльнѣ обходится въ 70 р. въ годъ на каждаго, а въ больницахъ — 200 р.“. По собраннѣмъ комиссіей свѣдѣніямъ, оказалось возможнымъ освободить петербургскія больницы отъ 362 человекъ (167 мужчинъ и 195 женщинъ)! „Это были люди, одержимые старческою дряхлостію, параличами, падучей болѣзнію, искривленіями, лишеніемъ конечностей“, и т. д.

Земству подобныя факты были извѣстны гораздо раньше петербургской комиссіи, потому что земскіе врачи не разъ указывали ему на нихъ, но оно и ухомъ не ведеть. Усвоивши себѣ разъ, что больница будто-бы есть „домъ призрѣній“ (?), заведеніе филантропическое ¹⁾, и должна лечить всѣхъ, земецъ упорно держится этого принципа и его не собьешь съ позиціи: „потому—сила“!

1) Нѣтъ сомнѣнія, что слово „призрѣніе“ въ отношеніи больницъ перешло въ земство по наслѣдству отъ Приказа и оно рѣшительно не можетъ выдумать, тѣмъ его замѣнить, несмотря на всю нелогичность смѣшивать больное съ казѣкой и больницу (при настоящихъ источникахъ ея содержанія) съ богадѣльней. А между тѣмъ это смѣшеніе дошло до такихъ размѣровъ, что всѣ земскія управы, губернскія и уѣздныя, и самый вопросъ о земской медицинѣ дѣлать на двѣ какъ-бы даже и непохожія другъ на друга части и вездѣ управы приготавливаютъ собраніямъ два отдѣльныхъ доклада: одинъ „по общественному призрѣнію“, а другой „по общественному (народному) здравію“. Въ первый входятъ больница со всѣми богадѣльнями, во второй—тоже леченіе, но только въ уѣздѣ, по домамъ, только потому, что нѣтъ возможности устроить 100 больницъ или одну для десятковъ тысячъ больныхъ. Поэтому собраніе никогда не имѣетъ полной и цѣльной картины медицинскаго дѣла въ уѣздѣ, а всегда два отрывка, ни чѣмъ другъ съ другомъ не связанныя. И ярне законники изъ земцевъ объясняютъ это, видите-ли, тѣмъ, что вопросъ „объ общественномъ призрѣніи“ обязателенъ для земства, которому переданы и особые капиталы на этотъ предметъ, а о народномъ здоровьѣ — нѣтъ (?). И хотя нелогичность и нелѣпость такого объясненія ясна до очевидности, тѣмъ не менѣе машина работаетъ по старому, ибо заведена. Исключеніе составляетъ лишь одна крестецкая новго-

Посмотримъ теперь, кому служить по-преимуществу земскія больницы.

Нѣтъ сомнѣнiя, что Преобладающій элементъ въ земствѣ, какъ по своей численности, такъ и по суммѣ уплачиваемыхъ сборовъ (если сравнивать собственно *сельское* и *городское* общества), представляетъ сельское населенiе. Такъ, наприимѣръ:

		Число жителей обоого пола.			
		Сельск. насел.	Проч. сосл.	Воен. вѣд.	Всего.
Въ нижегородской губ.) 1)	1,153,399	75,279	56,518	1,285,196
„ самарской „		1,472,988	100,979	116,812	1,690,779
„ казанской „) 2)	1,539,642	96,982	68,000	1,704,624
„ пермской „		1,985,488	140,614	86,512	2,212,564
		89,23%	6,00%	4,78%	

Земскій-же сборъ, напр., въ пермской губернiи на 1872 г. распределялся слѣдующимъ образомъ:

	Съ сельск. общ.		Съ городск. общ.		Съ прочихъ источн.		Итого.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Губернскій сборъ: 4)	50,064	50	4,087	66	56,172	30	110,324	46
Уѣздный „ 5)	457,152	84	29,865	67	706,501	80	1,273,520	81
Всего . .	507,217	84	33,953	33	842,674	10	1,383,844	77

Слѣдовательно, въ пермской губернiи платятъ:

Городскія общества 2,5% общей суммы.

Сельскія „ 36,5% „ „

Прочiе источники 61% „ „

Для другихъ, приведенныхъ мною губерний, свѣденiя заимствую отъ Вуковского 6).

родской губернiи земская управа, которая начинаетъ свой докладъ 1871 года слѣдующими словами; „Крестецкая управа, приступивъ къ исполненiю постановленiй собранiя, касающихся устройства крестецкой больницы, а также медицинскон части уѣзда, прежде всего пришла къ убѣжденiю, что *объ эти отрасли земскаго санитарнаго дѣла должны быть разсматриваемы не иначе, какъ вмѣстѣ, такъ-какъ ихъ взаимная связь и зависимость одной отъ другой значительно усилились*“ (См. журналы крестецкаго земства. Новгородъ. 1871).

1) Статистическiй Временникъ. Изданiе 1866 г.

2) Отчетъ статистическаго комитета за 1871 г.

3) „Пермскiя Губернскiя Вѣдомости“, 1872. № 52. „Извлеченiе изъ отчета статистическаго комитета“.

4) Сборникъ пермскаго земства. 1872. № 1, стр. 46.

5) Сборникъ пермскаго земства. 1872. № 8, стр. 121—124.

6) «Сводъ свѣденiй о сѣтахъ и расходахъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ сборовъ въ 30 губернiяхъ, гдѣ введены земскiя учрежденiя». С.-Петербургъ. 1870.

1. Колич. земли, принадлежащ.: Колич. позем. сбора:

	Помѣщк., казѣ,	Крестьянамъ. удѣлу и лиц. проч.	Съ первыхъ.	Со вторыхъ.
	сословій.			
Въ самарской губ.	6,820,985 дес.	2,093,140 дес.	283,373 р.	178,241 р.
» казанской »	3,188,767 »	2,004,848 »	187,970 »	118,086 »
» нижегород. »	1,916,620 »	2,070,872 »	144,078 »	155,730 »

2. Изъ общаго количества земскихъ сборовъ причитается:

	На земл.	На недвиж. имущ. въ городахъ.	На промыш- ленныя зав.	На торгов. документи.
Въ самарской губ.	81,8 ⁰ / ₀	2 ⁰ / ₀	6,8 ⁰ / ₀	9,4 ⁰ / ₀
» казанск. »	78,9 ⁰ / ₀	3,4 ⁰ / ₀	5,7 ⁰ / ₀	12 ⁰ / ₀
» нижегор. »	75,5 ⁰ / ₀	2,5 ⁰ / ₀	9,1 ⁰ / ₀	12,9 ⁰ / ₀

Даже въ такихъ промышленныхъ губерніяхъ, какъ петербургская, ярославская и владимірская, главная масса налога падаетъ на землю, т. е. преимущественно крестьянъ, промышленныя-же обложенія незначительны.

Въ петербургск. губ.	68,6 ⁰ / ₀	4 ⁰ / ₀	21 ⁰ / ₀	6,4 ⁰ / ₀
» ярославской »	68,5 ⁰ / ₀	9,6 ⁰ / ₀	8,9 ⁰ / ₀	13 ⁰ / ₀
» владимірск. »	68,5 ⁰ / ₀	5,4 ⁰ / ₀	16,4 ⁰ / ₀	9,7 ⁰ / ₀

Такимъ образомъ, сельское общество по проценту населенности занимаетъ *вездѣ первое мѣсто*, а по суммѣ уплачиваемыхъ сборовъ—въ нѣкоторыхъ губерніяхъ *первое*, въ нѣкоторыхъ *второе*, тогда какъ городское общество въ первомъ случаѣ *вездѣ второе*, а въ послѣднемъ—*вездѣ третье и далье*.

Поэтому, казалось-бы, справедливость требуетъ, чтобы сельскому населенію была оказываема и соотвѣтственная медицинская помощь. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Вотъ, напр., распредѣленіе больныхъ по сословіямъ въ губернскихъ земскихъ больницахъ:

	Военныхъ.	Проч. сослов.	Всѣхъ.
Въ Перми. . .	4,08	1,83	5,91
» Казани . . .	2,76	2,86	5,62
» Саратовѣ . . .	2,92	1,62	4,54
» Пензѣ . . .	0,85	2,40	3,25
» Самарѣ . . .	1,02	0,82	1,84
» Нижнемъ . . .	0,83	0,72	1,55

Такимъ образомъ, на одного *бѣднаго крестьянина въ больницахъ* приходится

среднимъ числомъ	2,08	1,70	3,78
----------------------------	------	------	------

Отсюда видно, что самое благопріятное отношеніе изъ приведенныхъ больницъ существуетъ лишь въ нижегородской и самарской. Въ Перми-же и Казани лечились въ больницѣ *одинъ*:

	Изъ сельскаго нас.		Изъ проч. сосл. ¹⁾		Изъ воен. вѣдом.		
	Въ Перми.	Въ Казани.	Въ Перми.	Въ Казани.	Въ Перми.	Въ Казани.	
1) По отношенію къ населенію цѣлой губерніи.	1:3,370	2,254	1:130	108	}	1:36	36
2) По отношенію къ пермскому и казанскому уѣздамъ. .	1:255	284	1:28	67		—	—

т. е. въ первомъ случаѣ, несмотря на то, что сельское населеніе пермской губерніи въ 14 разъ больше городского, для крестьянъ больница служитъ въ 25 разъ меньше, чѣмъ для другихъ сословій; во второмъ,—хотя населеніе пермскаго уѣзда въ 6 разъ превосходитъ населеніе города Перми, жители послѣдней въ 9 разъ болѣе пользуются услугами больницы, чѣмъ поселяне.

Для Казани существуетъ подобное-же отношеніе.

Но противъ приводимыхъ расчетовъ земецъ всегда имѣетъ возраженіе: каждое уѣздное земство, говоритъ онъ, для сельскаго населенія устраиваетъ особо организованную медицинскую помощь, ассигнуя для этого весьма почтенныя суммы, пригласивъ врачей и фельдшеровъ, строя пріемные покои и лечебницы; наконецъ, въ каждомъ уѣздномъ городѣ есть своя особая земская больница, въ которой пользуются крестьяне, такъ что каждый изъ нихъ всегда можетъ рассчитывать получить въ ней облегченіе своихъ страданій. Поэтому *заведенія общественнаго призрѣнія*, содержащіяся на губернской сборъ, могутъ удовлетвориться и приведеннымъ процентомъ больныхъ крестьянскаго населенія, ибо губернская медицина, при обезпеченіи послѣдняго въ каждомъ уѣздѣ особо, имѣетъ въ виду преимущественно губернской городъ и прилежащія къ нему мѣста. Но, во-первыхъ, всѣмъ этимъ еще далеко не обезпечивается уѣздное сельское населеніе, такъ-какъ леченіе по пріемнымъ покоямъ даже врачемъ, если онъ видитъ только одинъ разъ больного — не приноситъ народу никакой пользы и, во всякомъ

¹⁾ При этомъ я не принялъ въ расчетъ 682 чел. не казанской губерніи, но лечавшихся въ казанской больницѣ.

случаѣ, подобное леченіе нельзя и сравнивать съ больничнымъ, гдѣ больного *ежедневно* наблюдаетъ *самъ врачъ*, о чемъ я буду имѣть случай поговорить подробнѣе въ отдѣльной статьѣ. Во-вторыхъ, губернская больница должна играть далеко не ту роль, въ которую ее теперь ставятъ; да къ тому-же она, какъ мы видѣли, и ближайшему уѣзду оказываетъ гораздо менѣе услугъ, нежели городу, и, наконецъ, въ-третьихъ уѣздныя земскія больницы находятся въ точно такихъ-же отношеніяхъ къ сельскому населенію, какъ и губернскія, т. е. крестьяне составляютъ самый малый процентъ изъ всѣхъ лечащихся въ нихъ.

Такъ, напр., Д-ръ Држевецкій ¹⁾ говоритъ, что въ усть-сысольской больницѣ вологодской губерніи лечится по-преимуществу военное сословіе, составляющее 80% всѣхъ больныхъ, изъ остальныхъ-же 20%, вѣроятно, не болѣе 5—6 приходится на долю крестьянъ.

Въ ябургской больницѣ петербургской губерніи лечится:

крестьянъ . . .	17%
прочихъ сосл.	83%

„Вслѣдствіе этого, говоритъ „Гдовско-Ябургскій Листокъ“ ²⁾, — земская больница въ г. Ябургѣ если и имѣетъ значеніе, то исключительно для городского населенія, что и подтверждается фактическими данными. Такъ, въ 1870 г. лечились *исключительно* солдаты и горожане, а именно лицъ военного вѣдомства—117 ч., гражданскаго—134 чел., изъ которыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, ³/₄ было горожанъ. Съ 1 января по 1 августа 1871 г. лечилось военного вѣдомства 84, а гражданскаго—100 чел. Такимъ образомъ, сельское населеніе нашего уѣзда остается вдали отъ врачебнаго пособія и совѣта. Между тѣмъ существующія нинѣ больницы, принося ему весьма мало пользы, обходятся земству довольно дорого“.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что

¹⁾ Медико-топографія усть-сысольскаго уѣзда.

²⁾ „Гдовско-Ябургскій Листокъ“ за 1872, № 19.

1) настоящія земскія больницы не выдерживаютъ даже самой поверхностной критики со стороны ихъ гигиенической и хозяйственной обстановки;

2) что онѣ смѣшиваются земствомъ съ богоугодными заведеніями, богадѣльнями, домами для калѣкъ и т. д., и, слѣдовательно, такъ же, какъ и прежде, продолжаютъ быть заведеніями филантропическими, хотя источники для ихъ содержанія уже не тѣ, что были раньше, т. е. не финансовыя операціи Приказа, а карманы самого общества;

3) что онѣ служатъ по преимуществу интересамъ больныхъ городскихъ сословій, оставляя въ сторонѣ крестьянское населеніе, и, слѣдовательно, представляютъ собой *городскіе* или какіе угодно лазареты, но только ни въ какомъ случаѣ не *земскіе*.

Словомъ, что настоящія земскія больницы ничѣмъ не отличаются отъ прежнихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, несущественныхъ заплатъ, которыя теперь наклеилъ-бы, конечно, и Приказъ. Земство не внесло въ нихъ ничего своего, оригинальнаго, лучшаго, новаго: духъ, направленіе и характеръ больницъ остаются тѣ-же и при земствѣ, что и при старомъ порядкѣ.

II.

Теперь самъ собой вытекаетъ вопросъ: почему-же все это такъ? И на него существуетъ одинъ отвѣтъ: это — незнакомство земства съ спеціальными отдѣлами земскаго хозяйства, за которые оно берется, никого не спрашивая и желая вершать все только однимъ своимъ умомъ. Дѣйствительно, нигдѣ не видно, чтобы земство спросило себя: что такое земская больница? Какое она должна имѣть значеніе? Какой ея существенный характеръ? Между тѣмъ эти вопросы, какъ и многое другое напрашиваются сами собой и давно уже тщетно ожидаютъ того или другого рѣшенія.

Задачи земства по отношенію къ вопросу о народномъ здоровьѣ въ высшей степени серьезны и важны. Постановка и разработка вопроса въ томъ или другомъ направленіи можетъ оказывать рѣшительное вліяніе на жизнь и смерть, здоровье и благосостояніе цѣлыхъ массъ населенія.

Передача леченія въ руки однихъ фельдшеровъ, оспoprивива-

нія—оспенниковъ, не подвигая нисколько ни то, ни другое дѣло впередъ и удерживая цифры болѣзненности, смертности и т. д. на одномъ уровнѣ или даже возвышая его, при затратахъ на медицину ежегодно громадныхъ капиталовъ—совершенно непродолжительно, само собой даютъ чистый убытокъ и вдвойнѣ уменьшаютъ благосостояніе народа, отнимая у него и деньги, и людей. Отсутствие санитарныхъ изысканій, изслѣдованія причинъ болѣзней, наибѣйшее незнаніе физическихъ условій, среди которыхъ живетъ и умираетъ нашъ народъ, предоставленіе его на волю Божию поражаться нескончаемыми эпидеміями, отсутствие всякихъ предосторожностей, предупредительности, предусмотрительности,—приводятъ къ тому-же самому результату. Для подтвержденія я приведу здѣсь примѣръ.

Въ шадринскомъ уѣздѣ (мои собственные изслѣдованія), до введенія земскихъ учреждений въ 1870 году, коэффициентъ смертности для христіанской части населенія равнялся 80: на 290-тысячное (христіанское) населеніе

Умерло. 10,490 чел. об. пола.

Изъ этого числа отъ *оспы* 321 " " "

" " " " *родовъ*. 66 женщинъ.

Дѣтей до 5-лѣтняго возраста. 6,830 чел. об. пола.

Въ слѣдующіе 2 года были наняты земствомъ до 15 фельдшероу, издержаны деньги на медикаменты, инструменты, приглашены акушерки, наняты особые оспопрививатели изъ крестьянъ; на все это затрачены почтенныя суммы. Между тѣмъ вотъ результатъ медицинской дѣятельности земства:

	Въ 1871 году.	Въ 1872 году.
Умерло	15,235 чел. (14,197))	12,495 чел.
Коэффициентъ смертн.	116 " (108))	83 "
Умерло отъ <i>оспы</i>	1,516 "	1,390 "
" " <i>родовъ</i>	81 "	117 "
Дѣтей до 5 л. возр.	10,292 "	9,219 "

Такимъ образомъ, мы видимъ, что процентъ болѣзненности и смертности увеличился при земствѣ. Разумѣется, я не хочу этимъ

1) Цифры, поставленныя въ скобкахъ, показываютъ число умершихъ за исключеніемъ холерныхъ.

сказать, что оно именно и составляло болѣзнетворную причину или этимъ единичнымъ примѣромъ доказать, что такое-же явленіе повторяется вездѣ. Напротивъ, смерть косила-бы такъ-же и безъ земства, какъ при немъ, можетъ быть, болѣе, а можетъ, и менѣе; можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ смертность даже уменьшилась за послѣдніе годы,—или, по крайней мѣрѣ, не возвысилась, какъ въ Шадринскѣ; но именно въ томъ-то все и дѣло, что примѣръ его показываетъ, что все это творится *само собою*, безъ всякаго участія земства, что оно не оказываетъ никакого дѣятельнаго вліянія и остается совершенно пассивно: есть-ли оно, нѣтъ-ли его — дѣла идутъ своимъ чередомъ. Такъ и въ Шадринскѣ, положимъ, смертность увеличилась оттого, что 1871 годъ былъ *холерный*; но это нисколько не оправдывающій фактъ. Холера не свалилась прямо съ неба, а была завезена изъ челябинскаго и екатеринбургскаго уѣздовъ. Земство знало о существованіи холеры въ сосѣдствѣ, но не предприняло ровно ничего для того, чтобы не пустить ее къ себѣ и кромѣ боткинскихъ и иноземцевскихъ капель ничего не выдумало. Оно не снеслось заранѣе съ сосѣдними уѣздами, не приняло никакихъ предупредительныхъ мѣръ, несмотря на то, что екатеринбургская уѣздная управа подала рѣдкій и прекраснѣйшій примѣръ: какъ-только появилась холера въ Екатеринбургѣ, управа сейчасъ написала въ Шадринскъ, чтобы въ немъ остерегались, но и это не подѣйствовало: всѣ спокойно сидѣли сложа руки и ждали. Чего-же церемониться холерѣ съ такими хлѣбосольными хозяевами? Между тѣмъ несравненно выгоднѣе было-бы употребить въ одинъ мѣсяць 10,000 рублей на предупрежденіе холеры, нежели въ то-же самое время потерять 200 работниковъ, принесшихъ за-разъ своей смертію 15,000 р. убытку только на одинъ годъ (отъ холеры въ 1871 г. умерло 1,038 чел. обоюбого пола), а если опѣнить взрослога рабочаго положимъ даже въ 75 р. и предположить, что онъ прожилъ-бы еще хоть 5 лѣтъ, то убытокъ отъ холеры неисчислимы. Но за то земство съэкономило отъ ассигнованныхъ суммъ на народное здоровье 12,000 рублей! И вполне довольно...

Далѣе. Я описалъ уже ранѣе шадринскую земскую больницу. Въ ней лечились и холерные больные, и въ то время, какъ общая смертность отъ холеры въ цѣломъ уѣздѣ составляла 27,50⁰/₀,—

въ больницы она дала 61,50%. Но земство все-таки не выводитъ изъ больницы людей.

Все это очень ясно показываетъ, что на земствѣ лежитъ вся отвѣтственность за здоровье и благосостояніе населенія, и потому относиться такъ легко и халатно къ этому дѣлу, какъ дѣлается теперь, и сводить весь вопросъ, напримѣръ, о больницахъ къ какой-то филантропіи и какому-то призрѣнію—положительно нельзя, въ то время, когда *они должны носить на себѣ характеръ общественной безопасности, самохраненія общества и должны имѣть чисто-экономическія цѣль и значеніе—сохраненіе рабочей силы, рабочаго времени и накопленіе чрезъ это въ народѣ богатства*, ибо, какъ я уже замѣтилъ выше, средства для больницы берутся теперь не изъ процентовъ съ капиталовъ, а прямо изъ кармановъ крестьянъ. Напротивъ, здѣсь дѣло идетъ о кускѣ хлѣба, расходовать который нужно весьма осторожно и при томъ отдавать въ немъ отчетъ.

Леченіе больныхъ съ налету врачомъ при разѣздахъ, фельдшерами въ пріемныхъ покояхъ и т. д.—это, дѣйствительно, филантропія, и самая безпардонная, нерасчетливая филантропія, ибо здѣсь никому не приноситя никакой пользы, много вреда, а между тѣмъ деньги *самоотверженно жертвуются*. *Раціональное-же врачебно-санитарное дѣло—стаціонарное леченіе въ больницахъ и предупрежденіе болѣзней—суть вопросы экономическіе и должны быть построены именно на этой почвѣ.*

Такимъ образомъ, я полагаю, что вопросы эти должны рѣшаться слѣдующимъ образомъ.

На основаніи предварительно сдѣланныхъ изслѣдованій и расчетовъ процентовъ болѣзненности, смертности и т. д., а не на основаніи однихъ апіористическихъ соображеній и того, что пошлетъ на душу Богъ, какъ это дѣлается теперь, каждый уѣздъ устраиваетъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, смотря по густотѣ народонаселенія и другимъ санитарно-экономическимъ указаніямъ, опредѣленное число земскихъ лечебницъ или больницъ. Такъ, для наглядности, я приведу нѣкоторыя общія соображенія относительно того-же шадринскаго уѣзда. Жителей въ немъ считается до 260,000 душъ обоого пола; средняя ежегодная смертность равна 12,740 чел.; болѣзненность неизвѣстна. Изъ цифръ смертности для нашей цѣли слѣдуетъ исключить:

1) 150 *внезапныхъ и случайныхъ смертей*, т. е. убійство, смерть отъ молніи, апоплексія, запой, утопленіе и т. д.—1,18⁰/₀ (цифры судебной медицины);

2) 1,075 смертей *отъ оспы*, которой не должно существовать—8,43⁰/₀ (столько умираетъ средн. числ. въ годъ);

3) 1,608 стариковъ и старухъ за 55 лѣтъ, умирающихъ отъ старческой дряхлости и неизлечимыхъ хроническихъ недуговъ—12,62⁰/₀ (изъ метрикъ);

4) 2,000 человекъ дѣтей, въ первые 2 мѣсяца своей жизни, умирающихъ отъ различныхъ причинъ, которыя невозможно пока еще предотвратить—15,70⁰/₀ (изъ метрикъ);

5) наконецъ, процентъ 2,77 (344 чел.) неизлечимо больныхъ всѣхъ возрастовъ (приблизительно),—

итого 40⁰/₀, т. е. 5,177 человекъ.

Остается средняя смертность въ годъ въ 7,563 человекъ. Разумѣется, больныхъ бываетъ больше умершихъ, по все то, что не умираетъ—значить, выздоравливаетъ, а потому вниманіе земства, при настоящемъ его экономическомъ положеніи, должно быть обращено, главнымъ образомъ, на тѣ случаи, которые ведутъ къ смерти.

Приведенная цифра умершихъ распадается по возрастамъ слѣдующимъ образомъ:

На дѣтей до 1 года падаетъ.	59,67 ⁰ / ₀	} 81,19 ⁰ / ₀ .
„ „ отъ 1 г. до 5 л. падаетъ.	21,52 ⁰ / ₀	
„ „ отъ 5 до 15 л. „	5,41 ⁰ / ₀	
На средней возрастъ отъ 15 до 40 л.	11,33 ⁰ / ₀	} 18,31 ⁰ / ₀ .
На возрастъ отъ 40 до 55 л.	2,02 ⁰ / ₀	

Для того, чтобы, съ одной стороны, всѣ эти больные могли обращаться за медицинскимъ содѣйствіемъ съ полной надеждой получить его во-время, съ другой-же—врачи успѣвали осматривать и лечить этихъ больныхъ, необходимо распредѣлить уѣздъ между 3 врачами; тогда на каждого изъ нихъ придется изъ числа умиравшихъ до сихъ поръ больныхъ:

Младенцевъ до 5 л. 2,047 чел.

Дѣтей и взрослыхъ отъ 5 до 55 л. 474 чел.

Итого. 2,521 чел.

что составитъ среднимъ числомъ по 7 человекъ въ сутки,—это

такихъ трудныхъ больныхъ, которые до сихъ поръ были обречены на смерть. Но кромѣ нихъ, при этихъ условіяхъ врачъ можетъ успѣть осматривать и другихъ больныхъ и, въ болѣе легкихъ случаяхъ, дальнѣйшее наблюденіе поручать хоть фельдшерамъ. Въ выбранныхъ пунктахъ, мѣстахъ жительства врачей, нужно устроить 3 больницы, каждая на 30—40 кроватей, такъ что втеченіи года, считая среднимъ числомъ леченіе больного даже въ 25—30 сутокъ, въ нихъ можетъ пребывать $\frac{1}{5}$ часть больныхъ съ болѣе трудными или неудобными для леченія на дому формами страданій. Разумѣется, и этимъ еще вопросъ о народномъ здоровьи далеко не исчерпывается, но, такимъ образомъ, онъ все-таки ближе подходитъ къ желанному идеалу, чѣмъ теперь, когда въ земской медицинѣ господствуетъ первобытный хаосъ. Когда народъ, вслѣдствіе туманящихъ его умъ религіозныхъ предрассудковъ, перестанетъ относиться равнодушно къ страданіямъ взрослыхъ и особенно дѣтей, когда земство возвысится до вѣрной оцѣнки здоровья и смерти людей и пойметъ, что въ нихъ заключается по меньшей мѣрѣ $\frac{2}{3}$ всего будущаго благосостоянія, богатства и счастья общества, — нѣтъ сомнѣнія, что медицина займетъ болѣе почетное мѣсто въ ряду земскихъ вопросовъ и на нее перестанутъ жалѣть средствъ, зная, что они дадутъ 100 на 100, — тогда, конечно, врачебная помощь распредѣлится еще равномернѣе. Въ настоящее-же время пока этого нельзя, а потому приходится ограничиваться возможнымъ минимумомъ, но, въ сожалѣнію, теперь нѣтъ и его.

Само собою разумѣется, что больницы должны быть устроены хорошо и основательно, съ соблюденіемъ, сколько возможно, всего, чего требуетъ больничная гигиена. Каждая отдѣльная больница поручается врачу, въ распоряженіи котораго находится нѣсколько фельдшеровъ. Вообще-же все медицинское дѣло въ уѣздѣ завѣдуется *советомъ врачей*, для чего назначаются періодическіе, ежемѣсячные съѣзды ихъ въ земской управѣ.

При этомъ относительно распредѣленія больныхъ по сословіямъ, роду болѣзней и пр., для больницъ должны быть составлены особыя правила, о которыхъ я скажу ниже; здѣсь-же замѣчу лишь, что, по моему мнѣнію, въ больницахъ должно, разъ на всегда постановить за правило, что при приемѣ больныхъ слѣдуетъ назначать имъ приблизительный срокъ леченія.

Въ настоящее время сплошь и рядомъ крестьянинъ, какъ только почувствуетъ облегченіе, сію-же минуту просится „на выписку“. Возвратившись-же полубольнымъ домой, онъ чрезвычайно медленно поправляется, вслѣдствіе невоздержности, грубой пищи и т. п., ибо ему слѣдовало еще *продолжать лечиться*, или захватываетъ другую болѣзнь и дѣлается нерѣдко неизлечимымъ хроникомъ, и этимъ самымъ, между прочимъ, укореняетъ въ своей средѣ неблагоприятное впечатлѣніе о больницѣ. Не зная обстоятельствъ, при которыхъ онъ былъ выпущенъ изъ больницы, народъ, указывая на него, говоритъ: „вонъ въ больницѣ лечился, да теперь съ тѣхъ поръ все и чахнетъ!“ Такимъ образомъ, поддерживается и развивается недоувѣріе народа къ больничному способу леченія. А такихъ недолечившихся выходцевъ больницы даютъ едва-ли не болѣе 30%. Земскій врачъ казанскаго уѣзда г. Розенштейнъ, въ своемъ отчетѣ за 1871—72 г. ¹⁾, показываетъ число больныхъ, лечившихся въ больницахъ, въ 115 чел. Изъ нихъ

выздоровѣли совершенно.	82
получили облегченіе и остались безъ перемены	29
умерло	4

Къ сожалѣнію, г. Розенштейнъ не объясняетъ точно, что значать выраженія: „получили облегченіе“ и „остались безъ перемены“? Были-ли все это больные неизлечимые или они выписаны „по своему желанію“, не дождавшись того или другого исхода болѣзни? А цифра ихъ составляетъ 25%, т. е. цѣлую четверть всѣхъ больныхъ. У насъ нѣтъ другихъ цифръ по этому предмету, потому что врачи не имѣютъ обыкновенія печатать свои отчеты; но перелечивши самъ много больныхъ въ нѣсколькихъ больницахъ и пересмотрѣвъ еще болѣе скорбныхъ листовъ разныхъ больницъ, я знаю хорошо, что недолеченныхъ больныхъ, выходящихъ по своему желанію, очень много. Нѣкоторые проводятъ въ больницѣ 3—4 дня и бѣгутъ. Въ видахъ важности самаго дѣла, приданія большей серьезности взгляду на больницу и упроченія за ней лучшей репутаціи, чѣмъ теперь, не-

¹⁾ Отчетъ о состояніи земской медицины въ казанскомъ уѣздѣ, съ 1 іюля 1871 г. по 1 іюля 1872 г. Казань.

обходимо рѣшительно покончить съ этими халатными отношеніями. Больницу нужно поставить въ глазахъ народа такъ, какъ она должна стать по праву. При пріемѣ больного ему или родственникамъ его объясняется, что его болѣзнь для полнаго излеченія требуетъ приблизительно, положимъ, мѣсяцъ и что ранѣ этого срока его выпустить нельзя. Хочетъ онъ поступить при этихъ условіяхъ или нѣтъ? Тутъ, разумѣется, начнется, какъ это обыкновенно бываетъ, торговля: нельзя-ли поменьше да скорѣе и пр. Но на нее не слѣдуетъ обращать никакого вниманія. Если больной не соглашается, пусть сидитъ-себѣ дома; если-же согласился, то ужъ дѣйствительно не выпускать его иначе, какъ здоровымъ, несмотря на всѣ его просьбы и мольбы. *Лучше потерять нѣсколько человекъ, но приучить народъ серьезно смотреть на лечение, чѣмъ пичкать лекарями всплхъ понемногу и затѣмъ половину выпускать изъ больницъ калкками.*

Въ уѣздныхъ больницахъ нужно главнымъ образомъ отдавать преимущество сифилитикамъ, хирургическимъ больнымъ и больнымъ дѣтскими и женскими болѣзнями, — именно тѣмъ, которыхъ ужъ ни въ какомъ случаѣ немислимо лечить на дому.

Города, по моему мнѣнію, должны имѣть свои собственныя больницы съ особыми врачами.

Губернская-же больница должна служить какъ-бы центромъ для цѣлой губерніи, куда будутъ стекаться всѣ тѣ случаи, лечение которыхъ неудобно или невозможно въ уѣздахъ, или по недостатку въ этому *средствъ* или *пособій* (куда относятся самое помѣщеніе больницы, нѣкоторые аппараты, приборы, хирургическіе и ортопедическіе инструменты, употребляющіеся не часто, но стоящіе дорого, почему выгоднѣе имѣть ихъ лишь въ одномъ мѣстѣ, нежели въ нѣсколькихъ, и т. д.) или, наконецъ, просто *знанія*, потому что въ настоящее время рѣшительно невозможно, при обширности медицинской науки, требовать отъ врача, чтобы онъ зналъ положительно все и былъ специалистомъ по всѣмъ отраслямъ своей разносторонней науки.

Поэтому губернская больница должна быть устроена клинически и раздѣляться на нѣсколько специальныхъ, отдѣльных отдѣленій или лечебницъ, а именно:

- 1) лечебница для умалишенныхъ;

2) лечебница хирургическая, въ составъ которой входятъ:

- а) отдѣленіе собственно хирургическое,
- б) отдѣленіе ортопедическое.

3) Лечебница съ

- а) отдѣленіемъ глазныхъ болѣзней,
- б) отдѣленіемъ ушныхъ болѣзней.

4) Лечебница акушерская, состоящая изъ

- а) отдѣленія женскихъ болѣзней,
- б) родильнаго покоя.

Каждая изъ 4 лечебницъ должна завѣдываться самостоятельно, особыми *врачѣмъ-спеціалистомъ*.

Такимъ образомъ, врачѣбный персоналъ губернской больницы будутъ составлять: 1) психіатръ, 2) хирургъ, 3) окулистъ, 4) акушеръ, совѣтомъ которыхъ должно управляться все заведеніе губернской больницы. Предсѣдательство въ этомъ совѣтѣ и административная и канцелярская сторона дѣла въ больницѣ ввѣряется одному изъ врачей, называемому *старшимъ*, который выбирается самими врачами изъ среды своей, на 2 года. За это ему полагается особое вознагражденіе, сверхъ опредѣленнаго, для всѣхъ одинаковаго жалованья.

Въ настоящее время въ губернскихъ больницахъ преобладаетъ отдѣленіе внутреннихъ болѣзней, составляя $\frac{3}{4}$ всѣхъ больныхъ, на остальные же страданія, причисляя сюда даже сифились, падаетъ только 25—30%.

Такъ въ губернскихъ больницахъ было больныхъ:

въ городахъ:	в а г о д а:					Всего.	%	
	Сара- товъ.	Са- маръ.	Ка- зань.	Нижи. Новг.	Пен- зь.			
	1870/72	1870/72	1870/72	1872.	1871/72			
Умалшенныхъ.	122	109	нелеч.	65	167	463	2%	
Хирургическ. . .	607	768	435	816	507	3,133	} 6,886 27%	
Сифилитиковъ . .	644	645	721	567	693	3,290		13
Остальныхъ . . .	6,093	3,895	3,370	2,694	2,440	18,487		72,7%
Всего . . .	7,491	5,407	4,126	4,142	3,807	25,373		

Такъ что на 100 больныхъ внутренними болѣзнями приходится:

- сифилитиковъ 17,8 чел.
- хирургическихъ 16,4 "
- умалшенныхъ 2,8 "

Среднимъ числомъ всѣхъ ихъ—37,25.

Но одні цифры далеко не выражаютъ собой дѣйствительнаго распредѣленія страданій между населеніемъ и носятъ на себѣ характеръ случайности, зависящей отъ весьма различныхъ причинъ и обусловливающейся кромя всего самими больницами.

Процентъ умалишенныхъ слишкомъ ничтоженъ, между тѣмъ извѣстно, что крестьяне наши нерѣдко поражаются душевными расстройствами и каждый уѣздъ ежегодно можетъ доставлять не менѣе 15—20 человѣкъ умалишенныхъ больныхъ, изъ которыхъ теперь выздоравливаютъ очень немногіе; остальные-же, къ сожалѣнію, при отсутствіи специальныхъ лечебницъ остаются неизлечимыми хрониками. Всѣ эти люди должны лечиться въ губернскихъ больницахъ, давая имъ, такимъ образомъ, ежегодно 150—200 свѣжихъ больныхъ только изъ одного крестьянскаго сословія. Приэтомъ, само собой разумѣется, въ губернскую больницу надо принимать именно только свѣжіе случаи: самое большее—страдающихъ 4—5 мѣсяцевъ, которые, слѣдовательно, подаютъ надежду на излеченіе. О *призрѣніи* остальныхъ нужно позаботиться особо, для чего должны существовать и особыя *богадѣльни для хрониковъ*, неподлежащихъ больничному леченію. Невылечившіеся больные или возвращаются домой, или также переводятся въ богадѣльню.

Въ этомъ отношеніи нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ крестецкому земскому собранію (новгор. губ.), которое постановило: „1) съ января 1870 г. принять на счетъ уѣзднаго земства плату за леченіе больныхъ душевными болѣзнями, которые принадлежатъ къ недостаточнымъ обывателямъ уѣзда; 2) поручить управѣ оповѣстить волостныхъ старшинъ, чтобы они обязали всѣхъ сельскихъ старостъ немедленно доставлять въ г. Крестцы, въ земскую больницу, всѣхъ заболѣвающихъ душевными болѣзнями, причемъ предупреждали-бы родственниковъ и односельскихъ крестьянъ, что леченіе этихъ больныхъ будетъ бесплатное; 3) при земской больницѣ *имѣть особый покой*, куда и помѣщать доставленныхъ изъ уѣзда больныхъ душевными болѣзнями; 4) если-же земскій врачъ признаетъ помѣщенныхъ въ больницу требующими особаго ухода и леченія, то таковыхъ отправлять въ Новгородъ *на бесплатной подводѣ*. При представленіи-же больныхъ въ губернскій домъ умалишенныхъ сообщать губернской управѣ, что за означенныхъ больныхъ деньги будутъ уплочены крестецкимъ земствомъ, а также доставлять туда и всѣ

исслѣдованія болѣзни, сдѣланныя земскимъ врачомъ во время нахождения больного въ уѣздной больницѣ“ (См. журналы крестецкаго земства, 1869 г., стр. 20—22).

Цифры хирургическихъ больныхъ, если принять въ расчетъ только оперативные случаи, показаны слишкомъ велики, потому что у насъ въ хирургическое отдѣленіе почему-то помѣщаютъ со всѣми наружными и накожными болѣзнями и огуломъ величаютъ ихъ хирургическими, хотя въ оперативномъ способѣ леченія нуждается какая-нибудь четвертая часть изъ нихъ. Если-же обратить вниманіе на то, что въ наши больницы принимается самая гомеопатическая доля хирургическихъ глазныхъ больныхъ, совершенно не существуетъ ушныхъ случаевъ и искривленій скелета, между тѣмъ какъ въ народѣ страшная масса слѣпыхъ, глухихъ, горбатыхъ, косолапыхъ и увѣчныхъ, которые всѣ остаются безъ всякаго медицинскаго пособія, то, напротивъ, число хирургическихъ случаевъ въ больницахъ выйдетъ, пожалуй, даже мало. Чтобы показать, какъ велико бываетъ страданіе глазами болѣзнями въ нашемъ населеніи и какъ нуждается оно въ глазныхъ лечебницахъ, я приведу слѣдующую выписку изъ „Записки“ д-ра Л. А. Маровскаго ¹⁾. „Въ 16 деревняхъ 3-го стана я нашелъ 27 человѣкъ, страдающихъ глазами. Изъ нихъ 18 (т. е. 66,6⁰/о) совершенно слѣпы на оба глаза. Такъ въ деревнѣ Замощѣ (2-го стана) на 44 д. населенія находится 6 слѣпыхъ на оба глаза и 1 ослѣпшій на одинъ глазъ (т. е. 15,9⁰/о); въ д. Зимодринѣ, на 26 д. населенія, *трое* слѣпыхъ на оба глаза и *три* на одинъ (т. е. 23⁰/о); въ д. Мартиновой 6 слѣпыхъ на 59 душ. населенія (8,4⁰/о). Итакъ, во 2-мъ станѣ великолудцаго уѣзда находятся деревни: въ которыхъ $\frac{1}{7}$ часть населенія живетъ на счетъ другихъ и, кромѣ того, требуетъ за собой еще особеннаго ухода“. Земскій врачъ г. Гензель ²⁾ говоритъ, что втеченіи всего „двухъ мѣсяцевъ моей службѣ ординаторомъ александровской больницы (въ Перми), я встрѣтилъ около 250 человѣкъ больныхъ глазами. Изъ нихъ 30 чел. были припаты въ госпиталь и 11 изъ нихъ сдѣланы операціи. Изъ 220 человѣкъ, получившихъ совѣтъ, по край-

¹⁾ Записка о санитарномъ состояніи великолудцаго уѣзда (псковской губерніи). Псковъ, 1871, стр. 94.

²⁾ См. Сборникъ пермскаго земства, 1873 г., № 2, стр. 214.

ней мѣрѣ, $\frac{1}{3}$ -ей части я принужденъ былъ отказать въ помощи, потому что имъ нужно было госпитальное леченіе, а помѣщенія въ больницѣ для нихъ не было. Приведенныя цифры относятся *только до мужчинъ*; женщинамъ я принужденъ былъ отказывать безусловно, ограничиваясь подаченіемъ общихъ совѣтовъ“.

Что касается женскаго отдѣленія и особенно родильнаго покоя, то они, разумѣется, всегда будутъ имѣть у себя больныхъ преимущественно изъ мѣстныхъ, ближайшихъ жителей къ больницѣ и, такимъ образомъ, съ этой стороны не могутъ служить интересамъ всей губерніи, но они необходимы для нея въ томъ отношеніи, что должны готовить *сидѣлокъ и обученныхъ повитухъ*, школа для которыхъ необходимо должна быть устроена при губернской земской больницѣ. Акушерское дѣло не можетъ у насъ болѣе оставаться въ такомъ пренебреженіи и забросѣ, какъ теперь. Пора-же, наконецъ, обратить на него серьезное вниманіе. А каково оно, вотъ факты. Въ христіанской части шадринскаго уѣзда умерло родильницъ въ 1870 году . 66

„ 1871 „ . 81

„ 1872 „ . 117

Итого въ 3 года 264, т. е. среднимъ числомъ умираетъ въ годъ 88 женщинъ въ самой цвѣтущей порѣ своей жизни. Тутъ же почти цифру я нашелъ и для соликамскаго уѣзда. Такимъ образомъ, если принять ее за нормальную, то оказывается, что во всей пермской губерніи умираетъ въ годъ отъ родовъ 1,056, а въ европейской Россіи—55,000 матерей, оставляя послѣ себя столько-же вдовцовъ и втрое больше сиротъ. И здѣсь приведены цифры умершихъ только *во время самаго процесса родовъ и тотчасъ послѣ родовъ*. Если-же принять во вниманіе и тѣ случаи, гдѣ вообще „*роды съ баушками*“ составляютъ причину тяжелыхъ страданій и ведутъ къ смерти черезъ мѣсяцъ, два, три послѣ родовъ, то число должно возвыситься, по крайней мѣрѣ, вдвое. Разумѣется, случается, что роженицы умираютъ на рукахъ и прекраснѣйшихъ, опытныхъ акушеровъ, но также несомнѣнно и то, что не всѣмъ-же указаннымъ роженицамъ суждена была эта горькая участь. Я лично убѣжденъ, что 90% изъ нихъ могли-бы остаться въ живыхъ.

То-же самое надо сказать и относительно сидѣлокъ. Въ какомъ положеніи у насъ находится вопросъ о больничной прислугѣ, я

замѣтилъ уже раньше. Губернская больница необходимо должна взять на себя обязанность готовить сидѣлокъ, которыхъ уѣзды могутъ посылать нарочно съ этой цѣлью своими стипендіантами.

Весьма важный вопросъ составляютъ также фельдшерскія школы, но о нихъ я скажу въ другой разъ.

Изъ приведенныхъ остальныхъ 85% больныхъ (съ сифилитиками) въ губернскихъ больницахъ, 25% придется вывести въ богадѣльни, а 60% должны распредѣлиться по другимъ городскимъ и земскимъ больницамъ.

Опредѣленіе числа кроватей для умалишенныхъ, хирургическихъ, глазныхъ и акушерскихъ больныхъ, разумѣется, зависитъ отъ мѣстныхъ условій и предварительнаго опредѣленія числа страждущихъ тѣми или другими болѣзнями.

Если одной такой губернской больницы окажется мало для губерніи, каковы, напр., пермская, вятская и др., то ничто не мѣшаетъ имѣть ихъ и двѣ, въ разныхъ пунктахъ. При этомъ, помимо, необходимо перевозку больныхъ изъ уѣздовъ принять, хоть на первое время, пока не привыкнетъ и не увидитъ ясной пользы народъ, на счетъ земства.

Наконецъ, всѣ больницы, какъ губерскія, такъ и уѣздныя, должны быть организованы съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій:

1) *Больницы могутъ принимать всѣ сословія, но только не такъ, какъ это дѣлается теперь, а по предварительному расчету, сообразно тому, на сколько каждое сословіе участвуетъ своими средствами въ содержаніи больницы* ¹⁾, для соблюденія полнѣйшаго равновѣсія между всѣми заинтересованными сторонами. Тогда не повторятся приведенные выше факты неравномѣрнаго распредѣленія больныхъ и предпочтенія однихъ другимъ и т. д. Поэтому въ каждой больницѣ должно быть опредѣлено число кроватей для крестьянъ, горожанъ и т. д. Напр., для шадринскаго уѣзда эти числа опредѣляются слѣдую-

¹⁾ Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ только о тѣхъ больницахъ, которыя содержатся на земскій сборъ. Тамъ, гдѣ больницы имѣютъ свои особые фонды, какъ, напримѣръ, въ Твери и др., съ процентовъ которыхъ онѣ и содержатся, почти безъ всякаго матеріальнаго участія земства, предлагаемаго раздѣленія быть не должно.

шимъ образомъ: если взять въ основаніе населенность уѣзда, то въ больницѣ изъ 40 кроватей для крестьянъ отойдетъ 38, для прочихъ сословій—только 2. Если-же дѣлать расчетъ на основаніи уплачиваемыхъ земскихъ сборовъ, то для крестьянъ—23, для прочихъ сословій—17. Взявши среднее изъ этихъ чиселъ, мы получимъ:

для крестьянъ	30 кроватей.
„ прочихъ сословій	10 „

2) Больницы должны принимать только такихъ больныхъ, которые, по мнѣнію врачей, въ моментъ приѣма, *подаютъ надежду на выздоровленіе*. Завѣдомо неизлечимыхъ больныхъ, требующихъ главнымъ образомъ лишь ухода за собой, необходимо отказывать или отсылать въ устроившія для этой цѣли лечебницы или, вѣрнѣе, богадѣльни, ибо назначеніе больницы—*лечить и вылечивать* страждущихъ, но отнюдь *не нянчиться* съ ними.

Меня могутъ упрекнуть за отсутствіе въ предлагаемой системѣ элементовъ филантропіи. И, дѣйствительно, не легко понять ту филантропію, которая проводитъ время безъ толку тамъ, гдѣ могла бы принести дѣйствительную пользу, и владеть отживающаго, уже безнадежнаго А, отнимая мѣсто у Б, еще способнаго жить, дѣлая этимъ то, что, не подавъ существенной помощи ни А и ни Б, и лишая при томъ послѣдняго возможности во-время воспользоваться леченіемъ, часто приводятъ его именно только этимъ въ такое-же беспомощное состояніе, въ какомъ находится и А, съ которымъ эта филантропія теперь возится также именно только потому, что ему не была протянута рука еще тогда, когда не было поздно. И, такимъ образомъ, вмѣсто одного гроба фабрикуется два, а вся филантропія сводится къ одному итогу: расширенію кармановъ гробопродавателей. Никому, конечно, не придется въ голову земскую школу, содержащуюся на общественныя деньги, называть филантропическимъ заведеніемъ общественнаго призрѣнія и помѣщать въ число учениковъ идіотовъ, слабоумныхъ б т. д., для которыхъ существуютъ отдѣльныя, спеціальныя пріюты. Почему-же изъ больницы хотять сдѣлать не то, чѣмъ она должна быть въ дѣйствительности? Между тѣмъ обѣ содержатся на однѣ и тѣ-же суммы и преслѣдуютъ совершенно одинаковую цѣль, съ той только разницей, что въ одной идетъ дѣло объ умственномъ здо-

ровѣ, а въ другой о физическомъ, безъ котораго, по правдѣ, и самый умъ-то не въ прокъ.

3) Лечебницы должны быть устроены спеціально для своей цѣли и ни въ какомъ случаѣ не помѣщаться въ наемныхъ домахъ, какъ это можно встрѣтить теперь, не говоря объ уѣздахъ, даже въ губернскихъ городахъ. Онѣ должны удовлетворять если не всѣмъ, то хоть самымъ насущнымъ требованіямъ современной гигиены, а найдти въ разрѣзъ съ ними. При этомъ разъ навсегда должно совершенно изгнать мужскую прислугу, замѣнивъ ее женскою. Точно также женщинами должны быть замѣнены и настоящіе больничные надзиратели и смотрителя съ экономами, — одно изъ крупныхъ золъ провинціальныхъ больницъ.

Вотъ какъ описываетъ д-ръ Гауровицъ *) американскія больницы.

„Линкольнскій госпиталь имѣетъ свою собственную типографію; состоящій при больницѣ фотографъ занимается сниманіемъ особенно интересныхъ хирургическихъ случаевъ; особо устроенное почтовое бюро препровождаетъ и доставляетъ корреспонденцію больныхъ. Въ иныхъ госпиталяхъ просто прибываются ящики для опусканія писемъ. Госпиталь имѣетъ свой оркестръ изъ 16 человекъ, который въ хорошую погоду играетъ для увеселенія больныхъ отъ 4 до 6 часовъ пополудни, на открытомъ воздухѣ. Въ госпитальѣ Armoqu-Square, чистота и опрятность образцовыя. Въ крытомъ корридорѣ, который проведенъ отъ кухни вокругъ всѣхъ павильоновъ, устроена желѣзная дорога, по которой въ небольшихъ тельжкахъ развозится пища. Каждая изъ этихъ тельжекъ имѣетъ двойное дно, въ которомъ горитъ спиртовая лампа, чтобы купанье не простывало. Подобное устройство, съ замѣной лишь лампы горячею водою, встрѣчается въ большинствѣ другихъ госпиталей. Оно замѣчательно способствуетъ порядку и опрятности и въ то-же время значительно уменьшаетъ количество необходимой прислуги, такъ-какъ одного человека достаточно для приведенія въ движеніе нѣсколькихъ тельжекъ. Отправленіе тельжекъ изъ кухни и обратно происходитъ по извѣстному сигналу; такимъ образомъ соблюдается строгая пра-

*) Военно-санитарныя учрежденія Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. 1868.

вильность во время хода и устраняется нечистота и беспорядки. *Дуласовъ госпиталь* отличается чрезвычайнымъ обиліемъ воды, которая проведена въ него изъ ближайшихъ колодезь и источниковъ. Помойныя ямы орошаются постояннымъ токомъ воды, такъ что въ нихъ не можетъ оставаться никакихъ осадковъ и всѣ нечистоты уносятся далеко отъ госпиталя. Небольшое деревянное строеніе содержитъ запасъ льду, необходимый для больницъ. Устройство этого строенія совершенно особое. Снаружи оно выкрашено бѣлою извѣстью, стѣны и двери двойныя, промежутки наполнены плотно утоптанной пылью и древеснымъ углемъ, какъ однимъ изъ худшихъ проводниковъ теплоты. Посрединѣ, на подставкѣ съ ножками, возвышается большой деревянный ящикъ, служащій вмѣстилищемъ для льда; подъ нимъ (какъ въ самомъ холодномъ мѣстѣ) сберегается мясо, молоко и т. д. Въ Джервисовомъ госпиталѣ, въ Балтиморѣ, у входа въ зданіе къ стѣнѣ прикрѣплена большая доска, на которой выставляются на маленькихъ карточкахъ имена больныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ № павильона и кровати, гдѣ лежитъ больной, такъ что родные и знакомые больныхъ могутъ получать нужныя имъ свѣденія, не докучая чиновникамъ и др. Госпиталь также имѣетъ свой хоръ музыкантовъ. Главные врачи больницъ большею частію люди молодые и, *принадлежа къ новой школѣ, они держатся убѣжденія, что здоровый, свѣжій воздухъ, чистота въ содержаніи больного, хорошая пища, заботливый уходъ и ласковое обращеніе суть могущественнѣйшіе рычаги, съ помощью которыхъ врачъ достигаетъ болѣе благоприятныхъ результатовъ, чѣмъ аптеками, набитыми всевозможными снадобьями*“.

Я сдѣлалъ эти выписки, разумѣется, не для того, чтобы предлагать и для нашихъ крестьянъ устраивать особня почтовые бюро и организовать хоры музыкантовъ, но чтобы показать, какъ американцы, въ контрастъ намъ, запирающимъ филантропически своихъ больныхъ въ какія-то затхлыя ямы, — смотреть на свои больницы съ любовью и заботливостью, окружая больныхъ не только всѣмъ необходимымъ для леченія, но даже и нѣкоторой роскошью, чтобы всѣми мѣрами облегчить ихъ страданія.

Въ заключеніе замѣчу, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ужь, кажется, приходятъ къ мысли объ устройствѣ *спеціальныхъ* лечеб-

ныхъ заведеній, по только не въ предлагаемомъ мной направле-
ніи. Такъ новгородское губернское земство собирается перестроить
свой *новый* домъ для умалишенныхъ, замѣнивъ его нѣсколькими
домиками, по указаніямъ директора медицинскаго департамента,
(„Правительственный Вѣстникъ“, 1872 г., № 182) и давно уже
имѣеть особаго *врача-психіатра*. „Вслѣдствіе сильнаго распро-
страненія душевныхъ болѣзней среди сельскаго населенія Бесса-
рабіи, областная земская управа, какъ сообщаютъ Биржевыя
Вѣдомости (1872 г., № 27), обративъ на это вниманіе, нашла,
что помѣщеніе такихъ больныхъ въ земской больницѣ и условія
содержанія ихъ не только не приносятъ пользы, но даже вредъ,
почему положено устроить при больницѣ *особое отдѣленіе изъ 50
кроватьей*. По приблизительному исчисленію для этого потре-
буется около 26,000 р.“. Въ прошломъ году „въ комитетъ мини-
стровъ слушалось также представленіе объ отпускѣ тверскому
земству суммы на устройство въ Твери психіатрическаго заве-
денія“ („Московскія Вѣдомости“, 1872 г., № 80). Но не знаю,
чѣмъ дѣло рѣшено. Пермское губернское земство также задумы-
ваетъ, кажется, о спеціальностяхъ. Въ послѣднюю сессію ассиг-
новано 1,500 р. на стипендію при калининской больницѣ съ
цѣлью изученія (для чего-то) петербургскаго сифилиса. Но за
то предположено произвести перестройку (уже начата) дома ум-
алишенныхъ почти за ново, въ широкихъ размѣрахъ. Въ прошломъ
году при губернской больницѣ открытъ родильный покой, а въ
послѣднее время губернская управа проектируетъ, кажется, спе-
ціальную глазную и ушную лечебницу (Сборникъ пермскаго зем-
ства, 1873 г., № 2).

Но, прочтя эту замѣтку о больницахъ, земець, одержимый ду-
хомъ противорѣчія, начнетъ возражать.

Онъ скажетъ во-первыхъ, свою любимую фразу, употребляемую
имъ какъ-то всюду, хотя-бы это было ни къ селу и ни къ городу, что
„*все это хорошо только изъ теоріи, но непримѣнимо на прак-
тикѣ*“¹⁾. Но на это возраженіе, само собой, нечего и отвѣ-
чать.

¹⁾ Эта фраза для земцевъ служитъ такимъ-же могущественнымъ орудіемъ, какъ,
по мнѣнію Наполеона, митральеза. Съ ней они не боятся ничего и могутъ от-

Во-вторыхъ, что расходы на „общественное призрѣніе“ *обязательны* для земства лишь въ опредѣленномъ направленіи, по *уставу лечебныхъ заведеній*. Словомъ, что въ законѣ пред-

биться когда угодно, противъ кого угодно и противъ чего угодно. Какъ только земець чувствуетъ, что у него не хватаетъ пороку, онъ сейчасъ выдвигаетъ это свое орудіе, выналиваетъ изъ него послѣднимъ зарядомъ: „все это хорошо въ теоріи, но непримѣнимо на практикѣ“, — и тутъ вы съ нимъ ужъ не сдѣаете ничего. Вы не услышите больше ни слова, ни почему хорошо только въ теоріи, ни почему непримѣнимо на практикѣ, — никакихъ доказательствъ или оснований, для него теперь все равно! Онъ увѣренъ, что вы побиты, что поле осталось за нимъ, онъ торжествуетъ и празднуетъ побѣду... И что-бы вы дальше ни говорили, все напрасно, ибо все будетъ теорія, неприложимая на практикѣ.

Это, дѣйствительно, замѣчательный психологическій фактъ изъ земской жизни и я не могу удержаться, чтобы не подчеркнуть его однимъ изъ множества извѣстныхъ мнѣ, болѣе курьезнымъ примѣромъ. Одной изъ губернскихъ земскихъ управъ „заболѣлось“ строить лѣтніе баракы въ больничномъ саду. Собраніе пригласило на *экспертику* врачей. Мы, въ числѣ 6—7 человекъ, объяснили, что допустить этого нельзя, и привели въ доказательство слѣдующіе *весьма реальные, взятые изъ дѣйствительности факты, и только факты*, а именно: 1) что больничный дворъ и садъ и безъ того загромождены различными зданіями и большимъ числомъ деревьевъ, такъ-что мѣста для бараконъ на нихъ нѣтъ. 2) больничный районъ, на которомъ имѣется 7 близко другъ къ другу лежащихъ помойныхъ ямъ (4 отхож. мѣста и 3 ямы), въ которыя вливаются нечистоты уже 30 лѣтъ, почву имѣетъ глинистую, поверхность-же верхка на 3—4 покрыта наноснымъ черноземомъ. Между такими, чрезвычайно способными впитывать въ себя влагу пластами, лежитъ слой песку, толщина котораго нигдѣ не превышаетъ 1 арш. (разрѣзы почвы и изслѣдованіе ея влажности мы дѣлали вдвоемъ съ однимъ врачомъ въ 6 мѣстахъ и ручались за вѣрность своихъ показаній). Наконецъ, все мѣсто, на которомъ предполагались баракы, чрезвычайно густо засажено деревьями. Все эти причины обуславливаютъ такую сырость почвы, что лѣтомъ, въ то время, когда втеченіи 7 дней стояла чрезвычайно жаркая погода и на улицахъ была сильная пыль, представлявшая 0% влажности, — *самый поверхностный* слой земли больничнаго сада имѣлъ *среднюю влажность* въ 14,5%! Что можно было придумать еще болѣе практическаго для доказательства невозможности строить баракы на сырой почвѣ? Но противная сторона все-таки не соглашалась, не приводя, разумѣется, ни одного контрфакта, который-бы опровергъ наше мнѣніе. Собраніе было, повидимому, въ нерѣшимости и побѣда, казалось, склонялась на сторону врачей. Но предсѣдатель губернской управы, какъ опытный вождь, до поры до времени не выдвигалъ въ дѣйствіе всей своей артиллеріи. Но вдругъ, улучивъ удобную минуту, онъ громогласно произнесъ извѣстную уже фразу: „все это хорошо только въ теоріи, но непримѣнимо на практикѣ“, а потому баракы нужно выстроить въ больничномъ саду. О какой тутъ теоріи говорилось и что было непримѣнимо на практикѣ?—это въ пылу сраженія было забыто, ибо эффектъ, дѣйствительно, былъ поразителенъ: мгновенно все какъ-бы оживилось, почувствовало подъ собой прочную почву, быстро произошла баллотировка и большинство высказалось противъ нашего мнѣнія. Потому: *экспертиза врачей необязательна для земства*, какъ потомъ пояснялъ торжествовавшій предсѣдатель.

лагаемаго мной не прописано. Вполнѣ согласенъ. Но все это не даетъ еще права земству бездѣйствовать и, сознавши, что организація современныхъ больницъ негодна, оставлять ихъ въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что земству вовсе никто не препятствуетъ ходатайствовать объ измѣненіи существующихъ больничныхъ порядковъ законодательнымъ путемъ. А что ходатайство земства, вѣроятно, уважится—за это говорятъ нѣкоторые, весьма вѣскіе факты. Такъ само правительство начинаетъ уже сознавать неудобства совмѣстнаго леченія военныхъ больныхъ съ больными гражданскаго вѣдомства. Что же касается лечебнаго устава, то онъ давно уже ожидаетъ своего измѣненія. А въ этихъ двухъ пунктахъ и заключается вся суть дѣла. Остальное земство можетъ сдѣлать само.

И. Моллесонъ.

Не могу также не замѣтить здѣсь, что въ числѣ большинства, а слѣдовательно, и побѣдителей, былъ одинъ врачъ, онъ-же и предсѣдатель (земець на практикѣ) одной изъ уѣздныхъ управъ, который глѣтъ пять не видалъ того больничнаго двора, о которомъ подавалъ голосъ противъ экспертовъ-врачей.

Но потому управа все-таки убѣдилась, кажется, что наша теорія права, а ея практика нигде не годится, потому что постройка барачковъ въ саду была отиѣнена.

ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ.

Любовью были вы богаты;
Не помня самых злых обидъ,
Убить вы не старались брата,
Когда онъ въ землю былъ зарытъ.

Въ васъ даже въ молодые лѣта
Была серьезность развита:
Не посѣщали вы балета
Во дни великаго поста.

Вы прошлой зависти не знали:
Чужой успѣхъ васъ не сердилъ,
Когда вы мѣсто получали,
А ближній по-миру ходилъ.

Любя общественное дѣло
И зло желая истребить,
Вы предъ врагомъ молчали смѣло,
Когда не смѣли говорить.

Вы за наживой не бѣжали
И безъ отказа, видѣть Богъ,
Въ долгъ даже нищему давали,
Взявъ въ обезпеченье залогъ.

И, вспомнивъ прошлой жизни повѣсть,
Всегда спокойна и свѣтла
Была-бы, вѣрно, ваша совѣсть,
Когда-бы въ васъ она была.

И. И.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО-ЛИ МЫ БОГАТЫ?

(Докладъ высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Спб. 1873.

Докладъ, журналы комиссіи и приложенія I—VIII).

I.

Россія — страна экономическихъ контрастовъ, которые такъ рѣзко бросаются въ глаза каждому, кто приступаетъ къ изученію ея экономическаго быта. Съ одной стороны, мы видимъ неизчерпаемое богатство естественныхъ произведеній, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, — съ другой — поразительное неумѣнье человѣка овладѣть этими богатствами; съ одной стороны — разнообразіе флоры и фауны, обнимающей самую почтенную географическую широту отъ ледовитаго моря и до тропическаго пояса, — съ другой — утомительное однообразіе человѣческой дѣятельности, какъ-бы подавленной этимъ разнообразіемъ; одна мѣстность не знаетъ, что дѣлать съ обиліемъ того или другого продукта, а другая, лежащая почти рядомъ, чахнетъ отъ недостатка того-же самого продукта. Въ то время, когда въ одной мѣстности слишкомъ много лѣсу, такъ много, что населеніе не можетъ справиться съ нимъ, а между тѣмъ питается хлѣбомъ съ лебедой, въ другой — деревянный обрубокъ цѣнится на вѣсъ и даже дороже хлѣба; тамъ соляными плитами можно было-бы свободно мостить улицы, употребляя вмѣсто каменнаго соляной щебень, здѣсь — недостатокъ соли въ питаніи поражаетъ цѣлое населеніе цынгой, скорбутомъ и другими соответственными болѣзнями; въ одномъ мѣстѣ на выломку изъ-подъ земли сплошныхъ залежей желѣзной руды недостаетъ рукъ всего населенія, въ другой — старый, переѣденный ржавчиною подосокъ расковывается и перековывается нѣсколько разъ

на гвозди и „ухнали“ за невозможностью дешеваго приобрѣтенія желѣза; въ одной полосѣ рабочія силы напрасно ищутъ приложенія, напрасно бѣется оброчное село изъ-за того, что ему не дадутъ работы и негдѣ ее взять; въ другой—дорогая работа бросается неоконченною за недостаткомъ рабочихъ рукъ, на наемъ пяти серповъ на сельскомъ базарѣ претендуютъ пять разныхъ наемщиковъ и, за неимѣніемъ сотни-другой этихъ серповъ, несжатый хлѣбъ отдается степной птицѣ или самъ весь высыпается на ниву изъ перерѣлага колоса и т. д., и т. д.

Сотни и тысячи такихъ контрастовъ встаютъ сами собой при чтеніи книгъ, заглавіе которыхъ нами выписано выше, и тѣмъ болѣе контрасты эти становятся рѣзкими глазъ, что изъ этихъ-же книгъ, изъ тысячи разнородныхъ, собранныхъ въ нихъ цифръ, указаній прямыхъ и косвенныхъ, доводовъ положительныхъ и отрицательныхъ, намековъ и недомолвокъ, при извѣстномъ сопоставленіи и критической оцѣнкѣ ихъ сами собой могли-бы вытекать и руководящія экономическіе итоги— что сдѣлать, чтобы не было того, что есть, и чтобы было то, чего нѣтъ.

Нашъ сѣверъ, напр., буквально задыхается подъ лѣсомъ. Только въ вологодской и архангельской губерніяхъ лѣсныя дачи занимаютъ громадную площадь въ 58,000,000 десятинъ. На каждую единицу наличнаго сѣвернаго населенія, полагая въ счетъ стариковъ, вышедшихъ изъ лѣтъ работниковъ, женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, приходится, такимъ образомъ, по 45 десятинъ лѣснаго пространства. На этомъ основаніи г. Данилевскій могъ высказать мнѣніе, повидимому, парадоксальное, но логически вытекающее изъ цифръ, что „если-бы все теперешнее сѣверное населеніе предалось вдругъ лѣсоистребленію, причѣмъ свирѣствовало-бы такъ-же, какъ въ средніе вѣка проказа, пласка св. Витта, пироманія и прочія повальныя немощи, и если-бы рубили лѣсъ старики и грудныя дѣти, съ утра и до вечера, всѣ 365 дней въ году, то и тогда наши сѣверные лѣса остались-бы невредимы, потому что ежегодный ихъ приростъ превышалъ-бы значительно вырубленное, такимъ образомъ, количество лѣса“. Между тѣмъ тутъ-же, на сѣверѣ, почти въ одной сѣверной широтѣ и въ той-же полосѣ, Петербургъ уже нуждается въ топливѣ и нуждается до отягощенія населенія. Дороговизна дровъ въ послѣдніе годы достигла здѣсь такихъ размѣровъ, что явле-

ніе это становится какимъ-то экономическимъ абсурдомъ и переходитъ въ разрядъ историческихъ явленій нашей экономической жизни. Есть громадные пространства въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ положительно нѣтъ ни лѣсу, ни дровяного топлива и гдѣ болѣе всего населенія довольствуется топливомъ изъ бурьяна, изъ „чернобыльника“, который, благодаря обилію извѣстнаго качества земель, заготавливается на зимы огромными массами, особенно для отопленія большихъ заведеній, училищъ, тюремъ и проч. Есть мѣстности, которыя, не нуждаясь въ удобреніи своихъ земель, пока еще жирныхъ и неистощенныхъ, по цѣлымъ годамъ копятъ навозъ, чтобъ изъ него готовить топливо; мало того, изъ этого-же навоза, съ примѣсью другихъ подходящихъ веществъ, строятъ себѣ дома, навозно-глиняныя и соломенные мазанки, для устройства которыхъ нѣтъ даже хворосту, годнаго на плетеніе стѣнъ. Навозъ, перемѣшанный съ перегнившей соломой и всякимъ пометомъ, замѣшивается въ жидкое тѣсто, рѣжется на пласти, въ видѣ большихъ черныхъ кирпичей или, скорѣе въ видѣ кирпичнаго чая, просушивается на дворахъ, заражая своей нечистотой безлѣсные селенія и города, и спасаетъ селенія и города, какъ топливо, отъ холода. Всякая попавшаяся на улицѣ щепка подбирается, какъ драгоценность, и идетъ на растопку этого зловоннаго топлива — „кизяка“. Въ холодныя зимы города отпускаютъ своему бѣднѣйшему населенію кизякъ вмѣсто дровъ. Въ топку идетъ шелуха отъ подсолнечныхъ сѣмянъ, и для такой топки особеннымъ образомъ приспособляются даже печи. Въ топку идетъ старая, перегнившая рогожа отъ хлѣбныхъ кулей, камышъ, всякая негодная и сорная трава и т. д. Въ другой мѣстности изъ этого же камыша дѣлается крыша на домъ, ставни къ окнамъ и много другихъ хозяйственныхъ приспособленій, за неимѣніемъ лѣсу. Въ третьей мѣстности этотъ камышъ уже истребляютъ насильственно, цѣлыми полосами выжигаютъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ растетъ, тогда какъ за этотъ бесполезно истребленный матеріалъ дорого-бы дали, какъ за топливо, за крышу для дома и т. п., въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ навозъ идетъ и на топливо, и на постройку домовъ.

Въ заволжскихъ степяхъ астраханской губерніи, въ царевскомъ уѣздѣ, находится, какъ извѣстно, богатѣйшій въ мірѣ соляной источникъ — озеро Елтонъ, которое въ состояніи снабжать

солью не только Россію, но и всю Европу. Площадь этого озера занимаетъ 180 квадратныхъ верстъ. Каждый годъ на всей этой площади осаживается соль слоемъ до 3 вершковъ толщины или среднимъ числомъ—2 вершка. Полагая, что слой соли въ два вершка толщины на пространствѣ одного квадратнаго аршина вѣситъ два пуда, находятъ, что ежегодная осадка соли на Елтонѣ даетъ до 810,000,000 пудовъ, а если нѣсколько толще слой, то до миллиарда пудовъ. (Елтон. солепромышл. въ историко-статист. отнош., С. Вознесенскаго, 1857, стр. 9). Между тѣмъ, втеченіи почти цѣлаго столѣтія, со временъ Екатерины II,—добыто изъ этого неизсякаемаго соляного источника менѣе полумилліарда пудовъ соли, изъ которыхъ болѣе 135,000,000 п. въ царствованіе Екатерины II и болѣе 155,000,000 п. въ царствованіе Александра I, тогда какъ въ это столѣтіе, при болѣе рациональныхъ условіяхъ, въ государственную и народную экономію приливъ соляного дохода могъ-бы изчисляться не съ полумилліарда пудовъ, а со ста милліардовъ. Добыча соли изъ озера почти все время обходилась казнѣ, со всѣми расходами, только до 2 копеекъ за пудъ, между тѣмъ какъ въ болѣе отдаленныхъ отъ Елтона мѣстностяхъ, продовольствовавшихся елтонскою солью, она продавалась по 81 коп. за пудъ! Неудивительно, что въ этихъ мѣстностяхъ нашу соль стала вытѣснять заграничная. Такое явленіе казалось-бы невѣроятнымъ, но оно существуетъ и понинѣ и будетъ, вѣроятно, еще долго существовать. Такъ, Орель, закупавшій ежегодно до полумилліона пудовъ елтонской соли, теперь сталъ предпочитать соль заграничную, хотя и низшаго качества, но болѣе дешевую. Конкурентами, какъ водится, явились нѣмцы и евреи—изъ Витебска, Полоцка и Риги. Наша соль шла на орловскихъ рынкахъ по 81 коп. за пудъ, а нѣмцы и евреи пустили въ продажу заграничную соль 3 коп. дешевле, и этимъ отбили охоту у орловскаго населенія покупать елтонскую соль.

Явленіе это имѣетъ для насъ серьезное политическое значеніе, какъ фактъ не единичный, а обставленный другими подобными фактами, которые незамѣтно подрываютъ нашу экономическую силу. Въ вилѣ соли и другихъ предметовъ идетъ на Россію непобѣдимый прусскій контингентъ: это прусская соль, забивающая въ центрѣ Россіи нашу елтонскую, пермскую и крымскую соль, которая на мѣстѣ добычи стоитъ намъ всего только 2 копейки.

Въ томъ, что Пруссія экономически побѣждаетъ насъ въ самой сердцевиной Россіи, тамъ, гдѣ Наполеонъ I со всѣми своими арміями не могъ побѣдить насъ, виноваты не пространства, на которыя у насъ обыкновенно сваливаютъ всѣ экономическія неурядицы и абсурды, а весь нашъ неудачно сложившійся экономическій строй, который только теперь становится предметомъ ближайшаго изученія, да и то это изученіе пока еще мало поддается усиліямъ изслѣдователей.

Не бесполезно выяснитъ причины, по которымъ Пруссія побѣждаетъ Россію хотя-бы на соли, на этомъ самомъ жизненномъ, если можно такъ выразиться, экономическомъ пунктѣ въ народномъ хозяйствѣ. Соль для продовольствія центральной Россіи покупается обыкновенно на нижегородской ярмаркѣ. Она нагружается тамъ въ барки, называемыя „гусянками“, которыя немовѣрно медленно тащутся вверхъ по Окѣ *лошадми* до самой Коломны, гдѣ „паузаются“ и около села Щерева долгое время ждутъ спуска воды изъ-за плотинъ. Тутъ идетъ перегрузка соли изъ объемистыхъ гусянокъ на маломѣрные паромы, и это перекладыванье отнимаетъ очень много дорогого времени. До Коломны соль шла въ тридцатисаженныхъ гусянкахъ, изъ которыхъ въ каждой вмѣщается по 1,950 кулей; при каждой гусянкѣ имѣется, для болѣе вѣрнаго хода, паромъ съ 550 кулями, такъ что весь грузъ гусянки и парома составляетъ 30,000 пудовъ. Въ Коломнѣ уже, по причинѣ мелководія рѣки, соль перекладывается на 18-саженныя паромы, изъ которыхъ каждый поднимаетъ только 300 кулей. Вверхъ отъ села Щерева караваны съ солью встрѣчаютъ еще большія затрудненія, на всемъ пути, особенно-же далеко уже отъ Орла. На этомъ пути безъ искусственной прибавки въ рѣку воды, собранной за плотинами, нѣтъ никакой возможности двигаться впередъ. На протяженіи 60-ти верстъ приходится три раза пользоваться искусственнымъ наводненіемъ Оки и за это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже платитъ деньги. Хотя правительство за спускъ воды не взимаетъ никакой платы, однако, частныя лица безъ денегъ воды изъ-за своихъ плотинъ не дадутъ. И вотъ естественный водный путь для такого жизненнаго въ народной экономіи продукта, какъ соль, благодаря этимъ условіямъ и множеству другихъ, она оплачивается неестественно дорогой цѣной—по 17 коп. съ пуда, да отъ Елтона и Саратова до Ниж-

нято соль должна выдержать еще болѣе надбавокъ на свою ничтожную цѣнность, по которой она обходится при самой добычѣ. (Н. Овсянниковъ, „Объ отношеніи Кіева, Курска, Орла, Тулы и Рязани къ нижегор. ярмаркѣ“, т. III „Нижегор. сборн.“, 47—50, и Вознесенскій—„Елтон. солепром.“ и проч.).

Вотъ почему прусская соль свободно врывается въ Россію и вытѣсняетъ нашу собственную на русскихъ центральныхъ рынкахъ, хотя у насъ подъ руками такъ много соли, что мы могли-бы просолить ею всю Пруссію...

Точно также, при помощи евреевъ, врывается въ центральную Россію заграничное желѣзо, которое, пройдя изъ Англіи или Бельгіи тысячи верстъ, сталкивается на нашихъ центральныхъ рынкахъ съ уральскимъ желѣзомъ и побѣждаетъ его. Факты эти въ высшей степени поучительны. Заграничное желѣзо скупается евреями въ Одессѣ и идетъ вверхъ по Днѣпру, навстрѣчу уральскому, какъ прусская соль идетъ навстрѣчу елтонской и пермской. Встрѣтившись въ Кременчугѣ, даже въ Кіевѣ и еще выше этого города, англійское, бельгійское и русское желѣзо вступаютъ въ борьбу, и русское желѣзо не выдерживаетъ конкуренціи. Побѣда на сторонѣ заграничнаго товара оканчивается изгнаніемъ русскаго желѣза съ русскихъ рынковъ, на которыхъ уральское желѣзо можетъ быть продано не дешевле 3 р. 50 к. за пудъ, а заграничное, тѣхъ-же достоинствъ, рублемъ дешевле. Въ этомъ рублѣ выражается рѣшительное пораженіе русскаго производства въ томъ именно пунктѣ, въ которомъ Россія, казалось-бы, должна-бы быть непобѣдимой.

Конечно, никто не станетъ оспаривать, что всѣ подобныя явленія принадлежать къ разряду экономическихъ аномалій, но фактъ отъ этого не теряетъ своей силы, потому что на подобныхъ экономическихъ аномаліяхъ выросла наша народная бѣдность и наша экономическая зависимость отъ европейскаго рынка. Только при помощи этихъ экономическихъ аномалій мы будемъ въ состояніи объяснить тѣ, на каждомъ шагу, поражающія несообразности и тѣ, повидимому, необъяснимыя явленія, съ которыми мы встрѣчаемся почти на каждой страницѣ при чтеніи выписанныхъ выше трудовъ комиссіи. Даже тѣ цифры въ собранныхъ комиссіею матеріалахъ, которыя обнаруживаютъ наши естественныя примитивныя богатства,—такія богатства, передъ которыми Европа должна-бы бы-

да положить оружіе и признать нашу экономическую гегемонію, — даже эти цифры обличают тотъ несомнѣнный фактъ, что наши богатства, какъ величина положительная, будучи приложены къ нашей бѣдности, какъ къ величинѣ отрицательной, въ суммѣ дадутъ не плюсъ, а минусъ.

Наши доводы въ этомъ случаѣ не голословны. Они опираются на цѣлый рядъ цифръ и фактовъ, крупныхъ и мелкихъ, единичныхъ и коллективныхъ, которыми заявляютъ о себѣ наши экономическія уродства и безъ которыхъ свѣденія, добытыя комиссією, будутъ нѣмыми, мертвыми свидѣтелями нашей экономической чуждости.

Изъ трудовъ комиссіи, какъ и изъ другихъ источниковъ, мы знаемъ, что у насъ, безспорно, много хлѣба, какъ много у насъ и лѣсу, соли, желѣза и т. д., что, въ общей массѣ, хлѣбная производительность увеличилась послѣ освобожденія крестьянъ, что, наконецъ, массы хлѣбныхъ избытковъ, такъ-сказать, ежегодно извергаются за-границу богатыми мѣстностями Россіи, и изверженіе это выражается десятками миллионъ пудовъ. При всемъ томъ масса населенія — нельзя сказать, — чтобы была обезпечена соответственной пропорціей питанія хлѣбомъ, что иногда случается голодать въ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Такъ въ то время, когда среднее Поволжье отправило въ Европу нѣсколько десятковъ миллионъ пудовъ своего хлѣбнаго излишка, тамъ-же, въ пензенской губерніи, по словамъ официального отчета, „жители питались хлѣбомъ, испеченнымъ изъ одной лебеды“, — такимъ хлѣбомъ, который представлялъ „зеленоваточерную, легко рассыпающуюся массу, лишенную того связующаго вещества, которое составляетъ необходимое условіе питательности“, и потому мѣстное населеніе было поражено болѣзнями, „обусловленными употребленіемъ неудобоваримой пищи“. („Сборн. истор., географ. и статист. матер. о пенз. губ.“, изд. статист. комит., 1870, стр. 174, 184, 195). Все это, конечно, результаты незнанія нашихъ экономическихъ условій и сложныхъ нуждъ населенія слишкомъ разнохарактерныхъ мѣстностей. Основывать хлѣбную и вообще продовольственную обезпеченность населенія на цифрахъ производительности и на богатствѣ излишняго хлѣба въ данной мѣстности — это крупное экономическое заблужденіе. Между избыткомъ хлѣба въ странѣ, между

солидною наличностью его на рынкахъ и въ амбарахъ и между обезпеченностью этимъ хлѣбомъ населенія—лежитъ цѣлая пропасть. Г. Журавскій указываетъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ, „когда на сѣверѣ люди умирали отъ голоднаго тифа, хлѣба въ продажѣ было *тамъ* довольно“ и что архимандритъ Кириллъ, въ своихъ письмахъ изъ пертоминскаго монастыря въ одну изъ столичныхъ газетъ, рассказывая о случаяхъ голодной смерти, постигшей нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ обывателей, говорилъ, вѣсть съ тѣмъ, что въ той мѣстности у многихъ кулаковъ-торгашей „было много хлѣба“. (В. Журавскій: „Отношенія сѣвера къ нижегород. ярмар.“, т. III „Нижегород. сборн.“, 104—105).

II.

Всѣ эти высказанныя нами общія и частныя замѣчанія получаютъ силу фактической неоспоримости, когда мы въ подтвержденіе ихъ приведемъ нѣкоторыя изъ тѣхъ данныхъ, которыя даютъ намъ безспорно-драгоценныя свѣденія, собранныя вышеупомянутою комиссіею для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи,—свѣденія, опирающіяся на авторитетъ 958-ми самыхъ разнородныхъ официальныхъ и неофициальныхъ источниковъ, изъ которыхъ они непосредственно почерпались.

При чтеніи всей этой массы цифръ, мнѣній, свѣденій, заявленій и показаній, исходящихъ изъ 958-ми разныхъ источниковъ и мѣстностей, и при сличеніи этого богатаго матеріала съ другими подобнаго рода данными, которыми располагаетъ русская статистическая наука, наконецъ, при ознакомленіи съ конечными выводами комиссіи, невольно рождается вопросъ: дѣйствительно-ли богата Россія, какъ многіе изъ насъ думаютъ и до сихъ поръ?

До нѣкоторой степени комиссія сама отвѣчаетъ на этотъ величайшей важности вопросъ почти отрицательно.

„Несмотря на то, говоритъ докладъ комиссіи,—что Россія обладаетъ громаднымъ запасомъ естественныхъ силъ, главный источникъ которыхъ заключается въ обиліи земель, ея производительность, въ сравненіи съ ея пространствомъ и естественнымъ плодородіемъ громадныхъ черноземныхъ пространствъ, незначительна, незначительнѣе

чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, а тѣмъ менѣе въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки. Въ то время, какъ наша производительность въ 30 лѣтъ едва увеличилась на 16⁰/₀, т. е. на одну шестую часть, производство зерновыхъ хлѣбовъ въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки втеченіи 20 только лѣтъ, съ 1850 по 1869 г., увеличилось на 72 процента—съ 140 милліоновъ возрасло до 240 милліоновъ четвертей. Вслѣдствіе того, хотя Россія и занимаетъ до настоящаго времени, по абсолютной величинѣ своего производства, первое мѣсто въ ряду наиболѣе производительныхъ странъ земного шара, но по количеству ежегоднаго сбора на душу уступаетъ первое мѣсто Соединеннымъ Штатамъ сѣверной Америки, по количеству-же сбора съ десятины занимаетъ послѣднее мѣсто послѣ Великобританіи, Пруссіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ и Австріи, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Общее количество сбора зерновыхъ хлѣбовъ.	Средній сборъ на душу.	Средній сборъ съ десятины.
Россія	290,000,000 четв.	4,5 четв.	4,5 четв.
Соедин. Штаты	241,300,000 „	6,2 „	8,8 „
Франція	117,900,000 „	3,0 „	11,4 пшпн., 10,3 ржи
Пруссія	85,000,000 „	3,5 „	11,4 „ 11,1 „
Великобританія	65,000,000 „	2,9 „	33,9 „ —
Австрія	41,300,000 „	1,15 „	9,5 „ 9,7 „

Поразительные контрасты въ этомъ отношеніи представляютъ Россія и Великобританія: мы отъ своей богатой почвы получаемъ средняго сбора на душу 4¹/₂ четв., англичане-же только 2⁹/₁₀₀ четв.; но за то русская десятина даетъ средняго сбора всего только 4¹/₂ четв., а великобританская около 34 четв. (Докладъ комиссіи, 10.) На этомъ основаніи наше абсолютное богатство производительности было-бы признано въ Англіи крайнею бѣдностью.

На этомъ-же основаніи для насъ становятся вполнѣ понятными причины той неравномѣрной прогрессіи, съ которою совершается развитіе нашихъ экономическихъ силъ и нашего богатства по отношенію къ другимъ странамъ, какъ это можно видѣть изъ ряда любопытныхъ цифръ, приводимыхъ въ другомъ мѣстѣ докладомъ комиссіи, именно въ конечномъ ея заключеніи.

Вотъ въ какой градаціи, въ послѣднее двадцатилѣтіе, росли производительныя силы Россіи и другихъ государствъ:

		Доходъ.	Отпускъ излишковъ.	Привозъ извнѣ.
Въ Россіи	въ 1852 г.	280 милліоновъ	100 милліоновъ	83 милліона.
„	„ 1862 „	310 „	160 „	125 „
„	„ 1872 „	497 „	352 „	344 „
„ Англіи	„ 1852 „	52 мил. ф. стер.	71 мил. ф. стер.	— „
„	„ 1862 „	71 „	159 „	— „
„	„ 1872 „	75 „	244 „	— „
„ Франціи	„ 1852 „	1,487 мил. фран.	1,435 мил. фран.	1,119 мил. фр.
„	„ 1862 „	2,177 „	3,147 „	2,657 „
„	„ 1872 „	2,345 „	3,363 „	3,890 „
„ Австріи	„ 1852 „	305 мил. гульд.	158 мил. гульд.	111 мил. гул.
„	„ 1862 „	398 „	402 „	445 „
„	„ 1872 „	514 „	— „	— „

Въ виду этихъ внушительныхъ цифръ, докладъ комиссіи дѣлаетъ такое, не менѣе внушительное заключеніе: „Законы международной конкуренціи на всемірномъ рынкѣ подчиняютъ насъ необходимости не только далѣе и далѣе усиливать нашу производительность, но и не замедлять направленныхъ къ тому стремленій. Мы должны имѣть въ виду не только соперничество европейскихъ государствъ, но и постоянно и быстро усиливающееся соперничество заокееанскихъ странъ“. (Докл. ком., 52—53); иначе говоря, мы не должны, сложивъ руки, дожидаться того времени, когда нашею бѣдностію и отсталостію воспользуются другіе, экономически идущіе впередъ народы.

Дойти до этого заключенія можно было только рядомъ самыхъ солидныхъ цифровыхъ подтвержденій, въ которыхъ мы до нѣкоторой степени находимъ объясненіе и вышеприведенныхъ нами явленій и экономическихъ несообразностей, вслѣдствіе которыхъ одна мѣстность Россіи буквально задыхается отъ изобилія тѣхъ или другихъ естественныхъ богатствъ, тогда-какъ другая страдаетъ отъ ихъ недостаточности; въ одной мѣстности лѣсныя богатства отнимаютъ у населенія хлѣбъ, въ другой—этотъ хлѣбъ отнимается именно потому, что тамъ нѣтъ лѣсу, и вслѣдствіе этого проникающее обмелѣніе рѣкъ, уничтоженіе озеръ и другихъ водоемовъ лишаютъ атмосферу необходимой влажности, а почву сушатъ до окончательнаго бесплодія; въ одной мѣстности соль, на мѣстѣ выломки, цѣнится не дороже песку, которымъ посыпаютъ дорожки въ садахъ, въ другой—соли не хватаетъ не только на кормъ скоту, но и на пищу человѣку, которому для посолки своего хлѣба при-

ходится ожидать привоза соли изъ-за границы; въ одной мѣстности жалуются на недостатокъ навоза для удобренія земли, въ другой—изъ этого навоза строятъ себѣ жилища и эти-же жилища навозомъ отапливаютъ.

Разсматриваемые нами труды комиссіи подтверждаютъ это самыми убѣдительными примѣрами и цѣлымъ рядомъ такихъ вѣскихъ данныхъ, которые наглядно рисуютъ передъ нами цѣльную картину современнаго состоянія Россіи, ея богатыхъ и въ то-же время бѣдныхъ производительныхъ силъ, ея экономическаго могущества и рядомъ съ нимъ стоящей экономической слабости: бѣдность въ богатствѣ и богатство при нищетѣ поражаютъ на каждомъ шагѣ.

Прежде всего комиссія изслѣдуетъ, по имѣющимся въ ея рукахъ богатнымъ матеріаламъ, состояніе сельскаго хозяйства вообще, какъ землевладѣльческаго, такъ и крестьянскаго. Она останавливается на общемъ въ этомъ отношеніи явленіи -- это на „переходности“ формъ хозяйственно-производительной жизни. Комиссія дѣлаетъ при этомъ общее замѣчаніе, что крестьянское хозяйство въ это „переходное время“ было обставлено гораздо счастливѣе, чѣмъ хозяйство землевладѣльческое, потому что оно не только не выносило на себѣ неизбежнаго и существеннаго потрясенія, но, напротивъ, благодаря именно этому потрясенію на другой половинѣ, землевладѣльческой, получило возможность свободно располагать суммою удвоенныхъ рабочихъ силъ. Но и въ этомъ отношеніи замѣчаются два рода явленій, изъ которыхъ одни относятся „къ улучшенію быта крестьянскаго сословія“, другія— „къ улучшенію собственно крестьянскаго хозяйства“. Въ большинствѣ обоого рода явленій оказывается, что „бытъ крестьянъ улучшился“. то-есть, другими словами, экономическая сила его до извѣстной степени выросла, окрѣпла, „хозяйство“ же осталось „въ прежнемъ, первобытномъ состояніи“. Есть исключительныя мѣстности, гдѣ пропорціонально улучшился и „бытъ“ и „хозяйство“. Но есть и положительно обратное воздѣйствіе реформы — и „бытъ и хозяйство ухудшились“, то-есть, въ „быту“ оказался недостатокъ заработка, недостатокъ хлѣба, соли, топлива, жельза и всего, на чемъ держится „бытъ“, жизнь и ея отправленія; въ хозяйствѣ оказался недостатокъ земли, выгона, лѣса, сѣнокоса, рабочаго скота, рабочихъ принадлежностей.

Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ и „быть“ и „хозяйство“ *улучшились*, и притомъ значительно, исключая только мѣстности припетскихъ и пинскихъ болотъ. „Быть“ *улучшился* въ юго-западныхъ и южныхъ губерніяхъ, и опять значительно; но улучшения въ хозяйствѣ незамѣтно. Не замѣчено измѣненія ни къ лучшему, ни къ худшему въ губерніяхъ малороссійскихъ, хотя есть признаки, что и то и другое двигается къ улучшенію, особенно тамъ, гдѣ поняты выгоды табаководства. „Нѣсколько“, а иногда и „значительно“ *ухудшился* „быть“ и „ухудшилось хозяйство“ во всѣхъ центральныхъ, нечерноземныхъ губерніяхъ, въ восточныхъ и сѣверныхъ: тутъ „разбогатѣло“ небольшое число крестьянъ и „объединѣло большинство“, объединѣло даже сравнительно съ дореформенной бѣдностью. Въ мѣстностяхъ, гдѣ замѣчено „улучшеніе“, указаны и причины этого явленія: „большіе земельные надѣлы“, „весьма слабое обложеніе“, „участковое владѣніе“ и „система продажи питей, ограничивающая развитіе пьянства“; кромѣ того — относительное „плодородіе“ и „высокая заработная плата“, хотя этотъ послѣдній признакъ мы не считаемъ самостоятельнымъ признакомъ: онъ вытекаетъ изъ предыдущихъ и есть ихъ естественный и неизбежный результатъ, ибо тамъ, гдѣ есть изъ-за чего работать, выше цѣнится и самая работа, самый трудъ. Причины „объединѣнія“ въ остальныхъ мѣстностяхъ — малое плодородіе почвы, несоразмѣрное обложеніе, недостатокъ луговъ и скота, дробленіе семей и рабочихъ инвентарей, неизмѣніе отхожихъ заработковъ и пьянство, вытекающее изъ другой „системы“, хотя едва-ли можно согласиться съ послѣднимъ признакомъ, принимаемымъ комиссіею, что въ губерніяхъ московской, владимірской и петербургской „значительное сосредоточеніе заводской и фабричной промышленности и близость столицъ“ будто-бы „подѣйствовали на населеніе деморализующимъ образомъ“. Близость Манчестера и Лондона не дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на англійское населеніе, такъ-какъ центры цивилизаціи и высокаго развитія умственной человѣческой продуктивности всегда дѣйствуютъ на *всякое* населеніе болѣе благотворно, чѣмъ отдаленность этихъ центровъ, которые одинаково, въ такомъ случаѣ, должны-бы были деморализовать *всѣхъ*, кто тянется и живетъ въ этихъ центрахъ; тутъ есть другія причины деморализаціи и объединенія, о которыхъ мы и скажемъ въ свое время.

По отношенію къ помѣщичьимъ имѣніямъ замѣчаются другого рода явленія. Реформа 19-го февраля, по выраженію комиссіи, „разсѣвла“ существовавшую прежде, въ дореформенное время, хозяйственно-земельную группу угодій на двѣ отдѣльныя и другъ отъ друга независимыя группы — помѣщичью и крестьянскую. Отъ этого разсѣченія въ экономическомъ отношеніи должны были пострадать обѣ половины, жившія нѣкогда одною органическою жизнью: крестьянскія группы, въ большинствѣ случаевъ, лишились надѣла лѣсныхъ угодій, лишены части луговъ, стѣснены въ выгонахъ, а иногда и въ водопояхъ; помѣщичьи группы заплатились, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кромѣ общихъ невозвратныхъ потерь, потерей дарового труда и цѣльности земли, „связью въ своихъ границахъ“, такъ-какъ крестьянскіе надѣлы не всегда можно было отвести въ одному мѣсту и изолировать ихъ по возможности; явились отрѣзки, вырѣзки, запольные, черезполосные участки, которые своею экономическою децентрализаціею „понижили цѣнность“ самыхъ имѣній; въ черноземной полосѣ пошла сильная распахка луговыхъ мѣстъ и степной „цѣлины“; тамъ, гдѣ былъ лѣсъ, его уничтожили — иногда подъ пашню, иногда же для того, чтобы продажей лѣса выручить необходимую сумму денегъ для вольнонаемнаго хозяйства; то, что вырублено подъ пашню, запахалось; то, что вырублено для денегъ, заброшено; новыхъ насажденій нѣтъ, а молодыя поросли поѣдаетъ скотъ, которому негдѣ пастись. Вслѣдствіе этого, по словамъ комиссіи, „обезлѣсеніе во многихъ мѣстностяхъ идетъ съ такою ужасающею быстротою, что оно уже начинаетъ отражаться на измѣненіи климата, который дѣлается суровѣе и суше, на обмелѣніи рѣкъ и изсяканіи источниковъ, на гибели садовъ, которыхъ значительное количество вымерзло, и даже на культурѣ нѣкоторыхъ полевыхъ растений“. (Докл. ком., 6 и 7).

Начался переходъ имѣній въ другія руки, въ другіе слои общества: большія имѣнія закупаютъ купцы, иногда съ заводскими цѣльями, иногда для вырубки лѣса на продажу и для желѣзныхъ дорогъ, иногда для переарендованія земель въ раздробъ крестьянамъ. Крестьяне вездѣ „жадно покупаютъ земли“ и „часто платятъ за землю столь дорого, что предлагаемая ими цѣна далеко не соотвѣтствуетъ установившейся доходности“ — это потому, что крестьяне еще не привыкли цѣнить свой трудъ. За то

крестьянинъ относится къ своей покупке „съ крайней бережливостью, какъ опытный и разсудительный хозяинъ“. Въ одной курской губерніи втеченіи только года крестьянами куплено земли на сумму до 2,000,000 рублей.

Любопытно видѣть, въ какой ничтожной степени шло, въ продолженіи всего нынѣшняго столѣтія, приращеніе производства хлѣбовъ въ Россіи: это такой скрупулезный приростъ въ процентѣ, какъ будто-бы приращенія вовсе не существовало и какъ-будто правота въ этомъ случаѣ клонится на сторону тѣхъ немногихъ оригинальныхъ доказательствъ, вслѣдствіе которыхъ нѣкоторые голоса у насъ возвысились до громкаго заявленія, что „Россія — страна не земледѣльческая, а мануфактурная“. Эти голоса, сколько мы помнимъ, раздались-было передъ бывшей петербургской мануфактурной выставкой. (Н. В. Варадиновъ и др.) и произвели тогда большое впечатлѣніе въ общественномъ мнѣніи.

Какъ-бы то ни было, но фактъ остается фактомъ: въ земледѣльческой продуктивности у насъ не замѣчается никакого прогресса, тогда какъ прогрессъ этотъ даетъ себя чувствовать во всѣхъ прочихъ сферахъ русской производительности и торговли: мы, напримѣръ, и въ 1800-мъ году получали хлѣба по 3 съ небольшимъ четверти съ десятины, и *то-же* количество получаемъ въ 1873 году, тогда какъ англичане довели свою десятину до того, что она даетъ имъ почти 34 четверти! Они, впрочемъ, довели до этого и всякую рабочую силу, всякій рабочий день свой, всякій рабочий мускулъ и всякій думающій мозгъ.

Приведемъ, однако, цифры въ подтвержденіе того видимаго парадокса, что Россія до сихъ поръ еще не сумѣла стать ни земледѣльческою, ни мануфактурною страной, а остается какимъ-то экономическимъ медіумомъ, богатымъ своимъ будущимъ. Въ послѣдовательные промежутки нынѣшняго столѣтія Россія сѣяла и собирала хлѣба:

въ 1800—1813 годахъ	посыано	48,800,000	четв.,	собрано	155,000,000	четверт.
» 1834—1840	»	»	неизвѣстно	»	»	179,000,000
» 1840—1847	»	»	59,214,000	»	»	209,732,000
» 1857—1863	»	»	63,589,000	»	»	220,000,000
» 1870—1871	»	»	67,643,000	»	»	248,000,000

Изъ этого видно, что процентное приращеніе производства хлѣба выражается въ слѣдующихъ ничтожныхъ цифрахъ: въ

двадцать лѣтъ нашъ производительный ростъ не дошелъ до 16%, въ слѣдующіе восемь лѣтъ не достигъ 17%, въ слѣдующіе десять лѣтъ—меньше 5% и, наконецъ, только послѣ крестьянской реформы ростъ этотъ, повидимому, опять нѣсколько поднялся, однако, не болѣе 12,7 процентовъ.

Но этотъ ростъ—въ сущности не ростъ: это только необходимое послѣдствіе увеличенія населенія отъ естественнаго народоженія, для пропитанія котораго, само собою разумѣется, въ 1871 году понадобилось гораздо болѣе хлѣба, чѣмъ въ 1800 году, въ первый годъ нынѣшняго столѣтія.

Напротивъ, *statu quo* и даже какъ-бы его умаленіе обнаруживается слѣдующими фактами: средний сборъ хлѣба втеченіи нынѣшняго столѣтія, за разные промежутки времени, составлялъ —

въ 1802—1813 годахъ	<i>самъ</i>	—3,17,
„ 1840—1847	„ „	3,5,
„ 1857—1863	„ „	3,4,
„ 1870—1871	„ „	3,6.

А на душу этого ничтожнаго сбора приходилось: въ *сороковыхъ* годахъ 3,0 четвертей, въ *пятидесятыхъ* и въ началѣ *шестидесятыхъ* 3,4 и въ началѣ *семидесятыхъ* 3,5. Слѣдовательно, противъ сороковыхъ годовъ къ семидесятымъ годамъ послѣдовало уменьшеніе, паденіе хлѣбнаго производства.

Не считая, впрочемъ, необходимымъ привлекать къ поддержанію нашихъ выводовъ безчисленнаго множества цифръ и итоговъ, которыми съ избыткомъ наполнены многотомные труды коммиссіи, такъ-какъ это заставило-бы насъ выступить изъ рамокъ журнальной статьи, а между тѣмъ новаго, особенно рельефнаго ничего не доказало, кромѣ того, что Россія оказывается странною—вопреки составившейся о ней репутаціи — земледѣльчески-бѣдною и экономически-слабою, мы укажемъ только на общіе выводы, къ которымъ приводятъ безчисленные ряды цифръ, отдѣльныхъ мнѣній, заявленій и проч., и перейдемъ къ другимъ сторонамъ нашего экономическаго быта.

Вообще замѣчено, что въ послѣднее двадцатилѣтіе сумма за-пашекъ *увеличивается* на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ въ губерніяхъ полтавской, сибирской, тамбовской, воронежской, пензенской и вообще въ черноземной полосѣ Россіи. На земляхъ

крестьянъ эта сумма растетъ по губерніямъ: черниговской, полтавской, курской, орловской, саратовской, казанской, симбирской, екатеринославской и вообще въ степныхъ мѣстностяхъ, а равно въ губерніяхъ минской и смоленской.

Напротивъ, сумма запасекъ *уменьшается* у частныхъ земле-владѣльцевъ въ губерніяхъ новгородской, смоленской, московской, орловской, курской, черниговской, кievской, минской и вообще въ нечерноземныхъ сѣверныхъ и среднихъ.

Уменьшенія запасекъ у крестьянъ комиссіею не замѣчено; но оно только не замѣчено ею, а что оно существуетъ, на это мы имѣемъ подѣ руками положительныя доказательства: въ большихъ степныхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне получили четвертной надѣлъ по дару, вслѣдствіе высокой арендной платы, предъявляемой помещиками на свою землю, крестьянскія запашки уменьшились до значительнаго минимума. Эти крестьяне бросаютъ даже свои скудные надѣлы и идутъ искать „новыхъ земель“.

Всестороннія изслѣдованія комиссіи приводятъ ее ко многимъ неутѣшительнымъ выводамъ, и она—надо отдать въ этомъ отношеніи полную справедливость ея научному безпристрастію и добросовѣстности—не старается закрывать глаза передъ тѣмъ, что неутѣшительно. Она, напротивъ, тщательно указываетъ на мѣстности, гдѣ „не только не замѣтно улучшенія, но замѣтенъ упадокъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ“,—мѣстности, на которыхъ „тяжело отзывается въ неплодородныхъ губерніяхъ, въ мѣстахъ, гдѣ по густотѣ населенія крестьянамъ могли быть отведены только тѣсные надѣлы, и при недостаткѣ удобныхъ, близкихъ заработковъ, бремя податныхъ повинностей, лежащихъ на сельскомъ населеніи“,—мѣстности, гдѣ „замѣтно уменьшается число домохозяевъ, обладающихъ *среднимъ достаткомъ*, и увеличиваются крайніе разряды *зажиточныхъ* и *бѣдныхъ*“, въ пролетаріатномъ и безнадежномъ значеніи этого слова,—мѣстности, гдѣ, при окончательномъ истощеніи средствъ крестьянъ, они „оставляютъ даже свои надѣлы или усиленно обращаются къ отхожимъ промысламъ, которые ихъ мало и не всегда могутъ обезпечить“.

Комиссія тщательно указываетъ и на „сохранившіяся“ еще „разныя неудобства прошлаго времени“, на обнаруживающіяся при этомъ „нѣкоторыя новыя затрудненія, замедляющія или приостанавливающія развитіе производительности“, на то, что, при

недостатѣкъ земли съ одной стороны и при излишествѣ ея съ другой, хозяйства „часто принимаютъ хищническія свойства, истощая земли безъ всякаго возстановленія извлекаемыхъ изъ нихъ силъ“; что во многихъ и обширныхъ районахъ почва угрожаетъ „окончательнымъ истощеніемъ“, уже дающимъ о себѣ знать періодическими неурожаями, „сдѣлавшимися у насъ явленіемъ столь обыкновеннымъ, что на каждыя 4—5 лѣтъ одинъ неурожайный годъ считается какъ-будто нормальнымъ“; что скотскіе падежи являются чѣмъ-то постояннымъ, неизбѣжнымъ, словно пассатныя вѣтры; что быстрое истребленіе лѣсовъ не только грозитъ, но уже и приводитъ въ исполненіе свою угрозу относительно измѣненія климатическихъ условій страны—изсушеніемъ рѣкъ, водоемовъ, обезвлажненіемъ атмосферы, окончательною пересушкой почвы и доведеніемъ ея до абсолютнаго безплодія. Комиссія указываетъ и на другія большія стороны нашего экономическаго быта, останавливающія нашъ экономическій ростъ и даже до извѣстной степени ретроградирующія его не только до уровня застоя, но и еще ниже: это—„недостатокъ рабочихъ рукъ въ черноземной полосѣ и даже въ другихъ мѣстностях“; „увеличеніе числа праздниковъ и прогульныхъ дней въ средѣ рабочаго населенія; необеспеченность частныхъ землевладѣльческихъ хозяйствъ насчетъ пріобрѣтенія, въ данное время, нужныхъ рабочихъ силъ, а въ особенности насчетъ обезпеченія договоровъ съ рабочими; неудобство путей сообщенія; всеобщій или почти всеобщій недостатокъ познаній, необходимыхъ для правильнаго веденія хозяйства при новыхъ, усложнившихся условіяхъ его веденія; недостатокъ техниковъ для разныхъ земледѣльческихъ улучшеній; недостатокъ капиталовъ, какъ для одновременныхъ производительныхъ затратъ, такъ и для оборотовъ правильнаго хозяйства; недостаточность близкихъ средствъ судебного разбирательства; низкій уровень нравственнаго и гражданскаго развитія сельскаго населенія, даже грубость нравовъ, поддерживаемая слабостью училищныхъ средствъ и обычаемъ тѣлесныхъ наказаній“; наконецъ — „воонкрадство, сильно распространенное въ нѣкоторыхъ губерніяхъ; частые пожары, истребляющіе цѣлыя поселенія; способы взысканія податей, часто сопряженные съ продажей рабочаго инвентаря крестьянъ“, и т. д. и д. т.

III.

Выше мы указали вообще, между прочимъ, еще на одну слабую сторону нашего экономическаго быта: это — если позволено будетъ такъ выразиться — наша лѣсная нищета при неистощимомъ, повидимому, лѣсномъ богатствѣ.

На этой больной экономической сторонѣ коммиссія сосредоточиваетъ свое вниманіе на-столько, на-сколько требуетъ этого самая важность предмета.

Пространство дѣйствительной лѣсной площади, по „соображеніямъ“ коммиссіи, можно принять въ 114¹/₂ милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ 75¹/₂ милліоновъ находятся въ дачахъ казеннаго управленія, а 39 милліоновъ въ остальныхъ дачахъ. Казалось бы, что на 376 милліоновъ десятинъ общаго пространства всей площади европейской Россіи, безъ донской области, около 115 милліоновъ лѣса — дѣйствительно достаточно: это нѣкоторымъ образомъ богатство Креза; но, къ сожалѣнію, богатство это, распредѣлено слишкомъ неравномѣрно, и въ то время, когда въ одной мѣстности избытокъ лѣса, по недостатку мѣста подъ пашню, стараются всѣми силами истребить и истребить не могутъ, въ другой мѣстности простая тальниковая хворостина, изъ которой кустарные промышленники плетутъ корзину, и эту корзину буквально питаются, платятъ подати, справляютъ себѣ чапанъ и полушубокъ, учатъ своихъ дѣтей, — хворостина эта, изрѣдка торчащая по песчаному побережью пересыхающихъ отъ безлѣсія рѣчекъ, представляется для населенія чѣмъ-то въ родѣ масличной вѣтви, принесенной голубемъ въ ковчегъ. По отзыву коммиссіи, у насъ встрѣчается почти сплошной лѣсъ на пространствѣ десятковъ милліоновъ десятинъ и совершенное отсутствіе его на пространствѣ, равномъ площади всей Франціи“. Далѣе, въ мѣстностяхъ среднихъ, признаваемыхъ болѣе или менѣе лѣсистыми или болѣе или менѣе малолѣсными, есть губерніи, гдѣ подъ лѣсною площадью находится 42% всего пространства, и есть таія, гдѣ подъ лѣсомъ только 3%, — „губерніи, гдѣ на душу населенія причитается 18 десятинъ, и губерніи, гдѣ на душу приходится менѣе ¹/₂ десятины“. Мало того, есть обшир-

ныя пространства, гдѣ нельзя пасчитать и сотой доли десятины на душу, гдѣ навозъ и кизягъ составляютъ и топливо, и строительный матеріалъ.

Между тѣмъ потребности жизни—топливо и строительныя надобности, начиная отъ домовъ, заборовъ, изгородей, дорогъ и кончая мочалой и лаптемъ, судостроеніе, фабрики и желѣзныя дороги, смолокуреніе, сидка дегтя, пожары—все это, по вычисленіямъ комиссіи, ежегодно истребляетъ древесной массы до 31 милліона куб. саж. или, полагая 25 куб. саж. на десятину, ежегодно сплошною рубкою должно быть истребляемо до 1,200,000 десятинъ лѣсу, „съ болѣе или менѣе полными и спѣлыми насажденіями“ (на корзинку, лапотъ, втутовище, на „трощицу березку“ и на розги).

Неудивительно, что при такомъ неравномѣрномъ распредѣленіи лѣсныхъ богатствъ и при такомъ постоянномъ, неизбѣжномъ истребленіи ихъ цѣлыми милліонами десятинъ на насущныя нужды, русскія лѣсныя богатства превращаются въ лѣсную нищету и лѣсъ не приноситъ въ государственную экономію той пользы, на какую государство могло-бы, а ргіогі, разсчитывать. При этомъ не могутъ не бросаться въ глаза нѣкоторыя уродливыя явленія, которыя, какъ намъ кажется, комиссія понимаетъ нѣсколько ошибочно, объясняя ихъ лишь съ фискальной точки зрѣнія, хотя, по нашему мнѣнію, и съ точки зрѣнія фиска возможность помянутыхъ ненормальныхъ явленій можетъ быть истолкована иначе.

Одинъ изъ членовъ комиссіи, князь Лобановъ-Ростовскій, заявилъ (журналъ № 49), что главная причина упадка нашего сельскаго хозяйства заключается въ недостаткѣ капиталовъ, которые отвлекаются отъ хлѣбопашества, чтобы направиться на болѣе обезпеченныя предпріятія, тѣмъ болѣе, что обложеніе земель вообще тягостно: „такъ, напримѣръ, говоритъ онъ, верхотурское земство съ казенныхъ лѣсовъ, приносящихъ 7,000 рублей дохода, взимаетъ 78,000 рублей налога“.

Дѣйствительно, фактъ, повидимому, поразительный. Комиссія, съ своей стороны, была поражена рѣзкостью факта и, какъ одно изъ крупныхъ доказательствъ неблагопріятности условій, подъ которыми слагается вообще нашъ экономическій бытъ, внесла этотъ фактъ въ свой докладъ (стр. 45), а затѣмъ, во вниманіе

къ подобнаго рода явленіямъ и въ другихъ сферахъ нашей экономической жизни, въ числѣ желательныхъ мѣръ къ огражденію въ будущемъ экономическихъ интересовъ страны, между прочимъ, полагала-бы цѣлесообразнымъ — установить правила огражденія лѣса отъ чрезмѣрнаго обложенія какими-бы то ни было сборами“.

Намъ кажется, что здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе, и притомъ, въ сопоставленіи приведеннаго нами факта съ другими подобными, недоразумѣніе едва-ли не болѣе серьезное, чѣмъ какимъ представляется оно съ перваго взгляда. Повидимому, немислимо, чтобы статья угодья, приносящая только 7,000 руб. валового дохода, была обложена въ пользу земства въ размѣрѣ 78,000 руб. Нѣтъ сомнѣнія, что верхотурское земство не было настолько неосмотрительно, чтобы налагать такую тяжкую дань на угодье, которое само приноситъ дохода въ десять разъ меньше того, сколько хочетъ взять съ него земство. Земству ближе всего было знать, на какой въ дѣйствительности доходъ могъ рассчитывать тотъ участокъ казеннаго лѣса, на который оно обратило свое вниманіе и обложило его непосильнымъ налогомъ. Мы склонны думать, что верхотурское земство въ данномъ случаѣ не ошиблось, и если обложило казенный участокъ нѣсколько обременительнымъ налогомъ, то обременительнымъ только по отношенію къ тому, что приносилъ этотъ участокъ казны. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что казна, при правильномъ завѣдываніи хозяйствомъ верхотурской лѣсной дачи, должна была получать съ нея валового дохода не 7,000 р., а тысячъ до 700,000 р., а, быть можетъ, и до милліона.

Пояснимъ это равносильными примѣрами. Еще на памяти нынѣшняго поколѣнія возможны были такого рода экономическія несообразности, что, напр., въ самарскомъ Заволжьѣ, гдѣ земля свободно могла приносить отъ 5 до 10 р. чистаго дохода казнѣ, бывшія палаты государственныхъ имуществъ сдавали эти земли крупнымъ арендаторамъ и крупными участками, отъ пятнадцатиннаго до четвертака за десятину, теряя на каждой тысячѣ десятинъ тысячъ по 50 и по 100 чистаго дохода. Неудивительно послѣ этого, если-бы новоузенское или николаевское земства, подобно верхотурскому, обложили казенныя земли сажарскаго Заволжья сборомъ, соответственнымъ дѣйствительной, а не идеальной доходности земель. Въ данномъ случаѣ доходъ

казны мы считаемъ идеальнымъ, потому что, реализируя этотъ доходъ, слѣдовало-бы получать не то, что дѣйствительно получается.

Такими-же идеальными доходами бывають большею частью доходы съ городскихъ и общественныхъ земель и другихъ угодій и бенефицій. Такъ намъ не безъизвѣстно, что по настоящее время богатыя городскія земли Саратова, — который своимъ земельнымъ имуществомъ считается богаче всѣхъ городовъ не только Россіи, но и всей Европы (на что обращено было вниманіе еще барономъ Гавстгаузеномъ и Тепгоборскимъ), — продолжаютъ приносить городу доходъ отъ нѣсколькихъ копеекъ до рубля съ десятины, тогда-какъ сосѣднія съ ними земли, даже входящія въ городскія угодья клинъями и черезполосными вырѣзками, приносятъ частнымъ своимъ владѣльцамъ отъ 15 до 50 и болѣе рублей съ десятины.

То-же явленіе, надо полагать, повторилось и на верхотурскихъ лѣсныхъ дачахъ.

Обращаясь къ другимъ сторонамъ нашего экономическаго быта, мы не можемъ не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на положеніи рабочихъ силъ и на отношеніи ихъ къ землѣ, труду и заработку. На этотъ счетъ труды комиссіи представляютъ не мало данныхъ, освѣщающихъ новымъ свѣтомъ эти стороны нашей экономической жизни.

Прежде всего замѣчается въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что тамъ, гдѣ крестьяне работаютъ за угодья, а не за деньги, они добросовѣстнѣе исполняютъ свои обязательства. До сихъ поръ, какъ оказывается, рабочіе, по старой крѣпостной памяти, „мало требовательны относительно помѣщенія и содержанія“. Средняя цѣна мѣсячныхъ харчей на работника почти всюду считается отъ 3 до 4 р., „но качество отпускаемой хозяевами пищи вѣрно оцѣнивается рабочими“. Но что въ особенности становится въ разрѣзъ съ жалобами, высказанными недавно г. Бланкомъ въ одномъ изъ здѣшнихъ экономическихъ собраній относительно крайней, будто-бы, деморализаціи крестьянъ, какъ вольнонаемныхъ рабочихъ, — такъ это слѣдующія драгоцѣнныя указанія комиссіи: тамъ, гдѣ наниматели расчитываются съ рабочими аккуратно, гдѣ послѣднимъ „не приходится ходить за полученіемъ заработанныхъ денегъ по нѣскольку разъ и гдѣ ихъ хорошо кормятъ, тамъ они работаютъ охотнѣе, менѣе часто бро-

саютъ работу и на слѣдующій годъ большею частью снова при-
ходятъ къ тѣмъ-же хозяевамъ; гдѣ крестьяне нанимаются съ
осени на будущее лѣто и получаютъ значительные задатки (часто
они получаютъ половину и болѣе половины всей платы впередъ),
они добросовѣстнѣе исполняютъ принятыя ими обязательства“.
Если-же и есть деморализація, то она скорѣе проявляется на
сторонѣ нанимателей, чѣмъ нанимающихся: такъ, если бывають
заподражены „приходящіе весной или проходящія артели“, что
особенно случается въ южномъ краѣ или въ губерніяхъ юго-
восточныхъ, въ Поволжьѣ, въ Подоньѣ и въ Заволжьѣ, — „то
они часто бросаютъ работы въ самую горячую пору уборки хлѣ-
бовъ и идутъ туда, гдѣ имъ предлагаютъ болѣе выгодныя усло-
вія“, то-есть, куда ихъ сманиваютъ народные деморализаторы,
въ видѣ разныхъ арендаторовъ, приказчиковъ, конторщиковъ, ку-
лаковъ и тому подобныхъ паразитовъ.

Относительно прогульныхъ дней, сокращающихъ едва-ли не на
половину наши рабочія, а вмѣстѣ съ ними и экономическія силы,
слѣдуетъ замѣтить, что громаднымъ зломъ въ этомъ случаѣ яв-
ляется созданіе самимъ народомъ и обычаемъ множества такихъ
праздничныхъ дней, которые не указаны церковью и которые со-
кращають, въ ущербъ производительности страны и нравствен-
нымъ интересамъ народа, общій итогъ сельскаго рабочаго вре-
мени. „Полагають, замѣчаетъ комиссія, — что духовенство не толь-
ко не препятствуетъ, но даже способствуетъ увеличенію числа
праздниковъ. Между тѣмъ съ ними сопряжено, кромѣ траты про-
изводительнаго времени, еще другое зло — учащеніе случаевъ зло-
употребленія крѣпкими напитками“.

На этомъ послѣднемъ экономическомъ злѣ мы позволимъ себѣ
остановиться нѣсколько долѣе, чтобы указать въ немъ и на дру-
гія стороны, невидимому, незамѣченныя комиссіею.

Жалобы на сокращеніе производительныхъ силъ страны, по от-
зыву комиссіи, преимущественно относятся къ губерніямъ велико-
россійскимъ, гораздо менѣе къ губерніямъ малороссійскимъ и но-
вороссійскимъ и почти вовсе не заявлялись по губерніямъ запад-
нымъ и прибалтійскимъ. Въ первой половинѣ населенія, по сло-
вамъ комиссіи, „пьянство проявляется не только индивидуальное,
но даже общественное“. Общественное пьянство въ большинствѣ
случаевъ считаютъ продуктомъ неудачно сложившагося обществен-

наго крестьянскаго самоуправленія. Крестьянскій судъ и расправа не обходятся безъ водки, и даже судебныя „штрафы назначаются водкой“, которая и распивается судьями и миромъ. „Подобныя факты, говоритъ комиссія, — хотя-бы отдѣльно встрѣчающіеся, доказываютъ, что страсть къ употребленію вѣрнѣекихъ напитковъ пустила глубокіе корни въ народномъ характерѣ и что народъ смотритъ на пьянство совершенно своеобразно, нисколько не сознавая его нравственнаго безобразія“.

Но отчего великая Россія пьетъ больше, чѣмъ малая и бѣлая, еще больше, чѣмъ западныя и нѣмецкія ея окраины?

Для разрѣшенія этого чисто-экономическаго вопроса указываютъ больше на причины внѣшнія и къ нимъ прибѣгаютъ для объясненія явленій, лежащихъ въ самомъ экономическомъ организмѣ народа. До введенія акцизной системы, которое случайнымъ образомъ совпало съ введеніемъ крестьянской реформы, всѣхъ питейныхъ заведеній въ великороссійскихъ губерніяхъ, въ которыхъ собственно и господствовала откупная система, числилось только 13,815. Сверхъ этого числа, въ городахъ, съ вѣдома казенныхъ палатъ, а въ селеніяхъ — съ вѣдома и согласія владѣльцевъ, открывались водочныя магазины, штофныя и ведерныя лавки, которыхъ, по приблизительному разсчету, полагаютъ до 17,000. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ кабаками, вся откупная Россія насчитывала до 30,000 питейныхъ заведеній. Въ неоткупной Россіи — въ шестнадцати привилегированныхъ губерніяхъ — малороссійскихъ, новороссійскихъ и западныхъ, въ войскѣ донскомъ, въ трехъ прибалтійскихъ — 62,500 кабаковъ, корчемъ и прочихъ мѣстъ для продажи водки. Всего-же до крестьянской реформы и до акцизной системы или до такъ-называемой народомъ „дешовки“ Россія насчитывала 93,000 питейныхъ заведеній.

Съ тѣхъ поръ, при вольной продажѣ вина, число кабаковъ дошло до громадной цифры, колеблясь между 133,000 и 172,000.

Собственно, громадное и рѣзкое увеличеніе числа кабаковъ проявилось только въ первые годы вольной продажи вина — сначала сразу на 50 проц., потомъ возрастало до второй половины 1864 года, достигнувъ въ это время 85 процентовъ. „Это, — по мнѣнію комиссіи, — была реакція противъ стѣсненій, существовавшихъ при откупѣ, и слѣдствіе того, что множество лицъ сгоряча накинлось на новую и обѣщающую большія выгоды отрасль торговли,

до того недоступную“. Затѣмъ, съ 1865 года замѣчено было обратное движеніе: число кабаковъ начало уменьшаться и уменьшеніе это продолжается до настоящаго времени, хотя въ слабой, но непрерывной прогрессіи. Замѣчательно, что въ бывшихъ привилегированныхъ губерніяхъ, гдѣ существовала свободная продажа вѣрскихъ напитковъ, число питейныхъ заведеній осталось и „абсолютно и пропорціонально“ *то-же самое*, какое было и до обѣихъ реформъ; въ войскѣ донской и прибалтійскихъ губерніяхъ оно уменьшилось: въ великороссійскихъ губерніяхъ, тамъ, гдѣ пьянство является „общественнымъ“, „мирскимъ“, десять лѣтъ свободной торговли не увеличили и не уменьшили того числа кабаковъ, которое сразу выросло до двойной цифры въ сравненіи съ цифрою кабаковъ, существовавшихъ до реформы. Слѣдовательно, 130—140,000 кабаковъ на всю Россію — едва-ли не будетъ нормою, вытекающею изъ самыхъ потребностей страны.

Но что народъ въ Россіи, въ особенности-же въ великой Россіи, гдѣ преимущественно раздаются жалобы на пьянство, будто этотъ народъ „спился“, деморализовался кабакомъ и гульней, — что этотъ народъ едва-ли больше пьянствуетъ, чѣмъ всякій другой народъ въ мірѣ, хотя-бы англичанинъ, французъ, пруссакъ или голландецъ, и что у него меньше кабаковъ, чѣмъ во всей остальной Европѣ, — это видно изъ слѣдующаго отношенія въ разныхъ странахъ числа питейныхъ заведеній къ числу наличнаго населенія: *одно* питейное заведеніе приходится на число жителей:

въ губерніяхъ великороссійскихъ на	640	жителей.
„ Сибири около	500	„
„ области донского войска	735	„
„ губерніяхъ прибалтійскихъ	370	„
„ губерніяхъ, бывшихъ привилегированныхъ	310	„
„ Пруссіи (1861 года).	260	„
„ Англіи (1848 года)	138	(безъ портер.)
„ Бельгіи (1849 года).	93	„
„ Нидерландахъ (1860 года)	90	„
„ сѣверныхъ департаментахъ Франціи.	70	„

Слѣдовательно, самое большое число кабаковъ въ сѣверной Франціи: кабакъ на каждыя 70 душъ; затѣмъ почти такое-же множество кабаковъ въ Нидерландахъ, Бельгіи, Англіи. Самое

малое число кабаковъ—съ трудомъ даже вѣрится!—въ Россіи, и именно въ той ея половинѣ, о которой наши проникательные моралисты говорятъ, что она спилась, деморализовалась и т. п. Изъ этого комиссія заключаетъ, что если въ великороссійскихъ губерніяхъ питейныхъ заведеній пропорціонально вдвое менѣе, чѣмъ въ губерніяхъ западныхъ, новороссійскихъ и малороссійскихъ, почти вдвое менѣе, чѣмъ въ губерніяхъ прибалтійскихъ, почти втрое менѣе, чѣмъ въ Пруссіи, почти въ пять разъ менѣе, чѣмъ въ Англии, и въ семь или восемь разъ менѣе, чѣмъ во Франціи, Бельгіи и Голландіи*, и если при этомъ „принять въ соображеніе малонаселенность большей части великороссійскихъ губерній и громадныя разстоянія между отдѣльными поселеніями, то эта пропорція (кабаковъ), въ сравненіи съ пропорціею, существующею въ другихъ европейскихъ государствахъ, оказывается совершенно ничтожною“.

Но въ виду этихъ, повидимому, утѣшительныхъ сопоставленій, говорящихъ въ пользу кажущейся трезвости русскаго народа, все-таки еще не теряютъ своей силы общія и единогласныя заявленія, исходящія именно изъ среды великороссійскаго населенія, что тамъ неумѣренное употребленіе горячихъ напитковъ, дѣйствительно, подрываетъ и рабочую народную силу, и народное экономическое благосостояніе, понижая его уровень, не только въ единичныхъ случаяхъ, индивидуально, но и цѣлыми массами, цѣлыми полосами населенія, до нищеты и даже до конечнаго разоренія, что существованіе излишняго пьянства все-таки, къ сожалѣнію, фактъ неоспоримый, несмотря на относительную ничтожность числа питейныхъ заведеній и на громадныя между ихъ расположеніемъ взаимныя разстоянія. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, люди пьютъ больше тамъ, гдѣ меньше кабаковъ, гдѣ достать водку труднѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ она постоянно подъ рукою; вѣдь невѣроятное же, кажется, чтобы народъ всего больше пьянствовалъ въ скромной и работающей Голландіи и Бельгіи и, какъ-разъ по сосѣдству съ этими странами, въ сѣверной Франціи; вѣдь относительно меньшее число кабаковъ на большее число населенія и относительно большее между ними разстояніе едва-ли могутъ быть мѣриломъ трезвости народной, ибо и при меньшемъ числѣ кабаковъ можно пить больше, чѣмъ при большемъ.

Этими вопросами и этими сомнѣніями комиссія, впрочемъ, не

затрудняетъ себя, а потому не даетъ себѣ и труда для ихъ разрѣшенія. Но эти сомнѣнія и эти вопросы, по отношенію къ народной экономіи, не теряютъ своей экономической важности, отъ того только, что комиссія ихъ обошла молчаніемъ. Тутъ вопросъ долженъ-бы быть поставленъ только въ иной формѣ: вопросъ долженъ-бы быть не въ томъ, сколько кабаковъ въ странѣ, на какое число душъ и въ какомъ взаимномъ разстояніи, а въ томъ, ми полагаемъ, сколько народная экономія теряетъ своей силы на кабакъ и какою суммою прогула отражается все это на общемъ итогѣ народнаго труда.

Не останавливаясь на разрѣшеніи этого существенно-важнаго экономического вопроса, на разрѣшеніе котораго комиссія могла-бы имѣть всѣ необходимыя данныя, она обращаетъ вниманіе на различіе между характеромъ и обстановкою питейныхъ заведеній въ великороссійскихъ губерніяхъ и тѣхъ-же заведеній въ западной и южной окраинахъ имперіи. Въ первыхъ, на основаніи существующихъ правилъ, не дозволяется продажа ничего, „кромяъ голдой водки и возбуждающихъ жажду закусокъ“, т. е. великороссійскія питейныя заведенія исключительно отвѣчаютъ установившемуся понятію о „кабакѣ“. Въ западной-же и южной половинѣ имперіи мѣсто „кабака“ занимаетъ „корчма“—нѣчто среднее между спеціальнымъ мѣстомъ для питья водки, между „кабакомъ“ ad hoc и харчевней, трактиромъ, гдѣ, кромѣ водки, продается и кушанье и иной напитокъ: корчма уже нѣсколько приближается къ кабаку европейскому, болѣе цивилизованному заведенію; кабакъ, напротивъ, сохраняетъ въ себѣ самобытнѣй характеръ такого мѣста, гдѣ для народа не представляется никакого другого занятія, развлеченія, отдохновенія, „кромяъ просиживанія за полштофомъ“, какъ выражается комиссія, и гдѣ рабочій людъ не можетъ ничѣмъ другимъ, кромѣ водки, какъ онъ самъ выражается, ни „побаловаться“, ни „проклажаться“ между работой.

Впрочемъ, и сдѣланное комиссіею указаніе на различіе между характеромъ и обстановкою тѣхъ питейныхъ заведеній, въ которыхъ великорусскій крестьянинъ убиваетъ значительную часть своихъ экономическихъ силъ и прогуливаетъ свои рабочія средства, и тѣхъ, въ которыхъ совершается относительно меньшая затрата экономическихъ силъ малорусскимъ и западнорусскимъ крестьяниномъ, а равно меньшій прогулъ рабочихъ средствъ, только

до нѣкоторой и притомъ весьма слабой степени разрѣшаетъ вопросъ объ экономическомъ вредѣ злоупотребленія крѣпкими напитками и о томъ, гдѣ искать существенную причину этого экономического зла.

Комиссія говоритъ, что „до сихъ поръ въ Россіи пьянство преслѣдовалось, такъ-сказать, *внѣ* самаго пьянства“, что причинами этой экономической болѣзни „считались преимущественно условія внѣшнія, условія предложенія и сбыта, а не условія внутреннія, условія спроса“; что, по ея мнѣнію, „не предложеніе вызываетъ спросъ, а спросъ предложеніе“, что до сихъ поръ „всѣ мѣры противъ пьянства, не трогая почти самаго факта пьянства, исключительно обращены на регламентацію и стѣсненіе предложенія“; что „жаловаться на недостатокъ подобныхъ стѣснительныхъ мѣръ въ Россіи нельзя“; что „сама акцизная система, возвышая цѣну водки въ 5 и 6 разъ противъ первоначальной стоимости ея, противодѣйствуетъ производству и потребленію спирта“; что „раздробительная торговля питьями обложена патентнымъ сборомъ едва-ли не въ десять разъ болѣе значительнымъ, чѣмъ всѣ другія отрасли торговли“; что, наконецъ, „эта торговля ограничена и ограничивается *по времени и мѣсту*, а между тѣмъ *спросъ* на водку такъ значителенъ, что пересиливаетъ всѣ три препятствія и идетъ, если не увеличиваясь, то, очевидно, и не уменьшаясь“. Комиссія не рѣшилась идти дальше палліативъ и ограничилась указаніемъ на необходимость принятія лишь слѣдующихъ, какъ-бы административныхъ, а не экономическихъ мѣръ: къ выборкѣ патентовъ на содержаніе питейныхъ заведеній допускать только лицъ, имѣющихъ свидѣтельство въ хорошей нравственности и представляющихъ поручительство; вмѣсто недостигающихъ вовсе или весьма мало достигающихъ своей цѣли мѣръ къ косвенному ограниченію числа питейныхъ заведеній и еще менѣе дѣйствительной регламентаціи внѣшней обстановки ихъ, разомъ покончить съ традиціею о кабакѣ, какъ мѣстѣ исключительной продажи водки, и, по примѣру большей части европейскихъ государствъ и областей западныхъ окраинъ имперіи, разрѣшить, вмѣстѣ съ продажей водки, производить продажу пива, чая и горячаго кушанья; распространить въ массѣ народа правильныя понятія о предосудительности и вредѣ пьянства, а для этого обратить особое вниманіе на точное и неукло-

снительное приѣненіе тѣхъ законоположеній, которыя преслѣдуютъ и караютъ фактъ пьянства и въ особенности публичныя проявленія его; вмѣстѣ съ тѣмъ постановить правиломъ, что пьянство на судѣ не можетъ и не должно считаться обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину, и, по мѣрѣ возможности, ограничить число прогульныхъ и праздничныхъ дней, служащихъ по преимуществу поводомъ къ пьянству.

Намъ положительно кажется, что эти средства, по малой мѣрѣ, недостаточны.

Главныя положенія, изъ которыхъ исходить комиссія, связывая вопросъ о поднятіи уровня экономическаго быта страны вмѣстѣ съ подъемомъ уровня нравственнаго и интеллектуальнаго, мотивируются ею очень коротко, и именно въ такихъ формахъ: „главная нужда, главное препятствіе для поднятія и развитія сельско-хозяйственнаго производства лежитъ въ невѣжествѣ, неразвитости массы народа и въ полномъ отсутствіи тѣхъ специальныхъ знаній, безъ которыхъ невозможны ни усовершенствованія, ни правильное веденіе всѣхъ отраслей хозяйства. Труды государственныхъ дѣятелей и значительныя денежныя затраты для развитія въ Россіи сельскаго хозяйства, не принесли всей той пользы, которой предполагалось достигнуть. Причину такого неуспѣха слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ вышеуказанныхъ препятствіяхъ. Жалкій умственный уровень крестьянскаго населенія, небольшой процентъ котораго обучается только одной грамотѣ, и недостатокъ сельско-хозяйственныхъ знаній у земледѣльцевъ, которые не готовятся къ поприщу земледѣльца, на которое рано или поздно почти каждый изъ нихъ вступаетъ, безъ необходимой къ тому научной подготовки, — имѣютъ послѣдствія весьма тягостныя: приходится прибрѣтать все практикой, дѣлать множество ошибокъ, иногда неисправимыхъ и часто поглощающихъ не только время, но и значительные капиталы, затрачиваемые непроизводительно и приводящіе имѣнія къ упадку, если не къ полному раззоренію. Правительство, земство и частныя лица должны взять на себя инициативу для помощи этому горю“.

(Прил. II, сводъ II, отв. VIII).

Разсматривая труды комиссіи, мы видимъ, однако, что для благопріятнаго разрѣшенія этого существенно-важнаго вопроса она располагала довольно скудными свѣденіями, далеко уступаю-

щими богатству собранныхъ ею матеріаловъ по другимъ отдѣламъ. Какъ-бы то ни было, но комиссія считаетъ вполне выясненнымъ то обстоятельство, что „вліянія школъ въ средѣ крестьянскаго населенія еще незамѣтно“; но за то, по свидѣтельству всѣхъ данныхъ, „желаніе учиться очень сильно проявляется въ народѣ, въ особенности въ средѣ малорусскаго населенія“. Съ другой стороны, раздаются жалобы, и почти повсемѣстныя, что учительскія средства, которыми располагаетъ народъ, скудны, и учителя, большею частью недокончившіе своего образованія семинаристы, не приносятъ той пользы и тѣхъ знаній, въ какихъ населеніе особенно крѣпко нуждается. Но какъ на утѣшительный фактъ, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство: „единогласныя заявленія отдають преимущество тѣмъ сельскимъ школамъ, которыми завѣдуютъ и въ которыхъ учать женщины“ (Докл., 29). Школы, содержимыя женщинами-учительницами, „организуются прочтѣе и дають несравненно лучшіе результаты“.

Относительно послѣдняго обстоятельства мы должны добавить, что нѣкоторыя земства опытамъ послѣднихъ лѣтъ убѣдились въ педагогическихъ достоинствахъ женщинъ-учительницъ и даже народъ, по какимъ-то особеннымъ побужденіямъ или соображеніямъ, охотнѣе отдаеть своихъ дѣтей въ тѣ школы, гдѣ преподаваніе и нравственное руководство обучающейся молодежи находятся въ рукахъ учительницъ-женщинъ. Есть основаніе полагать, что народъ историческимъ путемъ выработалъ себѣ взглядъ на учительское призваніе женщины, потому что и въ раскольничьемъ быту дѣвушки-начетчицы едва-ли не пользуются большимъ авторитетомъ, чѣмъ начетчики.

Что-же касается сельскаго духовенства, то комиссія выражаетъ сожалѣніе, что духовенство, „отвлекаемое отъ училищнаго дѣла лежащими на немъ въ обширныхъ приходахъ трудными обязанностями по отправленію требъ, слабо содѣйствуетъ распространенію элементарнаго образованія“. Поэтому и земства вообще мало рассчитываютъ на содѣйствіе духовенства. „и къ нему относятся холодно“.

Не останавливаясь далѣе на этомъ отдѣлѣ работъ комиссія, какъ не представляющемъ ничего новаго, мы прямо перейдемъ къ рассмотрѣнію народныхъ повинностей.

Всѣ повинности, которыя несетъ на себѣ народъ, существеннымъ образомъ составляютъ три группы: сборы, взимаемые съ земель, платежи крестьянъ за земли и такъ-называемыя подушныя.

Къ первымъ принадлежатъ всѣ мѣстные земскіе сборы — губернскіе и уѣздные и часть государственнаго. Они въ общемъ итогѣ составляютъ около 4 коп. на десятину (3,9) и даютъ государству и самимъ обществамъ на мѣстныя нужды болѣе 23,000,000 руб. Но эти 3,9 к. подвержены всевозможнымъ колебаніямъ, смотря по мѣстности и по другимъ условіямъ: напр., въ олонецкой губерніи онѣ сводятся до полуторы копейки, а въ рязанской поднимаются до 13,56 к. на десятину. Вообще-же, по соображеніи данныхъ изъ всѣхъ мѣстностей государства, оказывается, „что земскіе сборы постоянно увеличиваются“, не выжидая подъема общаго экономическаго уровня. Слышатся уже глухія опасенія, что земля не выдержитъ лежащихъ на ней тяжестей, ибо, какъ мы видѣли выше, втеченіи пятидесяти лѣтъ и даже втеченіи всего нынѣшняго столѣтія земля *не стала богаче ни на копейку*: какъ въ 1800 г. она родила меньше 4 четверт. на десятину, такъ меньше 4 четв. родитъ и въ 1873 г. Впрочемъ, по успокоительному отзыву комиссіи, размѣры земельного обложенія, „въ общемъ, не перешли еще возможнаго предѣла; тѣмъ не менѣе въ отдѣльныхъ случаяхъ они являются уже весьма отяготительными по отношенію къ доходности земель“.

Исходя изъ цѣлой массы самыхъ краснорѣчивыхъ фактовъ, комиссія приходитъ къ общимъ выводамъ, что платежныя тягости разлагаются на крестьянъ часто безъ всякаго соотношенія къ ихъ неспособности по отдѣльнымъ категориямъ „и большею частію даже безъ всякаго соотношенія къ платежной силѣ вообще“; что эта невнимательность къ неспособности платежей „крайне вредно отзывается на благосостояніи землевладѣльческаго и сельскаго населенія и на развитіи земледѣльческой производительности“; что земля и земледѣльческій трудъ, благодаря этой неуравнительности, во многихъ мѣстахъ перестали быть источникомъ дохода и *становятся въ тягость*“, и что, поэтому, „прискорбный фактъ этотъ“ ставитъ общую реформу прямыхъ податей въ число самыхъ насущныхъ потребностей Россіи. Еще большія опасенія представляются комиссіи въ томъ, что „земскому обложенію не поставлено ника-

кихъ предѣловъ, а обязательные расходы земства все увеличиваются“, что раскладка во многихъ мѣстахъ является „несправедливою“, „нераціональною“ и „обременительною“. Наконецъ, въ довершенію всего этого печальнаго положенія нашего экономическаго быта, ни земля, ни придаточный трудъ положительно не выносятъ на себѣ тяжести выкупныхъ платежей: весь центръ Россіи, а также губерніи сѣверо-западна и отчасти низовья „положительно бѣдствуютъ, сельское хозяйство въ нихъ падаетъ и изнемогаетъ подъ бременемъ накопившихся недоимокъ, ставящихъ населеніе въ совершенно безвыходное положеніе“. (Докл. ком., стр. 29, 36, 48).

Д. Мордосцевъ.

(Продолженіе будетъ).

НАДЕЖДА.

(Изъ Е. Гейбеля.)

Пускай зима на все кругомъ
Глядитъ съ небесъ сурово,
Пусть землю сковываетъ льдомъ,—
Весна настанетъ снова.

Пусть солнце масса облаковъ
Скрывать отъ взоровъ будетъ,—
Придетъ пора и къ жизни вновь
Оно весь міръ пробудитъ.

Пускай и плачетъ, и реветъ
Мятежъ, какъ звѣрь, надъ нами,—
Въ ночи весенній день придетъ
Неслышными шагами.

Земля отъ тягостнаго сна
Вся въ зелени проснется,
И небу ясному она
Въ восторгъ улыбнется.

Она вилететъ въ свои вѣнки
Колосья съ нивъ и розы,
И потекутъ ея ручьи,
Какъ радостныя слезы.

И такъ, пускай сомнѣнья тѣнь
Надеждъ не отравляетъ,—
Насъ всѣхъ великій майскій день
Въ грядущемъ ожидаетъ.

Когда тебѣ страшнѣй, чѣмъ адъ,
Земля казаться станеть,
Гляди впередъ и вѣрь, мой братъ,
Что все-жь весна настанеть.

М. Н.

ВАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ

Фридриха Герштекера.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

ВЪ КАНЗАСЪ.

Еще страшная междоусобная война свирѣпствовала въ Соединенныхъ Штатахъ, когда въ умѣ предприимчивыхъ, неуступающихъ ни передъ какими трудностями, янки созрѣлъ планъ гигантской желѣзной дороги, которая должна была соединить Атлантическій океанъ съ Тихимъ.

Прошло четыре года со времени заключенія мира и, среди дикихъ лѣсовъ и необъятныхъ прерій засвистѣли долом отивы новой дороги. Ни одинъ бѣлый не осмѣливался до этого времени сесть тамъ, гдѣ пролагалась новая дорога, рабочіе не находили себѣ убѣжища отъ бурь и дождей и, не смотря на это, ни на минуту не прерывали работъ. Съ лопатой въ рукѣ и револьверомъ за поясомъ подвигались они все далѣе и далѣе впередъ, и съ каждымъ шагомъ опасность возрастала.

Но за то предприимчивый духъ ихъ собратій не ждалъ окончанія дороги, чтобы воспользоваться ею. По новопроложеннымъ рельсамъ къ нимъ подвозили матерьялы для постройки и съѣстные припасы,—среди дикой преріи возникалъ, какъ-бы волшебствомъ, городокъ изъ парусины и досокъ, и въ этомъ импровизированномъ

городкѣ они находили все, что нужно было для удовлетворенія ихъ потребностей.

Дорога шла пока еще по странѣ до нѣкоторой степени цивилизованной, по крайней мѣрѣ, давно уже присвоенной себѣ бѣлыми, но скоро должны были начаться тѣ безъкончныя преріи, которыя тянутся до самыхъ Скалистыхъ горъ.

На окраинѣ одной изъ такихъ прерій возвышался импровизированный городокъ. Ряды домовъ и палатокъ тянулись по всѣмъ направленіямъ; на каждомъ доми, на каждой палаткѣ красовалась какая-нибудь вывѣска. Но вокругъ не замѣтно было ни садовъ, ни полей, лопата видимо не касалась еще этой дѣвственной почвы; желѣзная дорога пролагалась еще за много миль отсюда и медленно подвигались рабочіе къ ново-возникшему городку. Городокъ этотъ, получившій названіе Смитфильдъ, по имени перваго своего поселенца Джона Смита, находился уже въ чертѣ индѣйскихъ владѣній и поэтому жители его считали себя внѣ законовъ Соединенныхъ Штатовъ и пользовались всѣми выгодами такого положенія.

Азартныя игры, строго воспрещенныя въ Соединенныхъ Штатахъ, практиковались здѣсь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, составляя вмѣстѣ съ водкой единственное содержаніе жизни поселенцевъ. Впрочемъ, искусство заявляло уже о своемъ существованіи въ лицѣ фотографа, пріютившагося среди шинковъ и игорныхъ бараконъ и предлагавшаго свои услуги за весьма умѣренную цѣну: пять долларовъ за дюжину карточекъ и два доллара за одну карточку, — словомъ, цивилизація явилась сюда со всѣми своими атрибутами и краснокожимъ приходилось уступать ей мѣсто.

По сосѣдству съ Смитфильдомъ возникло уже нѣсколько фермъ, такъ-какъ почва была въ высшей степени плодородная, а близость желѣзной дороги ручалась фермерамъ за выгодный сбытъ товаровъ: въ Смитфильдѣ предполагалось открыть станцію желѣзной дороги. Близкое сосѣдство съ индѣйцами не смущало фермеровъ: вѣдь неподалеку уже пролагалась желѣзная дорога — чего-же имъ было бояться? Къ тому-же, въ этой мѣстности давно уже не было слышно о нападеніяхъ индѣйцевъ и хотя среди чейанновъ въ послѣднее время обнаруживалось какое-то броженіе, но вигвамы ихъ находились такъ далеко, что трудно было предположить, чтобы они рѣшились произвести нападеніе.

Въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Смитфильда, среди лѣса, возвышались два барака. Въ нихъ жили два переселенца изъ Иллинойса, два родные брата съ семьями. Они обработали уже значительное количество земли и развели огромныя стада, пасшіяся на волѣ въ лѣсу.

У Джона Макиннея, старшаго изъ двухъ братьевъ, ферма была больше; двое сыновей помогали ему обрабатывать ее, а жена и дочь, Дженни, занимались хозяйствомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ у нихъ гостилъ еще знакомецъ нашъ, Вольфъ фон-Берге. Уѣхавъ изъ Нью-Орлеана, Вольфъ думалъ сначала присоединиться къ какому-нибудь индѣйскому племени, чтобы охотиться съ нимъ, какъ онъ дѣлывалъ не разъ прежде. Но индѣйцы не были уже прежними безобидными сосѣдями бѣлыхъ и ихъ друзьями. Варварскій поступокъ полковника Чивингтона, который напалъ на одну индѣйскую деревню въ то время, когда въ ней не было почти никого изъ мужчинъ и перебилъ беззащитныхъ женщинъ, вызвалъ страшное раздраженіе въ краснокожихъ. Небольшіе отряды ихъ разсыпались по степямъ, чтобы убѣдить всѣ племена къ соединенному нападенію на бѣлыхъ.

Предупрежденный во-время однимъ изъ своихъ старыхъ пріятелей, Вольфъ успѣлъ благополучно выбраться отъ нихъ и остановился на время для отдыха у Джона Макиннея, который прінялъ его самымъ радушнымъ образомъ.

Но Вольфу не сидѣлось сложа руки: когда онъ не охотился за оленями и калгунами, то энергически помогалъ своимъ хозяевамъ топоромъ, и скоро сталъ любимцемъ всей семьи. Часто пропадалъ онъ по цѣлымъ суткамъ.

Разъ прошлявшись гдѣ-то двое сутокъ, онъ вернулся блѣдный, утомленный и съ пустыми руками, чего съ нимъ прежде никогда не случалось.

— Боже мой, мистеръ Вольфъ! что съ вами? встрѣтила его Дженни, которая одна только была дома. — Покажите-ка ваши ногти: если они сміе, то, значитъ, у васъ лихорадка.

— Нѣтъ, Дженни, отвѣчалъ Вольфъ, качая головою, — но гдѣ же вашъ отецъ и братья?

— Никого дома нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, улыбаясь, — отецъ выслѣдилъ лѣтомъ рой дивныхъ пчелъ и они пошли доставать медъ.

— Въ которую сторону они пошли?

— Не знаю; мы съ матерью дошли въ это время коровъ, я и не посмотрѣла, куда они повернули; да они гдѣ-нибудь тутъ недалеко. Они даже не взяли съ собою лошади, а только захватили два ведра для меду. Сейчас они вернутся; ложитесь-ка пока къ папѣ на постель да отдохните хорошенько, а я сварю вамъ кофе.

— Благодарствуйте, Дженни. Я ужъ лучше лягу здѣсь, у огня, на своемъ одѣялѣ.

И съ этими словами онъ разостлалъ свое одѣяло, легъ на одну половину его, а другой покрылся, и, казалось, забылъ о существованіи Дженни.

Онъ и не замѣчалъ, какіе заботливые взгляды бросала въ его сторону восемнадцатилѣтняя красавица, какъ осторожно ступала она по половицамъ, чтобы не обезпоятъ его. Его мысли уносились далеко-далеко, и онъ взглянулъ на дѣвушку только тогда, когда она пригласила его закусить. На столѣ уже стоялъ кофе, только-что испеченный маисовый хлѣбъ и кусокъ калкуна.

— Спасибо, Дженни, сказалъ Вольфъ, поднимаясь и подходя къ столу. — Какъ вы добры ко мнѣ, а вѣдь я вамъ совсѣмъ чужой.

— А сами вы развѣ не добры ко всѣмъ намъ? улыбнулась Дженни, наливая кофе. — Вы помогаете отцу, охотитесь для насъ и никогда ничего за это не берете. Отчего вы не хотите поселиться здѣсь? Здѣсь очень хорошая земля, а когда желѣзная дорога пройдетъ мимо насъ, здѣшняя земля будетъ стоить дорого.

— Это-то такъ, милая Дженни, да кровь у меня еще слишкомъ бушуетъ. Впрочемъ, можетъ быть, я теперь скоро успокоюсь, и тогда, по всей вѣроятности, поселюсь здѣсь. Но гдѣ это вашъ отецъ? Хоть-бы онъ вернулся поскорѣй.

Дженни надула свои пурпуровыя губки. Ей такъ пріятно было побесѣдовать наединѣ съ молодымъ гостемъ, а ему непременно нужно отца. И зачѣмъ? Какое у него такое спѣшное дѣло?

Она замолчала; Вольфъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. На дворѣ раздался лай собакъ; Вольфъ стремительно бросился къ двери и столкнулся съ Макиннеемъ и его сыновьями.

— А, Вольфъ! вскричалъ старикъ, весело протягивая руку гостю. — Какой великолѣпный улей мы нашли — посмотрите, сколько меду, и еще столько-же осталось.

Вольфъ вышелъ со старикомъ за двери; Джонъ и Биль стали хвастать ему своими ведрами, наполненными медомъ, но онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія, а отвелъ старика въ сторону и шепнулъ ему:

— Мистеръ Макинней, индѣйцы показались здѣсь въ окрестности; надо намъ быть на сторожѣ.

Старикъ взглянулъ на него съ недоувѣрчивой улыбкой.

— Пустяки, Вольфъ, съ чего вы это взяли? Можетъ быть, это вѣянодотты—они поселились здѣсь, въ Канвасѣ, и иногда, охотясь за оленями, доходятъ до нашихъ мѣстъ. Но сіу едва-ли рискнуть показаться сюда.

— Это не сіу,—по крайней мѣрѣ, не одни они; между ними есть и чейенны.

— Вы ихъ видѣли? спросилъ Макинней быстро, встревоженнымъ тономъ.

— Одного сіу.

— Такъ съ чего-же вы берете, что съ ними чейенны?

Вольфъ вынулъ изъ кармана кожаный мѣшочекъ и открылъ его. Въ немъ была зеленоватая краска.

— Знаете вы, что это? спросилъ онъ у Макиннея.

— Нѣтъ.

— Это краска, которою предводители чейенновъ натираютъ себѣ при торжественныхъ случаяхъ лицо. Ужь, конечно, не съ доброй цѣлью пришли они сюда.

— Какъ вы достали эту краску?

— Въ лѣсу, прослѣдивъ за ними цѣлый день.

— Вы выслѣживали индѣйцевъ одни? изумился старикъ.

— Безъ сомнѣнія. Третьяго дня вечеромъ я попалъ на первый слѣдъ, но такъ-какъ было уже темно, я побоялся идти дальше, чтобы не наткнуться на нихъ, и не рѣшился даже развести костеръ. Вчера-же утромъ около десяти часовъ я пробрался на то мѣсто, гдѣ они провели ночь, и нашелъ тамъ около горѣвшаго еще костра этотъ мѣшочекъ съ краскою. Самый этотъ костеръ служилъ доказательствомъ того, что тамъ были индѣйцы, тѣмъ болѣе, что въ лѣсу не было слѣдовъ топора, а, напротивъ, были слѣды индѣйскаго томагаука, которыми они рѣзали сучья и желкія деревья для костра.

— А какъ вы думаете, много ихъ было?

— По моему мнѣнію, ихъ было человѣкъ двадцать и при нихъ не было вьючнаго скота.

— А куда они направились?

— Желаніе узнать это и заставило меня главнымъ образомъ слѣдить за ними; они шли прямо въ нашу сторону, но, не доходя до насъ двухъ миль, нѣсколько отклонились отъ этого направленія и пошли прямо къ цѣпи холмовъ, лежащей отъ насъ на западъ.

— Значить, они опять воротились къ границѣ, сказала Макинней;—они не смѣютъ показываться вблизи поселеній; имъ запрещено охотиться въ нашешъ штатъ, это они знаютъ. А вы слѣдили за ними дальше?

— Слѣдилъ, пока не стало темно; тогда я остановился, а когда настала ночь, я сталъ пробираться къ лѣсу, пока не увидѣлъ сквозь деревья ихъ лагерныхъ огней.

— Чортъ возьми! вскричалъ Макинней,—да вы вели все дѣло, какъ человѣкъ, бывалый въ лѣсахъ.

— Да развѣ я новичекъ здѣсь? отвѣчалъ Вольфъ;—да и что же мнѣ было дѣлать? На зарѣ, продолжалъ онъ рассказывать,—я снова пошелъ посмотрѣть, что они дѣлаютъ, оставивъ, разумеется, свою лошадь въ чащѣ; я нашелъ ихъ еще на стоянкѣ; видѣть самихъ индѣйцевъ, конечно, я не могъ, потому что не смѣлъ подходить къ нимъ слишкомъ близко, но я видѣлъ ихъ лошадей, которыя гуляли на свободѣ, что показало мнѣ, что они не намѣревались выступать со стоянки такъ рано. Тутъ я рѣшилъ воротиться домой, во-первыхъ, потому, что я нѣсколько заблудился, и, во-вторыхъ, потому, что у меня вышли всѣ запасы, а стрѣлять дичь я не смѣлъ, чтобы не навести краснокожихъ на свой слѣдъ. Нѣсколько времени я искалъ тропинку, которая привела-бы меня оттуда прямо сюда; наконецъ, найдя ее, я двинулся въ путь. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ чуть не наткнулся на краснокожаго. Впрочемъ, я успѣлъ спрятаться за дерево, благодаря тому, что онъ пристально смотрѣлъ въ землю.

— Вы подстрѣлили эту каналью?

— Чтобы поднять на ноги весь лагерь? Къ тому-же, можетъ быть, намѣренія его были вполне мирныя, въ чемъ я, впрочемъ, сильно сомнѣваюсь.

— Въ такомъ случаѣ намъ надо держать ухо востро; я сильно не довѣряю этимъ канальямъ.

— А вы не боитесь нападенія?

— Какже; они способны на всякое безумное предпріятіе, но на сегодня, я думаю, намъ нечего опасаться. Но если завтра на разсвѣтѣ они вздумаютъ сдѣлать нападеніе, то нашъ домъ будетъ первымъ, на который они обрушатся. Намъ надо быть готовыми. Ступайте теперь, Вольфъ, къ моему брату, Джеку, расскажите ему все, что вы мнѣ рассказали, и спросите, не переберется-ли онъ къ намъ со всей семьей сегодня-же вечеромъ. Только пусть пошлетъ сначала младшаго своего сына, Джоржа, на военный постъ предупредить, что намъ грозитъ нападеніе. Здѣсь Джоржъ не можетъ быть полезенъ, а ѣздить верхомъ онъ умѣетъ.

— А что мы сдѣлаемъ съ нашимъ скотомъ?

— Ну, онъ въ такомъ мѣстѣ, куда краснокожіе ночью не по-лѣзутъ. Но торопитесь, Вольфъ, а я пойду въ домъ и все тамъ приготовлю.

— Я ничего не говорилъ вашей дочери.

— Тѣмъ лучше.

— А не лучше-ли было-бы отправить женщинъ вмѣстѣ съ Джоржемъ на военный постъ?

— Нѣтъ, здѣсь, можетъ быть, имъ будетъ безопаснѣе.

Вольфъ пошелъ къ Джеку Макиннею, а Джонъ Макинней вошелъ въ домъ.

— Гдѣ мать, Дженни? спросилъ онъ, входя въ комнату.

— Она пошла доить, отецъ и сейчасъ вернется.

Макинней принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; казалось, онъ совсѣмъ и не замѣчалъ присутствія дочери, которая видимо намѣревалась что-то спросить у отца, но не могла никакъ рѣшиться; наконецъ, собравшись съ духомъ, она спросила:

— О какомъ это такомъ спѣшномъ дѣлѣ говорилъ съ тобою мистеръ Вольфъ? Онъ былъ такой разсѣянный.

— Со мной? Ни о чемъ особенномъ. А что?

— Нѣтъ, тутъ было что-нибудь особенное; онъ говорилъ съ тобою такъ серьезно и все поглядывалъ сюда, на домъ.

— Да ничего особеннаго не было. Онъ разговаривалъ о здѣшней мѣстности; можетъ быть, онъ здѣсь поселится.

Счастливая улыбка появилась на красивомъ лицѣ Дженни.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнула она;—я такъ и думала.

— Ты? удивился отецъ.—Да что съ тобой? Твое лицо пылаетъ, какъ въ огнѣ. Что ты думала?

— Ахъ, отецъ, ты только не сердись, но я... думала... что... что...

— Ну, что, что?

— Что... бормотала покраснѣвшая до ушей дѣвушка, — что мнѣ... что я... что мистеръ Вольфъ... со мной хорошъ и на мнѣ женится.

— Во-о-отъ какъ! протянулъ отецъ, строго и проницательно взглядывая на свою дочь, —почему-же ты это думаешь?

— Ахъ... я не знаю, бормотала окончательно сконфуженная Джени, —но онъ... онъ такой... такой добрый со мной.

— А говорилъ-ли онъ тебѣ что-нибудь?

— Говорилъ-ли?.. ахъ, я не знаю. Но, отецъ когда вы вмѣстѣ рубили дубъ въ Кланбордѣ и потомъ онъ вернулся домой, то онъ...

— Ну, что онъ?

— У него такъ ныла спина... но это была не спина, быстро добавила она, —право, у него ныла не спина... а... а... сердце...

— Дура! оборвалъ ее отецъ, — не набивай себѣ головы глупостями; у него ныла спина и ничего больше... А теперь, ступай къ матери и поторопи ее, чтобы она шла сюда; потомъ пойди къ братьямъ и скажи имъ, чтобы они оставили тамъ медъ и шли сюда: мнѣ надо поговорить съ ними, пока они не уйдутъ въ лѣсъ.

Бѣдная Джени мигомъ полетѣла исполнять приказанія отца, радуясь, что избавилась отъ дальнѣйшихъ разспросовъ его. Что могъ тутъ понимать отецъ. Разумѣется, это была не спина.

II.

НАПАДЕНИЕ.

Старикъ Макинней ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, когда въ дверяхъ появились его сыновья Джонъ и Вилль.

— Ты хочешь идти съ нами? Мы готовы.

— Входите-же. Ваши ружья въ порядкѣ?

— Еще-бы, само-собою понятно, отвѣчалъ, улыбаясь, Билль, младшій сынъ старика.

— И пуль у васъ достаточно?

— А развѣ мы пойдемъ на охоту? спросилъ Джонъ.

— Довольно-ли у васъ пуль?

— Довольно: у меня семь штукъ, отвѣчалъ Джонъ.

— И у меня десять или одиннадцать, кромѣ той, которая въ ружьѣ, добавилъ Билль.

— Ну, это мало. Ступайте нарубите свинцу и за работу— лить пули. Ночью можно ожидать нападенія. Краснокожіе здѣсь недалеко.

— Чортъ возьми! А гдѣ?

— Нашъ нѣмецъ слѣдилъ за ними цѣлый день. Они теперь у западныхъ холмовъ и уже послали лазутчиковъ.

— Что, Билль! заговорилъ Джонъ,—говорилъ я тебѣ, что въ лѣсу были слѣды индѣйцевъ, ты тогда смѣялся.

— Кто-жь могъ здѣсь думать объ индѣйцахъ...

— Мнѣ сразу бросились въ глаза ихъ слѣды, но въ лѣсу было очень трудно разглядѣть ихъ хорошо, въ особенности съ ведромъ меду въ рукахъ. А сколько ихъ? Вольфъ ихъ видѣлъ?

— Нѣтъ, не видѣлъ, но, судя по слѣдамъ, думаетъ, что ихъ человѣкъ двадцать.

— Ну, такъ мы позовемъ дядю Джека и двоюродныхъ братьевъ; тогда насъ съ ними и Вольфомъ будетъ восемь человѣкъ и мы ловко спровадимъ этихъ проклятыхъ индѣйцевъ.

Старикъ Макинней покачалъ головою.

— Во всякомъ случаѣ, намъ нельзя теперь оставлять женщинъ однѣхъ, сказалъ онъ:—кто можетъ поручиться, что шайки краснокожихъ не рыскаютъ здѣсь въ окрестностяхъ... Что можетъ случиться, если мы оставимъ ихъ однѣхъ? Къ тому-же Вольфъ уже пошелъ къ Джеву звать его со всей семьей къ намъ. А Джоржа Джека отправить въ фортъ извѣстить тамъ объ угрожающей намъ опасности, такъ-какъ опасность, можетъ быть, окажется гораздо серьезнѣе, чѣмъ мы это теперь предполагаемъ.

— Но гдѣ-же мать и Дженни?

— Онѣ сейчасъ придутъ. Днемъ-то мы безопасны: эти красныя бестіи не осмѣлятся нападать при солнечномъ свѣтѣ, хотя-бы они были вшестеро сильнѣе насъ. А хватить-ли у насъ свинцу?

— Я думаю, что хватит, отвѣчалъ Билль, вытацившій уже два штыка свинцу и разрубавшій ихъ на мелкіе куски, чтобы легче было его расплавить. — Если мы разстрѣляемъ всѣ эти пули, то ни одного краснокожаго не останется въ живыхъ, а я надѣюсь, они этого дожидать не станутъ.

— Ну вотъ, заговорила старуха Макинней, входя съ своей дочерью въ комнату, — ну гдѣ мнѣ теперь страпать, если вы тутъ расположитесь лить ваши пули?

— Ничего, мать, мы здѣсь лить не будемъ, сказалъ Билль: — я только разрубилъ здѣсь свинецъ, а лить мы пойдемъ на воздухъ; я возьму только нѣсколько углей и больше мѣшать тебѣ не буду.

— Всѣ угли, какіе здѣсь есть, мнѣ самой нужны; въ домѣ нѣтъ ни полѣна дровъ.

— Подожди, я тебѣ сейчасъ принесу дровъ, сказалъ старикъ Макинней и, мигнувъ старшему сыну, вышелъ изъ дому.

Они пошли въ коптильню, забрали тамъ всѣ дрова и вообще все, что могло только понадобится, такъ-какъ нельзя было предвидѣть, сколько времени имъ придется, можетъ быть, находиться въ осадѣ. Принеся въ домъ по охапкѣ дровъ, они снова отправились за дровами.

— Что съ тобою, старикъ! воскликнула жена Макиннея, когда Макинней съ сыномъ принесли по второй охапкѣ дровъ, — ты всю комнату завалишь; здѣсь повернуться будетъ негдѣ... Но, Господи Боже! перебила она самую себя, — гляди-ка, Джонъ: твой братъ идетъ сюда со всей семьей и со всѣми домашними скарбомъ. Что тамъ съ ними случилось?

— Великій Боже! подхватила Дженни. — Ужъ не пожаръ-ли?

Скрывать долже отъ женщинъ опасность было невозможно. Всѣмъ тотчасъ-же было рассказано, въ чемъ дѣло, и всѣ тотчасъ-же съ жаромъ принялись за работу, чтобы поставить домикъ въ оборонительное положеніе. Во-первыхъ, коптильня была немедленно снесена, такъ-какъ она могла служить для дикарей удобной позиціей, а въ случаѣ, если-бы они подожгли ее, то отъ нея огонь легко могъ перейти и на самый домъ. Потомъ кусты, тамъ и сямъ росшіе между домикомъ и лѣсомъ, были срубаны. Затѣмъ вся, какая только существовала, провизія была перенесена въ домъ. Наконецъ, въ стѣнахъ были продѣланы бойницы.

Въ то время, когда всѣ были заняты этими работами, къ бараку подѣхалъ какой-то господинъ, весьма пестро одѣтый, съ серебряными шпорами, съ парой револьверовъ за китайскимъ краснымъ шелковымъ поясомъ и въ мексиканской плащѣ. Старикъ Джонъ Макинней, первый увидѣвшій его, пригласилъ его войти къ нимъ въ домъ пообѣдать, потому что обѣдъ на столѣ, и вообще остановиться пока у нихъ, такъ-какъ въ окрестностяхъ не безопасно—бродягъ канальи индѣйцы и самъ онъ ждетъ въ эту ночь ихъ нападенія. Незнакомецъ охотно согласился на предложеніе Джона Макиннея и всѣ сѣли за столъ.

Немедленно послѣ обѣда Вольфъ всталъ и пошелъ смѣнить съ караула Неда Макиннея, такъ-какъ, несмотря на то, что индѣйцы не имѣютъ обыкновенія нападать днемъ, все-таки было рѣшено, что караулъ будетъ содержаться и днемъ всѣми по-очередно. Когда Вольфъ вернулся, незнакомца не оказалось. Гдѣ-же онъ? Вольфу отвѣчали, что узнавъ, что дорога въ Смитфильдъ, куда онъ ѣхалъ, по его словамъ, выбрать себѣ землю для поселенія, — свободна, онъ рѣшилъ продолжать путь и даже предлагалъ желающему проводить его пять долларовъ, но желающаго не нашлось, и онъ уѣхалъ одинъ.

— И тѣмъ лучше! воскликнулъ Вольфъ. — Онъ изъ ^{Т. Смитфильдъ} шпудлеровъ, а эти господа способны на все; они, какъ извѣстно бывають иногда въ очень близкихъ отношеніяхъ съ индѣйцами.

— Вы думаете? спросилъ старикъ Макинней.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ ни на одну минуту, отвѣчалъ Вольфъ рѣшительно. — Я очень радъ, что онъ уѣхалъ. Намъ здѣсь довольно; а безъ такого двусмысленнаго друга намъ будетъ гораздо спокойнѣе.

Вечеръ приближался и слѣдовало распределить ночное дежурство и устроить убѣжище для женщинъ, чтобы кака-нибудь шальная пуля не зацѣпила ихъ. Вольфъ очень искусно устроилъ для нихъ внутри домика нѣчто въ родѣ комнатки изъ матрацовъ, подушекъ, одеялъ и дровъ. Дежурство-же было распределено такимъ образомъ: съ 6 часовъ вечера до 12 часовъ ночи должна была стоять первая смѣна, съ 12 до 4 часовъ утра вторая смѣна, а въ 4 часа всѣ должны были стоять на мѣстахъ, такъ-какъ это было самое опасное время.

Вольфъ стоялъ первую смѣну; она прошла совершенно спокойно.

Въ полночь онъ и одинъ изъ сыновей Макиннея, дежурившій съ нимъ, смѣнились. Вторая смѣна прошла также спокойно. Въ 4 часа утра всѣ мужчины были уже вставши.

— Ничего не видать? спросилъ Джонъ Макинней у своего сына, наблюдавшаго въ маленькое четырехъ-угольное окошко.

— Ничего.

— Заря занялась?

— Да, чуть брезжить.

Старикъ Макинней выглянулъ въ окно.

— О, Боже мой, застонала его жена, пѣлую ночь несмыкавшая глазъ,—не выглядывай въ окно и не позволяй этого дѣлать дѣтямъ.

— Не бойся, старуха, отвѣчалъ тотъ.—Подумай лучше, какъ мы сегодня удивимъ дикарей, въ такой ранній часъ угостивъ ихъ нашимъ кофе.

— О не шутя, Джонъ, въ такую минуту, умоляла старуха.

— Тсъ, раздалось тихое предостереженіе Вольфа.

Въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина.

— Вы что-нибудь видѣли? самымъ тихимъ шепотомъ спросилъ Джонъ Макинней, подходя къ Вольфу.

— Право не знаю, такъ-же тихо отвѣчалъ Вольфъ;—мнѣ показалось, что тамъ шевельнулась какая-то тѣнь; впрочемъ, можетъ быть, я ошибся; но если они придутъ, то придутъ очень скоро.

Снова воцарилась гробовая тишина.

— Будьте на готовѣ! вдругъ раздался тихій шепотъ Неда Макиннея;—они идутъ!

Лихорадочно забились у всѣхъ сердца; руки еще крѣпче сжали стволы ружьевъ; глаза старались проникнуть въ чуть рѣдѣвшій мракъ.

Какія-то темныя пятна мелькали на опушкѣ лѣса, то исчезая, то снова появляясь. Но вокругъ все было тихо; даже собаки, незнавшія покоя всю ночь, теперь крѣпко спали.

Вдругъ шагахъ въ 12 — 15 отъ дона какъ-будто изъ земли выросли темныя фигуры индѣйцевъ и пронзительный крикъ ихъ огласилъ окрестность. Въ отвѣтъ на этотъ крикъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ и собаки съ воемъ бросились на ненавистныхъ имъ дикарей.

Индѣйцы шли прямо на домъ, но хорошо забарикадированная дверь не поддавалась ихъ натиску. Индѣецъ исполинскаго роста, съ палицею въ рукахъ, уже замахнулся, готовясь раздробить эту дверь однимъ ударомъ, какъ пуля Вольфа попала ему прямо въ грудь. Онъ упалъ, но натискъ продолжался. Осажденнымъ пришлось прекратить на нѣсколько минутъ стрѣльбу, чтобы зарядить ружья. Одинъ изъ сыновей Макиннея предлагалъ отворить дверь и встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагами, но отецъ напомнилъ ему о матери и сестрѣ и обуздалъ пылъ молодого героя.

Уже разсвѣло; непрерывная пальба сдѣлала свое дѣло. Краснокожіе отступили, таща за собою своихъ раненныхъ; въ лѣсной чащѣ ихъ ждали ихъ лошади. Нѣсколько пуль просвистало имъ въ догонку и первые лучи восходящаго солнца освѣтили залитую кровью площадку передъ домою Макиннея, на которой лежало одиннадцать индѣйцевъ.

Засады нечего было бояться; осажденные отворили двери и выбѣжали съ ружьями въ рукахъ осмотрѣть окрестность.

Но нападеніе не прошло безслѣдно для нихъ; пули дикарей сдѣлали также свое дѣло. Вольфъ былъ раненъ въ щеку и лѣвую руку; сыновья Макиннея также получили легкія царапины. Ожесточеніе ихъ противъ индѣйцевъ дошло до того, что младшій, Джонъ, уже хотѣлъ-было скальпировать трупы убитыхъ враговъ, и дядѣ Джеку съ трудомъ удалось отговорить его отъ его варварскаго намѣренія.

По предложенію его молодые люди принялись зарывать въ землю трупы. За этимъ дѣломъ засталъ ихъ отрядъ солдатъ, присланный изъ Смитфильда, куда Джоржъ успѣлъ дать знать объ ожидавшемся нападеніи. Солдаты подоспѣли какъ-разъ вовремя для того, чтобы пуститься въ погоню за краснокожими, оставившими за собою широкій слѣдъ крови. По мнѣнію Макиннея и его семейства, индѣйцевъ слѣдовало истребить всѣхъ до одного за дерзкое нарушеніе мира. О томъ, что миръ былъ нарушенъ самими бѣлыми, вторгшимися въ территорію этихъ индѣйцевъ, лишившими ихъ, истребленіемъ хищныхъ звѣрей, всякихъ средствъ къ существованію, сжигавшими ихъ хижины, избивавшими ихъ женъ и дѣтей,—объ этомъ, конечно, и въ голову не приходило никому изъ этихъ поселенцевъ. Три дня гонялись солдаты за индѣйцами и вернулись, нагруженные индѣйскимъ оружіемъ и все-

возможными трофеями, избивъ всѣхъ враговъ за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, которымъ удалось спастись бѣгствомъ.

Раны Вольфа были не опасны, щека зажила черезъ нѣсколько дней, но рука беспокоила его и онъ рѣшился переѣхать въ Смит-фильдъ полечиться у тамошняго хирурга. Макинней взялся проводить его до города.

— Прощайте, Дженни, обратился Вольфъ къ блѣдной дочери хозяина, вышедшей проводить его.—Благодарю васъ, мое милое дитя, за вашу доброту и внимательность. Доберусь до штатовъ—пришлю вамъ что-нибудь на память.

— Я и безъ того васъ не забуду, м-ръ Вольфъ, отвѣчала дѣвушка, поднимая на него свои большіе темные, полные слезъ глаза.

— Ну, садитесь, сэръ, заторопили его сыновья Макиннея, не обратившіе вниманія на эту маленькую сцену,—ваша лошадь начинаетъ горячиться; возьмитесь правою рукою за сѣдло, вотъ такъ. Вы молодцомъ доѣдете. Биль также васъ проводить.

Маленькая кавалькада тронулась. Съ милю проѣхалъ старикъ Макинней молча возлѣ своего молодого гостя.

— А, что, Вольфъ, заговорилъ онъ вдругъ,—когда выздоровѣете, вернетесь къ намъ?

— Не знаю, м-ръ Макинней, отвѣчалъ Вольфъ,—едва-ли. Мнѣ какъ-то не сидится на мѣстѣ, кровь бушуетъ, такъ и тянетъ по-дальше въ лѣсъ.

Старикъ молча кивнулъ головой, какъ-будто желая тѣмъ сказать: „я такъ и думалъ“.

Разговоръ оборвался на этомъ и долго-долго не возобновлялся.

III.

СКЕЛЕТЪ.

На далекомъ западѣ снова завязалась борьба на жизнь и смерть между варварствомъ и цивилизаціею. На югѣ опять зашевелился едва подавленный старый духъ возмущенія, такъ-какъ молодое поколѣніе хлопчатобумажныхъ бароновъ, вопреки совершившимся событіямъ, не хотѣло признавать свободы негровъ и

съ дѣтскимъ упорствомъ мечтало снова захватить въ свои руки утраченную власть. Только внутри обширной прекрасной страны и въ сѣверныхъ штатахъ не ощущали этихъ судорожныхъ конвульсій; тутъ о нихъ не было слышно, а на извѣстія, появлявшіяся въ газетахъ, смотрѣли почти исключительно какъ на забавные анекдоты.

Снова поднялись индѣйцы, производя свои хищническіе набѣги на колоніи; мужчинъ скальпировали, а женщинъ и дѣтей увлекали съ собою въ пустыню. Въ это время зашевелилось на югѣ позорное тайное общество куэлуэсъ; молодыхъ негритянокъ, дѣвушекъ и женщинъ, опять поролі плетями, какъ въ бывшее время рабства, а иллюстрированныя газеты наполнялись картинами, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ. Блистательно шла торговля газетныхъ разнощиковъ и публика каждый разъ съ нетерпѣніемъ ожидала свѣжихъ нумеровъ, надѣясь опять прочесть, что-нибудь очень интересное.

Соединенные штаты— страна слишкомъ большая и хотя она составляетъ одно сильное государство съ общими цѣлями, общими стремленіями во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ея благосостоянія, но все-же она слишкомъ обширна, чтобы вдругъ дать почувствовать отдаленнымъ штатамъ все то, что совершается въ другихъ областяхъ республики, какъ-бы оно ни было бурно и насильственно. Въ противномъ случаѣ рабство— это позорное клеймо цивилизаціи— не могло-бы такъ долго сохранять свое постыдное существованіе на ряду съ свободою и счастіемъ сѣверныхъ штатовъ.

Въ такое-то тихое, созерцательное спокойствіе былъ погруженъ маленькій городокъ Доннерсвилъ; его такъ-же мало тревожили индѣйскіе набѣги, какъ и насилія неповорныхъ южанъ. Впрочемъ, благодаря неутомимой дѣятельности и нѣмецкому трудолюбію, нѣмецкому терпѣнію и американскому духу предприимчивости, этотъ небольшой городокъ скоро сталъ процвѣтать и раздвигать свои предѣлы.

Несмотря, однакожь, на миръ и наружное спокойствіе, и въ этихъ тихихъ уголкахъ клокотали иногда зависть, интрига, раздоръ,— да и найдется-ли хоть одинъ городъ въ свѣтѣ, отъ береговъ Сенегала до Шпрее, который былъ-бы свободенъ отъ нихъ! Каждый домъ въ своемъ родѣ мірокъ, и хоть, пожалуй, не сравнится съ мірами вселенной, но все-же не всегда безмятежно совершаетъ

свой жизненный путь и ему также приходится сталкиваться съ другими, подобными себѣ мірками.

Въ Доннерсвилѣ поселился въ качествѣ врача докторъ Гюклеръ. Надѣялся-ли онъ заслужить уваженіе скорѣе въ сферѣ нѣмецкихъ, чѣмъ американскихъ поселянъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ сумилъ себѣ богатое поле дѣятельности; а главное—онъ могъ теперь доказать Доннеру, что они живутъ въ свободной странѣ и, какъ онъ выражался, не зависятъ отъ какого-нибудь полицейскаго надзора. Онъ могъ поселиться и практиковать, гдѣ хотѣлъ, не нуждаясь въ разрѣшеніи какихъ-нибудь Доннеровъ.

Но переѣхавъ изъ Мильвуоки со всеміи своими семействомъ, онъ едва могъ отыскать въ цѣломъ Доннерсвилѣ подходящую квартиру, которая удовлетворяла-бы его требованіямъ; онъ нанялъ домъ какъ-разъ противъ цирюльни Росвейна. Владѣльцы этого дома уѣхали въ Германію, но не пожелали тотчасъ-же продать свое движимое имущество, такъ-какъ послѣдняя война, естественно, понизила цѣны на всѣ дома, хотя эти цѣны уже стали опять подниматься. Впрочемъ, это отчасти соотвѣтствовало видамъ самого Гюклера, такъ-какъ теперь, по его словамъ, ему не было расчета покупать себѣ домъ, но прежде слѣдовало хорошенько осмотрѣться, понравится-ли самое мѣсто и стоитъ-ли здѣсь оставаться. Впрочемъ, онъ зналъ напередъ, что ему придется выдержать здѣсь нѣкоторую конкуренцію, потому что Гельдорнъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ Росвейна и Доннера, рѣшился также поселиться въ Доннерсвилѣ въ качествѣ врача-практика. Доннеръ дарилъ ему, подъ условіемъ прожить въ этомъ городѣ не менѣе шести лѣтъ, небольшой, но очень миленькій домикъ, и среди друзей, которыхъ онъ здѣсь встрѣтилъ или приобрѣлъ, судьба сулила ему спокойную, уютную жизнь. Впрочемъ, это ни мало не безпокоило д-ра Гюклера,—напротивъ, онъ даже улыбался при мысли, что съ нимъ, старымъ практикомъ, будетъ состязаться этотъ „мальчишка“, только-что попавшій въ Америку и незнавшій еще, „гдѣ раки зимуютъ“. Онъ надѣялся довольно скоро совсѣмъ выжить его отсюда, потому что, само собою разумѣется, вся американская практика должна была попасть къ нему въ руки, такъ-какъ жена его была американка. Едва былъ готовъ домъ и онъ перебрался туда съ семействомъ, цѣлыхъ два дня было посвящено таинственной уборкѣ вещей,—и вотъ въ

одно прекрасное утро обстановка его квартиры привела въ совершенное изумленіе обитателей маленькаго города.

Не мало было тутъ всякой пестроты, совершенно въ американскомъ вкусѣ: здѣсь виднѣлись всевозможнаго цвѣта плакаты красные, синіе, желтые, зеленые и даже золотые; тамъ щеголяли своими этикетками разнаго рода кружки, бутылки, коробки, — и что ни вещь, то новое лекарство отъ всевозможныхъ болѣзней и недостатковъ человѣческаго рода. Особенно сильный эффектъ производило такъ-называемое лицевое окно, которое онъ нарочно велѣлъ для себя устроить. На этомъ окнѣ, по праву, занимали первое мѣсто большія стеклянки съ разноцвѣтными жидкостями, а за ними, по вечерамъ, помѣщалась освѣщавшая ихъ лампа. Между ними красовалась настоящая выставка спиртовыхъ препаратовъ: чего только тутъ не было — змѣи, ящерицы, тысяченожки, рогатая лягушка, даже новорожденные младенцы, уродцы и разныя другія мерзости, отъ которыхъ, при одномъ только взглядѣ на нихъ, становилось иному и тошно, и больно.

Но самую поразительную для Доннерсвиля диковинкою былъ высокій стеклянный шкапъ, уже съ перваго дня выставленный на показъ, — въ немъ помѣщался полный человѣческій скелетъ, благодаря которому всѣ отправлявшіеся въ школу дѣти пропускали, по крайней мѣрѣ, треть своихъ первыхъ уроковъ.

У самыхъ дверей, подлѣ скелета, стоялъ д-ръ Гюклеръ, одѣтый очень изящно: въ небесно-голубомъ шелковомъ галстукѣ вокругъ туго накрахмаленнаго воротничка, съ гигантской аметистовой булавкой и золотой цѣпочкой, на которой было понавѣшано множество всякой всячины, что могло-бы наполнить цѣлый ящикъ ювелира, — съ чрезвычайно пестрой жилеткой, необыкновенно разлапистыми штанами, прекрасными, лоснящимися сапогами и замѣчательно-краснымъ лицомъ; на немъ былъ темно-синій фракъ и вышивная шемизетка; пророборъ на головѣ былъ сдѣланъ самымъ тщательнымъ образомъ, какъ-разъ посрединѣ, — точно ему хотѣлось выказывать передъ цѣлымъ міромъ все то разнообразіе и пестроту, настоящимъ основаніемъ которыхъ служилъ, въ концѣ концовъ, стоявшій подлѣ него скелетъ. Впрочемъ, повидимому, онъ не обращалъ рѣшительно никакого вниманія на толпу глазѣвшихъ на него шкельниковъ, которые, отдавая должное удивленіе природѣ и искусству, съ любопытствомъ разглядывали его; небрежно побря-

живая своими брелочками, съ тихую, самодовольною улыбкою на губахъ, онъ, казалось, не замѣчалъ ничего, что дѣлалось вокругъ. Какъ-разъ противъ него, также у входа, сидѣлъ въ своей комнатѣ Росвейнъ; дверь въ цирюльню была, однакожь, открыта, потому что, несмотря на позднее время года, погода стояла если и не совсѣмъ теплая, то все-же довольно свѣтлая, такъ-какъ „индѣйское лѣто“, эта чудная осень сѣверныхъ американскихъ штатовъ, тянулось еще далеко за декабрь мѣсяць. Росвейнъ сидѣлъ въ своей цирюльнѣ и съ искреннимъ наслажденіемъ разсматривалъ самодовольную фигуру доктора, который, съ своей стороны, конечно, не обращалъ на него никакого вниманія. Онъ такъ погрузился въ это созерцаніе, что даже не замѣтилъ, какъ одинъ всадникъ, проскакавшій по улицѣ, остановился у крыльца его дома и, соскочивъ съ сѣдла, привязалъ свою лошадь къ нарочно для того устроенному косяку.

И только тогда, когда пріѣзжій переступилъ порогъ его комнаты, заслонивъ собою перспективу, Росвейнъ подыалъ на него свои глаза.

— Здорово, Росвейнъ! Ну, какъ живете, что подѣлываете? Что это вы не заѣхали вчера къ намъ на ферму? Былъ и Гельдорнъ—мы всѣ васъ ждали съ нетерпѣніемъ.

— Времени не было, сказалъ Росвейнъ, подавая руку новоприбывшему, своему другу Кельману. При этомъ его брови какъ-то особенно передернуло.—Занятія мѣшаютъ.

— Занятія? смѣлся Кельманъ,—какія-же?

— Вотъ что, Кельманъ, возразилъ Росвейнъ, вставая и ставя на столъ два стакана и бутылку съ горькой желудочной настоевой, которую онъ приготовлялъ самъ,—теперь у меня изъ дома отрывается такой видъ, какого и за деньги не достанешь. Вотъ почти цѣлый день я сижу здѣсь, и никакъ не оторву своихъ глазъ.

— Такъ, стало быть, онъ очень интересенъ?

— Посмотрите-ка вонъ туда.

Кельманъ громко засмѣялся.

— Да, я уже замѣтилъ этого господина, еще подѣвжая къ вашему дому. Онъ выставилъ у себя настоящую американскую d-g-Shop со всевозможными шарлатанскими объявленіями. Ему слѣдовало-бы поселиться въ Цинцинати и тамъ вступить въ компанію съ докторомъ Тэйлоромъ. Вотъ была-бы отличная парочка!

— А каковъ видъ у этого молодца! подсмѣивался Росвейнъ.— Посмотрите только, какое пріятное чувство разливается по его лицу, когда онъ отворачивается отъ оборванныхъ мальчиковъ; а этотъ отвратительный скелетъ, что стоитъ подлѣ него... Голову готовъ прозакладывать, что онъ на всемъ тѣлѣ не узнаеть ни одного сухожилія и давнымъ-давно позабылъ даже названія костей,—только пускаетъ пыль въ глаза.

— Ну, конечно, сказалъ Кельманъ добродушно.—Что-же вы намѣрены сдѣлать съ вашимъ доможъ? Велите его, что-ли, заново выкрасить? Онъ еще, впрочемъ, совсѣмъ хорошъ на видъ.

— Да я и самъ съумѣю выкрасить, улыбнулся Росвейнъ,—да самъ-же и украсу его.

— Вы?

— Ну, конечно, я; безъ сомнѣнія, не зубной щеткой, какъ нарисовалъ свою знаменитую вывѣску сынъ Эдры Людкина. Будто вы не знаете, что я когда-то учился въ рисовальной школѣ?

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ объ этомъ. Однакожъ, бѣлый цвѣтъ очень неудобенъ, непріятенъ для тѣхъ, кто живетъ напротивъ, особенно, когда въ него ударяетъ солнце.

— Въ такомъ случаѣ г-ну Гюклеру и г-ну Пасседову останется только завести у себя зеленыя занавѣски, замѣтилъ сухо Росвейнъ.

— Ну, какъ-же поживаетъ новобрачный?

— Съ толстухой-то? нечего сказать, славно: вчера она опять прекрасно его отколотила,—вотъ была потѣха!

— Ну, однакожъ, не дошло-же у нихъ до насилій? почти въ испугѣ воскликнулъ Кельманъ.

Росвейнъ пожалъ плечами.

— Не знаю, что называете вы насиліями, но во время драки были разбиты въ окнѣ два стекла и самъ Пасседовъ сегодня утромъ ходилъ съ повязанной головой. Впрочемъ, за мной не посылали,—видно, въ банкахъ не было надобности.

Кельманъ тихо кивнулъ головой.

— Вотъ-то счастливая парочка, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія—есть-же на свѣтѣ такіе люди, которые умѣютъ отравлять свою жизнь и дѣлать ее невыносимой.

— Жена зла, какъ сатана, а мужъ глупъ, какъ оселъ, сказалъ Росвейнъ;—потому не прошло и трехъ дней послѣ вѣнча-

нiя, какъ уже у нихъ разыгрался цѣлый скандалъ... Слышите, вонъ ужъ опять тамъ начинается.

Въ самомъ дѣлѣ, въ сосѣднемъ домѣ, напротивъ, поднялась дикая сцена, на которую стала уже собираться на улицѣ цѣлая толпа любопытныхъ. Вдругъ дверь внизу отворилась и молодая дѣвушка, одѣтая очень просто и вся въ черномъ, съ наброшеннымъ на голову платкомъ и маленькимъ узелкомъ въ рукѣ, вышла изъ дома.

— Вонъ и кухарка убирается прочь, смѣясь замѣтила Кельманъ;—вѣрно, ей ужъ слишкомъ жарко стало!

— Ей-богу, это Леночка! восхлипенуль приподнимаясь Росвейнъ;—это бѣдный, несчастный ребенокъ, который не можетъ долге выносить домашняго ада. Но куда-же, скажите на милость, поидеть она? Будь у меня семейство, ей не пришлось-бы бѣгать по улицѣ. А теперь даже и на минуту мнѣ нельзя оставить проклятой цирюльни, у меня передъ дверью стоятъ лѣстницы, и пока я успѣю убрать ихъ, она чортъ-знаетъ гдѣ будетъ. Пожалуйста, голубчикъ Кельманъ, сдѣлайте мнѣ одолженiе — идите за ней, но только такъ, чтобы она этого не замѣтила, посмотрите, гдѣ она остановится. Мы, здѣшнiе нѣмцы, не должны допускать, чтобы это бѣдное, несчастное существо забѣжало съ отчаянiя богъ-знаетъ куда. Если бы нашъ мировой судья былъ не такой безсовѣстный скотъ, то уже давнымъ-давно онъ заявилъ-бы свой протестъ.

Кельманъ уже схватилъ свою шляпу и, не показывая ни малѣйшаго вида, что слѣдитъ за нею, принялъ то самое направление, по которому пошла молодая дѣвушка; онъ, шель, однакожь, по противоположной сторонѣ улицы; скоро онъ и дѣвушка скрылись за ближайшимъ угломъ.

Но сегодня Росвейну не суждено было освободиться отъ овладѣвшаго имъ чувства негодованiя. Отъ него не могъ укрыться напыщенно-глухой взглядъ, съ которымъ д-ръ Гюллеръ посмотрѣлъ на бѣдное молодое существо въ то время, когда Елена проходила мимо него, и даже пустилъ ей прямо въ лицо струю дыма своей отвратительной кентукской сигары. Скоро, однакожь, на лицѣ Росвейна появилась насмѣшливая улыбка и онъ сказалъ, самодовольно кивая головой:

— Подожди, дружокъ! у меня найдется для тебя кое-что,

чего ты вовсе не ожидаешь и чѣмъ ты скоро насладишься доволь...

И, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, онъ вынесъ на улицу горшокъ съ черной краской, изъ котораго торчала огромная кисть, и, зайдя съ одного угла, передвинулъ обѣ стоявшія у дома лѣстницы и такъ приноровилъ ихъ, что свободное между ними пространство занимало почти середину дома. Но, для полученія точной середины, онъ долженъ былъ два раза выходить на улицу, чтобы лучше отмѣрить относительное разстояніе лѣстницъ. Онъ привлекъ этимъ вниманіе д-ра Гюклера. Съ сигарой во рту и заложивъ руки въ карманы, медленно подошелъ Гюклеръ къ Росвейну, между тѣмъ какъ тотъ, повернувшись къ нему спиной, стоялъ на лѣстницѣ и поворачивалъ голову то въ ту, то въ другую сторону.

— Ва, Росвейнъ! да вы, кажется, собираетесь еще разъ перекрасить свой домъ? обратился онъ къ нему.—Это хорошо: бѣлая краска дѣйствуетъ на глаза ужасно ослѣпительно, а во время солнечнаго свѣта намъ, живущимъ напротивъ, становится отъ нея просто невыносимо.

— Ахъ, доброе утро, г. докторъ! сказала Росвейнъ, оборачиваясь къ нему и очень вѣжливо приподнимая свою шапку, что, однакожь, всякій разъ приводило Гюклера въ бѣшенство, такъ какъ онъ давно подозрѣвалъ, что „цирюльникъ“ подсмѣивается надъ нимъ.—Хорошо-ли вы спали эту ночь?

— Благодарствуйте, сказалъ докторъ съ нѣкоторою досадою въ лицѣ;—какъ-же вы думаете выкрасить свой домъ?

— Гмъ, отвѣтилъ Росвейнъ,—слово „выкрасить“ сюда не совсѣмъ подходитъ: росписать я его хочу. Вѣкъ живи, дуракомъ умрешь, добрѣйшій мой г. докторъ, а между тѣмъ Америка—страна практичности. Вотъ и я до сихъ поръ жилъ какъ истый нѣмецкій мѣщанинъ; теперь я это вполне сознаю и хочу исправиться. „Яковъ Росвейнъ, ставитъ банкя и цирюльникъ“—просто смѣшно! Развѣ это вывѣска для Америки? Вотъ д-ръ Тэйлоръ, въ Цинцинати, знаетъ это очень хорошо, да и вы сами попользовались его примѣромъ. Но я думаю, что въ этомъ я перецеголяю васъ всѣхъ... Вотъ посмотрите... Однакожь, мнѣ пора къ работѣ: нужно кончить до наступленія жары. Честь имѣю влнаться, г. докторъ!

И, найдя желанную средину, онъ взялъ свой горшокъ съ краской и, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, влѣзъ по лѣвой лѣстницѣ на такую высоту, что, казалось, жизнь его была не въ безопасности.

Маленькій, узенькій, одноэтажный домикъ былъ въ три окна. Среднее окно освѣщало только лѣстницу, которая и безъ того получала достаточно свѣта со двора. Поэтому Росвейнъ затянулъ теперь это окно пропитанной масломъ бумагой, такъ-что, сровнявшись съ остальною стѣною, оно образовало съ нею одну поверхность.

Стоя на верху, приступилъ онъ, наконецъ, смѣлыми, но вѣстѣ съ тѣмъ настоящими художественными штрихами, къ изображенію головы; черезъ нѣсколько минутъ она оказалась уже мертвой головою; еще немного спустя къ ней примкнула костяная шея, а вскорѣ за тѣмъ и правая лопатка,—однимъ словомъ, ясно стало, что Росвейнъ вздумалъ изобразить надъ своимъ домомъ цѣлый человѣческій скелетъ, надъ которымъ онъ работалъ съ истиннымъ жаромъ художника.

— Росвейнъ, съума вы сошли, что-ли? крикнулъ докторъ, который смотрѣлъ сначала улыбаясь, но потомъ съ ужасомъ замѣтилъ, что за отвратительное *vis-a-vis* задумалъ его сосѣдъ.—Что это вы, чортъ побери, хотите дѣлать? Неужели-же вы хотите нарисовать гигантскій скелетъ прямо передъ окнами моей жены? Посмотрите, какъ страшно онъ выглядитъ!

Это восклицаніе, однакожь, не остановило работы Росвейна; онъ только немного склонилъ на бокъ голову, чтобы лучше разсмотрѣть свое произведеніе, и сказалъ:

— Но, милѣйшій г. докторъ (онъ никогда не забывалъ ставить передъ титуломъ слово господинъ, что, впрочемъ, Гюблеръ переносилъ довольно спокойно), вѣдь и у васъ въ домѣ также есть скелетъ, а такъ-какъ мы затѣваемъ съ вами торговлю, основанную на конкуренціи...

— Но онъ у меня устроенъ художественно, вскричалъ взбѣшенный Гюблеръ,—онъ служитъ мнѣ въ занятіяхъ и для науки положительно необходимъ, тогда какъ вы хотите нарисовать ни къ чему негодное страшилище, для того только, чтобы сердить своихъ сосѣдей и приводить въ ужасъ слабонервныхъ дамъ. Вы

не смѣете, однакожь, этого дѣлать, этого вамъ не дозволить полиція; если вы сейчасъ не замажете свое пугало, то я на васъ пожалуюсь.

Росвейнъ былъ уже у нижней части окна—онъ дошелъ до самаго таза скелета. Въ рукахъ его работа шла баснословно быстро, такъ-какъ онъ ограничивался только одними самыми необходимыми очертаніями, но и тѣ дѣлалъ мастерскою рукой. Наконецъ, онъ сошелъ внизъ на землю, не обращая, впрочемъ, ни малѣйшаго вниманія на доктора,—зажегъ у себя въ домѣ новую сигару и затѣмъ опять полѣзъ на верхъ, только уже съ другой стороны, для того, чтобы окончить вторую половину скелета. Убѣжденіемъ на этого человѣка нельзя было подѣйствовать—это чувствовалъ, конечно, докторъ, но возмущенный такимъ безчинствомъ, какъ онъ выразался, бросился тотчасъ домой, схватилъ свою шляпу, заперъ дверь и поспѣшилъ, какъ только позволяли ему ноги, къ мировому судѣ, исправлявшему здѣсь полицейскія обязанности, надѣясь, разъ навсегда, положить конецъ этому дѣлу. Конечно, Росвейнъ замѣтилъ направленіе, по которому побѣжалъ докторъ; онъ легко могъ догадаться о его намѣреніи, но только молча улыбался, не прерывая ни на минуту начатой работы.

Между тѣмъ на улицѣ, по обыкновенію, стала собираться толпа любопытныхъ, чтобы поглазѣть на необыкновенную вывѣску; но и на нихъ художникъ не обратилъ никакого вниманія. Наконецъ, онъ дописалъ свой скелетъ и поднялся на верхъ, чтобы въ двухъ, трехъ мѣстахъ сдѣлать необходимыя поправки.

— Эй, Росвейнъ, шутникъ вы эдакій, что это вы тамъ дѣлаете? раздался смѣищійся голосъ съ улицы. Росвейнъ теперь готовился окрасить въ желтый цвѣтъ бритвенный тазъ, который далъ онъ въ лѣвую руку скелета, между тѣмъ какъ правая уже держала раскрытую бритву.

— Что я дѣлаю? сказалъ Росвейнъ, оборачиваясь и узнавая своего друга Гельдорна; — а вотъ что, даю вамъ хорошій примѣръ, докторъ, если только вы хотите составить себѣ счастье въ Америкѣ. Ничто не сравнится съ хорошою вывѣскою, а въ иныхъ случаяхъ въ ней заключается даже вся суть. Вотъ д-ръ Гюклеръ, что живетъ напротивъ, и я—мы принимаемся за дѣло какъ слѣдуетъ.

Гельдорнъ стоялъ на улицѣ, покачивая головой, и все время смотрѣлъ на Росвейна, пока тотъ не окончилъ своего таза и не спустился затѣмъ внизъ, къ своему другу, чтобы еще разъ оттуда полюбоваться на свое произведеніе.

— Славно! вскричалъ онъ въ восхищеніи, — превосходно, чертовскій эффектъ производить!.. А теперь встати и занятія въ школѣ окончились и вы сейчасъ увидите кое-что интересное.

Онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Занятія въ школѣ кончились. Мальчики стали появляться на улицѣ, и первые изъ нихъ, не предчувствуя того, что ихъ ожидало, медленно прошли мимо и остановились сначала передъ дверью д-ра Гюклера, будучи привлечены туда стоявшимъ тамъ настоящимъ скелетомъ. Вдругъ среди нихъ раздалось восклицаніе одного изъ болѣе проныцательныхъ наблюдателей.

— Вонъ тамъ смотри-ка! звучалъ чей-то голосъ.

И когда всѣ устремились по направленію протанутой руки, поднялся настоящей вой радости среди рѣзвой толпы мальчиковъ.

Вотъ-то было наслажденіе: на бѣлой стѣнѣ колоссальный скелеть, а напротивъ, черезъ дорогу, маленькій, въ стеклянномъ шеафѣ.

— Слушай, а вѣдь то скелеть негра! вскричалъ одинъ изъ мальчиковъ; — это, должно быть, былъ негръ.

— А это скелеть бѣлаго — тотъ, что стоитъ въ большомъ фонарѣ, закричалъ другой; — ухъ, Господи, ну, если онъ вдругъ вый-детъ... Смотри, смотри! онъ уже выставляетъ одну ногу!

— Вотъ онъ выходитъ! закричалъ третій.

И мальчики, которые были поближе, отступили назадъ; между тѣмъ другіе поспѣшили на ихъ мѣсто, и когда они вдоволь наглядѣлись на скелеть негра, вниманіе ихъ устремилось на лицевое окно д-ра Гюклера и на разныя диковинки, которыя въ немъ были выставлены и значенія которыхъ они никакъ не могли понять. Змѣи и ящерицы были имъ хорошо знакомы.

— Смотри-ка, *desch is a Snake* (это змѣя)! крикнулъ одинъ.

— *A dorten sein auch Zizzards* (тамъ ящерицы)! продолжалъ другой.

Но надъ сосѣдними склянками пришлось имъ окончательно стать въ тупикъ; кромѣ самыхъ нелѣпыхъ догадокъ, ничего они не добились.

Но обыкновенно бываетъ, что гдѣ остаются двое или трое — непременно соберется цѣлая толпа. Такъ точно случилось и здѣсь. Школьники сдѣлали починъ; ихъ примѣру послѣдовали и другіе, — кто проходилъ по улицѣ, также интересовался посмотрѣть, что тамъ такое. Такимъ образомъ, въ какія-нибудь двадцать минутъ эта улица, обыкновенно столь тихая и почти безлюдная, переполнилась народомъ; произошла такая тѣснота и давка, что экипажи не могли пробиться сквозъ густую толпу и принуждены были сворачивать въ сосѣдній переулокъ.

Съ искреннимъ удовольствіемъ глядѣлъ Росвейнъ на это волненіе, вызванное наскоро набросаннымъ его художественнымъ произведеніемъ, — и съ удовольствіемъ ожидалъ возвращенія доктора, которому также готовилась своего рода радость. Теперь, однакожь, доктору Гюклеру далеко было не до радостей. Американецъ мировой судья, на котораго онъ возлагалъ всѣ свои надежды, рѣшительно отказался отъ всякаго вмѣшательства въ его дѣло съ Росвейномъ. Домъ былъ собственностью Росвейна, и правительство, конечно, имѣло-бы право воспретить ему безнравственную вывѣску, но на изображеніе скелета, имѣвшее прямое отношеніе къ званію его, какъ хирурга, оно не могло простирать своей власти.

Въ отчаяніи докторъ бросился къ одному американскому адвокату, который, думалъ онъ, охотнѣе, чѣмъ его соотечественникъ, возьмется за процессъ противъ нѣмца; но, Боже мой, скелетъ былъ только рекламой, вывѣской, простымъ приглашеніемъ. Изображать скелетъ на вывѣскахъ не запрещалось закономъ; тоже ничего не было опредѣленнаго и относительно его размѣровъ, — а потому Гюклеру оставалось только помириться съ своимъ *vis-a-vis* и, ужь если оно особенно его беспокоило, вступить съ сосѣдомъ въ какую-нибудь сдѣлку.

Д-ру Гюклеру оставалось возвратиться домой. Но, не желая теперь встрѣтиться съ ненавистнымъ сосѣдомъ, онъ протѣснился сквозъ толпу и прямо прошелъ къ своей женѣ. Онъ потому не засталъ ее въ корчахъ, что ей нужно было прежде поговорить съ нимъ и положительно объявить ему, что она и ночи долѣе не останется въ домѣ, передъ которымъ выставлено было такое ужасное страшилище.

Д-ръ Гюклеръ съ удовольствіемъ отравиль-бы „проклятаго

цирюльника“, но онъ зналъ напередъ, что тотъ ни за что не приметъ ни одного изъ его медикаментовъ. Дѣйствительно, теперь ему не оставалось ничего болѣе, какъ попытаться развѣ на капитуляцію, хотя онъ предвидѣлъ, что самъ отъ того мало выиграетъ.

Итакъ, онъ отправился къ цирюльнику. Въ это время Росвейнъ, видѣвшій возвращеніе доктора, сѣдѣлъ въ своей комнатѣ совершенно спокойно, какъ-будто остальной свѣтъ для него не существовалъ, и точилъ свои бритвы, между тѣмъ какъ половина Донерсвила собралась передъ его дверьми, съ удивленіемъ осматривая то *его* скелетъ, то скелетъ *доктора*.

— Г. Росвейнъ, сказала докторъ, переступивъ порогъ, котораго до сихъ поръ не переступала еще его нога, — вы видите, какую суматоху надѣлали вы съ вашей вивѣской.

— Но, милѣйшій мой г. докторъ, улыбнулся цирюльникъ, — этого-то мы и добиваемся. Удивленіе дѣлится между вашимъ и моимъ скелетомъ, — конечно, говоря иносказательно, — и вотъ, наконецъ, стануть заходить къ намъ и раскупать наши нигуда негодныя лекарства... у меня ихъ, правда, нѣтъ...

— Да, милѣйшій мой г-нъ Росвейнъ, продолжалъ докторъ, — но не одно это... Жена у меня лежитъ въ корчахъ отъ вашего страшилища. Вы выполнили свою картину съ ужасающею вѣрностію. Признаюсь, я... совсѣмъ не подозрѣвалъ за вами такого таланта.

— Неужели? улыбнулся Росвейнъ. — Но развѣ съ вашей супругой не бываетъ корчей, когда она смотритъ на вашъ скелетъ... я хочу сказать — тотъ, что стоитъ у васъ за дверью, въ стеклянномъ шкапѣ?

— О нѣтъ, сказалъ Гюелеръ; — во-первыхъ, она уже попривыкла къ нему, а во-вторыхъ, вѣдь ей и не приходится его видѣть: всякій разъ, какъ она выходитъ, она отворачиваетъ свою голову въ сторону. Во всякомъ случаѣ, скелетъ необходимъ для меня, онъ связанъ съ моимъ званіемъ. Ваше-же страшилище смотритъ намъ въ окно и, къ нашему великому горю, мы можемъ даже видѣть его въ нашемъ зеркалѣ.

— Ну, хорошо, милѣйшій мой г. докторъ, сказала спокойно Росвейнъ; — пожалуй, я не прочь отъ сдѣлки. Вашъ скелетъ, выставленный на улицѣ, стѣсняетъ меня и многихъ другихъ, кому

приходится проходить мимо, особенно женщин: ихъ отъ него просто тошнить.

— Но какъ-же можетъ тошнить отъ художественно приготовленнаго препарата, вскричалъ Гюклеръ; — развѣ-же онъ не служить для науки?

— Чертовски мало — здѣсь, передъ вашимъ домою, сказалъ Росвейнъ;—но уберите его оттуда, и я также передѣлаю свою вывѣску и дамъ своему скелету приличный человѣческій образъ,—я сдѣлаю изъ него настоящаго цирюльника.

— Но развѣ, въ самомъ дѣлѣ, васъ стѣснялъ мой скелетъ, милѣйшій г. Росвейнъ? сказалъ Гюклеръ очень любезнымъ тономъ. Онъ никакъ не могъ представить себѣ свой „магазинъ“ безъ скелета, зная, какое впечатлѣніе производилъ послѣдній на окрестныхъ поселянъ.

— Меня отъ него просто тошнить, сказалъ Росвейнъ; —я всякій разъ представляю себѣ всю ту гадость, которая должна была его покрывать.

— Это говорите вы—хирургъ?

— Цирюльникъ, хотѣли вы сказать; потому-то я такъ и ненавижу всѣ безбородныя головы. Уберите вашъ скелетъ прочь—и я передѣлаю мой.

— Но у меня нѣтъ мѣста въ магазинѣ! воскликнулъ докторъ въ отчаяніи: — куда мнѣ его поставить?

— По-моему, хоть въ вашу спальню, если согласится ваша жена.

— Она у меня умретъ въ первый-же день.

— Ну, въ такомъ случаѣ, на чердакъ; а еще лучше дать этимъ костямъ честное погребеніе, и человѣкъ, которому онѣ принадлежали, поблагодарить васъ, въ день всеобщаго воскресенія, за то, что вы избавите его отъ труда розыскивать свои останки.

— Но, милѣйшій г. Росвейнъ, неужели-же вы требуете серьезно, чтобы я удалилъ скелетъ?

— Совсе нѣтъ, милѣйшій мой г. докторъ; но пока онъ не будетъ убранъ, останется и мой.

— А если я исполню ваше желаніе?

— Преобразится и мой скелетъ въ прилично одѣтаго юношу съ тазомъ и бритвою въ рукахъ, и на него ваша жена будетъ смотреть съ удовольствіемъ. Довольны-ли вы?

Въ это время вошли посѣтители; Росвейнъ оставилъ доктора и обратился къ нимъ. Гюклеръ вышелъ изъ цирюльни и возвратился къ себѣ домой.

Гельдорнъ еще нѣсколько минутъ разсматривалъ, смѣясь, гигантскій скелетъ, который въ Германіи полиція, безъ сомнѣнія, запретила-бы тотчасъ-же. Здѣсь-же подобная вещь считалась въ числѣ обыкновенныхъ рекламъ и право ея было неоспоримо. Когда Гюклеръ переходилъ черезъ улицу, Гельдорнъ отошелъ отъ вывѣски и отправился по своимъ дѣламъ. Конечно, ему легко было догадаться, что привело „доктора“ въ домъ цирюльника; но такъ-какъ самъ онъ не стоялъ съ Гюклеромъ на дружеской ногѣ и Гюклеръ съ самаго начала велъ себя даже неприлично по отношенію къ нему, то онъ, разувѣтая, уклонился отъ непріятной встрѣчи; да и какое ему было дѣло до стараго шарлатана!

Въ эту минуту, поспѣшными шагами, съ озабоченнымъ видомъ, вышелъ изъ своего дома Пасседовъ. Онъ былъ въ шляпѣ и, повидимому, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на стоявшую вокругъ толпу. Онъ сталъ искать глазами какую-то опредѣленную личность—это слишкомъ ясно выразилось въ его безпокойно блуждающемъ взорѣ. Не останавливаясь, протѣснился онъ сквозь толпу и быстро зашагалъ по улицѣ. Скоро онъ догналъ Гельдорна и схватилъ его за руку. Гельдорнъ зналъ его семейство, потому что имѣлъ случай оказать врачебную помощь его женѣ.

— Докторъ, сказалъ онъ и сдѣлалъ при этомъ нѣкоторое усиліе казаться спокойнымъ—не попадалась-ли вамъ моя Елена, не встрѣчали-ли вы гдѣ моей дѣвочки?

— Вашей дочери? удивился Гельдорнъ.—Нѣтъ; да развѣ что случилось?

— Случилось?—нѣтъ, ничего особеннаго, отвѣтилъ какъ-то разсѣянно Пасседовъ.—Ей сдѣлалось дурно и она вышла прогуляться, но до сихъ поръ еще не воротилась... Это меня нѣсколько безпокоить... Вы извините...

И быстрыми шагами онъ удалился; скоро завернулъ онъ въ сосѣдній, маленькій переулокъ, который велъ къ протекавшей здѣсь рѣчкѣ, и тамъ скрылся.

Гельдорнъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, покачивая головою. Ни отъ кого еще онъ не слыхалъ о Пасседовѣ, какъ о заботливомъ и любящемъ отцѣ, да и самому ему онъ показался вовсе не такимъ.

Но скоро Гельдорнъ пересталъ думать объ этомъ. Старикъ Пасседовъ, только-что опять женившійся, никогда не внушалъ ему симпатіи; напротивъ, его скрытность и нелюдимость дѣйствовали на молодого доктора скорѣе отталкивающимъ, чѣмъ привлекающимъ образомъ. Въ этомъ домѣ его поразила только замѣчательно красивая дѣвушка; но такъ-какъ она избѣгала встрѣчи съ посторонними лицами, то ему удалось ее увидѣть не болѣе одного или двухъ разъ, да и то вскользь. Уже по одному этому не могъ онъ питать къ ней никакихъ особенныхъ чувствъ.

Теперь ему нужно было побывать въ одномъ домѣ; но этотъ визитъ задержалъ его не особенно долго. Когда онъ опять вышелъ на улицу, онъ увидѣлъ Кельмана, который шелъ къ нему навстрѣчу. Едва Кельманъ узналъ его, какъ ускорилъ свои шаги, громко крича:

— Любезный докторъ, какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ! Есть у васъ хоть минута свободнаго времени — подать помощь молодой дамѣ?

— Подать помощь — о, да, всегда, милѣйшій мой г. Кельманъ; но гдѣ-же?

— Вы знаете кузницу, гдѣ вамъ какъ-то подковывали лошадь? помните у Гамильтона?

— Молодая дама? удивился Гельдорнъ.

— Молодая Пасседовъ.

— Въ кузницѣ?

— Она упала въ обморокъ передъ самою дверью и я ее снесъ туда. Старушка пока дѣлаетъ для нея все, что можетъ. Не нужно-ли сбѣгать за Росвейномъ: если понадобится пустить кровь, — какъ вы думаете?

— Гмъ, это вы хорошо сдѣлаете; это ни въ какомъ случаѣ не будетъ лишнимъ: тогда у насъ будетъ искусный помощникъ.

— Итакъ, домъ вы знаете, а я потороплюсь къ Росвейну.

Онъ уже повернулся-было, чтобы бѣжать, какъ Гельдорнъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Отецъ этой дѣвушки только-что искалъ ее; забѣгите на верхъ и скажите, гдѣ она.

— Это еще терпите, пробормоталъ про себя Кельманъ и побѣжалъ за Росвейномъ.

IV.

ВЪ КУЗНИЦѢ.

Скоро Гельдорнъ достигъ кузницы. Мѣсто, на которомъ еще нѣсколько недѣль тому назадъ такъ бодро работалъ старшій Гамилтонъ, теперь почти совсѣмъ опустѣло. Тутъ не было ни души и лишь нѣсколько куръ копошилось, усердно розыскивая себѣ скудную пищу; на дворѣ сидѣла, почесываясь, небольшая, косматая, черная собака, но изъ трубы маленькаго домика не тянулася больше струя дыма, которая говорила-бы, что здѣсь живутъ люди, съ своими хлопотами и тревоженіями.

Гельдорнъ припомнилъ, что кузнецъ, по его-же увѣдомленію, отправился розыскивать своихъ потерянныхъ дѣтей. Должно быть, онъ ихъ не отыскалъ еще, что такъ долго оставался въ отлучкѣ. Но въ настоящую минуту Гельдорна болѣе всего занимала мысль о больной, и скорыми шагами онъ отправился къ маленькому домику.

Боже мой, какъ жалко выглядѣла комната кузницы, какая ужасная пустота! Но вмѣстѣ, какъ все опрятно... Въ углу, на кровати, обтянутой бѣлымъ, скоро нашель онъ, однакожь, то, чего искалъ. Тамъ, вытянувшись, блѣдная, неподвижная, какъ трупъ, лежала Елена Пасседовъ, между тѣмъ какъ старая негритянка, разстегнувъ ей платье, прикладывала къ ея вискамъ смоченныя въ холодной водѣ тряпки и, растирая ей пульсъ, старалась возвратитъ ее къ жизни.

— О, масса! вскричала она, когда вошелъ докторъ, — ради самого неба! они принесли мнѣ ее въ домъ; я, конечно, ей ничего не сдѣлала худого; я старалась изо всѣхъ силъ возвратитъ ее къ жизни, но все напрасно: бѣдная молодая дѣвушка умерла — она ужъ больше не шевелится.

— Успокойтесь, моя милая, ободрилъ ее Гельдорнъ, — я все знаю, я врачъ; господинъ, который ее сюда привезъ, прислалъ меня, чтобы подать ей помощь.

— Слава-богу! вздохнула бѣдная женщина; — меня здѣсь просто заѣла тоска, что вотъ опять новая бѣда обрушится на мою голову. О, конечно, не вы этому виною, масса; но вотъ и мой

мужъ уѣхалъ, и ужъ навѣрное его опять тамъ захватили и удержали, какъ раба,—и вотъ я теперь совсѣмъ одинока и заброшена въ цѣломъ свѣтѣ.

— Какія глупости! сказала Гельдорнъ, который, впрочемъ, въ это время исключительно занятъ былъ безчувственною молодою дѣвушкой и употреблялъ всѣ усилія, чтобы возвратить ее въ жизни,—увѣряю васъ, этого вамъ нечего бояться; много времени придется ему употребить, отыскивая дѣтей, даже если онъ и сразу попалъ на ихъ слѣдъ... Ахъ, дайте, пожалуйста, еще воды, только похолодѣе... или, что еще лучше—вотъ деньги, сбѣгайте навскось, черезъ дорогу, и спросите себѣ бутылочку—вотъ вамъ бумажка, я ужъ лучше напишу вамъ, — одеколона. Ахъ, если-бы скорѣе пришелъ Росвейнъ, — кровопусканіе все-таки было-бы лучшимъ средствомъ, а у меня нѣтъ съ собою ни ланцета, ни холста для перевязки.

Старуха стрѣлой побѣжала за требуемымъ лекарствомъ, а Гельдорнъ, между тѣмъ, сталъ быстрыми шагами ходить взадъ и впередъ по полумрачной, маленькой комнатѣ. Но взглядъ его всякій разъ невольно останавливался на чудныхъ, прелестныхъ чертахъ дѣвушки, которая теперь походила, однакожь, на мертвую; какъ отчетливо отгнѣяли эти длинные черныя рѣсницы бѣлоснѣжныя щеки, какъ поблѣднѣли эти полныя губы—и, тѣмъ не менѣе, какъ очаровательно-хороша была вся ея фигура!

Но онъ не долженъ былъ поддаваться этому обаянію. Опять обожчилъ онъ въ стоявшемъ тутъ тазу тряпки, которыя онъ владъ ей на лобъ. Въ эту минуту дверь растворилась и въ комнату воѣжалъ запыхавшійся Росвейнъ.

— Она умерла? были единственныя слова, которыя онъ могъ произнести.

И онъ бросился къ кровати почти съ лихорадочной поспѣшностью. Такимъ еще никогда не видалъ его Гельдорнъ.

— Нѣтъ, возразилъ докторъ, — она еще дышетъ; но не слѣдуетъ терять ни одной минуты:

Между тѣмъ Росвейнъ съ какою-то лихорадочной торопливостью разобралъ свои перевязки и, засучивъ рукавъ, готовъ былъ уже приставить ланцетъ, но руки у него затряслись и пальцы отказались повиноваться. Онъ взглянулъ на доктора.

— Гельдорнъ, сказалъ онъ, —сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ

двѣ хорошія, сильныя пощечины... ну-же, серьезно прошу васъ, хватите-ка отъ души.

— Что это съ вами, Росвейнъ? сказалъ съ удивленіемъ Гельдорнъ.

— Двѣ здоровыя пощечины, говорю вамъ, и больше ничего; одну въ правую, другую въ лѣвую щеку; я дрожу, какъ школьникъ. Быть можетъ, это оттого, что я бѣжалъ, но я этого не думаю.

Въ эту минуту возвратилась старуха, неся одеколонъ. Гельдорнъ схватилъ его быстро, налилъ себѣ немного на руку, смочилъ Еленѣ виски и натеръ ей подъ носомъ. Росвейнъ также налилъ себѣ нѣсколько капель на платокъ и сталъ сильно нюхать; потомъ совершенно спокойно подошелъ къ постели, отыскалъ искусною и твердою рукою жилу и, минуто спустя, закричалъ:

— Слава-богу, она жива! сюда тазъ, мистрисъ Гамильтонъ, живѣй! вотъ такъ, теперь она скоро раскроетъ глаза.

— Но теперь скажите мнѣ одно, Росвейнъ... началъ Гельдорнъ.

— Тсъ! остановилъ его цирюльникъ,—теперь безъ вопросовъ: бѣдный ребенокъ и безъ того достаточно перепугается, когда придетъ въ себя и увидитъ насъ вокругъ себя въ хлопотахъ. Кровь течетъ превосходно... Вотъ она уже шевелится... Подержите-ка руку, Гельдорнъ, только по-осторожнѣе. Смотрите, она уже подергиваетъ рѣсницами.

Онъ вдругъ замолкъ. Елена открыла большіе темные глаза и пристально, съ удивленіемъ, посмотрѣла на склонившіяся надъ нею лица; затѣмъ обвела взоромъ незнакомую для нея комнату. Ясно было, что она не знала, гдѣ находилась, и старалась, прежде чѣмъ спросить, собраться съ мыслями. Но она узнала Гельдорна и Росвейна... Что это съ нею случилось?

Негритянка тоже подошла къ ея постели и съ состраданіемъ смотрѣла на нее. Но она не могла подавить въ себѣ крика радости, когда замѣтила, что жизнь возвращается къ дѣвущкѣ.

— Да будетъ вѣчная слава и благодареніе Богу! вскричала она,—бѣдное дитя приходитъ въ себя и можетъ теперь засвидѣтельствовать, что я ей ничего не сдѣлала худого.

— Докторъ Гельдорнъ, сказала Елена тихо, — г. Рос-

вейнъ, какъ я попала сюда? Что это за домъ? Зачѣмъ вы держите мою руку?

— Мы вамъ пустили кровь, сказалъ съ участіемъ Гельдорнъ. — Съ вами случился тяжкій обморокъ, какъ-разъ передъ самымъ этимъ домомъ; сюда снесъ васъ одинъ изъ нашихъ друзей, случайно подоспѣвшій къ вамъ на помощь. Здѣсь вы у хорошихъ, честныхъ людей.

Молодая дѣвушка закрыла опять глаза, отчасти отъ утомленія, отчасти, быть можетъ, для того только, чтобы собраться съ чувствами. Что-жъ это съ ней случилось? какъ она зашла сюда? Но память возвращалась. Ея лѣвую руку все еще держа лъ Росвейнъ, занятый накладываніемъ бинтовъ; правую она прижала къ лицу, и не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ сквозь тонкіе пальцы заструились горячія слезы.

— Дорогая моя фрейленъ! нѣжно сказалъ Гельдорнъ, — не волнуйтесь пока, дайте крови придти въ спокойное состояніе. Вы находитесь среди друзей и каждое ваше желаніе будетъ исполнено. Какъ только вы немного отдохнете, мы оба проводимъ васъ до вашего отцовскаго жилища, и тамъ, конечно, вы встрѣтите всѣ попеченія, въ которыхъ имѣете нужду.

— Я не вернусь никогда въ домъ моего отца, сказала Елена тихимъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ, — никогда... скорѣе пойду просить милостыню, чѣмъ себя...

Она замолчала, но лицо ея опять покрылось краскою, правая рука сжалась и тонкія губы крѣпко сдвинулись.

Гельдорнъ посмотрѣлъ вопросительно на Росвейна, онъ далъ ему знакъ молчать. Окончивъ свою перевязку, онъ сталъ убирать свои инструменты и только тогда сказалъ:

— Милый Гельдорнъ, смѣю-ли я просить васъ побыть еще нѣсколько времени съ фрейленъ; я схожу домой и приготовлю кое-что... я возвращусь черезъ четверть часа и посмотрю, какъ идетъ выздоровленіе... кстати, принесу и хересу, такъ-какъ паціентка нуждается въ подкрѣпленіи.

Онъ быстро вышелъ изъ дома и направился къ себѣ домой, оставивъ Гельдорна въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, такъ-какъ докторъ недоумѣвалъ, что ему одному здѣсь дѣлать. Онъ почувствовалъ себя нехорошо; кромѣ того, у него были и другіе паціенты, а потому, обѣщая скоро опять зайти и навѣстить больную, онъ

обратился къ старой негритянкѣ съ просьбой оказать ей на короткое время гостепріимство, и затѣмъ самъ покинулъ домъ, чтобы отыскать Кельмана и переговорить съ нимъ.

Никогда еще не видѣли Росвейна въ такомъ сильномъ волненіи, какъ сегодня; казалось, онъ совсѣмъ не думалъ о своей цирюльнѣ. Послѣдно проходя мимо, онъ не обратилъ вниманія на то, что Гюклеръ уже убралъ свой скелетъ и могъ теперь, съ своей стороны, требовать того-же и отъ своего сосѣда. Но былоли у него время размышлять о своей вывѣскѣ; теперь онъ только и думалъ, какъ-бы попасть скорѣе въ погребъ Эдры Людвинса и достать тамъ бутылку лучшаго хересу. Затѣмъ онъ сталъ вездѣ разспрашивать о Кельманѣ и до тѣхъ поръ искалъ своего пріятеля, пока, наконецъ, не нашелъ его пріютившимся за стаканомъ пива въ трактирѣ у Мейера.

— Кельманъ! закричалъ онъ, какъ только увидѣлъ его, — я слѣдовалъ, какъ индѣецъ, по вашимъ пятамъ, пока не нашелъ васъ.

— Но, добрѣйшій другъ, сказалъ Кельманъ, — это самое подходящее мѣсто; я и устроился здѣсь для того только, чтобы поджидать васъ, такъ-какъ я зналъ навѣрное, что вамъ захочется выпить.

— Вы меня поджидали?

— Да, но для чего вы меня искали?

— Кельманъ, сказалъ Росвейнъ, поставивъ на столъ бутылку съ хересомъ, которую онъ все еще держалъ въ рукахъ и, взявъ за руку маленькаго человѣка: — хотите оказать мнѣ дружескую услугу?

— Охотно; что такое?

— Вы видѣли или, по крайней мѣрѣ, знаете, какой хаосъ царствуетъ въ семействѣ Пасседова.

— Милый Росвейнъ, засмѣялся Кельманъ, — васъ изумляетъ это, меня-же — нисколько: я давно уже знакомъ съ этой барыней и знаю, какой въ ней чортъ сидитъ.

— Такъ вы знакомы съ этимъ кускомъ сала?

— Безъ сомнѣнія, но только не въ нынѣшнемъ его видѣ, — но что-же это значитъ?

— Прекрасно, тогда вы легко поймете, какая страшная участь

постигла бѣднаго ребенка, когда судьба наградила его подобною мачихой... вы можете себя вообразить на ея мѣстѣ...

— Не могу, сказалъ, засмѣявшись, Кельманъ,—и благодарю Бога, что не могу.

— Да вы просто безъ сердца, сказалъ Росвейнъ угрюмо.

— Вы сначала скажите мнѣ, чего вы отъ меня хотите, да-сково возразилъ Кельманъ,—потомъ ужъ будетъ рѣчь и объ остальномъ.

Росвейнъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—въ такомъ случаѣ мнѣ приходится обратиться къ другому за помощью. Тутъ рядомъ, у Петерса, есть маленькая телѣжка; онъ мнѣ охотно одолжитъ ее за деньги и доброе слово.

-- А на что она вамъ нужна?

— Самому отправиться къ Доннеру и поговорить съ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ очень жаль, сказалъ Кельманъ сухо;—эту телѣжку я самъ уже взялъ на прокатъ.

— Вы? спросилъ Росвейнъ и съ удивленіемъ взглянулъ на него;—для чего?

— Чтобы взять съ собою къ моей женѣ молодую дѣвушку—Елена, кажется, ея имя.

Росвейнъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Вы хотите Елену взять съ собою на ферму Доннера?

— Конечно, такъ, кивнулъ головою Кельманъ; — ииѣте вы что-нибудь противъ этого?

-- Кельманъ, милый! вскричалъ Росвейнъ,—вы просто ангелъ!

И, подскочивъ къ маленькому человѣку, прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, онъ схватилъ его за голову и крѣпко расцѣловалъ.

— Росвейнъ, чортъ васъ побери! кричалъ Кельманъ, стараясь высвободиться изъ бурныхъ объятій.

— Вы настоящій Яковъ, Кельманъ, настоящее золото, — человѣкъ, у котораго сердце на мѣстѣ! вскричалъ Росвейнъ, бросился къ своей бутылкѣ и, отыскавъ въ карманѣ штопоръ, откупорилъ ее почти съ лихорадочною торопливостью. — Мейеръ, два стакана!

— Какъ, г. Росвейнъ, вы приносите свое вино въ трактиръ? Такъ у насъ не водится.

— Молчите, Мейеръ, принесите сюда два стакана. Вещество,

которое вы продаете здѣсь подъ именемъ хереса, годится развѣ только для украшенія подлаго балагана доктора Гюклера. Отъ него просто сгорить горло, а если его налить на спину старой коровы, то она будетъ цѣлый день мычать отъ боли. Три стакана сюда,—за тѣмъ все еще довольно останется для подерѣпле-нія... Но гдѣ-же телѣжка, Кельманъ?

— Ее уже закладываютъ и она подѣдетъ прямо сюда.

— Кельманъ, вы, ей-богу, добрый человѣкъ, сказалъ растро-ганный Росвейнъ.—Сюда, Мейеръ, чокнемся; вы, правда, не за-служиваете быть третьимъ въ этомъ союзѣ, но вы доставили ста-каны—ужь такъ и быть. Сюда, Мейеръ; да здравствуетъ нашъ другъ Яковъ Кельманъ! Ура!

Мейеръ сдѣлалъ нѣсколько глупую рожу, такъ-какъ ему было не вдомекъ, [что] все это значило, но хересь, дѣйствительно, оказался превосходнымъ и онъ выпилъ свой стаканъ съ совер-шенно довольнымъ видомъ.

Въ это время загремѣла телѣжка, подѣхавшая къ дверямъ трактира.

— Вотъ вамъ, Мейеръ, деньги! крикнулъ ему Росвейнъ, бро-сивъ полъ-доллара на столъ; при этомъ онъ схватилъ еще до по-ловины полную бутылку—и нѣсколько минутъ спустя онъ и Кель-манъ ѣхали уже по дорогѣ въ кузницу.

— А вы поѣдете съ нами, Росвейнъ? спросилъ Кельманъ, ко-гда телѣжка остановилась у кузницы.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Росвейнъ, качая головой; — если съ ней случится еще что-нибудь или развяжется повязка, то Доннеръ не хуже меня съумѣетъ сдѣлать, что нужно... Мнѣ, кромѣ того, нельзя теперь отлучиться отсюда, но черезъ... черезъ нѣсколько дней я навѣщу васъ; а затѣмъ закрою свою лавку и на звонокѣ повѣшу кисточку и бритву — пусть эти пентюхи сами скоблятъ себѣ бороды. Вообще, я намѣренъ теперь бросить свое занятіе и предпринять нѣчто другое.

— Вы? Что-же такое?

— Открыть химическій заводъ; я уже согласился на постройку его на моей землѣ, за городомъ.

— А знаете-ли вы, что ваша торговля пойдетъ блистательно?

— Это мы посмотримъ... но вотъ мы и пріѣхали... А, ей-богу, это идетъ почтеннѣйшій Пасседовъ—видно, почуялъ.

— Лишь-бы онъ не сдѣлалъ намъ сцены на фермѣ, сказала Кельманъ,—теперь моя жена не въ состояніи переносить шума.

— Мы покончимъ съ нимъ это дѣло здѣсь, шепнулъ ему Росвейнъ.—Онъ идетъ прямо на насъ; должно быть, особенно побудительная причина заставляетъ его поступать такъ, потому что онъ всегда, если только можетъ, избѣгаетъ встрѣчи со мною.

Но тоже сдѣлалъ онъ и въ этотъ разъ. Росвейнъ ожидалъ его на дворѣ, думая, что онъ желаетъ говорить съ нимъ, но онъ, казалось, вовсе не имѣлъ этого намѣренія; не останавливаясь ни на минуту, онъ взглянулъ вверхъ, на вывѣску Гамильтона, и въ одинъ мигъ проскользнулъ въ узкій проходъ, который, минуя кузницу, велъ къ жилищу кузнеца. На дорогѣ онъ услышалъ, что какая-то молодая дѣвушка упала на улицѣ въ обморокъ и была перенесена въ кузницу. Не Елена-ли это? подумалъ онъ.

Росвейнъ и Кельманъ послѣдовали за нимъ въ ту-же минуту. Росвейнъ, не безъ основанія опасавшійся непріятной сцены, отправился впередъ и пришелъ какъ-разъ во-время, чтобы быть свидѣтелемъ первой встрѣчи.

Елена превозмогла свою слабость. Она поднялась и теперь сидѣла на краю постели, съ рукою въ повязкѣ, между тѣмъ какъ добрая старая негрятянка старалась, на сколько было возможно, привести въ порядокъ ея растрепавшіеся, роскошные волосы.

— Елена! вскричалъ старый Пасседовъ, какъ только онъ ступилъ на порогъ и увидѣлъ больную,—бога-ради, что съ тобою, что случилось? зачѣмъ ты ушла изъ дома?

Росвейнъ опасался, что больная отъ этой встрѣчи опять придетъ въ страшное волненіе, но онъ ошибся. Быть можетъ, она и сдѣлалась нѣсколько блѣднѣе, когда увидѣла своего отца, но ни одинъ мускулъ не пошевелился на ея лицѣ. Съ ледяною холодностію смотрѣла она на него и только выраженіе горечи мелькнуло на ея губахъ, когда она сказала:

— Зачѣмъ?—на этотъ вопросъ, г. Пасседовъ, вы сами должны отвѣтить; что можетъ вынести человѣкъ—я выносила много-много лѣтъ; болѣе я не могу. При воспоминаніи о всѣхъ тѣхъ ужасахъ, мною овладѣла слабость; она меня сокрушила... Добрые люди доставили меня сюда къ этой хорошей женщинѣ. Мое волненіе и слабость скоро пройдутъ, я отдохну и примусь за дѣло.

Я молода, имѣю силы и научилась работать; въ широкомъ мірѣ я съумѣю заработать сама себѣ кусокъ хлѣба.

Прежде, чѣмъ Пасседовъ могъ что-нибудь возразить, Росвейнъ былъ уже тутъ. Старикъ со злости сталъ кусать нижнюю губу. Но дѣла нельзя было поправить; во всякомъ случаѣ, ненавистный „цирюльникъ“ зналъ все; одно только оставалось—игнорировать его.

— Но, Елена, вскричалъ старикъ Пасседовъ, не удостоивая ни однимъ взглядомъ вошедшихъ въ комнату Росвейна и Кельмана, — что ты дѣлаешь? ты повергаешь насъ всѣхъ въ безпокойство и хлопоты, потому что у тебя засѣла въ головѣ какая-то идея, на которой ты помѣшалась. Пойдемъ, вставай, я проведу тебя, разстояніе не велико; а если ты такъ слаба, что идти не можешь, я возьму для тебя карету. Что это ты сдѣлала съ своей рукой?

— Я пустилъ кровь вашей дочери, сказалъ Росвейнъ спокойно; — мы опасались самого дурного исхода, такъ-какъ нѣкоторое время она лежала, какъ мертвая.

— А теперь ты чувствуешь себя сильнѣе, Елена? спросилъ Пасседовъ, не отвѣчая цирюльнику, — ты въ состояніи идти со мною?

Глаза молодой дѣвушки засверкали гнѣвомъ и волненіемъ.

— Съ вами ни одного шага далѣе въ этой жизни, вскричала она;—даже если-бы мнѣ пришлось просить милостыню подъ окнами у чужихъ людей.

— Въ такомъ случаѣ я буду вынужденъ употребить силу, сказалъ раздраженный старикъ;—ты не смѣешь противиться моей власти.

— Я не смѣю? улыбнулась теперь съ ледяною холодностію молодая дѣвушка, —а какое право вы имѣете на меня, милостивый государь, смѣю васъ спросить? Развѣ потому, что вы обольстили мою мать обманомъ и ложью и она отдала вамъ свою руку у алтаря? И доискиваться-ли мнѣ, какъ и отчего она умерла, когда та женщина, которую вы теперь взяли себѣ въ жены, впервые вступила въ нашъ домъ? Я требую и могу требовать, чтобы вы мнѣ выплатили тотъ небольшой капиталъ, который вамъ принесла моя мать... Сама я принимаю отнынѣ опять свое настоящее имя—Елена Бергеръ. Далѣе мнѣ нечего дѣлать ни съ вами, ни

съ тою женщиною, въ которой теперь вы нашли себѣ наказаніе, а въ дальнѣйшей моей жизни Богъ будетъ мнѣ помощью.

— Елена! сказалъ Пасседовъ, и на его лицѣ можно было прочесть, какихъ усилій ему стоило оставаться спокойнымъ,—я требую отъ тебя возвратиться въ твой отцовскій домъ. Ты больна и къ тому-же здѣсь вовсе не мѣсто говорить намъ о семейномъ дѣлѣ.

Елена покачала медленно головой.

— Нѣтъ! сказала она,—никогда болѣе въ жизни не ступитъ нога моя на порогъ, который эта женщина называетъ своимъ. Что изъ меня будетъ—я не знаю; но я найду добрыхъ людей, которые окажутъ мнѣ гостепримство,—по крайней мѣрѣ, на то время, пока я не буду сама въ состояніи опять шевелить своею рукою и зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. На первыхъ порахъ я также обезпечена маленькимъ состояніемъ моей покойной матери, и вы не смѣете отказать мнѣ въ немъ.

— Елена! гнѣвно крикнулъ Пасседовъ, быстро поднимаясь съ своего мѣста.

— Пожалуйста, г. Пасседовъ, вмѣшался Росвейнъ, который все время стоялъ въ сторонѣ, оставаясь молчаливымъ, хотя внимательнымъ слушателемъ, и теперь быстро сталъ между нимъ и молодою дѣвушкою;—вы теперь знаете желаніе фрейленъ и вамъ ничего болѣе не остается, какъ удовлетворить ея справедливому требованію. Впрочемъ, если она приметъ дружеское предложеніе г. Кельмана и его семейства, ей придется сначала отправиться съ нимъ на любенштейнскую ферму, чтобы тамъ совсѣмъ оправиться отъ своей болѣзни. Остальное разъяснится впоследствии.

— А вамъ какое дѣло мѣшаться? крикнулъ Пасседовъ, бросая презрительный взглядъ на человѣка, котораго ненавидѣлъ отъ всей души; но подобною выходкою нельзя было смутить Росвейна.

— Это, конечно, должна рѣшить сама дѣвица, сказалъ онъ,—которая, какъ я слышу, не носитъ даже вашего имени.

— Милая фрейленъ, заговорилъ тогда Кельманъ, подходя къ Еленѣ; тутъ онъ взялъ ея правую руку и положилъ въ свою;—мой домъ всегда къ вашимъ услугамъ; вы можете распорядиться въ немъ, какъ въ своемъ собственномъ; будьте твердо увѣрены, что моя жена и мои родственники примутъ васъ у себя на фермѣ

съ распростертыми объятіями. Вы для насъ такой-же желанный гость, какъ цвѣты въ маѣ.

— Ахъ, если-бы я когда-нибудь была въ состояніи достойно отблагодарить васъ за ваше ко мнѣ участіе! вскричала Елена.

— Объ этомъ вы не безпокойтесь, сударыня, возразилъ Росвейнъ смѣясь;—вы скоро сами увидите, какъ хорошо и счастливо вамъ будетъ житься, среди добрыхъ людей. А г. Пасседовъ можетъ и одинъ, сколько душѣ угодно, позволять своей вѣдьмѣ ѣздить на немъ верхомъ.

Пасседовъ такъ крѣпко стиснулъ зубами свою нижнюю губу, что край ея весь побѣлѣлъ; но онъ также чувствовалъ, что здѣсь онъ не могъ болѣе ничего сдѣлать; быть можетъ, даже боялся, что Елена, оказавшаяся въ этотъ часъ такою къ нему непочтительною, зайдетъ, чего добраго, еще дальше въ своихъ жалобахъ и тогда Росвейнъ будетъ для него самымъ роковымъ свидѣтелемъ. Разрывъ, который онъ, впрочемъ, давно уже предвидѣлъ, совершился, и теперь оставалось только изыскать средство и способъ залечить его. Одно только затрудненіе было теперь—это добровольно убраться отсюда, потому что онъ не могъ да и не хотѣлъ дать ей свое дозволеніе покинуть его домъ такимъ образомъ.

— Итакъ, ты отказываешься повиноваться мнѣ, неповорная дочь?.. Это награда за все, что я до сихъ поръ для тебя сдѣлалъ?

— Одинъ Богъ знаетъ, сказала Елена серьезно,—какую тяжкую работу должна я была нести за все, что вы для меня сдѣлали, но все это я перенесла-бы охотно и безъ ропота, только не этотъ поворъ!

— Хорошо, такъ я тебѣ покажу! закричалъ Пасседовъ и послѣдними шагами вышелъ изъ дома.

Все это время Росвейнъ, погрузившись въ размышленія, держалъ въ рукахъ бутылку съ оставшимся хересомъ; теперь онъ о ней вспомнилъ. Елена должна была выпить крошечную рюмку, но очень мало — едва съ столовую ложку. Потому Росвейнъ и Кельманъ провели ее къ телѣжкѣ и помогли ей сѣсть; скоро застучала маленькая телѣжка и покатила по довольно хорошей и гладкой дорогѣ къ любенштейнской фермѣ.

Но Росвейнъ вернулся въ домъ бѣдной негритянки: отъ него

не укрылась ея горькая нужда. У него было доброе сердце, но сегодня онъ находился особенно въ возбужденномъ состояніи. Онъ безмолвно потиралъ себѣ руки, тихо бормоталъ сквозь зубы пріятныя слова и при этомъ глаза его начинали свѣтиться, словно онъ испыталъ самыя пріятныя ощущенія въ мірѣ... и все-таки сегодня онъ еще не освободился отъ волненія. Радовался-ли онъ, что Пасседову опять пришлось убраться безъ всякаго успѣха? Но теперь толстая баба торжествовала, что ей удалось вытолкнуть бѣдное дитя на улицу и въ кругъ чужихъ людей — и эта мысль была каплей горечи въ чашѣ радостей Росвейна.

Сара, негрятянка, сидѣла на краю еще неоправленной постели, на которой лежала передъ тѣмъ прекрасная молодая дѣвушка; она сидѣла согнувшись, положивъ оба локтя на колѣни; она тихо и молча устала свои глаза въ землю и даже не примѣтила, какъ бѣлый вошелъ опять въ комнату и остановился передъ нею, смотря на нее съ состраданіемъ.

— Мистрисъ Гамильтонъ, началъ, наконецъ, Росвейнъ послѣ короткой паузы, — мы надѣлали вамъ много хлопотъ и должны особенно благодарить васъ за ласковый пріемъ, который вы у себя оказали бѣдному, больному существу.

Сара не отвѣчала, но глубоко вздохнула, качаясь медленно назадъ и впередъ.

— До этого у меня не было времени, продолжалъ Росвейнъ, — поразспросить васъ о вашемъ мужѣ и о васъ самихъ. Послѣ того не было о немъ никакихъ слуховъ?

Бѣдная женщина покачала головою.

— Нѣтъ, сказала она, — и теперь все кончено, теперь онъ уже не воротится домой, не воротятся и дѣти, — теперь они меня оставили круглой сиротой. Свободна я, конечно, и могу лечь и умереть, гдѣ хочу, но виѣстѣ съ тѣмъ какъ жалка и несчастна вся моя жизнь!

— Но вы нехорошо дѣлаете, мистрисъ Гамильтонъ, что мучаете себя такими печальными мыслями. Все еще, можетъ быть, хорошо, гораздо лучше, чѣмъ вы теперь думаете. Кто-же знаетъ, что задержало въ дорогѣ вашего мужа?

— Я знаю это, вскричала женщина, рѣзко кивая головою, — я знаю это: поймали они его опять, эти бѣлые массы, и кто мо-

жетъ сказать, на какой плантаціи онъ теперь копаеть и роетъ и какая плеть сбъчетъ до крови его бѣдную спину!..

— Но это чистѣйшая глупость! вскричалъ Росвейнъ запальчиво:—рабство уничтожено въ цѣломъ союзѣ; ни одинъ бѣлый не смѣетъ уже неволить чернаго къ работѣ или поднимать на него свою руку. Цвѣтные люди имѣютъ передъ закономъ тѣ-же самыя права, что и мы, и если только онъ отыскалъ своихъ дѣтей, никто его не смѣетъ удерживать или препятствовать ему перѣѣхать съ ними сюда, на Сѣверъ.

— Вы говорите такъ, — (Сара медленно закивала головою,) — а быть можетъ, и думаете такъ потому, что вы еще незнакомы съ Югомъ, но я знаю его лучше. Укажите мнѣ тамъ людей, — это черти и вмѣсто сердца у нихъ въ груди камень.

Росвейнъ видѣлъ очень хорошо, что словами онъ не убѣдитъ ее, а потому, наливъ ей рюмку хереса, сказалъ добродушно:

— Вотъ вамъ, матушка, выпейте-ка разомъ, это прильетъ вамъ тепла въ жилы и перемѣнитъ настроеніе духа... а... свѣтныхъ-то припасовъ тутъ у васъ, кажется, тоже скудно... да и все-то теперь стало такъ дорого.

— Богъ вѣдаетъ, вздохнула женщина;—мой старшій Сипъ оставилъ мнѣ немного денегъ, чтобы я не терпѣла нужды, и Богу извѣстно, какъ я ими распорядилась; я также хотѣла работать и брала стирку, но скоро я заболѣла—тоска, надежда и страхъ стали не подъ силу моимъ старымъ востямъ. Я должна была слечь въ постель, и если-бы не миссусъ Бенкрофтъ, жена столяра, что живетъ напротивъ, то я могла-бы умереть съ голоду и ни одинъ человѣкъ не вспомнилъ-бы обо мнѣ.

— Ко мнѣ-бы только послали, сказалъ Росвейнъ добродушно.

— Къ одному нѣмецкому доктору я послала, со вздохомъ сказала женщина,—и онъ разъ былъ здѣсь, но такъ-какъ онъ увидѣлъ, что я ничего не могу заплатить ему, онъ уже не пріѣзжалъ болѣе и даже не прислалъ мнѣ лекарства.

— Кто? Гельдорнъ? вскричалъ Росвейнъ, вскочивъ съ своего мѣста.

Женщина покачала головой.

— Нѣтъ, не такъ звали его.

— Гюклеръ? спросилъ Росвейнъ.

— Да, его имя Гюклеръ.

— Ахъ, ты негодяй, негодяй! сѣялся про себя Росвейнъ; — но подожди только, я тебѣ припасу одну хорошенькую штучку; нужно-жь тебѣ за это отплатить. Итакъ, онъ уже не прѣзжалъ болѣе?

— Нѣтъ, сказала бѣдная женщина, — но милосердый Богъ помогъ мнѣ и безъ него, и я стала опять здорова, но какіе ужасно длинныя дни и ночи провела я въ полуснѣ въ постели и какъ страшно меня мучили мысли и заботы, — о, даже моему старому массѣ не пожелала-бы я того!

— Такъ-то, милая мистрисъ Гамильтонъ, сказалъ быстро Росвейнъ и, какъ-бы думая о чемъ-нибудь другомъ, засунулъ руку въ карманъ жилета и вынулъ оттуда два бумажныхъ доллара, такъ-называемые greenbacks. — Однакожь, намъ должно позаботиться, чтобы этого болѣе не повторялось съ вами, и если когда-нибудь вы опять заболѣете, то пришлите только ко мнѣ и я постараюсь, чтобы васъ навѣщалъ г. Гельдорнъ, тотъ самый, что принесъ вамъ первое извѣстіе о вашихъ дѣтяхъ, и онъ ничего не будетъ брать съ васъ. А пока вотъ вамъ два гринбека за ваши труды. Вамъ придется хорошенько подмыть свою комнату — смотрите, полъ во многихъ мѣстахъ испачканъ кровью — (онъ уронилъ свой платокъ, поднялъ его и посмотрѣлъ на появившіяся на немъ пятна) — купите себѣ также съѣстныхъ припасовъ, а я на этихъ дняхъ опять зайду къ вамъ узнать, какъ ваши дѣла.

Онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, прежде, чѣмъ негритянка, которая со слезами на глазахъ хотѣла схватить его руку, могла выразить ему свою благодарность. Но онъ еще не успѣлъ дойти до своего дома, какъ уже Гюелеръ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу.

— Г. Росвейнъ, закричалъ онъ ему еще издалека, — давши слово, держись! Помните, что вы мнѣ обѣщали сегодня утромъ? Я исполнилъ поставленное мнѣ условіе, какъ оно ни дорого стоило мнѣ; теперь я ожидаю отъ васъ, чтобы и вы...

— Милѣйшій мой г. докторъ, сказалъ Росвейнъ, — давши слово, держись — это понимается само собою; но сегодня ужъ поздно, это вы сейчасъ увидите. Я усталъ, какъ песь, у меня сильно дрожать колѣни, и если я теперь полѣзу на провѣтную лѣстницу и упаду внизъ, то могу легко сломать себѣ шею, что вамъ, конечно, было-бы безконечно жалко, не такъ-ли?

— Но завтра по утру непременно? стоялъ на своемъ докторъ, избѣгая прямого отвѣта на послѣдній вопросъ.

— Съ разсвѣтомъ. На это вы можете твердо положиться; да кромѣ того, должны-жь мы полюбоваться, наконецъ, эффектомъ скелета при полномъ лунномъ освѣщеніи,—навѣрное онъ будетъ удивителенъ. Сегодня у насъ какъ-разъ полнолуніе, а мой домъ обращенъ къ юго-востоку; скелеть долженъ выглядѣть настоящимъ духомъ... Кстати я хотѣлъ спросить васъ: какъ поживаетъ та старая, больная негрятанка, которую вы какъ-то разъ навѣстили? Жена кузнеца—вы знаете ее, разумѣется.

— Гмъ, я думаю, ей лучше, сказалъ докторъ Гюклеръ, немного смутившись;—отъ этого народа просто нѣтъ отбоя; почти не остается времени для собственныхъ дѣлъ, и, кромѣ того, еще и лечи ихъ даромъ, и плати за ихъ лекарства. Чортъ съ нимъ и съ званіемъ доктора! Итакъ, до завтрашняго утра, г. Росвейнъ; я полагаюсь на ваше обѣщаніе.

— Да, да, конечно, кивнулъ ему дружески головою Росвейнъ;—вы сами увидите, какъ быстро превратится скелеть въ человѣка пріятной наружности.

И съ этими словами онъ поспѣшилъ къ себѣ домой.

V.

СВИДАНІЕ.

Росвейнъ былъ правъ. Когда наступила ночь и луна озарила блѣдныя стѣны домовъ, скелеть отчетливо обрисовался на темномъ фонѣ вывѣски; а когда фонъ исчезалъ — скелеть, гигантскій и страшный, казалось, стоялъ, какъ живой. На улицѣ стали собираться народъ и пугливо глазѣлъ на скелеть. Всѣ противоположные дома стояли съ опущенными сторонами: ихъ жители предпочитали лучше отказаться отъ созерцанія чуднаго вечера, чѣмъ видѣть изъ оконъ этотъ ужасный, подобный привидѣнію, скелеть. Прошелъ слухъ, что Росвейнъ далъ обѣщаніе на слѣдующее утро перерисовать скелеть, но все-таки цѣлую ночь приходилось старательно укрываться отъ этого пугала.

Въ Доннерсвилѣ ложились спозаранку. У Эдры Людкенса уже въ десять часовъ все было заперто и темно. У Мейера, въ нѣ-

мецкой гостиницѣ, двери запирались иногда немного позднѣе; нѣмцы всегда готовы выпить въ хорошей компаніи,—понятно, что при полученіи свѣжаго цинцинатскаго или мильвуокскаго пива развеселившееся общество не лишало себя удовольствія просидѣть за кружкой часовъ до одинадцати, но не болѣе, и съ этого времени улицы становились пустынями и мертвы.

Доннерсвилль былъ погруженъ нынче, какъ и всегда, въ тихій, безмятежный сонъ; лишь ужасный исполинскій скелетъ грозно стоялъ при лунномъ освѣщеніи, держа въ одной рукѣ бритву, вмѣсто серпа, а въ другой—цирюльничій тазъ, вмѣсто песочныхъ часовъ; онъ насмѣшливо скалилъ зубы доктору Гюклеру, глядя прямо въ его окна съ опущенными сторонами.

Только въ домѣ, гдѣ жилъ докторъ, еще свѣтился огонекъ. Наверху, въ первомъ этажѣ, за опущенными сторонами мелькала тѣнь фон-Пасседова; мрачно шагаль онъ по комнатѣ, скрестивъ руки, въ туфляхъ, халатъ и замасленной шапочкѣ на головѣ. Его дражайшая половина, Тереза фон-Пасседовъ, одѣтая въ широкую распашенку, разлеглась на софѣ.

Въ дни своей молодости и даже въ первомъ своемъ бракѣ г-жа фон-Пасседовъ была, что-называется, сухопарымъ и неуклюжимъ созданиемъ, съ рѣзкими и некрасивыми чертами лица; но съ приближеніемъ старости фигура ея, какъ это часто случается, начала все болѣе и болѣе округляться, пока, наконецъ, не расплзлась до неприличности. Туалетъ, какъ увѣряли, служилъ ей лишь для того, чтобы искусственно сглаживать и сдерживать эту необъятную массу жира; и дѣйствительно, не надѣвай она, выходя на улицу, такихъ яркихъ, бьющихъ въ глаза цвѣтовъ, она, пожалуй, была бы не такъ замѣтна; но теперь, въ капотѣ, ея безобразіе рѣзко бросалось въ глаза. Она занимала половину софы; ея широкое, красное лицо, на которомъ рѣзче всего выдавались толстыя губы съ отпечаткомъ на нихъ злости и наглости, производило далеко не пріятное впечатлѣніе.

„Молодые“ только-что сдѣлали другъ другу „спену“, въ которой, по обыкновенію, побѣдительницею осталась она, молодая. Разъ забравъ въ руки своего почтеннаго супруга, она не давала ему пикнуть.

На этотъ разъ разумные доводы не производили на нее рѣшительно никакого дѣйствія.

— Ну, сказала она, послѣ долгой паузы, — скоро-ли кончится эта прогулка? она начинает раздражать мои нервы.

— Никто не мѣшаетъ тебѣ ложиться спать, отвѣчала супругъ.

— Я это и сама знаю; но тебѣ, кажется, извѣстно, что я не могу уснуть, когда въ домѣ горитъ свѣча, а въ особенности керосиновая лампа.

— Но должна-же ты когда-нибудь къ этому привыкнуть...

— Ну, я не думаю, возразила она съ величайшимъ хладнокровіемъ. — Пасседовъ! ты знаешь, какъ далеко ты можешь зайти; но ты также хорошо знаешь, что я дѣлаю по-своему все, что захочу. Итакъ, лучше ужь не срались, — это мой искренній тебѣ совѣтъ!

— Ну, какъ я могу отказать Еленѣ въ законной части наслѣдства, если она ее потребуетъ? горячился мужъ, въ свою очередь, выведенный изъ терпѣнія. — Если она не пожелаетъ возвратиться къ намъ въ домъ, — а по американскимъ законамъ я не могу ее къ этому принудить, — поневолѣ я буду поставленъ въ необходимость выдѣлить ее.

— Интересно было-бы знать, какъ это вы сдѣлаете? протянула жена и взглянула на супруга съ презрительной улыбкой, не двигнувъ даже бровью.

— Очень просто, пасмурно возразилъ супругъ, — если продамъ домъ. Вѣдь ты уже получила отъ меня деньги.

— Конечно, нужно-жъ мнѣ на что-нибудь вести хозяйство, смѣялась жена, — но все, что ты имѣлъ или имѣешь, настолько-же мое, какъ и твое, и этой потаскушкѣ не удастся доказать, что ей принадлежитъ хоть одна копейка изъ нашего капитала... Но довольно: ни слова объ этомъ; иначе, ей-богу, я за себя не ручаюсь. Ты разъ навсегда отказался отъ своей родни, — въ противномъ случаѣ я не пошла-бы за тебя замужъ. Покажись-ка ты съ нею ко мнѣ на порогъ — увидишь, что будетъ! Ты у меня въ рукахъ, Пасседовъ; а что разъ попало ко мнѣ въ руки, того ужь я не выпущу; ты слишкомъ хорошо меня знаешь, чтобы могъ сомнѣваться въ моихъ словахъ. А теперь можешь идти спать: ужь поздно!.. — Господи, какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ! сказала она, приподнимая уголь занавѣски и въ то-же мгновеніе съ крикомъ отскакивая назадъ: ея взглядъ упалъ на ярко освѣщенный гигантскій скелетъ.

— О, какъ желала-бы я стереть съ лица земли этого него-
дя цирюльника! пусть только представится удобный случай! вскри-
чала она.

Глубокая ночь царила надъ землею. Ясень и чистъ выглядѣлъ
полный мѣсяцъ съ своей высоты. Свѣтлая, легкія облака сколь-
зили по небу, бросая свои бѣгущія тѣни на поверхность спокой-
ной земли. Вотъ начало свѣтать; на восточной сторонѣ горизонта
показалась золотистая полоса; мелкія птички защебетали.

Городъ спалъ еще мирнымъ сномъ, на улицахъ не было ни
души; нигдѣ не было видно ночныхъ сторожей и только передъ
домомъ Якова Росвейна шевелилась и двигалась какая-то тѣнь;
вотъ она придвинула лѣстницу и принялась за свою таинствен-
ную работу.

Это былъ самъ Росвейнъ; онъ перемалевывалъ скелетъ; одна-
кожь, долго у него ничего не выходило, такъ-какъ въ темнотѣ
трудно было различать цвѣта. Но взошла луна и онъ сталъ кое-
какъ справляться съ своимъ дѣломъ; онъ позаботился прежде
всего натянуть на нижнія кости пару брюкъ и сапоги. По мѣрѣ
того, какъ становилось свѣтлѣе, его работа шла успѣшнѣе и при
первыхъ солнечныхъ лучахъ на черепѣ появилась высокая, эле-
гантная шляпа.

Д-ръ Гюклеръ всталъ сегодня нѣсколько ранѣе обыкновеннаго;
онъ хотѣлъ разбудить цирюльника и напомнить ему, что пора
приниматься за работу. Радостная улыбка озарила его лицо, ко-
гда онъ нашелъ, что дверь цирюльни уже открыта, а передѣлка
скелета значительно подвинулась впередъ. Гюклеръ съ удивленіемъ
смотрѣлъ на прекрасно вычищенные сапоги и клѣтчатыя панта-
лоны (докторъ Гюклеръ носилъ точь-вточь такіе), въ которые
былъ облеченъ скелетъ. Росвейнъ обрабатывалъ теперь жилетъ и
добирался уже до пуговицъ рубашки.

— Bravo, Росвейнъ, bravo! кричалъ Гюклеръ.— Вотъ что на-
зывается сдержать слово. Чортъ побери, сэръ, если-бъ вы начали
съ полуночи, то и тогда не успѣли-бы сдѣлать больше.

— Да, мой милый докторъ, сказалъ Росвейнъ, не оборачива-
ясь, такъ-какъ онъ узналъ его по голосу,— я всегда держу свое

слово какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ дѣлѣ; но меня особенно радуетъ, что на этотъ разъ выполнение моего слова пришло къ вамъ по сердцу.

— Теперь, сказалъ докторъ, — онъ, пожалуй, еще страшнѣе, такъ-какъ эта мертвая голова въ шляпѣ и ребра, просвѣчивающія въ верхней части груди, напоминаютъ полусгнившій трупъ.

— Это вы про цилиндръ-то? усмѣхаясь, замѣтилъ Росвейнъ.

— Нѣтъ, я говорю про всю эту фигуру; впрочемъ, судя по той быстротѣ, съ какой подвигается работа, эта физиономія исчезнетъ въ какой-нибудь часъ, а моя супруга едва-ли проснется раньше этого времени.

— Вотъ мы ей и приготовимъ сюрпризъ, отъ души смѣялся Росвейнъ. — Вы увидите, она не отойдетъ отъ овна.

— Не хотите-ли вы сдѣлать меня ревнивцемъ? улыбался докторъ отъ удовольствія.

— Нѣтъ, сухо возразилъ Росвейнъ, — я этого не имѣю въ виду. Теперь не дурно-бы выпить чашку кофе... отправлюсь-ка я домой и сварю себѣ кофе... Какъ ноги разболѣлись на этой проклятой лѣстницѣ!

— Не хотите-ли выпить со мною... одну чашку, г. Росвейнъ? предупредительнымъ тономъ сказалъ докторъ; — кстати, у меня кофе уже готовъ.

Росвейнъ обернулся къ нему съ лукавой улыбкой.

— А признайтесь, докторъ, вы-бы съ радостью угостили меня стрихниномъ или синильной кислотой? смѣялся цирюльникъ, грозя ему кистью. — О, вы хитрецъ!

— Что вы, г. Росвейнъ! удивился докторъ почти съ испугомъ, такъ-какъ онъ, дѣйствительно ненавидѣлъ цирюльника отъ всей своей души и подобная мысль, можетъ быть, не разъ приходила ему въ голову, хотя онъ и далеко былъ отъ выполнения ея. Если-бъ Росвейнъ былъ у него на хлѣбахъ даже втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то и тогда онъ былъ-бы въ такой-же безопасности, какъ и у себя дома; онъ самъ сознавалъ это очень хорошо, но тѣмъ не менѣе шуточное обвиненіе, связанное прямо въ лицо, попало, что-называется, не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Хотя Росвейнъ только и добивался, чтобы напугать доктора, однакожь, онъ не принялъ любезнаго приглашенія и отправился

въ свой маленькій магазинъ, гдѣ онъ каждое утро самъ пригото-
влялъ себѣ кофе.

Сегодня онъ былъ чрезвычайно скученъ и задумчивъ; насколько онъ былъ оживленъ и веселъ, насвистывая передъ разсвѣтомъ за свою работу, настолько теперь онъ казался серьезнымъ и сосредоточеннымъ, сидя за своимъ кофейникомъ и дожидаясь, когда закипитъ вода.

— Собачья жизнь, бормоталъ онъ сквозь зубы, — настоящая собачья жизнь! Я хорошо помню еще то время, когда я слово „дѣвица“ писалъ еще черезъ „е“, но, насколько помню себя, никогда я не чувствовалъ себя такимъ покинутымъ и жалкимъ, какъ въ настоящее время... Зачѣмъ только существуетъ человѣкъ?.. И что случилось, Росвейнъ, съ мечтами твоей ранней юности? Гдѣ тотъ идеаль, который ты такъ страстно преслѣдовалъ, изучая, занимаясь, работая и днемъ, и ночью... Такое-ли существованіе ты долженъ вести? Вѣдь это просто мученіе—вести подобную жизнь! Я самъ убираю свою постель, подметаю комнату и магазинъ, я самъ долженъ сварить себѣ кофе... и получаю за это—право самому выпить этотъ кофе, сходить напротивъ за своимъ завтракомъ и пообѣдать въ трактирѣ богъ-вѣсть среди какого общества;—право работать съ ранняго утра до поздней ночи и завалиться спать до зари, когда измучаешься, какъ собака. Что-жь вознаграждаетъ меня за это? Правда, я самъ себѣ господинъ, свободный и независимый гражданинъ свободныхъ и независимыхъ штатовъ сѣверной Америки. Ну, а потомъ? А потомъ... старый осель, который съ каждымъ днемъ становится все старѣе и старѣе, и вотъ наступитъ день, когда смерть постучится ко мнѣ въ дверь... вытяну я ноги на своей одинокой постели и буду лежать до тѣхъ поръ, пока сосѣдамъ не заблагоразсудится стащить меня на кладбище. И для кого я работаю?—для перваго негодая, который послѣ моей смерти заберется въ мой домъ и загребеть все, что ему придется по вкусу. Но въ моей-ли власти измѣнить это?

Онъ такъ былъ погруженъ въ свои мысли, что не замѣчалъ, какъ нѣсколько разъ закипала вода въ кофейникѣ, пока, наконецъ, не пошла черезъ край и не залила спиртъ. Только теперь пробудился онъ отъ своего забытья и приготовилъ свой кофе... Снова въ его воображеніи потянулся цѣлый рядъ картинъ; но эти

картины были другого свойства, такъ-какъ онъ по временамъ улыбался, что совершенно противорѣчило его прежнему настроенію. При этомъ онъ пускалъ кольца дыма, потягивая изъ своей коротенькой трубки, и, казалось, совершенно позабылъ о прежнихъ мрачныхъ картинахъ.

Вокругъ царствовала прежняя тишина и спокойствіе, — былъ воскресный день: мальчики не слѣшили въ школу, а торговцы — въ городъ. Двое какихъ-то господъ, желавшіе побриться, вывели его изъ раздумья; но онъ не обнаруживалъ своей обычной предупредительности, такъ-какъ первое время онъ даже хорошенько не понималъ, чего они требовали отъ него. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя, оправился, побрилъ ихъ и снова хотѣлъ приняться за свои прежнія грезы, какъ ему помѣшалъ Гюклеръ.

— Ну, Росвейнъ, что-жъ это? кричалъ онъ ему съ улицы; — вѣдь мы не можемъ поднять сторы, пока вы не окончите ваше произведеніе или не затрете, по крайней мѣрѣ, мертвыхъ костей, — моя жена ждетъ этого съ нетерпѣніемъ.

— Этому горю легко помочь, отвѣтилъ Росвейнъ съ отѣнкомъ прежняго юмора; — вы сейчасъ увидите, докторъ, какъ мы принарядимъ этого „красавчика“; мнѣ самому любопытно взглянуть, чѣмъ это кончится.

И, не мѣшая болѣе, онъ вынулъ послѣдній глотокъ кофе и бодро принялся за работу.

Гюклеръ стоялъ у своихъ дверей и, самодовольно улыбаясь, поглядывалъ на работу; онъ былъ, по обыкновенію, въ полномъ туалетѣ съ раннаго утра (какъ онъ выражался, „чисто по-американски“) и, казалось, пожиралъ глазами вывѣску, въ ожиданіи ея окончанія. Какъ бывшій цирюльникъ, онъ самъ интересовался ею, хотя, конечно, не давалъ этого замѣтить. Какъ гусеница превращается въ великолѣпную пестроцвѣтную бабочку, такъ и онъ изъ простаго цирюльника сдѣлался въ Америкѣ мотылькомъ-докторомъ, порхавшимъ весело и гордо по всѣмъ цвѣткамъ.

Росвейнъ обрабатывалъ уже голубой фракъ, который теперь все болѣе и болѣе подходилъ къ оригиналу; нарисовавъ чрезвычайно пестрый жилетъ, для котораго ему пришлось сочетать всевозможныя краски изъ различныхъ горшечковъ, онъ принялся теперь за связку разнообразныхъ брелочковъ, подвѣшенныхъ къ густой золотой цѣпочкѣ.

Гюклеръ начиналъ волноваться: украдкой бросивъ взглядъ на вывѣску, онъ увидѣлъ, что Росвейнъ рисуетъ его портретъ: его двойникъ имѣлъ точь-вточь такіе-же штаны и жилетъ, какъ и онъ самъ... вотъ появился свѣтло-голубой галстукъ; изъ-за него выглядывали кончики высокаго туго накрахмаленнаго воротничка, сдѣланные двумя ударами кисти; а мертвая голова все еще скалила зубы... Теперь она все болѣе и болѣе начинала исчезать подъ густымъ слоемъ красокъ... Вотъ показались бакенбарды, обрисовался носъ; голубые, водянистые глаза обнаружили признаки жизни; свѣтлые, искусно завитые волосы уже видѣлись изъ-подъ шляпы... Словомъ, наверху стоялъ, какъ живой, докторъ Гюклеръ, съ бритвой въ правой рукѣ и съ цирюльничьимъ тазомъ въ лѣвой. И хотя это была лишь грубая, декоративная живопись, смѣло набросанная размашистою кистью, но художникъ тѣмъ вѣрнѣе могъ рассчитывать на эффектъ, которій долженъ былъ произвести рисунокъ на улицахъ зѣвакъ.

Гюклеръ исчезъ въ свой магазинъ, бросивъ молніеносный взглядъ на цирюльника. Проходившіе мимо богомольцы, забывъ свое благоговѣйное настроеніе, останавливались и, розиня ротъ, глядѣли на произведеніе искусства; даже самъ пасторъ Бессеръ, идя въ церковь, не могъ не остановиться отъ изумленія и даже перешелъ на другую сторону улицы: съ недоумѣніемъ посматривалъ онъ то на вывѣску, то на домъ доктора Гюклера.

— Эй, эй, г. Росвейнъ! сказалъ онъ, неблагосклонно покачивая головою,—вы работаете въ воскресный день, да еще публично, на улицѣ, подавая тѣмъ дурной примѣръ юношеству. Смотрите, я васъ привлеку къ отвѣтственности!

— Какъ-же, г. пасторъ, вы сами дѣлаете то, что запрещаете другимъ? До сихъ поръ каждое воскресенье вы сами приглашали и побуждали меня къ работѣ; брить вашу щетинистую бороду, по истинѣ, не доставляетъ особеннаго удовольствія!... Господи! да кто-жъ это васъ такъ обчистилъ спозаранку! прервалъ онъ себя, сойдя съ лѣстницы и очутившись лицомъ къ лицу съ пасторомъ.—Или вы сдѣлали опытъ самоистязанія? Вы выглядите просто красавцемъ!

Пасторъ счелъ ниже своего достоинства отвѣчать на подобное привѣтствіе; онъ хорошо зналъ, что постоянно терпитъ поражение въ спорахъ съ этимъ неприятнымъ человѣкомъ, и поэтому не

желалъ пускаться съ нимъ въ дальнѣйшія объясненія. Кромѣ того, къ сожалѣнію, Росвейнъ былъ правъ. Новый цирюльникъ-мулатъ, которому пасторъ попался подъ бритву предъ началомъ лихорадочнаго приступа, жестоко обработалъ его сегодня утромъ.

Росвейнъ все еще стоялъ передъ своимъ домою и смотрѣлъ, какъ удалялся пасторъ; въ это время послышался грохотъ тележки, катившейся по дорогѣ, которая вела къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Сначала онъ полагалъ, что эта тележка съ лобенштейнской фермы, но вскорѣ замѣтилъ, что въ ней сидятъ негры, конечно, нисколько его не интересовавшіе; но едва онъ успѣлъ подойти къ лѣстницамъ, чтобъ убрать ихъ съ дороги пѣшеходовъ, какъ услышалъ, что его окликаютъ по имени.

— Масса Росвейнъ! Богъ да благословитъ васъ, — какъ поживаете?

! Росвейнъ обернулся. Въ тележкѣ сидѣли: коренастый негръ, подлѣ него маленькая дѣвочка, а напротивъ прислонился негритянской ребенокъ, крѣпко и тепло укутанный въ грубое шерстяное одѣяло.

— Гамильтонъ! закричалъ Росвейнъ, и въ одинъ прыжокъ очутился подлѣ тележки и крѣпко и горячо пожалъ негру руку. — Вы нашли дѣтей? Ну, слава-богу, слава-богу!

— Смотрите, не являйтесь прямо домой—ваша жена можетъ испугаться!

— Она больна? спросилъ озабоченно и въ испугѣ кузнецъ.

— Она была больна, Гамильтонъ, но теперь опять поживаетъ хорошо; она сильно о васъ беспокоилась: вы такъ долго пропадали.

— Моя бѣдная Полли такъ сильно страдала дорогю, что я долженъ былъ остаться съ нею: одну ее я не хотѣлъ покидать, даже если-бъ могъ помѣстить въ надежныя руки.

— Вы, по крайней мѣрѣ, написали-бы!

— Я не умѣю, масса! сказалъ негръ печально.

— Или попросили-бы написать.

— Я былъ у цвѣтныхъ людей и никто изъ нихъ не умѣлъ писать.

— Ну, теперь все кончено, суетился Росвейнъ; — подождите немножко, я запру свою лавочку и затѣмъ побѣгу къ вашей

женѣ, чтобы предупредить ее. Ступайте потихоньку и до тѣхъ поръ не являйтесь домой, пока не услышите такого свистка.

И его громкій свистъ раздался на улицѣ.

Росвейнъ побѣжалъ такъ быстро, какъ юноша, и ни на кого изъ встрѣчныхъ не обращалъ вниманія.

— Росвейнъ, отъ кого это вы улепетываете? закричалъ ему вслѣдъ чей-то знакомый голосъ.

Росвейнъ на бѣгу остановился и, узнавъ Гельдорна, сказалъ ему:

— Гельдорнъ, пойдемъ вмѣстѣ! Дѣти найдены!

— Какія дѣти?

— Дѣти стараго негра, о которыхъ вы сами ему говорили.

— Лидди! воскликнулъ съ радостью Гельдорнъ;—гдѣ-жь она?

— Мы подготовимъ мать... они сейчасъ пріѣдутъ.

И, схвативъ молодого доктора, онъ зашагалъ къ кузнецѣ.

Сара даже испугалась—такъ быстро они вбѣжали.

— Ну, какъ поживаете, сказалъ Росвейнъ; — все еще бодры, на ногахъ? Это хорошо, только не унывайте! все пройдетъ: и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

— Гдѣ ужъ тутъ, масса! со вздохомъ отвѣчала старая женщина. На сѣверѣ негры величали бѣлыхъ все еще прежнимъ титуломъ „масса“ или господинъ; между тѣмъ какъ на югѣ они уже оставили это прозвище.—Все по-прежнему, нисколько не лучше, но скорѣе хуже. Онъ не возвращается и мнѣ-ли, бѣдной женщинѣ, идти по свѣту искать его?

— А что, если онъ уже теперь на пути? сказалъ Росвейнъ, и его умные глаза озарились особеннымъ блескомъ.

— Вы что-нибудь знаете о немъ, масса? воскликнула Сара, пораженная внезапною мыслию.—О, ради Бога, не томите бѣдной женщины въ мучительной неизвѣстности! Вы о немъ слышали?

— Да, да! сказалъ Росвейнъ, не желая ее болѣе мучить; — развѣ не сказалъ вамъ докторъ, гдѣ можно сыскать вашихъ дѣтей?

— О, да, конечно; и благословенны тѣ уста, которые сказали это.

— Дѣти уже найдены, м-съ Гамилтонъ! сказалъ Гельдорнъ ласково;—одно изъ нихъ заболѣло въ дорогѣ и отъ того-то путешествіе затянулось такъ на долго.

— И они здѣсь? крикнула Сара и провела руками по своимъ курчавымъ волосамъ.—О, Господи! упованіе мое! они пріѣхали?

— Они теперь на дорогѣ изъ Луизвилля и завтра утромъ должны быть здѣсь, а можетъ быть, и сегодня вечеромъ, если поторопятся.

Бѣдная женщина упала на стулъ, закрывъ лицо обѣими руками, и горячія слезы потекли по ея щекамъ. Она молилась теперь, но о чемъ? Ей хотѣлось благодарить Бога; но мысли ея путались: она думала о дѣтяхъ, о мужѣ, наконецъ, о самой себѣ, о своемъ собственномъ горѣ! Гельдорнъ чувствовалъ, что этому состоянію надо положить конецъ, отрывъ ей всю правду; это было лучше, чѣмъ томить ее въ сомнѣніи и ожиданіи.

— Я полагаю, Росвейнъ, мы можемъ впустить ихъ... вѣдь они недалеко?

— Да, конечно—я самъ такъ думаю, согласился Росвейнъ;—вы оставайтесь здѣсь, а я пойду дамъ сигналъ.

Между тѣмъ Сипъ, прежній невольникъ, а теперь м-ръ Гамилтонъ, сдерживалъ свою лошадь, заставляя ее идти шагомъ; сердце его сильно билось, въ вискахъ стучало, при мысли о томъ моментѣ, когда онъ возвратитъ матери ея дѣтей.

Лидди прильнула къ отцу.

— Отецъ, вѣдь здѣсь живетъ наша мама? О, зачѣмъ ты не погоняешь лошадь; мы-бы тогда скорѣе доѣхали?

— Милая мама, милая мама! горевала Полли,—какъ она будетъ плакать... Ахъ, Полли теперь счастлива—она снова возвращается къ матери и ее больше не будутъ бить у чужихъ людей.

— Сейчасъ, дѣти, сейчасъ! сказалъ отецъ, самъ онъ задыхался отъ волненія и съ трудомъ выговаривалъ слова, — нужно имѣть терпѣніе—мы можемъ испугать бѣдную мать, если, не предупредивъ, явима къ ней. Бѣлый человѣкъ пошелъ впередъ, чтобы сказать ей о нашемъ приѣздѣ.

— Но бѣлый человѣкъ, пожалуй, обидитъ ее, жалобно произнесла Полли;—онъ приѣдетъ ее, если она будетъ плакать... Полли всегда получала колотушки, когда плакала.

— Теперь этого больше не будетъ, Полли, съ грустью сказалъ отецъ, — все прошло и ты не должна болѣе плакать, ты будешь весела, здорова и счастлива во всю свою жизнь. Прошли тяжелыя времена; теперь мы дома. Видишь, вотъ этотъ домъ, гдѣ дѣ прибита бѣлая вѣвѣска? Это нашъ домъ, и здѣсь ужь ни о днѣ злой человѣкъ не посмѣетъ насъ тронуть.

— О, отецъ! прошептала Лидди и въ испугѣ прильнула боязливо къ отцу.—Это онъ! это онъ!

— Кто, мое дитя? удивился Сипъ.—Что съ тобою?

— Посмотри вонъ туда! такъ-же тихо и пугливо пролепетала Лидди,—это тотъ самый человѣкъ, которымъ бредила Полли въ лихорадкѣ.

И своимъ маленькимъ пальчикомъ она пугливо показала на бѣлаго джентльмена, который шелъ по улицѣ, съ шапкой на затылкѣ, заложивъ руки въ карманы, и мрачно жеваль свой табакъ. О маленькой телѣжкѣ, которая везла негра, онъ, конечно, нисколько не думалъ.

— Кто онъ? съ удивленіемъ спросилъ Сипъ;—о немъ бредила Полли? Вотъ тотъ, что идетъ напротивъ?

— Да, отвѣтила Лидди и еще плотнѣе прижалась къ отцу, такъ-какъ американецъ случайно повернулъ голову прямо въ ея сторону;—человѣкъ съ злыми собаками, который ловить бѣдныхъ негровъ, если они вздумаютъ убѣжать въ лѣсъ.

— И вы его тамъ видѣли? спросилъ удивленный Сипъ.

— Да, конечно, прошептала Лидди;— онъ травилъ бѣднаго пастора, и я не знаю, что негры потомъ сдѣлали съ этимъ злымъ человѣкомъ... они хотѣли его повѣсить. О Полли, Полли, это былъ ужасный день!.. Пока не пришли къ намъ бѣлые и не объявили намъ, что мы свободны, только и слышно было, что пытки и плачь; никто даже не хотѣлъ дать намъ хлѣба.

Сипъ обернулся, чтобы посмотрѣть на злого человѣка. Его лицо было ему знакомо: онъ гдѣ-то видѣлъ его прежде. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который продавалъ большія плантаціи на югѣ и подговаривалъ нѣмцевъ отправляться на югъ. Съ цвѣтнымъ человѣкомъ онъ никогда не сказалъ и пары словъ. Гдѣ-жъ онъ встрѣчалъ прежде этого бѣлаго?

Въ это время раздался пронзительный свистъ въ направленіи дома, возлѣ котораго Сипъ остановилъ свою лошадь. Этотъ свистъ служило призывомъ къ матери... въ одно мгновеніе все остальное было забыто.

Съ лихорадочною поспѣшностью, соскочилъ онъ съ повозки и привязалъ свою лошадь къ привинченному здѣсь кольцу; вслѣдъ за нимъ, какъ возочка, выпрыгнула Лидди и сняла Полли.

Росвейнъ встрѣтилъ ихъ.

— А, вотъ онѣ, куколки! кричалъ онъ ему на встрѣчу, — ну, живѣе, живѣе; дайте мнѣ малютку, ваши руки должны быть свободны—ну жно-жь старухѣ броситься на шею да хорошенько выплаваться; ну, будетъ, еще успѣете...

У Росвейна тоже наворачивались слезы, хотя онъ этого не замѣчалъ. Взявъ на руки Полли, которая смотрѣла на него съ удивленіемъ и почти съ испугомъ, онъ не шелъ, а просто бѣжалъ.

Отъ Сары не могло урваться, что случилось что-то необыкновенное; бѣлые ужъ не разъ догадывали, что желали ей добра, и, конечно, они не были-бы теперь такъ довольны, если-бъ принесли ей дурныя вѣсти. Во снѣ-ли она видѣла, что Сипъ вмѣстѣ съ дѣтьми пріѣхалъ въ Люизвилъ? А Люизвилъ недалеко отсюда... Или ей сказали объ этомъ бѣлые...

Въ это мгновеніе отворилась дверь и вошелъ Росвейнъ; на рукахъ у него былъ ребенокъ, который простиралъ въ матери свои ручонки.

— Мама!

— Полли! кривнула мать и упала передъ ней на колѣни.

— Мама! въ то-же мгновеніе послышался радостный крикъ съ другой стороны, и четыре дѣтскихъ руки любовно обвилися вокругъ ея шеи.

Сара задыхалась отъ радости; сердце, вынесшее столько страданій и мукъ, не изнемогло подъ тяжестью этой блаженной минуты. Крѣпко прижавшись другъ къ другу, всѣ трое какъ-бы замерли въ одномъ горячемъ объятіи.

Между тѣмъ Сипъ схватилъ руку Гельдорна и крѣпко-крѣпко сжалъ ее въ своихъ закаленныхъ рукахъ; говорить онъ не могъ—сердце его было слишкомъ переполнено; но взглядъ его и слезы, блиставшія въ его глазахъ, краснорѣчивѣе говорили о его горячей признательности, чѣмъ тысячи красивыхъ фразъ.

Теперь въ этомъ домѣ, гдѣ было пролито столько горькихъ слезъ, настала прелесть; полились рассказы, привѣтствія, сердечныя изліянія, поцѣлуи и смѣхъ севозъ слезы. Посторонній здѣсь былъ не у мѣста; поэтому Гельдорнъ взялъ тихонько подъ руку Росвейна и они вышли на улицу. Росвейнъ вынулъ свой носовой платокъ, высморкался, украдкой утеръ себѣ глаза и сказалъ:

— Гельдорнъ, я выть, какъ пришибленная собака; но, ради Бога, не говорите объ этомъ никому, потому что если это дой-

дети до шарлатана Гюклера, онъ непременно сдѣлаетъ меня предметомъ своихъ плоскихъ шутокъ.

— Развѣ вы считаете постыднымъ, что такая сцена заставила васъ плакать? Вы думаете, что у меня не навертывались слезы, глядя на радость этихъ бѣдныхъ людей? сказалъ Гельдорнъ.

— Кому-же, какъ не вамъ, они обязаны своимъ счастьемъ.

— Правда; но все-же какъ мало радостей выпадаетъ на долю этой бѣдной расы въ сравненіи съ несчастіями, какія имъ пришлось перенести. Подумайте только о тысячахъ семействъ, которыхъ разлучали самымъ недостойнымъ образомъ, — какъ рѣдко они испытывали такіа блаженныя минуты!

— Сегодня этимъ бѣднякамъ, пожалуй, нечего будетъ ѣсть, сказалъ Росвейнъ, всегда становившійся на практическую почву; — но мы о нихъ позаботимся. Напротивъ гостиница Эдры Людкинса, какъ онъ величаетъ свой погребъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, держитъ хорошіе товары; мы сдѣлаемъ у него маленькій запасъ для нихъ. Счастьемъ, конечно, долго сытъ не будешь: голодъ вѣдь не свой братъ!

VI.

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО КУКЛУЕСЪ

Въ пяти англійскихъ миляхъ отъ Бельвила и вблизи саваннъ поселилась маленькая нѣмецкая колонія. Мѣстность, выбранная ею, была очаровательна.

Это была плантація прежде очень богатаго хлопчатобумажнаго плантатора, обѣдѣвшаго послѣ освобожденія невольниковъ или, по крайней мѣрѣ, лишеннаго средствъ вести свое прежнее сатрапское существованіе; во всякомъ случаѣ, онъ предпочелъ удрать изъ своего отечества и отправиться на поиски такой страны, гдѣ снова можно-бы было завести рабовъ. Нѣсколько нѣмецкихъ семействъ, заманенныхъ услужливыми агентами, оставили сѣверное отечество и переселились на хваленый югъ, который рисовали имъ самыми радужными красками. Даже на европейскомъ континентѣ нашлись такіе честные люди, которые, при помощи невыполнимыхъ обѣщаній, фантастическихъ картинъ и надеждъ на чрезвычайно богатую прибыль, сзумѣли заселить едва освобожден-

ные рабовладельческіе штаты и возвратить землѣ въ нѣмецкихъ силахъ то, что она утратила въ негритянской крови, — именно работника.

Колонисты, переселившіеся сюда, съ дѣтства привыкли къ тяжелой работѣ; они въ сѣверныхъ штатахъ выполняли самыя трудныя работы и вели самую умѣренную жизнь и нисколько не заботились о политикѣ. Чего-же лучше! они доставляли именно то, въ чемъ югъ теперь нуждался, т. е. рабочія руки. О головахъ здѣсь, конечно, не могло быть и рѣчи, потому что Югъ безъ церемоніи рассчитывалъ выставить ихъ въ бой при первомъ удобномъ случаѣ.

У собственниковъ плантацій, въ особенности по Миссисипи, установился особый обычай, въ прежнее время подвергавшійся очень рѣдкимъ нарушеніямъ. Какіе-нибудь плантаторы обрабатывали, положимъ, извѣстное число акровъ земли по берегу рѣки, а дѣсь оставляли нетронутымъ, считая его съ этихъ поръ своею собственностью, въ твердомъ убѣжденіи, что никто не осмѣлится оспаривать это обычное право. Еще задолго до революціи набрали на такія мѣста піонеры; хорошо знакомые съ обычаями страны, они навели справки въ присутственныхъ мѣстахъ: „зарегистрированы и оплачены-ли“ эти участки, и, убѣдясь, что этого не было, предъявили на эту землю „право перваго завладѣнія“, preemption right *)—неотъемлемое право, котораго никто не могъ оспаривать.

Собственники этихъ южныхъ плантацій, выходя изъ такихъ-же соображеній, въ свою очередь, считали эту землю своею, такъ-какъ она прилежала къ ихъ плантаціямъ; поэтому они по-просту дробили ее на куски и потомъ большую часть распродавали нѣмцамъ, которые, не зная мѣстныхъ правовыхъ отношеній, по ихъ понятію, естественно думали, что купленное ими и оплаченное чистыми деньгами должно составлять ихъ неотъемлемую собственность. Но очень многимъ изъ нихъ скоро пришлось горько разочароваться и найти къ своему ущербу, что вся та дикая земля, которую имъ про-

*) Preemption right или «право перваго завладѣнія»—право, установленное для поощренія бѣдныхъ колонистовъ, по которому они селились на государственной землѣ, еще не принятой никѣмъ во владѣніе, и могли ее обрабатывать; а позднѣе, при распродажѣ ея съ аукціона, могли покупать ее по государственной цѣнѣ, т. е. по 1¹/₄ доллару за акръ. Тогда уже они получали ее въ вѣчное владѣніе.

дали плантаторы или комиссіонеры, вовсе не принадлежить этимъ послѣднимъ и, слѣдовательно, черезъ нѣсколько лѣтъ вторично должна быть оплачена государству. Селясь на этихъ земляхъ, въ юридическомъ смыслѣ они считались скватерами, т. е. людьми, водворившимися на дикой землѣ на основаніи права перваго завладѣнія; а что ихъ привело туда третье лицо и получило за то деньги—до этого правительству, конечно, не было никакого дѣла.

Неотъемлемаго права собственности могли искать только тѣ, которые покупали у частныхъ лицъ обработанную и огороженную землю и вмѣстѣ съ купчею крѣпостью получали квитанцію отъ правительства въ томъ, что это пространство земли законно приобрѣтено прежними владѣльцами.

Въ сѣверныхъ, а также и въ юго-западныхъ штатахъ издавна господствовали совершенно дружескія, сосѣдскія отношенія. Попадали-ли туда новый поселенецъ—онъ встрѣчалъ у сосѣдей дружескій, даже сердечный пріемъ. Ему охотно оказывали всякую помощь, въ которой онъ нуждался, и, само собою понятно, что и онъ, какъ только хорошенько устраивался, охотно помогалъ другимъ.

Не то было въ южныхъ штатахъ. Новымъ колонистамъ, прибывавшимъ въ страну съ небольшимъ капиталомъ, скоро приходилось убѣждаться, что они могли рассчитывать лишь на свои собственные силы, не ожидая не только помощи, но просто радужнаго пріема со стороны южныхъ плантаторовъ, которые еще оставались на мѣстахъ.

Если имъ случалось посѣщать „барскія хоромы“ этихъ хлопчато-бумажныхъ бароновъ, хотя-бы эти бароны были въ долгу, какъ въ шелку, съ ними обращались не лучше, чѣмъ съ прежними рабами. Встрѣчалась-ли имъ необходимость о чемъ-нибудь справиться или попросить, ихъ заставляли дожидаться въ передней, когда „барону“ вздумается къ нимъ выдти; гордые люди не хотѣли знаться ни съ ними, ни съ ихъ женами и едва удостоивали отвѣтомъ вѣжливые поклоны этихъ простыхъ людей. Въ ихъ глазахъ, они были простыми работниками не больше, даже если-бы эти работники обладали равными съ ними матеріальными средствами: они сами пахали свою землю, собственноручно запрягали лошадей; жены ихъ хлопотали по хозяйству, къ чему привыкли

у себя на родинѣ; а это, конечно, было несовмѣстно съ аристократическими обычаями, которые теперь господствовали въ ихъ кругу, пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ въ былое время.

Сначала такое обхожденіе было очень обидно для нѣмцевъ, которые, не успѣвъ еще сплотиться, чувствовали, что поневолѣ должны были выносить это пренебреженіе и презрѣніе. Но когда, благодаря старанію агентовъ на сѣверѣ и за-границею, колонистовъ начало прибывать все болѣе и болѣе, они образовали, наконецъ, маленькую колонію, свой особенный кругъ, нисколько не заботясь объ этихъ зазнавшихся, безсердечныхъ рабовладѣльцахъ, величавшихъ себя республиканцами, хотя о дѣйствительной республикѣ они не имѣли никакого понятія и, что еще хуже, не хотѣли его имѣть.

Нерадивая политика президента Джонсона, который позволялъ Югу всякій произволъ и открыто благопріятствовалъ его представителямъ, не замедлила обнаружить свое пагубное дѣйствіе. На границѣ, въ Мексикѣ, французы основали новую имперію; было извѣстно, что по этому поводу между Соединенными Штатами и Франціею происходилъ оживленный обменъ депешъ и можно было разсчитывать на войну. Этой войны съ нетерпѣніемъ ожидали рабовладѣльцы. Теперь наступалъ моментъ, когда они снова могли захватить въ свои руки отнятое у нихъ оружіе и основать на Югѣ новое могущественное государство.

Высокомѣріе ихъ возрастало со дня на день и такъ-какъ ихъ дѣйствительная сила теперь была весьма жалкая, то они всѣми мѣрами пытались укрѣпиться и объединиться въ тѣсной взаимной связи, чтобы въ рѣшительную минуту не упустить ни одного мгновенія.

Правительство знало объ этомъ планѣ южныхъ штатовъ; также ни для кого не было тайной, что преступное тайное общество Ку-клуксъ возникло снова и уже насчитываетъ значительное число членовъ.

Жалобы на бѣлыхъ, которые совершали злоупотребленія противъ негровъ и негритянокъ, даже замучивая ихъ до смерти, накопились въ Саваннѣ и другихъ большихъ городахъ, но нигдѣ суды ничего не могли подѣлать противъ преступниковъ, такъ-какъ они постоянно представляли свидѣтелей, которые давали показанія, утверждавшія, что обвиняемые пребывали „въ другомъ

мѣстѣ“, или представляли дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ. Присяжные никого не могли признать виновными. Кромѣ того было извѣстно, что въ статутахъ общества Куклуксъ существовалъ параграфъ, въ силу котораго каждый членъ общества, подѣ страхомъ наказанія за измѣну, долженъ былъ стараться во что-бы то ни стало спасти своего „собрата“ при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ—хитростію, силою или ложной присягой.

Въ странѣ особенно распространилось конокрадство. Всѣмъ было извѣстно, что молодые аристократы считали это преступленіе за особаго рода охоту, которая давала имъ возможность зарабатывать деньги „благороднымъ образомъ“, какъ они выражались, т. е. не работая. Тутъ была круговая порука. Похищенныя лошади уводились изъ страны, а накраденныя въ другой мѣстности приводились въ замѣнѣ этихъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось накрыть преступника на мѣстѣ; да и тогда онъ избѣгалъ наказанія, такъ-какъ едва его успѣвали посадить въ тюрьму, какъ на слѣдующую ночь его освобождали друзья. Сами судьи обыкновенно были рады сбыть съ рукъ такое казузное дѣло; между ними мало было такихъ, которые не были-бы преданы интересамъ южныхъ плантаторовъ или не боялись-бы угрозъ тайнаго общества, такъ-какъ не разъ уже случалось, что эти угрозы приводились въ исполненіе.

Состояніе страны было самое безотрадное; недовольство противъ сѣверныхъ штатовъ и всего, что съ ними было связано или исходило отъ нихъ, возрастало все болѣе и болѣе.

Упомянутая выше нѣмецкая колонія была еще нова и только-что основана; несмотря на это ей недоставало той опрятности, которыми обыкновенно отличаются подобныя поселенія вездѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, и все это благодаря тому, что здѣсь не приходилось строить все вновь, но можно было воспользоваться уже существовавшимъ.

Американцы говорятъ, и не безъ основанія, что нѣмецкую ферму легко можно отличить отъ американской, такъ-какъ нѣмцы строятъ свои амбары просторнѣе и красивѣе, чѣмъ дома, американцы-же — наоборотъ. Не такъ было на этой плантаціи, такъ-какъ иностранцамъ пришлось обратить въ свое жилище бывшій господскій домъ, а негритянскія хижины—въ сарай и хлѣва. Впрочемъ, они не освободились еще отъ всѣхъ негровъ; правда,

здоровые и сильные тотчасъ-же оставили эту мѣстность, такъ что работниковъ можно было доставать лишь за высокую плату, да и то на короткое время; но больные и старики остались, конечно, здѣсь, въ своихъ лачугахъ, такъ-же, какъ и на другихъ плантаціяхъ. И если нѣмцы не желали безучастно смотрѣть, какъ умирали съ голоду эти несчастныя существа, то они должны были доставлять имъ пищу;—это было первое роковое наслѣдство, доставшееся имъ въ удѣлъ. Кромѣ того имъ пришлось еще вступить въ столкновеніе съ нѣсколькими американцами, которые, какъ скваттеры, спокойно поселились на оплаченной нѣмцами землѣ и, какъ позднѣе выяснилось, имѣли на это полное право, такъ-какъ эти участки никогда не были куплены или оплачены прежнимъ владѣльцемъ. И такъ, несмотря на всѣ преимущества здѣшней земли, нѣмцамъ скоро пришлось раскаяться, что они покинули спокойный сѣверъ и промѣняли его на очаровательный, но негостепримный югъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ по-близости отъ города Саванны поселились два нѣмецкихъ семейства, которыя справедливо рассчитывали найти здѣсь превосходный рынокъ для сбыта своихъ продуктовъ, находясь въ непосредственной близости съ большимъ городомъ.

Эти два семейства скорѣе другихъ могли обойтись безъ наемныхъ работниковъ, такъ-какъ одно семейство, по фамиліи Шоллеръ, состояло, кромѣ отца, изъ трехъ сильныхъ сыновей и двухъ дочерей, а другое—Гамбахъ, изъ двухъ сыновей и одной дочери; всѣ они съ малолѣтства были привычны въ работѣ.

Шоллеръ жили въ господскомъ домѣ, Гамбахи устроились въ тысячѣ шагахъ отъ нихъ, въ прежнемъ сахарномъ заводѣ, и рядомъ выстроили маленькій жилой блокгаузъ; какъ люди довольно зажиточные, они обзавелись рогатымъ скотомъ и лошадьми.

Хотя былъ уже декабрь, но погода стояла прекрасная, теплая. Въ домѣ Шоллера уже отобѣдали и все семейство сидѣло вокругъ стола; недоставало только старшаго сына Ганса: онъ поѣхалъ

розыскивать пропавшую лошадь и не возвращался цѣлое утро. Отецъ, казалось, былъ очень недоволенъ.

— Сколько разъ я говорилъ, чтобы хорошенько запирали на ночь конюшню; видно, безъ меня ничего не сдѣляется.

— Но, отецъ, сказалъ Бертольдъ, второй сынъ, — я, право, вчера вечеромъ заперъ конюшню и снаружи задвинулъ дверь за-совомъ. Спросите у Греты — она была при этомъ; послѣ того никто изъ насъ не входилъ въ конюшню.

— Да, отецъ, подтвердила Грета, — Бертольдъ правъ — это не его вина; должно быть, это опять воры, которые разъ уже украли у насъ лошадь; ты знаешь, здѣсь они никого не оставляютъ въ покоѣ.

— Если-бъ я это зналъ, проговорилъ отецъ съ полусдержаннымъ проклятиемъ, — я-бы не спалъ цѣлую недѣлю, подкарауливая ихъ съ ружьемъ, пока не проучилъ-бы одного изъ этихъ бездѣльниковъ.

— Гамбахи вчера также не досчитались двухъ коровъ, и все сваливаютъ на бѣдныхъ негровъ, сказала мать, — но, Боже мой, эти несчастные калѣки, можетъ быть, охотно стянули-бы кусокъ хлѣба или что-нибудь изъ съѣстного, если-бъ оно подвернулось имъ подъ руку, но, конечно, не скотъ, который пасется въ открытомъ лѣсу.

— Но, можетъ быть, Гансъ еще отыщетъ лошадь, если она сама ушла.

— Да вотъ и Гансъ! закричала Мэри, самая младшая изъ дѣтей, выглянувъ въ окошко, — но онъ не ведетъ съ собой бураго.

Гансъ, здоровый молодой малый, который прошелъ уже школу въ Америкѣ и превратился въ дюжого фермера, угрюмо вошелъ въ комнату съ мрачно надвинутыми бровями, бросилъ въ уголъ свою шляпу и, пробормотавъ „доброе утро“, придвинулъ свой стулъ къ столу.

— Ну, что? сказалъ отецъ, заранѣе предвидя результатъ поисковъ, — ничего не нашель?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ сынъ, наскоро доѣдая свой обѣдъ: — я нашель слѣды.

— Въ самомъ дѣлѣ? Куда-же?

— Въ городъ.

— Но зачѣмъ-же лошадь пойдетъ въ городъ? Она куплена здѣсь, въ деревнѣ.

— Да она не сама туда ушла, съ досадою отвѣчалъ сынъ:— ее увели. Ну, чортъ побери, посмотримъ, если я не поддѣну этихъ негодяевъ и не удушю ихъ, какъ собакъ!

— Но почему ты это знаешь?

— Очень просто. Нигдѣ не было замѣтно, чтобы тащилась веревка недоуздка; кромѣ того наша лошадь мчалась во весь опоръ по нашему участку рядомъ съ другою лошадью. Я знаю подковы бураго: одинъ шипъ угловатый—на нѣкоторыхъ сырыхъ мѣстахъ онъ довольно ясно отпечатался.

— Какъ-же ты думаешь, что намъ теперь дѣлать?

— Буду розыскивать. Я нынче цѣлое утро проѣздивъ, пока не набрелъ на слѣды; Бессъ долженъ немного отдохнуть; когда онъ остынетъ, я напою его, задамъ мѣрку овса, а потомъ отправлюсь въ Саванну, подамъ заявленіе и сыщу нашу лошадь. Я предчувствую, что она тамъ.

— Было-бы лучше поискать сначала здѣсь, въ окрестности, мрачно сказалъ отецъ.

— Богъ знаетъ, отвѣтилъ Гансъ. — Былъ я сегодня утромъ въ Бельвилѣ, на прежней ургуардской плантаціи. У нихъ тоже сегодня ночью украли лошадь, и на прошлой недѣлѣ еще одну, такъ-что они по-горло завалены работой. Работниковъ нельзя найти ни за какую плату. Конечно, есть старые и больные негры, которые просятъ милостыню по сосѣдству. Сердце обливается кровью, глядя на этихъ несчастныхъ, а кто еще въ силахъ — шатается по городамъ, исполняетъ маленькія порученія на два или на три часа, да и за это деретъ страшно дорого, пропивая все въ кабакахъ. У нихъ тамъ лежатъ трое больныхъ нѣмцевъ — видно климатъ не по нихъ. Старый Детгельдъ уже поговариваетъ, что продасть-бы землю за всякую цѣну, какую дадутъ.

— Да я и самъ поступилъ-бы такъ-же, если-бъ нашелся хороший покупатель, сказалъ Шоллеръ;—конечно, я не хочу продавать за безцѣнокъ, такъ-какъ земля обошлась намъ далеко не дешево.

— Да, пробормоталъ Гансъ,—дороже, чѣмъ стоитъ хорошая ферма въ Индіанѣ или Огіо; тамъ, по крайней мѣрѣ, знаешь,

что имѣешь. Но что сдѣлано, того не воротить; лучше не будетъ, если мы руки опустимъ.

На улицѣ слышался топотъ лошадиныхъ копытъ; выглянувъ въ окно, Гансъ увидалъ, какъ двое элегантно одѣтыхъ молодыхъ людей проскакали мимо ихъ дома.

— Желалъ-бы я знать, какая это сволочь вѣчно рыщетъ у насъ по-сосѣдству! сказалъ мрачно Гансъ. — Никто изъ этихъ господъ не ударитъ пальца о палець, а повстрѣчайся съ нимъ на улицѣ, онъ не отдастъ поклона—онъ только станетъ хохотать и фанфаронить, да еще обдастъ тебя цѣлымъ облакомъ пыли. Пойду засыплю бурому корму; пусть немного отдохнетъ.

— Да и намъ пора за работу, сказалъ отецъ, — время проходить, а дни нынче довольно коротки.

Мужчины отправились въ поле, а мать съ меньшею дочерью остались дома. Грета также отправилась по различнымъ хозяйственнымъ дѣламъ. Передъ обѣдомъ пришла подоиться одна изъ ея коровъ, не являвшаяся цѣлое утро; кромѣ того на ея обязанности лежало присмотрѣть за телятами. Гансъ между тѣмъ напоилъ и накормилъ свою лошадь, а самъ, утомленный долгой ѣздой по жарѣ, бросился на матраць въ одной изъ нижнихъ комнатъ, желая немного отдохнуть прежде, чѣмъ продолжать поиски за пропавшею лошадыю.

Не прошло, можетъ быть, и получаса, какъ оба всадника, только-что проскакавшие мимо, снова возвращались крупной рысью и уже хотѣли проѣхать мимо, какъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ на улицѣ молодую дѣвушку, занятую своею работою, и тотчасъ остановилъ своего вороного коня.

— Эй, Биль, смотри-ка, она охотно дастъ намъ стаканъ молока, а можетъ быть, и еще кой-чего; видишь эту штучку? вѣдь это голландская дѣвочка.

— Какія глупости, Томъ! сказалъ Биль, — стоитъ связываться съ этимъ мужичьемъ, нѣмецкими олухами.

— Они всѣ теперь на работѣ, смѣялся первый, — ихъ точно собрали по старому негритянскому звонку. Иди; право, мы славно здѣсь позабавимся и напьемся молока.

— Не хочу, отвѣчалъ Биль; — если у тебя сильная жажда, то прикажи подать себѣ молока, только поскорѣе; я буду тебя дожидаться здѣсь.

Молодой человекъ соскочилъ съ своей лошади, перебросилъ поводъ черезъ вѣтку апельсиннаго дерева, торчавшую изъ-за рѣшетки, и распахнулъ узенькую дверь, которая вела въ загонъ.

— Моя милашка! сказала онъ Грэтъ, болѣе удивленной, чѣмъ смущенной его появленіемъ; — могу я попросить у тебя глотокъ молока? я изнываю отъ жажды, а у тебя его въ изобиліи.

— Глотокъ молока вы можете получить, лаконически отвѣчала молодая дѣвушка, — но у меня здѣсь нѣтъ посуды; вамъ придется напиться изъ кружки.

— Если нѣтъ ничего лучшаго, засмѣялся молодой человекъ, подходя къ ней и безъ церемоніи схватывая ее за руку.

— Прочь руку! строго закричала дѣвушка и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, отбросила его руку, — если ты пришелъ сюда, чтобы отпущать такія плоскія штуки, то можешь проваливать.

— Но, моя очаровательная кошечка, смѣялся Томъ, — одно молоко не вкусно: ты должна подарить мнѣ свой поцѣлуй. Ну, полно прикидываться, вѣдь не въ первый разъ!

Грэта держала въ рукѣ тяжелую дойницу; она бросила ее на землю и дала такую пощечину нахалу, что его даже ошеломило.

— Вотъ какъ, чортъ возьми! закричалъ онъ, въ то время, какъ Биль на дворѣ помиралъ со смѣху, — у тебя претяжелая рука, моя кошечка! ты заплатишься мнѣ за это!

И, полушута, полусердито онъ подскочилъ къ ней.

— Гансъ, Гансъ! въ испугѣ закричала дѣвушка, зовя брата на помощь.

Гансъ уже поднялся и медленно прохаживался передъ домою; лошадь его наѣлась и онъ хотѣлъ уже отправиться въ путь, какъ услышалъ громкій разговоръ за изгородью; но изъ-за нея ничего нельзя было разглядѣть; онъ подошелъ поближе, чтобы узнать, что тамъ такое. Въ это мгновеніе раздался призывъ Греты. Въ одинъ прыжокъ онъ очутился возлѣ нея. Дальнѣйшихъ объясненій не требовалось... Въ одно мгновеніе онъ схватилъ наглеца за шиворотъ и отбросилъ его съ такою силою къ ближайшей изгороди, что тотъ упалъ на колѣни и съ трудомъ могъ оправиться.

— Проклятый голландецъ! завопилъ Томъ и, запустивъ свою дрожавшую руку за жилетъ, вытащилъ револьверъ; но едва онъ успѣлъ взвести курокъ, Гансъ подскочилъ къ нему и обезоружилъ его.

Теперь Гансъ, въ свою очередь, направилъ дуло прямо въ лобъ поблѣднѣвшему, какъ смерть, Тому.

— Ради-бога, Гансъ, не проливай крови! умоляющимъ голо-
сомъ закричала Грета.

— Нѣтъ, Грэтель, успокаиваль ее молодой человекъ,—я толь-
ко вырвалъ жало! Теперь проваливайте по-добру, по-здорову, под-
лые негодяи!.. Осмѣльтесь-ка еще разъ показать сюда носъ—я,
чортъ побери, безъ церемоніи сверну вамъ шею!

Биль, можетъ быть, и имѣлъ при себѣ оружіе, но онъ не считалъ
за нужное его вынимать.

— Иди, Томъ! кричалъ онъ своему пріятелю.—Мы покажемъ
этому господину, можно-ли оскорблять американскаго гражданина.

— Гражданинъ! вскричалъ Гансъ презрительно;—прочь отсюда,
рабовладѣльцы, негодные трусы; вонъ или я раздавлю васъ!

Томъ понялъ, что долѣе оставаться ему опасно; однимъ прыж-
комъ онъ выскочилъ за ограду.

— Отдайте мнѣ мой револьверъ! закричалъ онъ, блѣднѣя отъ
ярости.

— Вотъ дурака нашли! захоталъ Гансъ,—требуйте его че-
резъ судъ, тамъ и получите, а пока проваливайте!

Томъ поспѣшно отвязалъ лошадь и вспрыгнувъ въ сѣдло. Онъ
хотѣлъ-было еще разъ обратиться къ нѣмцу съ своимъ требова-
ніемъ, но Биль, схвативъ его поводья, пришпорилъ лошадь и бы-
стро поскакалъ съ пріятелемъ по дорогѣ.

— Вотъ еще чего недоставало! злобно говорилъ Гансъ, про-
возжая ихъ глазами, — у себя на дворъ подвергаешься нападению
разбойничьей шайки!.. И они смѣютъ еще называть себя амери-
канскими гражданами.

— Ради-бога, не уходи теперь, Гансъ, молила Грета; — я
долго не успокоюсь. Ну, какъ эти злодѣи возвратятся сюда? мы,
женщины, остаемся дома совсѣмъ однѣ.

— Насчетъ ихъ нечего тебѣ беспокоиться, Грета, смѣясь ска-
залъ молодой человекъ; — они больше не возвратятся и будутъ
рады, что сами убрались отсюда цѣлыми.

— Ну, а какъ они опять встрѣтятъ тебя въ городѣ?

— А ты думаешь, что я побоюсь ихъ тамъ? Ну, это врядъ-
ли. Но теперь какъ-разъ встаетъ — я долженъ также сдѣлать
заявленіе и насчетъ пропавшей лошади. Попытаемъ счастье, авось

судъ и защитить насъ; въ этомъ, правда, я что-то очень сомнѣваюсь, но все-таки попытаться хотъ разъ не мѣшаетъ: въ противномъ случаѣ, мы будемъ знать, что должны съ ними дѣлать. Право на нашей сторонѣ, а съ этою праздношатающеюся дрянью мы и сами постараемся справиться.

— Знаешь, Гансъ, они ни во что не ставятъ человѣческую жизнь; берегись; насъ, нѣмцевъ, они ненавидятъ даже болѣе самихъ янки.

— Успокойся, Грета, это все пустяки, смѣясь возразилъ молодой человѣкъ, — лишь-бы они не теряли уваженія къ намъ, а мы постараемся внушить имъ его. Если ты боишься, оставь работу, ступай въ поле и расскажи отцу, что случилось. Мнѣ пора ѣхать, а то будетъ поздно.

И онъ возвратился къ лошади, опять осѣдлалъ ее и беззаботно поѣхалъ рысью въ Саванну, засунувъ отнятый револьверъ себѣ за поясъ.

Весь горедъ находился сегодня въ сильномъ волненіи по поводу одного судебного приговора, — правда, вполне справедливаго, но, несмотря на то, возбуждавшаго страшное негодованіе въ извѣстныхъ кружкахъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Желавшіе заработать денегъ негры, а въ особенности негрятянки, занимались у бѣлыхъ, но теперь они хорошо понимали, что съ ними нельзя уже болѣе обращаться, какъ съ рабами. Между тѣмъ одна дама южанка сильно избилла нанятую ею негрятянку, которая, по ея выраженію, нагло вела себя въ отношеніи своей госпожи; въ этой исторіи принимали живое участіе мужъ и сынъ этой барыни: первый связалъ бѣдную дѣвушку, а второй такъ энергично ее выпоролъ, что несчастная жертва обливалась кровью. Свидѣтельницей этого истязанія была другая служанка — мулатка и, по просьбѣ обиженной, она была допущена судомъ дать показанія; отецъ и сынъ были приговорены за нанесенные побои въ четырнадцатидневному тюремному заключенію, а дама — въ двумъстамъ долларовъ штрафа.

Аристократія города возмущилась; она утверждала, что ей просто-на-просто дали публичную оплеуху; она захотѣла силою помѣшать приведенію приговора въ исполненіе; но военныя власти

дѣйствовали такъ энергично, что скоро всякое сопротивленіе оказалось не только бесполезнымъ, но даже и небезопаснымъ. М-ру Болю, одному изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ жителей Саванны, судьи наотрѣвъ отказали въ порукѣ; самъ онъ былъ взятъ съ сыномъ подъ стражу и подвергнутъ заслуженному наказанію. Изъ опасенія насилія, судомъ были приняты всѣ мѣры предосторожности; патрули съ заряженными ружьями ходили до самаго утра по улицамъ города, и всѣ хорошо знали, что они получили приказаніе при малѣйшемъ возмущеніи употребить въ дѣло оружіе.

Но возмущенія, конечно, не проявилось. Вездѣ, гдѣ только правительство выказывало энергію, прежніе бунтовщики отступали робко и трусливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ старались пользоваться всякимъ послабленіемъ, оказываясь въ этомъ отношеніи неутомимыми. Такимъ образомъ, бѣдная страна не могла совершенно успокоиться.

Добрые граждане радовались такому, хотя, правда, и рѣдкому факту правосудія; но молодежь, принадлежавшая къ фамиліямъ бывшихъ рабовладѣльцевъ, совершенно испорченная воспитаніемъ, была приведена въ ярость позоромъ, нанесеннымъ ея собратьямъ. Имѣя опредѣленное мѣсто для сходбищъ, гдѣ они проводили время въ азартныхъ играхъ, запрещенныхъ правительствомъ, бывшіе рабовладѣльцы порѣшили сойтись, чтобы сообща обсудить планъ дѣйствія. Но что могли они сдѣлать? Въ городѣ было достаточно войска, и всякое возстаніе было-бы немедленно подавлено при самомъ его началѣ. Къ тому-же, они сознавали, что ихъ силы далеко не организованы, что у нихъ нѣтъ оружія, за исключеніемъ развѣ револьверовъ да ножей. Могли-ли они въ такомъ положеніи встать противъ хорошо вооруженныхъ и строго дисциплинированныхъ войскъ! Они рѣшили организовать какъ можно лучше свое тайное общество Кукулуксъ. Теперь еще болѣе укрѣпилась ихъ надежда на войну съ Франціею, а тамъ возстанетъ цѣлый Югъ и снова высоко поднимется южное знамя, поправное ногами сѣверянъ.

Кукулуксъ, дѣйствительно, становился фактомъ; предостерегательныя донесенія изъ разныхъ мѣстъ юга въ избыткѣ приходили въ Вашингтонъ, стараясь обратить вниманіе центрального правительства на безпорядки, принимавшіе все большіе и большіе размѣры; но всѣ эти усилія оставались напрасными: въ Вашингтонѣ никто и не думалъ придавать новой лигѣ какое-нибудь значе-

ченіе. А тѣмъ временемъ возмутительное общество разrostалось все болѣе и болѣе.

Довольно обширная зала стараго зданія,—памятника времени испанскаго владычества въ Саваннѣ,—въ которой южные отпрыски рабовладѣльческихъ фамилій имѣли обыкновенно свои тайныя собранія, была сегодня особенно полна. Общность интересовъ привлекла сюда только-что прибывшія въ Саванну двѣ депутаціи изъ Чарльстона и Мобила, а совершившіяся на ихъ глазахъ событія скоро сдѣлали засѣданіе очень оживленнымъ.

Все собраніе, за очень немногими исключеніями, состояло изъ молодежи, едва достигшей совершеннолѣтія. Джорджъ Эргуардъ выбранъ былъ въ президенты. Всѣ присутствовавшіе были сильно взволнованы; недоставало только искры и—порохъ—бы вспыхнулъ; предложенія такъ быстро мѣнялись и заявлялись такъ беспорядочно, что не было никакой возможности понять, чего хочетъ собраніе. Джорджъ Эргуардъ, обыкновенно кривливыи и нахальный, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Саваннѣ, на этотъ разъ старался болѣе успокоивать, чѣмъ раздражать.

Въ своей короткой рѣчи къ собранію онъ объяснилъ, что въ настоящую минуту невозможно еще открыть враждебныхъ дѣйствій противъ враговъ, и что тѣмъ успѣшнѣе пойдутъ дѣла общества, чѣмъ спокойнѣе оно станетъ дѣйствовать. Прежде всего должно было въ различныхъ городахъ однимъ ударомъ уничтожить отдѣльныхъ лицъ противной партіи, заявившихъ себя особенно непріязненно противъ Юга. Это слѣдовало исполнить въ тотъ день, когда будетъ получено приказаніе по телеграфу. Такой ударъ напугалъ-бы противниковъ несравненно болѣе, чѣмъ демонстраціи, которыя общество могло-бы предпринять въ настоящую минуту.

Блоссамъ, тотъ самый молодой человѣкъ, котораго такъ быстро удалили отъ службы въ бюро эмансипаціи, потребовалъ слова; въ своей безумной ярости онъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы на другой-же день общество приступило къ выполненію своихъ замысловъ. Саванну слѣдовало зажечь съ шести или восьми концовъ,—и тогда будетъ легче отыскать въ общемъ смятеніи обреченныя на смерть жертвы.

Томъ Райли, тотъ самый, который сегодня былъ побитъ на фермѣ Шоллера, потребовалъ, чтобы въ эту-же ночь была ис-

треблена большая часть нѣмцевъ, а оставшіеся въ живыхъ—лишены покровительства законовъ. Еще одинъ изъ членовъ заявилъ, что необходимо зажечь только ратушу и тюрьму. Однимъ словомъ, незрѣлыхъ и сумасбродныхъ сужденій и предложеній было вдоволь, такъ-какъ винные пары сильно бродили въ головахъ всего собранія и дѣлали молодежь чрезмѣрно неустрапимою. Но, несмотря на это, трезвыхъ оказалось большинство, и они задали себѣ вопросъ, какія послѣдствія могли имѣть подобнаго рода мѣры. Въ одномъ, впрочемъ, сходились всѣ, что теперь-же слѣдуетъ двумя-тремя насиліями заявить противной сторонѣ о своемъ существованіи и показать, чего могутъ ожидать здѣсь сѣверяне, если не захотятъ склониться передъ интересами Юга; а если разъ удастся напугать ихъ, то можно будетъ позаботиться и о дальнѣйшемъ осуществленіи плановъ Куклукса.

Затѣмъ было заявлено новое предложеніе—въ эту-же ночь освободить заключенныхъ; однакожъ, его отклонили, такъ-какъ предпріятіе казалось слишкомъ опаснымъ, а военная сила, состоявшая изъ однихъ сѣверянъ, была на-сторожѣ.

Томъ Райли опять сталъ настаивать на своемъ требованіи — прогнать тѣхъ нѣмцевъ, которые сегодня его оскорбили; но, несмотря на то, что требованіе его поддерживалось многими головами, большинство оказалось противъ. Казалось несвоевременнымъ безъ дальнѣйшаго подготовленія вступать въ открытую борьбу съ властями. Впрочемъ, имена оскорбителей были внесены въ списокъ и о нихъ общество должно было вспомнить при первомъ болѣе удобномъ случаѣ.

Этимъ заключилось собраніе, такъ-какъ президентъ былъ извѣщенъ, что войска получили приказаніе занять залу, гдѣ происходили совѣщанія общества. Раздался особенный, всѣмъ хорошо извѣстный сигналъ—и въ одинъ мигъ всѣ члены разсѣялись, выйдя двумя задними ходами на двѣ уединенныя, малообитаемыя улицы.

Между послѣдними находился и Томъ Райли съ своими друзьями; онъ отыскалъ ихъ въ залѣ и заранѣе уговорился съ ними о мѣстѣ сходимки. Озлобленный, что его предложенія не были приняты, Томъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прихода своихъ товарищей. И его пріятели были раздражены тѣмъ, что общество постоянно выносило только одно рѣшеніе: „организовать и быть на-готовѣ“. Эргардъ между ними пользовался большимъ вліяніемъ, но какъ

только ему приходилось стать во главѣ движенія, онъ терялся и трусливо пятился назадъ.

— Чортъ меня побери! вскричалъ Томъ Райли, — меня они должны были выбрать въ президенты, и сегодня-же весь городъ, вооруженный, всталъ-бы противъ ненавистнаго ига. Неужели во всемъ нашемъ обществѣ нѣтъ и капли разсудка? Да, на языкѣ-то всѣ они храбры; но если это такъ продолжится, то сюда все больше и больше станеть являться сѣверныхъ поселенцевъ и они такъ наводняютъ нашу страну, что, упившись нашею кровью, сотрутъ насъ съ лица земли.

— Что-же мы можемъ сдѣлать, Томъ? вскричалъ въ отчаяніи одинъ изъ его товарищей, — безъ помощи остальныхъ нашихъ товарищей мы совершенно безсильны.

— А развѣ они не присягали такъ-же, какъ и мы, поддерживать доброе дѣло? Имѣють-ли они право оставить насъ однихъ?

— Нѣтъ, никакого; но...

— Хорошо, такъ наше дѣло — самимъ дѣйствовать, перебилъ его Томъ Райли, вскочивъ съ своего мѣста; — хотите поддерживать меня и нанести первый ударъ? Разъ дѣло пойдетъ — и мы все графство перевернемъ вверхъ дномъ.

— Но какъ-же?

— Осѣдаемъ нашихъ лошадей и зажжемъ плантацію Браули, гдѣ живутъ нѣмецкіе плуты. Ночь совершенно темна, и кто докажетъ, чья рука это сдѣлала?

— Но намъ придется, пожалуй, выдержать цѣлое сраженіе.

— Чего ты боишься? насмѣшливо закричалъ Томъ. — Мы такъ устроимъ дѣло, что ни одному изъ нихъ нельзя будетъ пошевелиться. Повѣрьте, что тогда почва Георгіи будетъ слишкомъ жарка для этихъ заморскихъ плутовъ!

— Это правда, Томъ! закричали многіе.

Головы у нихъ были совершенно отуманены винными парами и они готовы были совершить всякую глупость.

— Хоть-бы собрался цѣлый полкъ солдатъ, я иду! закричалъ одинъ изъ товарищей. — Черезъ часъ мы будемъ тамъ и плохо будетъ тогда голландцу, рука котораго дерзнетъ подняться на американца.

— Не такъ громко говори, предостерегалъ Томъ: — тутъ много

сволочи, которая съ большимъ удовольствіемъ насъ выдастъ. Осторожность никогда не мѣшаетъ. Кто готовъ, тотъ иди за мной.

— А все-таки эта проклятая исторія, замѣтилъ одинъ трезвый изъ толпы,—можетъ ввести насъ въ просакъ.

— Такъ оставайся, насмѣшливо сказалъ Томъ; — намъ вовсе не нужны люди, у которыхъ не хватаетъ мужества.

— Мужества? отвѣчалъ трезвый:—ну, его у меня, пожалуй, найдется больше, чѣмъ у васъ.

— Когда-же мы идемъ?

— Черезъ полчаса мы соберемся на дорогѣ за городомъ... Ну, живо! Насъ тридцать человѣкъ и мы будемъ бояться какихъ-нибудь двухъ-трехъ голландцевъ!

— Только не проливать крови, ребята, предостерегалъ чей-то голосъ,—если только этого не потребуетъ крайняя необходимость.

— Кому-же пріятно быть мясникомъ! пагло возразилъ Томъ;—мы только подпустимъ имъ краснаго пѣтуха. Какое они имѣютъ право жить въ господскомъ домѣ? Ихъ мѣсто въ негритянскихъ хижинахъ. Проклятый, дерзкій народъ! онъ вообразилъ себя нашимъ наслѣдникомъ! Но стоитъ только разъ надѣть намордникъ, всѣ они станутъ такими ручными, что будутъ смиренно жрать изъ нашихъ рукъ. Но въ дорогу: незачѣмъ терять времени; чѣмъ раньше мы возвратимся назадъ, тѣмъ лучше.

VI.

ПОЖАРЪ.

За городомъ, на фермѣ, какъ называли нѣмцы свое поселеніе, дневная работа давно была уже покончена. Грета рассказала отцу о случившемся происшествіи и старикъ расхохотался, узнавъ, какъ Гансъ отдѣлалъ негодая.

Гансъ не возвращался еще изъ города; хотя его долгое отсутствіе можно было объяснить разными задержками, однакожь, мать сильно безпокоилась. Ей не особенно понравилась безцеремонная расправа, которую учинилъ ея сынъ съ непрощеннымъ гостемъ.

— Это злые, мстительные люди, говорила она, — и связы-

ваться съ ними не слѣдуетъ; только-бы они не встрѣтили его въ городѣ: Гансъ очень горячь, никому не дастъ спуску.

— И слава-богу, что онъ у насъ таковъ, замѣтилъ старикъ Шоллеръ, и улыбка удовольствія мелькнула на его губахъ. — Не желалъ-бы я имѣть сына труса. Да и ты, прибавилъ онъ минутою спустя, — вѣроятно, не радовалась-бы, если-бъ снятъ твой прятался за печкой.

— Но развѣ не лучше жить мирно, чѣмъ ссориться?

— Конечно, лучше, если сосѣдъ думаетъ такъ-же; если-же онъ другого мнѣнія, тогда дѣло иного рода, — тутъ ужъ слѣдуетъ хорошенько проучить нахала, чтобы онъ впередъ не лѣзъ и не затѣвалъ ссоры. По правдѣ сказать, насъ никто не можетъ упрекнуть въ томъ, что мы ищемъ ссоры; ну, а если кто самъ вноситъ ее къ намъ въ домъ, тогда намъ остается только рѣшить ее оружіемъ.

Къ вечеру подулъ довольно рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ, но затѣмъ мало-по-малу унялся и, послѣ захода солнца, переимѣнился на тихій южный—вѣрный предвѣстникъ дождливой погоды.

— Удивительно душно стало вечеромъ, сказалъ вдругъ отецъ и, снявъ платье, бросился на первый попавшійся стулъ, — а у васъ еще окна заперты.

Грета подошла къ окну, открыла его и выглянула.

— Посмотри, отецъ, какое сегодня небо, сказала она, бросивъ взглядъ вверхъ, на тянувшіяся массы облаковъ. — Внизу мертвая тишина, а вверху быстро летятъ облака, какъ въ грозную бурю. Иди сюда, отецъ; мнѣ еще никогда не случалось видѣть такого неба.

— Да, это верхніе и нижніе слои воздуха, объяснилъ Шоллеръ. — Ты развѣ забыла, Грета, какъ намъ часто случалось видѣть на кораблѣ точно такія-же картины. Это всегда бываетъ передъ вѣтромъ. Тогда мы скоро плыли, а надъ нами, въ совершенно противоположную сторону, стремительно бѣжали облака.

— Мнѣ показалось, сказала Грета, съ минутою внимательно прислушиваясь къ чему-то, — что по дорогѣ раздается топотъ многихъ лошадей, но теперь опять стало такъ тихо, будто все вымерло въ природѣ. Гдѣ-то теперь Гансъ? Ужъ довольно поздно, а онъ все еще не возвращается. Лишь-бы только онъ не повстрѣчался въ городѣ съ этими головорѣзами.

— Не заботься о Гансѣ, дитя, смѣялся старикъ: — если они и тронуть его, то онъ сьумѣеть онъ ихъ отдѣлаться, — не на таковскаго напали!

— Но если ихъ будетъ много, отецъ? съ двумя-тремя, пожалуй, онъ еще справится... Ахъ, какая молнія! испуганно вскричала она, отскочивъ отъ окна;— сейчасъ ударить и громъ.

Свергнула молнія; точно залпъ изъ тысячи пушекъ, грянулъ громъ.

— Онъ и въ самомъ дѣлѣ ударилъ, сказалъ Шоллеръ, поспѣшно вставая со стула и подходя къ окну. — Смотрите, дѣти, все-ли закрыто: уже забушевалъ вѣтеръ и у насъ будетъ славная буря.

Молнія опять скользнула по небу, на минуту облила яркимъ свѣтомъ предметы и, извиваясь множествомъ зигзаговъ, исчезла въ пространствѣ. Ночь, казалось, стала еще темнѣе, непрогляднѣе.

— Странно, замѣтилъ старикъ,—какъ пестритъ въ глазахъ: я готовъ поклясться, что за топью я видѣлъ множество быстро и беспорядочно ѣдущихъ фигуръ.

Онъ замолчалъ. Вдругъ грянулъ такой страшный громъ, что нельзя было разобрать ни одного слова; казалось, будто ударъ разразился надъ самымъ домошъ. Однакожъ, промежутокъ послѣ молніи былъ довольно продолжителенъ и буря, казалось, начинала утихать. Старикъ, сидя у окна, пристально глядѣлъ на улицу, выжидая слѣдующей молніи, которая, впрочемъ, не долго заставила себя ждать. На лугу, лежавшемъ за топью, уже ничего нельзя было разглядѣть. Новый бурный порывъ вѣтра чуть не вырвалъ половинку окна изъ рукъ старика и, ворвавшись въ комнату, погасилъ огонь. Шоллеръ быстро захлопнулъ окно.

— Однакожъ, какова буря, сказалъ онъ; — нехорошо, что до сихъ поръ не выпало ни капли дождя. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы Гансъ поскорѣе вернулся домой; послѣдній ударъ былъ какъ-разъ на дорогѣ къ городу.

Между тѣмъ Маргарита зажгла потушенную лампу и молодые люди осматрѣли во всѣхъ комнатахъ, плотно-ли заперты окна. Снова свергнула молнія; ударъ послѣдовалъ быстрѣе, чѣмъ прежде; страшные порывы вѣтра потрясали весь домъ.

— Смотри, отецъ, какъ свѣтло становится на дворѣ, сказала вдругъ Маргарита;—ужъ не зажгло-ли гдѣ молніей?

— У насъ она не могла зажечь, отвѣчалъ старикъ, качая головою, — вотъ развѣ одну изъ негритянскихъ хижинъ, это можетъ быть.

— Но посмотри! Въ маленькомъ сараѣ, гдѣ сложенъ кормъ для скота, разливается яркій свѣтъ, — тутъ, какъ-разъ у дома.

Отецъ бросилъ стремительный взглядъ и въ мигъ очутился у двери.

— Бэртольдъ, сюда, живо! Марія, иди скорѣе съ Гретою: въ сараѣ пожаръ! Берите скорѣе ведра съ водою!

Копыта лошадей стучали по дорогѣ, но на нихъ никто не обратилъ вниманія: всѣ торопливо бросились съ лѣстницы на открытый воздухъ. Глазамъ ихъ представился загорѣвшійся со всѣхъ сторонъ небольшой сарай, который находился въ какихъ-нибудь десяти шагахъ отъ дома; пламя огненными языками взвивалось въ небу и черезъ нѣсколько минутъ образовало собою цѣлый огненный столбъ.

Съ дороги раздался дикій крикъ, но могли-ли они обратить на него теперь вниманіе, когда все, что было приобрѣтено ими, черезъ нѣсколько времени могло оставить по себѣ только однѣ обгорѣвшія развалины? Мужчины взяли ведра и спѣшили заливать пожаръ; ручей былъ шагахъ въ ста отъ дома, а наполненная водою цистерна, находившаяся подлѣ самаго строенія, слишкомъ медленно выдѣляла воду черезъ кранъ; сверху-же достать изъ нея воду не было возможности, такъ-какъ она была довольно высока и далеко не полна.

Тамъ и сямъ пламя взвивалось сверху, кружилось въ воздухѣ, поднималось еще выше и исчезало въ пространствѣ; вотъ еще одинъ огненный языкъ: долго кружился онъ и, наконецъ, вѣтромъ перебросило его на крышу дома.

— Выбросьте постели изъ оконъ, кричалъ Шоллеръ дѣтямъ. — Скорѣе, скорѣе, дѣти; если огонь захватитъ этотъ деревянный ящикъ, то о спасеніи и думать нечего. Это навѣрное сдѣлали тѣ негодные мошенники изъ города, которыхъ я видѣлъ при свѣтѣ молніи. Прочь оттуда, вы ничего не сдѣлаете: огонь уже нельзя потушить и безъ пожарной трубы намъ не снасти дождь!

Страшная молнія снова освѣтила всю картину; мгновенно за ней раздался громовой ударъ и въ ту-же минуту проливной дождь полилъ на землю, словно съ этимъ ударомъ водяная масса прорвалась сквозь всю толщу облаковъ. Поднимающееся вверхъ пламя между

тѣмъ уже разрушило тонкія доски, составлявшія крышу сарая, и съ яростью боролось съ новой стихіей, стремительно преграждавшей ему путь. Мало-по-малу огонь погасъ и потеря ограничилась однимъ сараемъ.

Старикъ Шоллеръ съ двумя меньшими сыновьями все еще стоялъ на дождѣ, какъ вдругъ на улицѣ раздался крикъ:

— Отецъ! выйди поскорѣе ко мнѣ!

— Это Гансъ! вскричалъ Бэртольдъ.

— Гей, Бэртольдъ, сюда, помоги мнѣ!

Бэртольдъ вышелъ на дорогу и увидѣлъ Ганса, который съ усиліемъ тащилъ за собою какое-то темное тѣло.

— Помоги мнѣ; это одинъ изъ поджигателей; ну, и ловко-же я его поймалъ! Что, огонь потушили?

— Дождь насъ спасъ.

— Тѣмъ лучше... Ну, возьми-ка его да хорошенько хвати по головѣ, если онъ вздумаетъ вырваться.

Бэртольдъ, наконецъ, понялъ, что братъ тащилъ по грязи какое-то человѣческое существо. Быстро и ловко своею мускулистою рукою онъ схватилъ этого человѣка за шиворотъ и ви́стѣ съ братомъ живо втащилъ его на дворъ, гдѣ уже находился вышедшій къ нимъ навстрѣчу отецъ.

— Это ты, Гансъ?

— Конечно, я, отецъ.

— А что это ты тащишь?

— Одного изъ негодяевъ, которые хотѣли сжечь насъ и наше имущество.

— Но какимъ-же образомъ удалось тебѣ захватить его? Что онъ, мертвъ?

Гансъ засмѣялся; дождь все еще продолжалъ лить, но о немъ никто и не думалъ: до того-ли имъ было въ эту минуту.

— Нѣтъ, живъ, сказалъ онъ,—я только заткнулъ ему ротъ платкомъ, а то, чего добраго, онъ созвалъ-бы къ себѣ на помощь всю остальную шайку, а ихъ было человѣкъ двадцать.

— А какъ-же ты подцѣпилъ этого?

— Представьте себѣ, отвѣчалъ молодой человѣкъ,—въ Саваннѣ мнѣ пришлось пробыть дольше, чѣмъ я думалъ. Вездѣ искалъ я своего бурку, но надежды мои не сбылись; тогда я подалъ заявленіе и, видя, что сегодня больше ужъ ничего не подѣлаешь,

отправился въ обратный путь. Небо казалось мнѣ подозрительнымъ — на востокѣ сверкали тусклія молніи — и я пустилъ своего вороного скорою рысью. Но какъ только подѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ три большія дерева, мнѣ послышалось вдругъ лошадиное ржанье. Неужели это бурка? подумалъ я, — неужели онъ нашелся самъ собою и вовсе не украденъ? Быстро повернувъ по направленію этихъ деревьевъ, я вдругъ очутился среди цѣлаго табуна взнузданныхъ и осѣданныхъ лошадей. Въ первую минуту я, право, не зналъ, что и подумать; зачѣмъ явились сюда эти лошади и гдѣ ихъ сѣдоки? Я крикнулъ, желая получить отвѣтъ отъ кого-нибудь, но на мой зовъ никто не откликнулся; тогда, припомнивъ сегодняшнюю исторію, я сталъ опасаться злыхъ замысловъ негодяевъ. Какъ попалъ я на благую мысль — и самъ не знаю: на моемъ сѣдлѣ, у луки, были привязаны путы отъ моего вороного коня; въ мигъ соскочилъ я съ своей лошади и опуталъ ближайшую лошадь. Когда негодяи захотятъ поѣхать въ обратный путь, подумалъ я, одинъ изъ нихъ не будетъ имѣть возможности двинуться съ мѣста, и я узнаю, за какой продѣлкой онъ сюда пріѣхалъ. Едва я успѣлъ покончить свое дѣло и снова сѣсть на лошадь, какъ увидѣлъ вдругъ зарево надъ нашимъ домою; на меня попалъ страхъ. Пришпоривъ вороного, полетѣлъ я домой. Только, вижу, нѣсколько темныхъ фигуръ пробѣжали мимо меня къ только-что покинутымъ мною деревьямъ. Двухъ изъ нихъ я едва не схватилъ на дорогѣ, но они отъ меня ускользнули, благодаря темнотѣ; немного спустя я услышалъ топотъ удалявшихся въ темнотѣ лошадей. Я повернулъ лошадь и легко могъ рассмотреть на болѣе свѣтлой дорогѣ прыжки спутанной лошади. Не догадался бѣдный ѣздець: стоило соскочить съ сѣдла и развязать путы — тогда, понятно, поминай его какъ звали; а онъ только все сильнѣе и сильнѣе шпорилъ несчастную лошадь, которая, какъ-бы въ отвѣтъ на получаемые удары, съ силой лягала задними ногами, но не двигалась ни на одинъ шагъ съ мѣста. Товарищи его, конечно, мало о немъ заботились: мучимые совѣстью, они, вѣроятно, спѣшили скорѣе убраться домой, да и когда имъ было считать, кого нѣтъ изъ ихъ компаніи, а за лошадинымъ топотомъ крики оставшагося о помощи не могли долетѣть до нихъ. Я не дремалъ и, подскочивъ къ нему, быстро нанесъ ему ловкій ударъ; буда я попалъ — не знаю, но ѣздець, выбитый изъ сѣдла,

съ ревомъ разъяреннаго тигра свалился, какъ снопъ, на землю. Одишь прыжокъ—и я былъ на немъ; немногихъ усилій мнѣ стоило крѣпко стаянуть ему руки назадъ; мой старикъ-вороной смирно стоялъ подлѣ и не мѣшалъ мнѣ справляться на свободѣ съ моимъ плѣнникомъ; а такъ-какъ въ это-же время хлынулъ проливной дождь и свою помощь здѣсь я уже считалъ лишнею, то, заткнувъ этому мерзавцу платкомъ ротъ, я потащилъ его прямо сюда.

Между тѣмъ буря прошла; хотя еще шелъ дождь, но въ воздухѣ стало уже тихо; нѣмцы удалились съ своимъ плѣнникомъ подъ веранду дома. Маргарита принесла изъ комнаты лампу и, посмотрѣвъ на физиономію плѣннаго, съ ужасомъ вскрикнула:

— Это тотъ самый, Гансъ, котораго ты сегодня спровадилъ; я его узнаю.

— Я такъ и думалъ, отвѣтилъ Гансъ,—что пожаръ дѣло ругъ его и его друзей. Хорошо, что я поймалъ именно его.

— Освободите меня! закричалъ Томъ, какъ только получилъ возможность свободно дышать и говорить.—Какъ смѣете вы нападать на большой дорогѣ? Развѣ вы разбойники и убійцы? Предупреждаю васъ, у меня при себѣ нѣтъ ни гроша денегъ!

— Въ этомъ я охотно повѣрю тебѣ, самодовольно расхохотавшись, замѣтилъ Гансъ,—вы всѣ лѣнивая, негодная сволочь! А зачѣмъ мы скрутили тебя—ты это и самъ знаешь, а не хочешь знать, такъ узнаешь завтра въ городѣ.

— Пустите меня! закричалъ плѣнникъ и рванулъ веревки, но онѣ были крѣпки и не поддались.

— Что-же вы хотите съ нимъ сдѣлать? съ замѣтнымъ отстѣвкомъ состраданія въ голосѣ спросила Грѣта.—Отпустите его, онъ уже достаточно наказанъ.

— По моему мнѣнію, его слѣдуетъ повѣсить на первомъ попавшемся деревѣ, сказалъ Гансъ.

— Безъ убійства, Гансъ! строго возразилъ отецъ.

Фу, чортъ возьми, какая шальная мысль влѣзла мнѣ въ голову, мрачно сказалъ Гансъ.—Впрочемъ, этотъ мерзавецъ вполне заслужилъ такое наказаніе. Эта подлая шайка бывшихъ рабовладѣльцевъ, вѣроятно, думаетъ, что съ нами она можетъ обращаться такъ-же, какъ она прежде обращалась съ своими не-

счастливыми невольниками. Слѣдовало-бы строго наказать этого негодяя, чтобы навсегда отбить у негодяевъ охоту дѣлать ночныя нападенія на мирныхъ жителей. Завтра вмѣстѣ съ братомъ Бертольдомъ мы свеземъ поджигателя въ городъ и передадимъ его полиціи; пусть она дѣлаетъ съ нимъ, что ей угодно.

— Этого вы не посмѣете сдѣлать! вскричалъ Томъ,—я совершенно случайно попалъ сюда.

— Полно вздоръ молоть, закричалъ Гансъ.—Все это ты можешь сказать завтра судѣ, такъ-какъ я намѣренъ на тебѣ убѣдиться, есть-ли въ этой странѣ право и правосудіе или-же здѣшняя администрація наполнена такими-же мерзавцами и негодяями, какъ и ты.

— Можемъ-ли мы спокойно оставить на ночь у себя этого молодца? спросилъ старикъ Шоллеръ:—ну, если ему удастся уйти, онъ навѣрное постарается отблагодарить насъ новымъ поджогомъ.

— Не думаю, чтобы ему легко было это сдѣлать, смѣясь замѣтилъ Гансъ:—я хорошо скрутилъ ему руки веревкою и готовъ биться объ закладъ, что всѣ его попытки освободить себя останутся безуспѣшными. На эту ночь онъ можетъ смотрѣть какъ на задатокъ въ счетъ заслуженнаго имъ наказанія; а завтра, рано утромъ, мы съ братомъ постараемся доставить его въ городъ.

Тому еще ни разу не приходила въ голову мысль, что ему въ такомъ непріятномъ положеніи придется пробыть цѣлую ночь, и какъ только онъ узналъ, какая мука предстоитъ ему, онъ, какъ разъяренный тигръ, началъ рваться и метаться по комнатѣ, сился и руками и зубами разорвать веревки, крѣпко стягивавшія его члены. Но Гансъ былъ правъ: несмотря на всѣ его усилія, онъ не могъ ничего сдѣлать. Измученный, съ ужасною, жгучею болью во всемъ тѣлѣ, Томъ долженъ былъ, наконецъ, лечь и заснуть крѣпкимъ, но спокойнымъ сномъ, отъ котораго на другой день его пробудило безутѣшное сознаніе своего положенія, лихорадочная дрожь и сильная боль во всѣхъ членахъ тѣла.

Полный ярости и злобы противъ сѣверныхъ пришельцевъ, Томъ утѣшалъ себя планами мести; однакожь, онъ понималъ, что ему нельзя рассчитывать на снисхожденіе суда, потому что противъ него существовали весьма серьезныя улики.

Что касается его товарищей, то они, спасаясь отъ дождя, возвращались домой вскачь; они не замѣтили отсутствія Тома Блос-

сама и, возвратясь въ городъ, безопасно разсѣялись на ночь по разнымъ трактирамъ.

На другое утро, отрезвившись, они услышали непріятную новость, что Томъ Блоссамъ рано утромъ былъ привезенъ въ городъ связанный и переданъ полиціи двумя нѣмцами, которые обвиняли его въ поджогъ нѣмецкой фермы при участіи цѣлой компаніи товарищей.

Какъ захватили его? задавали себѣ вопросъ его беззащитныя товарищи, пораженные услышанной новостью. Никто не замѣтилъ ихъ во время самаго поджога; всѣ они безпрепятственно доскакали до Саванны, но никто не могъ сказать, видѣли-ли Тома во время дороги. А что, если онъ признался! Но этого допустить нельзя: нарушивъ данную клятву, онъ шелъ на вѣрную смерть—общество во всякое время могло лишить его жизни.

Между тѣмъ Томъ Блоссамъ былъ представленъ судѣ, должность котораго исправлялъ теперь извѣстный намъ Врангли, и ему, такимъ образомъ, пришлось судить своего бывшего клерка.

Обыкновенно всегда изящный, м-ръ Блоссамъ послѣ вчерашней прогулки явился къ судѣ въ довольно жалкомъ видѣ. Изорванное платье лохмотьями висѣло на его усталомъ, измученномъ тѣлѣ, а его избитое лицо было запачкано кровью и грязью.

— Если не ошибаюсь, вы м-ръ Блоссамъ? сказалъ Врангли, не безъ удивленія окидывая его взглядомъ съ ногъ до головы.— Во всякомъ случаѣ, я никакъ не ожидалъ, что вы такъ скоро оправдываете мое мнѣніе о васъ. Неожиданная встрѣча!

— Это незаслуженное обращеніе оскорбляетъ меня! въ негодованіи вскричалъ молодой человѣкъ,—и я требую немедленнаго удовлетворенія за нанесенныя мнѣ обиды.

— Будьте увѣрены, сухо отвѣтилъ Врангли,—вы его непременно получите; вы обвиняетесь въ сообщничествѣ при поджогѣ фермы.

— Это гнусная ложь! вскричалъ Блоссамъ:—маленькій сарай заженъ ударомъ молніи.

— А вы поспѣшили на помощь тушить пожаръ, такъ-ли?

— Мы попали туда совершенно случайно!

— И, конечно, предложили свои услуги при тушеніи пожара?

— Будь я проклятъ, если хоть разъ пошевелию пальцемъ,

дерзко вскричалъ юноша, — чтобы спасти дошъ голландца; чего имъ надо въ нашей странѣ?

— Кто были ваши спутники?

— Можно-ли видѣть человѣка въ такой темнотѣ, какая была вчера ночью? отвѣчалъ вопросомъ на вопросъ окончательно взбѣшенный Блоссамъ; — я видѣлъ разныхъ джентльменовъ, ѣхавшихъ по дорогѣ, но кто они — мнѣ неизвѣстно; такъ или иначе, я не принадлежалъ къ числу ихъ. Я на-время сошелъ съ лошади и когда хотѣлъ опять сѣсть и продолжать далѣе свое путешествіе, этотъ нѣмецъ бросился на меня, какъ разбойникъ, и, связавъ, не далъ возможности требовать удовлетворенія за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

— За все это мы ему очень благодарны, спокойно возразилъ Врангли: — онъ далъ намъ возможность въ первый разъ получить осязательную улику. Итакъ, спрашиваю васъ еще разъ: желаете вы назвать вашихъ товарищей?

— Я ни одного изъ нихъ не знаю, грубо сказалъ Тома.

Врангли взявъ лежавшій предъ нимъ на столѣ листъ бумаги и съ самодовольной улыбкой поднесъ его къ обвиняемому.

— Быть можетъ, эта бумага освѣтитъ вашу память, сказалъ онъ; — не стѣсняйтесь; это, я полагаю, довольно полный эпископъ, не правда-ли? или, быть можетъ, кто-нибудь пропущенъ?

Блоссамъ быстро пробѣжалъ глазами бумагу и крѣпко сжалъ губы. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Жалоба лишена всякаго смысла: ну, какая-же цѣль была поджигать это голландское гнѣздо?

— О цѣли намъ уже сообщили, м-ръ Блоссамъ, холодно отвѣтилъ Врангли, — объ этомъ вы не беспокойтесь... Еще разъ васъ спрашиваю: желаете-ли вы добровольно назвать намъ своихъ соучастниковъ?

— У меня ихъ нѣтъ, и я требую сейчасъ-же освободить меня; я самъ буду искать удовлетворенія у суда! запальчиво вскричалъ молодой человѣкъ.

М-ръ Врангли не отвѣчалъ ничего; онъ только позвонилъ.

— Отведите подсудимаго въ его камеру, а если онъ вздумаетъ тамъ буянить, то надѣньте кандалы, раздался приказъ.

Тома отвели въ тюрьму.

Опасный и зловредный элемент дѣйствовалъ на югъ; едва подавленный силою побѣдоносныхъ сѣверянъ, онъ снова уже поднялъ свою голову, стараясь уязвить пяту, наступившую ему на горло. Рабовладѣльческая молодежь юга, представительница этого элемента была тѣмъ опаснѣе, что боролась за самое свое существованіе. Она состояла изъ праздныхъ паразитовъ, привыкшихъ съ малолѣтства жить чужимъ трудомъ, неспособныхъ собственной работой поддержать свое существованіе. Чему эти юноши научились? какія вынесли убѣжденія изъ условій, окружавшихъ ихъ дѣтство? Ровно ничему, кромѣ развѣ верховой ѣзды да балльных танцевъ, а убѣжденія ихъ сложились подѣ влияніемъ рабства черной расы, на счетъ которой существовали эти тунеядцы. Да, эти юноши были испорчены до мозга костей; подобно индѣйскому начальнику, они считали всякую работу безчестіемъ и позоромъ и на работника привели смотрѣть, какъ на подвластнаго себѣ раба. Что-же теперь имъ оставалось дѣлать,—теперь, когда ужъ были отняты у нихъ руки, еще такъ недавно доставлявшія имъ все необходимое? Просить милостыню или работать?—но то и другое было для нихъ немыслимо: чрезмѣрная гордость не допускала такого униженія... выбора не было; имъ оставалось одно преступленіе. Всего яснѣе доказало ихъ негодность вновь призванное къ жизни общество Кукулуксъ, основанное исключительно на убійствѣ и вѣроломствѣ. Конечно, у правительства Соединенныхъ Штатовъ хватило-бы настолько силы, чтобы въ самомъ-же началѣ задушить это общество, но недалководный человѣкъ, стоявшій во главѣ республики послѣ умерщвленія президента Линкольна, безхарактерный Джонсонъ, строилъ Югу глазки. Въмѣсто того, чтобы вырвать съ корнемъ разраставшееся въ государствѣ зло, чтобы за первыя же проступки наказывать со всею строгостію законовъ, правительство довольствовалось частыми увѣщаніями и предостереженіями. Послѣдствія такой политики не замедлили скоро проявиться.

На этотъ разъ въ Саваннѣ полиція, казалось, рѣшилась не давать потачки. Еще въ тотъ-же день арестованы были пять молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ самымъ знатнымъ семействамъ города, по подозрѣнію въ участіи ихъ въ попыткѣ поджечь нѣмецкую ферму; отпустить ихъ на свободу полиція рѣшительно отказалась, несмотря на представленный ей значительный залогъ;

слѣдующій вечеръ назначенъ былъ для публичнаго разбирательства дѣла. Но уже съ наступленіемъ сумерокъ стали на улицахъ собираться значительныя толпы молодыхъ людей; приближеніе патрулей разогнало ихъ, но они успѣли уговориться насчетъ сборныхъ мѣстъ, гдѣ могли сойтись вмѣстѣ безпрепятственно.

Эта демонстрація не предвѣщала ничего добраго, а потому м-ръ Врангли потребовалъ усиленія военнаго караула тюремнаго зданія; военныя власти изъявили свое согласіе, но отряды не явились къ тюрьмѣ, а только заняли зданіе муниципалитета, которому, впрочемъ, не грозила никакая опасность. Вечеръ прошелъ довольно спокойно; но около полуночи на тюрьму было сдѣланó нападеніе съ разныхъ сторонъ. Неизвѣстно, застигнуты-ли были тюремныя сторожа въ распахъ или-же ихъ подкупили раньше, но двери были растворены, арестанты освобождены, а приближающихся констеблей бунтовщики встрѣтили дружнымъ залпомъ изъ револьверовъ.

Теперь явился и отрядъ солдатъ; но заговорщики не намѣрены были вступать съ ними въ бой: цѣли своей они достигли и теперь бросались бѣжать во всѣ стороны по узенькимъ переулкамъ и закоулкамъ города и скоро спаслись отъ преслѣдованія. Самъ Врангли, во главѣ констеблей, выступилъ противъ нихъ, надѣясь перехватить, по крайней мѣрѣ, хоть часть шайки, и, дѣйствительно, ему удалось поймать двоихъ изъ банды, но самъ онъ былъ раненъ пулею изъ револьвера и поневолѣ долженъ былъ прекратить преслѣдованіе.

Общество въ эту ночь одержало побѣду; по крайней мѣрѣ, правительство доказало полнѣйшую свою неспособность держать въ повиновеніи жалкую сволочь юга. Но на этомъ не остановилось дѣло. Теперь войска заняли пустую тюрьму; между тѣмъ въ другихъ кварталахъ города буйствовали необузданныя шайки бунтовщиковъ, бросали камни въ окна домовъ, гдѣ жили нѣмецкія семейства, и даже пытались поджечь домъ м-ра Врангли, но, къ счастью, безуспѣшно.

При этомъ особенно пострадали бѣдные негры они не смѣли показывать своего носа на улицу. На слѣдующій день безчинство и беспорядокъ достигли крайнихъ размѣровъ; городскія власти вы-

нуждены были потребовать военное подкрѣпленіе изъ Чарльстона, чтобы не допустить развиться полному возстанію.

Старые плантаторы, уступая обстоятельствамъ, покинули почву, на которой, думали они, существовать имъ было невозможно при новыхъ отношеніяхъ, но молодое поколѣніе рѣшилось упорствомъ и непокорностью принудить Сѣверъ къ признанію на югѣ стараго порядка вещей, а потому жизнь въ южныхъ штатахъ, особенно для новыхъ переселенцевъ съ сѣвера, становилась часъ отъ часу невыносимѣе.

(Продолженіе будетъ.)

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ.

- Холодно. Пасмурно. День безотрадный,
Точно преступникъ, угрюмо глядитъ;
Въ дождь переходитъ туманъ непроглядный,
Вѣтеръ провзительный стонетъ, свиститъ.

Лѣнью гнетущей, хандрой безобразной
Сжать какъ тисками желѣзными умъ;
Сердце больное тѣснить неотвязно
Рой невеселыхъ, мучительныхъ думъ...

Все приглядѣлось; возьмешься за дѣло,
Просто валится работа изъ рукъ;
Силь нѣтъ, болить изнуренное тѣло,
Грудь разорваться готова отъ мужъ.

Радъ-бы заплакать... Все легче-бы стало,
Но ужь давно весь родникъ моихъ слезъ
Высохъ... Вѣдь много душа испытала,
Много видала дней бурныхъ и грозъ...

Въ комнатѣ тѣсной, сырой и холодной
Царствуетъ мракъ и безмолвная тишь,
Маятникъ только стучитъ, да бесплодно
Гдѣ-то въ углу копошится мышь...

Я позабылся... и прошлаго тѣни
Пестрой толпой пронеслись предо мной...
Вспомнился день мнѣ такой-же осенній,
Вспомнился мнѣ городокъ мой родной.

Храма науки унылыя стѣны...
Этотъ прощальный, торжественный часъ...
Послѣ тяжелаго, долгаго плѣна
Двери свободно раскрылись для насъ.

Помню я живо картину прощанья,
Юныя лица товарищей всѣхъ,
Жаркія клятвы друзей, обѣщанья,
И задушевныя рѣчи, и смѣхъ...

О, почему для тебя нѣтъ возврата,
Чудная, свѣтлая жизни пора!..
Какъ мы въ то время глубоко и свято
Вѣрили въ мощную силу добра!

Вѣрили твердо въ свое мы призванье
И въ правоту нами чтимыхъ идей;
Въ жизнь мы входили, полны упованья
Встрѣтить поддержку всегда межъ людей...

Съ знаменемъ честности, правды суровой,
Дружно сплотившись въ большую семью,
Жертвовать жизнію были готовы
Мы за отчизну родную свою!..

.
.

Петръ Выковъ.

СУДЬБЫ ИРЛАНДІИ.

VI.

Экономическій прогрессъ Ирландіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, — прогрессъ, которымъ гордятся англичане и о которомъ мы говорили выше, былъ крайне одностороненъ. Зло, посѣянное семью вѣками, оставило глубокіе слѣды. Лѣса давно уже истреблены въ Ирландіи; земля, путемъ частыхъ конфискацій и наслѣдственной передачи, перешла въ руки небольшого числа ландлордовъ англійскаго происхожденія. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія Ирландіей владѣли только 8,000 собственниковъ, изъ которыхъ нѣсколькимъ сотнямъ человѣкъ принадлежало около $\frac{2}{3}$ всей ирландской земли. Между тѣмъ народу требовалось гораздо больше земли, и онъ началъ подвергаться болѣе сильнымъ стѣсненіямъ въ пользованіи ею, чѣмъ прежде. Относительное замиреніе страны и разведеніе картофеля, который, по своей дешевизнѣ, сдѣлался національной пищей ирландцевъ, имѣли своимъ результатомъ быстрое размноженіе народа. Въ Ирландіи жителей было:

Въ 1672 году	1,320,000	въ 1821 году	6,801,000
„ 1706 „	2,309,000	„ 1831 „	7,761,000
„ 1792 „	4,088,000	„ 1834 „	7,943,000
„ 1811 „	5,937,000	„ 1841 „	8,175,000

А такъ-какъ количество воздѣлываемой земли оставалось почти одно и то-же, то земля, по мѣрѣ размноженія народа, $\frac{9}{10}$ котораго жило исключительно земледѣльческимъ трудомъ, — земля неизбежно должна была все болѣе и болѣе раздробляться на микроскопическіе участки. Чтобы увеличить доходность своихъ земель, ирландскіе ландлорды, съ помощью англійскихъ, издали законъ,

воспрещавшій ввозъ иностраннаго хлѣба (corn law). Законъ этотъ, поднявъ цѣны на хлѣбъ, увеличилъ доходы собственника, заставилъ земледѣльца питаться исключительно дешевымъ картофелемъ, а хлѣбъ сѣять только на продажу, для уплаты аренды. При этомъ масса нищихъ ирландцевъ могла снимать только самыя мелкія фермы и, вслѣдствіе усиленнаго спроса на нихъ, онѣ и 10 или 15 проц. сдѣлались дороже крупныхъ. Хлѣбные законы довели Ирландію до ужаснаго состоянія. Высокія цѣны на хлѣбъ держались не долго и, странно сказать, хорошіе урожаи сдѣлались народнымъ бѣдствіемъ! Вслѣдствіе урожаявъ, цѣны на хлѣбъ падали такъ низко, что земледѣльцы не имѣли сбыта для своего хлѣба или-же продавали его такъ дешево, что не могли платить аренды. Произошелъ кризисъ 1815 года. Арендаторы не платили, откупщики, снимавшіе у ландлордовъ землю оптомъ, а потомъ раздававшіе ее отъ себя мелкими участками, раззорились и многіе изъ нихъ бѣжали; крупныя землевладѣльцы понесли большіе убытки. Этотъ кризисъ повелъ за собой сильное и систематическое уменьшеніе количества пахатной земли. Ландлорды сочли выгоднымъ превратить пашни въ пастбища, чтобы откармливать на нихъ скотъ для англійскаго рынка. Для этого нужно было совершить *очистку* (cleaving) помѣстій отъ фермеровъ, согнать ихъ съ земли, снести хижины и развести луга. Первый опытъ такой очистки en grand былъ сдѣланъ въ Ирландіи еще въ 1760 году, когда, въ видахъ выгодной продажи сыра и масла, начали согнать фермеровъ и разводить вмѣсто нихъ скотъ. Много помѣстій было очищено, но операція все-таки не могла достигъ тѣхъ размѣровъ, въ какихъ ее предприняли ландлорды. Ирландцы оказали ей рѣшительное сопротивленіе; аграрныя преступленія увеличились. При всемъ томъ значительная часть земли была обращена въ пастбища, а оставшаяся подъ пашнями раздробилась еще на болѣе мелкіе участки вслѣдствіе этой операціи и вслѣдствіе того, что народонаселеніе сильно прибывало. Чѣмъ бѣднѣе становился ирландскій народъ, тѣмъ болѣе плодился онъ. Человѣкъ, не дошедшій до такого несчастнаго состоянія, хотя и бѣдный, напр., нѣмецкій крестьянинъ, прежде, чѣмъ жениться, непременно обзаводится чѣмъ-нибудь, хотя кроватью, столомъ, да тремя парами бѣлья. Нищимъ-же ирландцамъ не на что было обзаводиться; они женились тотчасъ по достиженіи половой зрѣлости и обильно плодились. Съ

размноженіемъ семейства, ферма разбивалась на мелкіе участки, которые отецъ раздавалъ своимъ сыновьямъ. Каждый изъ послѣднихъ владѣлъ четырьмя или пятью акрами вмѣсто двадцати, которые обрабатывалъ отецъ ихъ; вмѣсто одной хижины, на фермѣ стояло теперь нѣсколько жалкихъ мазанокъ. Каждый изъ этихъ сыновей точно такъ-же раздѣлялъ свой участокъ между своими дѣтьми, и это постепенное раздробленіе земли доходило до того, что каждое семейство жило обработкою клочка земли въ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, даже случалось въ $\frac{1}{16}$ акра!.. Въ 1784 году ферма въ 208 акровъ была сдана одному арендатору, который раздробилъ ее между тремя своими сыновьями; а въ тридцатыхъ годахъ она была уже раздроблена между 26 родственными семействами. Земля въ 205 акровъ, отдававшаяся сначала двумъ фермерамъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія была уже раздѣлена на 422 участка! Такимъ образомъ, въ Ирландіи соединялись всѣ невыгоды обѣихъ крайностей—крупнаго землевладѣнія и мелкаго фермерства. Нѣсколько милліоновъ акровъ земли оставались пустыми и необработанными, а между тѣмъ пять ирландцевъ должны были жить воздѣлываніемъ того-же самаго клочка земли, который, при гораздо лучшей обработкѣ, кое-какъ удовлетворялъ нужды только двухъ англійскихъ земледѣльцевъ. Въ 1831 году было:

	Земледѣльцевъ.	Акровъ обработанной земли.
Въ Великобританіи . .	1,055,982	34,200,000
„ Ирландіи	1,131,715	14,600,000

Ландлорды по-прежнему продолжали жить въ Англіи или за границей, предоставляя свои имѣнія произволу управляющихъ. Независимо отъ другихъ причинъ, поддерживающихъ абсентеизмъ, онъ объяснялся еще результатами системы, губительными для самихъ землевладѣльцевъ. Жить въ Ирландіи имъ было трудно и опасно, и епископъ Дойль, просвѣщенный другъ Ирландіи, говорилъ: „Я не осуждаю абсентеистовъ; я самъ сдѣлался-бы абсентеистомъ, если-бы было можно“. Отсутствующіе ландлорды вовсе не заботились объ улучшеніи своихъ имѣній, о которыхъ они знали только по наслышкѣ, и хлопотали только объ исправномъ полученіи арендной платы. Поэтому они сдавали свои земли на долговѣчный откупъ капиталистамъ (money lender), жившимъ также въ Англіи, а эти спекуляторы передавали ихъ, въ свою очередь,

второстепеннымъ антрепренерамъ, известнымъ подъ названіемъ *посредниковъ* (middlemen), которые раздавали ихъ уже мелкимъ фермерамъ, и послѣдніе, такимъ образомъ, кромѣ платы ландлорду, должны были еще уплачивать проценты откупщику-капиталисту, за выданныя имъ землевладѣльцу деньги, и барыши посреднику. Вдобавокъ ко всему, этихъ посредниковъ было по нѣскольку на каждой фермѣ. Землевладѣлецъ *А* сдавалъ свои 100 акровъ капиталисту *Б*, который отдавалъ ихъ посредникамъ *В* и *Г*, по 50 акровъ каждому, на 99 лѣтъ; *Г* отдавалъ свой участокъ *Д* и *Е* на 31 годъ; *Е*, въ свою очередь, пускалъ на землю фермеровъ *Ж*, *З* и *К*, срокомъ на 7 лѣтъ, а послѣдніе ежегодно дѣлили свои участки между толпою арендаторовъ самаго низшаго разряда, которые, кромѣ аренды дѣйствительному собственнику, доставляли еще доходы всеѣмъ упомянутымъ посредникамъ. Какъ собственники, такъ и посредники, заботились объ одномъ увеличеніи своихъ доходовъ и выжимали изъ земли все, что можно было выжать. Аренды страшно поднимались въ цѣнѣ, благодаря чрезвычайной конкуренціи бѣдныхъ фермеровъ. Такъ, одно имѣніе въ 1656 году давало ренты 700 ф. ст., а въ 1840-хъ годахъ — 43,000 ф. ст. Произвольно возвышаемыя и доведенныя до чрезмѣрности ренты получили въ Ирландіи энергическое названіе „task rents“. Рента, увеличиваемая ландлордами и посредниками, увеличивалась еще болѣе злоупотребленіями управляющихъ или агентовъ.

Кромѣ того, нанимая рабочихъ, собственники платили имъ не деньгами, а отводомъ небольшихъ земельныхъ участковъ или, другими словами, мелкіе фермеры уплачивали аренду известнымъ числомъ дней своего труда; но такъ-какъ цѣнность труда опредѣлялась собственникомъ, то и выходило, что бѣдняки платили двойную аренду. Мало этого, получая пустую землю, фермеры обрабатывали и улучшали ее, рыли колодцы, проводили каналы, разводили сады, дѣлали изгороди и помѣщенія для скота, строили себѣ дома и мельницы, но, по закону, все это принадлежало не имъ, а ландлорду, и удаленный арендаторъ не имѣлъ никакого права на вознагражденіе за свой трудъ и израсходованный капиталъ. „Землевладѣлецъ, говоритъ Лавелло, — ничего не сдѣлалъ для производительности земли, и, однако, онъ получаетъ съ нея чистый доходъ; арендаторъ сдѣлалъ землю производительной, и умираетъ съ го-

лodu“. Баронія Джисгиль, помѣстье въ 30,000 акровъ, въ концѣ прошлаго столѣтія было сдано лордомъ Дигби 120 семействамъ въ долгосрочную аренду. Впродолженіи двухъ поколѣній эти арендаторы работали безъ устали, возвели отличныя строенія, осушили землю и сдѣлали ее производительной. Но когда лордъ Дигби умеръ, то оказалось, что арендные контракты не имѣли никакой силы, арендаторы—никакихъ правъ, и все, что создано ихъ трудомъ, принадлежало наслѣднику феодальнаго маіората. Улучшеніе фермъ раззоряло арендаторовъ еще и съ другой стороны, независимо отъ потери плодовъ труда ихъ. Чѣмъ болѣе обстраивалъ и улучшалъ арендаторъ свою ферму, тѣмъ болѣе она пріобрѣтала цѣнности, тѣмъ выше собственникъ поднималъ аренду, тѣмъ больше долженъ былъ платить фермеръ за пользованіе тѣмъ, что создалъ оцъ. Нежелающій платить возвышенной аренды могъ убираться на всѣ четыре стороны, такъ-какъ собственникъ имѣлъ право всегда прогнать его. Прежде ландлорды заключали съ арендаторами долгосрочные контракты, но послѣ кризиса 1815 года этотъ обычай началъ выходить изъ употребленія, такъ-какъ контракты были невыгодны землевладѣльцамъ, которые желали имѣть возможность произвольнаго возвышенія аренды и политическаго подчиненія себѣ фермеровъ, которые при О'Коннеллѣ привыкли къ независимости на выборахъ и подавали голоса противъ своихъ ландлордовъ. Вслѣдствіе этого, землю начали сдавать не по контракту, а „по добровольному соглашенію“ (tenancy at will), въ силу котораго ландлордъ имѣлъ право, когда вздумается, возвышать ренту, прогонять фермера и присвоить себѣ всѣ воздвигнутыя имъ постройки и сдѣланныя улучшения. Впрочемъ, въ провинціи Ульстеръ и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ другихъ провинцій существуетъ съ древности обычное право пользованія—tenant right. Въ силу этого права, ландлордъ не имѣлъ права согнать фермера, пока тотъ платилъ аренду; никто не могъ нанять фермы, не заплативъ прежнему фермеру известную сумму за пользованіе ею; отказывая фермеру, ландлордъ платилъ ему всю сумму за его tenant right и не могъ поднять аренды до такой суммы, которая поглощала-бы стоимость tenant right'a. Благодаря этому обычаю, Ульстеръ благоденствовалъ, между тѣмъ какъ остальная Ирландія ужасно бѣдствовала вслѣдствіе необезпеченности пользованія землей, insecurity of tenure. На ни-

шихъ фермерахъ скоплялись громадныя недоимки—и ихъ сгоняли съ земель. Приказы объ очищеніи фермъ, какъ дамокловъ мечъ, висѣли надъ головою арендатора, которому послѣ изгнанія оставалось только или умереть съ голода, или бѣжать въ Америку, а въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ—арендовать худшую ферму и еще на худшихъ, чѣмъ прежде, условіяхъ. Эти приказы (notices of quit), это очищеніе фермъ были преступленіемъ, по словамъ Гладстона и лорда Дюффрина,—воровствомъ, по выраженію Миля и Лесли. Во многихъ частяхъ Ирландіи driver, чиновникъ, предназначенный для отнятія скота у фермеровъ, неуплатившихъ аренды, и process-server, агентъ, облеченный властью изгонять арендаторовъ,—служили необходимою принадлежностью каждаго помѣстья и получали хорошее жалованье. Но такъ-какъ изгоняемые фермеры рѣдко уходили безъ сопротивленія, то на помощь упомянутымъ агентамъ часто требовались констебли, и солдаты. Аграрныя преступленія усиливались и лучшіе изъ лэндлордовъ (впрочемъ, весьма немногіе) нашли, наконецъ, выгоднымъ для себя очищать фермы отъ неплательщиковъ, доставляя имъ средства эмигрировать въ Америку. Но и на это соглашались не всѣ. Несмотря на сопротивленіе фермеровъ, частныя очистки земли производились довольно успѣшно. Съ 1838 по 1847 годъ было согнано съ земель 713,970 фермеровъ.

Вычислено, что Ирландія можетъ прокормить больше 17,000,000 жителей, но совершенно безправное положеніе земледѣльца никогда не давало ему возможности развить, какъ слѣдуетъ, систему своего хозяйства и, въ частности, необезпеченность пользованія земель была причиною, что фермеры старались не употреблять своего капитала на улучшеніе земледѣлія. Какъ только земледѣлецъ извлекъ изъ земли средства, необходимыя для своего пропитанія, онъ старательно избѣгаетъ всякихъ улучшеній въ хозяйствѣ, ибо онъ боится, что плоды его трудолюбія будутъ похищены землевладѣльцемъ, который, по его мнѣнію, всегда слѣдитъ за увеличеніемъ производительности земли съ цѣлью немедленно возвысить ренту. Ирландскій земледѣлецъ, подобно египетскому феллаху, скорѣе закопаетъ свои деньги, чѣмъ употребитъ ихъ на земледѣліе. Ирландское земледѣліе съ незапамятныхъ временъ уже находится въ самомъ дурномъ положеніи. „Обыкновенный сѣвооборотъ состоитъ въ картофелѣ, пшеницѣ, овсѣ, которые сажаютъ

и съютъ до тѣхъ поръ, пока земля совершенно истощится и даже продолжительный отдыхъ не въ состоянїи возстановить ея производительной силы. Лонгфильдъ очень вѣрно описываетъ грустное зрѣлище, представляемое мелкой ирландской фермой. Уголокъ земли даетъ скудную жатву, отравленную плевелами, а остальная земля брошена и покрыта терновникомъ да шильникомъ. Въ промежутокъ времени между садкой картофеля и его сборомъ земледѣлецъ предается праздности. У него есть земля и руки, но онъ не умѣетъ употребить ихъ въ дѣло. Это не лѣнь, а невѣжество: у него нѣтъ ни знаній, ни преданій о хорошей земледѣльческой системѣ. Онъ гибнетъ въ самой ужасной нищетѣ, тогда какъ могъ бы при другихъ условіяхъ достигнуть нѣкотораго довольства и превратить всю страну въ садъ“ (Лавелъ). Земледѣлецъ не могъ и мечтать о приобрѣтеніи въ собственность клочка земли уже по одному тому, что пошлінные расходы на покупку были чрезвычайно велики. Дурное состоянїе земледѣлія невыгодно отзывалось и на ландлордахъ, которые, не употребляя ничего на улучшеніе земледѣлія, проматывая свои доходы, будучи стѣсняемы въ своемъ правѣ собственности маіоратомъ и субституціями, входили въ долги и во множествѣ закладывали свои имѣнія, которыя и поступали въ конкурсное управленіе, взимавшее съ нихъ доходы въ пользу кредиторовъ. Въ 1829 — 1831 г. подъ залогъ имѣній ирландскимъ землевладѣльцамъ было выдано 2,448,000 ф. ст.

По свѣденіямъ 1833 г., въ Англіи 1,055,982 земледѣльца, обрабатывая 13,849,320 гектаровъ земли, получали продуктовъ на 4,000,500,000 франковъ; въ Ирландіи-же 1,131,715 земледѣльцевъ отъ обработки 5,257,625 гектаровъ получали только на 900,000,000 фр., т. е. ирландецъ получалъ въ 5 разъ меньше, чѣмъ англійскій земледѣлецъ. При этомъ изъ 900,000,000 фр., получавшихся отъ земледѣлія, болѣе 600,000,000 получали нѣсколько тысячъ ландлордовъ, а остальные 300,000,000 распредѣлялись на 6,500,000 населенія, что составляло въ годъ 47 франковъ (11 рублей 75 коп.), а въ день 12½ сантимовъ (3⅓ воепейки) на каждого жителя! Бѣдность страны была невообразимая. „У всѣхъ народовъ, писалъ тогда Бомонъ, — есть нищія, но цѣлый народъ нищихъ — явленіе неизвѣстное до Ирландіи... Свободнаго ирландскаго земледѣльца невозможно сравнить даже съ англійскимъ пролетаріемъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что

самый жалкій изъ бѣдняковъ Англіи лучше ѣсть и лучше одѣтъ, чѣмъ самый счастливый земледѣлецъ Ирландіи“. Въ 1832 г. офціальныя изслѣдованія показали, что бѣдность народа все увеличивается, „пища становится хуже и скуднѣе, болѣзни многочисленнѣе, голодовки чаще, чѣмъ когда-нибудь. Прежде земледѣлецъ прибавлялъ къ своему картофелю сколько-нибудь молока, теперь же онъ не ѣстъ ничего, кромѣ картофеля, да и то въ меньшемъ противъ прежняго количествѣ. При этомъ онъ вынужденъ употреблять самый дурной сортъ картофеля (the lumper), потому что онъ даетъ самый обильный урожай“. Грановскій, вѣдется, замѣтилъ, что если-бы картофель не сдѣлался національною пищею ирландцевъ, то исторія Ирландіи приняла-бы другой оборотъ. Не отвергая важнаго вліянія пищи народа на ходъ его исторіи, мы думаемъ, что если-бы исторія Ирландіи приняла другой оборотъ, то картофель не сдѣлался-бы національною пищею ирландцевъ, пищею нищенской націи. Кромѣ своей малопитательности, картофель имѣетъ много другихъ недостатковъ: его трудно перевозить съ мѣста на мѣсто большими массами, его невозможно сохранять, какъ хлѣбъ, на случай неурожайныхъ годовъ. Даже и этою дурною пищею ирландцы не могли пользоваться вдоволь. Одни ѣли три раза въ день, другіе два раза, болѣе несчастные только разъ въ день, но было много и такихъ, которые могли ѣсть лишь разъ въ два или три дня. Голодъ сдѣлался нормальнымъ явленіемъ въ Ирландіи; въ ней, по донесенію комиссіи 1835 г., было отъ 3 до 4 милліоновъ жителей, которымъ ежегодно угрожала голодная смерть. Когда эта комиссія спросила епископа Дойля о положеніи страны, онъ отвѣчалъ, что „народъ, по обыкновенію, умираетъ съ голода“. Въ 1817 г. голодной лихорадкой заболѣло 1,500,000 человекъ, изъ которыхъ умерло 65,000 отъ недостатка питанія.

Не лучше пищи была и одежда ирландца. „Онъ, писалъ въ тридцатыхъ годахъ Бомонъ, — вообще или нагъ, или покрытъ лохмотьями, передаваемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе. Во многихъ хижинахъ только по два платья, что заставляетъ священниковъ служить въ воскресенье по нѣскольку обѣдней. Одни, отстоявъ первую обѣдню и вернувшись домой, раздѣваются и передаютъ платье другимъ, которые и идутъ въ немъ ко второй обѣднѣ“. Въ то-же время Брайтъ говорилъ въ парламентѣ: „люди, за неимѣніемъ одежды, не могутъ выходить изъ своихъ лачугъ,

между тѣмъ какъ другіе, благодаря той-же причинѣ, не имѣютъ возможности выписываться изъ богадѣленъ. Мужчины носятъ женское платье, не имѣя возможности заработать на мужскую одежду. Нерѣдко можно встрѣтить мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сбившихся кучами подъ грудой жалкихъ лохмотьевъ; они лишены возможности подняться съ мѣста, такъ-какъ на нихъ нѣтъ никакой одежды“ (Избр. рѣчи, 337).

Жилища массы ирландскихъ земледѣльцевъ состояли изъ колебъ, переплетенныхъ древесными вѣтвями и смазанныхъ глиной; вмѣсто крыши набрасывалось нѣсколько пучковъ соломы; вмѣсто пола грязная, мокрая земля; дымъ очага нерѣдко не имѣлъ другого выхода, кромѣ дверей. Такія хижины считались неудобными даже для свиней, и лучшее мѣсто въ нихъ отводилось свиньѣ, которая откармливалась для уплаты аренды. Присутствіе свиньи въ хижинѣ не было, однакожь, признакомъ крайней бѣдности: самые бѣдные фермеры жили безъ свиней... Бомонъ, путешествовавшій въ 1835 г., описываетъ одинъ приходъ въ графствѣ Майо. Изъ 11,761 жителя 9,837 не имѣли другихъ постелей, кромѣ соломы и травы; 7,531 не имѣли даже кроватей и спали на землѣ. Изъ 206 жителей одной изъ деревень прихода только у 39 было что-нибудь въ родѣ одѣяла; остальные спали безъ покрывши и по цѣлымъ ночамъ дрожали отъ холода, а многіе въ то-же время страдали и отъ голода.

Нарушенія закона усиливались. Фермеры не платили аренды и не очищали фермъ; они добивались обезпеченія за собою постоянного пользованія землей, которое въ послѣднее время нашло много парламентскихъ защитниковъ; оно-же было и глухимъ требованіемъ всей бунтовавшей массы. Ея идеи и стремленія очень вѣрно и живо формулированы Бомономъ. „Мы живемъ одной только землей и должны крѣпко держаться за нее. Если собственникъ или его агентъ приказываютъ намъ оставить ферму, мы останемся; предпишеть сдѣлать это судъ—мы все-таки останемся; придетъ вооруженная сила, чтобы принудить насъ, мы будемъ сопротивляться всѣми средствами... Всякій, кто непосредственно или посредственно содѣйствуетъ лишенію насъ фермъ, наказывается смертью“ — ланлордъ или его агенты, изгоняющіе фермера или чрезмѣрно возвышающіе аренду, лицо, арендовавшее землю изгнаннаго фермера или купившее съ аукціона вещи, взятія за долгъ, и т. д.

Кромѣ взаимныхъ насилій совершались и другія преступленія — поджоги, истребленіе скота и пашень, даже насилуваніе женщинъ, близкихъ къ лицамъ, на которыхъ сосредоточивалась народная ненависть. Все это совершалось систематически, по формальнымъ рѣшеніямъ, составленнымъ въ тайныхъ собраніяхъ такъ-называемыхъ *молодцовъ*. Вотъ какъ, напр., „судили“ Трэнча. „По всей окрестности были разосланы повѣстки самымъ дѣятельнымъ и надежнымъ изъ фермеровъ собраться ночью въ опредѣленное мѣсто *судить Трэнча*. Они не ограничились законнымъ числомъ двѣнадцати (присяжныхъ): ихъ собралось до пятнадцати человекъ. Предсѣдателемъ былъ хозяинъ фермы, человекъ, котораго я хорошо зналъ и который снималъ большой участокъ земли. Посреди просторнаго овина былъ поставленъ длинный столъ, вокругъ него разставлены скамьи и въ изобиліи припасена босоногой служанкой водка. Собраніе пило водку нѣсколько времени молча или переговариваясь шопотомъ. Когда всѣ довольно нагрузились, предсѣдатель, перескочивъ обычныя формальности обвиненія и допроса, даже вопросъ объ имени обвиняемаго, такъ-какъ все это было хорошо извѣстно присяжнымъ, прервалъ молчаніе и громкимъ голосомъ сказалъ: „Итакъ, молодцы, кто изъ васъ можетъ что-нибудь сказать въ защиту его?“ Настало короткое молчаніе; затѣмъ одинъ изъ заговорщиковъ сказалъ: — „Онъ далъ мнѣ желѣзныя ворота къ фермѣ“. — „Пусть твой скотъ свернетъ о нихъ себѣ шею“. — „Онъ далъ черепицъ и досокъ покрыть мой домъ“, сказалъ другой. — „Пусть крыша скорѣй сгніетъ и обвалится“, отвѣчалъ президентъ. — „Онъ осушилъ мою землю“, заявилъ третій. — „Пусть жатва сгніетъ въ глубинѣ ея“, отвѣчалъ президентъ. — „Онъ далъ моему сосѣду вина для большого ребенка“. — „Ребенокъ умеръ“, отвѣчалъ президентъ. Всѣ снова умоляли. „Винюветъ“, произнесъ президентъ. „Молодцы, онъ долженъ умереть. Теперь кинемъ жребій, кому сдѣлать дѣло“. Только благодаря своей чрезвычайной осторожности, Трэнчъ избѣжалъ смерти. Онъ не разставался съ оружіемъ, выѣзжалъ не иначе, какъ съ конвоемъ. Другимъ представителямъ ландлордскихъ интересовъ и самимъ ландлордамъ приходилось жить въ такомъ-же вооруженномъ и осадномъ положеніи, какъ Трэнчъ; но преступленія все-таки выполнялись съ успѣхомъ. Въ 1832 г. всѣхъ преступленій въ Ирландіи было 9,002; изъ нихъ убійствъ 242, гра-

бежей 1,179, воровства со взломожь 401, поджоговь 568, избіе-
ній скота 290, мятежей 203, незаконныхъ обысковъ 353, тай-
ныхъ приговоровъ и предостереженій 2,094, поврежденій соб-
ственности 796, нападеній на дома 723, выстрѣловъ съ цѣлью
убить 328, отнятіи оружія 117 и т. д. Убіиства совершались
среди бѣлаго дня, среди толпы людей, но убійцы все-таки скры-
вались, никто не хотѣлъ быть свидѣтелемъ, а присяжные оправ-
дывали преступниковъ, виновность которыхъ была несомнѣнно до-
казана. Судьи предлагали имъ снова обсудить дѣло, но они снова
выносили оправдательный вердиктъ; тогда „спеціальная судебная
комиссія“, которая учреждается въ особенно важныхъ случаяхъ,
передавала дѣло на обсужденіе другого состава присяжныхъ, но
результатъ былъ тотъ-же. Какъ великъ былъ въ Ирландіи про-
центъ оправданныхъ, можно видѣть изъ того, что въ 1845—1859
гг. среднимъ числомъ въ годъ было:

	Арестован- ныхъ.	Осужден- ныхъ.	Оправдан- ныхъ.	Изъ 100 осуж- денно.	Изъ 100 оп- равдано.
Англія	24,600	18,660	5,940	75 ² / ₃	24 ¹ / ₃
Шотландія	3,945	2,982	963	75 ¹ / ₂	24 ¹ / ₂
Ирландія	18,777	9,754	9,023	52 ¹ / ₄	47 ³ / ₄

Въ частности, въ 1845 г. было:

въ Англіи	24,000	17,200	6,800	71 ³ / ₄	28 ¹ / ₄
„ Шотландіи . . .	3,537	2,710	827	76 ³ / ₄	23 ¹ / ₄
„ Ирландіи	16,568	7,000	9,568	42 ¹ / ₄	57 ³ / ₄

Въ послѣдующіе годы, 1846—1850 гг., когда въ Англіи и
Шотландіи оправданныхъ было только 22 или 23%, въ Ир-
ландіи ихъ было 53 или 54%. Разница громадная, объясняе-
мая только тѣмъ, что ирландцы привыкли стоять въ отрица-
тельныхъ отношеніяхъ къ закону и не считаютъ аграрныя пре-
ступленія преступленіями. Къ тому-же *молодцы* наводили ужасъ
и на свидѣтелей и на присяжныхъ, угрожая имъ убійствомъ въ
случаѣ, если-бы они рѣшились дѣйствовать противъ подсудимыхъ.
Рѣдко доводилось судьямъ пріобрѣтать свидѣтелей, которыхъ бе-
регли подъ стражей и потомъ отправляли подъ секретомъ въ Но-
вый Свѣтъ, давая деньги на проѣздъ и на покупку земли. Рѣд-
ко удавалось узнать тайны *молодцевъ* отъ приговоренныхъ къ

смерти преступниковъ, которымъ обѣщали помилованіе. Молодцы жестоко карали своихъ сочленовъ не только за измѣну, но и за менѣе важныя нарушенія ихъ устава. „Одинъ членъ этого общества, рассказываетъ Сеньоръ, — провинившійся передъ нимъ, былъ потребованъ предъ его трибуналъ. Его дождь былъ окруженъ, и два бѣлыхъ парня повели его въ мѣсто суда. Онъ явился передъ судьями и былъ приговоренъ къ смерти. Но такъ какъ одинъ изъ судей защищалъ его и привелъ въ его пользу смягчающія обстоятельства, то смертную казнь замѣнили пожизненнымъ изгнаніемъ. Два члена общества проводили его до портового города, заплатили за его проѣздъ на кораблѣ, видѣли, какъ онъ уѣхалъ, и торжественно предостерегли его, что въ случаѣ возвращенія онъ будетъ застрѣленъ“.

Въ то время, какъ совершались всѣ эти безпорядки и волненія, происходили убійства, очищались помѣстья и ландлорды хлопотали о томъ, чтобы уменьшить народонаселеніе Ирландіи посредствомъ эмиграціи, надъ страной разразилось небывалое по своимъ размѣрамъ несчастіе, бывшее естественнымъ результатомъ аграрной системы.

Въ 1846 г. во многихъ мѣстахъ Европы и Америки появилась болѣзнь на картофѣлѣ, но хорошій урожай хлѣба спасъ эти страны отъ голода. Въ Ирландіи же, гдѣ хлѣбъ воздѣлывался только на продажу для уплаты аренды и гдѣ урожай его въ упомянутомъ году былъ превосходный, весь хлѣбъ былъ вывезенъ въ Англію *). Между тѣмъ весной 1846 г. ирландцы съ ужасомъ увидѣли, что весь посѣянный ими картофель быстро гниетъ, наполняя атмосферу тяжелымъ, удушливымъ, болезненнымъ запахомъ. Картофель погибъ, оставшійся для поства на слѣдующій годъ былъ съѣденъ, и настала всеобщій двухлѣтній голодъ. Мужчины, женщины, дѣти умирали тысячами. Въ самый разгаръ голода, въ январѣ 1847 г., умирало отъ него 5,479 человекъ въ день,

*) Съ 5-го іюля 1845 г. по 5-е января 1846 г. въ Англію было отпущено:

Пшеницы	223,116	квартеровъ.
Ржи	66,863	„
Овса	703,314	„
Пшеничной муки	605,917	„
Ржаной муки	452,144	„

Отпускъ продолжался и въ то время, когда уже былъ голодъ...

228 въ часъ и 4 съ лишнимъ человекѣ въ минуту! „Они, говорить очевидецъ Трэнчъ,—умирали въ горныхъ долипахъ, они умирали на морскомъ берегу, они умирали на большихъ дорогахъ, они умирали на псляхъ; они брели въ города и умирали на улицахъ; они запирали двери своихъ хижинъ, ложились на кровати и умирали отъ голода у себя дома“. Другой очевидецъ, пасторъ, такъ описываетъ жилища голодавшихъ, которыя онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ докторомъ. „Въ одномъ домѣ, куда мы вошли, врачъ пошелъ прямо въ темный уголъ и, ощупавъ постель, сказалъ: „здѣсь лежитъ шесть человекъ“; дѣйствительно, тутъ лежали отецъ, мать и четверо дѣтей, неимѣвшие силъ подняться съ постели. Меня всего болѣе поразилъ вопросъ, сдѣланный врачомъ этимъ несчастнымъ: „есть-ли здѣсь мертвые?“ Не было ни одного мертвеца, но когда мы вышли, одинъ изъ нихъ умеръ... Въ четвертой хижинѣ, безъ двери, я видѣлъ умирающаго мужа, умирающую жену и мальчика, сидѣвшаго неподвижно съ лопнувшими отъ водяной ногами. Въ пятомъ домѣ я видѣлъ больного мужчину, отъ котораго шель особенно вонючій запахъ... Докторъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ погребеніи этого больного послѣ его смерти“. Въ другомъ округѣ тотъ-же пасторъ нашелъ въ одномъ домѣ мужа, жену и ребенка въ голодной лихорадкѣ. „У постели стояла кадушка воды. Четверо изъ членовъ семьи умерли... Въ четвертомъ домѣ я увидѣлъ молодого человекѣ; онъ стоналъ и былъ уже въ агоніи. Семья состояла изъ пяти членовъ. Всѣ были больны, всѣ они распухли. Джентльмены, бывшіе со мной; сказали: „ни одинъ изъ нихъ не можетъ жить“. Пятый домъ. Мы постучали. Никто не имѣлъ силы отворить. Двое маленькихъ дѣтей лежали на полу у огня, двое другихъ лежали блѣдные, какъ смерть... Седьмой домъ, Регона. Онъ умеръ, а жена его умирала; трое дѣтей умерли; жена страшно распухла... Грязь въ этихъ жилищахъ доходила до такой степени, какой я никогда не видалъ еще; навозъ кучами лежалъ не только передъ дверями хижинъ, но вплотную у самыхъ дверей, на нѣсколько футовъ выше порога жилищъ. Во многихъ хижинахъ солома была набросана на полу и человѣческія существа жили—я долженъ сказать это—какъ свиньи, въ самой отвратительной грязи... Только самые богатые люди пользовались гробами. Въ каждой деревнѣ плотники завалены работой, и я

часто встрѣчалъ по проселочнымъ дорогамъ женщинъ, несшихъ на спицѣ гробы или доски для гробовъ. Въ Гленгарифъ католическая капелла была обращена въ мастерскую гробовъ... Въ Бэнтри я увидѣлъ въ одномъ углу улицы два гроба для бѣдныхъ, ихъ называли гробами съ отпускнымъ дномъ. Дно прикрѣпляется съ одной стороны петлями, съ другой крючкомъ и петлей. Въ такихъ гробахъ отвозили бѣдняковъ въ могилу или, вѣрнѣе сказать, въ огромную яму, и сваливали туда тѣла. Но большую часть умиравшихъ отвозили въ могилу безъ гробовъ. Мертвецовъ хоронили въ ихъ жалкихъ лохмотьяхъ; часто и эти лохмотья снимали съ трупа, чтобы прикрыть ими живого. Въ Бемедехибъ въ день моего прїѣзда везли въ телѣгѣ пять мертвыхъ тѣлъ, едва прикрытыхъ соломой. Тѣла лежали по цѣлымъ недѣлямъ непохороненными въ поляхъ, тамъ, гдѣ застигла смерть; они оставались непохороненными въ домахъ, пока ихъ не съѣдали крысы или не приходилось, для отвращенія заразы, жечь дома съ трупами... Видѣли женщину съ корзиной за плечами, къ которой было прикрѣплено снаружи изогнутое мертвое тѣло ребенка... Встрѣтили отца, который еле передвигалъ ноги по большой дорогѣ; черезъ плечо у него была веревка, а къ ней привязано двое мертвыхъ дѣтей, которыхъ онъ тащилъ по землѣ до могилы... Могилы рылись въ канавахъ, въ углахъ полей и въ огородахъ за лачугами..."

„Великость бѣдствія, говоритъ Трэнчъ, — парализовала всѣ усилія“. По близости, гдѣ-нибудь въ сосѣднемъ округѣ, было много хлѣба, въ голодающемъ-же округѣ были и деньги, но не было людей съ достаточною энергіей и властью, чтобы организовать борьбу съ голодомъ. „Народъ умиралъ, а вблизи было пищи въ избыткѣ, было много денегъ для покупки ея, было множество рыбы въ морѣ по-сосѣдству; но не было ни сѣтей, ни лодокъ для ловли и никого, кто-бы могъ организовать самый простой способъ рыбной ловли; не было никого, кто-бы имѣлъ настолько предусмотрительности, чтобы готовить припасы, ловить дичь, рыбу, перевезти хлѣбъ черезъ горы и сосредоточить въ одномъ мѣстѣ народъ и пищу“. Въ самомъ началѣ голода правительство купило въ Америкѣ 100,000 четвертей пшеницы, отерло для голодающихъ всѣ военные хлѣбные магазины; съ ноября 1845 г. по февраль 1846 г. ассигновало вспоможеніе въ 852,000 ф. ст.;

въ первые шесть мѣсяцевъ 1847 г. ввезло хлѣба на 8,764,000 ф. ст.; давало работу 700,000 человѣкъ, заплативъ за нее до 776,000 ф. ст. въ мѣсяць; въ продолженіи года буквально кормило 3.000,000 голодающаго населенія; школы были превращены въ богадѣльни, въ которыхъ питалось 176,000 дѣтей; 283 временныхъ больницы были наполнены больными; частная благотворительность развилась до громаднхъ размѣровъ, — но ничто не помогало, и народъ продолжалъ умирать съ голода и отъ болѣзней, порожденныхъ голодомъ. „Правительство, говоритъ Трэнчъ, — устроило общественныя работы, чтобы дать народонаселенію средства къ жизни. Дороги были взрыты и выровнены, холмы снесены, ямы закиданы, и полная плата уплачивалась за половину и четверть работы, — но народъ умиралъ съ голода. Кухни для раздачи похлебки были устроены, свободная торговля допущена въ извѣстной степени, масть рѣкой полился въ Ирландію, частная филантропія разрослась въ громаднхъ объемѣхъ, — но народъ по-прежнему умиралъ съ голода. Многія изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Ирландіи, потомки благороднѣйшихъ родовъ, какъ мужчины, такъ и женщины, лишены жизни или получили неизлечимыя болѣзни отъ усилій предотвратить страшное бѣдствіе, — но народъ по-прежнему бѣдствовалъ. Мы дѣлали все, что могли, но всѣ наши усилія обазывались не болѣе, какъ капля масла, брошенная въ океанъ окружающей насъ нищеты, — народъ по-прежнему умиралъ голодною смертью“.

По мѣстамъ голодъ и порожденные имъ болѣзни продолжались до 1851 г. Голодъ погубилъ около 1,000,000 человѣкъ. Ирландцы массами бросились эмигрировать, преимущественно въ Америку. До какой степени голодъ усилилъ эмиграцію, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Изъ Ирландіи эмигрировало:

Въ 1841 году	16,000 чел.	Въ 1849 году	214,000 чел.
„ 1842 „	89,000 „	„ 1850 „	209,000 „
„ 1843 „	37,000 „	„ 1852 „	220,000 „
„ 1844 „	54,000 „	„ 1853 „	192,000 „
„ 1845 „	74,000 „	„ 1854 „	150,000 „
„ 1846 „	105,000 „	„ 1855 „	78,000 „
„ 1847 „	214,000 „	„ 1856 „	90,000 „
„ 1848 „	178,000 „		

Въ пять лѣтъ, предшествовавшихъ голоду, эмигрировало 270,000,

а съ 1846 г. по 1861 г.—2,552,000 человекъ. Народонаселеніе Ирландіи съ 1841 г. по 1851 г. уменьшилось на 1,622,739 человекъ, и это уменьшеніе продолжается до настоящаго времени. Въ Ирландіи было:

	Жителей.	Семействъ.	Обитаемыхъ домовъ.
Въ 1841 г. . .	8,175,000	1,472,787	1,328,839
„ 1851 „ . .	6,551,000	1,204,319	1,046,223
„ 1861 „ . .	5,764,000	1,129,218	993,233
„ 1871 „ . .	5,402,000	—	—

Нищихъ, получавшихъ пособіе изъ благотворительныхъ учреждений, было:

Въ 1844 г. . .	105,358	Въ 1849 г. . .	2,142,000
„ 1845 „ . .	114,205	„ 1850 „ . .	1,174,000
„ 1846 „ . .	250,000	„ 1851 „ . .	755,000
„ 1847 „ . .	417,000	„ 1852 „ . .	519,000
„ 1848 „ . .	2,043,000		

VII.

Голодъ 1846 г. произвелъ то, о чемъ бесплодно мечтали англійскіе экономисты и чего напрасно добивались англійскіе ландлорды. Онъ „очистилъ“ Ирландію отъ излишняго будто-бы народонаселенія и положилъ начало сильной, непрерывной очисткѣ ея посредствомъ эмиграціи. Съ 1848 г. по 1864 г. переселившіеся ирландцы прислали своимъ соотечественникамъ около 13,000,000 ф. ст. За океаномъ возникла другая Ирландія—въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ въ 1864 г. считалось ихъ 10,192,000 ирландцевъ. „Дѣти ирландскихъ эмигрантовъ, говоритъ Милль,—получаютъ американское воспитаніе и быстро приобщаются благъ высшей цивилизаціи. Черезъ двадцать или тридцать лѣтъ они въ нравственномъ отношеніи ничѣмъ уже не отличаются отъ американцевъ“. Естественно, что всѣ симпатіи Ирландіи клонятся не къ Англии, даже не къ Франціи, какъ прежде, а къ Америкѣ. „Вы помните, говорилъ однажды въ парламентѣ Брайтъ,—что когда древнееврейскій пророкъ молился въ своемъ заточеніи, онъ молился съ открытымъ окномъ, обращеннымъ въ сторону Иерусалима. Вамъ извѣстно, что поклонники Магомета во время молитвъ обращаются лицомъ къ Меккѣ. Такъ

и ирландскій крестьянинъ, прося себѣ пищи, свободы и благоденствія, устремляетъ свои взоры къ заходящему солнцу; страстные порывы его души перелетаютъ черезъ широкій океанъ и весь онъ принадлежитъ мыслию великой республикѣ Запада“. Эмиграція болѣе и болѣе доказываетъ ему, что онъ способенъ къ такой-же хорошей жизни и къ такому-же совершенствованію, какъ и другіе народы. Онъ сознаетъ свои недостатки и ненавидитъ тѣ условія, которыми они развиты и поддерживаются, видя, какъ при другихъ условіяхъ эти недостатки исчезаютъ и измѣняется къ лучшему даже самый характеръ народа. Мы остановимся здѣсь нѣсколько времени на сравнительной характеристикѣ ирландцевъ въ Ирландіи и за-границей.

Древніе ирландцы славились своимъ трудолюбіемъ, но англійское владычество совершенно изгладило изъ народнаго характера эту черту. Лѣнность ирландцевъ вошла въ пословицу въ Англии. „Ирландія лѣнива, говорилъ Брайтъ въ 1848 г.,—поэтому она и умираетъ съ голода; Ирландія умираетъ съ голода, поэтому и бунтуетъ“. На полѣ фермера чаще больше плевель, чѣмъ хлѣба или картофеля. „Мы лѣнны, потому что бѣдны“, отвѣчаетъ ирландецъ на упреки въ лѣни, и съ тупой апатіей продолжаетъ жить въ грязи, которая наполняетъ его хижину; у него нѣтъ энергіи даже настолько, чтобы вымести эту грязь. Вѣка притѣсненій отразились и на легко воспламеняющемся, порывчатомъ характерѣ народа и на его нравственныхъ правилахъ. „Ирландецъ, говоритъ Бомонъ, — лѣнивъ, дживъ, невоздерженъ, сильно склоненъ къ насиліямъ. Иногда онъ не удовлетворяется поджогомъ, убійствомъ, а подвергаетъ свою жертву продолжительнымъ мученіямъ. Часто въ своей ярости онъ столько-же несправедливъ, какъ и жестокъ, и мститъ личностямъ, вовсе невиннымъ въ томъ злѣ, какое причинено ему. Иногда онъ насилуетъ женъ и дочерей, чтобы ихъ позоромъ наказатъ ихъ мужей и отцовъ“. Жестокій со слабыми, Ирландецъ дѣлается льстивымъ и раболѣпнымъ передъ сильными. Ложь и вѣроломство служатъ у него такими-же орудіями, какъ и жестокость. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ сущность ирландскаго характера остается все-таки неспорченною. „Несомнѣнно, замѣчаетъ Трэнчъ,—что въ крови каждаго ирландца, вмѣстѣ съ чуткой любовью къ справедливости обращается и способность къ сопротивленію“. Любовь къ

справедливости, благодаря известнымъ условіямъ, выражается въ формѣ ужасающихъ несправедливостей.

Но все сказанное нами относится только къ ирландцамъ, живущимъ въ отечествѣ. Тотъ-же Брайтъ, который порицаетъ ирландца за лѣность, говоритъ: „Все можно сдѣлать изъ него, только не на его родинѣ. Пройдя американскую школу, онъ является такимъ-же трудолюбивымъ, такимъ-же самостоятельнымъ, такимъ-же вѣрнымъ, такимъ-же добрымъ гражданиномъ американской республики, какъ и всякій другой, родившійся въ предѣлахъ владѣній этого государства. Праздность ирландскаго народа не его вина. По большей части, это — праздность вынужденная, такъ-какъ известно, что когда ирландцы являются въ Англію или эмигрируютъ въ Соединенные Штаты или въ колоніи, то они оказываются почти самымъ работающимъ народомъ въ свѣтѣ. Мы нанимаемъ ихъ въ Ланкашейрѣ и за хорошую плату они работаютъ такъ-же хорошо, они такъ-же достойны довѣрія, такъ-же способны и расположены подчиняться закону, какъ и народъ нашей страны“. „Ирландцы въ Америкѣ, говоритъ авторъ „The Irish in America“, — постоянно развиваются, идутъ впередъ, улучшаютъ свое положеніе, и вообще, оставляя свое отечество, они очень много выигрываютъ. Во всѣхъ отрасляхъ жизни они замѣтны здѣсь, — какъ купцы, банкиры, фабриканты, адвокаты, медики, инженеры, архитекторы, изобрѣтатели, литераторы, ученые, артисты, учителя, воины, какъ люди, мудрые въ совѣтѣ и страшные въ битвѣ, какъ государственные мужи“. Но и за-границей не всѣ ирландцы исправляютъ свои національные недостатки, а только тѣ, которые попадаютъ въ лучшія условія, чѣмъ въ отечествѣ. Д-ръ Маколе, новѣйшій наблюдатель ирландской жизни (*Ireland in 1872, London, 1873*): говоритъ по поводу этого. „Ирландское народонаселеніе Манчестера, Ливерпуля, Глазгова, Лондона и другихъ большихъ городовъ Англіи и Шотландіи доходитъ до нѣсколькихъ милліоновъ. Большею частію это люди трудолюбивые и почтенные. Но въ то-же самое время во всѣхъ этихъ городахъ есть притоны нищеты и порока, въ которыхъ ирландскій характеръ проявляется со всѣми своими худшими чертами. Самые скверные кварталы обыкновенно тѣ, въ которыхъ живутъ ирландцы. Рабочій, который въ Ирландіи получаетъ 3 шиллинга въ день и проживаетъ ихъ,

въ Англіи получаетъ 4 шиллинга, живетъ на 3 и пропиваетъ четвертый“.

Но возвратимся къ ирландцамъ, остающимся дома. Что-же сталося съ Ирландіей вслѣдствіе „очистки“ ея посредствомъ года и эмиграцій?

Англичане говорятъ, что эта очистка весьма благотворно отозвалась на развитіи Ирландіи, и если послѣдняя продолжаетъ еще бѣдствовать, то отъ того только, что все еще страдаетъ избыткомъ народонаселенія, все еще недостаточно „очищена“.

Убыль 3,000,000 народа изъ 8,000,000 должна была произвести громадный переворотъ въ экономической жизни страны, и англичане доказываютъ, что переворотъ этотъ совершился къ лучшему. Съ 1848 г. правительство облегчило продажу заложенныхъ недвижимыхъ имѣній, которыхъ и продано до 1859 г. на сумму 25,190,839 ф. ст. Такимъ образомъ, $\frac{1}{5}$ ирландской земли перешла отъ ландлордовъ въ руки предприимчивыхъ капиталистовъ, заботившихся о рациональной обработкѣ земли, которая распредѣлилась между большимъ числомъ владѣльцевъ: 3,000 имѣній, проданныхъ до 1858 г., были раздѣлены на 8,000. Вслѣдствіе этого количество обработанныхъ земель съ 1841 по 1850 г. увеличилось съ 13,464,000 до 14,802,000 акровъ; поземельный доходъ, составлявшій въ 1841 г. 12,500,000, возвысился въ 1861 г. до 15,625,000 ф. ст. Въ 1841 г. въ Ирландіи было скота на 21,800,000, а въ 1861 г. на 41,700,000 ф. ст. Рабочая плата батракамъ, составлявшая въ 1841 г. 8—9 пенсовъ, поднялась до 1 шиллинга въ день. Вкладовъ въ ирландскіе банки было въ 1841 г. 6,250,000, а въ 1861 г. 15,625,000 ф. ст. Вслѣдствіе ежегоднаго ввоза 4,000,000 четвертовъ пшеницы и маиса, питаніе народа улучшилось не только качественно, но и количественно, такъ-какъ число ртовъ уменьшилось. „Островъ, говоритъ Лавелзъ,—уже не представляетъ того однообразнаго характера разоренія, который такъ грустно поражалъ путешественника тридцать лѣтъ назадъ. Нѣкоторые землевладѣльцы произвели на свой счетъ необходимыя работы, другіе заключили съ своими арендаторами долгосрочные контракты, которые позволили послѣднимъ привести въ надлежащій порядокъ свои фермы. Поэтому, въ настоящее время вы видите рядомъ обожанные, необработанные пространства земли съ несчастными мазанками, разбросанными тамъ

и сямъ, и великолѣпныя помѣстья, населенныя счастливыми земледѣльцами“. Въ послѣднее время въ особенности процвѣтаетъ провинція Ульстеръ, вслѣдствіе обезпеченности въ ней пользованія землей, о чемъ мы уже говорили. „Въ Ульстерѣ, говоритъ Ричардъ Адамсъ, — земледѣліе совершенствуется, торговля процвѣтаетъ, голодъ почти неизвѣстенъ, народъ хорошо ѣстъ, хорошо одѣвается, живетъ въ хорошихъ домахъ и получаетъ хорошее воспитаніе. Ульстеръ—единственная провинція, въ которой кипитъ промышленность, въ которой кирпичныя красныя трубы, столь ненавистныя артисту, пестрятъ ландшафтъ. Ульстеръ обѣщаетъ скоро сдѣлаться Манчестеромъ въ промышленности и Ливерпулемъ въ торговлѣ“. Въ умственномъ и нравственномъ развитіи народа также замѣтна перемѣна къ лучшему. Книжные магазины, типографіи, новыя книги размножаются. Въ 1846 г. въ Ирландіи было 106 газетъ, въ томъ числѣ 1 ежедневная; въ 1872 г. было уже 137 газетъ, изъ нихъ 19 ежедневныхъ. Нравы народа смягчились. Оргіи, сопровождавшихъ прежде похороны, и плавальщицъ, которыхъ нанимали для провожанія покойниковъ, теперь уже нѣтъ. Ярмарки и приходскіе праздники, на которыхъ въ старину было столько пьянства, дракъ, убійствъ, боксированья, сдѣлались гораздо спокойнѣе и приличнѣе. Дуэли, булачный бой, поголовное пьянство со всевозможными безобразіями также значительно ослабли.

Но какъ ни замѣтенъ ирландскій прогрессъ, онъ все-таки непроченъ, а главное, крайне одностороненъ. Послѣ голода, продажи заложенныхъ имѣній и исчезновенія „посредниковъ“, въ Ирландіи начали уменьшаться въ своемъ количествѣ мелкія фермы и въ ущербъ имъ умножаться среднія. Почти всѣ заложенныя имѣнія перешли или къ ландлордамъ, или къ капиталистамъ средней руки. Мелкихъ же фермеровъ выгоняли по-прежнему, чтобы изъ соединенія нѣсколькихъ миниатюрныхъ арендъ сдѣлать одну средней руки. Такимъ образомъ, мелкія фермы начали сильно уменьшаться въ своемъ числѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ таблицъ *).

	1841 г.	1861 г.	1871 г.
Фермъ не болѣе 1 акра . .	п. ц.	40,080	44,448
„ отъ 1 до 5 акр. .	310,436	85,461	74,809
„ „ 5 „ 15 „ . .	252,799	183,931	171,383
„ „ 15 „ 30 „ . .	79,342	141,252	138,647

*) Составлены по Лавелю, К. Марксу и Маколю; н. ц. значить—нѣтъ цифры.

По вычисленію Макола, фермъ въ 1 акръ и менѣе съ 1841 по 1871 г. уменьшилось на 55%, а фермъ въ 15—30 акровъ съ 1841 по 1861 г. увеличилось почти вдвое. Еще таблица.

	Въ 1864 году.		Въ 1871 году.	
	Число фермъ.	Пространство ихъ въ акрахъ.	Число фермъ.	Пространство ихъ въ акрахъ.
Фермъ не больше 1 акра.	48,653	25,394	44,448	25,334
» отъ 1 до 5 акр.	82,037	288,916	74,809	266,665
» » 5 » 15 »	176,368	1,836,310	171,383	1,798,178
» » 15 » 30 »	136,578	3,051,343	138,647	3,090,114
» » 30 » 50 »	71,961	2,906,274	72,787	2,938,351
» » 50 » 100 »	54,247	3,983,880	55,062	4,048,984

Такимъ образомъ, фермы менѣе 15 акровъ значительно уменьшились даже въ короткій промежутокъ между 1864 и 1871 гг., а фермы больше 15 акровъ умножились. Съ 1861 по 1871 г. первыхъ уменьшилось на 12,548. Дѣла, очевидно, идутъ къ тому, чтобы уничтожить мелкія аренды, въ особенности тѣ, которыя не превышаютъ 15 акровъ, заставить мелкихъ арендаторовъ выселиться или превратить ихъ въ батраковъ. Впрочемъ, въ настоящее время мелкіе и средніе арендаторы (обрабатывающіе не больше 100 акровъ) все еще имѣютъ въ своихъ рукахъ $\frac{8}{10}$ ирландской земли, которая раздѣлена между 9,000 собственниковъ.

Часть согнанныхъ съ земель мелкихъ фермеровъ, неэмигрировавшихъ въ Америку, поступила въ разрядъ фабричныхъ рабочихъ, а масса превратилась въ земледѣльческихъ батраковъ. „Они, говоритъ Миль, — живутъ въ величайшей бѣдности. Задѣльная плата, правда, значительно возвысилась, но въ то-же время значительно возвысилась и стоимость содержанія, такъ что номинальное улучшеніе вовсе не соответствуетъ дѣйствительности“. Независимо отъ положенія народной массы, о которомъ мы будемъ говорить ниже болѣе подробно, вышеприведенныя статистическія данныя относительно ирландскаго прогресса далеко не подтверждаютъ тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаются изъ нихъ англійскими оптимистами *). Количество обработанныхъ земель увеличивалось не

*) Писатели, доказывающіе прогрессъ Ирландіи, говорятъ, что въ 1841 г. пахатныхъ земель было 13,464,000 акровъ, а въ 1866 г. 15,549,000 акровъ (Jervis, p. 306). Но это просто недобросовѣстный фокусъ. Способной къ воздѣлыванію

долго и съ 1850 г. стало уменьшаться. Въ 1850 г. обработанныхъ земель было 14,802,581, а въ 1860 г. только 5,970,139 акровъ, затѣмъ 5,519,678 акровъ. Съ 1861 по 1865 г. количество земли, засѣянной хлѣбомъ, уменьшилось на 428,041, а засѣянной картофелемъ уменьшилось на 107,984 акра. Въ 1860—1863 гг. пространство воздѣланной земли уменьшилось на 400,000, а пространство пастбищъ увеличилось на 500,000 акровъ. Въ 1869 г. пашень уменьшилось еще на 164,000 акровъ. Въ 1866 г. изъ 20,815,460 акровъ всей земли было подъ пастбищами 10,004,244, а подъ пашнями только 5,520,568 акровъ. Льну было добыто въ 1866 г. 819,825 центнер., на 2,049,562 ф. ст.; въ 1870 г. 615,500 центнеровъ, а въ 1871 г. только 258,588 ц., на 727,481 ф. ст. Всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ было въ 1859 г. на 39 мил. ф. ст., въ 1860 г. на 34 мил., въ 1862 г. на 29 мил., въ 1863 г. на 27 мил. ф. ст. По таблицамъ Маркса (томъ I, стр. 603—606), въ 1860—1865 гг. изъ 619,811 лошадей убыло 72,358, рогатаго скота убыло 116,626, а прибыло только 146,608 овецъ да 28,819 свиней. Производительность земли, вслѣдствіе истощенія, также падаетъ. Система земледѣлія, улучшенная только по мѣстамъ, въ большей части ижвнній остается въ прежнемъ плохомъ состояніи, и, по вычисленію Лаверня, необходимо 320,000,000 ф. ст., чтобы обработанную ирландскую землю довести до такого-же совершенства, каковыя отличается земля другихъ цивилизованныхъ странъ. Въ 1847 г. пустыхъ, но способныхъ къ воздѣлыванью земель было 4,600,000 акровъ. Ихъ предлагали продать мелкими участками по 20—30 акровъ, и, такимъ образомъ, создать крестьянъ-собственниковъ; но вмѣсто того земли эти ушли подъ барановъ, хотя и въ настоящее время ихъ остается еще 1,000,000 акровъ. Въ одномъ, очень важномъ отношеніи ирландское земледѣліе послѣ 1847 г. сдѣлало даже значительный шагъ назадъ. Голодъ 1846 г. былъ слѣдствіемъ картофельнаго неурожая, и подобные случаи будутъ угрожать странѣ до тѣхъ поръ, пока она не замѣнитъ хлѣбной пищей картофеля, который нельзя запастись на случай неурожаяевъ. Между тѣмъ Ирландія поступаетъ совершенно

земли = arable land, въ Ирландіи, дѣйствительно, около 16,000,000 акровъ, но воздѣланной только около 5½ миллионъ акровъ.

наоборотъ, увеличивая производство картофеля и уменьшая разведение пшеницы. Было посѣяно акровъ:

	Пшеницы.	Картофеля.
Въ 1847 г.	743,000	284,000
„ 1848 „	565,000	742,000
„ 1852 „	353,000	876,000
„ 1856 „	529,000	1,104,000
„ 1859 „	465,000	1,200,000
„ 1861 „	406,000	1,133,000

Слѣдовательно, Ирландія распорядилась своими производительными силами не такъ, чтобы обезпечить себя отъ повторенія голода, а такъ, чтобы въ случаѣ этого несчастія еще болѣе усилить его, сравнительно съ 1846—1847 гг. Другой важный источникъ народнаго питанія и обезпеченія на случай неурожаевъ, рыбныя ловли, также падаетъ. На ирландскихъ морскихъ водахъ было:

	Ирландскихъ судовъ.	Рабочихъ.
Въ 1846 г.	19,883	113,073
„ 1848 „	19,652	81,717
„ 1852 „	11,789	58,789
„ 1862 „	11,590	50,220
„ 1871 „	8,999	38,629

Всѣ рыбныя ловли, вдобавокъ, монополизированы разными спекуляторами, а у народа нѣтъ для рыболовства ни судовъ, ни снастей. Мелкая торговля значительно уменьшилась. Это можно видѣть изъ уменьшенія доходовъ (кромя арендаторскихъ) ниже 100 ф. ст. О'Бонноръ Морисъ, путешествовавшій по Ирландіи въ 1869 г., свидѣтельствуетъ, что почти всѣ города значительно пали съ 1846 г., несмотря на блестящія наружныя улучшенія, которыя бросаются въ глаза особенно въ Дублинѣ, несмотря на страшно увеличившееся потребление предметовъ роскоши. „Въ немногихъ городахъ, говоритъ онъ,—контрасты между бѣдностью и богатствомъ такъ рѣзки, какъ въ Дублинѣ“. Къ тому-же и наружныя успѣхи цивилизации, доки, желѣзныя дороги, телеграфы и т. п., произведены не столько ирландцами, сколько англійскими предпринимателями, въ пользу которыхъ и идутъ барыши, доставляемые ими.

Лорды утверждаютъ, что ирландскіе земледѣльцы должны пользоваться теперь гораздо большимъ благосостояніемъ, чѣмъ прежде, такъ-какъ задѣльная плата постепенно возвышается. Но дѣло въ томъ, что въ такой-же точно постепенности усиливается дороговизна жизни и поднимается цѣна ренты. Остальныя-же условія, которыми обставлена жизнь крестьянина, до послѣдняго времени не измѣнились ни въ чемъ существенномъ. Въ то время, какъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ изъ 6 жителей 1 поземельный собственникъ, въ Ирландіи 1 поземельный собственникъ приходится болѣе, чѣмъ на 600 человекъ. Несмотря на то, что трудъ ирландскаго земледѣльца продолжается въ годъ только отъ 135 до 200 дней, смотря по обстоятельствамъ, остальное-же время остается у него незанятымъ, Ирландія все-таки существуетъ однимъ земледѣліемъ и, продавая Англій свое сырье, деньги, полученныя за него, отдаетъ той-же Англій въ видѣ поземельной ренты и платы за сдѣланныя мануфактуры изъ ирландскаго сырья. Земледѣльческій элементъ, находящійся подъ давленіемъ землевладѣльческаго, играетъ главную роль и въ ирландскомъ самоуправленіи. Въ настоящее время считается:

	Городскихъ избирателей.	Сельскихъ избирателей.
Въ Англій . .	1,250,019	801,109
„ Шотландіи .	171,912	78,919
„ Ирландіи . .	49,025	175,439

Арендаторы ирландскіе раздѣляются на два рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого разряда: капиталистовъ и крестьянъ-фермеровъ. Первые снимаютъ фермы, чтобы нажить барыши на капиталъ, затраченный на земледѣльческое предпріятіе, а вторые, чтобы какъ-нибудь прокормиться съ своими семьями; первые договариваются съ ландлордами, какъ равная съ послѣдними экономическая сила, и всегда заключаютъ контракты на болѣе или менѣе продолжительные сроки; послѣдніе, подъ гнетомъ нужды, контрактовъ не заключаютъ, снимаютъ ферму на годъ, по „добровольному соглашенію“ (at will). Само собою понятно, что ландлорды предпочитаютъ сдавать землю на послѣднемъ условіи. По даннымъ 1870 г. изъ 682,148 фермъ 20,217 находились въ рукахъ собственниковъ, 135,392 въ арендѣ по контракту и 526,539 въ арендѣ безъ всякихъ условій, на доброй волѣ соб-

ственника. Ландлордъ по-прежнему сгонялъ такихъ арендаторовъ, когда только хотѣлъ, и это, по выраженію Гладстона, „поддерживало хроническій недугъ, подтачивающій ирландское общество“. Право ландлордовъ на всѣ улучшенія, сдѣланныя арендаторомъ на фермѣ, упорно держалось и въ жизни, и въ юридической практикѣ. Если-бы это право не умѣрлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ известными опасеніями, барскою небрежностью, гуманнымъ чувствомъ, то невозможно измѣрить глубину несчастій, въ которую оно повергло-бы ирландскихъ фермеровъ. Лесли рассказываетъ слѣдующую исторію. „Маркизь Томандъ никогда не беспокоилъ своихъ арендаторовъ, не возвышалъ ихъ ренты и позволялъ имъ производить всѣ работы, необходимыя для земледѣльческихъ улучшеній. Питая къ нему полное довѣріе, фермеры возводили строенія, осушали земли, производили всякія улучшенія; но вотъ маркизь умираетъ и его имѣніе продается; тогда несчастные фермеры потеряли все. Я видѣлъ, говоритъ одинъ свидѣтель, — несчастнаго земледѣльца, который софалъ все, что имѣлъ, для выкупа имъ самимъ созданныхъ предметовъ и, не успѣвъ въ этомъ, отправился въ Америку, затаивъ въ своемъ сердцѣ ненависть ко всему роду человѣческому“. Очищенія фермъ совершались въ большихъ размѣрахъ вплоть до 1870 г. Около этого времени корреспондентъ „Англійской Иллюстраціи“ писалъ, что „въ центральной Ирландіи вездѣ, въ городахъ, въ селахъ и вдоль дорогъ, вы встрѣчаете раззоренныя хижины; но въ графствѣ Майо вы проѣзжаете цѣлые округа, совершенно лишенные народонаселенія въ послѣднія шесть лѣтъ. Это теперь просто пустыня и не видно ни людей, ни домашняго скота на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно существовали сотни маленькихъ фермъ. Въ окрестностяхъ Балибега обширныя болота превращены въ плодородную землю цѣною постояннаго труда нѣсколькихъ поколѣній, однако, не пощадили и этой земли, завоеванной столь тяжкимъ трудомъ: многіе изъ обработавшихъ ее земледѣльцевъ были изгнаны“. Даже англійскіе судьи не стѣснялись гласно высказывать невыгодныя мнѣнія объ упомянутомъ правѣ ландлорда. Въ 1863 г. одинъ фермеръ, жалуясь на изгнаніе, заявлялъ, что онъ произвелъ на фермѣ такія улучшенія, которыя возвысили цѣнность ея на 900 ф. ст., а самъ онъ сдѣлался нищимъ. Судья отвѣчалъ: „бѣдный человѣкъ, вамъ невозможно помочь: правосудіе за васъ, но законъ противъ васъ!“

Ненадежность пользованія землей и право ландлорда на улучшение, сдѣланныя фермеромъ, были главною причиною ирландской нищеты. Гдѣ дѣйствовало упомянутое уже нами обычное *право пользователя* и земля сдавалась по контракту, тамъ не было и нищеты. Кучеръ Мориса справедливо замѣтилъ ему: „Гдѣ вы видите довольство, тамъ, значитъ, существуетъ арендный контрактъ; гдѣ вы видите нищету, тамъ землевладѣлецъ въ немъ отказывается“. „Прекрасныя строенія, говоритъ Морисъ,—крытыя асфальдомъ или черепицей, посреди хорошо обработанныхъ полей, хорошо откормленный скотъ и работники, чисто одѣтые, съ довольными лицами,—вотъ несомнѣнный признакъ, что земля сдана по контракту. Но вотъ рядомъ другая ферма: стоячая вода гниетъ, заражая воздухъ за неимѣніемъ стока. Нѣсколько полуразвалившихся хижинъ, подпертыхъ кольями, стоятъ посреди поросшихъ репейникомъ и сорными травами полей; чахлый скотъ свободно топчетъ ихъ, проходя черезъ поломанную изгородь. По дорогѣ навалены камни, которыхъ никто не потрудится прибрать. На скатѣ холма нѣсколько женщинъ въ лохмотьяхъ уныло роютъ лопатами поле для посѣва картофеля. Нищета ихъ дѣлаетъ еще болѣе мрачной эту картину запустѣнія“.

Что-же сдѣлала Англія для облегченія этой народной нищеты? Она ввела налогъ въ пользу бѣдныхъ, стала собирать съ миллионовъ нищихъ для содержанія нѣсколькихъ сотъ тысячъ другихъ нищихъ. Сборъ этотъ сдѣлался почти столь-же ненавистнымъ, какъ и протестантская десятина, и даже возбуждалъ мятежи. Въ 1858 году налогъ этотъ составлялъ 413,000, а въ 1871 году — 685,000 ф. ст. Помогая немногимъ, онъ только усиливаетъ нищету остальныхъ.

Такимъ образомъ, поземельная система Ирландіи привела къ тому, что цѣлый 1,000,000 акровъ годныхъ къ воздѣлыванію земель не обрабатывается, а изъ остальной земли около $\frac{2}{3}$ лежитъ подъ пастбищами и только около $\frac{1}{3}$ подъ пашнями. „Эта система, говоритъ Макъ Кэрти,—сдѣлала ирландскаго крестьянина самымъ несчастнымъ земледѣльцемъ въ Европѣ. Господство ея привело къ застою торговли, паденію мануфактуръ, обѣднѣнію городовъ и недовольству народа“.

VIII.

Всеобщее недовольство ирландскаго народа давно уже значительно измѣнило свой прежній характеръ религіозно-національной борьбы католическихъ кельтовъ съ саксонцами протестантскаго вѣроисповѣданія. Ирландскій вопросъ уже перешелъ въ соціально-политическій и религіозныя отношенія занимаютъ въ немъ второстепенное мѣсто. Хотя до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Ирландіи почти всѣ землевладѣльцы протестанты, а всѣ фермеры и батраки—католики, но вообще католическихъ ландлордовъ, а также фермеровъ и батраковъ протестантскаго вѣроисповѣданія довольно много. Послѣднимъ живется такъ-же плохо, какъ и католикамъ ихъ положенія; что-же касается католическихъ ландлордовъ, „то эти джентльмены, говоритъ Морисъ,—въ большинствѣ случаевъ нисколько не популярнѣе ихъ протестантскихъ собратій и хозяйничаютъ въ своихъ имѣніяхъ на одинаковыхъ съ послѣдними основаніяхъ“. Чистой ирландской расы тоже почти уже нѣтъ и ирландская кровь только смѣшана съ англійскою, шотландскою, французскою. Чистые кельты занимаютъ только западный уголь страны, населяя большую часть графствъ Керри и Клэръ, и береговую полосу въ графствахъ Гальвей и Майо. Сѣверъ и восточный берегъ заселенъ потомками шотландскихъ, нормандскихъ и англійскихъ колонистовъ, а центръ страны — ирландцами, смѣшанными съ англо-саксонцами и бельгійцами. Такимъ образомъ, ирландская національность изъ расовой формы перешла уже въ политическую, и народныя движенія приняли соціально-политическій характеръ. Главнымъ мотивомъ этихъ движеній служить все тотъ-же злополучный аграрный вопросъ, этотъ гордіевъ узелъ, надъ завязываніемъ котораго трудились семь вѣковъ. Аграрныя преступленія продолжаются по-прежнему; замѣчательно, что аграріанизмъ особенно силенъ, между прочимъ, въ мѣстностяхъ, жители которыхъ или происходятъ отъ англичанъ, или имѣютъ въ своихъ жилахъ значительную примѣсь англійской крови, какъ, напр., въ Westmeath'ѣ. Ирландія все еще находится въ томъ несчастномъ, болѣзненномъ состояніи, по поводу котораго Сеньоръ сказалъ: „въ

Ирландіи два кодекса: одинъ, изданный парламентомъ и принимаемый судьями, другой—составленный поселянами и исполняемый бунтовщиками“. Волненія, возбужденныя въ шестидесятыхъ годахъ усиленіемъ народныхъ нуждъ и сознаниемъ необходимости въ поземельной реформѣ, сопровождались и усиленіемъ аграрныхъ преступленій, которыхъ было:

Въ 1866 г.	Въ 1867 г.	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.
88	123	160	767	1,329

Одновременно съ этимъ движеніемъ страну волновали и всѣ другіе вопросы, созданные англійской политикой. Уничтоженіе государственной церкви въ Ирландіи сдѣлалось настоятельною необходимостью подъ напоромъ общественнаго мнѣнія. Съ 1852 г. все болѣе и болѣе возрастало неудовольствіе противъ такъ-называемыхъ національныхъ школъ въ Ирландіи, которыя снова сдѣлались орудіемъ протестантской пропаганды, равно какъ и рабочіе дома *). Множество католическихъ дѣтей, поступавшихъ въ эти дома, выходило изъ нихъ совращенными въ протестантство. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда національныя школы были чужды какой-бы то ни было религіозной пропаганды, католическое духовенство возбуждало противъ нихъ народъ, какъ противъ „училищъ безбожія и нечестія“. Недостатки фиктивного самоуправленія, благодаря которымъ ирландскіе члены парламента подавлялись англійскимъ большинствомъ, возбуждали еще большее неудовольство, чѣмъ національныя школы. „Я самымъ положительнымъ образомъ объявляю, что существующее нынѣ ирландское представительство есть обманъ, говорилъ Брайтъ въ парламентѣ.—Я думаю, что было-бы гораздо лучше, если-бы тамъ вовсе не было никакого представительства, такъ-какъ тогда народъ не былъ-бы вводимъ въ заблужденіе, что онъ имѣетъ представительное правленіе для защиты своихъ интересовъ. Число налоговъ, которые приходится народу платить для обезпеченія себѣ муниципальныхъ и парламентскихъ привилегій, такъ велико, что рѣшительно невоз-

*) Въ Ирландіи было:

	Націон. школъ.	Учениковъ въ нихъ.
Въ 1834 г. . .	789	107,042
„ 1852 „ . .	4,875	544 604
„ 1859 „ . .	5,496	806,510
„ 1870 „ . .	6,807	998,999
„ 1871 „ . .	6,914	1,021,700

можно для представительныхъ корпорацій имѣть содержаніе, а для общественнаго мнѣнія (честнаго, дѣйствительнаго мнѣнія интеллигентныхъ классовъ Ирландіи) достигнуть приличной степени представительства въ великобританскомъ законодательствѣ... Вы сильно работали надъ этииъ ирландскимъ затрудненіемъ въ одну сессію за другую, и нѣкоторые изъ васъ почти изъ мальчиковъ сдѣлались сѣдовласыми старцами съ тѣхъ поръ, какъ оно въ первый разъ встрѣтилось вамъ на вашемъ законодательномъ поприщѣ; однакожь, ни древняя, ни средняя исторія не представляетъ зрѣлища столь унизительнаго, какъ то, какое представляетъ міру Ирландія, и нѣтъ ни одного англійскаго джентльмена, который—если только онъ переправлялся нынѣ черезъ каналъ—не желалъ-бы избѣгать всякаго разговора съ иностранцами относительно положенія Ирландіи“. О'коннелевская идея расторгенія союза ожила въ Ирландіи съ новою силою. Партія „націоналистовъ“, въ составъ которой входитъ туземная ирландская аристократія, ирландскіе торіи, заговорила о возстановленіи „ирландской справедливости“, въ силу которой ирландская земля должна принадлежать ирландцамъ, Ирландія должна „управляться согласно съ ирландскими идеями“ и имѣть свой парламентъ. Католики и протестанты дружно соединились для достиженія этой цѣли. Одинъ изъ вождей этого движенія, Геттъ, предполагаетъ удержать федеральную связь съ Англійей и учредить, кромѣ членовъ, засѣдающихъ въ англійскомъ парламентѣ, еще мѣстный ирландскій парламентъ изъ 300 депутатовъ въ Дублинѣ. Даже оранжисты не прочь пристать къ этой партіи, которая, эксплуатируя патріотическія стремленія народа, имѣетъ главною своею цѣлью перевести землю отъ англичанъ въ руки ирландскихъ ландлордовъ и сквайровъ и, составивъ изъ себя главную силу мѣстнаго парламента, избавиться даже отъ тѣхъ умѣренныхъ аграрныхъ реформъ, какихъ можно ожидать отъ англійскаго правительства. Съ этой партіей соединилась католическо-республиканская партія, очень сильная въ Ирландіи и находящаяся подъ вліяніемъ духовенства, которое не перестаетъ поддерживать и раздувать, особенно посредствомъ своихъ школъ, національную ненависть къ Англійи. Книга для чтенія, напр., употребляемая въ католическихъ школахъ, содержитъ въ себѣ цѣлыхъ 23 разсказа

изъ ирландской исторіи, описывающихъ тираннію англичанъ въ Ирландіи, Америкѣ и Индустанѣ. „Эти книги, говоритъ одинъ шевольный инспекторъ, — самая дѣйствительная подготовка къ феніанизму, какую только можно найти“. Наконецъ, духъ волонтеровъ 1782 г., соединенныхъ ирландцевъ 1798 г. и молодой Ирландіи 1848 г., подобно *фениксу*, возродился съ новою силою въ шестидесятыхъ годахъ въ организаціи *феніевъ*. Феніи, поддерживаемые сѣверо-американцами и провлинаемые патерами, состояли преимущественно изъ городскихъ жителей и стремились къ насильственному отторженію Ирландіи отъ Англіи. Правда, эти разнохарактерные агитаторы не пользовались сочувствіемъ націоналистовъ; фермеры и земледѣльцы, какъ дѣятели не участвовали въ феніанскомъ движеніи; изъ 1,000 взятыхъ въ плѣнъ феніевъ только 10 на 100 принадлежали къ земледѣльческому классу и болѣе 50 на 100 были купцы, мелкіе торговцы, ремесленники, фабричные рабочіе. Но при всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы земледѣльцы враждебно относились къ феніямъ; они даже смотрѣли на нихъ съ симпатіей и надеждою, хотя и энергически предостерегались патерами отъ союза съ ними. Если-бы феніи имѣли какой-нибудь значительный успѣхъ, то масса крестьянъ, по всей вѣроятности, пристала-бы къ нимъ.

Такъ волновалась Ирландія въ шестидесятыхъ годахъ, и Милль въ парламентскую сессію 1868 г. заявлялъ отъ лица компетентныхъ знатоковъ ирландскихъ дѣлъ, что положеніе ихъ „такъ опасно, каковымъ не бывало еще никогда до сихъ поръ“. Опасность эта не въ заговорѣ угнетенныхъ, а въ томъ, что волненіе Ирландіи опирается на нѣсколько милліоновъ ирландцевъ, живущихъ въ Америкѣ. „Въ Америкѣ, говорилъ Брайтъ на одномъ митингѣ 1867 г., — существуетъ другая Ирландія, но Ирландія, не боящаяся англійскаго правительства, Ирландія, пылающая негодованіемъ на то, что представители ея называютъ бѣдствіемъ своей родины. Многіе изъ этихъ ирландцевъ люди способные, отчаянные; они привыкли къ оружію и крови втеченіи страшной, жестокой междоусобной войны и потому неудивительно, что, покончивъ съ этою войной, они обращаютъ свои практическія знанія на дѣло, которое считаютъ патриотическимъ. Если-бы правительство Англіи было правительствомъ государственныхъ людей, то неужели оно допустило-бы дѣла

до такого положенія, въ какомъ мы теперь находимся! Весь образованный міръ указываетъ на пасъ пальцами!“ Снова Ирландія была на военномъ положеніи; снова пошли въ ходъ „спеціальныя комиссіи“—нѣчто въ родѣ военныхъ судовъ—снова англійская алигархія устами графа Дерби заявляла, что „только самыя суровыя репрессивныя мѣры“ могутъ успокоить Ирландію. Суровыя мѣры, мало того, что только подливали масла въ огонь, онѣ еще были очень убыточны для Англій. Для „обузданія“ она принуждена содержать въ Ирландіи 25,000 войска и 15,000 констэблей, да въ Канадѣ 15,000 солдатъ, чтобы защищать эту страну отъ американскихъ агитаторовъ. Эта дорогая пятидесятипяти тысячная армія нѣсколько сдерживала—да и то до поры до времени—наружный порядокъ, но внутреннее броженіе возрастало съ такою силою, что Англія увидѣла, наконецъ, тотъ крайній предѣлъ, до котораго она всегда доводила свое упорство относительно Ирландіи и за которымъ была неизбѣжна междоусобная война, или, чтобы избѣжать ея,—уступки со стороны Англій.

IX.

Многіе ландлорды, епископы, чиновники, парламентскіе дѣятели, духовные ирландской господствующей церкви были такъ ослѣплены своими личными и сословными интересами, что далеко не сознавали опасности положенія дѣлъ. Малѣйшія реформы выставлялись ими крайними и опасными... Ирландскій судья, Джеральдъ Фицгibbonъ, отъ имени консерваторовъ говоритъ въ заключеніи одной своей брошюры (the Land Difficulty of Ireland, 1868): „Одинъ генералъ передъ началомъ битвы сказалъ своимъ солдатамъ, указывая на непріятеля: „перебейте ихъ или они перебьютъ васъ!“ Государю, который желаетъ въ полной безопасности возсѣдать на древнемъ тронѣ Англій, — перамъ, которыхъ гордость заключается въ томъ, чтобы окружать этотъ тронъ, а долгъ—защищать его отъ самой отдаленной опасности, — всѣмъ, кто по-прежнему желаетъ пользоваться благодѣяніями нашей трехсоставной законодательной власти во всей ея конституціонной цѣлости, — я даю теперь краткій совѣтъ: сокрушите эту революціонную партію, которая

такъ бушуетъ, и эту политику, которая разрушаетъ конституціонную свободу, или эта партія и эта политика сокращать васъ самихъ!“

Но, несмотря на оппозицію, самая сила вещей заставила Англію сдѣлать нѣкоторыя уступки. Государственная церковь въ Ирландіи была уничтожена въ 1868 г., а въ 1870 г. министерство Гладстона, воспользовавшись трудными политическими обстоятельствами, провело свой поземельный билль. Этотъ пресловутый билль оказался ни болѣе, ни менѣе, какъ жалкой полумѣрой, не удовлетворявшей никого. Только въ Ульстерѣ онъ узаконилъ обычное право пользователя. Онъ оставилъ за собственникомъ право изгонять фермера, но ограничилъ это право тѣмъ, что приказы объ изгнаніи (notices to quit) обложилъ пошлиной и обязалъ лэндлорда платить изгоняемому за всѣ сдѣланныя имъ по фермѣ улучшенія. Это вознагражденіе фермеру обратно пропорціонально величинѣ аренды. Фермеръ, платящій 10 ф. ренты, получаетъ вознагражденіе, равное семилѣтней арендѣ—70 ф. ст.; платящій отъ 10 до 50 ф. получаетъ вознагражденіе, равное пятилѣтней арендѣ; отъ 50 до 100—трехлѣтней, свыше 100 ф.—двухлѣтней. На это вознагражденіе не имѣютъ никакого права фермеры, отдающіе свои участки въ аренду или изгоняемые за неплатежъ ренты, хотя-бы этотъ платежъ зависѣлъ отъ случайныхъ несчастій, неурожая, скотскаго падежа, торговаго кризиса и т. п. Кромѣ того, лэндлордъ можетъ избавиться отъ обязанности вознагражденія, если онъ заключить съ фермеромъ контрактъ не менѣе, какъ на 31 годъ, но при этомъ, для огражденія мелкихъ арендаторовъ, всѣ контракты ниже 100 ф. ренты, въ которыхъ фермеры отказывались-бы отъ вознагражденія, объявлены недействительными.

Вотъ сущность новаго закона. Главное достоинство его въ томъ, что онъ ограничилъ право собственника на улучшения, сдѣланныя фермеромъ. Во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ онъ вполне несостоятеленъ. Онъ не обезпечилъ народу пользованія землей; онъ не защитилъ массу несчастныхъ земледѣльцевъ, которые не въ состояніи выплачивать аренды; онъ далъ лэндлорду средство избавляться отъ обязанности вознагражденія, заключая съ фермеромъ контрактъ... Несмотря на полумѣры этого закона, аграрныя преступленія уменьшились, феніанизмъ подавленъ, но недоволь-

ство только скрылось внутрь и ирландскій вопросъ только снова отложенъ до поры до времени... Идея расторгенія крѣпостей и живеть въ крови народа; она принята всѣми партіями, она проявляется въ самыхъ, повидимому, мирныхъ формахъ, напр., въ ирландской выставкѣ, бывшей въ Дублинѣ въ 1872 г. Исполнительный совѣтъ и комитетъ этой выставки, по выраженію Маколэ, были настоящимъ образчикомъ будущаго ирландскаго парламента. Ту-же идею выражали собою всѣ отдѣлы выставки, особенно „національная портретная галлерей“, въ которой противъ портретовъ англійскихъ правителей, въ родѣ Кромвеля и Вильгельма III, красовались сотни изображеній ирландскихъ знаменитостей. Тутъ были Робертъ Эмметъ, вождь соединенныхъ ирландцевъ, вазненный въ 1798 г.; Томасъ Мигеръ, одинъ изъ передовиковъ движенія 1848 года, изгнанный изъ отечества и служившій генераломъ сѣверной арміи во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ; Томасъ Дэвисъ, поэтъ молодой Ирландіи. Тутъ были Фицджеральды, Плѣнкеты, Берклей, Боркъ, Гольдсмить, Каннингъ, Свифтъ, Шериданъ, Флудъ, Курранъ, Граттанъ, Шелль, О'Коннель, Томасъ Муръ и около сотни другихъ ирландскихъ знаменитостей; тутъ были и представительницы ирландской красоты. „По своему историческому интересу, говорить Маколэ,—эта портретная галлерей была настоящимъ національнымъ триумфомъ, какого еще не видывала Ирландія“. Англичане просто лицемерятъ, когда говорятъ, что Ирландія наслаждается миромъ и благоденствіемъ вслѣдствіе послѣднихъ реформъ. Докторъ Маколэ, не будучи ни другомъ Ирландіи, ни врагомъ англійскаго владычества здѣсь и внимательно изучавшій Ирландію въ 1872 г., говоритъ: „Рядомъ съ замѣтнымъ прогрессомъ здѣсь существуетъ масса бѣдности и нищенства, несчастій и недовольства, на которыя прогрессъ не имѣетъ никакого вліянія. Народъ, мирный и покорный въ этомъ году, въ слѣдующемъ можетъ снова возстать. Аграрныхъ преступленій мало, но очень возможно, что скоро потребуются во многихъ графствахъ введеніе осаднаго положенія. При всѣхъ своихъ естественныхъ достоинствахъ и живомъ умѣ, масса народа все еще заражена грубѣйшими суевѣріями и стоитъ такъ-же низко, какъ жители наименѣ развитыхъ странъ южной Европы. Ирландія спокойна, но все-таки $\frac{1}{5}$ британской арміи должна квартировать

здѣсь, какъ въ непріятельской странѣ *). Ирландія развивается, но она все-таки остается затрудненіемъ и отчаяніемъ для государственныхъ людей Англій“.

Ирландскіе сепаратисты раздѣляются на двѣ партіи, изъ которыхъ одна стремится къ безусловному отдѣленію отъ Англій, а другая къ расторженію союза, въ смыслѣ О'Коннеля, къ самоуправленію въ федераціи съ Англійей и Шотландіей. Успѣхъ первой партіи возможенъ только въ случаѣ ожесточенной и невыгодной для Англій войны съ Соединенными Штатами; но даже этотъ успѣхъ можетъ быть только временнымъ и Англія не упуститъ воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы снова подчинить себѣ враждебную и опасную сосѣдку. Успѣхъ второй партіи, федерально-сепаратистской, несомнѣненъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Конечно, много силъ еще будетъ потрачено на замѣну теперешняго союза федеральнымъ, и еще болѣе силъ и времени должно пойти на рѣшеніе запутаннаго, земельного вопроса. Какъ скоро Ирландія достигнетъ самостоятельнаго управленія, теперешній, временной союзъ ея партій распадется. Націоналисты и оранжисты съ одной стороны и народная масса съ католическимъ духовенствомъ во главѣ съ другой стороны — неминуемо начнутъ внутреннюю борьбу за свои, столь противоположные интересы. Стремленія народа и духовенства, конечно, восторжествуютъ, и тогда Ирландія, освобожденная отъ всѣхъ другихъ давленій, останется подъ однимъ, но самымъ безотраднымъ игомъ — игомъ католическаго духовенства. Англія своею политикою нанесла Ирландіи, пожалуй, самый существенный вредъ тѣмъ, что своими религиозными гоненіями сдѣлала ирландцевъ чисто-клерикальнымъ народомъ. „Чѣмъ болѣе вы порождали въ Ирландіи причинъ къ неудовольствіямъ противъ королевскаго управленія, говорилъ Брайтъ въ парламентѣ, — тѣмъ сильнѣе вы укрѣпляли власть Рима надъ народонаселеніемъ этого острова. Теперь я надѣюсь, что ни одинъ католическій членъ этой палаты не оскорбится, если я скажу, что, по моему мнѣнію, одно изъ

*) Кромѣ солдатъ, въ Ирландіи есть еще 13,968 констэблей; содержаніе ихъ, покрываемое на половину мѣстными ирландскими средствами, стоитъ въ годъ 6,000,000 рублей (952,282 ф. ст.)!...

величайшихъ бѣдствій міра составляетъ то, что во многихъ странахъ цѣлые милліоны католическаго населенія въ своемъ образѣ дѣйствій и часто даже въ своей политикѣ поддаются вліянію и направленію со стороны своихъ епископовъ и духовенства изъ самаго центра Рима. Я считаю это несчастіемъ и тормазомъ для свободы человѣчества“. Дѣйствительно, Ирландія гораздо легче будетъ достигнуть самоуправленія и порѣшить свой земельный вопросъ, чѣмъ освободиться изъ-подъ нравственнаго ига своихъ епископовъ и ксендзовъ, которыхъ она такъ любитъ и которымъ. до своему невѣжеству, подчиняется съ такою покорностью. Англичане совершенно справедливо говорятъ, что если-бы Ирландія сдѣлалась самостоятельной, то патеры надолго истребили-бы въ ней всѣ зачатки научнаго развитія, этой основы прогресса и цивилизаціи. Но Англія сама виновата, запутавъ свои отношенія къ несчастной Ирландіи до того, что всѣмъ своимъ существеннымъ потребностямъ ирландцы удовлетворяютъ съ боя и въ то же время упорно отвергаютъ несомнѣнно благодѣтельныя для нихъ мѣры, которыя предлагаются Англіей. Но народомъ руководить католическое духовенство, и въ этомъ случаѣ руководить имъ съ своскорыстными цѣлями касты. Духовенство, какъ мы уже говорили, всегда боролось противъ національныхъ школъ; когда въ эти школы проникала протестантская пропаганда, духовенство проклинали ихъ, какъ еретическія; въ послѣднее время эти школы сдѣлались совершенно чуждыми духа секты, но духовенство еще сильнѣе проклинаетъ ихъ, какъ „училища безбожія“. Оно проклинаетъ и всѣ свѣтскія коллегіи, заведенныя въ Ирландіи правительствомъ, проклинаетъ и королевскій „еретическій“ университетъ въ Дублинѣ. Министерство Гладстона давно уже ведетъ борьбу за преобразование ирландскихъ университетовъ, желая сдѣлать ихъ чисто-свѣтскими заведеніями и соглашаясь на уничтоженіе кафедръ не только теологіи, но даже этики, философіи и новѣйшей исторіи, какъ предметовъ, затрогивающихъ живую струну той или другой секты. Протестантскій дублинскій университетъ противится этому, желая сохранить свои исключительныя корпоративныя права, а католическое духовенство гремитъ проклятіями противъ такого „безбожнаго“ плана. Билль не проходитъ, и Ирландія остается въ рукахъ поповъ,

эти просвѣщаютъ ее въ своихъ семинаріяхъ да въ дублинскомъ католическомъ университетѣ, основанномъ по благословенію папы въ 1850 г., для противодѣйствія успѣхамъ протестантскаго ирландскаго образованія. Канцлеръ этого университета—кардиналъ; составъ состоитъ изъ 4 архіепископовъ и 8 епископовъ. Въ 1866—1868 гг. духовенство требовало отъ правительства пособія для этого университета и при этомъ высказало всѣ свои стремленія относительно высшаго образованія. „Безопасность вѣры и нравственности въ университетѣ, говорили епископы въ своей запискѣ правительству—можетъ быть гарантирована только въ томъ случаѣ, если епископы будутъ членами университетскаго сената и за ихъ одними будетъ утверждено право, признаваемое католиками, относительно авторитетнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ вѣры и нравственности. Это право принадлежитъ имъ, и только имъ однимъ. Такъ-какъ вѣра и нравственность могутъ быть подрываемы публичными ученіями профессоровъ, лекторовъ и другихъ должностныхъ лицъ или введеніемъ въ университетскую программу вредныхъ книгъ, то для противодѣйствія такому злу епископы требуютъ абсолютное право, какъ относительно запрещенія такихъ книгъ, такъ и относительно отказа лицамъ, желающимъ занять кафедру и удаленія отъ должности профессоровъ, признанныхъ епископами опасными для вѣры и нравственности“. Эти пожеланія были уже осуществлены въ дублинскомъ католическомъ университетѣ. „Хорошо воспитанный католическій джентльменъ въ Ирландіи—исключеніе, и если вы встрѣтите такого, то онъ учился или въ дублинскомъ королевскомъ или въ какомъ-нибудь иностранномъ университетѣ“. Вообще, высшіе и средніе классы Ирландіи крайне невѣжественны сравнительно съ англійскими. „Образованіе, получаемое ими въ римско-католическихъ школахъ,—жалкое образованіе, и если они не дополняютъ его университетскимъ курсомъ, то скоро превращаются въ грубыхъ деревенскихъ сквайровъ, необлагодѣвшихъ ни знаніями, ни независимостью характера“ (Macolay). Въ первоначальныхъ католическихъ, а по мѣстамъ даже въ свѣдѣнныхъ или „національных“ школахъ, патеры пользуются также безусловнымъ вліяніемъ. Почти все образованіе ограничивается здѣсь заучиваньемъ нѣсколькихъ молитвъ безъ пониманія ихъ значенія. Какъ мало старается духовенство даже о религіоз-

номъ образованіи, можно видѣть изъ того, напр., что ирландская библія была издана только два раза: въ 1685 и въ 1817 гг., а евангеліе въ 1681 и 1811 гг. Въ послѣднее время ирландскій католицизмъ даже регрессируетъ. О'Коннелль говорилъ: „мы католики, но не рабы Рима“, и той-же идеи держалось духовенство его времени. Теперь-же духовенство сдѣлалось ультрамонтанскимъ и покорно служитъ велѣніямъ непогрѣшимаго папы. Ультрамонтаны съ одной стороны и оранжисты съ другой—вотъ истинная язва Ирландіи.

Въ то время, какъ всендзы, захватывая въ свои руки народное просвѣщеніе, затмѣваютъ народный умъ, несчастный народъ привязывается къ нимъ болѣе и болѣе, видя, что они все готовы сдѣлать для него; дѣйствительно, они много содѣйствовали уничтоженію уголовныхъ законовъ, эмансипаціи католиковъ, парламентской реформѣ, свободѣ торговли; теперь они работаютъ въ пользу расторженія союза, правъ народа на землю, даже въ пользу ирландской республики; они служатъ народу, будучи въ то-же время его владыками; они стараются свергнуть власть Англіи, но за тѣмъ только, чтобы, забравъ ее въ свои руки, снова сдѣлать Ирландію „островомъ святыхъ“, какою была она во дни св. Патрика.

Впрочемъ, если-бы они даже и вполне достигли своей цѣли, то ихъ владычество хотя и надолго задержитъ развитіе Ирландіи, но не остановитъ его, какъ не остановило абсолютное господство патеровъ развитія Испаніи... Мало того, что Ирландія не можетъ быть совершенно изолирована отъ просвѣтительнаго вліянія Америки и Европы, ея жители и по собственной своей инициативѣ должны рано или поздно измѣнить свои отношенія къ католическому духовенству. Преданность и любовь къ патерамъ вытекаютъ въ Ирландіи не столько изъ невѣжества и суевѣрія, сколько изъ исторической роли духовенства, которое столько страдало вмѣстѣ съ народомъ, жило для народа и шло впередъ во главѣ народа. Но такую роль оно играло благодаря только англійской политикѣ, и чѣмъ далѣе послѣдняя будетъ вліять на Ирландію или держаться своихъ старыхъ принциповъ, тѣмъ крѣпче будетъ утверждаться духовный авторитетъ. Но коль скоро духовенство, освободившись отъ всѣхъ другихъ соперниковъ, сдѣ-

дается силою въ странѣ, изъ руководителя народа превратится въ его владыку, вмѣсто того, чтобы вести народъ впередъ, будетъ сдерживать его и двигать назадъ, — тогда неминуемо должна возникнуть и оппозиція ему, тѣмъ болѣе, что элементы для такой оппозиціи уже давно есть въ протестантскомъ народонаселеніи Ирландіи. Мы говоримъ, конечно, не объ оранжистахъ-фанатикахъ, которые не перестаютъ до сихъ поръ нападать на католиковъ съ истинно средневѣковымъ варварствомъ, — мы говоримъ не о горячихъ приверженцахъ англиканской церкви, а о пресвитеріанахъ, пуританахъ и той массѣ образованныхъ протестантовъ, мысль которыхъ давно уже секуляризировалась и которые съ эпохи волонтеровъ и соединенныхъ ирландцевъ стараются идти рука объ руку съ либеральными католиками.

С. Шанковъ.

ГРЯЗНАЯ ЯМА.

(Изъ Барбье.)

(Посв. Николаю Андреевичу Щербакову.)

Есть въ міръ громадная яма:
Отъ край до края полна
Тлетворныхъ пороковъ и срама—
Парижемъ зовется она.
Въ свой омутъ она завлекаетъ
Блестящей своей мишурой
Всю грязь, что простора не знаетъ
Въ родимыхъ краяхъ... Но порой
Она всколыхнется, застонетъ—
Ей душно въ крутыхъ берегахъ, —
И міръ обезславленный тонетъ
Въ ея разъяренныхъ волнахъ.

Лишь рѣдко надъ ямой той смрадной
Блеснетъ изъ-за пасмурныхъ тучъ
Лучъ солнца улыбкой отрадной,
Сердца согрѣвающей лучъ.
Въ той шумной пучинѣ разврата,
Жизнь бурнымъ потокомъ идетъ,
Гдѣ братъ возстающий на брата
Безсмертнымъ героемъ сливетъ,
И самые храмы едва-ли
Твердятъ намъ не громче всего,
Что Бога здѣсь люди знавали,
Теперь-же забыли его.

О, много чудесъ совершалось
Въ красѣ современныхъ столицъ:
Здѣсь пламя страстей разгоралось,

Не зная ни мѣръ, ни границъ,
 Здѣсь гибли кумиръ за кумиромъ,
 И меркли звѣзда за звѣздой,
 Здѣсь, нагло ругаясь надъ міромъ,
 Пылая безумной враждой,
 Идея святая—свобода,
 Идея добра и любви,
 Другого не видя исхода,
 По-горло купалась въ крови.

Во имя высокихъ ученій
 Здѣсь нынче возстанетъ народъ,
 И въ жаркомъ бреду увлеченій
 Незыблемый тронъ разобьетъ,
 А завтра-же рабски-покорный,
 Предъ идоломъ новымъ опять
 Готовъ онъ съ любовью позорной
 Колѣни свои преклонять.
 Надъ всѣмъ, что есть въ мірѣ святого,
 Здѣсь чернь наглумилась всласть
 И только тельца золотого
 Одна не поругана власть.

Неужто отъ вѣка до вѣка
 Въ мучительно-трудной борьбѣ
 Работала мысль человѣка,
 Весь міръ покоряя себѣ,
 Неужто бойцы и пророки,
 Предвѣстники лучшей поры,
 Громя беспощадно пороки,
 Безтрепетно шли на костры
 Затѣмъ, чтобъ разврата волнами
 Когда-то затопленный Римъ
 Нежданно воскресъ передъ нами
 Со всѣмъ безобразьемъ свопмъ?

Какъ въ Римѣ, здѣсь нагло и шумно
 Повсюду царить суета,
 Безчынствуетъ праздность безумно,
 Завидуетъ ей нищета;
 И все, какъ и тамъ, здѣсь продажно,
 Все сгнило до мозга костей:
 Савонникъ надменно и важно

Торгуетъ отчизной своей;
 Безъ дальнихъ поэтъ разговоровъ
 Продать свою лиру не прочь,
 А женщина горсть лундоровъ
 Возьметъ за невинную дочь.

Какъ въ Римѣ, и здѣсь самовластно
 Интрига и подкупъ царятъ;
 На общій позоръ безучастно
 Народныя массы глядятъ...
 Да, червь, что такъ страстно когда-то
 Свои заявляла права,
 Какимъ-то безумьемъ объята,
 Кричитъ роковыя слова:
 „Давайте намъ зрѣлищъ и хлѣба!“—
 Все тѣ-же паденья черты!
 Но нѣтъ здѣсь ни римскаго неба,
 Ни въ образахъ нѣтъ красоты.

Погрязшій въ порокахъ и лѣни,
 Невзраченъ парижскій народъ,
 И въ немъ красоты даже тѣни
 Художника кисть не найдетъ.
 Вотъ онъ: на лицѣ пожелтѣломъ
 Страстей преждевременныхъ слѣдъ,
 И хилъ онъ в духомъ, и тѣломъ,
 И сердца въ груди его нѣтъ;
 Привыкнувъ средь праздныхъ блужданій
 Собакъ и прохожихъ дразнить,
 Онъ градомъ циничныхъ руганій
 Готовъ даже мать поносить.

.

Какъ море во время отлива
 Бѣжитъ отъ своихъ береговъ,
 Такъ свой идеаль торопливо
 Народъ здѣсь повинуть готовъ.
 Окончена жгучая драма—
 И пошлость осталась одна...
 Есть въ мирѣ помойная яма,
 Парижемъ зовется она.

П. А. Кашинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕЗХАРАКТЕРНОСТЬ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

(Статья I.)

Въ послѣднія двадцать лѣтъ у насъ слышится постоянная жалоба, безконечные плачь и недовольство собою, точно все расколыhalось, выскочило изъ себя, потеряло мѣсто въ природѣ. Русскій человѣкъ почувствовалъ себя какъ-бы покинутымъ, одинокимъ въ необозримомъ пустомъ пространствѣ. „Научите, научите, что дѣлать!“ взываетъ онъ, но пустое пространство глухо и нѣмо. Никто изъ нашихъ лучшихъ писателей, ни критики, ни публицисты, ни романисты, ни поэты, ни сатирики, ни тонкіе, ни толстые журналы, ни газеты, ни книги не даютъ отвѣта на этотъ проклятый вопросъ. „О, тряпки, тряпки, говорятъ намъ романисты;—о, дрянные людишки, слабые, вѣчно ноющіе и страдающіе, вѣчно мучимые вопросомъ: что дѣлать?“ „Какая-же ты дрянь, русскій человѣкъ“, говорятъ другіе романисты и рисуютъ намъ на разные лады затхлыя погреба, норы и трущобы, грязь, бѣдность и тупость людей, которые вѣчно стремятся куда-то, но не знаютъ куда, и хотятъ чего-то, но не знаютъ чего. И опять тотъ же вопросъ: „что-же дѣлать?“ Но романисты... развѣ романисты знаютъ что-нибудь? И Тургеневъ, и Писемскій, и Гончаровъ показали намъ стонущую русскую душу, они только налили яду и поднесли отравленную чашу безвыходному страдальцу и когда отравленный человѣкъ протянулъ къ своимъ благодѣтелямъ руку, чтобы они вывели его изъ пустоты,—благодѣтели выскочили въ

окно и оказалось, что они сами умѣютъ только ныть, а куда идти и что дѣлать—знаютъ еще меньше насъ съ вами.

Публицисты поступили не лучше романистовъ, и еще неизвѣстно, кто растравлялъ больше. „Кто изъ честныхъ и благородныхъ людей, говорили они,—не задаетъ себѣ вопроса, „что дѣлать?“ Кто не считалъ мелкими и ничтожными тѣ формы дѣятельности, къ которымъ онъ хотѣлъ приложить всѣ свои стремленія къ добру? Каждый честный и порядочный человѣкъ чувствуетъ, что есть на свѣтѣ что-то высшее и что-то лучшее, что бы онъ могъ сдѣлать, что бы онъ готовъ сдѣлать и на что у него хватило-бы силъ, но онъ не знаетъ, какъ взяться за дѣло. И, мучась разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній, мы ищемъ томительно слѣдствъ на свои вопросы и нигдѣ ихъ не находимъ. И кажется намъ, что все насъ окружающее томится тѣми-же недоумѣніями, сомнѣніями, или-же, затаивъ въ себѣ лучшіе человѣческіе помыслы, сгузилось до преслѣдованія только своихъ мелкихъ, эгоистическихъ и животныхъ интересовъ. Такъ, изо дня въ день, проходитъ наша жизнь и изо дня въ день ждемъ мы, не будетъ-ли завтра лучше, не явится-ли завтра человѣкъ, который научитъ насъ быть благородными и дѣлать добро. И чтобы возбудить въ насъ энергію, активность и подвинуть насъ на благородную и гуманную дѣятельность, другіе публицисты говорятъ намъ: „жалкіе, микроскопическіе людишки, лилипуты и бессильные карлики, неумѣющіе устроить своей жизни! Посмотрите на духоту своей семейной жизни, посмотрите на свои семейныя отношенія, какъ глупы и ничтожны всѣ ваши интересы, какъ пусты ваши мысли, какъ беспомощны и бессильны ваши стремленія! Вы задыхаетесь въ затхлому воздуху и даже не видите, какой вы облѣплены грязью! Вы томитесь и страдаете по собственной глупости, по собственной тряпичности и дрянности. И чѣмъ менѣе вы умѣете устроить свою жизнь, тѣмъ больше подавляетъ васъ грязь и тѣмъ вы беспомощнѣе; чѣмъ вы меньше дѣлаете, тѣмъ вы больше погрязаете въ тинѣ, и чѣмъ вы меньше употребляете усилій, чтобы изъ нея выкарабкаться, тѣмъ вы уходите глубже“.

Итакъ, мы глупы, у насъ нѣтъ энергіи, „но что-же намъ дѣлать?“ И публицисты, по примѣру романистовъ, высказываютъ изъ окна и вопросъ по-прежнему остается открытымъ.

Но вотъ выступаютъ сатирики съ своей безпощадной, бездушнѣйшій ироніей, безжалостной, какъ перуны Зевса. И какой-же жалкой, ничтожно-жалкой и глупой является Россія. Повсюду мы видимъ только „глуповцевъ“, которые не умѣютъ даже сморкаться, которые утираются стекломъ вмѣсто салфетки. Глуповцы обворовываютъ и обманываютъ другъ друга, дѣлаютъ всякія мерзости и гадости, унижаются, подличаютъ и холопствуютъ, кланяются въ ноги тѣмъ, кто ихъ бьетъ, и бьютъ тѣхъ, кто имъ кланяется. Сумбуръ и путаница лежатъ свинцовой тучей надъ Глуповымъ и вы не видите ни одного свѣтлаго человѣческаго образа, точно безконечный идиотизмъ обхватываетъ желѣзнымъ кольцомъ всю Россію, какъ въ первый день рожденія Руси. Провидѣніе написало на ея челѣ „тупость“ и съ этимъ клеймомъ пустило ее въ исторію. Вамъ чувствуется во всемъ какой-то роковой фатализмъ, осудившій всѣхъ заранѣе быть глуповцами, осудившій цѣлую націю на неизбѣжную, неустранимую умственную и нравственную гибель. Пусть вы правы, сатирики: въ васъ совершаются болезненные процессы, ваша честная мысль и ваше благородное чувство не выносятъ глуповскаго мрака и безконечной глуповской тупости, но намъ мало вашихъ благородныхъ болезненныхъ процессовъ,—научите насъ, „что дѣлать“! И сатирики стушуются, какъ романисты и публицисты, и въ пустомъ пространствѣ раздается только ихъ хохотъ. Но отвѣтъ-ли это, полно?

И злополучное „съ чего начать?“ стоитъ по-прежнему стономъ надъ Россіей и всѣ спрашиваютъ и всѣ взываютъ безплодно почти четверть столѣтія. Но вотъ, однако, стонъ становится слабѣе. Люди точно устали спрашивать, потому что имъ никто не отвѣчаетъ. И апатія снѣняетъ энергію, уныніе — восторженность и одушевленіе. Литература утратила свой кредитъ. Прежде всякій вопрошающій видѣлъ въ ней всеразрѣшающаго оракула, онъ обращался къ ней, думая, что въ ея чистомъ, свѣтломъ источникѣ найдетъ божественную правду, указаніе и заповѣди жизни. Но божественный источникъ оказался пустъ. Развѣдающее разномысліе царило въ немъ еще больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, и авторитетъ творцовъ литературы оказался фальшивымъ огнемъ, который только свѣтилъ, но не грѣлъ. Творцы литературы разоблачили намъ гнойныя раны и мы ихъ увидѣли; они намъ сказали, что душа наша страдаетъ, и мы почувствовали боль; они обо-

звали насъ глупцами и надсмѣялись надъ нами—и мы увидали свою глупость. Но что-же дальше? А ничего. Оракулъ продолжалъ свои прежнія прорицанія, то плача и сантиментальничая, то идеальничая и рисуясь своими возвышенными, благородными стремленіями, то бранясь, какъ старая, беззубая старуха,—и въра въ прорицанія оракула кончилась. Литераторы и литература утратили свое обаяніе, всякій понялъ, что въ нихъ нѣтъ того божественнаго содержимаго котораго въ нихъ искали. Понялъ это и самъ развѣнчанный литераторъ, превратившійся изъ прорицателя въ такого-же, какъ и всѣ, человѣка. Россія опустила руки; въ пишущихъ головахъ воцарилась пустота, въ читающихъ душахъ—тоска и скука. „Писателю не хочется писать, читателю не хочется читать“, раздался болѣзненный вопль обезличеннаго и извѣрившагося литератора.

Впрочемъ, кромя отрицательныхъ попытокъ были и положительныя, и эти положительныя попытки были вызваны именно тѣми публицистами, которые указывали намъ на пошлую среду, въ которой мы задыхаемся, которые рассказали намъ, что насъ томить жажда добра и благородства, что есть нѣчто высшее, что мы можемъ дѣлать и что мы въ силахъ дѣлать. Но что-же? Публицисты, растранивши насъ этимъ вопросомъ, отвѣта на него не дали, и новые романисты переложили ихъ статьи въ романы. Намъ начали рисовать пошлую, заѣдающую среду и страдающаго въ ней благороднаго, стремящагося къ свѣту человѣка, задавашагося мыслью благородной, гуманной, доброжелательной общественной дѣятельности. И вотъ олицетворенное благородство ведетъ борьбу со зломъ и наслаждается своими страданіями и съ любовью смотритъ на свое мученическое, миссіонерское призваніе и изъ подвиговъ своей добродѣтели дѣлаетъ для себя театральное представленіе. Съ энергіей, „заслуживающей лучшей участи“, олицетворенное благородство пытается разрѣшить задачу жизни, создать себѣ руководящій идеалъ, поставить своему поведенію опредѣленную цѣль, выйти изъ потемковъ къ свѣту и мечты критиковъ, публицистовъ, романистовъ старой школы реализовать въ извѣстную, точно опредѣленную практику. Но тьма осталась прежней тьмой; на вопросъ „что дѣлать?“ отвѣта и тутъ не послѣдовало. И когда, пробившись бесплодно всю свою жизнь, идеализмъ не пристроилъ себя ни къ какому дѣлу, когда онъ

увидѣлъ бесплодность своихъ стремленій, увидѣлъ свою практическую неудачу, онъ глубоко задумался и задалъ себѣ рядъ вопросовъ. Что мы такое, несчастныя дѣти смутнаго и непонятнаго времени? Въ чемъ наша цѣль, въ которой мы стремимся? Въ чемъ наши идеалы, которые мы преслѣдуемъ? Въ чемъ сущность нашей дѣятельности, которую мы преслѣдуемъ? Изъ-за чего мы бьемся? Приносимъ-ли мы пользу другимъ и удовлетвореніе себѣ? Нашли-ли мы свое счастье и сдѣлали-ли кого-либо счастливыми? И умирая, честно стремившійся идеалистъ говорить: „я лишній человѣкъ“. А старый хоръ запѣлъ надъ умирающими свою отходную: „О, тряпки, тряпки, люди безъ характера, безъ воли и энергіи, бесплодные идеалисты, болтуны, Рудины!“

Итакъ, у насъ нѣтъ *характера*.

II.

Русская исторія, и теперешняя и предъидущая, представляетъ поражающіе факты необыкновенной энергіи и силы, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и массы народа. Возьмите исторію западной Европы, возьмите исторію древняго Рима и вы увидите, что энергія Запада нисколько не выше энергіи русскихъ людей.

Вы знаете, какъ сложилось московское княженіе. Уже до Іоанна Калиты намѣтилась строгая и опредѣленная идея, служащая руководящимъ началомъ поведенію Рюриковичей, и одинъ за другимъ, сынъ за отцомъ, точно какъ одинъ человѣкъ, ведутъ свое дѣло. Почти 800 лѣтъ одна и та-же идея, не измѣняя себя ни въ какихъ частностяхъ, идетъ своимъ направленіемъ, и маленькое московское княжество впростааетъ сначала въ московское царство, а потомъ въ цѣлую громадную Россію.

Суровой безошадностью вѣтъ отъ поведенія московскихъ князей; ихъ строго послѣдовательное поведеніе не задается мучительнымъ вопросомъ „что дѣлать?“; оно идетъ впередъ и впередъ, не уступая ни одной пяди, не сворачивая ни направо, ни налѣво. Возьмите Ивана III, Ивана IV, Петра I. Передъ вами точно очерченныя классическія фигуры: все въ нихъ ясно и опредѣленно. Вы видите идею права и власти, идущую своимъ логическимъ путемъ и послѣдовательно развивающуюся изъ самой себя.

Все въ этомъ развитіи ясно, точно и опредѣленно, потому что точна и опредѣленна самая идея. Не находя въ себѣ никакой сдерживающей силы, она идетъ безъ поправки, покоряя все, что покоряется, и поглощая все, что можно поглотить. Люди, проникнутые всецѣло сознаниемъ и воплѣнъ понятой идеей не обнаруживаютъ ни колебанія, ни сомнѣнія, потому что они знаютъ, чего хотятъ. И точная идея создаетъ точные и воплѣнные опредѣленные характеры, въ которыхъ вы не усмотрите ни слабости, ни трагичности.

Строго очерченныя фигуры Ивана III, Петра I и другихъ переносятъ ваше воображеніе въ древній Римъ и вы проникаетесь обаяніемъ римской юридической идеи съ ея полной законченностью, незнающей уступки. Недаромъ Шлоссеръ усмотрѣлъ въ характерѣ Петра Великаго римскія черты и поставилъ его такъ высоко надъ его современниками! И въ логическомъ развитіи идеи права есть, дѣйствительно, покоряющая сила, потому что она знаетъ только одинъ путь и владѣетъ одними разсудочными средствами. Когда Юлій Цезарь увидѣлъ разбродъ римскаго общества и задумалъ стянуть его юридической идеей, онъ сдѣлалъ попытку провести эту идею повсюду—въ нравы, искусство, литературу и религію. И теоретически, отвлеченно Юлій Цезарь былъ правъ. Если общество расплзается въ непримиримыхъ противорѣчійхъ, то его можно стянуть только такой идеей, которая не знаетъ противорѣчій и идетъ однимъ путемъ. Наполеонъ I, находившійся въ подобномъ-же положеніи, хотѣлъ воспользоваться тѣмъ-же средствомъ. Не о томъ рѣчь, какія могли возникать и возникали послѣдствія отъ приложенія этого принципа,—вопросъ въ томъ, что классическая идея права и государства, если она была послѣдовательной, всегда шла своимъ разсудочнымъ путемъ, и если для полнаго логическаго ея осуществленія являлись личности воплѣнъ ею проникнутыя, ихъ образъ принималъ всегда точно очерченныя, ясныя, опредѣленныя, рельефныя формы, будь то Юлій Цезарь или Карлъ Великій, или Иванъ III, или Ричелье, или Людовикъ XIV, или Наполеонъ I. Только послѣдовательность даетъ ясное очертаніе характеру и едва-ли кто рѣшится обвинять московскихъ властителей въ безхарактерности.

Возьмите исторію русскаго раскола—и предъ вами опять картина людей желѣзной энергіи, стойкихъ, въ поведеніи которыхъ

вы не усмотрите ни одного колебанія. Ихъ казнятъ, жгутъ, ссылаютъ, они бѣгутъ въ лѣса, сжигаютъ сами себя въ избахъ и какого-нибудь Аввакума десять лѣтъ ежедневныхъ мученій и пытокъ не могутъ заставить уступить ни въ одномъ словѣ. Конечно, намъ, современникамъ, можетъ показаться страннымъ, что люди не хотятъ уступить ни одного „аза“, что они выносятъ пытки, отстаивая свое право креститься двумя перстами или ходить „по солонь“. Но вѣдь и римляне заблуждались въ своемъ римскомъ правѣ, да здѣсь и вопросъ не въ заблужденіи. Вопросъ въ томъ, что если у людей мысль идетъ въ извѣстномъ точномъ направленіи, въ томъ-же направленіи идетъ ихъ и поведеніе. Раскольники только себя считали истинно вѣрующими и только себя считали истинно вѣрующими и православные. Тѣ и другіе шли разными путями, но съ обѣихъ сторонъ выставлена была цѣлая масса энергическихъ людей, которыхъ вы ничѣмъ не заставили-бы сойти съ ихъ дороги. Припомните Григорія Волоцкого, Іосифа Волоколамскаго, Аввакума. Въ лицѣ Никона наша церковь выставила своего Гильдебранта, человѣка такого-же духа, той-же энергіи, тѣхъ-же властительскихъ стремленій.

Наше вельможество прошедшаго столѣтія и наши временщики даютъ тоже рядъ замѣчательныхъ характеровъ, и старикъ Мытищевъ, нарисованный г. Авдѣевымъ, одинъ изъ этихъ людей. Лѣтописи русской администраціи, особенно сибирской, богаты такими людьми, подобныхъ которымъ Европа въ новѣйшія времена у себя не видѣла. Это были практическіе умы, вѣрные и послѣдовательные продукты родной почвы. Ихъ мысль не забѣгала впередъ, а шла рядомъ съ ихъ поведеніемъ. Московская Русь выработала, на примѣръ, типъ кляузника и волокиты, которыхъ энергію объяснила лишь новѣйшая психіатрія, сдѣлавъ изъ нея особую форму умопомѣшательства. Малороссія всегда отличалась этимъ видомъ настоячивыхъ людей и малороссійскій характеръ выработалъ въ себѣ особую мягкую, податливую упругость, которая, при всей своей кажущейся уступчивости и вкрадчивости чичиковскихъ манеръ, достигаетъ своихъ цѣлей вѣрнѣе грубаго аввакумовскаго упрямства и рѣзкой прямыни Никона. Крѣпостное право создало съ той и съ другой стороны характеры тоже изумительные. Не знаешь, чему больше изумляться: послѣдовательной-ли жестокости тѣхъ, кто, какъ извѣстный полковой

командиръ, не могъ садиться обѣдать, не выпоровъ солдата до крови, или тѣхъ энергическихъ преступниковъ, бѣгуновъ и Ивановъ „Непоминащихъ“, которыхъ никакими кандалами и засовами пельзя было удержать въ каторжной работѣ. Еще на нашихъ глазахъ дѣйствовали Бьковы, Чайкины, Кореневы и Горкины. Наши остроги полны людей съ цѣльными, вполне опредѣлившимися, устойчивыми характерами, а въ „Запискахъ изъ мертваго дома“ вы найдете такіе разнообразныя образчики энергіи и нравственной силы, и въ звѣрской, и въ мягкой формѣ, что они покажутся вамъ выдуманнми или въ васъ заложится невольно вѣра въ какой-то роковой фатализмъ, управляющій судьбою русскаго челоуѣка.

Есть у насъ характеръ или нѣтъ?

III.

Въ тысячу лѣтъ существованія крѣпостнаго права на русской исторической почвѣ явилось столько наслоеній, что образовалась даже цѣлая геологическая формація съ своей собственной типической, своеобразной растительностію. Гоголь былъ русскимъ Линнеемъ этой флоры.

Крѣпостная Россія опредѣлила всему свое мѣсто, общественное мнѣніе выработало себѣ опредѣленное воззрѣніе на всѣ взаимныя отношенія, на честное и безчестное, дозволенное и недозволенное, умное и глупое, терпимое и нетерпимое. Типы Гоголя—живые люди этой дѣйствительности. Всѣ они замѣчательные характеры, у каждаго своя своеобразность, у каждаго свои цѣли, своя идея и вы не назовете ихъ ни людишками, ни тряпками.

Возьмите Чичикова—самый полный, законченный и многообразный типъ, этотъ геологическій перлъ нашей геологической формаціи. Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло и непріятно, сѣвозъ какое-то мутное, занесенное снѣгожъ окошко. Не было у него въ дѣтствѣ ни друга, ни товарища: больной отецъ въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, классная комната, вѣчное сидѣнье на лавкѣ съ перомъ въ рукахъ, вѣчная пропись передъ глазами: „не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ“. А когда

ребенокъ, наскучившій однообразіемъ труда, придѣлывалъ въ бубнѣ закавычку или хвостъ, надъ нимъ раздавался голосъ: „опять задурилъ!“ И край его уха скручивался очень больно ногтями длинныхъ, протянувшихся сзади пальцевъ. Но вотъ наступило время отдавать Павлушу въ школу и его везутъ въ городъ. При разставаніи не было пролито слезъ изъ родительскихъ глазъ, дана была только полтина жѣди да умное наставленіе. „Смотри-же, Павлуша, учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего угождай учителямъ и наставникамъ. Коли будешь угождать пачальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ тоزاریцами не водись, они добру тебя не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не подчуй никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, больше-же всего береги и копи копейку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копейка не выдастъ въ какой-бы ты бѣдѣ ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой“. Гоголь говоритъ, что эти слова глубоко заронились въ душу Павлуши. Но мы думаемъ, что однихъ этихъ словъ еще мало; все свое дѣтство Павлуша писалъ: „не лги, носи добродѣтель въ сердцѣ“, но изъ этихъ словъ не получилось никакого пракческаго результата. Мы не знаемъ никакихъ подробностей о первыхъ годахъ дѣтства Павлуши, и если наставленіе отца запало такъ глубоко въ дѣтскую душу, то, конечно, только потому, что оно могло ассоціироваться съ тою сѣтью представленийъ, которая уже завязалась въ дѣтскомъ сознаніи Павлуши раньше.

Иначе нельзя понять той энергіи, съ которою маленькій Павелъ преслѣдовалъ свои цѣли. Предъ вами уже давно нахѣтившійся и опредѣлившійся характеръ. Это только маленькій комъ свѣга, пущенный по одному направленію, и изъ котораго свернется большой комъ. Павлуша и въ школѣ оказывалъ такую-же любовь къ наукѣ, какъ и дома; его мысль не работаетъ въ теоретическомъ направленіи, но за то оцъ практикъ. Отецъ далъ ему готовую формулу отношеній и Павлуша сразу понялъ ее и приложилъ къ дѣлу. Онъ уже дома привыкъ отказывать себѣ и теперь изъ данной отцомъ полтины онъ не истратилъ ни ко-

пейки, а, напротивъ, еще приконилъ къ ней немного. Онъ покупалъ на рынкѣ съѣстное и продавалъ товарищамъ, которые его богаче. Онъ слѣпилъ изъ воску свигиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Два мѣсяца онъ провозился безъ стѣха у себя на квартирѣ около мыши, которую засадилъ въ деревянную вѣточку, и добился, наконецъ, того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, Павлуша зашилъ ихъ въ мѣшочекъ и сталъ копить другой. Въ отношеніи къ начальству онъ велъ себя съ такимъ-же самообладаніемъ и съ такою-же послѣдовательностью. Во время класса онъ не шевельнетъ ни глазомъ, ни бровью, какъ-бы его ни щипали товарищи. Лишь только раздавался звонокъ, Павлуша бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ, затѣмъ онъ выходилъ первый изъ класса и старался первый попасть учителю на глаза и всякій разъ снималъ передъ нимъ шапку.

Откуда-же эта твердость и единство цѣли, точно клиномъ зацѣвшею въ ребенкѣ, откуда это необыкновенное искусство эксплуатаціи всѣхъ въ свою пользу? Павлуша, конечно, не сознаетъ вполне своего поведенія, онъ не въ состояніи еще предугадать его въ послѣднемъ результатѣ, онъ пока видитъ ближайшія выгоды и неуклонно идетъ къ нимъ. Павлуша весь поглощенъ собою; кромѣ его „я“ для него не существуетъ другихъ „я“ на свѣтѣ; да ничѣмъ другимъ Павлуша и не могъ выйти. Съ перваго дѣтства онъ всегда былъ только самъ съ собою: ни товарищей, ни сверстниковъ, ни братьевъ, ни сестеръ, лишь больной, суровый отецъ, который еще больше заставлялъ его уходить въ себя. И вотъ Павлуша уходить въ себя и вся ассоціація его представленій связывается у него лишь съ его драгоценной особой, у него не является ни одной общественной привычки, онъ знаетъ только свой интересъ.

Замѣчательно вѣрно обрисовываетъ Гоголь чичиковскій хлибуризмъ. Павлушина скупость—не скупость ради скупости, какъ у Плюшкина,—она процессъ не болѣзненный, а живой. Павлуша принадлежитъ къ медленнымъ организмамъ, небстрымъ и невпечатлительнымъ, поэтому мысль его работаетъ осторожноѣе, провѣряя его желанія. Разъ испытанныя удовольствія онъ рисуетъ въ

будущемъ гораздо полнѣе и откладываетъ деньги именно для того, чтобы удовлетворить этому будущему, болѣе пріятному наслажденію. Чичикову мерещилась впереди жизнь довольства и достатка: экипажи, домъ отлично устроенный и вкусныя обѣды. Когда проносился мимо него богачъ на рысакахъ въ богатой упряжкѣ, Чичиковъ, какъ вкопанный, останавливался на мѣстѣ, задумывался и потомъ, точно очнувшись отъ сна, произносилъ: „а вѣдь былъ конторщикомъ, волосы носилъ въ кружокъ“. Кончивъ ученье, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть—такъ въ немъ было сильно желаніе приняться за дѣло и службу.

И какая изумительная настойчивость! Съ ранняго утра и до поздняго вечера пишетъ Чичиковъ канцелярскія бумаги, не ходитъ домой, спитъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдаетъ подчасъ съ сторожами. Чтобы проложить себѣ дорогу, Чичиковъ испробовалъ сначала пріемъ, который ему удался въ школѣ: онъ чинилъ повытчику перья, завелъ новую тряпку для его червильницы, чистилъ ему спину, если онъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны, и за минуту до окончанія присутствія всталъ ему на стулъ его шапку. Но все это не помогало. Тогда, проникнувъ гдѣ-то, что у повытчика есть дочь, Чичиковъ повелъ подкопъ съ другой стороны. Пошатнулся суровый повытчикъ и завалъ Чичикова на чай. Не успѣла канцелярія оглянуться, какъ дѣло устроилось такъ, что Чичиковъ переѣхалъ въ домъ къ повытчику и сдѣлался для него нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ. Всѣ въ палатѣ уже рѣшили, что въ концѣ февраля, передъ великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ хлопотать за него у начальства, и какъ только Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на открывшуюся вакансію, онъ отправилъ свой сундукъ секретно домой и на другой-же день очутился на новой квартирѣ.

Чичиковъ всегда такой: люди для него только средство, которымъ онъ пользуется для своихъ цѣлей. Его себлюбіе замаскировано въ такую мягкую и уступчивую малороссійскую форму, что даже Собакевичъ сказалъ про него, что онъ „препріятный человѣкъ“. И въ то-же время этотъ препріятный человѣкъ послѣдовательно идетъ за своей единственной идеей, все приурочиваетъ къ ней и выеживаетъ людей, какъ выжатый лимонъ, если они ему не нужны. Русская геологическая почва, конечно,

не могла произвести болѣе совершеннаго цвѣтка замаскированнаго индивидуализма, своекорыстія и себялюбія. Въ этомъ характерѣ вы не видите ни одной угловатости и рѣзкости — все въ немъ мягко, уклончиво и, повидимому, уступчиво. Чичиковъ умѣетъ залѣзть во всякую душу, всѣмъ понравиться, со всѣми говорить. Онъ говорилъ о лошадиномъ заводѣ, трактовалъ о слѣдствіяхъ, о биллиардной игрѣ, о добродѣтели разсуждалъ очень хорошо; даже со слезами на глазахъ, о выдѣлкѣ горячаго вина, о таможенныхъ чиновникахъ и надсмотрщикахъ, — однимъ словомъ, онъ превосходно зналъ ту почву, на которой выросъ, и пользовался всѣмъ, чтобы достигнуть того, что ему нужно. Болѣе цѣльнаго и неуклоннаго характера вы не придумаете.!

И всѣ характеры Гоголя отличаются такой-же законченностью. У нихъ въ сущности одна идея: всѣ они гонятся за благами жизни, для всѣхъ деньги все, всѣ они могутъ сдѣлаться даже Плюшкиными, который тоже былъ нѣкогда только разсчетливый и экономный хозяинъ; но у каждаго изъ нихъ своя личная система отношеній къ людямъ, свой приѣмъ въ поведеніи. И каждый характеръ отличается твердостью и неуклонностью, несдающей никому, неслабнющей, непереходящей въ нѣтъ. Каждый преслѣдуетъ положительную, точную, ясную, осязательную цѣль, у каждаго одна очень простая идея. Умъ и чувство этихъ людей въ полнѣйшей гармоніи. Если Чичиковъ говоритъ иногда не то, что чувствуетъ, это только стратегическая уловка, ловушка, западня, которую онъ устраиваетъ для своего врага — чело-вѣка. Личное-же его поведеніе всегда согласно съ его мыслями, точно такъ же, какъ его мысли всегда согласны съ его поведе-ніемъ.

IV.

Совсѣмъ иныхъ людей начинаетъ давать Россія, когда въ нее стала закрадываться европейская идея и европейскія стремленія, когда въ ней начинается являться *интеллигенція*.

Посмотрите, какіе простые люди всѣ эти Собакевичи, Ноздревы, Чичиковы; бессознательные продукты родной почвы, они вырастаютъ на ней какъ простые цвѣты и эксплуатируютъ эту

почву, потому что они на ней растут и она их питаетъ. Прежде Россія даже не знала, что такое характеръ, и если употребляла это слово, то вовсе не въ его психологическомъ смыслѣ. Подъ характеромъ понимали темпераментъ, а не міровоззрѣніе съ соотвѣтствующимъ ему поведеніемъ. На нравственно-соціальный составъ души не обращалось вниманія и такая хитрая мысль была даже недоступна простому, непосредственному пониманію.

И внезапно на этой почвѣ вырастаютъ новые, невиданные люди, которыхъ никто не замѣчаетъ, которыхъ никто не понимаетъ; являются новые типы людей, которыхъ обходитъ наблюденіе и которыхъ не касается литература. Гоголь нарисовалъ типы умирающей Россіи, которой теперь ужъ нѣтъ, и проглядѣлъ типы новой, нарождающейся Россіи, которые превратились въ лишніе люди и въ современныхъ раздвоившихся людей. Прототипомъ этихъ людей явился Пушкинъ, о которомъ намъ всегда говорили только, какъ о великомъ поэтѣ, но о которомъ мы не знали ничего, какъ о новой русской психологической формѣ.

Пушкинъ служитъ именно прототипомъ той интеллигенціи, полной хорошихъ и честныхъ стремленій, которыхъ она не умѣла пристроить къ извѣстнымъ, точно опредѣленнымъ идеямъ и соединить точныхъ идей съ своими чувствами. Пока у насъ не было интеллигенціи, мы не знали людей безхарактерныхъ, и такъ-называемые людшки, тряпки, Рудины явились у насъ только вмѣстѣ съ интеллигенціей. Изъ дѣтства Пушкина мы узнаемъ, что мать его, Надежда Осиповна, такъ же, какъ Сергій Львовичъ, обожала свѣтъ и веселое общество. Въ управленіе домою она внесла свою вспыльчивость да рѣзкіе, частые переходы отъ непутной мелочной взыскательности къ полному равнодушію и невзыскательности. Г. Анненковъ („Вѣстникъ Европы“, № 11) полагаетъ, что эта неровность и порывчатость лежала въ самой природѣ Надежды Осиповны. Конечно, такой догадки онъ не подтвердитъ психологическими доказательствами, потому что корень этой неровности лежитъ въ недостаткахъ воспитанія и въ предоставленія Надежды Осиповны самой себѣ и влиянію домашней безтолковости такъ-же, какъ впоследствии и сама Надежда Осиповна дѣйствовала въ воспитаніи своего сына. Это не больше, какъ наследственная, традиціонная, родовая беспорядочность, которая и положила основаніе характеру Пушкина, незнавшего никогда

внутренней дисциплины. Г. Анненковъ цитируетъ слѣдующее описаніе дома Пушкиныхъ, когда они, въ 1814 году, переѣхали на окончательное жительство въ Петербургъ: „Дождь ихъ всегда былъ названку: въ одной комнатѣ богатая старинная мебель, въ другой — пустая стѣны или соломенный стулъ. Многочисленная, но оборванная, пьяная дворня съ баснословадой неопрятностью, ветхій рыдванъ съ тощими влячами и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ до послѣдняго стакана“. Баронъ Штейнъ былъ совершенно правъ, когда по поводу одного подобнаго безпорядочнаго дома сказалъ его хозяйкѣ: „какого нравственнаго чувства вы хотите отъ собственныхъ дѣтей, когда они живутъ въ обществѣ лицъ съ различными привычками, различныхъ сословій, различныхъ половъ и возрастовъ до юношескаго включительно? Гдѣ тутъ могутъ развиваться и сохраниться въ надлежащей чистотѣ чувства порядка, обязанности и долга“.

Конечно, замѣчаніе это не больше, какъ голое констатированіе факта извѣстныхъ послѣдствій и причинъ. Психологъ не сказалъ-бы ни слова ни о долгѣ, ни объ обязанности, — онъ сказалъ-бы только, что дѣтская мысль не должна формироваться подъ влияніемъ подобныхъ расходящихся различій и противоположностей. Если, предоставленная себѣ, она должна набираться тѣхъ основъ мировоззрѣній, которыя ее разрываютъ въ подобномъ безконечно запутанномъ омутѣ, то прежде всего она не пріобрѣтаетъ никакого единства. Мысль ребенка лишена всякой системы; передъ ней не одна дорога, а десятки и сотни; она развивается не послѣдовательно, а урывками, она сплетаетъ не одну сѣть мировоззрѣнія, а завязываетъ множество отдѣльныхъ узловъ; дѣтская память обременяется безъ нужды такими фактами, которые лишь мѣшаютъ цѣльной работѣ сознанія и которые въ пору зрѣлости придется выкидывать за бортъ. Беспорядочный дождь создаетъ беспорядочное, урывчатое мышленіе, а когда нѣтъ строгаго порядка въ мысли, не можетъ быть никакого порядка въ поведеніи. Вотъ почему дѣти беспорядочныхъ родителей вырастаютъ беспорядочными людьми, почему ихъ желанія не знаютъ никакой дисциплины и почему пониманіе обязанностей и долга, какъ руководящихъ принциповъ жизни, имъ обыкновенно не дается. Пушкинъ навсегда остался человѣкомъ беспорядочной, неустановившейся мысли, и если изъ него вышелъ замѣтный человѣкъ,

то только потому, что въ условіяхъ его нервнаго, раздражительнаго и впечатлительнаго организма лежала реагирующая сила.

Рядомъ съ воспитаніемъ мысли путемъ окружающей безпорядочной жизни идетъ такое-же урывчатое, безпорядочное ея теоретическое воспитаніе. Этому воспитанію приписываютъ какую-то чудодѣйственную силу. „Часто случается, говоритъ г. Анненковъ,— что всѣ врожденныя и темныя силы характера долго спятъ въ душѣ ребенка и не показываются на свѣтъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не пробудятъ къ жизни какія-либо обстоятельства. Чѣмъ-то въ родѣ подобнаго толчка ознаменовались и дѣтскіе годы Пушкина. Искрой, внезапно оживившей его природу и раскрывшей разнородныя нравственные элементы, таившіеся въ ней, была тутъ, какъ намъ кажется, бібліотека С. Л. Пушкина“. И тутъ психологъ сказалъ-бы другое. Есть психологическая школа, которая считаетъ человѣческую душу готовымъ складомъ разнородныхъ человѣческихъ элементовъ и прирожденныхъ идей, но есть другая школа опытной психологіи, которая проще и вѣрнѣе опредѣляетъ составъ, дѣятельность и законы формировація души, и мы думаемъ, что ея положеніями объяснить и понять Пушкина гораздо легче.

Намъ говорятъ, что молодой Пушкинъ росъ до 9 лѣтъ флегматикомъ и неповоротливымъ мальчикомъ. Мы-бы желали, чтобы фактъ неповоротливости Пушкина былъ доказанъ точнѣе, ибо это свидѣтельство противорѣчитъ всему тому, что извѣстно объ организаціи Пушкина. Пушкинъ имѣлъ сильно нервный организмъ, воспримчивый и раздражительный. Всѣ физиологическіе процессы совершались въ немъ быстро, такъ-же быстро работала и его нервный аппаратъ. Каждое воспринятое ощущеніе переходило въ немъ въ общее чувство, мгновенно и сразу охватывая всю его душу. Въ этомъ заключался источникъ страстности Пушкина, хотя, благодаря недостаткамъ воспитанія его, страстность никогда не сложилась въ страсть. Если-бы организація Пушкина была иной, изъ него не вышелъ-бы поэтъ и его умъ не искалъ-бы постоянно новыхъ и новыхъ удовлетвореній. Только раздражительный и впечатлительный нервный организмъ создастъ подобную возможность.

Намъ ничего неизвѣстно изъ тѣхъ первыхъ вліяній, которыя могли задержать Пушкина въ его развитіи; очень можетъ быть, что безпорядочная, пустая домашняя жизнь не давала душѣ Пуш-

кина такого матеріала, которымъ-бы онъ могъ обнаружить ея живость, хотя, съ другой стороны, есть много дѣтей, въ которыхъ живость успливается по мѣрѣ крѣпости ихъ организма и мы даже могли-бы привести коротко извѣстныя намъ факты о мальчикахъ, которые именно около девятилѣтняго возраста начинали обнаруживать особенную живость и дѣятельность. Весьма вѣроятно, что и у Пушкина организмъ вышелъ изъ младенчества въ эту пору. Но это не было ни пробужденіемъ, ни переломомъ, о которомъ говоритъ г. Анненковъ,—это было простымъ продолженіемъ предшествовавшаго развитія. То пробужденіе, которое какъ-бы встряхиваетъ весь организмъ, совершается только въ пору юношеской возмужалости. Такое пробужденіе есть въ сущности простое сравненіе нашимъ сознаниемъ фактовъ, которые мы вынесли изъ своего предъидущаго, съ фактами, явившимися вновь. Разсудокъ больше ничего какъ сравниваетъ тѣ и другіе и выбрасываетъ то, что ему не нужно для новой сѣти представленій. Чувства, конечно, играютъ при этомъ самую главную роль. Но развѣ Пушкинъ 9 лѣтъ находился въ подобномъ состояніи? Въ чемъ приходилось ему провѣрять себя, какой другой рядъ жизненныхъ фактовъ могъ предстать передъ нимъ, чтобы потрясти весь его организмъ и заставить произвести ту работу, выкидывавія всего пенужнаго, какая бываетъ лишь въ моменты страстныхъ состояній созрѣвшаго организма? — тотъ-же родительскій домъ, тотъ-же отецъ, та-же взбалмошная мать, но только прибавились книги.

Пушкину-ребенку позволялось быть при гостяхъ, присутствовать въ кабинетѣ отца, слушать тамъ все, что говорилось, только подъ условіемъ молчанія, и даже принимать участіе въ jeux d'esprit, которымъ въ тѣ времена придавали большое воспитательное значеніе. Затѣмъ Пушкину открываютъ доступъ въ бібліотеку, которая, по словамъ г. Анненкова, болѣе чѣмъ *въроятно*, состояла изъ французскихъ эротическихъ писателей XVIII вѣка, изъ философскихъ трактатовъ сенсуальной школы, изъ Вольтера, Руссо, Гельвеція и самыхъ крайнихъ ихъ толкователей. Зная все то, говоритъ г. Анненковъ, можно опредѣлить сущность перелома, совершившагося въ молодомъ Пушкинѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что никакого перелома не могло совершиться, что воспитаніе только начиналось и молодая, воспримчивая душа Пушкина только на-

биралась фактовъ. Въ ростѣ идей есть своя преемственность и ничего послѣдующаго вы не введете раньше предъидущаго. Вотъ почему ни Вольтеръ, ни Руссо, ни Гельвецій не могли быть понятны Пушкину, а если онъ ихъ и понималъ, то понималъ, конечно, невѣрно и вмѣсто понятій усваивалъ только фразы. Французскіе энциклопедисты могли принести ему лишь вредъ, а не пользу. Преждевременное чтеніе того, что не можетъ быть прочувствовано и войти въ сознаніе путемъ зрѣлаго чувства, создаетъ только привычку говорить словами. Что-же касается французскихъ эротическихъ писателей, то дѣтская память, конечно, должна была обогатиться многими до того ей неизвѣстными фактами; а мысль, получивши такой благодарный и доступный ей матеріалъ, принявшись за его переработку, усилила дѣятельность нервной системы въ этомъ направленіи. Говоря проще, половое развитіе Пушкина было ускорено мозговымъ путемъ; средствами возбужденной мысли ускорилось фізіологическое развитіе его тѣла. Слѣдовательно, это былъ не переломъ, а простое ускореніе развитія, которое ужъ никакъ не могло быть полезно, а, напротивъ, служило продолженіемъ, но лишь въ другой области, той-же безпорядочности и путаницы, которую видѣлъ Пушкинъ въ своей родной семьѣ.

„Библіотека отца, говоритъ г. Анпенковъ,—оплодотворила зародыши раннихъ и пламенныхъ страстей, существовавшіе въ крови и въ природѣ молодого человѣка, раздвинула его понятія и представленія далеко за границу возраста, которую онъ переживалъ, снабдила его тайными воззрѣніями и цѣлями, которыхъ никто въ немъ не предполагалъ, наконецъ—что всего важнѣе—мало-по-малу воспитала великое самоуваженіе, недопускающее власти надъ собою и непризнающее ея законности ни въ какомъ видѣ и ни подъ какииъ предлогомъ“. Мысли эти слишкомъ громки, риторичны. Мы не станемъ отрицать, что чувство независимости, которое и въ лицѣ, и послѣ замѣчалось въ Пушкинѣ, должно было получить свою пищу отъ чтенія, но мы думаемъ, что оно получило еще большую пищу въ той общей распущенности, какая царяла въ домѣ, гдѣ каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, гдѣ и Пушкину позволялось дѣлать, что ему вздумается—посѣщать кабинетъ отца и слушать всякій вздоръ, посѣщать библіотеку, гдѣ онъ могъ читать, что ему вздумается. Чувство независимости, конечно, воспитывается

не стѣсненіемъ, но то чувство свободы, на которое намекаетъ г. Анненковъ, то великое самоуваженіе, которое будто отрицаетъ законность власти въ какомъ-бы то ни было видѣ, совсѣмъ не то, что думалъ сказать панегиристъ нашего поэта. Его великое *самоуваженіе*, отрицающее законность всякой власти, скорѣе напоминаетъ романтическую теорію воли, а вовсе не европейское понятіе о свободѣ. Чувство свободы, конечно, стремится устранить всякое внѣшнее давленіе, потому что у него есть свой собственный регуляторъ—гармоническое согласіе хорошо воспитаннаго ума съ хорошо воспитаннымъ сердцемъ. Но развѣ что-либо подобное было и могло быть въ ребенкѣ Пушкинѣ? Говоря объ убѣжденіяхъ, мы, конечно, думаемъ о тѣхъ прочныхъ слѣдахъ представленій, которые являются какъ неизбѣжный и неизмѣнный выводъ изъ полной совокупности фактовъ извѣстной категоріи. Но развѣ что-нибудь подобное могло явиться въ юношеской головѣ Пушкина въ средѣ тогдашней русской жизни? Самоуваженіе есть результатъ убѣжденія не только въ правильности выводовъ сознанія, но и въ безошибочности такого поведения, которое даетъ работу всѣмъ сторонамъ вполне развитой души. Если Пушкинъ въ 35 лѣтъ говорилъ и чувствовалъ не то, что онъ говорилъ и чувствовалъ въ 16 лѣтъ, имѣемъ-ли мы право утверждать, что въ немъ были убѣжденія; а если его убѣжденія мѣнялись безпрестанно, то гдѣ-же вы найдете мѣсто для великаго самоуваженія? Не великое самоуваженіе явилось въ Пушкинѣ, а то преувеличенное воззрѣніе на себя и та вѣра въ свою безошибочность, которая создаетъ мелочное самолюбіе и называется самоинвнїемъ.

Изъ первыхъ фактовъ домашняго воспитанія Пушкина мы видимъ только, что въ немъ не было подавлено чувство независимости, что когда хотѣли покуситься на это чувство, оно уже настолько выросло, что могло дать отпоръ, и ребенокъ, и юноша, предоставленный самъ себѣ, развивался въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, чисто-головнымъ, механическимъ путемъ, изъ понятій, которыхъ не было въ жизни чувствъ, съ другой стороны—въ мірѣ чувствъ, которыхъ не находилось мѣста въ мірѣ головныхъ понятій. Вотъ почему въ Пушкинѣ усматривались всегда два человека и почему являлись противоположныя оцѣнки его нравственныхъ свойствъ. Напримѣръ, директоръ ли-

дея, Энгельгардтъ, говорить, что умъ Пушкина, не имѣлъ ни проникательности, ни глубины, но былъ совершенно поверхностный, французскій умъ. „Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ, замѣчаетъ Энгельгардтъ;—его сердце холодно и пусто, въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; оно, можетъ быть, такъ пусто, какъ не бывало юношеское чувство. Нѣжныя и юношескія чувства уничтожены въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ, при поступленіи въ лицей, зналъ почти паизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія“. Въ этой оцѣнкѣ г. Анненковъ усматриваетъ дно изъ тѣхъ странныхъ рѣшеній, „которыя во всѣ времена слышались отъ официальныхъ педагоговъ относительно замѣчательныхъ дѣтей, которыя потомъ удивляли потомство своею неосновательностью“. Дѣйствительно, подобныя ошибки бывали, но ошибка эта, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ, вовсе не такъ велика, какъ кажется. Энгельгардтъ говоритъ только объ одной сторонѣ души Пушкина, и, говоря объ этой сторонѣ, онъ вовсе не дѣлаетъ ошибки. Отзывъ его не умозрительный, а основанный на фактахъ, и, слѣдовательно, онъ говоритъ о томъ, что было дѣйствительно. Что умъ Пушкина не имѣлъ ни проникательности, ни глубины, что это былъ умъ быстро схватывающій, но за то и поверхностный—едва-ли нужно доказывать. Воображеніе и память Пушкина, и изъ семейной жизни, и изъ разбросаннаго, безпорядочнаго чтенія, въ которомъ фигурировали эротическіе писатели, были наполнены такими фактами, которые никакъ не могли создать полнаго, всесторонне-развитаго ума, привыкшаго къ строгой логической послѣдовательности. Если всѣ біографы согласны въ томъ, что ни домашнее вліяніе, ни первоначальное чтеніе, ни лицей не дали Пушкину никакого серьезнаго послѣдовательнаго и законченнаго знанія, то откуда-же могъ явиться въ немъ полный и законченный умъ?

Умъ будетъ тѣмъ, чѣмъ его сдѣлаютъ, и онъ выработается такимъ, какимъ позволить ему матерьялъ памяти. Самыя сильныя средства сознанія не сдѣлаютъ ничего, если для его работы нѣтъ хорошаго матерьяла.

Что касается развитія чувствъ, то и въ этомъ отношеніи оказывается несогласіе отзывовъ. Пушкина въ лицей прозвали *фран-*
2*

музомъ. И такъ какъ это было въ самую эпоху нашествія французовъ, то ясно, что это прозваніе не говорило въ пользу Пушкина и въ пользу хорошихъ отношеній къ нему его товарищей. Его лицейскій товарищъ говоритъ о немъ такъ: „вспыльчивый до бѣшенства, съ необузданными, африканскими, какъ его происхожденіе, страстями, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, избалованный отъ дѣтства похвалою и ласками, которые есть въ каждомъ кругу, Пушкинъ ни на школьной скамейкѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Въ немъ не было ни важнейшей, ни внутренней религіи, ни нравственныхъ чувствъ; онъ полагалъ даже какое-то хвостовство въ высшемъ цинизмѣ по этимъ предметамъ, и я не сомнѣваюсь, что для этого онъ иногда говорилъ даже болѣе и хуже, нежели думалъ и чувствовалъ“. Другой лицейскій товарищъ Пушкина говоритъ о немъ, что онъ опередилъ во многомъ своихъ товарищей, что онъ прочелъ многое, о чемъ они и не слышали, и все, что онъ читалъ, помнилъ. Но Пушкинъ не высказывался и не важничалъ, какъ это бываетъ съ скороспѣлками, и скорѣе скрывалъ то, что онъ знаетъ. „Случалось, точно, удивляться рѣзкимъ переходамъ въ немъ: видишь, бывало, его поглощеннымъ не по лѣтамъ думами и чтеніемъ — и тутъ-же онъ оставляетъ занятія и приходитъ въ какой-то припадокъ бѣшенства за то, что другой обгонитъ его на бѣгу или однимъ ударомъ уронитъ всѣ кегли“. Г. Анненковъ думаетъ, что эти противорѣчія требуютъ примиренія и соглашенія. Мы-же думаемъ, что тутъ нѣтъ никакихъ противорѣчій.

Передъ нами то, что психологи называютъ разорваннымъ характеромъ. Мы встрѣчаемся съ душой, въ которой завязались отдѣльныя сѣти представленій или, лучше сказать, ассоціаціи отдѣльныхъ понятій, несвязанныхъ никакимъ общимъ единствомъ и несогласованныхъ съ процессами чувства. Все въ этой душѣ урываето и отдѣльно: невоспитанное чувство раскидалось въ порывахъ, а невоспитанный умъ заблудился въ массѣ представленій, съ которыми бессильно справиться сознание. Конечно, чтобы написать исторію души Пушкина, необходимо знать всѣ мелочныя частности и разнообразныя и несвязанныя никакимъ единствомъ элементы, изъ которыхъ она сформировалась. Но чтобы сдѣлать о характерѣ Пушкина общій выводъ, чтобы опредѣлить,

почему такая одаренная богатыми средствами натура дала меньшій результатъ, и чтобы извлечь воспитательный урокъ и для насъ, и для слѣдующихъ поколѣній, достаточно остановиться на фактахъ крупныхъ.

Что далъ Пушкину лицей? Профессора его, избранные изъ лучшихъ преподавателей, не внесли въ занятія ни системы, ни серьезности, ни настойчивости. Профессоръ Карцевъ, вмѣсто того, чтобы заниматься математикою, острилъ съ студентами и рассказывалъ имъ анекдоты. Галичъ и Кашанскій льстили студентамъ и Галичъ даже потворствовалъ устройству студентами тайныхъ пирушекъ. Профессоръ Куницынъ только въ началѣ курса заботился о развитіи понятій своихъ учениковъ, а позднѣе, во второмъ курсѣ, когда онъ перешелъ къ логикѣ и философіи права, онъ заставлялъ воспитанниковъ задалбливать его записки на память. М. А. Корфъ говоритъ, что больше всего на развитіе мысли вліялъ учитель французской словесности, извѣстный де-Будри. Этотъ де-Будри былъ родной братъ Марата и для развитія лицейство въ бралъ для бесѣдъ съ ними предметы, не всегда соответствующіе характеру заведенія. Профессоръ Гауеншильдъ читалъ нѣмецкую словесность по-французски. Какія-же правильныя научныя понятія могла дать Пушкину школа.

Воспитательное значеніе лицея, т. е. вліяніе его на чувства, было еще хуже. Директоръ лицея, Энгельгардтъ, считалъ лучшей школой для молодежи общительность и свѣтскость и сношеніе съ избранными кругами городского общества. Онъ больше всего заботился о сохраненіи чести заведенія и глядѣлъ на лицей, какъ на питомникъ *хорошо рожденныхъ* дѣтей. Г. Анненковъ говоритъ, что лицейсты, въ своихъ мундирахъ съ золотыми и серебряными, смотря по курсу, нашивками, были привычными посѣтителями всѣхъ гуляній, парадовъ и вечеринокъ, а въ послѣднемъ курсѣ пользовались привилегіею посѣщать гусарскіе пиры и пирушки и не хуже ихъ умѣли сплетать сѣти волокитствъ за горничными и нянюшками царскосельскихъ жителей, за актрисами домашняго театра графа Толстого.

Отъ полной нравственной пустоты лицея спасался еще своимъ литературнымъ направленіемъ. И Пушкинъ, сохранившій свою страсть къ чтенію, только потому и спасъ свою душу въ этой растлѣвающей средѣ. Лицей не только не нѣшалъ литературнымъ

занятіямъ студентовъ, но и помогаль имъ частью своей бібліотекой, частью положеніемъ своимъ среди царскихъ садовъ, частью досугомъ, котораго было довольно, и, наконецъ, событіями общественной войны, дѣйствовавшей благотворно на подъемъ духа молодежи.

Пушкинъ очень хорошо понималъ недостаточность лицейскаго воспитанія и образованія и вотъ почему тотъ новыи міръ идей, въ который онъ попалъ по выходѣ изъ лицея, обнаружилъ на него такое сильное вліяніе. Можно сказать, говоритъ Анненковъ, что Пушкинъ жилъ тогда окруженный заговоромъ, хотя въ то-же время заговорщики его какъ-бы берегли и не принимали въ свои члены. Новыя мысли и атмосфера этого новаго вліянія отложили на душѣ Пушкина новыя слѣды и дали его мысли новыя приемы и навѣки, которыхъ она прежде не имѣла.

Но что могло образоваться изъ этихъ спутанныхъ и смѣшанныхъ вліяній и изъ разнородныхъ, ничѣмъ не связанныхъ слѣдовъ цѣльнаго, законченнаго, продуманнаго и прочнаго? Конечно, во всей этой путаницѣ несогласенныхъ противорѣчій и массѣ разнородныхъ вліяній была одна формальная идея, которая служила всему цементомъ. Идея эта— „человѣкъ“. И лицей съ его вольнодумствомъ, и двѣнадцатый годъ съ его патриотическимъ настроеніемъ, и домашняя бібліотека съ Вольтеромъ и Руссо, постоянно держали молодую мысль на этомъ уровнѣ. Послѣдующее вліяніе кружковъ еще больше помогало Пушкину расширить область его мысли въ этомъ направленіи. Благо, счастье, свобода— вотъ магическія слова, которыя должны были дѣйствовать на впечатлительную душу Пушкина. Но что въ этихъ словахъ было опредѣленнаго и яснаго? давали-ли они какую-либо опредѣленную программу поведенія? Они возбуждали въ душѣ какія-то широкія, неясныя стремленія, толкали къ чему-то благородному, возвышенному, человѣчному, но реальнаго содержанія не давали. Въ сущности это были только понятія и выводы изъ чужихъ чувствъ, изъ жизни, пережитой другими народами.

Любопытный фактъ раздвоенности, когда мысль и понятіе развиваются отдѣльно и независимо отъ чувства, живущаго въ другомъ мірѣ, вы можете наблюдать каждый день на нашихъ страницахъ политическихъ газетъ или на авторахъ газетныхъ передовыхъ политическихъ статей. Политиканы слѣдятъ и за катол-

ческимъ вопросомъ, за борьбой духовенства съ прусскимъ министерствомъ, и за теперешними событіями во Франціи, и за процессомъ Базэна и т. д. Съ напряженнымъ вниманіемъ люди эти слѣдятъ за всѣми подробностями, съ возбужденнымъ любопытствомъ они берутся за каждый номеръ, и ихъ мысль идетъ разъ принятымъ ею направленіемъ и не можетъ остановиться, не дойдя до послѣдняго вывода. Любители политическаго чтенія любятъ спорить о тѣхъ или другихъ комбинаціяхъ, любятъ задавать другъ другу вопросы и шеголять другъ передъ другомъ своею политическою проницательностью. Но въ этомъ процессѣ какъ-бы дѣйствительно переживаемой жизни участвуетъ только одна половина души. Въ чувствахъ русскихъ политикановъ нѣтъ никакой солидарности и живой связи съ политическими событіями, которыя они переживаютъ одной головою. Оставляя клубъ, въ которомъ политиканъ переживалъ чувства Европы, и возвращаясь домой по темнымъ, грязнымъ улицамъ своего безмолвнаго города, не встрѣчая ни одной живой души, онъ охватывается ощущеніями совершенно иного порядка и его чувства и его мысль, точно запертыя въ отдѣльныхъ коробочкахъ, дѣйствуютъ каждое само по себѣ.

Непривычка слѣдить за собственными душевными процессами не позволяетъ намъ понимать себя такими, каковы мы есть. И если къ этой раздвоенности мысли и чувства присоединить еще беспорядочность невоспитаннаго сердца и беспорядочныхъ мыслей, раскидавшихся въ ассоціаціяхъ отдѣльныхъ представленій, то понятно, что лицо, подлежащее наблюденію, можетъ показаться намъ неразрѣшимой загадкой. Такой-то загадкой и представляется Пушкинъ, то подвижной, впечатлительный и раздражительный, то задумчивый и сосредоточенный, отдавшійся весь овладѣвшей имъ мысли. Легко переходящій отъ одного настроенія въ другое, онъ то поверхностенъ, то основателенъ, то легкомысленъ, то сосредоточенъ, то мелочно самолюбивъ, капризенъ, злобенъ и обидчивъ, то нѣженъ и способенъ къ великодушнымъ и широкимъ чувствамъ. Передъ вами точно калейдоскопъ, въ которомъ все мѣняется, завися отъ впечатлѣнія минуты, и, повидимому, лишенное всякаго единства плана.

Въ послѣднемъ общемъ выводѣ, конечно, возьметъ верхъ формальная идея, и эта идея у Пушкина—человѣкъ и его благо.

Но развѣ и въ этой идеѣ есть что-либо ясное, когда ни привычки молодости, ни вся послѣдующая жизнь никогда не воспитали ни его чувства, ни мысли въ практикѣ подобныхъ живыхъ отношеній? И вотъ человѣкъ, переживающій все головными процессами, не можетъ найти активной жизни, которая-бы наполнила всю его душу; ускокавшая впередъ мысль живетъ сама по себѣ и бѣдный раздвоившійся человѣкъ бесплодно взываетъ: *что дѣлать?* Во всю свою жизнь Пушкинъ не нашелъ отвѣта на этотъ вопросъ; его постоянно влекли разные теченія и разрывали противорѣчія, которыхъ онъ не могъ ни примирить, ни согласить. Пушкинъ формировался нравственно всю свою жизнь; вся его психическая дѣятельность заключалась въ постройкахъ и перестройкахъ, въ перетраживаніи и переборкѣ многообразнаго матеріала, которымъ была завалена его душа, и Пушкинъ умеръ не развившись, не отыскавъ своего равновѣсія.

Даже многообразіе Пушкина, которымъ онъ удивляетъ, происходитъ именно отъ того, что его умъ не зналъ единства міровоззрѣнія и что у Пушкина не было никогда страсти. Страсть есть единство сильнаго чувства, сливагося съ одною опредѣленною и законченною идеею. Безъ единства идеи не можетъ быть страсти; а чтобы человѣкъ обнаружилъ величіе характера, вовсе даже и не требуется, чтобы идея была возвышенная. Бернаръ Палисси изобрѣталъ только глазури на фаянсѣ, а между тѣмъ вы съ глубокимъ уваженіемъ смотрите на этого человѣка, отдавагося страстно своей идеѣ. Лютеръ, совершившій міровой переворотъ, вовсе не отличался геніальностью, а, напротивъ, былъ очень обыкновеннаго ума. Вся сила его въ томъ, что его идея выросла чрезъ его чувства, и всѣ силы его, сосредоточившись въ направленіи этой единственной идеи, значенія которой онъ даже не представлялъ во всѣхъ ея послѣдствіяхъ, сложились въ страсть. У Пушкина мы не замѣчаемъ ничего подобнаго. По наследственнымъ условіямъ организма онъ былъ страстенъ, но, по недостатку единства установившагося ума, его страстность никогда не выросла въ страсть. Хотя для Пушкина „человѣкъ“ всегда служилъ средоточіемъ его міровоззрѣнія, но какъ розно въ равныя эпохи своей жизни онъ хотѣлъ работать для этого человѣка! Да, если-бы умирающему Пушкину можно-бы показать его самого, когда ему было 25 лѣтъ, очень можетъ быть, что

и онъ, какъ Ратчевъ, велѣлъ-бы написать на своей могилѣ— „какъ человекъ заблуждался“. Пушкинъ для насъ именно урокъ того, какъ могутъ пропадать громадныя средства души, если мысли и чувства идутъ отдѣльными дорогами, если они не поставленныя съ молодости на опредѣленную дорогу, воспитываются, съ одной стороны, въ практикѣ чувствъ ничтожной окружающей жизни, а съ другой—книжно, въ идеяхъ высшаго порядка, воспринятыхъ одними головными процессами, урывчато, безсвязно, безъ той послѣдовательности и полноты, которыми одними формируется сильный умъ и несдающееся убѣжденіе.

V.

Недавно явилась біографія Джона Стюарта Милля. Она известна уже и русскимъ читателямъ. „Я вовсе не воображаю, говорить Милль, — чтобы все мною рассказываемое было интересно по достоинству рассказываемаго или потому, что оно касается меня лично. Но я полагаю, что въ нашъ вѣкъ, когда воспитаніе и усовершенствованіе его методовъ составляютъ предметъ большаго, если не болѣе основательнаго изученія, чѣмъ во всѣ періоды исторіи, полезно сохранить память о воспитаніи необыкновенномъ и замѣчательномъ, которое, несмотря на свои другіе результаты, доказало, что можно обучить ребенка, и хорошо обучить, гораздо большому, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ возможнымъ въ ранніе годы, пропадающіе даромъ при обычныхъ теоріяхъ воспитанія. Мнѣ также казалось, говорить Милль, — что въ нашу переходную эпоху (не лишено интереса и пользы изслѣдованіе постепенныхъ фазисовъ въ развитіи какого-либо ума, всегда стремившагося впередъ, одинаково готоваго научиться и разучиться путемъ своего собственнаго мышленія или заимствованія чужихъ идей“.

Милль ни слова не говоритъ о роли матери въ его воспитаніи, но за то тѣмъ строже и опредѣленнѣе возникаетъ передъ нами классическій образъ его отца, бывшаго единственнымъ руководителемъ въ воспитаніи своего сына и единственнымъ творцомъ его вполне законченнаго интеллекта. Мы знаемъ, что не всѣмъ возможенъ путь, которымъ прошелъ Стюартъ Милль, не у всѣхъ

отцы, какъ у него, и не для всѣхъ доступны средства, которыми располагалъ отецъ Милля. У Пушкина, напримѣръ, не было ничего подобнаго и оттого получились и иные результаты. Относясь къ вопросу чисто-психологически, мы будемъ только констатировать факты и читатель самъ увидитъ, изъ какихъ причинъ возникаютъ какія слѣдствія.

Милль не помнитъ, когда онъ началъ учиться греческому языку, но онъ слышалъ отъ другихъ, что ему тогда было три года. Первая греческая книга, которую онъ читалъ, были басни Эзопа, и такъ-какъ это чтеніе едва сохранилось въ его памяти, то нужно полагать, что онъ читалъ Эзопа очень рано. Вторую книгу, „Отступленіе“ Ксенофонта, Милль помнитъ гораздо яснѣе. Латинскому языку онъ началъ учиться только 7-ми лѣтъ и до того времени прочелъ подъ руководствомъ отца многихъ греческихъ авторовъ, именно: всего Геродота, Киропедію, Ксенофонта, Меморіи Сократа и нѣкоторые изъ біографій философовъ. Отецъ во всѣхъ занятіяхъ съ своимъ сыномъ требовалъ не только того, что онъ могъ сдѣлать, но многого и того, что ему совсѣмъ не было по силамъ. Вообще, отецъ обнаруживалъ сильное давленіе на способности ребенка и держался совершенно противоположного метода тому, который явился въ послѣднее время.

Отецъ Милля принадлежалъ къ людямъ строгого міровоззрѣнія, въ которомъ преобладалъ стоическій элементъ и сильное вліяніе классическихъ идей, въ древнемъ ихъ пониманіи. По личнымъ качествамъ отецъ Милля былъ стоикомъ, въ нравственныхъ принципахъ онъ былъ эпикурейцемъ, т. е. утилитаристомъ, признавая исключительнымъ мѣриломъ добра и зла стремленія человѣческихъ дѣйствій къ доставленію удовольствія или страданія. Въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь онъ былъ циникомъ, но тоже въ древнемъ значеніи этого слова, потому что онъ не вѣрилъ въ удовольствія и полагалъ, что за нихъ платятъ то, чего они не стоятъ. Онъ думалъ, что большая часть неудачъ въ жизни происходитъ отъ того, что люди придаютъ слишкомъ большую цѣну удовольствіямъ, и потому считалъ умѣренность и умѣнье ограничивать себя высшей человѣческой добродѣтелью. Вообще, отецъ Милля не придавалъ большой цѣны жизни, ставилъ умственные удовольствія выше всѣхъ другихъ, а о человѣческихъ страстяхъ отзывался съ самымъ величайшимъ презрѣніемъ.

емъ, считая ихъ за особый родъ сумасшествія. Чувствамъ онъ тоже не придавалъ большого значенія, и въ той роли, какую они играютъ нынче, онъ видѣлъ пониженіе нравственнаго уровня въ сравненіи съ древними вѣками. Важность чувствамъ онъ придавалъ только по-отношенію къ тѣмъ результатамъ, которые они давали, и полагалъ, что нѣтъ ни одного чувства, которое не могло-бы вести одинаково и къ добру, и къ злу. Дурной и вредный результатъ, если къ нему вело даже и хорошее чувство, онъ находилъ достаточнымъ, чтобы осудить побужденіе. „Но хотя честность побужденія не заставляла его смягчать приговоръ о поступкахъ, но она сильно вліяла на его оцѣнку характера, говоритъ Стюартъ Милль о своемъ отцѣ.—Никто такъ высоко не цѣнилъ въ человѣкѣ совѣстливость и правоту намѣреній, а съ другой стороны онъ не придавалъ никакой цѣны человѣку, лишенному этихъ качествъ. Онъ точно также питалъ презрѣніе къ людямъ за всякій другой недостатокъ, который, по его мнѣнію, побуждалъ ихъ дѣйствовать дурно; напротивъ, онъ одинаково не терпѣлъ фанатика и корыстолюбца, считая даже, что первый можетъ быть опаснѣе и вреднѣе второго“.

Въ этихъ подробностяхъ можно найти противорѣчіе, но противорѣчающія частности не нарушаютъ цѣльности мировоззрѣнія отца Милля. Предъ нами строгая фигура послѣдовательнаго и суроваго стоика, въ общемъ характерѣ котораго всегда преобладаетъ сдерживающее начало и благоговѣйное уваженіе къ нравственной силѣ. Такимъ былъ отецъ Милля и въ воспитаніи своего сына. Онъ былъ строгъ и постоянно дѣйствовалъ на энергію и на возбужденіе самостоятельности. Относительно суровости и строгости своего отца Милль говоритъ, что онъ еще колеблется рѣшить болѣе-ли онъ отъ нея потерялъ или выигралъ. Суровость и строгость отца не помѣшали нисколько дѣтскому счастью Стюарта Милля и онъ не думаетъ, чтобы можно было побудить дѣтей заниматься съ энергіей и, что гораздо труднѣе, съ постоянствомъ сухими, непріятными предметами только силою убѣжденія и нѣжнымъ обращеніемъ. Многое дѣти должны дѣлать и многому учиться, къ чему ихъ могутъ побудить только строгая дисциплина и страхъ ответственности. Если ввести въ воспитаніе поколѣнный принципъ, не возбуждающій, а расслабляющій энергію, то мы вырастимъ людей, которые будутъ неспособны ни на какое дѣло, требующее пастойчи-

вості. Стюартъ Милль изъ собственного опыта вывелъ заключеніе, что страхъ, какъ элементъ воспитанія, не можетъ и не долженъ быть устраненъ.

Человѣкъ такого характера и такихъ мнѣній, какъ отецъ Стюарта Милля, конечно, долженъ былъ имѣть сильное нравственное вліяніе на своего сына и воспитать въ немъ умъ не совсѣмъ такой, какой мы привыкли встрѣчать ежедневно. Наибольшая доля ученія заключалась въ чтеніи книгъ и въ разговорахъ съ отцомъ во время ихъ постоянныхъ прогулокъ. Читая книги, маленькій Милль дѣлалъ замѣтки на лоскуткахъ бумаги и на слѣдующее утро рассказывалъ отцу содержаніе этихъ книгъ, которыя были большею частью историческія. Въ бесѣдахъ о прочтенныхъ книгахъ отецъ при всякомъ удобномъ случаѣ объяснялъ сыну многіе вопросы, относящіеся до цивилизаціи, правительственныхъ, системъ, нравственного и умственного развитія. И все, что отецъ рассказывалъ, сынъ долженъ былъ повторять своими словами. Этимъ средствомъ отецъ побудилъ своего сына прочесть множество книгъ, которыхъ безъ того, конечно, онъ-бы не прочиталъ или прочиталъ много позже. Дѣтскихъ книгъ, такъ же какъ и игрушекъ, у Милля почти не было. Впрочемъ, отецъ не запрещалъ ему чтеніе книгъ, написанныхъ для одной лишь забавы, но только допускалъ такое чтеніе въ ограниченномъ размѣрѣ. Изъ подобныхъ книгъ Милль читалъ „Робинзона Крузо“, „Тысячу и одну ночь“, „Дон-Кихота“, „Популярные рассказы“ миссъ Эджевортъ.

Латинскому языку Стюартъ Милль началъ учиться на восьмомъ году и отъ 8 до 11 лѣтъ онъ прочелъ „Буколики“ Виргилія, шесть первыхъ главъ „Энеиды“, всего Горация, басни Федра, десять книгъ Тита Ливія, всего Салюстія, большую часть метаморфозъ Овидія, нѣсколько пьесъ Теренція, двѣ или три книги Лукреція, нѣсколько рѣчей Цицерона и его письма къ Аттику. По-гречески Милль прочелъ всю Илліаду, всю Одиссею, двѣ или три пьесы Софокла, Эврипида и Аристофана, всего Фукидида, Ксенофонта, Демосфена, Эсхина и Лизія, а также Феокрита, Анакреона, Діонисія, Полибія и часть „Антологіи“; наконецъ, онъ принялся за реторику Аристотеля. Втеченіи этого-же времени Милль основательно прошелъ геометрію и алгебру и менѣе осно-

вательно дифференціальное исчисленіе и другіе отдѣлы высшей математики, въ которыхъ отецъ не помогаль ему. На-сколько умъ молодого Милля былъ богатъ фактами, можно судить изъ того, что 11-ти лѣтъ онъ принялся писать исторію римскихъ государственныхъ учрежденій. Рассказывая историческія событія, маленькій Милль обсуждалъ всѣ конституціонные вопросы, вытекавшіе изъ нихъ, защищаль аграрные законы и отстаиваль, какъ умѣль, римскую демократическую партію. Отецъ, поощрля занятія сына, никогда, однако, не спрашиваль его сочиненій и мальчикъ, не опасаясь критики, писалъ смѣлье и свободнѣе.

Двѣнадцати лѣтъ Милль принялся за логику и началъ съ Органона. Въстѣ съ Органономъ отецъ заставиль его прочесть нѣсколько латинскихъ сочиненій о логикѣ и требоваль отъ сына подробнаго отчета во всемъ прочтенномъ и отвѣтовъ на его безчисленные вопросы. Кажется, 13-ти лѣтъ маленькій Милль прошелъ полный курсъ политической экономіи. Каждый день отецъ развиваль передъ сыномъ извѣстную часть предмета и на другой день сынъ долженъ былъ представить письменное изложеніе того, что накануне говорилъ отецъ. Потомъ онъ заставляль его переправлять и переписывать свой рефератъ, пока онъ становился яснымъ, опредѣленнымъ и достаточно полнымъ. Такимъ образомъ, маленький Милль прошелъ всю политическую экономію и затѣмъ прочелъ Рикардо и Адама Смита. Отецъ заставляль сына къ поверхностнымъ взглядамъ Смита примѣнять взгляды Рикардо и находить все, что было ложнаго въ аргументахъ Смита или въ его выводахъ. Путь, избранный отцомъ-Миллемъ, былъ труденъ, онъ часто даже неблагоприятно выходиль изъ себя отъ того, что его воспитаникъ не выказываль успѣха тамъ, гдѣ успѣхъ былъ немислимъ, но въ существѣ, говоритъ Стюартъ Милль, методъ отца былъ справедливъ и, въ концѣ-концовъ, увѣнчался успѣхомъ. „Я не полагаю, говоритъ Стюартъ Милль, — чтобы существовала кака-либо научная система лучше и основательнѣе для развитія умственныхъ способностей того метода, которымъ отецъ обучиль меня логикѣ и политической экономіи. Стараясь всѣми силами, даже, быть можетъ, излишне, вызвать во мнѣ самодѣтельность, онъ заставляль меня до всего добиваться самому и только тогда даваль необходимыя объясненія, когда вполнѣ сознаваль всю силу представлявшихся трудностей; я не только по его милости приобрѣль

полное знаніе этихъ дзухъ великихъ наукъ, на-сколько онѣ были въ то время поняты, но сталъ самостоятельнымъ мыслителемъ въ каждой изъ нихъ и иногда расходился съ нимъ въ мнѣніяхъ, хотя долгое время только во второстепенныхъ вопросахъ. Позднѣе мнѣ даже удавалось убѣждать его въ неправоности нѣкоторыхъ его взглядовъ и онъ въ частностяхъ измѣнял свои мнѣнія. Это, конечно, дѣлало честь ему, а не мнѣ, и доказываетъ его чистосердечіе и превосходство его педагогическаго метода“.

Стюартъ Милль, рассказывая исторію своего воспитанія, хочетъ доказать только, какихъ результатовъ можно достигнуть, если смотрѣть на воспитаніе, какъ на серьезное дѣло, и обогатить въ молодости дѣтскую память полезными фактами въ той ихъ гармонической совокупности, которая-бы впослѣдствіи исключала необходимость выкидывать за-бортъ все ненужное. Замѣчательный результатъ такого опыта доказываетъ, что успѣхъ въ этомъ отношеніи вовсе не труденъ; онъ доказываетъ также, сколько у каждаго изъ насъ, прошедшихъ другую школу, пропадаетъ драгоценныхъ лѣтъ на пріобрѣтеніе ненужныхъ знаній. Стюартъ Милль говоритъ, что онъ, по природѣ, не отличался ни быстротою соображенія, ни острою памятью, ни особенною энергіею и дѣятельностью. „Во всѣхъ этихъ природныхъ качествахъ, говоритъ Милль,—я скорѣе стою ниже, чѣмъ выше общаго уровня. То, что я сдѣлалъ, могъ, конечно, дѣлать всякій мальчикъ или всякая дѣвочка посредствомъ способностей и здороваго сложенія. Если я чего-либо достигъ въ своей жизни, то обязанъ, между прочими счастливыми обстоятельствами, тому факту, что, благодаря раннему развитію моихъ умственныхъ способностей трудами отца, я выступилъ на жизненный путь, могу смѣло сказать, двадцатью пятью годами раньше моихъ сверстниковъ“.

Въ томъ, что Стюартъ Милль выступилъ на арену жизни 25 годами раньше другихъ, конечно, и заключается поучительная сущность его воспитанія. Другіе не бывають готовы для жизни и въ 50 лѣтъ, а еще большее число людей и умираеть такими же невинными младенцами, какими родились. Есть люди, которые не вѣрятъ отзывамъ Милля объ его способностяхъ и настаивають на ихъ исключительности. Но еще Декартъ сказалъ, что нѣтъ способности болѣе равномерно распределенной между людьми, какъ расуодъ. А что въ Миллѣ не было тѣхъ необыкновен-

ныхъ силъ, какія въ немъ думаютъ видѣть, служатъ доказательствомъ его собственные труды. Стюартъ Милль не проложилъ ни въ чемъ новой дороги, онъ только владѣлъ вполне всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который доставило ему воспитаніе, и затѣмъ воспользовался этимъ готовымъ матеріаломъ для новой самостоятельной его обработки, не сдѣлавъ ни одного вывода, который-бы былъ извѣстенъ ранѣе.

Милль по характеру своей главной дѣятельности—мыслитель, но онъ былъ и практикомъ, и практика его жизни никогда не расходилась съ его мыслими. Въ этомъ и сущность цѣльности его характера, въ которомъ хорошо воспитанное чувство даетъ матеріалъ и силу уму, а умъ, обогащенный фактами, останавливаетъ ошибки чувства.

Въ Стюартѣ Миллѣ все стоитъ на мѣстѣ; всѣ главные, основные вопросы личной и общественной жизни имъ провѣренны; все случайное, невѣрное или взаимно противорѣчащее исключено и въ результатѣ получилась та строгая опредѣленность мысли, которую зовутъ убѣжденіемъ и которая служитъ руководителемъ твердаго и неколеблющагося поведенія. Бесплодному, безсильному взыванію „что дѣлать?“ тутъ не остается мѣста, и въ какой бы сферѣ дѣятельности Миллю ни пришлось работать—въ кабинетѣ-ли, въ парламентѣ-ли, въ пропагандѣ-ли мало распространенныхъ идей—Милль знаетъ уже заранѣе, что ему дѣлать, и спрашиваетъ объ этомъ только самого себя. О Миллѣ можно сказать то-же, что говорятъ англичане о Брайтѣ: „онъ думаетъ, какъ человѣкъ зрѣлый, говоритъ, какъ человѣкъ зрѣлый и дѣйствуетъ, какъ человѣкъ зрѣлый“. И если жизнь арена, на которую каждый долженъ являться уже во всеоружіи, готовый для битвы и борьбы, то истиннымъ бойцомъ будетъ тотъ, кто выступаетъ съ готовыми средствами вполне сформировавшагося сознанія. Готовымъ сознаніемъ мы назовемъ не то частное сознаніе, которое вырабатывается въ данный моментъ изъ фактовъ отсталости, а только то, въ основѣ котораго лежатъ факты высшаго порядка,—тѣ самые факты, которые настраиваютъ умъ и чувство въ направленіи общаго блага и добра,—въ направленіи, которое на языкѣ чувствъ зовется благороднымъ и прекраснымъ. То, что гуманно, — мудро, что мудро—справедливо и всѣ добродѣтели человѣка составляютъ круговую поруку. Это сказалъ Веніаминъ Франклинъ. Брайтъ,

продолжая его мысль, добавилъ: „а что гуманно, мудро и справедливо—въ томъ заключаются истинные интересы людей“.

Мы знаемъ, что было-бы непрактично требовать, чтобы всѣ отцы походили на Джемса Милля, а сыновья—на Джона Стюарта Милля, и мы говоримъ не объ этомъ. Мы говоримъ о томъ, что если между развитіемъ чувствъ и мыслей нѣтъ гармоніи и единства и если мысль не обошла полного круга своего развитія, то образуются разорванные теоретическіе характеры, у которыхъ чувство и практика чувства расходятся съ мыслями и практикой мысли. Въ основѣ характера лежитъ чувство, ибо оно основной руководитель нашего поведенія. Поэтому даже и не особенно возвышенная идея, но законченная вполне, можетъ быть неуклоннымъ руководителемъ нашихъ поступковъ въ одномъ извѣстномъ направленіи. Но и голая мысль можетъ дѣйствовать на чувства, напримѣръ, всѣ мысли такъ-называемаго гуманнаго порядка, но эти мысли должны быть закончены и вполне усвоены сознаниемъ. Если-же этого нѣтъ, незаконченный умъ начинаетъ колебаться въ своихъ собственныхъ противорѣчіяхъ, а при шаткой мысли поведеніе не можетъ быть твердымъ.

Мы не слышали, чтобы во французской, нѣмецкой, испанской, англійской, итальянской литературахъ фигурировали типы тѣхъ ищущихъ устойчивости благородныхъ героевъ, которыми богатъ современный русскій романъ. Это явленіе не только чисто-русское, но и явленіе только одного слоя русской жизни, того, который зовется нашей интеллигенціей. Всѣ предъидущія обстоятельства нашей общественной жизни не особенно благопріятствовали ни развитію чувствъ, ни развитію мысли этого слоя и, выступивъ на арену самостоятельной жизни, бѣдная мысль, неовладѣвшая вполне средствами сознанія, поневолѣ заколебалась между стойко стоявшимъ старымъ и между сердечнымъ порывомъ, недоросшимъ до сознанія. Романисты правы, когда они пишутъ такъ много о нашей тряпичности и безхарактерности, но они не правы обобщая фактъ, потому что упрекъ въ тряпичности можно сдѣлать только интеллигенціи и никому больше.

Н. Шелгуновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ПЕРВЫЯ КНИГИ.

Природа. Популярный естественно-историческій сборникъ. Книга 2-я, съ 6 табл. и 114 политип. Москва, 1873 г.

Почтенные издатели этого сборника не совѣтъ удачно начали свою литературную карьеру, выпустивъ *первую* книжку «Природы» крайне скучной, вялой и по содержанию разнокалиберной, о чемъ мы и высказали уже свое мнѣніе. Но вотъ передъ нами и вторая книжка, совѣтъ непохожая по интересу и удачному составу статей на первую. Почти всѣ статьи 2-ой книги сборника вовсе не представляютъ узкаго интереса научныхъ мелочей: онѣ касаются вопросовъ довольно общихъ и каждая даетъ понятіе о какой-нибудь цѣльной отрасли естествознанія. Мы особенно рекомендуемъ вниманію читателей интересную, умную и живую статью французскаго антрополога Брока о «Везерскихъ троглодитахъ» и не менѣ замѣчательную статью Вагнера: «Прямой путь». Но и въ остальныхъ статьяхъ читатель найдетъ много поучительнаго, особенно въ біографическомъ очеркѣ знаменитаго нѣмецкаго физика Кирхгофа, составленномъ г. Столѣтовымъ, въ публичной лекціи Гексли о «Кускѣ мѣла», въ статьяхъ г. Петунникова «Морская трава» и г. Сабанѣева о «Зауральскихъ озерахъ». Словомъ, на этотъ разъ сборникъ вполне отвѣчаетъ назначенію популярнаго естественно-историческаго изданія—вносить въ общественное міросозерцаніе элементы трезвой мысли и возбуждать въ сердцахъ массы живое сочувствіе къ прогрессу науки.

Статья Брока о «Везерскихъ троглодитахъ» трактуеть о самомъ современномъ и животрепещущемъ вопросѣ антропологій. Известно, что недавно во многихъ частяхъ западной Европы открыты были въ обильномъ количествѣ кремневые орудія, указывающія на присутствіе въ этихъ мѣстахъ человѣка въ весьма отдаленныя времена. Историческая древность не даетъ никакого понятія о томъ времени, когда жили и исчезли эти ископаемые люди. Давность ихъ существованія

измѣряется не столѣтіями и даже не тысячелѣтіями, а цѣлыми геологическими эпохами; но тѣмъ, конечно, любопытыѣ для насъ, знакомство съ ихъ физической организаціей, культурой, искусствами и образомъ жизни, потому что эти люди приближаютъ насъ весьма близко къ капитальному вопросу современной биологіи—къ вопросу о происхожденіи человѣка—и до нѣкоторой степени могли-бы служить намъ пробнымъ камнемъ воззрѣній Дарвина. Съ другой стороны, нельзя не удивляться быстрому прогрессу естествознанія и необыкновенной плодотворности его метода. Въ самомъ дѣлѣ, прошло только 8 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ найдены были въ различныхъ пещерахъ и долинахъ остатки этихъ людей, а между тѣмъ они изучены съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія и мы знаемъ ихъ быть во многихъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ, напр., исторію народовъ классической древности, которую мы изучаемъ болѣе 1,500 лѣтъ, или даже исторію среднихъ вѣковъ. «Мы знаемъ, говоритъ Брока,—какъ они (троглодиты) жили, мы знаемъ ихъ промыслы, ихъ искусства и все подробности ихъ быта. А не въ этомъ-ли и состоитъ настоящая исторія народовъ, исторія гораздо болѣе интересная, чѣмъ рассказъ объ ихъ битвахъ, ихъ завоеваніяхъ и даже объ ихъ династіяхъ?» (стр. 121). Пусть читатель прочтетъ самъ статью Брока—и онъ убѣдится, что рѣдкому историку удастся воспроизвести, на основаніи памятниковъ прошлаго, быть описываемаго народа съ такой полнотой и жизнью, какъ это удалось антропологамъ по отношенію къ троглодитамъ.

Въ статьѣ проф. Н. П. Вагнера («Прямой путь») изложены съ самыхъ общихъ точекъ зрѣнія причины распредѣленія обширнаго царства животныхъ въ видѣ одного генеалогического древа. Начиная отъ низшаго организма амебы или протей, лежащаго у основанія главнаго ствола, мы дойдемъ по *прямому пути* до человѣка, стоящаго на крайней точкѣ вершины. По мѣрѣ восхожденія отъ основанія къ вершинѣ генеалогического древа, организмы усложняются въ строгой послѣдовательности: каждый высшій организмъ продолжаетъ дѣло ближайшаго низшаго, свойства котораго онъ занимаетъ на основаніи законовъ наследственности, но, въ свою очередь, вырабатываетъ въ борьбѣ за существованіе новыя качества, упрочиваетъ ихъ въ своемъ родѣ и затѣмъ передаетъ по наследству поколѣтіямъ грядущимъ. Процессъ усложненія жизни можно сравнить, такимъ образомъ, съ быстро катящейся лавиной: въ началѣ она не болѣе снѣжнаго комка, который можно раздавить ногой, но во время движенія по склону горъ на снѣжный комокъ нарастаютъ новыя и новыя частвцы и изъ него

образуется громадная глыба, грозящая раздавить своей массой человека, который попытается преградить своей жалкой особой ея прогрессирующее движеніе.

Послѣ статьи Вагнера, самой замѣчательной во всемъ сборникѣ, особенный интересъ возбуждаетъ публичная лекція Гексли, гдѣ знаменитый англійскій естествоиспытатель весьма искусно рисуетъ своимъ «Кусочкомъ мѣла» картину доисторической жизни земного шара. Эта лекція служитъ замѣчательнымъ примѣромъ плодотворности опытнаго изслѣдованія и показываетъ, какъ изъ цѣлага ряда фактовъ, едва замѣтныхъ для непосвященнаго ума, вырастаютъ всеобъемлющія системы міра и научныя теоріи. «Если-бы мы, говоритъ Гексли,—ввели въ жаркое, хотя и невидное пламя горячаго водорода кусочекъ мѣла, послужившаго предлогомъ для нашей бесѣды, то онъ засіялъ-бы, какъ солнце». Если кусочекъ мѣла способенъ засіять отъ дѣйствія водорода, то подъ влияніемъ пытливаго ума натуралиста онъ озаряетъ не менѣе яркимъ свѣтомъ темную бездну прошедшаго. Достаточно было только вооружиться микроскопомъ, чтобы заставить мѣлъ заговорить съ полной откровенностью на самомъ ясномъ изъ всѣхъ языковъ, которыми насъ обучаютъ въ школахъ. Прежде всего микроскопъ рѣшаетъ весьма любопытный вопросъ о природѣ мѣла. Мѣлъ лежитъ въ глубинѣ суши почти на протяженіи всего материка Европы, и никто, разумѣется, не-подумалъ бы, что это твердое, безжизненное вещество представляетъ собою остатки микроскопическихъ существъ, которыя и въ настоящее время обитаютъ на днѣ океана въ неслѣтномъ числѣ. Еще и теперь непрерывно образуется мѣлъ на неизмѣримой глубинѣ морей, и, слѣдовательно, если мы встрѣтимъ на материкѣ глыбу мѣла, то невольно должны придти къ заключенію, что нѣкогда онъ составлялъ дно древняго океана, выдвинутаго на поверхность земли силами, сокрытыми въ ея нѣдрахъ. Современная геологія имѣетъ въ своемъ арсеналѣ не мало фактическихъ указаній въ пользу весьма распространенной въ наукѣ гипотезы, что видъ нашей земли подвергался непрерывнымъ измѣненіямъ, что суша послѣдовательно сибнялась водой и наоборотъ. Но эти указанія были только слабыми намеками въ сравненіи съ фактами, которые добыты микроскопическимъ изученіемъ мѣла. Теперь не остается никакого сомнѣнія, что весь материкъ Европы, который почти сплошь занятъ мѣловой формаціей, составлялъ когда-то ложе древняго моря. Но такъ-какъ мѣловая формація покрыта наносной глиной, такъ какъ въ ней открыто присутствіе животныхъ, которыя могутъ жить только въ водѣ, какъ, напр., моржи, то естественно заключить, что суша, разъ приподнятая со

дна океана, снова опускалась до глубины моря. Эти перевороты совершались, конечно, медленно, но они распространялись не только на океанъ и сушу, но и на всю органическую природу; они были главнымъ стимуломъ прогресса въ мірѣ животныхъ. Наблюденія открыли въ мѣловыхъ кояхъ и сосѣднихъ пластахъ огромную массу разнородныхъ существъ, между которыми замѣчается весьма строгая постепенность въ строеніи и формѣ органовъ. Въ ряду этихъ животныхъ чрезвычайно замѣчательны крокодилы, которые принадлежатъ къ типу современныхъ крокодиловъ. Но наши крокодилы рѣзко отличаются отъ крокодиловъ, которые жили въ эпоху, *предшествовавшую* образованію мѣлового періода. «Крокодилы, которые явились *во время* древняго мѣлового періода, приняли болѣе современный типъ строенія, но все-таки они не совершенно тождественны съ крокодилами, жившими *вслѣдъ* за мѣловымъ періодомъ (такъ-называемый «древній періодъ»), а крокодилы этого послѣдняго періода не тождественны съ крокодилами новыхъ, третичныхъ, временъ, точно также, какъ послѣдніе уже болѣе сходны, но не тождественны съ нынѣ существующими». Такимъ образомъ, между всеми крокодилами существуетъ послѣдовательность, генеалогическая градація въ развитіи формъ организма.

Биографія Кирхгофа, составленная г. Столѣтовымъ, отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, можетъ служить образцомъ такого рода статей. Авторъ лишь слегка касается обстоятельствъ жизни знаменитаго творца спектральнаго анализа, но главнымъ образомъ старается очертить его фізіономію, какъ научнаго дѣятеля, и указать значеніе его трудовъ въ области естествознанія. Въ этой статьѣ читатель найдетъ также нѣкоторыя любопытныя свѣденія объ отношеніи Гете къ научному движенію въ Германіи того времени. Геній Гете, конечно, неоспоримъ, но принесъ-ли онъ міру своей поэзіей больше пользы, чѣмъ вреда—объ этомъ можно еще спорить. Обладая необыкновенной силой ума, онъ могъ-бы, конечно, не безъ блеска трудиться хоть въ сферѣ того-же естествознанія, къ которому онъ и питалъ нѣкоторую слабость и посвящалъ ему часы, свободные отъ поэтическихъ пѣснопѣній. Но свойство его поэзіи налагало неизбежную печать на его «космосъ», поэзія исключительно влекла его къ дедукціи и она-же внушила ему непобѣдимое отвращеніе къ опыту и точному наблюденію, безъ котораго немислимы сколько-нибудь порядочный натуралистъ. Онъ открыто заявлялъ, что математику слѣдуетъ изгнать изъ области фізики, и выражалъ ревнивыя опасенія за природу, «вистязуемую ухищренными опытами и затемняемую математическими фікціями». «Природа, говорилъ онъ—нѣмѣетъ на опы-

тъ», но особенно недолголюбивалъ онъ призму Ньютона для разложенія солнечнаго луча, какъ самую безчеловѣчную «пытку», которой подвергалась природа. Человѣкъ, который прежде всего искалъ въ природѣ красоты и эстетическаго наслажденія, не могъ, конечно, быть хорошимъ натуралистомъ, что онъ и доказалъ своимъ «Ученіемъ о цвѣтахъ». Разумѣется, идеи Гете были стголосокомъ своей эпохи, но отъ генія мы прежде всего требуемъ противодѣйствія общему теченію.

Мы сожалѣемъ, что предѣлы журнальной рецензіи не позволяютъ намъ обратить вниманіе читателей на остальные статьи сборника. Но мы расстаемся съ нимъ, какъ кажется, не надолго, такъ-какъ издателя изъявили намѣреніе выпускать его въ болѣе частые сроки. Если они постараются сохранить въ послѣдующихъ книжкахъ духъ той обновленной программы, то намъ остается лишь пожелать полнаго успѣха ихъ полезному начинанію.

Физиологическая исторія женщины. Сохраненіе здоровья и красоты. Воспитаніе. Рѣшеніе женскаго вопроса. Книга для матерей и воспитательницъ. Соч. В. Дерикера. Второе изданіе. Спб. 1873.

Авторъ «Физиологической исторіи женщины», по профессіи своей, гомеопатъ и, если мы не ошибаемся, глава петербургскихъ гомеопатовъ. Книга его составлена по всѣмъ правиламъ гомеопатическаго рецепта; микроскопическія илейки разведены г. Дерикеромъ въ цѣлой бочкѣ чистой, дистиллированной водицы и ни въ какомъ случаѣ не могутъ обременить головы читателя. Притомъ эта гомеопатическая книжка издана была въ первый разъ восемнадцать лѣтъ назадъ, когда авторъ ея только еще учился гомеопатіи; но онъ и теперь, уже убѣленный сѣднами и проученный опытомъ, остается при томъ-же похвальномъ убѣжденіи, что «въ его книжкѣ очень просто и ясно, безъ всякихъ одностороннихъ натяжекъ, разрѣшается вопросъ о гражданскомъ правѣ, о женскомъ трудѣ и образованіи,—словомъ, такъ-называемый женскій вопросъ» (стр. 13). Собственно, этимъ-то рѣшеніемъ и занята вся книга г. Дерикера. «Сохраненіе здоровья, красоты, воспитаніе», упомянутыя въ заглавіи книги, мало обратили на себя вниманіе автора, который по поводу ихъ не даетъ почти никакихъ совѣтовъ,

не предписываетъ гигиеническихъ правилъ, но разводитъ на седьмой водѣ свои сантиментальности въ такомъ родѣ: «мы заводимъ рѣчь о самомъ интересномъ изъ всѣхъ предметовъ въ мірѣ. Оглянитесь на все созданное, на всю необозримую вереницу твореній божьихъ. Кто можетъ остаться равнодушнымъ при вопросѣ, что такое женщина? Кто не видалъ этого любящаго и сострадательнаго существа въ самыхъ восхитительныхъ и величественныхъ положеніяхъ» (стр. 1). Или: «что для благородно и естественно чувствующаго мужчины можетъ бытъ прекраснѣе женщины, которая подноситъ ему для поцѣлуя улыбку его родного ребенка? Какое наслажденіе, какое счастье доставляетъ матери кормленіе своего дитяти?» (стр. 173) и т. д. Этими и тому подобными *поцѣлуями и улыбками* занята большая половина книги, которая, какъ женская гигиена, не только стоитъ неизмѣримо ниже имѣющихся уже на русскомъ языкѣ сочиненій Комба, Блекуея, Реклама и т. п., но и не можетъ имѣть никакого значенія внѣ стѣнъ центральной гомеопатической аптеки, въ которой она продается. Г. Дерикеръ подчасъ зарпортовывается до того, что сообщаетъ совершенно суевѣрные свѣденія, заимствованныя имъ, вѣроятно, отъ какой-нибудь деревенской повитухи. Такъ, наприм., онъ утверждаетъ, что «на тѣлѣ младенца остаются пятна или знаки, иногда *ясныя изображенія* тѣхъ предметовъ и уродливости такихъ частей, которыя производятъ сильное впечатлѣніе на беременную мать» (стр. 117). Но какъ опытъ рѣшенія женскаго вопроса, эта книга далеко оставляетъ за собою всѣ попытки подобнаго рода. Ни Бишофъ, ни публицисты «Гражданина», никто не разсуждалъ такъ радикально о женской природѣ на основаніи физиологическаго различія половъ, какъ это сдѣлалъ г. Дерикеръ. Но при всей своей радикальности, книга достопочтеннаго гомеопата страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ—полнымъ отсутствіемъ логической связи. Мы не намѣрены полемизировать съ г. Дерикеромъ, ибо какъ возможно полемизировать съ подобными господами.

Основныя мысли книги г. Дерикера,—мысли не новыя, новысказанныя съ рѣдкою прямою и опредѣленностью. Къ сожалѣнію, не всѣ единомышленники г. Дерикера такъ откровенны, какъ онъ. Публицисты «Гражданина» думаютъ точно такъ-же, какъ и многоуважаемый гомеопатъ, но они какъ-будто робѣютъ высказывать все, что у нихъ лежитъ на душѣ. Князь Мещерскій говоритъ, что для исполненія воспитательной обязанности матери образованіе не необходимо: Сперанскаго, дескать, воспитала невѣжественная сельская попадья (по Мещерскому, дьячиха), Ломоносова—простая крестьянка и т. д. Г. Дерикеръ тоже

говорить, что для образованія дѣвушки достаточно самыхъ общихъ знаній (стр. 369), т. е. для исполненія материнскихъ обязанностей достаточно женщицѣ быть грамотною, обладать поверхностными свѣденіями по програмѣ женскихъ гимназій, зацастись какимъ-нибудь руководствомъ къ воспитанію дѣтей да поваренною книгою Авдѣевой. Но г. Дерикеръ говоритъ яснѣе и откровеннѣе князя Мещерскаго, и въ этомъ его преимущество предъ публицистами «Гражданина». Какъ-бы то ни было, но пока эти господа разсуждаютъ такимъ образомъ, они разсуждаютъ послѣдовательно; какъ только они коснутся вопроса о воспитаніи, то онъ окончательно сбиваетъ ихъ съ толку и заставляетъ дѣлать важныя уступки противникамъ. Оказывается, что даже для первоначальнаго воспитанія, для чисто-животнаго питанія дѣтей необходимо научное образованіе. Далѣе, роль матери далеко не ограничивается этимъ питаніемъ. Она должна «управлять воспитаніемъ, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ дѣтей» (стр. 191), должна приготовить ихъ для жизни, сдѣлать ихъ хорошими людьми, полезными членами общества. А этого не только не въ состояніи сдѣлать прославляемая Мещерскимъ сельскія дѣвичихи и крестьянки, но и женщины, получившія «общее образованіе» въ гомеопатическихъ дозахъ, по рецепту Дерикера. И они признаютъ это, и во имя собственныхъ своихъ идеаловъ требуютъ рациональнаго, научнаго образованія женщины, которое для нея *«совершенно необходимо уже потому, что она должна полагать первыя начала не только воспитанію, но и образованію своихъ дѣтей»* (стр. 105). Какъ подруга и помощница мужа, какъ членъ общества, женщина также нуждается въ серьезномъ образованіи. И вотъ тѣ-же лица, которыя за пять минутъ говорили, что обязанность матери можетъ хорошо исполнить даже безграмотная дѣвичиха или крестьянка, сбившись путемъ логическихъ умозаключеній съ своей захолустной, но торной тропинки, начинаютъ трактовать о безусловной необходимости серьезнаго женскаго образованія; кв. Мещерскій, забывъ про свою дѣвичиху, заводитъ даже рѣчь о женскомъ университетѣ, а г. Дерикеръ доказываетъ, что женщина имѣетъ полное право «выходить на поприще искусства и науки», что «талантъ, въ чемъ-бы онъ ни проявился, не можетъ признавать различія половъ, — талантъ не мужчина и не женщина, а талантъ только» (стр. 96); что женщины могутъ быть и дѣйствительно бывали «и мудрыми правительницами, и великими законодательницами» (стр. 102), — словомъ, «пустъ женщина въ трудѣ и въ творествѣ соперничаетъ съ мужчиною, гдѣ захочетъ и гдѣ можетъ: это соперничество приноситъ

только пользу, а не вредъ» (стр. 103). Такимъ образомъ, начавъ за упокой, они сводятъ свои причитанія за здравіе. Впрочемъ, это обыкновенная судьба такихъ *мыслителей*, какъ гг. Дерикеръ и кн. Мещерскій. Но глупости гомеопата иногда переходятъ всякую граньцу и онъ часто выдаетъ за научныя истины свои собственныя нелѣпыя измышленія: такъ, говоритъ онъ, «*дознано, что это различіе (половъ) бываетъ уже опредѣлено въ моментъ зачатія, въ оплодотворенномъ яйцѣ*» (стр. 15)!

Критика философской системы Конта и дополненіе этой системы мыслями Гегеля и нѣкоторыхъ новѣйшихъ философовъ. Сочиненіе И. Полетики. Спб. 1873.

Г. Полетикѣ пришла невинная мысль побаловаться философіей. Эта ангельская чистота намѣреній по-истинѣ трогательна въ переживаемые нами моменты, и если-бъ рецензентамъ дано было право награждать авторовъ за ихъ творенія, мы должны были-бы погладить г. Полетику по головкѣ и сказать ему: «вотъ кроткое и благонравное дитя!» Какой-то острякъ замѣтилъ, что истинный философъ отличается отъ обыкновеннаго смертнаго ушами, которыя не слышатъ, и глазами, которые не видятъ. Мы желали-бы взглянуть на г. Полетику и убѣдиться, имѣеть-ли онъ уши, которыя слышатъ, и глаза, которые видятъ. Вдыхая злобу нашего дня, стоя среди бурь и тревоженій современной общественной жизни, г. Полетика остается истиннымъ философомъ, т. е. такимъ существомъ, которое превышаетъ всѣхъ земныхъ заботъ и желаній. Это настоящій стоикъ нашего времени, любящій на досугѣ пофилософствовать; въ настоящемъ своемъ прозаведеніи онъ желаетъ возродить въ образованной публикѣ интересъ къ философіи Конта и Гегеля и вмѣстѣ съ тѣмъ подѣлиться скромными плодами своихъ собственныхъ размышленій. Преобладающій характеръ самодѣльной философіи г. Полетики можетъ быть опредѣленъ однимъ словомъ: примиреніе. Примирить Конта съ Гегелемъ (!) и себя съ ними—такова задача г. Полетики. Эта трилогія проведена чрезъ все сочиненіе и выдержана съ пунктуальнымъ безпристрастіемъ: съ самаго начала начинаетъ держать рѣчь одинъ Контъ—слѣдуютъ длиннѣйшія выписки, на 15 и на 20 страницахъ, изъ его «Курса положительной философіи»; затѣмъ слово переходитъ

къ Гегелю, который также наговаривается всласть и уступает мѣсто самому г. Полетикѣ. Г. Полетика окидываетъ испытующимъ взоромъ все наговоренное философами, вставляетъ свое примиряющее слово и затѣмъ всѣ три философа оказываются состоящими въ закадычной дружбѣ между собою. Г. Полетика, по своему миролюбію, не можетъ допустить существеннаго различія между Контомъ и Гегелемъ; онъ исходитъ, повидимому, изъ того мнѣнія, что разногласіе между этими двумя философами произошло отъ того, что они не бывали другъ у друга въ гостяхъ, чему главнымъ образомъ препятствовало Конту незнаніе нѣмецкаго языка и непростительное высокомѣріе этого ученаго-чудака. Контъ больше всего потерялъ отъ строптивости своего нрава и, разумѣется, отъ незнакомства съ самимъ г. Полетикой. А жаль! Жаль потому, что г. Полетика хранитъ въ себѣ глубоко-мысленныя идеи, до которыхъ, конечно, никогда не додумался-бы творецъ позитивной философіи. Контъ, напр., создалъ теорію социологіи, онъ много и долго размышлялъ надъ социальными задачами общества, а между тѣмъ можно смѣло утверждать, что его міросозерпаніе ни разу не озарилось той по-истинѣ великой идеей, высказанной г. Полетикой, что «препятствіями, которыя мѣшаютъ христіанской морали сдѣлаться основаніемъ нравственности, служатъ *сплетни*» (стр. 207).

Чтобы показать читателямъ образчикъ «критики» г. Полетики, остановимся на нѣсколькихъ страницахъ его сочиненія. На стр. 24 г. Полетика обнаруживаетъ наиболѣе комическія усилія «раскритиковать» Конта и дружески пораспечь его. Извѣстно, что Контъ первый обратился къ ученымъ и мыслящимъ людямъ съ приглашеніемъ отказаться отъ праздныхъ поисковъ абсолютныхъ и только въ метафизикѣ существующихъ причинъ явленій. На это г. Полетика замѣчаетъ: «Контъ совѣтуетъ не домогаться отысканія этихъ причинъ, но,—прибавляетъ онъ съ торжествующимъ видомъ,—онъ (т. е. безусловныя причины) одиѣ могли-бы послужить надежной основой положительному знанію» (стр. 24). Г. Полетика, очевидно, не доволенъ Контомъ за ограниченіе человѣческаго ума, но черезъ строчку онъ говоритъ: «недоступность полнаго знанія устанавливаетъ великій нравственный принципъ, который состоитъ въ сознаніи ограниченности человѣческаго ума». Итакъ, слѣдовательно, г. Полетика желаетъ для Конта неограниченнаго разума, а самъ думаетъ удовлетвориться ограниченнымъ; эта скромность весьма похвальна въ философѣ, но, къ сожалѣнію, духъ смиренномудрія скоро покидаетъ г. Полетику и черезъ нѣсколько страницъ онъ безпокойно объявляетъ, что «творче-

ству челоуѣка трудно назначить границы» (стр. 33). Какого-же угодно вамъ разума, г. Полетика: ограниченнаго или неограниченнаго? Въѣдь и для русскаго философа обязательны хотъ какая-нибудь логика и здравый смыслъ... Наивность такой дѣтской критики возбуждаетъ только смѣхъ, но г. Полетика не удовлетворяется неопредѣленной областью флосософствованія, гдѣ съ успѣхомъ можно опровергать и доказывать свои-же мнѣнія, — онъ привѣняетъ тѣ же критическіе приемы и къ положительнымъ фактамъ науки. Въ этихъ случаяхъ единственное достоинство критики г. Полетики состоитъ въ томъ, что, приступая къ возраженіямъ, онъ напередъ оговаривается, что ничего не смыслить въ предметѣ, о которомъ собирается толковать. Свои возраженія противъ Дарвина г. Полетика начинаетъ такъ: «Не имѣя достаточныхъ физиологическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ свѣденій, мы представимъ здѣсь противъ всеобщаго приложенія его ученія о постепенномъ переходѣ всѣхъ организмовъ изъ однихъ въ другіе одинъ доводъ, который кажется намъ неоспоримымъ и, вѣроятно, былъ уже кѣмъ-либо высказанъ, хотя мы не припомнимъ, чтобы встрѣчали его у Дарвина (да развѣ можетъ Дарвинъ опровергать самого себя, подобно вамъ?) и вообще въ печати» (стр. 22). Г. Полетика утверждаетъ, что теорія прогрессивнаго измѣненія видовъ не распространяется на людей на томъ основаніи, что «несомнѣнныя историческія данныя доказываютъ, что втеченіи трехъ или четырехъ тысячелѣтій ни съ физической, ни съ идеальной стороны челоуѣкъ не подвергся ощутительному улучшенію и не произвелъ никакого болѣе сложнаго и совершеннаго вида... Мы считаемъ неоспоримымъ, что древніе греки представляли одну изъ самыхъ даровитыхъ націй, какая когда-либо существовала, и что Гомеръ, Аристотель, Пифагоръ, Архимедъ и многіе другіе въ величіи генія нисколько не уступали тѣмъ великимъ личностямъ, которыя появлялись въ новѣйшіе періоды исторіи, *между тѣмъ какъ для духовнаго улучшенія челоуѣчества не было недостатка въ естественныхъ условіяхъ и былъ, напротивъ, постоянный и великій прогрессъ въ условіяхъ умственнаго и нравственнаго развитія*». Вотъ и весь доводъ г. Полетики противъ Дарвина. Мы можемъ успокоить г. Полетику самымъ положительнымъ образомъ, что этотъ доводъ никѣмъ не былъ и не могъ быть высказанъ уже потому, что всякій, кто берется говорить о Дарвинѣ, долженъ имѣть «достаточныя физиологическія, зоологическія и ботаническія свѣденія». Эти свѣденія говорятъ какъ-разъ противоположное «несомнѣннымъ историческимъ даннымъ» г. Полетики, ибо изъ нихъ

выходить, что человекъ измѣнялся и измѣняется весьма рѣзко въ физическомъ отношеніи, и не только втеченіи трехъ тысячъ лѣтъ, но и въ болѣе короткій промежутокъ времени, какъ докзываютъ антропологическія изслѣдованія надъ черепами людей и абсолютнымъ вѣсомъ ихъ мозга, который постоянно увеличивается съ умственнымъ развитіемъ и накопленіемъ знаній въ человѣческихъ обществахъ. Что же касается вѣчнаго нытья о томъ, что наше время бѣдно гениальными мыслителями, то объ этомъ уже пора-бы и перестать говорить. Мнѣніе г. Полетяки, къ сожалѣнію, весьма распространено въ нашемъ обществѣ; правда, что оно опирается на фактъ, который самъ по себѣ неоспоримъ, потому что, дѣйствительно, нашъ вѣкъ небогатъ крупными талантами,—но этотъ фактъ нужно умѣть понимать. Всякій согласится съ тѣмъ, что появленіе гениальныхъ дѣятелей въ области какой-либо науки вовсе не служитъ доказательствомъ ея цвѣтущаго состоянія; наоборотъ, именно та наука и несовершенна, которая нуждается въ крупномъ переворотѣ, въ широкихъ преобразованіяхъ и мировыхъ открытіяхъ, совершаемыхъ гениями. Поэтому-то чѣмъ болѣе развиваются знанія, тѣмъ, естественно, все рѣже и рѣже должны появляться гени, и если-бъ было иначе, если-бъ у насъ все еще возможны были Пифагоры, Аристотели и Архимеды, по которымъ вздыхаетъ г. Полетяка, то это было-бы весьма грустно. Отсюда никакъ нельзя заключить, конечно, что поле дѣятельности науки ссузилось по сравленію съ прежнимъ временемъ. Предѣлы науки, безъ сомнѣнія, сильно раздвинулись, и каждый ученый въ настоящее время больше дѣлаетъ дѣла и больше носитъ идей въ своей головѣ, чѣмъ прежде двадцать какихъ-нибудь Аристотелей. Но дѣло въ томъ, что неизвѣстное, которое нужно открыть, утратило для насъ характеръ обыкновенной случайности; мы напередъ знаемъ, что мы должны открыть и куда направить свой умъ. Открытія въ нашъ вѣкъ определяются не столько личными свойствами изслѣдователя, его даровитостью или бездарностью, сколько условіями времени, а главнымъ образомъ правильнымъ методомъ, который выработанъ у насъ до такой степени, что при помощи его можетъ совершать открытія бездарнѣйшая личность, если только она слѣпо подчинится его руководству. Извѣстно, напр., что въ Германіи пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и слуху не было о тѣхъ такъ-называемыхъ генихъ, которыми она такъ богата въ настоящее время. Откуда, спрашивается, могли взяться эти гени въ такомъ несмѣтномъ количествѣ и въ нѣдрахъ такой убогой въ умственномъ отношеніи національности? Конечно, всѣ эти гени—порожденіе французскаго ума, той блестящей плеяды мы-

слителей XVIII вѣка, которая ознаменовала свою дѣятельность новой эрой въ естествознаніи и создала положительный методъ изслѣдованія. Этотъ методъ можно уподобить механической силѣ паровоза, за который стоитъ только твердо уцѣпиться руками, чтобы доѣхать до какого угодно мѣста. И только тогда, когда силою времени духъ положительнаго изслѣдованія сталъ пробивать себѣ путь изъ Франціи въ Германію, въ этой послѣдней стали появляться чуть не по годамъ новые и новые геніи.

Мы полагаемъ, что читатель, который дорожитъ своимъ временемъ, не посѣтуетъ на насъ, если мы избавимъ его отъ подробнаго обзора философской «Критики» г. Полетики. «Критика» эта ниже всякой критики; это довольно жалкій плодъ заурядной ограниченности, непонятной для насъ храбрости, непонятной потому, что авторъ взялся говорить о томъ, чего вовсе не знаетъ и не проронилъ въ цѣломъ потокѣ фразъ и мудреныхъ терминовъ ни одной путной идеи. Какъ всякая ограниченность, лишенная самобытныхъ убѣжденій, г. Полетика на каждомъ шагу прибѣгаетъ въ своей рѣчи къ ограниченіямъ и обусловленіямъ. «Мы вполнѣ согласны съ этимъ, но... Это совершенно справедливо, хотя...» Даже заключительные выводы автора, которыми онъ резюмируетъ содержаніе своей книги, не обошлись безъ этихъ «но» и «хотя». Вотъ, напр., послѣднія слова, которыми г. Полетика заканчиваетъ свою книгу: «Каждый долженъ стремиться къ философіи морали, т. е. къ сознательной разработкѣ своихъ нравственныхъ правилъ, *хотя* строгая логика въ этомъ дѣлѣ невозможна, потому что общественныя требованія нелогичны, а человекъ долженъ къ нимъ приноравливаться» (стр. 213). Это милое «хотя» совершенно парализуетъ, конечно, смыслъ первыхъ фразъ, ибо никакая философская система немислима безъ логики. Самую лучшую часть въ сочиненіи г. Полетики составляютъ голыя выписки изъ Конта и Гегеля; особенно послѣднему философу г. Полетика поусердствовалъ сослужить службу. Вообще, къ Гегелю г. Полетика относится съ какъ-то подобострастіемъ, и что-бы ни сказалъ нѣмецкій философъ Гегель — хоть-бы явную нелѣпость, г. Полетика долгомъ считаетъ кивать головой и соглашаться съ нимъ. Пока рѣчь идетъ о разныхъ философскихъ матеріяхъ, одобрительные кивки г. Полетики только смѣшны, но они дѣлаются отвратительными, когда вы видите, что они не прекращаются даже тогда, когда философія нѣмецкаго мудреца начинаетъ защищать не совсѣмъ красивыя явленія общественной жизни. Да, если кто нанесъ рѣшительный ударъ идеальной философіи, такъ это, безъ сомнѣнія, Гегель, разсуждающій о чело-

вѣческой свободѣ и отыскивающей для нея философскую формулу. Приглашаемъ читателя насладиться слѣдующими безсмертными изрѣченіями этого философа: «Рабъ трудится не въ интересъ своей собственной личности, но для удовлетворенія интересовъ своего господина; вслѣдствіе этого его желанія дѣлаются болѣе широкими, они перестаютъ быть эгоистическими и вмѣщаютъ въ себя интересы другой личности. Рабъ, подчиняя свою исключительную волю волѣ своего господина, начинаетъ поучаться истинной человѣческой свободѣ. Воля раба стоитъ выше эгоистической воли господина. Онъ (рабъ) отказывается отъ своихъ непосредственныхъ желаній... приучается къ повиновенію, и все это должно составлять необходимый моментъ въ развитіи каждаго человѣка» (стр. 112).

Атмосфера. Описаніе великихъ атмосферическихъ явленій природы на земномъ шарѣ. Камилла Фламмаріона, съ 87 рис. С.-Петербургъ, 1873 г.

Въ прошломъ № „Дѣла“ мы разбирали книгу Гартвига «Воздухъ и его жизнь», а теперь намъ предстоитъ говорить о новомъ сочиненіи въ томъ-же родѣ, французскаго воздухоплователя Камилла Фламмаріона. Когда два естествоиспытателя описываютъ одни и тѣ-же явленія и вращаются въ области однихъ и тѣхъ-же фактовъ, между ними можно найти, конечно, множество общихъ точекъ соприкосновенія, если оба они отъ начала до конца изслѣдованія держались на почвѣ строгаго опыта и точныхъ наблюденій. Между тѣмъ изъ чтенія книгъ Гартвига и Фламмаріона выносятся совершенно различное впечатлѣніе, и не нужно особой провицательности, чтобы замѣтить, что сходство между сочиненіями этихъ двухъ авторовъ начинается и оканчивается однимъ заглавіемъ книги. Нѣмцкая философія нѣмецкаго популяризатора и его красивая фразеологія ступеньваются предъ мощной объективностью французскаго натуралиста. Камиллъ Фламмаріонъ сразу овладѣваетъ вниманіемъ читателя, заинтересовывая его сущностью самаго дѣла и правдивымъ, артистическимъ изображеніемъ наблюдаемой дѣйствительности; вы тотчасъ видите, что съ вами говоритъ человѣкъ, котораго не обмануть обольстительные призраки собственной фантазіи и который не промѣняетъ простаго факта, мельчайшей подробности въ механизмѣ изучаемой природы на цѣлые томы.

умозрительныхъ дедукцій. И, странное дѣло, этотъ неумолимый ученый, этотъ суровый мыслитель, неприбѣгающій ни къ лирическимъ отступленіямъ, ни къ поэзіи или смѣлоторнымъ анекдотамъ, возбуждаетъ глубокой интересъ къ своей книгѣ и увлекаетъ читателя гораздо болѣе, чѣмъ медоточивый Гартвигъ. Мало сказать о сочиненіи Фламмаріона, что оно интересно и любопытно, оно очаровываетъ вашу мысль глубиной внутренняго смысла, сокрытаго въ описываемыхъ явленіяхъ природы, и неизъяснимой прелестью простыхъ, но стройныхъ и величавыхъ картинъ физическаго міра. Сочиненіе Фламмаріона вполне оправдываетъ замѣчаніе автора, что «никакой романъ, никакая сцена, никакая поэма не сравняется по увлекательности и поэтичности съ книгой природы». Въ послѣднее время западно-европейская литература естествознанія не производила ничего подобнаго умной и высоко-талантливой книгѣ Фламмаріона. Для современнаго французскаго общества она въ особенности является ксати, когда событія послѣднихъ лѣтъ такъ убѣдительно призываютъ его подумать не только о своемъ политическомъ, но и объ умственномъ перерожденіи. Миновала безсмысленная пора легонькихъ романовъ, сладенькихъ пѣсень и волшебныхъ сказокъ; время, наконецъ, направить свою мысль къ серьезному и полезному труду. Да, много великаго создала-бы эта гениальная нація, если-бъ къ ней привита была любовь къ точнымъ и утилитарнымъ знаніямъ въ такой-же степени, какъ, напр., въ Англіи или Америкѣ. Провѣтръ этихъ странъ показываетъ, что политическій прогрессъ націи находится въ тѣсной связи съ преобладающимъ направленіемъ общественной мысли. Наивысшей степени матеріальнаго и духовнаго благосостоянія достигли тѣ госуларства, гдѣ реальное міровоззрѣніе пустило наиболѣе глубокіе корни. Не разъ высказывалось мнѣніе, что французскому интеллекту, обладающему во многихъ отношеніяхъ превосходными свойствами, *чего-то* недостаетъ. Это *что-то* можетъ быть дано лишь распространеніемъ среди общества точныхъ и положительныхъ наукъ, которыя прививаютъ уму строгую логичность опытнаго сужденія и сообщаютъ всему строю мыслей ясность и стойкость убѣжденій. Естественныя науки призваны вообще играть въ высокой степени важную роль въ политическомъ и социальномъ быту общества. Въ жизни каждаго народа существуютъ величайшіе предрассудки, тормозящіе его общественный строй, которые могутъ быть уничтожены только развитіемъ естествознанія. Съ другой стороны, естественныя науки внушаютъ массѣ благотельную настойчивость въ стремленіи къ прогрессу, потому что каждое темное явленіе дѣйствительности, которое предстоитъ ей побороть, выступаетъ предъ

ней въ удвоенномъ безобразіи, если взглянуть на него сквозь призму естествознанія. Тамъ, гдѣ масса остается глуха къ нравственной проповѣди моралистовъ, голые факты естествознанія всегда окажутъ свое дѣйствіе. Бесплодно, напр., убѣждать населеніе въ безнравственности пьянства, но далеко не бесплодно показать человѣку на рельефной, физиологической картинѣ разрушительное дѣйствіе алкоголя на каждую точку организма; не бесплодно также разъяснить, что трупъ отравленнаго этимъ страшнымъ ядомъ человѣка не унесешь съ собою въ могилу всѣхъ несчастій, но оставилъ ихъ въ печальное наслѣдіе дѣтямъ, которыя родились не затѣмъ, чтобы жить, но чтобы дать въ своемъ организмѣ мѣсто для развитія второй фазы отцовскаго недуга и приготовить въ себѣ всѣ элементы для неизбежнаго идиотизма въ подарокъ слѣдующему поколѣнію. Разумѣется, этими лекціями нельзя излечить народъ отъ пьянства, но тѣмъ не менѣе онѣ все-таки оставляютъ послѣ себя нѣкоторый слѣдъ раздумья и усиливать желаніе избѣгать этого зла. Странно воображать, что, объясняя народу требованія гигиены, толкуя ему о необходимости сохранять чистоту воздуха, употреблять здоровую и достаточную пищу, носить хорошее платье, — странно думать, что этими поученіями мы напомнимъ, накормимъ и одѣнемъ народъ, — совѣтъ вѣтъ. Но хорошо и то, если народъ сознательно оглянется на свое положеніе и подумаетъ о необходимости улучшить его. Нѣтъ ничего ужаснѣе апатіи, которая заставляетъ человѣка тупо глядѣть на свои бѣдствія и отказаться отъ всякой реформы въ своемъ глубоко-консервативномъ міровоззрѣніи. Свѣтъ знанія долженъ разсѣять эту апатію и переродить народъ въ дѣятельнаго члена общества, въ энергическаго двигателя прогресса и цивилизаціи. Распространеніе въ средѣ общества тѣхъ знаній, которыя уясняютъ ему реальный смыслъ переживаемой дѣйствительности, всегда будетъ имѣть глубокое, хотя и отрицательное значеніе для прогресса человѣчества. Если не теперь, то впоследствии, если не прямо, то косвенно, но наука должна вывести народъ на свѣтлую дорогу; никакое знаніе не можетъ дать въ руки народу прямыхъ средствъ къ обогащенію, но оно накопляетъ въ общественномъ сознаніи потенциальную силу для достиженія богатствъ, удесятерять желанія и оживляетъ стремленіе выйти изъ своего бѣдственнаго положенія.

Точныя и положительныя науки должны особенно благотѣльно отразиться на французскомъ интеллектѣ, въ которомъ всегда замѣтень былъ съ этой стороны весьма оцутительный пробѣлъ. Слабо опредѣлившееся міросозерцаніе французскаго общества можетъ окрѣпнуть лишь подъ вліяніемъ положительнаго знанія, которое сообщаетъ мысли

механическую твердость и постоянство. Правда, есть нации, у которыхъ эта механичность и твердость сужденія вырабатывается вслѣдствіе умственного убожества и бездарности, она высиживается терпѣніемъ и проявляется въ наукѣ и въ жизни мертвымъ формализмомъ. Безъ дара свободной инициативы, безъ неутомимой подвижности духа, которая не даетъ успокоиться на совершившемся фактѣ, незавидно самое высокое умственное развитіе. Но этими-то качествами Франція обладаетъ въ высшей степени и потому-то ей предстоитъ подъ благотворнымъ влияніемъ естествознанія создать новую умственную силу, которая столько-же будетъ отличаться отъ англійскаго консерватизма и нѣмецкой формалистики, сколько и отъ нынѣшняго пустоватого и капризнаго французскаго *esprit*.

Если популяризаторъ не рассчитываетъ занимать своихъ читателей, вмѣсто дѣла, философскими размышленіями и поэтическими изліаніями въ родѣ Гартвига, то ему необходимо, конечно, запастись огромной массой фактическаго матеріала, онъ долженъ обнаружить глубокое знаніе дѣла, и тогда ему незачѣмъ избѣгать даже и научныхъ мелочей, потому что онѣ всегда интересны, если о нихъ говорить человѣкъ умный и вполне знакомый съ ними. Сочиненіе Фламмаріона представляетъ рѣдкій примѣръ всесторонней эрудиціи, которая безъ всякаго труда можетъ быть усвоена образованнымъ читателемъ. Судьба науки, которой посвященъ трудъ Фламмаріона, крайне интересна. Метеорологія въ современномъ своемъ состояніи еще далеко не разработана, но тѣ успѣхи, которые сдѣланы ею въ послѣднее время, показываютъ, что въ недалекомъ будущемъ ей предстоитъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду естественныхъ наукъ. Изучая явленія, происходящія въ атмосферѣ, метеорологія имѣетъ, однако, постоянно въ виду землю и ея обитателей. Между земнымъ шаромъ и окружающей его воздушной оболочкой происходитъ непрерывное и тѣсное взаимодействіе, въ связи съ которымъ находятся ближайшіе интересы человека, его здоровье и экономическое благосостояніе. Каждое свойство, которымъ обладаетъ атмосфера, каждый элементъ, входящій въ ея составъ, отражаются въ томъ или иномъ направленіи на характеръ земной жизни. Человѣкъ выноситъ на себѣ громадную тяжесть атмосфернаго давленія, къ которому присоединяется еще вліяніе температуры, электричества и различной сухости или сырости воздуха. Но всѣ эти вліянія весьма непостоянны, а измѣненія ихъ бываютъ то благотѣльны, то въ высшей степени вредны. Уже одно давленіе воздуха держитъ человѣческій организмъ въ такой могучей власти, что почти лишаетъ его всякой самостоятельности. Едва лишь умень-

шится тяжесть воздуха, какъ человекъ начинаетъ чувствовать себя переродившимся: всѣ функціи организма ослабѣваютъ, умъ работаетъ вяло, во всемъ тѣлѣ чувствуется непобѣдимая усталость, и если-бъ пониженіе давленія усилилось, то оно могло-бы убить людей съ слабымъ здоровьемъ. Фламмаріонъ справедливо замѣчаетъ, что «физиологическое состояніе нашего тѣла и ума можетъ почти всегда быть опредѣлено высотой барометра» (стр. 99). Несомнѣнно также, что перемѣна атмосфернаго давленія и измѣненіе погоды вліяютъ на состояніе общественнаго здоровья, на развитіе заразительныхъ болѣзней и эпидемій. Здѣсь для метеорологіи открывается широкое поприще служенія общественнымъ интересамъ, но, къ сожалѣнію, она еще очень мало сдѣлала въ этомъ направленіи. Вообще метеорологія пока должна еще ограничиться установленіемъ фактовъ и констатированіемъ явленій, не имѣя возможности объяснять ихъ или дѣлать какія-либо предсказанія. Въ настоящее время извѣстно, напр., что смертность и рожденія несомнѣнно находятся подъ вліяніемъ обращенія земли вокругъ солнца, т. е. тѣхъ измѣненій температуры и состоянія атмосферы, которыя обуславливаются этимъ обращеніемъ. Такъ, въ южномъ полушаріи, какъ, напр., въ Буэносъ-Айресѣ, гдѣ времена года противоположны нашимъ, максимумъ смертности и рожденій падаетъ на другіе мѣсяцы, чѣмъ у насъ. Метеорологія установила, кромѣ того, вліяніе временъ года на браки, а также часовъ дня на рожденія и смертность. Въ книгѣ Фламмаріона есть нѣсколько любопытныхъ страницъ, посвященныхъ этимъ фактамъ, но смыслъ ихъ остается еще загадочнымъ. Весьма интересна въ сельско-хозяйственномъ отношеніи глава Фламмаріона, гдѣ онъ говоритъ о влажности атмосферы и о лучеиспусканіи теплоты. Извѣстно, что вслѣдствіе охлажденія земли на нее осаждается изъ воздуха водяной паръ въ видѣ росы, которая отъ дальнѣйшаго охлажденія можетъ превратиться въ иней и изморозь, оказывающую весьма вредное вліяніе на застѣяныя поля. Важнѣйшая задача метеорологіи состояла въ томъ, чтобы найти средства для предотвращенія этого гибельнаго феномена. Съ этой цѣлью производились очень важные опыты, которые, говоря относительно, привели къ довольно цѣннымъ практическимъ результатамъ, описаннымъ съ достаточной обстоятельностью въ сочиненіи Фламмаріона. Глава о дождяхъ и наводненіяхъ содержитъ много полезныхъ указаній для сельскихъ хозяевъ; она начинается курьезными словами покойнаго ех-императора Франціи, который, будучи еще кандидатомъ на французскій престолъ и находясь подъ запорами булонской крѣпости, отличался необыкновеннымъ либерализмомъ и написалъ даже цѣлыя

томъ объ уничтоженіи бѣдности. «Солнце, писалъ Наполеонъ въ своей книгѣ,—поглощаетъ пары, чтобы снова возвратить ихъ въ видѣ дождя на тѣ мѣстности, которыя нуждаются во влагѣ для своего оплодотворенія и производства благъ земныхъ. Если этотъ обмѣнъ совершается правильно, то онъ несетъ за собою плодородіе и богатство, а если, напротивъ того, небо въ гнѣвъ своемъ изливаетъ по частямъ въ буряхъ, грозахъ и смерчахъ скопившіяся пары, тогда все гибнетъ въ зародышѣ и наступаетъ безплодіе, потому что нѣкоторымъ мѣстностямъ дается слишкомъ много, другимъ слишкомъ мало. Тѣмъ не менѣе, каково-бы ни было вліяніе атмосферы, благотворное или зловерное, количество воды, взятой и отданной солнцемъ, къ концу года почти всегда оказывается одно и то-же. Слѣдовательно, *главное дѣло заключается въ распредѣленіи дождя*. Если оно равномерно и правильно, то несетъ съ собою богатство и обиліе, если оно недостаточно или излишне, то приноситъ бѣдность. То-же самое можно сказать и относительно дурной или хорошей администраціи. Если суммы, ежегодно взимаемыя съ общества, идутъ на непродуманные расходы, какъ, напр., на учрежденіе бесполезныхъ должностей, на сооруженіе ненужныхъ памятниковъ, на содержаніе въ мирное время арміи, болѣе многочисленной, чѣмъ та, которая доставила намъ побѣду при Аустерлицѣ,—тогда налогъ дѣлается тяжелымъ бременемъ для народа, истощаетъ страну, обираетъ ее и ничего ей не возвращаетъ. Но если собранныя средства служатъ для созиданія новыхъ полезныхъ элементовъ производства, для болѣе ровнаго распредѣленія богатствъ, для уничтоженія пролетаріата посредствомъ организаціи труда, и для устраненія разныхъ золь, неразлучныхъ съ нашей цивилизаціей, тогда, по словамъ одного министра, сказаннымъ на трибунѣ, налогъ будетъ лучшимъ помѣщеніемъ народныхъ суммъ» («Уничтоженіе пролетаріата», 1844 г.). Кто-бы повѣрилъ, что эти слова написаны рукой, которая только и дѣлала, что «учреждала бесполезныя должности и предпринимала безумныя войны»?

Въ каждой почти главѣ сочиненія Фламмаріона любознательный читатель почерпнетъ очень много полезныхъ свѣденій, имѣющихъ практическую важность для сельскаго хозяйства или для физиологіи. Разумѣется, найдется не мало и такихъ вопросовъ, на которые Фламмаріонъ не даетъ никакого отвѣта, несмотря на то, что они затрагиваютъ самые серьезные интересы практической жизни. Такъ, напр., наука все еще не можетъ разъяснить такого явленія, какъ паденіе града, причиняющаго столько бѣдъ земледѣльцамъ. Много дѣлалось попытокъ съ цѣлью предохранить поля отъ градобитія, но онѣ не

привели ни къ какимъ результатамъ. Одинъ, напр., сельскій хозяинъ пробовалъ-было, согласно электрической теоріи происхожденія града, дѣйствовать на градъ такъ-же, какъ на электричество: онъ поставилъ на своихъ поляхъ желѣзные шпичи въ родѣ громоотводовъ, но ему пришлось восхищаться своимъ изобрѣтеніемъ лишь до ближайшаго града, который побилъ весь хлѣбъ на его поляхъ. Въ настоящее время электрическая теорія града оставлена, но наука все еще не можетъ дать для предохраненія отъ градобитія много совѣта, какъ обращаться къ страхованію. Встрѣчаясь съ подобнаго рода темными вопросами, Фламмаріонъ прямо сознается въ безсиліи своей науки и не прибѣгаетъ для объясненія ихъ къ теоретическимъ ухищреніямъ. Даже тамъ, гдѣ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромную массу фактовъ, онъ сохранялъ чрезвычайную осторожность въ выводахъ, какъ, напр., въ главѣ о временахъ года, составляющей лучшую и наиболѣе важную часть его сочиненія. Здѣсь Фламмаріонъ представилъ, быть можетъ, въ первый разъ нѣкоторыя научныя данныя для предсказанія погоды и опредѣленія сущности вліянія атмосферическихъ явленій на жизнь растений, животныхъ и человека. Но онъ далекъ, однако, отъ признанія за собой и этой скромной заслуги. « Несмотря на безсонныя ночи,—заключаетъ Фламмаріонъ свое сочиненіе, на огромное количество страницъ, мною исписанныхъ, я не достигъ еще возможности говорить про измѣненія погоды такъ, какъ говорятъ про движеніе звѣздъ; я не могу дать предсказанія относительно общаго метеорологическаго характера лѣтъ, времени года и дней, подобно тому, какъ мы предсказываемъ, на основаніи неизмѣнныхъ законовъ, астрономическое движеніе земли и другихъ міровъ. Я надѣюсь, что блестящій и плодотворный девятнадцатый вѣкъ доставитъ мнѣ удовольствіе сообщить эти столь желанныя свѣденія моимъ читателямъ при будущихъ изданіяхъ «Атмосферы». »

Намъ остается только сказать о внѣшности русскаго изданія сочиненія Фламмаріона. Вообще она весьма прилична; это—лучшее изъ изданій «Всемирнаго путешественника». Къ тексту приложено 87 рисунковъ, какъ значится на наружной оберткѣ изданія, или 80, какъ написано на другой сторонѣ этой обертки. Это, конечно, не важно, но къ чему это *разноръчье*? Русскій переводъ весьма удовлетворителенъ, но въ одномъ только мѣстѣ переводчикъ какимъ-то образомъ перепуталъ смыслъ нѣсколькихъ фразъ, отчего нѣсколько страницъ могутъ быть непонятны. На стр. 96 переводчикъ говоритъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что функціи тѣла происходятъ дѣятельнѣе и энергичнѣе, когда барометръ поднимается и наружное давленіе увеличивается, такъ-

какъ повяно, что усиленіе внѣшняго давленія благоприятствуетъ расширенію мышечныхъ стѣнокъ» (чего или кого?). Здѣсь, очевидно, переводчикъ подразумѣваетъ мышечныя стѣнки кровеносныхъ сосудовъ, но въ такомъ случаѣ это даетъ совершенно ложное понятіе о вліяніи давленія воздуха на организмъ. Именно тогда, когда давленіе воздуха увеличивается, стѣнки сосудовъ сжимаются, а не расширяются и кровь начинаетъ быстрѣе обращаться, расширяются же стѣнки отъ пониженія, а не отъ усиленія воздушнаго давленія. Желательно, чтобы эта неточность не повторялась въ слѣдующихъ изданіяхъ сочиненія Фламмаріона, если онъ встрѣтитъ радушный приѣмъ со стороны читающей публики.

Нравы животныхъ. А. Туссенеля. Перев. съ французскаго Е. Скабичевской. Съ 63 рисунк. Э. Баяра. С.-Петербургъ. 1873.

Книга Туссенеля составляетъ не безполезнае, но слишкомъ запоздалое пріобрѣтеніе нашей литературы. Первое изданіе ея на французскомъ языкѣ, кажется, явилось въ сороковыхъ годахъ и очень быстро разошлось. Одинъ изъ величайшихъ анатомовъ и біологовъ своего времени, Грасіоле, замѣтилъ, что одно уже изложеніе Туссенеля достаточно для того, чтобы «дать его книгѣ безсмертную славу». Мы думаемъ, что это мнѣніе не преувеличено. Правда, въ наше время книга Туссенеля окажется устарѣлой во многихъ отношеніяхъ, мы знаемъ больше его о жизни животныхъ, мы шире и лучше понимаемъ ихъ нравы, привычки и мѣсто, занимаемое ими въ исторіи міроздаванія, но мы сомнѣваемся, чтобы кто-либо изъ бывшихъ или современныхъ натуралистовъ превзошелъ Туссенеля блескомъ изложенія, силой свѣтлаго, оригинальнаго ума и возвышенной преданностью исполняемымъ принципамъ. Заглавіе книги Туссенеля, въ сущности, даетъ только приблизительное понятіе о ея содержаніи. Это не только «нравы животныхъ», но и нравы людей того общества, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ самъ авторъ. Туссенель обнаружилъ въ этомъ случаѣ глубокой тактъ и очень вѣрно понялъ потребности и интересы своихъ соотечественниковъ. Во Франціи, гдѣ политика поглощаетъ все вниманіе читающей публики, ее трудно засадить за чтеніе книги, представляющей исключительно научный интересъ, да и самому автору, о чемъ-бы онъ ни писалъ, невозможно вполне отрѣшиться отъ

окружающей его общественной обстановки и волнующих его страну общественных вопросов. Вот почему въ книгѣ Туссенеля спокойное слово науки такъ часто переходитъ въ горячій или язвительный протестъ политическаго трибуна и живого общественнаго дѣятеля.

Мы думаемъ, что никто изъ читающихъ Туссенеля не назоветъ неумѣстнымъ его постоянное обращеніе отъ животнаго къ человѣку, его аналогій и отступленій, къ которымъ онъ прибѣгаетъ почти по поводу каждаго животнаго. И это сопоставленіе, независимо отъ современнаго, чисто-соціального значенія для тогдашней Франціи, имѣетъ глубокое фактическое основаніе. Человѣкъ несомнѣнно оказывалъ воспитательное вліяніе въ хорошую или дурную сторону на домашнихъ и даже на дикихъ животныхъ, хотя съ послѣдними онъ не имѣетъ непосредственныхъ и прямыхъ сношеній. «Я вызываю исторію, восклицаетъ Туссенель,—назвать мнѣ хоть одно преступленіе животнаго, примѣръ котораго не показалъ-бы ему сначала самъ человѣкъ. Человѣкъ сочиняетъ, животное-же только списываетъ» (стр. 282). Если Туссенель въ этомъ случаѣ нѣсколько увлекается, то тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ за собой нѣсколько достовѣрныхъ историческихъ фактовъ. Дѣйствительно, читая древнія лѣтописи о вторженіи волковъ во Францію и о тѣхъ страшныхъ опустошеніяхъ, которымъ они подвергали страну, мы видимъ, что это время совпадаетъ съ эпохой самыхъ кровавыхъ и звѣрскихъ войнъ. 876 годъ памятенъ лѣтописцамъ, какъ особенно богатый волками, но это было время, когда норманны покрывали Францію «трупамъ и кровью»; въ царствованіе Карла VI, ознаменованное упорными войнами, волки свирѣпствовали не менѣе людей; въ 1763 году, когда Франція завершила борьбу съ Англіей позорнымъ трактатомъ, уничтожившимъ ея господство въ колоніяхъ, волки беспощадно поѣдали людей и врывались въ жилые дома; наконецъ, въ 1814 году волки появились во Франціи въ небываломъ количествѣ и, очевидно, перекочевали изъ Россіи и Германіи вслѣдъ за войсками. Факты эти, конечно, нужно понимать въ самомъ простомъ смыслѣ: войска, переходившія съ одного мѣста на другое, увлекали за собой цѣлыя стаи волковъ, обезпечивая ихъ прокормленіе, вѣрнѣе, чѣмъ свое собственное, трупамъ людей, чрезвѣрный-же наплывъ волковъ въ одной мѣстности имѣлъ своимъ послѣдствіемъ ограниченное *предложеніе* пищи, производилъ между ними голодъ, бѣшенство и побуждалъ ихъ раздвинуть арену своихъ поисковъ за пищей до самыхъ городовъ. Изъ этихъ фактовъ мы видимъ тѣсную связь нашей собственной, человѣческой жизни съ міромъ животныхъ. Если по волкамъ можно судить объ обществѣ и

его нравахъ, то животныя домашнія и прирученныя, конечно, несравненно ярче обрисовываютъ его общественную фізіономію. «Лошадь гораздо лучше выражаетъ общество, чѣмъ литература» (стр. 41), говоритъ Туссенель; и это не пустой афоризмъ, когда рѣчь идетъ объ Англіи и о той лакейской литературѣ, которая готова продать себя каждому банкиру. Вотъ, напр., передъ вами англійская скаковая лошадь, выхолонная до крайнихъ предѣловъ безобразія и составляющая предметъ гордости богатыхъ лордовъ и аристократическихъ дэнди. На неуклюжей спинѣ этого скакуна, на его длинной шеѣ, которая вытягивалась нѣсколько вѣковъ, на его исковерканныхъ ногахъ, на тупой, живоотнообразной фізіономіи жокея, гордо ведущаго подъ уздцы сухопарое животное предъ разступившейся въ нѣмомъ почтеніи толпой оборванныхъ нищихъ, вы прочтете характеристическую страницу изъ исторіи англійскихъ учреждений и общественныхъ нравовъ, — изъ исторіи, которая дѣйствительно даетъ лучше знать объ аристократическомъ строѣ англійской жизни, «чѣмъ всѣ сочиненія Блэкстона и Гизо». И законъ, и конституція, и общественное мнѣніе Англіи на сторонѣ лошади; цѣлые милліоны и нѣсколько вѣковъ усилій потрачены на то, чтобы сдѣлать ее годной для «джентльменскихъ пари» и заставить пробѣжать два или три раза въ годъ на разстояніи одной версты, потому что для всякой другой работы она не годится. И горе вамъ, если вы тронете хоть одинъ волосокъ изъ хвоста благороднаго скакуна: на васъ посыпятся и денежные штрафы, и угрозы тюремнаго заключенія. «Но за то, говоритъ Туссенель, — вы можете отвести жену свою на рынокъ съ веревкою на шеѣ и влечь несчастную жертву по грязи лондонскихъ улицъ... законъ Великобританіи допускаетъ подобныя вещи...» (стр. 50).

Справедливость требуетъ замѣтить, что книга Туссенеля, несмотря на ея неоспоримыя достоинства, имѣетъ и свои недостатки, которые происходятъ отъ того, что авторъ иногда черезчуръ увлекается своими аналогіями и отступленіями. Онъ вноситъ въ характеристику животныхъ всѣ свои полвѣтческія симпатіи и антипатіи и по нимъ классифицируетъ животныхъ, отчего у него явились съ одной стороны избранныя любимцы, которые вознесены превыше небесъ, а съ другой — какіе-то отверженные гады, которые обрекаются презрѣнію и ненависти читателя. Быть можетъ, описаніе выигрываетъ отъ этого въ живости, но оно навѣрное проигрываетъ въ правдивости и едва ли согласно съ задачами натуралиста, обязаннаго, прежде заявленія своихъ симпатій или антипатій, раскрыть причины описываемыхъ явленій. Ежу, напр., досталось, кажется, больше всѣхъ животныхъ

отъ Туссенеля; съ первыхъ-же словъ авторъ осыпаетъ его эпитетами въ родѣ «грязнаго, мерзкаго животнаго», «литературнаго слуги», «обскуранта и паразита», и, наконецъ, раздражается противъ него слѣдующей воинственной тирадой: «Жадность и отталкивающий видъ ежа напоминаютъ также свойства продажнаго писателя, промышленяющаго біографіями и панегириками, торгующаго привиллегіями почтъ-содержателя, театральными концессіями и безстыдно извлекающаго, за опредѣленную цѣну, изъ своей притворно-христіанской совѣсти ложныя клятвы и апологіи въ пользу негодяевъ и злодѣевъ (стр. 322). Авторъ не пощадилъ также и бѣлку, быть можетъ, потому только, что она случайно напомнила ему столь ненавистный для всякаго честнаго француза типъ «политическаго гаера либеральной школы». Это гаерь, «безпрерывно вращающійся въ логическомъ кругу, красивый, живой, рѣзвый, гибкій, ловкій и искусный въ парламентскихъ фокусахъ, безпокойный, честолюбивый, дѣятельный и способный на самыя энергическія усилія и постыдныя отпирательства для достиженія теплыхъ мѣстъ въ государствѣ; заботящійся прежде всего о своихъ личныхъ интересахъ и интересахъ своего семейства, хорошій сынъ, хорошій супругъ и хорошій отецъ, щедро надѣляющій своихъ домочадцевъ префектурами и казенными вспомошествованіями» (стр. 191). Необходимо, однако, замѣтить, что большая часть сопоставленій Туссенеля отличается не только блестящимъ остроуміемъ, но и правдой.

Къ сожалѣнію, читателю едва-ли удастся съ удовольствіемъ прочитать книгу Туссенеля въ переводѣ г-жи Скабичевской. Мы уже замѣтили выше, что, какъ натуралистъ Туссенель, недостаточно современенъ для нашего времени, онъ даже не даетъ полнаго фактическаго понятія о нравахъ описываемыхъ животныхъ и оставляетъ нѣкоторыя привычки ихъ неразгаданными, но по изложенію Туссенель рѣшительно не имѣетъ себѣ соперниковъ. Такимъ образомъ, переводчицѣ предстояло употребить все свое умѣнье и искусство передать не только идеи французскаго автора, но—и это главное—ихъ изящное и остроумное изложеніе. Только при этихъ достоинствахъ книга Туссенеля и имѣетъ право на наше вниманіе. Но ихъ-то и нѣтъ въ русскомъ переводѣ; прекрасный и образный языкъ Туссенеля совсѣмъ улетучился подъ неуклюжимъ перомъ г-жи Скабичевской. Положимъ, что нельзя и требовать отъ русскаго языка того, что возможно для французскаго, но языкъ невниоватъ, когда обращается съ нимъ безграмотный переводчикъ. Вотъ, напр., переводъ слѣдующихъ стиховъ: «Такъ вы не можете бѣжать (спрашиваетъ волкъ собаку), куда-бы

вы не вздумали?—Не всегда, но что-же *съ этого?*—*Съ этого вы-ходить то...*» (стр. 265). Есть мѣста въ переводѣ г-жи Скабичевской, которая рѣшительно приводитъ въ недоумѣніе читателя, какъ, напр., «*веретенообразная глупость, въ которой я упрекаю осла, это не сообразовать своего слова съ мнѣніемъ*» (стр. 61). Мы не знаемъ, за какую именно глупость упрекать осла, но за «*веретенообразную глупость*», конечно, каждый въ правѣ упрекнуть г-жу Скабичевскую и спросить ее, отчего она «не сообразуетъ своихъ словъ» съ здравымъ смысломъ? Что значать также выдженія: «если бъ мы не знали заранѣе, что чрезмѣрная *любовь къ верти-кальности и ненависть къ этому* (къ одному и тому-же въ одно и то-же время) составляютъ двѣ самыя выдающіяся черты въ англійскомъ характерѣ, то...» (стр. 50), или: «такъ-какъ послѣ смерти жертвы палачей должны сдѣлаться полезными и добродѣтельными, говорить логика эшафота, *доставимъ-же имъ средство принести пользу*» (стр. 63). Неужели, г-жа Скабичевская, вы намѣрены продолжать свое литературное поприще, преображая умныхъ иностранныхъ писателей въ глуповатыхъ? Мы не совѣтовали-бы вамъ этого, тѣмъ болѣе, что съ насъ ужь слишкомъ довольно и одного г. Скабичевского.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ИТОГИ

САМОУБИЙСТВЪ.

Въ послѣднее время наша общественная хроника отиѣтила на своихъ страницахъ нѣсколько случаевъ самоубійствъ самаго разнокалибернаго характера, начиная отъ романической смерти Сувориной, убитой Комаровымъ въ отелѣ Бель-Вю и до прозаической смерти одной бѣдной крестьянки, повѣсившейся на городскомъ фонарѣ у мытинскаго двора. Такъ-какъ случаи самоубійствъ повторялись одинъ вслѣдъ за другимъ и чуть не каждый день, то впечатлѣніе, произведенное ими на публику, привыкшую искать въ общественныхъ явленіяхъ не внутренняго ихъ смысла, не логическаго сѣвленія причинъ и ихъ послѣдствій, а пикантныхъ сценъ и раздраженія отупѣвшихъ нервовъ,—впечатлѣніе это было довольно сильнымъ. Всѣ заговорили, многіе задумались и даже приуныли. Одни, какъ водится, усмотрѣли корень зла въ нигилизмѣ и безбожии, другіе все приписали судьбѣ, которую и на конѣ не объѣдешь, а большинство, махнувъ на все рукой, успокоилось на той мысли, что никто, какъ Богъ, управляетъ нашей жизнію... Почти такъ-же отнеслась и наша проникательная пресса къ *занимательному* дневнику самоубійствъ. Публицисты „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, тронутые очень понятнымъ и глубокимъ горемъ своего товарища,—горемъ, которое болѣе сообразительные люди сумѣли-бы облегчить въ своемъ семейномъ кругу, забили тревогу на весь свой либеральный околодокъ и принялись строчить такіе элегическіе диферамбы, что Комаровъ оказался у нихъ эгоистомъ, застрѣлившимся себя изъ боязни каторги—какъ-будто есть такая каторга, которая страшнѣе смерти; при этомъ эти лукавые пла-

кальщики начали обвинять доктора, которому хотѣлось спать и чуть-ли не все общество за то, что оно не бросилось въ Вель-Вю спасать умиравшую Суворину. Въ то время, какъ сочинители г. Корша проливали потоки слезъ, писаки г. Шрейера искали въ простомъ, случайномъ фактѣ повода къ сплетнямъ и грязнымъ инсинуаціямъ, составляющимъ драгоцѣнный матерьялъ для такой литературной швальни, какъ газета „Новости“. Самыми пронырливѣйшими оказались тѣ, которые принялись перелистывать Гринингера, отыскивая у него отвѣта на мучившій ихъ вопросъ или, еще проще, объяснять дѣло своимъ собственнымъ умомъ. И что это за уморительныя объясненія! Чтобы познакомиться съ лучшимъ изъ нихъ, мы намѣрены остановиться, прежде чѣмъ перейдемъ къ общему вопросу о самоубійствѣ, на философскихъ измышленіяхъ нѣкоего публициста Е. К. Публицистъ сей такъ былъ встревоженъ самоубійствами, что умозаключилъ о существованіи въ нашемъ обществѣ какой-то эпидеміи самоубійствъ и наговорилъ по-поводу этой эпидеміи цѣлую кучу вздора („Недѣля“, № 39, „Гласныя драмы интимной жизни“ Е. К.). Объясняя причины своей пресловутой эпидеміи, авторъ сталъ искать мотивовъ, наиболѣе благопріятствующихъ ея теченію. Хотите-ли знать, читатель, отчего люди стрѣляются, почему они не дорожатъ ни чужой, ни своей жизнью? Это такъ просто, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ курьезно, что вы, съ перваго раза, никакъ не догадаетесь. Видите-ли, — въ чемъ дѣло: публицистъ „Недѣли“ напалъ на счастливую мысль, правда, не новую даже для временъ царя Псажметиха, но за то вѣчно юную по своей наивности; мысль эта, изволите видѣть, заключается въ томъ, что всякая драма, кончающаяся самоубійствомъ, облечена въ общественномъ мнѣніи извѣстнымъ обаяніемъ, которое такъ сильно, что подстрекаетъ человѣка, ради чести быть предметомъ этого обаянія, умирать насильственнымъ образомъ. „Протестъ нашей совѣсти противъ объективно-нравственной стороны поступка, говоритъ Е. К., — нѣмѣетъ передъ фатумомъ тѣхъ страданій, которыя заставили человѣка броситься въ противоестественный исходъ, передъ грознымъ величіемъ факта смерти, поканчивающаго всѣ счеты. Этого мало: въ глазахъ значительнаго большинства людей сила страсти и физическое мужество, необходимыя для того, чтобы задумать и довести до конца эту роковую игру со

смертью, облачаютъ поступки этого рода какими-то обаяніемъ, при которомъ нѣтъ и не можетъ уже быть мѣста критическому отношенію къ нимъ. Такой взглядъ... не можетъ, въ свою очередь, не вліять на развитіе эпидеміи“. Вотъ, слѣдовательно, какъ разрѣшается сложная задача эпидемическаго самоубійства. Вся бѣда въ томъ, что въ обществѣ *почему-то* (Е. К., очевидно, недоумѣваетъ, почему) сложился сочувственный взглядъ на самоубійца, которые, очень хорошо зная объ этомъ, пускаютъ себѣ пулю въ лобъ спокойно и даже не безъ нѣкотораго удовольствія. Сложные мотивы психической жизни, которыхъ, обыкновенно, ищутъ во всякомъ актѣ самоубійства, сводятся нашимъ авторомъ къ невинному желанію самоубійцы возбудить удивленіе публики къ своему героизму. Самоубійца увѣренъ, что ему простятся всѣ прегрѣшенія его и потому прежде, чѣмъ умереть, онъ готовъ даже натворить всевозможныхъ пакостей, растратить, напр., казенныя или общественныя деньги, рассчитывая на „впечатлѣніе, которое произведетъ его трагическій конецъ и которое должно не только примирить общественное мнѣніе съ его памятью, но и потопить въ отблескѣ душевнаго благородства поступковъ, всего менѣе вяжущійся съ понятіемъ о душевномъ благородствѣ“. Это очень краснорѣчиво, но, къ сожалѣнію, ужь черезчуръ глупо. По рецепту Е. К., общество, желающее избавиться отъ самоубійствъ, должно только измѣнить свое сочувствіе къ самоубійцамъ на строгую критику ихъ преступныхъ поступковъ, вмѣсто удивленія къ мужеству и энергіи человѣка, убивающаго себя, отнести къ нему съ презрѣніемъ. И тогда никто не рѣшится дѣлать нарядной драмы изъ своей смерти и всякій прѣблагополучно будетъ ожидать своей безмятежной и тихой кончины. Такимъ образомъ, какъ видите, ящикъ открывається оцель просто. Но точно-ли такъ просто, г. Е. К.? Замѣченный вами фактъ всепрощенія и снисходительности къ человѣку, наложившему на себя руку, неоспоримъ; но противъ провозглашеннаго вами другаго факта, будто самоубійца злоупотребляетъ этимъ сочувствіемъ, будто онъ почерпаетъ въ немъ силу и мужество для исполненія своего намѣренія,—противъ этого факта возстаютъ здравый смыслъ и повседневная дѣйствительность. Невозможно себѣ представить, чтобы для самоубійцы торжественный актъ смерти опредѣлялся такими ничтожными и глуповатыми соображеніями. И мы рѣшительно не знаемъ такихъ случаевъ,

когда человѣкъ, задумавшій покончить съ собою, сталь-бы рисоваться своей смертью и искать въ ней сочувствія или рукоплесканій. Даже отъявленные злодѣи, которыхъ законъ приговариваетъ къ смертной казни, и тѣ не бравируютъ такимъ страшнымъ актомъ, какъ послѣдній расчетъ съ жизнью, а обыкновенно уничтожаются передъ нимъ. Большая часть самоубійцъ, какъ видно даже изъ полицейскихъ дневниковъ, избѣгаетъ шума и гласности, они даже рѣдко оставляютъ послѣ себя записки и всегда приводятъ въ исполненіе свой планъ по ночамъ или раннимъ утромъ, рассчитывая сойти со сцены втихомолку и безслѣдно. Даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, на которые ссылается Е. Б., самоубійцы едва-ли задаются наивною мыслию произвести эффектъ своимъ поступкомъ. Молодая дѣвушка, разочарованная въ любимомъ человѣкѣ, рѣшается на самоубійство; она выбираетъ для этого балъ, который давалъ въ честь ея бывшій ея возлюбленный, но прежде, чѣмъ пустить себѣ пулю въ лобъ, наряжается въ бѣлое платье, съ бѣлыми розами на груди, и проситъ оркестръ сыграть ея любимый романсъ. Здѣсь и тѣни нѣтъ тщеславнаго желанія устроить эффектную сцену и обратить на себя вниманіе окружающихъ. Балъ, бѣлое платье, розы, любимый романсъ— все это имѣетъ особую прелесть для кисейной барышни, все это символы дорогихъ минутъ пережитаго счастья и отрадныхъ впечатлѣній. Въ данномъ случаѣ съ этими символами, быть можетъ, связанъ первый трепетъ любви, которую заронилъ въ сердце дѣвушки ея возлюбленный, и что мудренаго, что ей захотѣлось оживить въ своей душѣ это чувство прежде, чѣмъ унести его съ собой въ могилу. Конечно, не для другихъ, а для себя наряжалась она. Она, разумѣется, могла выбрать для задуманнаго самоубійства не многолюдный балъ, а уединенную комнату, но здѣсь все зависитъ отъ тѣхъ внѣшнихъ побужденій, которыя наталкиваютъ человѣка на самоубійство. Люди, которыхъ томитъ страхъ наказанія или терзаютъ укоры совѣсти и стыдъ, всегда избѣгаютъ въ моменты, предшествующіе самоубійству, шума, потому что цѣль ихъ самоубійства состоитъ именно въ томъ, чтобы скрыться отъ зоркаго наблюденія постороннихъ глазъ. Но въ молодой дѣвушкѣ, едва вступающей на жизненное поприще, еще не могло развиваться глубокаго отвращенія къ жизни; для нея міръ былъ еще источникомъ удовольствій и радостей, хотя она и понимала ихъ по-

своему. Другой примѣръ, приводимый Е. К., еще менѣе оправдываетъ ея теорію временъ царя Псамметиха... Е. К. полагаетъ, что люди, рѣшающіеся на самоубійство вслѣдствіе растраты казенныхъ и общественныхъ денегъ, рассчитываютъ этимъ поступкомъ окружить свою личность въ общественномъ мнѣніи нѣкоторымъ облаченіемъ. Но здѣсь до очевидности ясно, что причиной самоубійства почти всегда является только гнетущій страхъ общественного позора, глубокій внутренній разладъ самоубійцы съ самимъ собой, — разладъ между его нравственной природой и совершившимся отвратительнымъ поступкомъ, оскорбляющимъ эту природу. Обращаясь въ послѣднемъ приключеніи въ „Бель-Вю“, мы находимъ, что и тутъ въ мысляхъ самоубійцы рѣшительно не было той тщеславной пустоты, которую усматриваетъ Е. К. Кошаровъ, какъ извѣстно, оставилъ записку, въ которой, повидимому, безъ всякой цѣли, сообщаетъ, что давно носился съ своимъ замысломъ и только выжидалъ удобной минуты, чтобы привести его въ исполненіе. Это сознаніе возмущаетъ Е. К.; по ея словамъ, самоубійца отягощаетъ этимъ сознаніемъ свою вину, ибо всякій, нечитавшій его записки, могъ-бы сдѣлать естественное предположеніе, что онъ совершилъ убійство въ припадкѣ моментальнаго бѣшенства. Изъ этого слѣдуетъ, что авторъ замѣтки или не ясно выражается, или онъ дѣйствительно сожалѣетъ о томъ, что самоубійца не солгалъ, разставаясь съ жизнью, ибо, какъ показываютъ факты, онъ, и въ самомъ дѣлѣ, давно носился съ своимъ планомъ. Е. К. не допускаетъ и мысли, что самоубійца сдѣлалъ свое сознаніе потому, что ему не хотѣлось лгать. „Очевидно, говоритъ Е. К., — что увѣренность въ искупающемъ и облагораживающемъ значеніи этого послѣдняго акта (т. е. самоубійства) такъ велика, что онъ въ припадкѣ какой-то странной похвалы собственными руганями наваливаетъ на одну чашу вѣсовъ „увеличивающія вину обстоятельства“, рассчитывая, что одинъ фактъ рѣшимости покончить съ самимъ собою все перетянетъ“. Всѣ эти измышленія не имѣютъ и тѣни дѣйствительнаго факта послѣ того, какъ мы знаемъ, что, дѣйствительно, самоубійца очень долго носился съ своимъ намѣреніемъ прежде, чѣмъ привести его въ исполненіе; очевидно, что, оставя свою записку, онъ сознавалъ потребность выяснитъ, что его поступокъ не былъ дѣломъ минутной вспышки, а созрѣвалъ послѣдовательно и вытекалъ изъ цѣлаго ряда подготовительныхъ об-

стоятельствъ. Но кто-же рѣшится сказать вмѣстѣ съ Е. К., что комептальная вспышка заслуживаетъ большаго снисхожденія, чѣмъ упорный, хроническій недугъ, теченіе котораго разрѣшилось такимъ печальнымъ исходомъ?

Но разсчитываетъ или не разсчитываетъ самоубійца произвести благопріятное впечатлѣніе своей смертью, общество все-равно относится къ нему съ искреннимъ сожалѣніемъ. Обратитесь къ самоубійцамъ какого угодно типа, за исключеніемъ, конечно, помѣшанныхъ, и вы всегда придете къ тому заключенію, что общество отнесется съ полнымъ состраданіемъ къ этимъ несчастнымъ. Е. К. утверждаетъ, что если-бъ общество по-строже взглянуло на самоубійства, то они чуть-ли не прекратились-бы совсѣмъ. Это напоминаетъ намъ одного англійскаго судью XVII вѣка, который рѣшилъ, что для уничтоженія калѣкъ, обременявшихъ кошелекъ общины своимъ нищенствомъ, надо наказывать не калѣкъ, а матерей, которыя рожаютъ ихъ. Судья этотъ разсуждалъ такъ-же логично, какъ и сотрудникъ „Недѣли“. Онъ былъ убѣжденъ, что если пригрозить хорошенько матерямъ, то онѣ будутъ родить только красавцевъ и богатырей, потому что, по мнѣнію судьи, все дѣло заключается въ хотѣніи матери...

Но оставимъ теоретическую точку зрѣнія на этотъ вопросъ, и обратимся къ самимъ фактамъ.

До сихъ поръ практиковался лишь одинъ статистическій методъ, но нужно сознаться, что онъ далеко не вполне уясняетъ причины этого явленія. Тѣмъ не менѣе въ такомъ важномъ вопросѣ намъ не приходится пренебрегать и тѣми скудными статистическими данными, которыми мы располагаемъ. Прежде всего мы обратимся къ нимъ для того, чтобы показать, путемъ сравненія, какіе именно общественные стимулы преобладаютъ въ психической дѣятельности самоубійцы. Собственно говоря, только этотъ фактъ и установленъ твердо статистикой самоубійствъ. Въ особенности-же онъ ясно вытекаетъ изъ послѣднихъ изслѣдованій д-ра Пастернацкаго. Д-ръ Пастернацкій собралъ 442 случая самоубійствъ въ Петербургѣ за послѣдніе 3 года (1870, 71 и 72), изъ этого числа въ 125 случаяхъ поводы къ самоубійству неизвѣстны, а въ остальныхъ 317 они были слѣдующіе:

Матеріальные недостатки	въ 18 случ. самоуб.
Бѣдность вмѣстѣ съ пьянствомъ	„ 150 „ „

Потеря мѣста	6	»	»
Растрата казенной собственности	2	»	»
Семейныя непріятности	3	»	»
Безнадежная любовь и ревность	14	»	»
Смерть дорогихъ существъ	2	»	»
Стражъ наказанія	10	»	»

Эти сильныя нравственныя потрясенія имѣли, слѣдовательно, мѣсто въ 205 случ. самоуб.

Сильное напряженіе умств. способ.	2	»	»
Боль въ груди съ прилив. крови къ головѣ	5	»	»
Болезни сердца	4	»	»
Тифъ	6	»	»
Родильная горячка	3	»	»
Беременность	2	»	»
Сифилисъ	2	»	»
Чихотка	1	»	»
Итого физическія страданія дали	23	»	»
Помѣшательство съ падучею болѣзнію.	3	»	»
Тоска по родинѣ	4	»	»
Постоянная задумчивость	3	»	»
Постоянное уединеніе.	2	»	»
Меланхолія	75	»	»
Итого психич. страданія дали	87	»	»

(Медицинскій Вѣстникъ, № 41, 1873 г.: „Статистическое изслѣдованіе самоубійствъ въ С.-Петербургѣ“, д-ра Пастернацкаго).

Итакъ, несомнѣнно, что матеріальныя недостатки, бѣдность и пьянство служатъ главнымъ источникомъ самоубійствъ. Случаи самоубійства, въ которыхъ они играютъ роль, составляютъ 53%, между тѣмъ какъ самоубійства, обусловленныя психическими страданіями, составляютъ лишь 28%. Съ нашей стороны не будетъ натяжки, если мы увеличимъ процентъ самоубійствъ изъ-за куска хлѣба самоубійствами изъ-за потери мѣста и даже растраты казенной собственности. Точно также болѣзни, въ родѣ тифа, чихотки и сифилиса, служившія поводомъ къ самоубійству въ 9 случаяхъ, находятся въ очень тѣсной связи съ матеріальными недостатками. Къ тому же выводу приводятъ и изслѣдованія д-ра

Губнера, относящихся въ 1858—67 годамъ („Архивъ Суд. Медицины и Общ. Гигіены“, № 3, стр. 104, 1868 г.). Изъ этихъ изслѣдованій видно, что самоубійства вслѣдствіе психическихъ страданій составляютъ 36% всѣхъ случаевъ, тогда какъ самоубійствъ изъ-за матеріальныхъ недостатковъ, бѣдности и пьянства, было 44%.

Очень неприятнымъ пробѣломъ въ русской статистикѣ самоубійствъ является отсутствіе данныхъ, относящихся къ вліянію пола. Извѣстно только, что абсолютныя числа самоубійствъ у мужчинъ несравненно значительнѣе, чѣмъ у женщинъ, но какъ отзывается на женщинахъ ихъ гражданское положеніе, — мы рѣшительно не видимъ изъ статистики самоубійствъ въ Петербургѣ. Поэтому мы обратились къ иностранной статистикѣ и воспользовались данными, которыя приведены въ извѣстномъ сочиненіи Вагнера: Statistik der Selbstmord. Въ слѣдующей таблицѣ показано число самоубійствъ между мужчинами и женщинами, холостыми, женатыми, вдовыми и разведенными.

	Абсол. число самоуб.	Изъ числа этихъ случаевъ приходится на одно и то-же число.			
		Холост.	Женат.	Вдов.	Разведен.
Швеція 1841—55.					
Мужчинъ	4,274	397	603	„	„
Женщинъ	1,088	527	473	„	„
Всего	5,362	423	577	„	„
Виртемб. 1846—60 г.					
Мужчинъ	2,138	424	445	124	7,5
Женщинъ	490	374	443	171	12,3
Всѣхъ	2,628	414	445	133	8,4
Саксонія 1847—58 г.					
Мужчинъ	4,046	370	485	122	16,5
Женщинъ	1,149	352	429	204	10,4
Всѣхъ	5,195	366	473	140	15,2

Таблица эта ясно констатируетъ тотъ фактъ, что брачное состояніе тяжелѣе ложится на мужчинъ, чѣмъ на женщинъ, но между самоубійцами холостыми и вдовыми гораздо болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Факты эти объясняются только экономическими причинами.

Распределеніе самоубійцъ по сословіямъ не оставляетъ также

ниваго сомнѣнія въ томъ, что бѣдность преимущественно толкаетъ людей къ этому выходу. Новымъ и весьма нагляднымъ тому доказательствомъ можетъ служить слѣдующая таблица д-ра Пастернацкаго.

Самоубійць было:

	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.	Въ 1872 г.	Всего втеченіи 3 лѣтъ.
крестьянъ	41	50	56	147
мѣщанъ	19	22	16	57
купцовъ	3	4	5	12
дворянъ	1	4	2	7
военныхъ	24	29	31	84
гражд. чиновн.	14	14	16	44
гимназистовъ . .	1	2	0	3
студентовъ . . .	5	1	6	12
духовныхъ . . .	0	1	1	2
иностранцевъ . .	6	6	8	20

(„Мед. Вѣстн.“, № 38).

Здѣсь сразу бросается въ глаза сильное преобладаніе самоубійствъ въ крестьянскомъ сословіи и несоразмѣрно ничтожное число самоубійць между дворянами, духовными и купцами. Заимѣчательно также, что въ крестьянскомъ сословіи самоубійства съ каждымъ годомъ возрастаютъ, тогда-какъ въ другихъ сословіяхъ этого не замѣчается, за исключеніемъ развѣ военныхъ чиновъ. Это уже можетъ служить опроверженіемъ пресловутой эпидеміи Е. К., основанной на романическихъ приключеніяхъ, въ родѣ происшествія въ Бель-Вю.

Если соединить самоубійць крестьянъ съ самоубійцами мѣщанами, то общая сумма ихъ за три года составитъ половину всѣхъ самоубійць за то-же время. Но вромѣ того д-ръ Пастернацкій обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что изъ числа 147 крестьянъ самоубійць, только 46 занимались какимъ-либо промысломъ или мастерствомъ, а остальные 101, какъ значится въ „дневникѣ приключеній“, не имѣли никакихъ занятій. Изъ 57 мѣщанъ самоубійць только 14 жили заработками, а 43 были безъ работы.

Эти цифры не нуждаются въ комментаріяхъ: онѣ ясно показываютъ, что весь трагизмъ этихъ обыденныхъ драмъ сводится къ прозаической борьбѣ изъ-за насущнаго куска хлѣба. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ намъ вовсе нѣтъ нужды об-

ращаться за разъясненіемъ обуславливающихъ моментовъ самоубійства къ неуловимымъ мотивамъ психической жизни, къ затаенной игрѣ страстей и таинственнымъ движеніямъ души. Въ обществѣ и даже въ наукѣ распространено мнѣніе, будто всякому самоубійству необходимо должно предшествовать умопомѣшательство и то или другое душевное страданіе. Но такое мнѣніе въ сущности ничуть не разъясняетъ дѣла, да оно и не колеблетъ того статистическаго вывода, что бѣдность служитъ главнѣйшимъ поводомъ къ самоубійству. И все-таки съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться,—по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ нѣтъ необходимости объяснять самоубійство психическихъ разстройствомъ. Мы могли-бы даже сослаться въ этомъ случаѣ на такіе авторитеты, какъ Грингеръ и Бріеръ-де-Буазонъ, хотя нельзя умолчать, что есть и другіе психіатры, и между ними Эскироль, которые признаютъ всѣхъ самоубійцъ за душевно больныхъ. Грингеръ замѣчаетъ, что нѣтъ причинъ подозрѣвать существованія душевной болѣзни, „когда рѣшеніе покончить съ жизнью составляетъ совершенно свободно и можетъ быть отложено, когда кто-нибудь предпочитаетъ смерть жизни въ постоянной нищетѣ, стыдѣ, въ постоянно возобновляющихся душевныхъ и физическихъ страданіяхъ“.

Вообще здоровымъ и нетерпѣвшимъ никакой нужды людямъ трудно прослѣдить въ своемъ умѣ тотъ логическій процессъ мысли, ту сложную, напряженную работу мозга, которая приводитъ человѣка къ мысли о самоубійствѣ. Рѣшимость покончить съ жизнью является для насъ чѣмъ-то страннымъ и неожиданнымъ отчасти потому, что инстинктъ самосохраненія въ насъ самихъ такъ силенъ, что мы не допускаемъ даже возможности добровольнаго отреченія отъ жизни, а не допускаемъ мы этого потому, что мы не испытали на себѣ страшной силы тѣхъ посплоекъ, изъ которыхъ слагается роковой силлогизмъ смерти. „Сытый голоднаго не понимаетъ“, гласитъ одна изъ нашихъ мѣткихъ поговорокъ. Можно вообразить себѣ мысленно все, что угодно, кромѣ простого физическаго страданія, сопровождающаго состояніе голода, и тотъ, кто хотя отчасти не испыталъ этого, тотъ едва-ли пойметъ вполнѣ возможность самоубійства безъ всякаго помѣшательства. Существуетъ ходячее мнѣніе, что человѣку такъ дорога жизнь, что въ моментъ очевидной и неизбежной гибели онъ бу-

детъ искать спасенія и хвататься за соломенку. Къ самоубійству этотъ примѣръ совершенно неприложимъ. Если вы неожиданно падаете въ воду и станете тонуть, то, разумѣется, вы начнете барахтаться и умолять о спасеніи. Но нужно отдать себѣ отчетъ, что заставляетъ васъ въ этомъ случаѣ сопротивляться смерти? На языкѣ у васъ вертится, конечно, неизбѣжный инстинктъ самосохраненія, но вѣдь, въ сущности, онъ ничего не объясняетъ. Вы ищите спасенія, очевидно, потому, что вы не убѣждены въ безнадежности всякихъ попытокъ, да и жизнь вамъ дорога, потому что дѣла ваши влечется или, по крайней мѣрѣ, вы не потеряли еще всѣхъ надеждъ. Но представьте себѣ, что вы брошены среди безбрежнаго моря и вы не видите вдали никакой свѣтлой точки; надежды ваши угасаютъ вмѣстѣ съ физическими силами и для васъ мало-по-малу наступаетъ моментъ полного равнодушія къ жизни; если вы не заботитесь о насильственномъ прекращеніи своей жизни, то только въ той увѣренности, что вотъ-вотъ смерть сама поспѣшитъ къ вамъ на помощь. Очевидно, что нѣтъ никакихъ причинъ считать васъ въ эту минуту помѣшаннымъ, ибо ваше психическое здоровье тотчасъ выкажется, какъ только вамъ будетъ подана посторонняя помощь. Такимъ образомъ, равнодушіе къ жизни, этотъ первый шагъ къ самоубійству, можетъ развиваться безъ всякаго психическаго страданія, совершенно такъ-же, какъ развивается въ васъ нежеланіе дѣлать какое-либо дѣло, гдѣ—вы знаете навѣрное—что потерпите неудачу.

Въ основѣ акта самоубійства лежатъ тѣ-же общіе психологическіе законы, которые управляютъ обыкновенными поступками людей. Вы, напр., рѣшились привести въ исполненіе такой-то планъ и употребляете всѣ усилія для его осуществленія, однако, черезъ нѣкоторое время вы замѣчаете, что событія слагаются для васъ неблагопріятно и все говоритъ вамъ, что ваше дѣло не выгоритъ, что вы потерпите рѣшительную неудачу. Очевидно, что эти неблагопріятныя событія измѣняютъ вашу волю, они, такъ-сказать, уничтожаютъ ее именно для этого дѣла, ибо вы убѣждены изъ опыта, что оно не состоится. Такъ точно поступаетъ и самоубійца; цѣлый рядъ прежнихъ опытовъ, масса вынесенныхъ страданій и лишеній парализуютъ его волю для того, чтобы влачить жизнь дальше. Самоубійца, такъ-сказать, объятъ со всѣхъ сторонъ огнен-

нимъ моремъ; соображеніе говоритъ ему, что куда онъ ни толкнись, для него нѣтъ выхода, и это убѣжденіе тутъ-же подкрѣпляется нестерпимымъ жженіемъ огня. Едва-ли кто усомнится, что есть такая безысходная, стихійная бѣдность; она припираетъ человѣка къ стѣнѣ и не даетъ ему ни одного шага впередъ. Очевидно, что въ такомъ положеніи достаточно малѣйшей доли соображенія, чтобы въ человѣкѣ угасла всякая надежда пробить спасительную брешь сквозь стѣну нескончаемыхъ препятствій. Такой человѣкъ не будетъ защищаться, потому что въ такомъ случаѣ онъ скорѣе выказалъ-бы не присутствіе духа, не здоровый, нормальный умъ, а, наоборотъ, недостатокъ этихъ свойствъ или даже болѣзненное состояніе въ родѣ галлюцинаціи, которая рисовала-бы ему дѣйствительность иную, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Такой человѣкъ остается на одномъ мѣстѣ мертвымъ трупомъ, и нужно удивляться, что онъ въ состояніи еще рѣшиться на самоубійство, но, конечно, здѣсь онъ почерпаетъ энергію для совершенія этого поступка въ болѣзненныхъ импульсахъ голода; они даютъ новый толчекъ его уму и изощряютъ его гибкую мысль на новый опытъ, но уже въ совершенно другомъ направленіи; онъ начинаетъ жизнь съ другого конца. Мы именно думаемъ, что самоубійство само по себѣ, т. е. самоумерщвленіе, есть лишь побочное, случайное и совершенно неважное осложненіе рассматриваемаго нами процесса. Главнымъ-же элементомъ является въ немъ *равнодушіе къ жизни*, полная безнадежность, несокрушимая увѣренность въ невозможности достигнуть предначертанныхъ цѣлей. Самоубійство есть только невольная реакція, вызываемая внѣшнимъ раздраженіемъ; инстинктивный и бессознательный отвѣтъ на мучительныя ощущенія и нравственныя страданія.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ тому заключенію, что самоубійство какого угодно вида состоитъ изъ двухъ психическихъ элементовъ: равнодушія къ жизни и самоумерщвленія. Равнодушіе къ жизни вырабатывается исподволь, путемъ цѣлаго ряда опытовъ, и состоитъ оно въ томъ, что воля человѣка, не находя болѣе посылковъ для своихъ дальнѣйшихъ проявленій, парализуется для дѣла жизни и вотъ мало-по-малу въ насъ зарождается мысль о самоубійствѣ. Но мысль есть результатъ опыта, а дѣйствіе есть результатъ мысли, совокупность-же мысли и дѣйствія есть то, что называется волей. „Это есть лишь слово, го-

ворить д-ръ Пастернацкій, — слово, удачно приименное къ обозначенію сложной умственной работы, происходящей въ нашемъ головномъ мозгу и предшествующей нашимъ поступкамъ (дѣйствіямъ), зависящимъ отъ этой работы“. Такимъ образомъ, становится понятнымъ, какимъ путемъ развивается въ человѣкѣ равнодушіе къ жизни безъ всякихъ психическихъ страданій. Сила воли прямо зависитъ отъ широты опыта и количества идей; сильная воля побуждаетъ васъ совершать разнообразныя и неустанныя дѣйствія, но каждому дѣйствію, каждому толчку воли должна предшествовать идея, мысль, какъ необходимое условіе этого дѣйствія. Чѣмъ шире вашъ умственный кругозоръ, тѣмъ сильнѣе и ваша воля, но умственный кругозоръ расширяется опытомъ, слѣдовательно, если опытъ перестаетъ давать матеріалъ для идей, то и воля ваша прекращается. Тогда человѣкъ не въ состояніи совершать дѣйствій, изъ которыхъ слагается жизненная борьба, не въ состояніи потому, что у него нѣтъ идей, соответствующихъ этимъ дѣйствіямъ, а идей нѣтъ потому, что ихъ не даетъ опытъ и наблюденіе. Человѣкъ, такъ-сказать, изжилъ всѣ свои посылки, истратилъ всѣ свои надежды. Воля исполнила все, что могла, вы совершили всѣ дѣйствія, какія обуславливались вашими наличными идеями; теперь, для того, чтобы воля расширила сферу своихъ проявленій, необходимы новыя и новыя посылки. Но ихъ-то и нѣтъ, потому что опытъ не открываетъ ихъ; вы израсходовали послѣднюю посылку, когда рѣшились на крайнюю попытку къ своему спасенію, — попытку, за которой непосредственно слѣдуетъ моментъ равнодушія къ жизни. Явись у васъ вслѣдъ за этой посылкой новая, замѣть вы какой-нибудь выходъ изъ своего положенія, какую-нибудь помощь, получи вы вдругъ извѣстнее количество денегъ, — и ваша воля, вооруженная этой могущественной посылкой, возбудится и начнетъ снова дѣйствовать, и вы, за минуту стоявшій на краю смерти, тотчасъ откажитесь отъ самоубійства. Но если, несмотря на постороннюю помощь, человѣкъ все-таки настаиваетъ на самоубійствѣ, то онъ помѣшанный и спасти его отъ смерти почти невозможно. Опытъ показываетъ, что такіе самоубійцы преслѣдуютъ свою мысль съ необыкновенной настойчивостью, такъ что имъ очень трудно помѣшать въ исполненіи ихъ намѣренія. Наоборотъ, самоубійцы, сохранившіе нормальное психическое состояніе, при не-

удачѣ своей попытки рѣдко возобновляютъ ее во второй разъ, именно потому, что послѣ спасенія имъ обыкновенно предлагается хотя мгновенная помощь, которая, какъ-бы ни была ничтожна, все-таки достаточна для человѣка непомянутого, чтобы снова привести въ движеніе его психическій организмъ. Съ другой стороны, человѣкъ не совсѣмъ помянутый сохраняетъ чувствительность къ боли, причиняемой орудіемъ избираемой смерти, и вотъ почему, между прочимъ, встрѣчается огромная масса самоубійцъ съ явными признаками отравленія алкоголемъ. Въ вышеприведенной таблицѣ, показывающей причины самоубійствъ, читатель найдетъ, что яко-бы отъ пьянства и бѣдности погибло 150 человѣкъ, но эта цифра только показываетъ, какъ много можно предполагать между самоубійцами людей здоровыхъ или, по крайней мѣрѣ, непомянутыхъ. Люди непомянутые сохраняютъ чувствительность къ боли, причиняемой орудіемъ смерти, и потому-то, чтобы заглушить эту боль, они напиваются.

Кромѣ того можно доказать косвенными статистическими данными, что число самоубійцъ изъ здоровыхъ гораздо больше самоубійцъ помянутыхъ, помня лишь высказанное нами замѣчаніе, что помянутые, послѣ неудавшейся попытки къ самоубійству, непремѣнно возобновляютъ ее и всегда почти достигаютъ своей цѣли, между тѣмъ какъ самоубійцы относительно здоровые гораздо рѣже прибѣгаютъ къ самоубійству во второй разъ. На основаніи данныхъ д-ра Пастернацкаго всѣхъ неудавшихся попытокъ къ самоубійству было:

Въ 1870 году.	42
„ 1871 „	56
„ 1872 „	58
<hr/>	
Втеченіи 3 лѣтъ.	156

(Мед. Вѣстникъ, № 37).

Но въ другой таблицѣ д-ра Пастернацкаго показано число самоубійцъ, которые послѣ неудачной попытки осуществили ее во второй разъ съ полнымъ успѣхомъ.

Вотъ число этихъ самоубійцъ:

	Въ 1870 году.	Въ 1871 году.	Въ 1872 году.	Втеченіи 8 лѣтъ.
Пробовали рѣзаться и за- тѣмъ повѣсились.	1	—	1	2
Пробовали рѣзаться и за- тѣмъ бросились черезъ окно. .	1	—	—	1
Пробовали рѣзаться и за- тѣмъ бросились въ воду. . .	—	1	—	1
Пробовали вѣшаться и за- тѣмъ бросились черезъ окно. .	—	1	—	1
Пробовали рѣзаться и за- тѣмъ убили себя, ударяя бу- тылкою по головѣ.	—	1	—	1
Бросились черезъ окно и затѣмъ въ воду.	—	—	1	1

Если мы вычтемъ число самоубійцъ, показанныхъ въ этой таблицѣ, изъ числа самоубійцъ первой таблицы, то остатокъ покажетъ, сколько самоубійцъ не возобновляли своихъ попытокъ. Конечно, число послѣднихъ несравненно больше, чѣмъ первыхъ, — это видно уже изъ простого сопоставленія первой таблицы со второю. Большая часть самоубійцъ послѣ неудачныхъ попытокъ не обнаруживаетъ наклонности къ самоубійству, а это указываетъ на то, что эта большая часть — далеко не помѣшанные. Ясно, что этихъ людей занимала не столько мысль о самоубійствѣ, сколько о томъ бѣдственномъ положеніи, которое мѣшало имъ продолжать жизнь. При малѣйшей возможности они измѣняютъ свое рѣшеніе и берутъ назадъ свой приговоръ. Напротивъ, помѣшанные упорно стоятъ на своемъ намѣреніи, потому что оно порождено ихъ болѣзненной природой, ихъ маніями, ложными представленіями и галлюцинаціями, которыя сливаются органически съ ихъ существомъ. Такихъ помѣшанныхъ не останавливаетъ чувство боли, да они едва-ли и испытываютъ ее, благодаря ненормальному состоянію ихъ чувствъ, иначе, напр., не зачѣмъ было-бы мѣнять менѣе мучительную смерть чрезъ повѣшеніе на выпригиваніе черезъ окно. Особенно поразителенъ предпослѣдній случай, гдѣ одинъ крестьянинъ пробовалъ рѣзаться и затѣмъ убилъ себя, ударяя бутылкою по головѣ. Другой, чиновникъ, убилъ себя,

ударяя головой по желѣзному листу подоконника; третій, крестьянинъ, убилъ себя, нанося удары молоткомъ въ голову. Очевидно, что уже самый выборъ смерти можетъ свидѣтельствовать о состояніи умственныхъ способностей человѣка въ моментъ самоубійства. Рѣдкость самоубійствъ, подобныхъ упомянутымъ, ясно доказываетъ, что число самоубійцъ, страдающихъ душевными болѣзнями, ничтожно сравнительно съ самоубійцами относительно здоровыми.

Насколько можно судить о душевномъ настроеніи самоубійцъ по роду избираемой ими смерти, не лишена интереса слѣдующая таблица д-ра Пастернацкаго:

	Въ 1870 году.	Въ 1871 году.	Въ 1872 году.	Всеченіи 3 лѣтъ.
Бросились черезъ окно или съ лѣстницы	13	8	16	37
Бросились въ воду или люкъ отхожихъ мѣсть	32	46	53	131
Повѣсился	34	35	36	105
Задушились	4	3	2	9
Зарѣзались	18	23	19	60
Застрѣлились	14	19	32	65
Отравились	6	11	7	24
Убили (стуча головой по подоконнику и въ другомъ случаѣ молоткомъ по головѣ) . .	0	2	0	2
Напесли себѣ смертельныя травматическія поврежденія (проколъ лѣваго бока и разрѣзъ живота)	1	1	0	2

(Мед. Вѣстникъ, № 38).

Отсюда видно, что большая часть самоубійцъ прибѣгаетъ къ самой легкой и быстрой смерти, а это опять-таки служитъ нѣкоторымъ доказательствомъ, что большинство самоубійцъ разсуждаетъ совершенно логически и что это люди вовсе не помѣшанные. Бросилось, напр., въ воду 131, а повѣсилось 105, тогда какъ изъ окна выпрыгнуло—смерть сравнительно болѣе сложная—лишь 37 человѣкъ (слишкомъ въ три раза менѣе, чѣмъ первыхъ), потому что тутъ уже начинается примѣшиваться къ простому намѣренію лишить себя жизни нѣкоторая любовь къ смерти, на-

вѣянная душевнымъ разстройствомъ. Вообще, чѣмъ сложнѣе и болѣзненнѣе родъ избираемой смерти, тѣмъ больше поводовъ подзрѣвать самоубійцу въ умопомѣшательствѣ. Любопытно также, что число самоубійцъ нигдѣ такъ не увеличивалось, какъ въ категоріи застрѣлившихся, причемъ изъ другой таблицы д-ра Пастернацкаго видно, что этого рода самоубійцы все чаще и чаще прибѣгаютъ къ усовершенствованнымъ огнестрѣльнымъ орудіямъ, удобство которыхъ заключается въ моментальной смерти и въ кратковременности страданій. Но выборъ орудія смерти обуславливается также знакомствомъ съ этимъ орудіемъ, его распространенностью и пр. Крестьяне, напр., большей частью вѣшаютъ и топятся, потому что и веревка и рѣвка всегда имъ доступны; военные стрѣляются, точно также какъ и дворяне.

Вліяніе профессіи на выборъ орудія смерти ясно видно изъ таблицы *) д-ра Гюбнера („Архивъ Судебн. Мед. и Общ. Ги-

*) Ремесла и профессіи.	Повѣш.	Зарѣзавш. и заколовш.	Утопившихся.	Застрѣливш.	Бросивш. изъ окна и съ высоты	Отравивш.	Итого.
Чернорабочіе и поденщики	5	—	1	—	—	—	6
Рыболовы	1	—	—	—	—	—	1
Кровельщики	1	—	—	—	—	—	1
Малары	2	—	—	—	—	—	2
Плотники	1	—	—	—	—	—	1
Каменотесы	1	—	—	—	—	—	1
Печники	—	—	—	—	1	—	1
Кузнецы	—	2	—	—	—	—	2
Слесарные мастера и ученики	2	1	—	—	—	—	3
Экипажн. цеха мастера и ученики	1	2	—	—	—	—	3
Рабочіе на заводахъ и фабрикахъ	4	2	1	—	1	—	8
Шляпочникъ ученикъ	—	1	—	—	—	—	1
Басонщикъ	—	1	—	—	—	—	1
Портные	4	—	1	—	—	—	5
Столяры: мастера и ученики	2	1	3	—	2	—	8
Товари: мастера и ученики	2	1	—	—	1	—	4
Обойщики: мастера и ученики	4	—	—	—	—	—	4
Фортельянные мастера	—	1	—	—	—	—	1
Механики	—	1	—	—	1	—	2
Золотыхъ дѣлъ мастера и ученики	—	—	1	—	—	—	1
Граверы: ученики	—	—	—	1	—	—	1
Наборщикъ типографіи	—	1	—	—	—	—	1
Ситцепечатнаго дѣла мастеръ	—	—	—	—	—	1	1
Сапожниковъ	4	2	—	—	1	—	7
Сѣдельникъ	—	—	—	1	—	—	1

гіены“, № 3), которую мы приводимъ въ примѣчаніи. И тутъ большая часть самоубійць между канцелярскими служителями, чиновниками и офицерами — отставные, между самоубійцами ремесленниками — ученики и подмастерья, — слѣдовательно, все это люди, которыхъ толкали къ самоубійству матеріальная нужда, тяжелая обстановка, деспотизмъ вулака-хозяина и т. п. „Особен-

Переметчикъ ученикъ	1	—	—	—	—	—	1
Перчаточникъ подмастерье	—	1	—	—	—	—	1
Булочники	—	1	—	—	—	1	2
Кондитеръ подмастерье	1	—	—	—	—	—	1
Парикмахеръ	—	1	—	—	—	—	1
Военные мастеровые	1	—	1	—	—	—	2
Нижніе военные чины строевые	5	2	3	4	1	—	15
Морскіе нижніе чины строевые	2	2	—	—	—	—	4
Городская стража	2	—	1 офиц.	—	—	—	3
Штабъ и оберъ-офицеровъ	2	5	—	16	—	—	23
Военные писаря	—	2	2	—	2	—	6
Канцелярскіе служители	5	10	2	5	—	—	22
Чиновники до X кл. включительно	3	3	—	2	1	—	9
Сторожа и швейцары въ церкви и учебныхъ заведеніяхъ	5	1	—	—	—	—	6
Казенные денщики	4	2	1	—	—	—	7
Лакеи	—	1	1	5	—	—	7
Горничныя	3	1	—	—	2	—	6
Кормилица	—	—	—	—	1	—	1
Швея ученица	—	—	—	—	1	—	1
Поварь	—	1	—	—	—	—	1
Конюхи и кучера	1	1	—	—	—	—	2
Дворники	4	1	—	—	—	—	5
Мальчики въ мелочныхъ лавкахъ	2	2	—	—	—	—	4
Половые въ гостинницъ и сидѣльцы въ кабакахъ	1	2	—	—	1	—	4
Прикащики магазиновъ	1	—	1	—	—	—	2
Купцы	6	1	3	3	2	1	16
Подрядчики	—	1	—	—	—	—	1
Банкиръ	—	—	—	1	—	—	1
Извозчики	3	1	1	—	—	—	5
Врачи	1	—	—	1	—	—	2
Провизоры и аптекарскіе ученики	—	1	—	—	—	2	3
Учащіеся	1	1	2	7	3	3	17
Профессора и учителя	—	1	1	—	—	1	3
Домашняя учительница	—	—	—	—	—	1	1
Архитекторовъ и инженеровъ	1	—	1	1	2	1	6
Художниковъ	—	—	—	—	1	1	2
Танцовщи. император. театровъ	1	—	—	—	—	—	1
Псаломщики	—	—	1	—	—	—	1
Содержательница публич. заведенія	1	—	—	—	—	—	1
Итого	91	61	29	48	21	12	264

ной возвышенностью чувства, относительно выбора смерти, отличаются лакеи“, говоритъ д-ръ Гюбнеръ. Но нужно имѣть, однако, въ виду, что учащіеся прибѣгаютъ къ ружьямъ и пистолетамъ потому, что они могутъ брать эти орудія у отцовъ, а лакеи у своихъ господъ. Но все-таки замѣчаніе г. Гюбнера справедливо. Вообще лакеи весьма щекотливы въ дѣлахъ чести, отстаивая нерѣдко съ особенной раздражительностью „свою амбицію“; фактическимъ-же подтвержденіемъ замѣчанія д-ра Гюбнера можетъ служить то обстоятельство, что у деньщиковъ не замѣчается этой возвышенности чувства въ дѣлѣ выбора орудія смерти, хотя они еще легче могли-бы пользоваться отъ своихъ господъ ружьями и револьверами; если-же они не обнаруживаютъ этой склонности, то потому, что вообще отличаются большей простотой нравовъ и менѣе изысканнымъ лакействомъ.

Нельзя не замѣтить соответствія между родами избираемой смерти и профессіями. Большинство самоубійцъ вѣшается, меньшинство отравляется. Веревка всѣмъ доступна, яды-же пріобрѣтаются съ трудомъ и требуютъ знакомства съ ихъ дѣйствіемъ. Между отравившимися большая часть—учащіеся, а также провизоры и аптекарскіе ученики. Штабъ и оберъ-офицеры вѣрны до гроба своимъ воинственнымъ склонностямъ: они всѣ почти стрѣляются. Бросаются изъ окна и съ высоты весьма немногіе, потому что этотъ родъ смерти, очевидно, сопряженъ съ душевнымъ или умственнымъ расстройствомъ, а мы уже видѣли, что между самоубійцами помѣшанныхъ очень мало. Но любопытно, что въ этой смерти чаще всего прибѣгаютъ учащіеся. Пусть прослѣдитъ читатель сверху и до низу графу „бросившихся изъ окна и съ высоты“: изъ всякой профессіи является не болѣе двухъ, обрекающихъ себя на эту мучительную смерть, и только между *одними* учащимися, относительная численность которыхъ весьма ничтожна, такихъ смѣльчаковъ трое.

Въ слѣдующей таблицѣ, составленной на основаніи данныхъ предыдущей таблицы, заключаются слишкомъ вѣскіе факты, чтобы не обратить на нихъ вниманія. Здѣсь показаны абсолютныя числа самоубійцъ въ каждой профессіи, и такъ-какъ профессія гораздо строже опредѣляетъ экономическое положеніе человѣка, чѣмъ его сословный рангъ, то изъ этой таблицы можно сдѣлать болѣе вѣрныя заключенія относительно связи самоубійства съ

бѣдностью и матеріальными недостатками, чѣмъ изъ распредѣленія самоубійць по сословіямъ.

Профессіи:	Абсолютныя числа самоубійства.
Рабочіе и ремесленники	76
Прислуга	35
Чиновники (безъ чина и до X кл. вкл.).	31
Нижніе военные чины.	25
Офицеры (вышіе и низшіе)	23
Купцы и капиталисты	18
Учащіеся	17
Лица свободной профессіи (врачи, архитекторы, художники).	10
Учащіе (учителя и профессоры).	4
	239

Взглянувъ на эту таблицу, мы должны прямо придти къ заключенію, что чѣмъ выгоднѣе профессія въ матеріальномъ отношеніи, тѣмъ менѣе изъ нея выходитъ самоубійць, и наоборотъ. Но на одномъ этомъ выводѣ нельзя, разумѣется, останавливаться. Едва-ли можно объяснить поразительно высокую цифру самоубійствъ между прислугой только недостаточнымъ обезпеченіемъ ея положенія. Если мы обратимся къ статистикѣ самоубійствъ въ западной Европѣ, то и тамъ насъ поразитъ тотъ-же фактъ. Во Франціи, напр., гдѣ прислуга составляетъ 21 процентъ всего населенія, на ея долю приходится 49 процентовъ самоубійствъ, а въ Давіи этотъ процентъ еще выше. Вагнеръ, авторъ сочиненія, изъ котораго заимствованы эти послѣднія цифры, объясняетъ наклонность прислуги къ самоубійству ограниченіемъ ея личной свободы и строгой, постоянной подчиненностью. Мы думаемъ, что въ этомъ мнѣніи много справедливаго. Ограниченіе личной свободы и подчиненность должны производить деморализующее вліяніе на всякаго человѣка, а плодомъ этого вліянія является сильная нравственная распушенность, пьянство и развратъ, — качества, которыя вездѣ характеризуютъ прислугу по преимуществу. Здѣсь мы видимъ также, какъ мало вѣры заслуживаетъ общепринятая теорія самоубійствъ, въ силу которой для этого акта нужна сильная воля. Можно-ли представить себѣ существо съ болѣе ограниченной волей, чѣмъ лакей или вообще прислуга?

Воля, какъ всякая способность души, развивается и крѣпнеть постепенно, она требуетъ упражненія и практикы. Но среда лакейства, вѣчнаго отреченія отъ собственнаго я, конечно, не можетъ воспитать въ человѣкѣ сильную, всестороннюю волю. Между тѣмъ съ точки зрѣнія, которую мы выше развили, фактъ преобладанія самоубійствъ между прислугой вполне объяснимъ. Мы именно старались доказать, что люди приходятъ къ самоубійству вслѣдствіе того, что воля ихъ изсыкается и парализуется для дѣла жизни, слѣдовательно вслѣдствіе недостатка воли, отчего-бы онъ ни происходилъ. У одного человѣка она ослабѣваетъ вслѣдствіе того, что въ томъ районѣ дѣйствій, который отвело ему его социальное положеніе и умственное развитіе, нѣтъ болѣе элементовъ для возбужденія воли. Все перепробовано, все испытано; человѣкъ обнялъ своими умственными силами всю доступную для него сферу дѣйствія, дальше идти онъ не можетъ; остается для возбужденія воли или посторонняя помощь, или, наконецъ, полное социальное перерожденіе. Если взять двухъ бѣдняковъ, изъ которыхъ одинъ умственно развитъ и съ болѣе широкимъ кругозоромъ, а другой ограниченъ и глупъ, то а ргіогі можно ожидать, что послѣдній скорѣе попытается на самоубійство, чѣмъ первый, потому что воля его скорѣе изсыкнется, такъ какъ воля питается идеями и знаніями, такъ какъ она тѣмъ сильнѣе, чѣмъ интеллигентнѣе человѣкъ, — конечно, при одномъ и томъ-же гражданскомъ положеніи индивида. Въ этомъ случаѣ человѣкъ, неотличающійся умственнымъ развитіемъ, сравнительно скорѣе исчерпаетъ скудный запасъ своихъ идей, т. е. свою волю; онъ погибнетъ отъ ея недостатка, слабости. Что касается прислуги, то и о ней также можно сказать, что она рѣшается на самоубійство вслѣдствіе слабости воли. Вся разница въ томъ, что бѣднякъ не могъ дать отпора матеріальной бѣдности, а прислуга не можетъ оказать реакціи тѣмъ психическимъ аффектамъ, которые на каждомъ шагѣ осаждаютъ мозгъ всякаго человѣка. Если пьянство не порождено бѣдностью, если человѣкъ предается ему беззавѣтно и съ видимымъ удовольствіемъ, то, разумѣется, у этого человѣка воля слаба или, лучше сказать, узка, потому что она не можетъ распространиться на другія дѣйствія, не можетъ потому, что для этихъ дѣйствій нужны соответствующія идеи. О развратѣ можно сказать то-же самое. Но, не-

зависимо отъ этихъ причинъ, на прислугу непосредственно вліяетъ чувство постоянной зависимости и униженія, которое развивается въ лакеяхъ, какъ реакцію, мизантропическое настроеніе, дѣлающее подъ конецъ рѣшительно невозможной для него жизнь среди людей. Однако, чтобы пасть подъ тяжестью этого настроенія, нужна все-таки слабая воля.

Наша таблица обнаруживаетъ еще другой не менѣ любопытный фактъ. Трудно было ожидать, чтобы купцы и капиталисты дали такой высокій процентъ самоубійцъ, но все-таки можно думать, что онъ долженъ быть еще выше. Вагнеръ въ своей „Statistik der Selbstmord“ полагаетъ, что эта профессія дастъ 84 процента самоубійцъ, слѣдовательно болѣе на 33 процента, чѣмъ прислуга. Такая цифра, можетъ быть, и преувеличена, но въ такомъ случаѣ процентъ, выведенный изъ нашей таблицы, долженъ быть хотя нѣсколько выше. Во всякомъ случаѣ и наша цифра достаточна, чтобы видѣть, что одно богатство далеко не гарантируетъ человѣку психическаго здоровья. Проще всего, конечно, объяснить самоубійства между капиталистами и купцами банкротствами и раззореніями и тѣмъ рѣзкимъ, поразительнымъ контрастомъ, котораго боится человѣкъ, падающій такъ сказать, съ бархатнаго кресла на голый камень, съ высоты роскоши и богатства въ темный омутъ бѣдности и лишеній.

Читатель могъ замѣтить, что всѣ наши соображенія и приведенныя нами статистическія данныя клонились къ тому, чтобы доказать, что большая часть самоубійцъ вовсе не безнадежно помѣшанные, а скорѣе здоровые люди, которые дѣлаются жертвой обстоятельствъ. Съ перваго раза казалось-бы, что нѣтъ особенныхъ поводовъ настаивать на этомъ мнѣніи, ибо бѣдность и матеріальные недостатки легко могутъ быть причиной душевнаго расстройства, которое, въ концѣ концовъ, приводитъ къ самоубійству. Но дѣло въ томъ, что душевное расстройство развивается, какъ призвано психіатріей, вообще медленно и даже втеченіи нѣсколькихъ поколѣній. Если человѣкъ сходитъ съ ума или обнаруживаетъ признаки душевной болѣзни, то здѣсь прежде всего слѣдуетъ винить наслѣдственность; обстановка-же больного играетъ здѣсь только случайную роль. Душевному больному не нужно ожидать бѣдности, чтобы наложить на себя руку, бѣдняку-же не нужно ожидать душевной болѣзни, чтобы придти къ тому-же результа-

ту. Мы во всякомъ случаѣ думаемъ, что успѣли убѣдить сколько-нибудь читателя, что послѣдняя категорія самоубійць самая многочисленная. Прямыхъ доказательствъ на это нѣтъ и едва-ли можетъ быть, но люди, утверждающіе, что, наоборотъ, самоубійство немислимо безъ душевнаго расстройства, не могутъ подтвердить своего мнѣнія равно никакими фактическими данными. Сколько намъ извѣстно, защитники психологической теоріи самоубійствъ и не приводятъ въ пользу ея статистическихъ доказательствъ, если только они не позволяютъ себѣ натяжекъ. Намъ извѣстно только одно подобіе такого доказательства, но, по нашему мнѣнію, оно ниже всякой критики. Такъ, извѣстно, что самоубійцы выбираютъ для исполненія своего намѣренія преимущественно утро и ночь. Д-ръ Мюллеръ въ своей брошюрѣ о самоубійствахъ (*Der Selbstmord. Eine psychiatrische Skizze von Otto Müller, Harburg, 1859*) приводитъ на этотъ счетъ слѣдующіе факты.

Застрѣлилось:

Между 12— 2 часами утра	77	человѣкъ.
„ 2— 4 „ „	45	„
„ 4— 6 „ „	58	„
„ 6— 8 „ „	135	„
„ 8—10 „ „	110	„
„ 10—12 „ „	123	„
„ 12— 2 „ пополудни	32	„
„ 2— 4 „ „	84	„
„ 4—12 „ вечера	121	„

Данныя эти, между прочимъ, вполне подтверждаются и д-ромъ Гибнеромъ:

	Число самоубійць.	На 100.
Утромъ	61	30,85
Днемъ	36	17,91
Вечеромъ	45	22,39
Ночью	59	29,35

Но какіе-же выводы можно извлечь изъ этихъ данныхъ? Докторъ Мюллеръ, глубоко убѣжденный, что нѣтъ самоубійства безъ психическаго расстройства, притягиваетъ почти за волосы эти факты въ своему мнѣнію, утверждая, что выборъ того или другого часа для совершенія самоубійства обуславливается те-

ченіемъ психическаго страданія. Психіатрами замѣчено, что умственныя и душевныя разстройства всегда усиливаются по утрамъ, а къ вечеру замѣтно ослабѣваютъ, представляя въ этомъ случаѣ аналогію съ физическими болѣзнями, тифомъ, лихорадкой. Но такое толкованіе совершенно произвольно, и мы думаемъ, что всякій отдастъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе тому безхитростному и прямому объясненію, по которому самоубійцы всего чаще выбираютъ утро и ночь, какъ такое время, когда планъ ихъ можетъ встрѣтить наименѣе помѣхъ со стороны окружающихъ ихъ лицъ. Кромѣ того, здѣсь, пожалуй, можетъ играть нѣкоторую роль и то гнетущее чувство одиночества, испытываемое въ эти часы дня сильнѣе, которое особенно ярко обрисовывается человѣку его безвыходное положеніе.

Итакъ, высказавъ свой взглядъ на преобладающія причины самоубійствъ, мы полагаемъ, что читатель пойметъ, какъ бесполезно разсуждать, подобно англійскому судѣ, о карательныхъ мѣрахъ для уничтоженія этого страшнаго соціальнаго зла. Сколько хотите, измѣняйте свои теоретическія воззрѣнія на самоубійство, называйте его — если у васъ хватаетъ на это духу — актомъ трусости, эгоизмъ, слабостью характера, глупостью, бичуйте этихъ несчастныхъ своей моралью — но если самоубійца остается глухъ къ могущественнѣйшему изъ человѣческихъ инстинктовъ, къ чувству самосохраненія, то какъ-же отнесется онъ къ этимъ жалкимъ измышленіямъ! Уже въ нихъ, въ этихъ измышленіяхъ, сквозитъ отчасти мысль, что самоубійца психически здоровъ, что совершенно справедливо, какъ мы старались доказать, но если онъ психически здоровъ и въ то-же время противорѣчитъ своему инстинкту самосохраненія, то можетъ-ли онъ поддаться совѣтамъ сотрудника „Недѣли“, основаннымъ не на законахъ человѣческаго организма, а на досужихъ соображеніяхъ, надъ нецѣпностью которыхъ отъ души посмѣется даже самоубійца въ патетическую минуту самоумерщвленія.

В. Омгирскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неурожаи въ Самарской губерніи и послѣдовавшій за ними голодь.—Призывъ къ облегченію участи бѣдствующаго населенія.—Причины періодическихъ неурожаевъ.—Неявжество и голодь—неразлучные спутники.—Равнодушіе въ народнымъ бѣдствіямъ, какъ результатъ общественной солидарности.—Общая экономическая неурядица и т. д.

Періодическіе неурожаи даже въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ Россіи давно уже обращаютъ на себя вниманіе литературы и общества; давно уже мы знаемъ, что производительность нашихъ почвъ, лишенныхъ правильной земледѣльской обработки и въ то-же время истощаемыхъ слишкомъ усиленнымъ вывозомъ хлѣба за-границу, постепенно оскудѣваетъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого оскудѣнія, этой чахлости нашихъ почвъ являются постоянныя голодовки то въ той, то въ другой мѣстности. Недавно бѣдствовалъ отъ голода сѣверный край, теперь ту-же участь испытываетъ самарская губернія. Еще 20 іюля корреспондентъ „Камско-волжской газеты“ писалъ изъ бугурусланскаго уѣзда, что повсюду жалуются на бездождье и что во многихъ мѣстахъ дожда не было втеченіи 10—12 недѣль со времени посѣва. Съ конца іюня хотя мѣстами и перепали дожди, но яровые не поправились. Рожь-же отъ бездождья высохла почти во всей самарской губерніи. Въ довершенію неурожаа, ночные морозы съ 28 по 30 іюня убили овощи. Плата за полевныя работы упала такъ низко, что за уборку десятины брали до трехъ рублей, а жнецы по 10 коп. въ день.

Слухи о неурожаѣ становились все чаще и чаще, грозиле и грозиле, и въ августѣ уже для всѣхъ было очевидно, что предстоитъ не простой неурожаи, а голодь со всѣми его послѣдствіями.

ми. Въ Самарѣ и уѣздахъ заговорили повсюду о томъ, какъ пробиться цѣлый годъ безъ хлѣба; рабочая плата упала неимо- вѣрно; предложеніе превысило до того спросъ на рабочія руки, что мужики, выпрашивая работы какъ милости, принимали ее за самую ничтожнѣйшую плату. Дешевизна рабочаго скота дошла тоже до едва вѣроятныхъ размѣровъ. Случалось, что крестьяне продавали лошадей за 5 и даже за 3 рубля.

Графъ Л. Н. Толстой (авторъ „Войны и Мира“), описывая страшное бѣдствіе, постигшее самарскую губернію, говоритъ, что неурожай начались съ 1871 года. Но то былъ еще не голодъ, а только предвѣстники постепеннаго повального обѣдненія, которое, наконецъ, и наступило. Послѣ перваго неурожая крестьяне, дѣлавшіе большіе посѣвы, принуждены были ихъ уменьшить, и изъ богатыхъ сдѣлались достаточными. Достаточные тоже уменьшили посѣвы и стали только ненуждающимися. Ненуждавшіеся продали часть скотины и стали нуждаться. Нуждавшіеся вошли въ долги и явились нищіе, которыхъ прежде не было. Второй неурожай, въ 1872 году, заставилъ достаточныхъ крестьянъ уменьшить еще посѣвы и продать излишнюю скотину, такъ что цѣна на лошадей и рогатый скотъ упала вдвое. Ненуждавшіеся крестьяне стали продавать уже необходимую скотину и вошли въ долги. Нуждавшіеся стали бобылями и кормились только заработками и пособіемъ, которое имъ выдавалось. Количество нищихъ еще увеличилось. Нынѣшній неурожайный годъ долженъ довести до нужды крестьянъ, бывшихъ прежде богатыми, и почти $\frac{9}{10}$ всего населенія поставить въ трудное положеніе. Едва-ли есть въ Россіи мѣстность, говоритъ графъ Толстой, — гдѣ-бы благосостояніе или бѣдствіе народа зависѣло болѣе непосредственно отъ урожая или неурожая, какъ въ самарской губерніи. Заработки крестьянъ заключаются только въ земледѣльческомъ трудѣ. Въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе трехлѣтняго неурожая, посѣвы уменьшились до половины и на этой половинѣ не родилось ничего, такъ что у крестьянина своего хлѣба нѣтъ, заработковъ тоже нѣтъ, а тѣ, какіе есть, даютъ только $\frac{1}{10}$ прежней цѣны. За жнитво десятины средняя цѣна была прежде 10 рублей, а теперь только 1 р. 20 к., такъ что крестьянинъ выработываетъ въ день отъ 7—10 коп. Вотъ причина, почему въ этотъ третій неурожайный годъ обѣдненіе народа должно дойти до крайней степени. Что будетъ ѣсть

народъ, что будетъ дѣлать онъ до слѣдующаго урожая—вотъ тѣ жгучіе вопросы, на которые нельзя закрывать глаза и которые сами собою напрашиваются на вниманіе каждаго.

Графъ Толстой приводитъ поучительные факты. Онъ не хочетъ разжалобить, онъ не рисуетъ трогательныхъ картинъ, которыя-бы дѣйствовали на воображеніе; онъ дѣлаетъ простую опись каждаго десятаго двора, и вѣрность этой описи подтверждаютъ своими подписями сельское начальство и священники. Графъ Толстой описываетъ деревню Гавриловку и затѣмъ говоритъ, что цѣлый округъ на пространствѣ 50 верстъ, заключающій въ себѣ тысячь двадцать жителей, находится точно въ такомъ-же, если не въ худшемъ, положеніи. Вотъ маленькій образецъ этой описи:

1) *Савинкины*. Старикъ 65 лѣтъ и старуха, два сына, одинъ женатый, двѣ дѣвочки; итого ѣдаковъ — семь, работниковъ два; скотины—ничего: ни лошади, ни коровы, ни овцы. Лошади послѣднія украдены, корова пала въ пдѣжъ прошлаго года, овцы проданы. Посѣву было четыре десятины, но не родилось *ничего* и сѣять нечѣмъ. Старого хлѣба нѣтъ. Долга подушнаго за $\frac{2}{3}$ года 30 руб.; за пособіе прошлаго года $10\frac{1}{2}$ руб., частнаго долга за занятый хлѣбъ 13 руб., итого $53\frac{1}{2}$ рубля. Дома старикъ и старуха, двѣ дѣвочки. Два сына и сноха у казаковъ, т. е. въ землѣ уральскаго войска, на жатвѣ. Въ покось работали за прежній долгъ и денегъ не получили. Въ недѣлю выходитъ муки по 2 пуда, слѣдовательно въ годъ 104 пуда. Цѣна муки—80 к., и потому до новаго урожая нужно 83 р. 20 коп. При самыхъ счастливыхъ условіяхъ, сыновья могутъ выработать цѣлковыхъ 50, а нужно еще одѣться, купить соли, заплатить въ церковь.

— Что-же вы будете дѣлать?

— И сами не знаемъ, какъ обдумать свои нужды.

2. *Кукановы*. Ёдаковъ 9; работниковъ 4, скотины: 2 лошади, цѣною за обѣ 15 р., 1 корова, 5 овецъ. Посѣву было 8 десятинь, собрали два воза, т. е. недостаетъ на сѣмена одной десятины. Долга подушнаго 40 р., пособія 15 р., частнаго долга 60 р., итого 115 р. Дома одна старуха — всѣ на работѣ. Въ мѣсяць надо 13 пудовъ муки или въ годъ 160 пудовъ, на 125 руб. Нужно купить сѣмянъ рублей на 30, нужно заплатить часть долга.

— Что будете дѣлать?

— И сами не знаемъ.

— Можетъ, жнитвомъ заработаете рублей 30?

— Гдѣ 30! Дай Богъ—10 р. Слышно, у казаковъ по 1 р. 50 к. жнутъ.

— Такъ какъ-же?

— Продадимъ остальную скотину—кормиться будемъ.

3. Дворъ *Волжанкина*. Вдова и сынъ съ женой. Ёдаковъ 3, работниковъ 1; скотины: 1 лошадь, 3 овцы. Посѣву было 2 десятины, ничего не взошло. Долга подушнаго 10 руб., частнаго 12 руб. Если найдутъ мѣсто въ работники, то прокормятся, но старуху бросить нельзя и баба беременна. Если оставаться дома, то въ мѣсяць надо 5 пудовъ муки—4 руб., а заработать негдѣ и земля останется незаסףянною. На 1874 годъ будетъ то-же.

И далѣе слѣдуетъ описаніе 23 дворовъ. „Сіе описаніе вѣрно; самарской епархіи, бузулукскаго уѣзда, села Гавриловки, священникъ Михаилъ Соловьевъ. Сельскій староста Степанъ Курдинъ по безграмотству приложилъ должностную печать. Сельскій писарь Ф. Афонасьевъ“.

Факты эти тѣмъ и хороши, что не прикрашены; они сильны именно своей простотой и безпристрастіемъ. Каждому становится ясно, что большая половина семей никакъ не можетъ прокормиться нынѣшній годъ своими средствами; другая-же половина хотя, какъ кажется, и можетъ прокормиться, отдавъ своихъ крестьянъ въ работники, но въ сущности находится точно въ томъ-же ужасномъ положеніи, какъ и первая половина, такъ-какъ ⁹/₁₀ всѣхъ деревень должны идти въ работники, а хозяева, по неурожаю, отпускаютъ и тѣхъ работниковъ, которыхъ держали прежде.

Положеніе народа болѣе, чѣмъ трудное, но онъ какъ-бы не чувствуетъ всей важности своего положенія, онъ точно ничего не понимаетъ, онъ какъ-бы замеръ и ушелъ въ себя, какъ это бываетъ, когда надъ людьми виситъ роковое, неустранимое несчастіе.

Что-же дѣлаютъ крестьяне и что они будутъ дѣлать? Народъ уже началъ мѣшать въ хлѣбъ пищу дешевую и потому непитательную и вредную. Сильные члены семьи уйдутъ на заработки, и отъ недостатка хлѣба будутъ страдать старики, женщины, изнуренныя родами и кормленіемъ, и дѣти. Неурожай для нашего крестьянина—страшное зло; онъ ведетъ за собой разореніе, эпи-

девическія болѣзни, упадокъ духа и общее истощеніе мускульной силы голодающаго населенія.

Къ такому факту общество не должно относиться равнодушно. Оно не должно забывать, что голодъ одной мѣстности такъ или иначе отразится на всѣхъ остальныхъ, что всякое народное несчастіе прямо или косвенно касается каждаго изъ насъ. Поэтому все общество, отъ одного конца Россіи до другого, должно принять живѣйшее участіе въ положеніи самарскаго населенія и отозваться на его громкій призывъ къ помощи не грошовыми филантропическими пожертвованіями, а болѣе дѣйствительными средствами. Оно недурно поступитъ, если превратитъ букеты розъ и камелій, которыми осыпаетъ Патти, въ простую розъ и отправить ее въ Самару; оно поступитъ благоразумно, если отмѣнить нѣсколько торжественныхъ обѣдовъ въ честь желѣзно-дорожныхъ тузовъ и пожертвуетъ эти деньги жителямъ голодающихъ деревень.

Но откуда эти частые неурожаи, эти періодическія голодовки? Они явились, конечно, не сегодня и начались не вчера. Посмотрите, что дѣлаетъ дикарь, какъ онъ живетъ и какъ воюетъ съ природой. Онъ роетъ себѣ въ землѣ нору или строитъ себѣ, какъ обезьяна, шалашъ изъ листьевъ; онъ заостренной палкой обрабатываетъ землю и беретъ то, что уродится. А если изъ посеяннаго зерна не вырастетъ ничего, если въ лѣсу онъ не найдетъ кокосовъ, онъ голодаетъ и мретъ. Наши сибирскіе остяки живутъ этимъ способомъ, и потому у нихъ вымираетъ больше половины нарождающагося населенія, т. е. народъ идетъ на убыль. Цивилизованный европеецъ живетъ иначе, и надъ нимъ висятъ случайности, но ихъ не столько. Его жилище, его утонченное хозяйство спасаютъ его отъ бурь, непогодъ, болѣзней и голода. Западная Европа страдала прежде тоже отъ неурожаевъ, страдаетъ отъ нихъ и теперь, но прежнихъ послѣдствій уже нѣтъ. Европеецъ осушилъ свои болота и холодныя земли превратилъ дренажемъ въ теплыя, сухія земли цѣлою системою орошенія онъ сдѣлалъ влажными, онъ провелъ повсюду шоссе, устроилъ сельскія дороги, прорылъ каналы, устроилъ вездѣ желѣзныя дороги. Всѣмъ этимъ онъ,

конечно, не устранилъ неурожаевъ, но за то предохранялъ себя отъ голода.

Неурожаи повсемѣстно быть не могутъ: законъ вѣтровъ болѣе или менѣе постояненъ, законы солнечной теплоты и ея вліянія тоже неизмѣнны. Поэтому распредѣленіе ихъ по земной поверхности можетъ встрѣтить частное уклоненіе, но не общее измѣненіе. Слѣдовательно, урожай и неурожай только частныя уклоненія; въ общемъ-же *минусъ* одной мѣстности пополняется *плюсомъ* другой. Въ при-азовскомъ краѣ нынче на виноградъ неурожай, а на Кавказѣ не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Равновѣсіе возстановляютъ пути сообщенія. Американцы отправляютъ въ Европу десятки кораблей съ свѣжимъ мясомъ, а Австралія съ хлѣбомъ.

Наши экономическіе порядки нѣсколько иные; у насъ въ одной мѣстности не знаютъ, куда сбыть хлѣбъ, а въ другой его и не видятъ. Всѣ наши пути сообщенія тянутся только къ Петербургу, точно Россія думала только о немъ и никогда не думала о себѣ. Три водныя системы и цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ служатъ путями, которыми Россія и ея окраины снабжаютъ всѣмъ Петербургъ, но изъ Петербурга въ Россію нейдетъ почти ничего. И для Петербурга нѣтъ ни неурожаевъ, ни голодныхъ годовъ! Что-бы ни дѣлалось въ Россіи, Петербургъ снабженъ всегда всѣмъ въ изобиліи. Если-бы самарскій неурожай былъ вдвое больше, если-бы бѣдствовалъ весь югъ Россіи, — Петербургъ узналъ-бы объ этомъ только изъ газетъ, но не по дороговизнѣ цѣнъ.

Провинція у насъ въ иномъ положеніи. У нея нѣтъ ни сельскихъ дорогъ, ни каналовъ, ни шоссе, ни желѣзныхъ дорогъ; каждая мѣстность живетъ изолированно, точно окруженная непроходимую стенью, и при періодическихъ неурожаяхъ, повторяющихся по разнымъ мѣстностямъ изъ года въ годъ, у насъ повторяются и періодическія голодовки. За послѣднія восемь лѣтъ — это у насъ уже третій голодъ. И наше русское зло именно въ томъ, что каждый неурожай для насъ всегда голодъ. Европа уже не знаетъ этого явленія. Европа голодала только до XIX столѣтія, и времена эти записаны на страницахъ ея исторіи печальными фактами. Правда, въ Ирландіи былъ страшный голодъ въ сороковыхъ годахъ, но мы знаемъ, съ какою готовностію вся Европа явилась на помощь къ бѣдной Ирландіи.

Справь тесь, что говоритъ статистика о вліяніи неурожаевъ на браки, на рожденія, на смертность, на усиленіе преступленій и особенно воровства, на распространеніе болѣзней, на ослабленіе человѣческаго организма и на физическую и умственную слабость родившихся въ неурожайные годы поколѣній. Неурожай — одно изъ великихъ бѣдствій, постигающихъ человѣчество. Мало того, что они подрываютъ благосостояніе народа, извращаютъ физическую и духовную природу человѣка, — они усиливаютъ вымирание, лишаютъ страну лучшихъ ея производительныхъ силъ и подкапываются, такимъ образомъ, подъ самыя основы общественнаго и государственнаго благосостоянія. Какой-же вопросъ можетъ быть важнѣе?

Но исторія не знаетъ примѣровъ, чтобы невѣжественный народъ и невѣжественное общество достигали когда-нибудь высокаго экономическаго и социальнаго благосостоянія. Народное богатство зависитъ отъ тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ народъ для борьбы съ природой, и отъ тѣхъ умственныхъ средствъ, которыми владѣетъ образованное общество. Только невѣжество есть источникъ всякаго зла, и общество, которое этого не понимаетъ, само прежде всего страдаетъ отъ собственнаго непониманія. Образование и знаніе — вотъ, конечно, единственное средство противъ голода, потому что хлѣбъ не въ землѣ, а въ головѣ.

Филантропія подаетъ помощь временную, случайную и далѣе этого идти не можетъ. Законъ солидарности понимается не чувствительнымъ, нѣжнымъ сердцемъ, а развитымъ умомъ. Если-бы наше общество dorосло до его пониманія, у него не приходилось-бы выпрашивать хлѣбныхъ объѣдковъ, не приходилось-бы ради Христа собирать съ міра по ниткѣ. У финляндцевъ никто не просилъ помощи. Когда сдѣлается пожаръ, всѣ превращаются въ пожарныхъ, всѣ возбуждены, всѣ бѣгутъ спасать, потому что всякому ясна его солидарность съ другими, всякому ясна общая связь опасности, но неурожай и солидарность этого страшнаго бѣдствія понимается труднѣе. На такой-ли точкѣ развитія наше общество? Нѣтъ. И вотъ причина нашего *равнодушія*, вотъ причина того, что надо просить о черствыхъ крошкахъ, да и тѣхъ не у всякаго выпросишь.

Въ послѣднее время общественное сознаніе сдѣлало у насъ все-таки нѣкоторый успѣхъ. Главный успѣхъ его въ томъ, что съ

меньшею и меньшею настойчивостью приходится доказывать, что Россія вовсе не хлѣбное Эльдorado, что русскій мужикъ не эпикуреецъ и что мы вовсе не такіе образованные европейцы, какими себя воображаемъ; наша всегдашняя, историческая бѣда именно въ томъ, что мы никогда не владѣли мѣрой своихъ силъ. Въ этомъ насъ укорялъ еще Крыжаничъ.

Теперь это время какъ-будто собирается проходить; теперь уже не секретъ, что наши умственные и экономическія средства очень ограничены. Печать уяснила кое-какъ этотъ вопросъ, но тѣ, кто могъ-бы заподозрить ее въ страстности и преувеличеніяхъ, конечно, не упрекнуть въ томъ-же строгія и подробныя изслѣдованія правительственныхъ комиссій,—напримѣръ, Комиссія, высочайше утвержденной 26 мая 1872 года для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи.

Народы, какъ и отдѣльные люди, учатся только суровыми уроками жизни, и чѣмъ суровѣе урокъ, тѣмъ тверже купленный опытъ и тверже убѣжденіе. Самарскій неурожай—бѣдствіе и несчастье. Недавно еще данный намъ урокъ прошелъ для насъ, повидимому, безслѣдно. Но мы не думаемъ, чтобы это было такъ въ дѣйствительности. Комиссія, назначенная правительствомъ для изслѣдованія нашего сельскаго быта, убѣждаетъ въ противномъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того-же о нашемъ образованномъ обществѣ и о нашемъ общественномъ сознаниі. Иначе мы-бы не занимали теперь своего кармана.

Самарскій неурожай и встревоженное имъ общественное мнѣніе не послужить-ли намъ новымъ урокомъ и не будетъ-ли для насъ однимъ изъ моментовъ общественнаго умственнаго роста. По крайней мѣрѣ, онъ долженъ быть имъ. Дорого покупаемъ мы свой умственный ростъ, но если цѣна умственнаго прогресса такъ высока, приходится жалѣть только о томъ, что наше общество не умѣетъ купить его дешевле.

„Самарская губернія, пишетъ одно компетентное лицо изъ Самары,—пользуется съ давнихъ временъ репутаціею богатой; но за послѣднее время рядъ послѣдовательныхъ неурожаевъ значительно поколебалъ эту репутацію. Дѣйствительно, классъ земледѣльцевъ не представляетъ въ экономическомъ отношеніи ничего отраднаго: земли почти всѣ выпажаны и даютъ въ большинствѣ случаевъ весьма скудные урожаи, обработка земли и вообще сель-

ское хозяйство находятся почти въ первобытномъ состояніи. Непочатая, дѣльная земля давали баснословные урожаи, но это было когда-то. Въ настоящее-же время испаханная земля поросли сорными травами, преимущественно пыреемъ, который въ дождливое время заглушаетъ всходы, а въ сухое—дѣлаетъ свое дѣло истощенная земля и худая ея обработка. Слава о богатствѣ самарской губерніи сложилась, по всей вѣроятности, вслѣдствіе значительныхъ капиталовъ, находящихся въ рукахъ купцовъ, занимающихся хлѣбною торговлею. " Ясно, что вопросъ о голодѣ переносится на другую почву; тутъ не простой неурожай и не случайный голодъ, а отсутствіе всякаго хозяйственнаго принципа, хищническое пользованіе землею, сельскохозяйственная неурядица.

Эта неурядица, эта безпомощность экономическихъ средствъ особенно чувствуются въ неплодородныхъ губерніяхъ, въ мѣстахъ, гдѣ, по густотѣ населенія, были отведены крестьянамъ тѣсныя надѣлы и гдѣ, при недостаткѣ выгодныхъ близкихъ заработковъ, повинности всею своею тяжестью легли на землю. Комиссія 26 мая 1872 года открыла мѣстности, гдѣ число домохозяевъ съ среднимъ достаткомъ постоянно уменьшается и увеличиваютъ крайніе предѣлы зажиточности и бѣдности. Въ мѣстностяхъ, гдѣ продолжительные неурожаи истощили средства крестьянъ, они стали оставлять свои надѣлы и начали обращаться къ отхожимъ промысламъ, которые, однако, ихъ рѣдко обезпечиваютъ.

За исключеніемъ прибалтійскихъ губерній, нѣкоторыхъ хозяйствъ на югѣ и единичныхъ хозяйствъ въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ, вездѣ замѣтно отсутствіе правильной системы земледѣлія; почти всюду господствуетъ хозяйство трехпольное или-же ведется хозяйство испольное, распашное и подѣчное. Пользованіе землею очень часто имѣетъ хищническій характеръ: ее истощаютъ, не возстановляя утраченныхъ ею силъ. Въ большинствѣ случаевъ наше земледѣліе ведется въ ущербъ лугамъ, выгонамъ и лѣсамъ, которые недостатокъ въ пашнѣ заставляетъ распахать, — точно нашъ земледѣлецъ всю землю хочетъ превратить въ пашню.

Забирая все больше и больше земли подъ хлѣбъ, онъ, однако, не располагаетъ достаточными средствами удобренія, и дурно удобряемая почва становится все хуже и хуже и, наконецъ, истощается. Вотъ причина нашихъ неурожаевъ. Комиссія говоритъ, что неурожаи сдѣлались у насъ явленіемъ столь обыкновеннымъ, что

одинъ неурожаѣ въ каждыя четыре-пять лѣтъ считается какъ-бы нормальнымъ.

Изъ показаній разныхъ приглашенныхъ лицъ комиссія убѣдилась, что втеченіи двадцатилѣтняго періода общее количество скота почти не измѣнилось, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже значительно уменьшилось. Между тѣмъ народонаселеніе въ это время приросло, потребности его должны были усилиться и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ усилиться спросъ на скотъ и его продукты. Такъ-какъ этого не случилось, то очевидно, что скотоводство упало.

Причину этого нужно искать въ маломъ количествѣ естественныхъ луговъ, несоотвѣтствующихъ потребностямъ скотоводства. Луга группируются около рѣкъ и только разливы ихъ не позволяютъ превратить луга въ пашни. Въ другихъ-же мѣстахъ луга повсюду распахиваются. Уменьшеніе луговъ повсемѣстно и повсюду обнаруживаетъ одинаково вредное вліяніе на сельское хозяйство. При крѣпостномъ правѣ, когда, съ увеличеніемъ населенія, увеличивалась и потребность въ землѣ, помѣщики позволяли крестьянамъ дѣлать новыя распахки; но когда точные надѣлы возстановили предѣлы крестьянскаго землевладѣнія, всякое расширеніе пашень могло производиться только на счетъ пастбищъ и сѣнокосовъ. Чтобы пасти скотъ на земляхъ и въ лѣсахъ частныхъ владѣльцевъ, крестьянамъ нужно входить съ ними въ особое соглашеніе. Общій результатъ всѣхъ этихъ причинъ тотъ, что скотоводство уменьшилось повсюду. Конечно, и крестьяне, и землевладѣльцы начинаютъ понимать, что хозяйство должно быть интенсивное, что недостатокъ земель долженъ быть пополненъ лучшей ихъ обработкой, что прадѣдовскіе способы земледѣльческой культуры должны быть замѣнены другими; но возстановить уничтоженные луга будетъ задачею слишкомъ трудною и на быстрое развитіе травосѣянія и корнеплодной культуры рассчитывать нельзя. Къ этому нужно прибавить, что число мелкихъ винокуренныхъ заводовъ, все уменьшается и мелкое сельское хозяйство должно лишаться одного изъ чрезвычайно важныхъ своихъ подспорій.

Относительно лѣсовъ намъ уже давно извѣстно, что сотни миллионовъ десятинъ нашихъ лѣсовъ не имѣютъ прагматическаго значенія; самая большая часть нашихъ лѣсовъ находится въ мѣстностяхъ менѣе населенныхъ, отдаленныхъ отъ промышленной дѣя-

тельности и даже лишенныхъ возможности сбыта лѣсныхъ матеріаловъ. Напротивъ, въ мѣстностяхъ густонаселенныхъ, гдѣ потребность въ лѣсѣ велика и постоянно возрастаетъ, лѣса истребляются; а вырубленныя пространства или не возобновляются, или превращаются въ пашню. Такимъ образомъ, наше пресловутое лѣсное богатство не больше, какъ фикція; тамъ, гдѣ они нужны, ихъ нѣтъ, а гдѣ ихъ много, тамъ они не нужны. Архангельскіе и вологодскіе лѣса не приносятъ никакой пользы безлѣсному новороссійскому краю, но и своему краю и государственному казначейству они не приносятъ особенной выгоды. Вообще наше лѣсное хозяйство страдаетъ отъ недостатка надзора, отъ отсутствія рациональнаго съ нимъ обращенія и самовольныхъ порубокъ. Конечно, лѣсное хозяйство не составляетъ и не можетъ составлять нѣчто самостоятельное, изолированное: оно только часть сельскаго хозяйства, и если плохо сельское хозяйство, должно быть плохо и лѣсное.

Относительно податей, лежащихъ на земледѣльцѣ, намъ было сообщено нѣсколько данныхъ податной комиссіей, учрежденной при министерствѣ финансовъ. Этими данными воспользовалась и комиссія 26 мая. Общій итогъ всѣхъ прямыхъ повинностей, лежащихъ на сельской производительности, слагается изъ отдѣльныхъ налоговъ, установленныхъ въ разное время и раскладываемыхъ каждый своеобразно, безъ всякаго соотношенія къ другимъ платежамъ и даже безъ всякаго соотношенія къ платежной силѣ вообще. Комиссія пришла къ заключенію, что неравномѣрность раскладки составляетъ коренной недостатокъ всего порядка обложенія и ложится тяжелымъ бременемъ на сельское населеніе, мѣшая его благосостоянію и развитію земледѣльческой производительности. Поэтому комиссія 26 мая ставитъ общую реформу прямыхъ податей въ число самыхъ насущныхъ потребностей Россіи.

Мы сообщимъ изъ частныхъ источниковъ нѣкоторыя характеристическія черты, обрисовывающія хозяйственный бытъ нашего земледѣльца. Напримѣръ, за-границей пишутъ много о бѣдности тамошняго народа; но бѣдность—понятіе условное. По французскимъ понятіямъ, для содержанія одного работника крайне необходимо 525 франковъ въ годъ, то-есть 123 руб. серебромъ. Человѣкъ, употребляющій меньше, по французскимъ понятіямъ—бѣднякъ. По французскимъ понятіямъ, женщину, чтобы одѣться,

необходимо въ годъ 38 руб. сер. Въ то-же время не надобно забывать, что содержаніе во Франціи дешевле: тамъ фабричный рабочий можетъ имѣть достаточный обѣдъ съ мясомъ и виномъ за 6 к. с.; у насъ сельскій работникъ за шкаликъ водки долженъ платить 5 коп. сер. и за фунтъ мяса столько-же, а между тѣмъ достатки его крайне ограничены. Напримѣръ, вологодскій крестьянинъ, обрабатывая свой надѣлъ, можетъ произвести цѣнностей на двадцать пять руб. пятьдесятъ копеекъ; въ хорошій-же годъ, по преувеличенному разсчету, на сорокъ восемь руб. сорокъ копеекъ. За всѣми платежами помѣщику и казнѣ, у крестьянина остается восемь руб. двадцать пять копеекъ, то-есть меньше, чѣмъ $2\frac{1}{3}$ коп. въ день. Если счастье ему не послужитъ и онъ не найдетъ средствъ заработать еще что-нибудь, то долженъ продавать свой скотъ; если-же годъ неудачный и не выручаетъ даже продажа скота, то крестьянинъ становится недоимочнымъ. Въ хорошій годъ у крестьянина остается 27 руб. 15 коп., то-есть въ день приходится на все семейство около $7\frac{1}{2}$ копеекъ. [Изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ памятной книжкѣ за 1864 г., видно, что въ вологодской губерніи было посѣяно хлѣба и картофеля всего 767,715 четвертей, а собрано 2,163,781 четверть. За вычетомъ сѣмянъ — 1,396,066. Полагая каждую четверть въ 9 пудовъ, окажется всего 12,564,594 пуда хлѣба. Изъ этого количества было употреблено на винокурение и сплавлено по рѣкамъ 4,979,672 пуда, осталось для народнаго употребленія 8,284,912 пудовъ, или на каждого жителя вологодской губерніи 340 фунтовъ въ годъ, то-есть меньше фунта въ день. Даже въ волостяхъ на государственной землѣ случается, что въ плохой годъ крестьянину нечѣмъ засѣять своего поля и сѣмена берутся изъ казеннаго магазина. Если-бы послѣдовалъ отказъ, то поля остались-бы незасѣянными и крестьянинъ очутился-бы въ положеніи вполнѣ безвыходномъ.

Промышленныя губерніи, несмотря на свое внѣшнее благосостояніе, въ сущности бѣднѣе чисто-земледѣльческихъ. „У насъ народъ простъ, сказала одна баба одному изслѣдователю народнаго быта, сравнивая степныя мѣстности съ промышленными, — ходитъ, такъ срамъ глядѣть; здѣсь народъ щегольской: и сапоги, и калоши, и самоваръ въ дому, а ѣсть нечего“. Даже знаменитый офеня на половину работникъ, на половину нищій: онъ

продаетъ товаръ и въ то-же время просить покормить его ради христа. Повидимому-богатый офеня въ сущности такъ бѣденъ, что въ мятель, морозъ и дождь почуветь въ полѣ. Втеченіи самаго суроваго времени года офеня ведетъ жизнь полукочевую—спитъ, гдѣ придется, ѣсть, что попало, и нерѣдко голодаетъ. И это самый умный, самый ловкій, самый предприимчивый изъ крестьянъ, который говоритъ, что всѣ другіе наживаютъ руками, а онъ умомъ!

У насъ есть много губерній, гдѣ смертность постоянно ниже средней русской смертности. Что умираетъ одинъ изъ 20—это очень обыкновенно, но случается, что умираетъ 14-й и даже 11-й человѣкъ. При тяжеломъ положеніи нашего рабочаго семейства, при грубой пищѣ и обстановкѣ, населеніе Россіи постоянно-бы убывало, если-бы не было такъ много рожденій. Наши многоземельныя губерніи только и спасаются отъ уменьшенія населенія непопѣрными и баснословными массами рождающихся. Въ самарской губерніи одно рожденіе на шестнадцать человѣкъ, въ оренбургской—одно на семнадцать.

Стѣсненное положеніе нашего земледѣльца вызвало особенное явленіе въ народномъ быту, неизвѣстное на Западѣ—міроѣдство. Правительственная комиссія, выводами которой мы воспользовались, указываетъ на это зло и говоритъ, что въ центральныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, въ восточныхъ и сѣверныхъ, по нѣкоторымъ заявленіямъ, разбогатѣло лишь небольшое число крестьянъ, большинство обѣднѣло, а среднее по достатку состояніе стало исчезать. Ближайшимъ послѣдствіемъ распадѣнія крестьянъ на двѣ крайности состояній является то, что обѣднѣвшій долженъ искать пособія у крестьянина болѣе богатаго и закабаляетъ ему свой трудъ. При отсутствіи банка и кредита міроѣдъ является банкомъ и ростовщикомъ. Когда уплата податей или сборовъ необходима, а крестьянину платить нечѣмъ, онъ ищетъ работы усиленнымъ домогательствомъ, чтобы получить часть денегъ впередъ. Работу, конечно, онъ найдетъ, но за полцѣны. Сажень дровъ, положимъ, стоитъ 1 р. 20 к., но заготовляемая по нуждѣ, она приходится міроѣду за 60 к.; сѣно и все остальное—тоже въ половину. Въ каждой деревнѣ есть крестьяне, пользующіеся нуждою бѣдныхъ. Еще хуже, когда крестьянину приходится сбывать хлѣбъ за безцѣнокъ или закабалять себя въ работу. Продавая хлѣбъ за безцѣнокъ, крестьянинъ лишаетъ себя сѣмянъ на посѣвъ; отработы-

вая долгъ, онъ работаетъ почти даромъ. Послѣдствіемъ бываетъ то, что крестьянину на слѣдующій годъ подати платить бываетъ еще труднѣе. Приходится продавать скотъ, но покупателей нѣтъ, и вотъ крестьянинъ идетъ и кланяется богатому мужику. Эксплуатация этого рода совершается теперь въ самарской губерніи, гдѣ разные мелкіе скупщики и деревенскіе богачи, рассчитывая на общее бѣдствіе, скупали у крестьянъ не только скотъ, но даже самыя необходимыя домашнія вещи. Кулаки, пользуясь нуждою, — мы приводили этотъ фактъ выше, — закупаютъ весной будущій, еще неуродившійся хлѣбъ по 25 коп. за пудъ, въ то время, какъ цѣна ему устанавливается въ 60 копеекъ.

Въ нашемъ земледѣльческомъ быту міроѣдъ — всегдашній спутникъ обѣднѣвшаго крестьянина, стремящійся закабалить его трудъ и понизить его задѣльную плату. Все дорожаетъ вокругъ и только падаетъ цѣна рабочаго труда. Мы уже видѣли, какъ нужда дѣйствуетъ на пониженіе рабочей платы: за жнитво той самой десятины, за которую платилось тому четыре года назадъ 25 р., нынче въ самарской губерніи платили два рубля, и эта цѣна вовсе не рѣдкая и исключительная. Чешскій агрономъ Гейдукъ, изслѣдовавшій бытъ нашего рабочаго черноземной полосы, указываетъ на харьковскую губернію, гдѣ зимняя поденная плата мужчинѣ отъ 12 до 18 коп., а женщинѣ отъ 8 до 15 коп.; за уборку ржи платятъ отъ 2 до 3 рублей съ десятины; годовому-же работнику платятъ жалованья отъ 36 до 50 рублей. Если сравнивать рабочую плату разныхъ мѣстностей, то окажется, что она приблизительно одинакова.

Что-же нужно сдѣлать, чтобы измѣнить это печальное положеніе нашего земледѣльца и поднять нашу сельскую производительность? Правительственная комиссія находитъ, что для улучшенія нашего сельскаго хозяйства должны быть употреблены весьма разнообразныя частныя и общія мѣры. Мѣры эти прежде всего заключаются въ необходимомъ содѣйствіи правительства. Однимъ изъ видовъ этого содѣйствія должно быть движеніе законодательства по тѣмъ вопросамъ, которые не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ путемъ законодательнымъ. Для полнаго успѣха нужно содѣйствіе разныхъ вѣдомствъ, правительственныя затраты и пожертвованія; наконецъ, мѣры правительства не могутъ ограничиться собственнымъ кругомъ экономическихъ интересовъ. Мѣры, перечисляемыя

комиссією, обнимаютъ собою всю область сельско-хозяйственнаго быта нашего крестьянина. Кромѣ законодательнаго и административнаго содѣйствія; комиссія указываетъ и на крайнюю необходимость поднять уровень народнаго образованія: она считаетъ необходимымъ „поощрять всѣми зависящими отъ правительства средствами учрежденіе сельскихъ школъ, не только мужскихъ, но и женскихъ, въ виду вліянія матери семейства на весь семейный бытъ; а также поощрять учрежденіе училищъ для образованія преподавателей въ этихъ школахъ и въ особенности преподавательницъ, въ виду опытомъ уже дознанной пользы женскаго преподаванія въ народныхъ школахъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія считаетъ необходимымъ введеніе сельско-хозяйственныхъ предметовъ обученія въ кругъ программы народныхъ училищъ.

Такимъ образомъ, наше сельское хозяйство заключаетъ въ себѣ цѣлую массу элементовъ бытовыхъ, экономическихъ, техническихъ, законодательныхъ, административныхъ, финансовыхъ, образовательныхъ и нравственныхъ. Мы укажемъ только на одинъ отдѣлъ сельскаго хозяйства—скотоводство, чтобы читатель видѣлъ, на сколько мѣры улучшенія быта народа многосложны, разнообразны и запутанны.

Комиссія говоритъ, что развитіе и улучшеніе скотоводства замедляется и затрудняется главнѣйшимъ образомъ недостаткомъ и недоброкачествомъ кормовыхъ средствъ, несоотвѣтствіемъ породъ разводимаго скота съ его назначеніемъ и мѣстными условіями, неумѣнѣемъ пользоваться съ достаточною выгодною продуктами скотоводства и губительнымъ вліяніемъ падежей. Подумайте надъ каждымъ изъ этихъ пунктовъ— и вы ужаснетесь громадности и трудности задачи, которую нужно разрѣшить; чтобы устранить недостатокъ и недоброкачество кормовыхъ средствъ, нужно перевернуть весь сельско-хозяйственный интеллектъ нашего деревенскаго населенія. Какъ вы создадите достатокъ луговъ, если ихъ мало? Какъ вы создадите доброкачественную траву, если крестьянину неизвѣстно травосѣяніе и онъ не знаетъ, какъ за него взяться? А несоотвѣтствіе породъ разводимаго скота, улучшеніе ихъ, введеніе новыхъ? Передъ этою задачей стала въ недоумѣніи даже западная Европа и затруднилась разрѣшить ее административными, законодательными и поощрительными мѣрами. Г. Вешняковъ, дѣлая только краткій обзоръ сельско-хозяйственныхъ

учрежденій въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи, Италіи и Голландіи, написавъ книгу въ 787 страницъ. И это объ Европѣ, для которой ея собственный бытъ извѣстенъ уже давно изъ многообразныхъ, подробныхъ изслѣдованій. Для насъ пора подобныхъ изслѣдованій только лишь начинается, мы дѣлаемъ лишь первые опыты, мы впервые обратили вниманіе на необходимость подробныхъ изслѣдованій своей бытовой стороны и потому понятно, какая трудная задача возникаетъ передъ нами. Возьмемъ хотя вопросъ падежа. Комиссія полагаетъ:

„Не считать вопроса о пользѣ и бесполезности чумопрививанія окончательно разрѣшеннымъ, но, по крайней его важности, продолжать наблюденія и опыты надъ степными породами рогатаго скота.

„Подвергнуть новому разсмотрѣнію нынѣ существующія постановленія по ветеринарно-полицейской части, измѣнить или дополнить ихъ въ случаѣ надобности и затѣмъ озаботиться ихъ точнымъ исполненіемъ не только на скотопригонныхъ трактахъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ.

„Озаботиться улучшеніемъ ветеринарной части вообще, улучшить и обезпечить по-возможности ветеринаровъ, въ настоящее время до того необезпеченныхъ, что, несмотря на возрастающую въ нихъ потребность, число ихъ, повидимому, уменьшается, а не увеличивается.

„Озаботиться новымъ устройствомъ школъ для ветеринарныхъ фельдшеровъ.

„Разсмотрѣть важный вопросъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ у насъ могло-бы быть введено страхованіе скота, добровольное или обязательное.

„Обратить вниманіе на улучшенные способы перевозки скота по желѣзнымъ дорогамъ.“

Кромѣ этихъ собственно законодательныхъ, административныхъ и хозяйственныхъ мѣръ, комиссія обращаетъ вниманіе и на тѣ бытовыя основы, которыя, по ея мнѣнію, вліяютъ на успѣхи земледѣлія. Комиссія, напримѣръ, усматриваетъ одно изъ вредныхъ вліаній въ общинномъ землевладѣніи, въ чемъ она дѣлаетъ капитальную ошибку... Правда, въ виду бытового характера этой формы землевладѣнія, комиссія не считаетъ удобнымъ затрогивать ея существенныя основы, предоставляя сдѣлать свое дѣло времени, но комиссія считаетъ не только возможнымъ,

но и необходимымъ принять нѣкоторыя переходныя мѣры отъ общиннаго владѣнія къ личному, облегчающія крестьянамъ выходъ изъ общины.

Другое изъ вредно вліяющихъ на наше сельское хозяйство обстоятельствъ комиссія усматриваетъ въ абсентеизмѣ, „вслѣдствіе чего, говоритъ комиссія, обширныя пространства земель, принадлежащихъ частнымъ землевладѣльцамъ, подвергаются небрежному, часто хищническому воздѣлыванію; крестьянское хозяйство лишено возможности пользоваться нагляднымъ примѣромъ улучшенныхъ хозяйственныхъ пріемовъ и, кромѣ того, продолжается или водворяется ничѣмъ не восполнимый недостатокъ цивилизующаго элемента въ средѣ сельскаго населенія“.

Мы не отрицаемъ, что абсентеизмъ есть зло, но въ такой-ли мѣрѣ, какъ его у насъ часто рисуютъ? Абсентеизмъ есть неизбежное слѣдствіе нашего провинціального быта.

Намъ говорятъ, что абсентеизмъ водворяетъ ничѣмъ невосполнимый недостатокъ цивилизующаго элемента въ средѣ сельскаго населенія и лишаетъ его нагляднаго примѣра для хозяйства. Но это еще нужно доказать. Помѣщичье хозяйство существовало столѣтія, но развѣ оно двинуло русское земледѣліе? Послѣ освобожденія крестьянъ обнаружилось, что помѣщики далеко не такіе образованные хозяева, какіе намъ нужны; у нихъ не оказалось не только денежныхъ средствъ, но и не нашлось агрономическихъ познаній. Имъ оказалось переможнымъ вести свое хозяйство при новыхъ условіяхъ труда и эта невозможность вызвала своеобразное движеніе землевладѣнія. У насъ утверждаютъ многіе, что частное землевладѣніе только на первыхъ порахъ сохранялось за прежними землевладѣльцами, но теперь переходъ имѣній въ другія руки все болѣе и болѣе усиливается. Лица торговаго сословія покупаютъ имѣнія преимущественно въ черноземныхъ губерніяхъ съ заводскими цѣлями или для вырубки лѣсовъ и сдачи пахотныхъ земель въ раздробъ крестьянамъ; въ нечерноземной полосѣ купцы покупаютъ землю рѣже и больше съ фабричными цѣлями; но самыми сильными скупщиками оказываются крестьяне. Комиссія говоритъ, что крестьяне жадно покупаютъ земли въ черноземныхъ и нечерноземныхъ мѣстностяхъ; они очень часто платятъ за землю такъ дорого, что цѣна, предлагаемая ими, далеко не соотвѣтствуетъ доходности почвы. И такія сдѣлки крестьяне все-

таки считаютъ для себя выгодными, ибо ни во что не ставятъ свой трудъ.

Мы спросимъ, можно-ли какими-бы то ни было мѣрами остановить подобное движеніе землевладѣнія? Едва-ли; да едва-ли кто-нибудь рѣшился-бы предлагать подобную мѣру; тутъ сама жизнь усталавливаетъ равновѣсіе и народъ этимъ актомъ скупки земель констатируетъ свою сильную въ ней потребность.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на то, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ народилось новое поколѣніе сельскихъ хозяевъ: дѣти прежнихъ мелкихъ и среднихъ помѣщиковъ. Они-то образуютъ новый интеллектуальный элементъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и, по размѣру своихъ хозяйствъ, могутъ служить гораздо лучшимъ нагляднымъ примѣромъ для крестьянъ, чѣмъ крупные землевладѣльцы, и ближе послѣднихъ къ крестьянамъ по своему интересу и по своему соціальному положенію. Если изъ всѣхъ выводовъ комиссіи оказывается, что наше сельско-хозяйственное благосостояніе зависитъ прежде всего отъ свободнаго развитія интеллектуальныхъ средствъ страны, то нельзя не придти къ заключенію, что масса мелкихъ образованныхъ землевладѣльцевъ можетъ принести неизмѣримо большую пользу и крестьянскому самоуправленію, крестьянскому сельскому хозяйству и мѣстному земству, чѣмъ немногіе крупные единичные сельскіе хозяева.

Впрочемъ, вопросъ о томъ, что для нашего сельскаго населенія необходимы средства для образованія и возможность большаго развитія своихъ производительныхъ силъ, не представляется никому спорнымъ. Люди всѣхъ оттѣнковъ мнѣній, начиная съ сторонниковъ „Вѣсти“ и партіи „Московскихъ Вѣдомостей“ и кончая либералами „Голоса“ и „Петербуржскихъ Вѣдомостей“, говорятъ то-же самое. Вопросъ, слѣдовательно, не въ этомъ, — вопросъ въ размѣрѣ скорости поступательнаго движенія. Только этотъ вопросъ и вызываетъ наши споры и создаетъ наши партіи. Что-же должно служить мѣриломъ быстроты нашего прогресса и какъ узнать, идемъ-ли мы впередъ или назадъ?

На этотъ вопросъ комиссія хотя и не даетъ прямого отвѣта, — можетъ быть, потому, что не считала его входящимъ въ кругъ ея соображеній, — но она дѣлаетъ на него намекъ. Комиссія говоритъ, что хотя въ частности нашъ сельскій бытъ представляетъ

очень много печальныхъ сторонъ, но въ цѣломъ производительныя силы Россіи въ послѣднія 20 лѣтъ увеличились: народонаселеніе европейской Россіи съ 57 милліоновъ возрасло до 63 милліоновъ; доходы съ 280 милліоновъ увеличились до 497 милліоновъ; цѣнность отпускныхъ товаровъ съ 100 милліоновъ дошла до 352 милліоновъ; привозъ—съ 83 милліоновъ до 344 милліоновъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаетъ комиссія, возросли производительныя силы и другихъ государствъ.

„Законы международной конкуренціи на всемірномъ рынкѣ, такъ заключаетъ свои выводы комиссія, —подчиняютъ насъ необходимости не только далѣе и далѣе усиливать нашу производительность, но и не замедлять направленныхъ къ тому стараній. Мы должны имѣть въ виду не только соперничество европейскихъ государствъ, но и постоянно и быстро усиливающееся соперничество за-океанскихъ странъ. Тѣмъ настоятельнѣе, по убѣжденію комиссія, изысканіе и принятіе тѣхъ мѣръ, которыя могли-бы способствовать успѣхамъ нашего хозяйства въ самомъ обширномъ его значеніи“. Итакъ, мѣриломъ нашего движенія должно служить движеніе впереди насъ идущихъ народовъ,—не Турціи, не Персіи, не Востока, а Запада.

Комиссія ставитъ наше движеніе въ зависимость какъ-бы отъ одной промышленной конкуренціи и соперничества Америки. Но и съ точки зрѣнія сельско-хозяйственныхъ потребностей можно-бы ввести сюда другіе элементы. Вводя эти дополнительные элементы, мы скажемъ, что мѣриломъ нашего поступательнаго сельско-хозяйственнаго движенія должно служить не международное торговое соперничество, а международная солидарность всѣхъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ.

Есть писатели и публицисты, которые все зло въ положеніи нашего крестьянина усматриваютъ лишь въ обременительныхъ налогахъ. Дѣйствительно, наши налоги не легки, сравнительно съ нашими экономическими средствами; но намъ нельзя убавить государственнаго бюджета ни на копейку; мы можемъ ввести большую уравнивательность раскладки, можемъ ввести подоходный налогъ, но измѣнить общій итогъ государственныхъ доходовъ мы не можемъ.

Доходы наши еще слишкомъ малы по нашимъ потребностямъ, и мы хотѣли-бы, чтобы средства государственнаго казначейства

и земства дали-бы намъ возможность учредить 60,000 народныхъ школъ, устроить повсюду шоссе и сельскія дороги, завести полный комплектъ земскихъ ветеринаровъ, докторовъ и больницъ, построить еще 50,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Слѣдовательно, не объ уменьшеніи доходовъ должна идти рѣчь, а объ увеличеніи производительныхъ средствъ, о томъ, чтобы наши производительныя силы стояли въ уровень съ производительными силами Европы.

Всѣ народы связаны между собою круговой порукой и не одному народу нельзя поступать не такъ, какъ поступаютъ другіе, не нарушая международной гармоніи. Но политической камертонъ всегда держутъ въ своихъ рукахъ народы передовые и только они опредѣляютъ поведеніе всѣхъ остальныхъ народовъ. Народъ, который не будетъ стоять на общей высотѣ и не имѣетъ достаточно нравственныхъ силъ, будетъ проглочень.

Нравственныя и матерьяльныя средства разныхъ народовъ весьма различны — вотъ почему взаимное положеніе разныхъ народовъ покупается неодинаковою цѣною: однимъ онъ достается дешевле, другимъ — дороже. Великобританія производитъ всѣхъ продуктовъ: земледѣлія, горной промышленности, фабричной и заводской на 69 р. 50 к. сер. на человѣка; Пруссія — на 28 р. 80 к. сер.; Россія же только на 11 руб., или русская производительность относится къ производительности Пруссіи какъ 1:2,6 и къ производительности Великобританіи — 1:6,3. Государственные расходы, среднимъ числомъ, составляютъ на каждого жителя: въ Великобританіи — 14 р. 85 к., въ Пруссіи — 7 р. 15 к., въ Россіи — 5 р. 72 к., — слѣдовательно, расходы Россіи относятся къ расходамъ Англіи какъ 1:2,5 и къ расходамъ Пруссіи — 1:1,2. Такимъ образомъ, Россія тратитъ на государственныя потребности, обусловленныя международными интересами, въ 2,5 раза больше Великобританіи и въ 2,1 больше Пруссіи, т. е. великобританскій подданный отдаетъ изъ своего труда нѣсколько меньше $\frac{1}{5}$, пруссакъ — $\frac{1}{4}$, русскій почти $\frac{1}{2}$. Но этотъ расчетъ значительно измѣнится, если ввести въ него расходы на образованіе. Россія тратитъ на эту статью меньше всѣхъ европейскихъ государствъ и не можетъ тратить болѣе, потому что иначе ей пришлось-бы уменьшить расходы на поддержаніе своего международного достоинства и утратить свое положеніе.

Чтобы наше внѣшнее международное политическое значеніе на-

ходилось въ экономической гармоніи съ нашими производительными силами и съ экономическими средствами остальныхъ державъ, нужно усилить вдвое податную способность страны и ея источники. Если принять нормой для сравненія Пруссію, то наши производительные источники должны быть поставлены въ возможность слѣдующаго возрастанія:

Въ Россіи обработанная земля составляетъ 32,9% всей площади, въ Пруссіи она составляетъ 83,8%, слѣдовательно, вмѣсто 88 милліоновъ десятинъ намъ слѣдовало-бы имѣть 241 милліонъ. Площадь луговъ должна быть увеличена на 1,9% или вмѣсто 52 милліоновъ десятинъ мы должны имѣть 68 милліоновъ десятинъ. Доходность скота слѣдуетъ увеличить въ 4,3 раза, и русское скотоводство будетъ представлять тогда цѣнность вмѣсто нынѣшнихъ 912 милліоновъ—3,923 милліона. Сельское хозяйство даетъ у насъ доходу на каждого жителя 8 р. 71 к., въ Пруссіи 15 р. 40 к.,—слѣдовательно, русское сельское хозяйство вмѣсто нынѣшнихъ 680 милліоновъ рублей должно-бы давать 1,183 милліона. Вмѣсто нынѣшнихъ 14 милліоновъ пудовъ желѣза намъ нужно-бы добывать 114 милліоновъ пудовъ и вмѣсто нынѣшнихъ 31 милліона пудовъ каменнаго угля—5,208 милліоновъ пудовъ.

Если мы предположимъ, что Россія и Пруссія сохранять теперешнюю скорость поступательнаго движенія, то Пруссія будетъ постоянно идти впередъ съ силой въ 1½ раза большей, чѣмъ Россія. Тѣхъ самыхъ результатовъ, которыхъ Пруссія будетъ достигать въ 66 лѣтъ, мы будемъ достигать во 100 лѣтъ, а втеченіи тысячелѣтія отстанемъ отъ Пруссіи на 350 лѣтъ. Ясно, что для удержанія себя на одномъ уровнѣ съ Пруссіею, намъ нужно развивать свои силы въ 1½ раза сильнѣе, и только такимъ усиленнымъ движеніемъ мы удержимъ свое теперешнее относительное положеніе. Это значитъ, что, развиваясь постоянно съ тою силою, съ какою идетъ Пруссія, мы все-таки будемъ, по своимъ интеллектуальнымъ и производительнымъ силамъ, въ 1½ раза слабѣе ея. Но намъ нужно не это,—намъ нужно стать совершенно ровень съ своими сосѣдами, и, чтобы это могло случиться, мы должны развиваться съ силою еще большею. Только тогда мы станемъ передовой Европой.

КРАСОТЫ ОБЫВАТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

«Астраханскій справочный листокъ», 1872—73 г. — «Саратовскій справочный листокъ», 1872—73 г. — «Камско-волжская газета», 1873 г. — «Казанскій биржевой листокъ», 1873 г. — «Нижегородскій справочный листокъ», 1872 г. — «Донъ» 1872—1873 г. — «Сибирь», 1873 г. — «Гдовско-ямбургскій листокъ», 1873 г.

„Провинція начинаетъ жить своимъ умомъ“, пишетъ намъ одинъ изъ коренныхъ ея обитателей, и это категорическое заявленіе заставило насъ ознакомиться поближе съ провинціальной журналистикой. Посмотримъ, сказали мы себѣ, что тамъ думаютъ, какимъ умомъ живутъ и давно-ли стала жить имъ наша провинція? Задавшись такимъ вопросомъ, мы прежде всего должны были обратиться къ тѣмъ литературнымъ органамъ, въ которыхъ такъ или иначе выражается вся сумма провинціального интеллекта, все богатство его самобытнаго творчества... Тѣмъ охотнѣе мы предприняли этотъ, въ нѣкоторомъ родѣ, новый хивинскій походъ, что со всѣхъ сторонъ слышимъ жалобы на сухость и чахлость столичныхъ литературныхъ вертоградовъ. Изысканія наши увѣнчались полнымъ успѣхомъ: во-первыхъ, мы открыли почти новую планету, существованіе которой было для насъ только одной догадкой; мы убѣдились, что дѣйствительно у насъ есть провинціальная журналистика. Во-вторыхъ, мы доподлинно узнали, что есть и провинціальныя писатели всѣхъ родовъ и ранговъ — и поэты, и публицисты, и критики, и романисты, однимъ словомъ, весь тотъ литературный штатъ, какой до сихъ поръ полагался только въ столицахъ. Убѣдившись въ этомъ несомнѣнномъ фактѣ, мы естественно пришли къ тому выводу, что дѣйствительно у провинціи есть свой умъ, своя поэзія, логика, публицистика и т. п. Говоря откровенно, это нѣсколько удивило насъ послѣ того, какъ всѣ единогласно утверждали, что провинція еще со временъ

Петра I живетъ только столичнымъ умомъ, думаетъ его мыслями, и даже говоритъ его словами; этого мало, насъ увѣрили, что тѣ книги, которыя уже давно прочитаны и забыты въ столицѣ, являются въ провинціи, какъ послѣднія новости, что если губернскіе города, даже такіе, какъ Енисейскъ, уже дочитали „Юрія Милославскаго“ и драмы Букольника, то уѣздные города, не исключая и заштатныхъ, только принимаются за чтеніе этихъ великихъ произведеній;—что одинъ именитый купецъ, читавъ въ газетахъ о памятникѣ Пушкину, отправился въ соборному протоіерею справиться, а кто это такой былъ Пушкинъ и чѣмъ онъ такимъ счумѣлъ отличиться, чтобы ставить ему монументъ? Намъ неизвѣстно, какъ и что было рассказано отцомъ протоіереемъ, но на основаніи этого назидательнаго факта мы имѣемъ полное право заключить, что до потомства этого именитаго комерсанта дойдетъ имя Бѣлинскаго и др. не ранѣе какъ черезъ двѣсти лѣтъ. Точно также мы въ правѣ думать, что если именитый купецъ, можетъ быть, обладающій тысячами капитала, въ первый разъ слышитъ объ имени Пушкина, то въ какомъ-же столѣтіи нашего умственнаго развитія должны находиться всѣ неименитые и неимѣющіе случая просвѣтиться даже у соборнаго протопопа? Но все это было прежде, всему этому мы вѣрили только тогда, когда не узнали по собственному опыту, что у насъ есть своя провинціальная журналистика и свой провинціальный умъ... Посмотримъ-же на его качества и подвиги. *Honnis soit qui mal у pense*,—подумали мы, приступая къ этому невинному обзору.

Не владѣя ни археографическими знаніями академика Грота, ни обширными барскими кладовыми, полными всякаго историческаго хлама, г. Семеваго, мы рѣшительно отказываемся рѣшить вопросъ: когда именно стала писать наша провинція, иначе говоря, когда она стала жить своимъ умомъ? Во времена-ли „Слова о полку Игоревѣ“ или при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ или только со времени изданія „Астраханскаго Справочнаго Листка“? Есть, впрочемъ, основаніе думать, что провинціалы писали уже давно и притомъ много, но не печатали или печатали мало, потому что негдѣ было печатать. Столичныя изданія не принимали эти тяжелыя груды исписанной бумаги, приславшіяся имъ со всѣхъ концовъ любезнаго отечества; „Губернскія вѣдомости“ тоже не могли печатать мно-

гаго по недостатку мѣста, по характеру статей, неподходящихъ къ программѣ официального органа, или-же просто потому, что не печатали ничего, кромѣ официальныхъ извѣстій. Но вотъ, съ усиленнымъ развитіемъ городской жизни, съ проведеніемъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, съ введеніемъ земскихъ учреждений и суда присяжныхъ, возникла потребность въ мѣстныхъ справочныхъ листкахъ, которые и не замедлили появиться во многихъ городахъ, — и „пошла писать губернія“, какъ выражался Чичиковъ. Но, Боже мой, какъ писать и что такое писать эта губернія! Если вы нѣсколько лѣтъ не брали въ руки другихъ періодическихъ изданій, кромѣ столичныхъ, и потомъ начнете пересматривать провинціальныя газеты, то очутитесь въ положеніи чловѣка, привыкшаго къ европейской жизни и вдругъ перенесеннаго въ какую-нибудь деревню Болвановку въ то время, когда жители ея уже получили нѣкоторое понятіе о внѣшней сторонѣ цивилизаціи, о пароходахъ, желѣзныхъ дорогахъ и даже слышали отъ одного прохожаго солдата, что есть на свѣтѣ кромѣ деревни Болвановки и такіе города, какъ Нью-Йоркъ, Парижъ, Лондонъ и т. д. Теперь представьте себѣ, что эти мирные обитатели болвановскаго захолустья затѣяли издавать свой „Справочный листокъ“ — и вы составите себѣ приблизительное понятіе о многихъ нашихъ провинціальныя газеткахъ. Безграмотность и безтолковость ихъ образцовая. Даже сами литераторы-обыватели, не стѣняясь, признаются въ своей недалекости. „Вознамѣрившись писать, говорить одинъ воронежскій сочинитель, — я остановился на вопросѣ: что или о чемъ писать? Одинъ борзонисець въ „Отечественныхъ Запискахъ“ изволилъ рассказывать, что въ настоящее время дѣло печатнаго слова упрощено будто-бы до того, что „стоитъ только поплевать на перо, чтобы вышла прелюбопытнѣйшая передовая статья“; однакожь, сколько я ни старался, перепортилъ бездну бумаги, изгрызъ нѣсколько перьевъ, а никакой передовой статьи не высидѣлъ“. Далѣе сочинитель рассказываетъ, какъ онъ не могъ составить не только передовой статьи, но даже никакого проекта или сцены. „А писать хочется“, наввно прибавляетъ онъ („Донъ“, № 76). Главный сотрудникъ „Астраханскаго листа“ завѣряетъ читателей, что онъ пишетъ свои статьи „на авось“, и даже божится при этомъ (1873 г., № 60). Редакція „Сибири“ до того малограмотна, что при трехъ хорошихъ типографіяхъ въ Иркут-

скѣ, въ „№ 8 *Продолженіе* (конечно, приложение) заявляетъ своимъ сотрудникамъ: „просимъ нашихъ корреспондентовъ избѣгать употребленія французскихъ буквъ, такъ-какъ даже русскія слова набираются въ печати не безъ труда“!.. „Астраханскій листокъ“ признается „въ общей немощи письменно излагать безъ затрудненія свои мысли“, даже въ „неимѣннѣ дара слова“ (1873 г., № 22). Другія газеты не такъ откровенны, но большая часть ихъ болѣе или менѣе безтолковы и безграмотны. „Астраханскій листокъ“ въ каждомъ № своемъ заявляетъ, что авторы возвращаются безъ объясненія причинъ статьи „непринадлежащія (вмѣсто „неподлежащія“) печатанію“. Или вотъ въ той-же газеткѣ печатается слѣдующее извѣщеніе: „Увѣжая по дѣламъ редакціи и типографіи, веденіе дѣлъ и работъ поручено (sic!) мною г. Соловьеву, почему прошу господъ имѣющіи (sic!) какія-бы то не (sic!) было надобности по дѣламъ редакціи и типографіи обращаться къ г. Соловьеву. Всѣ заказы по типографіи будутъ такъ-же скоро и отчетливо сдѣлано (sic), какъ это дѣлалось и при мнѣ. Довѣренный дѣлами (sic!) П. Зайдманъ“ (№ 39). Если-бы академикъ Гротъ вздумалъ привлечь къ суду за такое пограніе всѣхъ приличій и правъ русскаго правописанія и вообще русскаго грамматикѣ, то единственнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ для г. *Зайдмана* должна служить его нѣмецкая фамилія... Безграмотные литераторы-обыватели хороши особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они начнутъ писать стихами. Вотъ, напр., что выдается за стихи воронежскими фелъетонистами:

Элегантно кушаютъ и пьютъ
И азартно въ карты играютъ...
Издаютъ законы модъ,
Предписываютъ манеры,
Тонъ и говоренье въ салонахъ («Донъ» 1872, № 50).

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда есть размыръ и рифмы, стихи воронежскіе, астраханскіе, нижегородскіе, иркутскіе и т. д. представляются положительной рифмованной бессмыслицей, которая нерѣдко носитъ и совершенно бессмысленное заглавіе, въ родѣ „То А Хlower“ („Астраханскій листокъ“, № 2). Вотъ нѣсколько примѣровъ. А la Heine:

Что мнѣ ваши шумъ и крики,
Ваши чудные пиры,

Ваши сплетни и улики,
 Ваши пульки, птички, *и хрм* (??)
 Поуставши, безъ сомнѣнья,
 Вы опять вернетесь въ свой
 Для участя, для томленья
 Недовѣдомый покой (ib., № 1).

А la Бенедиктовъ:

Скажите ей, что первыхъ мыслей годы
 Скользили тамъ по мозгу моему,
 Какъ быстрые красавцы пароходы (ib., № 2).

А la Минаевъ:

Въ „Якорь“ кредитную внесь,
 Въ члены правленья вертѣло,
 Что-жь? наклеили вѣдь носъ...
 Что за курьезное дѣло! (ib., № 14).

А la V. Hugo: рассказавъ, какъ, убитая бѣдностью, умерла его жена и вслѣдъ за этимъ явился съ предложеніемъ своей помощи какой-то знакомый, поэтъ продолжаетъ:

И я весь закипѣлъ, задрожалъ,
 Словно въ сердце мнѣ тиснуть внижалъ.
 Я вскочилъ, въ рукѣ ножъ засверкалъ—
 Злодѣй мертвый къ ногамъ моимъ палъ.
 Пока кровью онъ весь истекалъ,
 Я на трупѣ безумно плясалъ.
 Лишь усопшей жены въ сторонѣ
 Улыбался, казалось, мнѣ,
 И дѣтиски, я думалъ, въ тотъ часъ
 Надъ могилою пляшутъ рѣзвась... («Донъ», № 78).

Стихотворство, однакожь, дается немногимъ литераторамъ-обывателямъ, и на этомъ поприщѣ отличаются только „Донъ“, „Астраханскій листокъ“ да „Камско-волжская газета“. За то беллетристической прозы—сколько угодно. Даже въ азіатской Астрахани беллетристовъ такъ много, что „недостаточно одной мѣстной газеты,—ихъ нужно три, и всѣ онѣ будутъ наполнены произведеніями мѣстныхъ писателей.“ „Посмотрите, сколько развелось ихъ у насъ, и оригиналистовъ и переводчиковъ; нѣтъ ни одного №, въ которомъ не было-бы или переводной или оригинальной большой статьи или романа“ („Астр. лист.“, 1873 г., № 60). Въ другихъ газетахъ то-же самое. Описанія весны, зимы, масленицы, юмористическіе рассказы, какъ, напр., „Роза безъ шиповъ“,

„Asinus pelle leopina indutus“, „Актриса“ („Камско-волжская газета“, № 28, 49, 57, 62 и др.) постоянно наполняют собою газетные столбцы, и изъ всѣхъ этикъ твореній только въ одномъ „Саратовскомъ листкѣ“ есть нѣсколько довольно сносныхъ очерковъ адвокатской жизни. Все-же остальное — жалкіе ученическіе опыты, которые провалили-бы гимназиста на „испытаніи зрѣлости“. Вѣроятно, даже читатели провинціальныхъ изданій не интересуются этими опытами, вслѣдствіе чего редакторы и стараются угощать ихъ чѣмъ-нибудь болѣе забористымъ изъ иностранной беллетристики. „Донъ“, напр., печатаетъ на своихъ столбцахъ „Невѣрность по неволѣ, романъ XV столѣтія“; „Астраханскій листокъ“ печатаетъ „Безполезные крикуны“, романъ изъ французской жизни (№ 23 и слѣд.), „Саратовскій листокъ“ — „Трибаль-бригадиръ“ (1872 г., № 250 и слѣд.), „Разсказы африканскаго охотника“ (№ 207), романъ „Вина мужа“ (№ 197 и слѣд.), и т. д. Мы положительно утверждаемъ, что сама г-жа Ахматова, издающая „Собраніе иностранныхъ романовъ“ для такихъ именитыхъ купцовъ, о какомъ мы выше упомянули, должна спасовать передъ нашими провинціальными романистами. И какъ все это вяжется съ интересами русской провинціи! Но литераторамъ писать хочется, какъ признается вышеупомянутый воронежскій сочинитель, а обывателямъ тоже иногда почитать хочется; и вотъ первые сочиняютъ и переводятъ, что имъ Богъ на душу положитъ, а послѣдніе читаютъ да услаждаются мыслью, что вотъ, дескать, какъ наши (астраханскіе, казанскіе и т. д.) ребята писать начали!.. И тѣ и другіе довольны. Это довольство, впрочемъ, по временамъ нарушается разными обстоятельствами, благодаря которымъ многое, присылаемое въ редакціи, не можетъ быть напечатано, какъ, напр., статьи „О повомъ и поношенномъ мундирахъ“ и „О стойкости характера“, о ненапечатаніи которыхъ заявляетъ „Донъ“ въ № 96.

Щеголяя беллетристикой и стихотворствомъ, провинціальныя изданія постоянно хвастаютъ и своею ученостью. Доведется какъ-нибудь жалкой газеткѣ перевести съ грѣхомъ пополамъ строкъ десять изъ французскаго журнала, она помѣститъ это извѣщеніе подъ заглавіемъ, нарочито напечатаннымъ крупнымъ шрифтомъ: „Собственный переводъ редакціи“ („Астр. лист.“, 1873, № 17, стр. 2). Начнетъ-ли провинціальныи публицистъ писать передо-

всю статью по поводу новаго года, у него тутъ ни къ селу, ни къ городу являются и Ап. Майковъ, и „великій, безсмертный нашъ отечественный историографъ Карамзинъ“, и „безсмертный философъ Милль“ и „великій римскій ораторъ Цицеронъ, имя котораго произошло отъ „сисего“—горохъ, такъ-какъ у него на носу была бородавка въ видѣ горошенки“ (ib., 1872 г., № 5). Милли и другіе ученые въ устахъ журналистовъ-обывателей тѣмъ забавнѣе, что эти провинціальные сочинители нерѣдко называются даже суевѣрными, какъ деревенскія бабы. Такъ, однимъ изъ нихъ оповѣщается, что въ Астрахани два крестьянина обвиняются „въ черной маіи“ (Астр. л. 1873, № 34). Въ изслѣдованіи о мѣсяцѣ мартъ заявляется, что онъ „несчастенъ для бракосочетаній“ (ib., № 26). Въ „Саратовскомъ листкѣ“ печатаются статейки, доказывающія, что нѣкоторыя буквы играютъ весьма важную роль въ исторіи замѣчательныхъ людей (1873 г., № 34), „Сны и привидѣнія“ (1872, № 242 и слѣд.). Кромѣ подобныхъ изслѣдованій и замѣтокъ по части „тайныхъ наукъ“, журналисты-обыватели заваливаютъ свои газеты отрывочными и совершенно случайно набранными свѣденіями по всевозможнымъ отраслямъ знанія. Тутъ вы найдете и „О дѣйствіи свѣта на керосинъ“, и о „приготовленіи бумаги изъ рыбы“, и объ „излеченіи мозолей“ (К.-волжск. газ., № 3), и „О способѣ чистить перчатки“, о „столкновеніяхъ на морѣ, — собственный переводъ редакціи“, о томъ, что самыя большіе часы въ мірѣ—въ англійской палатѣ общинъ, о томъ, какъ взнскиваетъ недоимки марокскій императоръ, средство отъ мозолей (Астр. лист., № 23 и др.) и т. п. Одни изъ этихъ извѣстій (средство отъ мозолей и т. д.) имѣютъ чисто-практическій характеръ, другія-же помѣщаются единственно ради своего курьезнаго содержанія. Большая часть этихъ извѣстій имѣетъ тотъ-же смыслъ и тотъ-же характеръ, какъ и постоянно помѣщаемыя въ провинціальныхъ газетахъ рекламы и объявленія о звѣрипчахъ, о великапахъ, о представленіяхъ профессора магіи Беккера. Провинціальная журналистика въ этомъ отношеніи исполняетъ ту-же роль, какъ кунсткамера Петра Великаго; „монстры и раритеты“,—вотъ чѣмъ она удовлетворяетъ до сихъ поръ любознательность читателей. Можно подумать, что всѣ эти газетки издаются по образцу кургановскаго письмовника. Сообщая эти курьезы и раритеты, журналисты-обыв-

ватели нерѣдко предаются по поводу ихъ поучительнымъ размышлениямъ à la Кифа-Мокіевичъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, говорить „Сибирь“, 5,845 журналовъ. „Полагая, что народонаселеніе Сибири въ 10 разъ меньше, чѣмъ въ Америкѣ, оказывается, что если-бы потребность въ чтеніи была развита въ сибирской публикѣ на-столько, сколько въ американской, то мы должны-бы издавать 196,392 такія газеты, какъ „Сибирь“ (№ 4)!..

Журналисты-обыватели занимаются и политикой, но въ одной только „Камско-волжской газетѣ“ отдѣлъ этотъ ведется съ толкомъ и тактомъ, въ видѣ политическихъ обзорѣній и комментирующихъ ихъ отдѣльныхъ извѣстій. Остальныя газеты перепечатываютъ у себя политическія извѣстія безъ всякаго разбора, проявляя, впрочемъ, какую-то странную наклонность къ подробному изученію отдѣльных, мало значущихъ фактовъ и явленій. Такъ, напримѣръ, листки саратовскій и особенно астраханскій, вотъ уже два года спеціально занимаются судьбами маршала Базена („Астр. лист.“, 1873, № 42—45 и мн. др.). Въ „Астраханскомъ листѣ“ политическій отдѣлъ составляется безтолковѣе, чѣмъ всѣ другіе отдѣлы. Редакція не умѣетъ даже дѣлать извлеченій изъ столичныхъ изданій. Вотъ, напр., статейка: „15 января. Извѣстіе о смерти Наполеона III было у насъ получено чуть не наканунѣ предполагавшагося придворнаго бала и произвело большую сумятицу: что дѣлать и какъ быть? Тотчасъ-же были наведены справки въ Берлинѣ, какъ онъ поступить при настоящемъ случаѣ“, и т. д. Сначала вы подумаете, что у насъ — это въ Астрахани; но какой-же придворный балъ въ Астрахани? Вопросъ рѣшается очень просто: редакція перепечатала корреспонденцію изъ какой-то нѣмецкой столицы, но, по разсѣянности, вырѣзавъ эту корреспонденцію изъ газеты, отрѣзала названіе города, и, такимъ образомъ, въ Астрахани явились и трауръ по Наполеону и придворный балъ (№ 15)! Въ томъ-же № помѣщена статья о вѣнской выставкѣ, подъ заглавіемъ: „*Присланное при письмѣ предпріятіе, соответствующее времени выставки въ Вѣннѣ*“. Статья эта начинается такъ: „Всѣ усилія, которыя въ настоящее время дѣлаетъ старая австрійская столица надъ Дунаемъ, для приличнаго принятія своихъ гостей во время вѣнской всемирной (sic!) выставки, приносятъ (sic!) различныя овощи“ (sic!). Далѣе толкуется такимъ-же языкомъ о легчайшемъ способѣ

проѣзда до Вѣны и обратно. Какъ на образецъ провинціальныхъ политическихъ статей, можно указать также на статью, доказывающую, что въ исторіи наполеонидовъ всегда играли важную роль люди и мѣстности, названія которыхъ начинаются съ буквы *М* („Сарат. лист.“, 1873, № 34). За исключеніемъ подобныхъ курьезовъ, всѣ политическія извѣстія провинціальныхъ газетъ, печатаемыя по недостатку мѣста въ небольшомъ количествѣ, не имѣютъ рѣшительно никакого интереса. Для такихъ статей было-бы жалко употреблять бумагу, дѣлаемую даже изъ рыбы. То-же самое можно сказать и объ отдѣлѣ внутреннихъ, всероссійскихъ извѣстій. Но этотъ выборъ дѣлается такъ-же безтолково, какъ и при составленіи политическаго отдѣла; между отмѣчаемыми событіями вѣтъ не только какой-нибудь внутренней связи, но даже вѣшной, похожей на искусное шитье. „Саратовскій листокъ“ перепечатываетъ для чего-то телеграммы изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. „Сибирь“ возвѣщаетъ міру важную новость, что въ „Камско-волжской газетѣ“ напечатана статья Португалова „О самоубійствѣ“,—и только; ничего даже не говоритъ о содержаніи статьи. Разнообразіе изумительное, но толку никакого!..

Стихи, повѣсти, романы, глупѣйшіе фельетоны, политическія извѣстія наполняютъ собою большую часть каждаго нумера любого провинціальнаго изданія, которое, такимъ образомъ, изъ мѣстнаго превращается въ общее. Въ этомъ отношеніи мы знаемъ только одно исключеніе—„Гдовско-ямбургскій листокъ“. Эта маленькая, скромная газетка чужда какихъ-бы то ни было нелѣпныхъ претензій; поставивъ своей цѣлью „разработку сельской жизни вообще и мѣстной въ особенности“, она добросовѣстно исполняетъ свою обязанность, сообщаетъ интересныя свѣденія о данной мѣстности, печатаетъ полезныя практическія статьи, напр.: „О рекрутскихъ жалобахъ“ (№ 5), „Земство и вольныя аптеки“ (№ 4) и т. д. Остальнымъ газеткамъ подобныя задачи кажутся „ультра-мѣстнымъ“, и онѣ забираютъ выше, но забирая выше, начинаютъ нести такую дичь, что читатель недоумѣваетъ, гдѣ онъ находится—въ увеселительномъ заведеніи или передъ скорбнымъ листомъ больного. Читая программы провинціальныхъ листовъ, ихъ статьи о значеніи провинціальной прессы, ихъ редакціонныя рекламы, подумаешь, что въ провинціи дѣйствительно на-

чалось какое-то общественно-литературное движеніе, для котораго понадобились такіе-же органы, какіе издаются, напр., въ городахъ, графствахъ и штатахъ американскаго союза. Въ объявленіи о своемъ изданіи въ 1873 г., „Донъ“ заявляетъ, что онъ пойдетъ той-же дорогой, какъ и въ прошлые пять лѣтъ своего существованія. „Дорога эта—самостоятельная провинціальная мысль по всемъ вопросамъ, идъ-бы они ни возникали“ (1872, № 81). „Саратовскій листокъ“ въ широковѣщательной статьѣ объясняетъ, что онъ будетъ „вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, всестороннимъ органомъ своего края“ (1873, № 1). Всѣ другія газеты заявляютъ то-же самое. Но не вѣрьте, читатель, этимъ заявленіямъ: журналисты-обыватели большею частію говорятъ это только для очистки совѣсти и часто сами не знаютъ ни „своего края“, ни тѣхъ потребностей, которымъ должны служить мѣстные органы. Для чего, напр., издается „Сибирь“? Въ литографированномъ приложеніи къ 8 № редакція говоритъ: „ближе вопросъ (sic!), какъ о желѣзной дорогѣ, для насъ не существуетъ, ибо ежедневно, каждую минуту, состояніе всякаго, какого-бы то ни было дѣла, въ этомъ краѣ, всегда находится въ прямой зависимости отъ главнаго вопроса страны“. Но это не все: у „Сибири“ есть другая, не менѣ великая цѣль, — *борьба съ іезуитскимъ орденомъ!* Не вѣрите?—читайте: „Лѣтомъ этого года предстоитъ замѣчательный день, съ которымъ мы вступимъ въ новое столѣтіе послѣ одного интереснаго факта. Извѣстно, что 21 іюля 1773 г. буллою папы Климента XIV: „Доминусъ и проч.“, официально прекращено существованіе іезуитскаго ордена, а между тѣмъ новѣйшія *морюгностическія* (?) изслѣдованія ясно доказали, что орденъ этотъ никогда не прекращалъ своего существованія, что надежнѣйшими его притонами была и осталась средняя и сѣверная Азія. Рѣшившись редактировать въ сей части свѣта газету „Сибирь“, мы сочли первымъ нашимъ долгомъ собрать предварительно полную бібліотеку изъ всѣхъ сочиненій, которыя когда-либо выходили объ этомъ орденомъ, начиная отъ Блезъ-Паскаля и кончая Гризингеромъ и Макинтошемъ. Отъ нашихъ многочисленныхъ корреспондентовъ всѣхъ частей свѣта мы узнаемъ, что и въ наступающемъ новомъ столѣтіи іезуитскій орденъ не намѣренъ прекращать своего существованія, но, напротивъ... царствовать онъ долженъ во всѣхъ частяхъ свѣта, осо-

бенно въ сѣверной Азіи, до тѣхъ поръ, пока самъ не станетъ гнущаться своего существованія или пока не лопнетъ, наконецъ, терпѣніе у всѣхъ эксплуатируемыхъ жителей земного шара“ („Сибирь“, № 6). Неопытный читатель можетъ подумать, что подобныя вещи пишутся въ припадкѣ delirium tremens, но мы, перерывъ и пересмотрѣвъ груды провинціальныхъ изданій, познакомились съ ними достаточно, чтобы завѣрить читателя, что все это пишется въ здравомъ умѣ и твердой памяти... За скудостью мѣстнаго матеріала, газеты обыкновенно берутся за совершенно посторонніе для нихъ вопросы и помѣщаютъ извѣстія, вовсе не относящіяся къ мѣсту ихъ изданія. Возьмите ту-же „Сибирь“. Подъ рубрикой „извѣстія мѣстныя“ мы читаемъ: „Японское правительство приступаетъ къ внутреннему займу въ 20,000,000 ф. стерл., для устройства сѣти желѣзныхъ дорогъ“. „По словамъ „Пекинской газеты“, нѣкоторые лица, за пожертвованіе въ пользу арміи нѣсколькихъ лошадей, вознаграждены правомъ ѣздить верхомъ въ самомъ Пекинѣ, тогда какъ безъ этого отличія должны были слѣзать, подвѣзжавъ (sic!) къ городскимъ воротамъ“ (№ 8, продолженіе). „17 октября арестованы въ С.-Франциско 13 китайскихъ мясниковъ за торговлю въ воскресный день. 16 октября въ Индіанополисѣ Уильямъ Чувъ за убійство жены приговоренъ къ повѣшенію“ (№ 3) и т. д. Конечно, даже изъ провинціальныхъ газетъ не всѣ отличаются такимъ обширнымъ пониманіемъ значенія словъ „мѣстные интересы“, какъ „Сибирь“, но всѣ онѣ болѣе или менѣе любятъ потолковать о чужихъ мѣстностяхъ. „Астраханскій листокъ“ печатаетъ корреспонденціи изъ Саратова, „Саратовскій листокъ“ — корреспонденціи изъ Астрахани, статьи объ Одессѣ и Кіевѣ; „Камско-волжская газета“ — статьи о московскихъ гуляньяхъ (№ 68) и множество статей о Сибири; „Донъ“ говоритъ объ Иркутскѣ, „Сибирь“ о Воронежѣ, и т. д., и т. д. Дѣло доходитъ до того, что газета, издающаяся въ одномъ краѣ, становится органомъ другого края, въ которомъ она почти вовсе не выписывается и не читается!... Къ довершенію всего, самыя живыя и интересныя статьи о провинціи, при данныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится обывательская журналистика, могутъ быть помѣщаемы только въ столичныхъ изданіяхъ. Отдѣлъ мѣстныхъ извѣстій и корреспонденцій поэтому крайне недолонъ и вялъ во всѣхъ

провинціальныхъ газетахъ. Въ нихъ помѣщаются, напр., такія корреспонденціи: „*Балахна* (корреспонденція Листка). 28 сентября балахнинскій мѣщанинъ въ петрезвомъ видѣ обварилъ кипяткомъ сына своего Гавріила“ (Нижегородскій лист., 1872, № 124),—и только! А то сообщается не менѣе интересное извѣстіе, что какого-то вучера разпесли лошади и онъ вылетѣлъ изъ саней „вверхъ тормашками“. Впрочемъ, послѣднее извѣстіе изъ „Камско-волжской газеты“, которая ведетъ мѣстную хронику гораздо толковѣе другихъ изданій и вообще отличается умнымъ выборомъ мѣстныхъ извѣстій.

Самая интересная сторона мѣстнаго отдѣла—гласность, отъ которой такъ и вѣтъ былими временами Льва Камбека, Вернадскаго и Громеки. Обличительство до сихъ поръ осталось страстью провинціаловъ. Чего и кого только они не обличаютъ! Обличаютъ волковъ, которые жить не даютъ людямъ и ведутъ себя не лучше старинныхъ воеводъ (Сарат. лист., 1872, № 216). Обличаютъ собакъ, которыя въ однихъ городахъ „безпрестанно бѣгаютъ по улицамъ“ (ib., 1873, № 14), а въ другихъ не даютъ прохода, такъ что обыватели „съ 5 часовъ вечера сидятъ дома“ (Донъ, 1872, № 87). Обличаютъ падалъ, валяющуюся по улицамъ (Сар. л., 1872, № 166). Обличаютъ парикмахеровъ, которые „вмѣсто того, чтобы быть каждую минуту что-называется на сторожѣ при перемѣнахъ модъ, спятъ и спятъ. А между тѣмъ воронежскія дамы, платя дорогія деньги, отстаютъ отъ модъ на-столько-же, на-сколько отстаютъ отъ современной жизни „Епархіальныя вѣдомости“ (Донъ, 1873, № 1). Обличаютъ недобросовѣстныхъ мастеровыхъ, берущихъ дорого за работу и выполняющихъ ее неакуратно (Астрах. л., № 44). Обличаютъ какого-нибудь пасквилянта, который осмѣлился описать „каждаго гражданина, имѣющаго мало-мальски достаточныя средства въ матеріальномъ отношеніи“ (Донъ, 1872, № 80). Обличаютъ какого-нибудь „члена клуба, который, владѣя большимъ аппетитомъ, сѣдаетъ по цѣлой селедкѣ за каждой рюмкой зелена-вина“ и даже дерется съ прислугой (ib., № 66). Обличаютъ скупщиковъ говядины, докторовъ, которые лечатъ, но не вылечиваютъ, „господъ, занимающихъ деньги безъ отдачи“ (ib., № 87), прислугу, до того дурную, что „если собрать въ одно мѣсто всѣхъ страждущихъ отъ разныхъ недуговъ, физиче-

скихъ и нравственныхъ, и раздѣлить ихъ по категориямъ, то самый большой процентъ, конечно, падеть на группу *страдалицъ отъ прислуги*“ (Сарат. л., 1872, № 167). Обличаютъ пьяницъ (ib., 168), „небрежность и публичное неращество обывателей“ (ib., 159; 1873, 54), дурное состояніе мостовныхъ, тротуаровъ, буфетовъ, трактировъ (ib., 272 и др.), городскихъ фонарей (ib., 1873, 15), плутни извозчиковъ, скандалы въ клуббахъ (Донъ, 1873, № 2) или такіе казусы: „въ нашемъ театрѣ надняхъ произошелъ казусъ, ради котораго одна изъ обширнѣйшихъ ложъ никогда уже не будетъ заниматься лицомъ, абонировавшимъ эту ложу втеченіи цѣлаго полстолѣтія“ (ib., 1872, № 70). Манія обличительства не знаетъ границъ,—даже физиономіи обличаютъ! „Астраханскій листокъ“, напр., обличаетъ какихъ-то трехъ „полуаристократовъ, при встрѣчѣ съ которыми самъ чортъ счель-бы своимъ непремѣннымъ долгомъ отплеваться на всѣ четыре стороны. У одной рожа точно тарелка, у другой—точно въ мукѣ выпачкача, а у третьей... ну, ужь о третьей позволте промолчать“ (№ 18). Дерзновеніе обличителей доходитъ до того, что иногда они касаются даже квартальныхъ надзирателей (Сибирь, № 10), а ужь „аблакатамъ“ такъ отъ нихъ просто житья нѣтъ. Даже добродушный „Астраханскій листокъ“ издѣвается надъ ними, а саратовскій постоянно громитъ ихъ и въ стихахъ и въ прозѣ (1872, 192, 138, 178, 279 и мн. др.), въ такомъ, напр., родѣ —

Разъ по Невскому въ трущобы
 Пробирался аблакать:
 Сторонились, какъ отъ злобы,
 Православные назадъ!
 Онъ не волкомъ въ полѣ рыщетъ,
 По дубравамъ не шумитъ!
 Мужика съ мощною ищетъ —
 Современный паразитъ!

Въ „Саратовскомъ листкѣ“, впрочемъ, есть нѣсколько недурныхъ очерковъ изъ адвокатской жизни.

Дерзновенность провинціальныхъ обличителей тѣмъ замѣчательнѣе, что ихъ положеніе далеко незавидно. „Надобно, говорить якутскій корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, — имѣть много гражданской доблести даже для того, что-бы

написать въ корреспонденці голые факты и цѣны на съѣстные припасы“. Обличителямъ постоянно грозить опасность подвергнуться потасовкѣ, и гуманная редакція „Дона“ даже считаетъ долгомъ предупреждать своихъ корреспондентовъ объ этой опасности. Вотъ что пишетъ она какому-то Т—ву: „Сообщаемъ вамъ свѣденія о Землянскѣ—старая пѣсня; для Землянска нужно не ваше слабое перо, а перо обличителя съ огненной рѣчью. Землянцы не послушаютъ васъ, а скорѣе какъ-нибудь провѣдаютъ о васъ, какъ о корреспондентѣ, и намнутъ вамъ бока, какъ это уже и случилось съ однимъ изъ нашихъ землянскихъ корреспондентовъ“ (1872, № 79). Само собою понятно, что если уже „слабое перо“ ведетъ къ такимъ неприяностямъ, то „перо обличителя съ огненной рѣчью“ не только не спасаетъ его, но даже усугубляетъ опасность. Вотъ что заявляетъ, напр., астраханскій обличитель „съ огненной рѣчью“, г. Брузе, по поводу намѣренія обличеннаго имъ М—ча „задать ему взбучку“. „Свѣденіе о намѣреніи г. М—ча задать мнѣ взбучку доставлено мнѣ нѣкимъ Д—мъ, который частенько бываетъ въ театральныхъ маскарадахъ и у котораго недавно исчезъ, яко дымъ, новый, только-что купленный имъ шарфъ... Сознаюсь, что богатырскій кулакъ г. М—ча сразу сотретъ меня съ лица земли... Но какой-же результатъ получится отъ подвига г. М—ча? Въ „Листкѣ“ только не будутъ появляться мои статьи, а г. М—ча, котораго, по всей вѣроятности, будетъ терзать совѣсть, упрячуть туда, куда Макаръ и телякъ не гонялъ“ (Астр. л., 1872, № 18). Иногда, впрочемъ, взбучка замѣняется площадною полемическою бранью, которая, вѣроятно, служитъ не малую потѣхою для провинціальныхъ читателей. Ругаются много и здорово. Ругаются между собой сотрудники одного и того-же изданія, ругаются обыватели съ журналистами, ругаются журналисты съ адвокатами, ругаются актеры съ журналистами; даже взаимная брань обывателей нерѣдко переносится на страницы періодическаго изданія. Между собой провинціальныя газеты грызутся рѣдко; онѣ или игнорируютъ другъ друга, или, упоминая съ достоинствомъ о другихъ изданіяхъ, дѣлаютъ видъ, что много толковать съ такою дрянью онѣ не желаютъ. Вотъ что пишетъ, напр., „Сибирь“ редакціи „Вятскихъ вѣдомостей“. „Не можетъ быть, чтобы номера „Сибири“, адресуемые въ вятское

губернское правленіе, не доходили-бы до своего назначенія. Присиль избавить насъ отъ неосновательныхъ претензій“ (№ 13).

Обличеніа, взбучки корреспондентовъ, неумолкаемая брань и гутъ неопытнаго читателя навести на мысль, что журналисты-обыватели очень злы. Э, полноте, какая тутъ злость! Это самые мягкіе люди. Посмотрите, какіе они патріоты, какъ каждый изъ нихъ любитъ свое гнѣздо. — „Сибирь“, любишь-ли ты свою страну? — „Страстно люблю“, отвѣчаетъ „Сибирь“, потому что „не только не ниже, но гораздо выше стоитъ сибирскій народъ передъ простолюдинами внутреннихъ губерній имперіи“ (№ 8), потому что „въ ней встрѣчаются люди съ замѣчательными артистическими талантами. Въ числѣ многихъ художественныхъ произведеній за послѣднее время золотое блюдо и солонка работы гг. Любенау, Дамже и Шумвовскаго приводили въ восторгъ населеніе Иркутска“ (№ 13). Хотя изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что эти господа поляки и самъ издатель-редакторъ изъ заѣзжихъ чиновниковъ, но это нисколько не мѣшаетъ его патріотическимъ изліяніямъ. Жаль только, что они излагаются прозой, а не стихами. Въ стихахъ оно вышло-бы чувствительнѣе. Положимъ, что въ Иркутскѣ, можетъ быть, и нѣтъ стихотворцевъ, но вотъ Астрахань, — въ ней поэтовъ такъ-же много, какъ стерлядей; но и Астрахань, въ сожалѣнію, услаждается патріотизмомъ тоже не въ стихахъ. А какіе прелестные стихи вышли-бы изъ рацеи „о томъ, похожа-ли Астрахань на Азію?“! Рацея написана въ опроверженіе тѣхъ, которые считаютъ Астрахань городомъ азіятскимъ. „Полемизировать съ подобнаго рода господами, конечно, не стоитъ, а если-бы только возможно было, то я вотъ-бы какую штуку сыгралъ съ такими писателями: схватилъ-бы одного изъ нихъ, завязалъ-бы ему глаза и перенесъ мгновенно въ заведеніе, не говорю ужъ Ельнева, а хоть-бы Мочалова, во время танцевальнаго вечера. Великолѣпно освѣщенный залъ, стройно величественный оркестръ музыкантовъ подъ управленіемъ нашего знаменитаго маэстро Лалаева, всѣ дамы и дѣвицы въ прелестныхъ платьяхъ; всюду бархатъ, блонды и кружева, — однимъ словомъ, все въ костюмѣ дамъ говоритъ объ артистическомъ искусствѣ г-жъ Галицкой, Насухиной и др. нашихъ замѣчательныхъ модистовъ. При этомъ взоръ вашъ вездѣ поражаетъ чудные, оборожительные шиньоны, легкими струйками

лобзающіе прелестныя, миниатюрныя шейки... Всюду, вмѣстѣ съ тонкими букетомъ амбре, резеды, геліотропа, носятся французскія фразы: „*пардонъ, мерси, пермете*“ и т. п. Танцуютъ лянсье... Итакъ, перенеся одного изъ упомянутыхъ господъ въ столь блестящую среду, вдругъ развязать-бы ему глаза и спросить: „А ну-ка, молъ, любезный, отгадай, гдѣ ты находишься? Какой такой народъ видишь ты передъ собой,—дикихъ-ли азіатовъ?.. Боже мой, какъ-бы онъ былъ уничтожень“ (А. л., 1872, № 12), особенно, если-бы допросъ этотъ учинить по-астрахански „съ пристрастіемъ“ взбучки!.. Но не, одними шиньонами и шейками знаменита Астрахань; она прославлена и многими великими *мужами*. № 1—В. К. Третьяковскій, похвальное слово коему смотри въ 24 № „Астраханскаго листка“, 1872 г. № 2; № 2—Батыръ Ханъ Тайдзи; № 3—Бекетовъ, губернаторъ съ 1763 г.; № 4—„*золотой догъ*, великій каменный домъ, построенный Батыемъ“ и помѣщенный редакціей „Листка“ въ списокъ замѣчательныхъ людей; № 5—„*торгоуты*—калмыцкое племя“, тоже помѣщенное въ списокъ замѣчательныхъ людей (А. л., 1873, № 8) и т. д. Генераль Слѣпцовъ, „кавказскій герой“, тоже сопричисленъ въ ликъ астраханскихъ знаменитостей,—*по-сосѣдству* (ib., № 19). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что астраханскій патріотизмъ еще довольно скромнѣе сравнительно съ патріотизмомъ Саратова, который *въ будущемъ* претендуетъ на всемірно-историческое значеніе, такъ-какъ черезъ него, можетъ быть, пройдетъ кратчайшій путь въ Индію, „крайними точками котораго будутъ со стороны Россіи Саратовъ, со стороны Остъ-Индіи—*Кошевара*“ (такъ „Листокъ“ перекрестилъ Пешаверь) (1872, № 221). Мѣстный патріотизмъ газетъ до того силенъ, что при всемъ своемъ обличительномъ направленіи, онъ щедръ на панегирики кому слѣдуетъ, напр., своей полиціи (ib., № 262). „Сибирь“ даже захлебывается отъ удовольствія, когда ей приходится „коснуться особы“ (№ 1)... Видите, какіе это великіе патріоты и люди *себѣ-на-умѣ*.

Переходя къ самому серьезному отдѣлу провинціальныхъ изданій, къ разработкѣ мѣстныхъ вопросовъ, мы замѣчаемъ, что они занимаютъ больше всего вопросовъ объ общественныхъ удовольствіяхъ. Листки: „Астраханскій“, „Саратовскій“, „Сибирь“, „Донъ“, „Камско-волжская газета“ больше всего заняты театромъ и теат-

ральныя рецензіи наполняютъ собою постоянно столбцы ихъ. Много-бы можно извлечь изъ этихъ рецензій для характеристикъ провинціальной жизни, но мы не хотимъ увеличивать объема своей статьи и уважемъ только на одинъ тотъ фактъ, что Оффенбахъ въ полномъ ходу уже во всѣхъ большихъ городахъ, а въ Иркутскѣ въ его опереткахъ вмѣстѣ съ актерами участвуетъ нѣсколько солдатъ изъ мѣстной команды. Итакъ, театры, балы, гулянья — вотъ главный сюжетъ журналистовъ-обывателей. Вотъ что говорить, напр., авторъ одной передовой статьи: „Нельзя не пожелать, чтобы общественная жизнь въ г. Астрахани получила большую оживленность; чтобы театръ, этотъ храмъ Терпсихоры, Талии и Мельпомены, нашелъ себѣ покровителей и поощрителей въ лицахъ наиболѣе вліятельныхъ; чтобы городское управленіе повелѣло очистить катокъ на канавѣ; чтобы пивники посѣщались оживленіемъ астраханскою публикою, такъ-какъ это *учрежденіе* (sic!) служить много къ поляризаціи общества; но всего желательнѣе, чтобы нашлись люди съ высокой душой, благороднымъ сердцемъ и самыми благотворительными тенденціями и сумѣли пробудить въ астраханскомъ обществѣ желаніе и любовь соединять пріятное съ полезнымъ и благотворнымъ“ („А. л.“ 1872, № 6). И это у нашей обывательской журналистики называется *слѣдить неуклонно за общественными вопросами мѣстной жизни*. Клубная жизнь — также одинъ изъ главныхъ вопросовъ провинціальной прессы („Донъ“, 1872, 95; 1873, № 7 и мн. др.). Провинцію заѣдаетъ скука; обыватели и журналисты-обыватели толкуютъ поэтому больше всего о томъ, какъ-бы избавиться отъ скуки (ib., № 4). Обсужденіе собственно мѣстныхъ вопросовъ силось и рядомъ ничто иное, какъ переливаніе изъ пустого въ порожнее. Въ „Саратовскомъ листѣ“, напр., постоянно спорятъ о томъ, откуда — изъ Волги или изъ Пановскихъ ключей брать воду для будущаго водопровода, о которомъ хлопчутъ уже лѣтъ семьдесятъ. Та-же комедія творится и въ Казани, гдѣ вопросъ о водопроводѣ обсуждался цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ. Или вотъ въ Саратовѣ патріоты возмнили, что имъ необходимъ свой университетъ, и пошли писать („С. л.“, 1872, № 131). Другіе начали доказывать, что въ университетѣ вовсе нѣтъ надобности (№ 139 и др.). Поговорили, поговорили, да и замолчали, въ ожиданіи благопріятнаго случая для поднятія но-

ваго подобнаго вопроса, а какой-то корреспондентъ изъ Петербурга, въ заключеніе спектакля, началъ ругать саратовцевъ, что они замолчали объ университетѣ (№ 169).

Отдѣлъ мѣстныхъ вопросовъ и извѣстій лучше всего ведется въ „Камско-волжской газетѣ“ и въ листкахъ „Гдовско-ямбургскомъ“ и „Саратовскомъ“. Въ послѣднемъ, кромѣ упомянутыхъ уже очерковъ адвокатской жизни, мы находимъ довольно интересныя статьи о ссудныхъ товариществахъ (1873, № 47), о пролетаріатѣ по отношенію къ мѣстному народонаселенію (1872, № 247—248, 278), о положеніи модистовъ и трактирныхъ арфистовъ (200, 267, 271), о школахъ, читальняхъ, бібліотекахъ и т. д. „Камско-волжская газета“ бѣднѣе „Саратовскаго листка“ мѣстными извѣстіями, ея беллетристика слабѣе саратовской, но за то она вполне грамотна, опрятна, въ ней вы не встрѣтите ерунды и нѣрѣдко найдете чрезвычайно любопытныя корреспонденціи, умныя и живыя статьи. Но горе въ томъ, что эти любопытныя корреспонденціи относятся не къ камско-волжскому краю, а эти умныя и живыя статьи — которыя болѣею частью тоже не относятся къ краю — мало придаютъ достоинствъ этой газетѣ, какъ *мѣстной*. Въ этомъ отношеніи „Камско-волжская газета“ имѣетъ общій всѣмъ провинціалнымъ изданіямъ и уже упомянутый нами недостатокъ — заниматься вопросами и сюжетами не своей, а чужой области. Этотъ недостатокъ замѣтенъ даже въ ученыхъ провинціальныхъ изданіяхъ. Въ Иркутскѣ издаются, напримѣръ, „Извѣстія сибирскаго отдѣла географическаго общества“. Намъ случайно попалъ въ руки одинъ № ихъ за настоящій годъ. Прочли мы его съ начала до конца — и хоть-бы одно новое или интересное свѣденіе нашли въ немъ о географіи Сибири! Но за то въ концѣ напечатана очень интересная статья г. Черскаго „Случай уродливости поросенка“. Одинъ только этотъ поросенокъ и скрасилъ №, одинъ только онъ и выручилъ его. Не будь этого поросенка — который нисколько не относится къ географіи Сибири — номеръ географическаго журнала можно-бы не читая бросить въ печку. То-же самое можно сказать о нѣкоторыхъ газетахъ: не будь въ нихъ статей, относящихся къ другой мѣстности, онѣ ничѣмъ не выше были-бы остальныхъ мѣстныхъ изданій. Понятно, конечно, что при данныхъ условіяхъ о какой-нибудь Кам-

чаткѣ несравненно удобнѣе писать и печатать ее въ Петропавловскѣ, а гдѣ-нибудь въ Пензѣ, но все-таки въ Пензѣ камчатская газета не можетъ имѣть тѣхъ удобствъ и достоинствъ и не будетъ выписываться въ Камчаткѣ въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какъ въ томъ случаѣ, если-бы она издавалась въ Петербургѣ. Нѣтъ спора, что у насъ есть нѣкоторыя мѣстности, рѣзко отличенныя своими индивидуальными чертами, имѣющія свои насущныя потребности — умственныя, промышленныя социальныя и т. п. и потому положительно нуждающіяся въ своихъ литературныхъ органахъ. Но издавать ихъ какъ слѣдуетъ на мѣстѣ пока положительно невозможно. Возьмите, напр., Сибирь: сколько уже было тамъ сдѣлано опытовъ изданія мѣстной газеты? „Амуръ“ Загоскина, „Сибирскій вѣстникъ“ Милютина погибли въ цвѣтѣ лѣтъ и имъ наслѣдовала слюноточивая, юродивая „Сибирь“, которая тоже на ладнѣ дышетъ. По нашему мнѣнію, издавать сибирскую газету можно только въ Петербургѣ, и издавать такъ, чтобы она была и мѣстнымъ органомъ, и ежедневною общеою газетою, которая-бы замѣняла сибирякамъ выписываемыя ими „Голосъ“, „С.-Петербургскія вѣдомости“ и т. д. Что-же касается газетъ астраханскихъ, воронежскихъ, саратовскихъ, одесскихъ, нижегородскихъ и т. д., то въ настоящее время онѣ могутъ быть полезны только какъ *справочные листки* (какъ и называются многія изъ нихъ), въ которыхъ ведется мѣстная хроника, разрабатываются вопросы мѣстной статистики и т. д. Фразы о пробужденіи самостоятельной провинціальной мысли остаются фразами и общественное мнѣніе провинціи не нуждается ни въ какихъ органахъ. Провинціальной публикѣ нужны только листки объявленій, и этими-то объявленіями, а не служеніемъ „самостоятельной провинціальной мысли“ живутъ и держатся „Донъ“, „Саратовскій листокъ“, „Казанскій биржевой листокъ“, „Нижегородскій“ и „Астраханскій“ листки. „Саратовскій листокъ“, напр., выходитъ ежедневно и съ однихъ только объявленій выручаетъ въ день 50—100 рублей. Конечно, фельетоны, корреспонденціи и разныя извѣстія служатъ хорошею приправою, безъ которой газета съ одними только объявленіями расходилась-бы меньше; но все-таки нельзя не утверждать, что существованіе потребности въ мѣстномъ органѣ можетъ доказать только изданіе, которое расходилось-бы и существовало, какъ газета, а не какъ листокъ объявленій. Конечно, люди

съ особенными талантами могутъ пробудить въ провинціи потребность мѣстной журналистики и создать эту журналистику, но такихъ людей, такихъ талантовъ мы не видимъ. „Камско-волжская газета“—лучшая изъ провинціальныхъ—жалуется, что „въ литературѣ господствуетъ централизмъ и монополія столичной печати; лучшія силы бѣгутъ на берега Невы, вмѣсто того, чтобы трудиться въ провинціи“, и затѣмъ начинаетъ читать мораль этимъ „лучшимъ силамъ“, укоряя ихъ въ узкомъ эгоизмѣ и недостаткѣ патріотическаго самоотверженія (№ 39). „Лучшія силы, говоритъ газета,—не должны стремиться на берега Невы, а обязаны оставаться на берегахъ Камы, Волги, въ Ардатовѣ, Царевосанчурскѣ и т. д., и заниматься здѣсь мѣстными вопросами.“ Подобныя требованія свидѣтельствуютъ, конечно, о возвышенности чувствъ камско-волжскихъ патріотовъ, но имъ не мѣшало-бы сообразить о слѣдующемъ обстоятельстве: лучшихъ литературныхъ силъ мало даже въ Петербургѣ, куда онѣ стекаются со всей Россіи и гдѣ ихъ едва достаетъ для поддержанія обще-русской журналистики, необходимость которой, конечно, не отвергается и мѣстными патріотами. Что-же было-бы съ нашей журналистикой, если-бы проповѣдь камско-волжскаго писателя подѣйствовала и многія литературныя силы занялись-бы разработкою мѣстныхъ вопросовъ въ мѣстныхъ органахъ? Столичная журналистика пала-бы еще ниже, чѣмъ теперь, а въ вашихъ милыхъ провинціяхъ для лучшихъ силъ оказалась-бы невозможною даже та ограниченная литературная дѣятельность, какой онѣ посвящаютъ себя въ Петербургѣ. Чѣмъ незавиднѣе положеніе столичной журналистики, тѣмъ большаго сосредоточиванія силъ требуетъ ея поддержаніе, и централизація при данныхъ условіяхъ является совершенно естественною и неизбѣжною. Другое-бы дѣло, если-бы столичная журналистика процвѣтала, а общественное сознаніе провинціи требовало-бы своихъ отдѣльныхъ литературныхъ органовъ. Тогда безъ всякихъ проповѣдей, безъ всякихъ наивныхъ или даже фальшивыхъ воззваній къ мѣстному патріотизму писателей, литературныя силы распредѣлились-бы иначе, чѣмъ теперь, и оживили-бы провинціальную журналистику. Ну, а теперь, скажите на милость, какое это сознаніе пробудилось, какіе это мѣстные, живые вопросы возникли, о которыхъ кричить и толкуеть обывательская печать и для рѣшенія которыхъ тре-

буются „лучшія“ литературныя силы? Для составленія мѣстныхъ хроникъ, для занятій мѣстной географіей и статистикой, для обсужденія такъ-называемыхъ земскихъ вопросовъ достаточно (хотя не вездѣ) и наличныхъ силъ. Добросовѣстное и толковое изученіе этихъ мѣстныхъ вопросовъ въ высшей степени желательно, и провинціальные изданія были-бы явленіемъ вполне цѣлесообразнымъ и наиболѣе подходящимъ къ даннымъ условіямъ, если-бы они посвятили себя исключительно этому изученію. Къ сожалѣнію, провинціальная печать удаляется отъ столь простой и легко выполнимой задачи, задаваясь цѣлями, которыя не ясны даже для нея самой...

Окончивъ нашу бесѣду съ провинціальной журналистикой, къ которой мы, вѣроятно, уже долго не возвратимся, мы намѣрены заняться обзоромъ столичной прессы — этой *alta mater* своего родного дѣтища — обывательской прессы. Мы увидимъ, что матушка не особенно далеко ушла отъ своей дочки.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Неопредѣленность положенія дѣлъ во Франціи.—Биографическія свѣденія о герцогѣ Брольи. — Его непривлекательная наружность. — Происхожденіе Брольи. — Пожалованный въ государственные люди Викторъ Брольи. — Французскіе виги. — Значеніе Виктора Брольи во время іюльской монархіи.—Дебютъ Альбера Брольи въ литературѣ. — Либеральный иезуитизмъ герцога Альбера. — Интрига либеральныхъ католиковъ во Франціи. — Вельо, защищающій справедливость. — Оппозиція герцоговъ Брольи во время второй имперіи.—Дѣло Тэла.—Союзъ либераловъ со второй имперіей. — Интрига, организованная Альберомъ Брольи противъ Тьера. — Брольи, вице-президентъ совѣта. — Неудача, постигшая его первую министерскую рѣчь.—Инсинуаціи Брольи на Францію.—Его промахи, какъ министра иностранныхъ дѣлъ.—Надежды, питаемыя монархическими партіями на Мак-Магона.—Вѣроятная ошибочность ихъ расчетовъ.—Утвержденіе республики.

Мы еще не давали нашимъ читателямъ подробнаго отчета о дѣятельныхъ интригахъ правой стороны и праваго центра версальскаго національнаго собранія въ пользу возстановленія во Франціи монархіи и возведенія на престолъ графа Шамбора. Мы намѣревались представить этотъ отчетъ въ настоящей хроникѣ, но послѣднія событія, совершившіяся во Франціи, побудили насъ отложить его печатаніе до тѣхъ поръ, пока они не уяснятся настолько, что можно будетъ сдѣлать какіе-нибудь правильные выводы. Хотя попытка возвести на французскій тронъ графа Шамбора окончательно не удалась, но тѣмъ не менѣе партія, управлявшая этимъ дѣломъ, явилась съ новымъ предложеніемъ, при осуществленіи котораго она можетъ достигнуть тѣхъ-же цѣлей, которыхъ она предполагала добиться реставраціей Бурбоновъ. Замыслы тѣ-же, только выражены они въ нѣсколько иной

формѣ. Эта партія внесла въ палату предложеніе о продленіи власти Мак-Магона и добилась его принятія. Ходилъ также слухъ, что орлеанисты замыслили сдѣлать президентомъ республики герцога Омальскаго. Выступали на сцену и другія комбинаціи... „Дѣло“, какъ изданіе, выходящее всего 12 разъ въ годъ, не можетъ сообщать политическія извѣстія съ такою полнотою (относительно фактовъ), какъ ежедневныя газеты; оно считаетъ своей обязанностью объяснять нравственное значеніе извѣстнаго событія, а это возможно только въ такомъ случаѣ, если событія уяснились на-столько, что изъ нихъ можно дѣлать безошибочные выводы.

Не имѣя права излагать ходъ событій во Франціи въ послѣднія недѣли, мы займемся главными руководителями неудавшейся интриги, герцогомъ Брольо и г-номъ Беле, и представимъ здѣсь возможно-полную характеристику ихъ.

Въ прочихъ государствахъ Европы и Америки въ это время не случилось никакихъ особенно-выдающихся событій, которыя могли-бы послужить темой для ежемѣсячнаго обзоренія.

Герцогъ Брольо.

I.

Альберъ Брольо имѣетъ теперь 50 лѣтъ отъ роду; онъ еще молодой человекъ по сравненію съ Тьеромъ, котораго онъ свергъ именно въ то время, когда въ немъ особенно нуждалась Франція. Герцогъ Брольо высокъ ростомъ, но не особенно сильнаго сложенія. Его маленькіе черные глаза почти совсѣмъ непримѣтны изъ-подъ его густыхъ, нависшихъ бровей; носъ у него крючковатый; скулы выдающіяся; щеки отвислыя; лобъ узкій; волосы твердые и стоячіе, расчесать которые стоитъ большого труда. Если-бъ не густые усы, его можно было-бы принять за аббата. Когда герцогъ Брольо говоритъ въ палатѣ, его непріятно слушать, такъ-какъ голосъ у него рѣзкій, кричащій; онъ произноситъ букву *ж*, какъ *з*. Въ обыкновенномъ разговорѣ тонъ его голоса льстивый; онъ говоритъ нѣжно, слащаво; но, по мѣрѣ того, какъ онъ приходитъ въ волненіе, онъ начинаетъ пыхтѣть, свистать, харкать, кричать и тре-

щать; когда-же онъ выходитъ изъ себя, то гнѣвъ его бываетъ похожъ на гнѣвъ евнуховъ восточныхъ владѣтелей, какихъ представляетъ намъ восточная поэзія. О немъ можно сказать, что у него голова старухи или аббата на туловищѣ драгуна, а органъ его голоса похожъ на органъ тенора итальянской оперы, страдающаго простудой. Фигура его внушительная, но поражаетъ своей странностью и производитъ далеко не пріятное впечатлѣніе. Физическимъ качествамъ герцога болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ и его нравственныя свойства. Въ немъ изумительно уживаются противоположныя крайности: онъ въ одно время можетъ быть и аскетомъ, и рѣшительнымъ скептикомъ, фатомъ и государственнымъ человекомъ.

Соединеніе такихъ крайностей въ характерѣ герцога Брольи дало поводъ нѣкоторымъ изъ его друзей утверждать, что у него богато-одаренная натура, что у него могучая организація. Но друзья его положительно увлекаются—одни искренно, другіе на мѣренно. Герцогъ Брольи, дѣйствительно, обладаетъ многими способностями, но все онъ весьма посредственнаго качества. У герцога много талантовъ, но самыхъ вульгарныхъ. Его побуждаютъ къ дѣятельности не возвышенныя идеи, не желаніе принести пользу или исполнить свой долгъ, а просто узкій личный эгоизмъ, сильное честолюбіе и зависть.

Брольи итальянскаго происхожденія; они родомъ изъ Савойи. Одинъ изъ предковъ герцога Альбера переселился во Францію вмѣстѣ съ Мазариномъ, у котораго онъ занималъ какую-то должность по домашнему хозяйству. Иные утверждаютъ даже, что онъ былъ простымъ лакеемъ аббата, сдѣлавшагося впоследствии первымъ министромъ Франціи.

Кому неизвѣстна дѣятельность кардинала Мазарина во Франціи; онъ безцеремонно грабилъ страну, которую никогда не считалъ своимъ отечествомъ, и оставилъ послѣ себя громадное состояніе. Богатѣя самъ на счетъ Франціи, страдавшей отъ междоусобныхъ войнъ и голода, Мазаринъ не забывалъ своихъ ближайшихъ слугъ и помощниковъ. Брольи былъ изъ числа особенно щедро награжденныхъ министромъ. Онъ быстро возвышался по ступенямъ соціальной лѣстницы и мы, еще при его жизни, встречаемъ его старшаго сына въ спискѣ генераловъ. За свои подвиги въ Палатинатѣ этотъ Брольи получилъ достоинство маршала, а

по заключеніи мира германскій императоръ сдѣлалъ его княземъ священной римской имперіи. Съ этой поры старшій въ родѣ Броли сталъ носить титулъ герцога, а его старшій сынъ именоваться княземъ. Но, несмотря на быстрое возвышеніе этихъ савояровъ, несмотря на то, что фамилія Броли насчитываетъ въ своемъ родѣ трехъ маршаловъ Франціи, старая французская аристократія всегда считала и до сихъ поръ считаетъ герцоговъ Броли выскочками.

Во время первой французской революціи Броли эмигрировали и одинъ изъ нихъ, маршалъ Броли, командовалъ въ Арденахъ корпусомъ эмигрантовъ. Жалоба, поданная въ конвентъ жителями деревни Ванкъ, раскрываетъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгалъ маршалъ, сражаясь противъ своихъ соотечественниковъ. Онъ сжегъ эту деревню и окончательно разрушилъ ея несчастныхъ жителей за то, что они отказались дать продовольствіе его отряду, и отказались болѣе потому, что сами терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Маршалъ попался въ плѣнъ и былъ гильотинированъ 10 іюля 1794 года. Въ его приговорѣ упомянуто и о жестокостяхъ, совершенныхъ имъ надъ населеніемъ деревни Ванкъ.

Сынъ маршала и отецъ настоящаго герцога Броли, Викторъ Броли, обыкновенно считается дѣльнѣйшимъ изъ всѣхъ Броли, прошедшихъ и настоящихъ. Враги Альбера Броли, въ пику ему, зовутъ его отца „знаменитымъ“, а его самого величаютъ „жалкой посредственностью“. Намъ кажется, что эти господа несправедливы къ герцогу Альберу, который, право, въ очень немногомъ уступаетъ своему отцу. Герцогъ Викторъ былъ человѣкъ рѣшительный, рѣзкій, даже жестокій, и, благодаря этимъ качествамъ, часто попадалъ въ просакъ. Герцогъ Альберъ не обладаетъ этими способностями, за то онъ пронырливъ, и потому его труднѣе обойти и провести. Герцогъ Викторъ былъ логичнѣе и разумнѣе своего сына, но Альберъ хитеръ. Мы увѣрены, что если бы отецъ и сынъ Броли явились соперниками на должность перваго министра, осторожные люди навѣрное предпочли-бы Альбера Виктору.

Писатели либеральной партіи возвеличили герцога Виктора Броли и возвели его въ санъ великихъ государственныхъ людей. Нѣсколько лѣтъ продолжалось такое поклоненіе человѣку.

неотличавшемуся во время своей политической карьеры ни замѣчательными способностями, ни административными талантами. Теперь даже многіе изъ панегиристовъ герцога Викторя съ изумленіемъ убѣждаются, что онъ былъ очень обыкновенный человѣкъ и далеко не способный министръ.

Несмотря на то, что національный конвентъ гильотинировалъ его отца, Викторъ Брольи предложилъ свои услуги Наполеону I Бонапарту, считавшемуся „воплощеніемъ новаго порядка, сыномъ революціи“ и пр.,—Наполеону I, который въ Ліонѣ и Тулонѣ показалъ, съ какой безцеремонностью онъ третируетъ роялистовъ. Викторъ Брольи чутьемъ угадалъ, что Наполеонъ вовсе не намеренъ продолжать дѣло выдвинувшей его самой революціи; Викторъ Брольи поэтому искренно перешелъ на сторону Наполеона. Однакожь, послѣ отреченія Наполеона въ Фонтенебло, Брольи такъ же искренно явился вѣрнымъ слугою Людовика XVIII. Онъ остался вѣрнымъ этому королю и во время ста дней, онъ послѣдовалъ за нимъ въ изгнаніе въ Гентъ. Викторъ Брольи былъ настолько прозорливъ, что не могъ не понять, что послѣ русской кампаніи и лейпцигскаго пораженія Наполеону нѣтъ возможности снова подняться. Вотъ почему онъ и не забѣжалъ къ Наполеону, когда тотъ, оставивъ островъ Эльбу, высадился на берегахъ Франціи и побѣдоносно дошелъ до Парижа. Съ новымъ водвореніемъ реставраціи Викторъ Брольи получилъ снова всѣ свои титулы, а отчасти и состояніе, принадлежавшее прежде его фамиліи, и сдѣлался однимъ изъ самыхъ замѣтнѣйшихъ людей при новомъ дворѣ. Занимая при Наполеонѣ значительныя административныя должности, герцогъ Брольи могъ лучше, чѣмъ разныя маркизы Караба и г-жи маркизы Претанталь, знать дѣйствительное положеніе страны и давать королю болѣе практичныя совѣты.

Конечно, герцогъ Брольи при всякомъ удобномъ случаѣ высказывалъ свои антипатіи къ партіи, присоединившейся къ Наполеону во время ста дней, и требовалъ строгихъ мѣръ противъ „измѣнниковъ, которые его возмущали“. Однакожь, 5 декабря 1815 года онъ одинъ изъ всѣхъ членовъ палаты перовъ подалъ свой голосъ противъ осужденія на казнь маршала Нея. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ съ такимъ-же тактомъ, какой въ наше время проявилъ Тьеръ въ отношеніи Рошфора. Викторъ

Брольи не забылъ, что Ней былъ его товарищемъ по оружію; Тьеръ, уважая въ Рошфоръ замѣтнаго писателя, хотя тотъ и нападалъ лично на него, щадилъ его и противился отправленію его въ Новую Каледонію; Тьеръ отлично понималъ, что Рошфоръ, при его слабой, деликатной организаціи, не выдержитъ этой ссылки. Подобнаго такта, какой имѣлъ его отецъ, и недостаетъ Альберу Брольи. Тщетно Викторъ Гюго писалъ къ нему, какъ къ академику, и просилъ его, во имя справедливости и гуманности, не отправлять Рошфора на вѣрную смерть въ страну, гдѣ у несчастныхъ ссыльныхъ развивается болѣзнь „тоска по родинѣ“, быстро разрушающая организмъ. Тщетно замѣчательный поэтъ взывалъ къ литературнымъ воспоминаціямъ Альбера Брольи, — онъ остался непреклоненъ и отвѣтилъ, что „правосудіе должно быть одинаковымъ для всѣхъ и что высокое развитіе Генри Рошфора только еще болѣе усиливаетъ его вину“. Это-то отсутствіе такта въ Альберѣ Брольи нѣсколько оправдываетъ панегиристовъ его отца, говорящихъ, что Альберъ слишкомъ мизеренъ по сравненію съ Викторомъ.

Женитьба Виктора Брольи на Альбертинѣ Сталь много повліяла на его дальнѣйшую политическую дѣятельность. Альбертина была дочерью извѣстной писательницы. Авторъ „Корины“, дочь Неккера, какъ извѣстно, мечтала преобразовать Францію въ буржуазное, либерально-конституціонное государство. Альбертина была воспитана своей матерью въ этомъ-же направленіи и, въ политическомъ смыслѣ, слыла либералкой. Либеральная партія радостно привѣтствовала союзъ герцога Брольи съ протестанткой, внучкой женеваго банкира; ея любимымъ и желаннымъ идеаломъ всегда было тѣсное сближеніе высшей аристократіи съ высшей буржуазіей. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ своей женитьбы герцогъ Брольи быстро обратился къ либерализму.

Завидуя богатству и значенію англійской аристократіи, герцогъ Брольи захотѣлъ поднять до такой-же высоты и французское дворянство. Англійская аристократія раздѣляется на двѣ соперничающія партіи: виговъ и тори, либераловъ и консерваторовъ. Такія-же партіи Брольи предполагалъ создать во французской палатѣ пэровъ. Онъ самъ сдѣлался предводителемъ партіи виговъ, весьма ничтожной своей численностью, какой она остается и до сихъ поръ. Герцогъ Викторъ отлично понималъ,

что преданія старой французской монархіи умерли и желаніе возстановить ихъ можетъ привести только къ революціи. Поэтому онъ явился въ палатѣ ревностнымъ защитникомъ индивидуальной свободы; онъ защищалъ свободу прессы; онъ возсталъ противъ лицеѣрнаго декрета, по наружности дарующаго амнистію, но въ сущности ее отвергавшаго; онъ требовалъ полной и искренней амнистіи, безъ новыхъ ссылокъ и тюремныхъ заключеній. Въ этомъ отношеніи герцогъ Альберъ (тоже французскій вигъ, какъ онъ продолжаетъ себя величать) далеко не похожъ на своего отца; онъ твердитъ о свободѣ, но на каждомъ шагу стѣсняетъ какъ личную свободу, такъ и свободу прессы.

По мѣрѣ того, какъ реставрація усиливала реакцію, росла слава герцога Виктора, какъ либерала, [хотя, конечно, вигизмъ его оставался неподвижнымъ, ни капли не прогрессировалъ. Въ это время герцогъ приобрѣлъ громадную популярность, такъ-что на всѣхъ, кто попадалъ въ его салонъ, стали смотрѣть, какъ на людей, достойныхъ зависти. О герцогѣ Броули и о его друзьяхъ говорили, какъ о провозвѣстникахъ новой эры, съ наступленіемъ которой во Франціи водворятся счастье и благополучіе. Вскорѣ эти господа достигли власти, которая перешла потомъ къ ихъ потомкамъ и послѣдователямъ, и такъ хорошо управляли и управляютъ страной, что Франція ждетъ не дождется, когда, наконецъ, освободится отъ ихъ мудраго управленія.

Англійскіе виги въ свою пользу произвели революцію, свергнувъ бѣднаго фанатика своего права Якова II и замѣнивъ его Вильгельмомъ Оранскимъ, безпрекословно принявшимъ предложенныя ими условія. Французскіе виги порѣшили, что все неустройство во Франціи происходитъ именно отъ того, что старшая бургонская линія не понимаетъ дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей страны; слѣдовательно, если замѣститъ ее младшей линіей, воспитанной въ идеяхъ буржуазнаго доктринерства, то все пойдетъ, какъ по маслу. Карль X, французскій король, представлялъ собой Якова II англійскаго, а въ лицѣ Луи-Филиппа, герцога Орлеанскаго, являлся новый Вильгельмъ Оранскій. Переминая династію, доктринеры, впрочемъ, вовсе не желали внести какіе-нибудь новыя принципы въ управленіе: все должно было оставаться по-старому, только они кое-что подштопали, кое-что починили; къ старому дереву они привили молодую вѣтку; привитая вѣтка за-

цвѣла и дала плодъ, который втеченіи 18 лѣтъ бухнулъ, увеличивался въ размѣрѣ; наружность его была довольно красивая и казалась здоровой, но вдругъ оказалось, что внутренность его гнилая. Огромная груша, внутри вся проточенная гнилью, служила эмблемой іюльской монархіи и была воспроизведена въ тысячахъ каррикатуръ.

Викторъ Брольи, конечно, занялъ самое видное мѣсто въ новомъ правительствѣ. Главнѣйшіе представители правительства, Гизо, Тьеръ, Дюпенъ, Дюшатель, даже самъ Моле были только его агентами. Герцогъ Викторъ руководилъ всѣмъ, безъ его совѣта ничто не дѣлалось. Викторъ Брольи былъ слишкомъ большой вельможа, чтобы очень долго занимать мѣсто перваго министра. Онъ уступалъ его другимъ, но самъ постоянно оставался душою всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій; за нимъ всегда было рѣшительное слово въ важныхъ обстоятельствахъ. Ему нужна была сущность власти, а не форма, тѣмъ болѣе, что, нося званіе президента совѣта министровъ, онъ подвергался журнальной критикѣ и нападеніямъ ораторовъ оппозиціи, что ему было далеко не поутру. При своей горячности, которая съ каждымъ годомъ усиливалась, онъ сдѣлался, наконецъ, невозможнымъ, какъ министръ. Разъ выведенный изъ себя возраженіями, которыя дѣлали его проекту въ палатѣ, онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и, давъ нѣсколько краткихъ, ничего необъясняющихъ поясненій, задыхающимся отъ гнѣва голосомъ, оскорбительнымъ тономъ сказалъ: „Развѣ не ясно?“ чѣмъ вызвалъ негодующій протестъ палаты. На другой день онъ подалъ въ отставку.

По этому случаю герцогъ Альфонъ Шэ, много видѣвшій и слышавшій впродолженіи своей жизни, рассказываетъ слѣдующій поучительный анекдотъ:

„Прошло часъ или два послѣ того, какъ Викторъ Брольи получилъ отставку. Въ его домѣ приготавлились къ переѣзду на другую квартиру. Дочь его, Луиза, впоследствии г-жа Оссонвилъ, застала своего маленькаго брата Альбера въ гостиной, занятаго интереснымъ дѣломъ: перочиннымъ ножикомъ онъ строгалъ мебель. Взрослая сестра упрекнула его за такую странную шалость, которой онъ предавался, однакожъ, со страстью. „Зачѣмъ же намъ теперь заботиться объ этой мебели: вѣдь мы вышли изъ министерства“ (Мебель была казенная). Въ этомъ отвѣтѣ,

данномъ въ возрастѣ, который слыветъ нѣжнымъ, выразился весь Альберъ Брольи. Уже въ то время обнаружился его завистливый, эгоистичный, мстительный и жестокий характеръ. А въ то время онъ былъ еще совсѣмъ маленькій мальчикъ!“

Гамель рассказываетъ также очень интересное событіе изъ жизни Альбера Брольи, относящееся къ тому времени, когда онъ сидѣлъ на школьной скамьѣ.

„Наслѣдникъ герцогскаго титула, Брольи воспитывался въ то время въ бурбонской коллегіи, говоритъ Гамель.—Въ числѣ его товарищей былъ сынъ торговца бакалейнымъ товаромъ, ставшій впоследствии весьма замѣчательнымъ человѣкомъ. Сынъ торговца опередилъ въ ученіи сына герцога и получилъ награду, на которую тотъ рассчитывалъ. Возбѣшенный ввукъ г-жи Сталь, имѣвшій несравненно менѣе ума, чѣмъ его бабушка, пробормоталъ сквозь зубы: „продавецъ свѣчь!“ Эту выходку, произнесенную презрительнымъ тономъ, услышалъ юный побѣдитель на конкурсѣ и закатилъ будущему министру самую полную плюху.

„Альберъ Брольи остался тѣмъ-же на скамьяхъ національнаго собранія, какимъ онъ былъ на школьной скамьѣ. Онъ изъ тѣхъ людей, которые воображаютъ, что они явились на свѣтъ для того, чтобы пользоваться всѣми общественными выгодами и не нести за то никакихъ обязанностей. Онъ не можетъ переварить мысли, что сыновья торговцевъ бакалейнымъ товаромъ, адвокатовъ или лавочниковъ, продающихъ сукно, способны управлять Франціей не хуже герцоговъ. Этимъ объясняются его гнѣвные выходки. Въ его возраженіяхъ въ палатѣ мнѣ вѣчно слышится его знаменитая фраза „продавецъ свѣчь!“

Однакожь, надо полагать, что Альберъ Брольи вынесъ кое-что изъ школы, потому что въ 1848 году, когда ему еще не кончилось 27 лѣтъ, онъ напечаталъ свою первую статью въ „Revue des Deux Mondes“.

Друзья герцога Альбера постоянно выставляютъ, какъ признакъ его таланта, то обстоятельство, что его первая статья появилась въ журналѣ, редація котораго отличается строгимъ выборомъ статей. Но Бюлозъ, редакторъ „Revue des Deux Mondes“ строгъ съ разборомъ. Онъ одержимъ слабостью къ герцогамъ и потому снисходительно посмотрѣлъ на статью молодого Брольи, тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ, что статья прошла

через редакцію Брөльи-отца, котораго недаромъ называли „ужаснымъ савояромъ“. Это предположеніе Бюлоза въ то время раздѣляли все друзья герцога Брөльи.

Статья герцога Альбера относилась критически къ иностранной политикѣ, которой слѣдовали министры второй французской республики—Ламартинъ и Бастидь. Герцогъ старался разбить ихъ на всѣхъ пунктахъ. Мы, конечно, не намѣрены защищать этихъ министровъ, надѣлавшихъ не мало ошибокъ, но не можемъ не сказать, что доводы герцога Брөльи были крайне неубѣдительны и вообще статья оказывается весьма плохой. Теперь достоверно извѣстно, что герцогъ Викторъ не принималъ никакого участія въ составленіи этой статьи.

Если сравнить послѣднее произведеніе Альбера Брөльи, написанное имъ 25 лѣтъ спустя послѣ этой попытки, то нельзя не убѣдиться, что онъ ни на шагъ не подвинулся впередъ: онъ такъ-же тяжелъ, такъ-же вульгарно изысканъ, такъ-же скученъ, какъ и въ своей первой статьѣ. На всѣхъ его литературныхъ трудахъ лежитъ печать посредственности и отсутствія развитого вкуса. Геніи, люди оригинальные, люди съ большимъ умомъ или сильнымъ характеромъ всегда имѣютъ долгое дѣйство; въ ихъ жизни много различныхъ переходовъ. Но герцогъ Альберъ съ самаго дня рожденія высмотрѣлъ такимъ, какимъ мы знаемъ его теперь, имѣющаго уже 52 года отъ роду. Съ самаго перваго своего шага на литературномъ поприщѣ онъ сталъ на уровень самыхъ заурядныхъ изъ французскихъ академикомъ и ни на іоту не возвысился надъ этимъ уровнемъ.

Герцогъ Альберъ въ своемъ писательскомъ рвеніи нашелъ, что ему мало одного журнала г. Бюлоза и сталъ помѣщать свои статьи въ „Correspondant“—органъ либеральныхъ іезуитовъ. Здѣсь онъ проповѣдывалъ свои конституціонныя идеи и сильно нападалъ на абсолютизмъ и демократію, въ особенности на послѣднюю. Онъ объявлялъ себя послѣдователемъ Монталамбера и Лакордера, хотя въ сущности рабски слѣдовалъ идеямъ Фаллу. Въ своихъ статьяхъ онъ часто касался теологическихъ вопросовъ; онъ хвастался своими теологическими знаніями и скорбѣлъ объ одномъ, что въ его фамиліи, давшей Франціи трехъ маршаловъ, не было ни одного кардинала или архіепископа. Его младшій братъ, Поль, служившій лейтенантомъ на военномъ кораблѣ, въ-

роятно, желая пополнить этот пробѣлъ, поступилъ въ одинъ изъ монашескихъ орденовъ.

Самъ-же Альберъ, не надѣвая монашескаго платья и оставаясь либераломъ, сдѣлался рыннимъ іезуитомъ. Во Франціи это не исключительный случай. Многие изъ представителей знатныхъ фамилій, принадлежа къ либеральной партіи, обращаются въ ревностныхъ іезуитовъ. Такой либеральный іезуитъ отличается отъ ультрамонтана тѣмъ, что онъ болѣе хитеръ, болѣе лицемеренъ и болѣе утонченъ; онъ, по наружности, менѣе фанатиченъ, чѣмъ ультрамонтанъ, но опаснѣе его. Извѣстно, что іезуита считаютъ опаснѣе ультрамонтана, но либеральный католикъ несравненно опаснѣе іезуита. „Для достиженія цѣли дозволительны всякія средства“, говорятъ іезуиты, и иногда останавливаются, если средство покажется имъ слишкомъ недостойнымъ. Либеральные католики, признавая этотъ афоризмъ, дѣйствуютъ послѣдовательнѣе: ихъ не остановитъ никакое средство.

Различіе въ этомъ отношеніи между французскими іезуитами и либеральными католиками особенно ярко обнаружилось въ дѣлѣ слиянія монархическихъ партій съ цѣлью возведенія на французскій престолъ графа Шамбора.

Монархическія партіи во Франціи главнымъ образомъ раздѣлялись по вопросу о знамени, какое должна принять монархія. Либералы стояли за трехдѣльное знамя, принятое революціей 1789 года; легитимисты за бѣлое, символъ стараго порядка. Послѣ долгихъ препирательствъ обѣ партіи убѣдились, что имъ необходимо согласиться по этому вопросу, такъ какъ только въ такомъ случаѣ они станутъ большинствомъ въ палатѣ и тогда будутъ въ состояніи возстановить монархію. Для выполненія плана орлеанисты уговорили графа Парижскаго отправиться на поклоненіе въ Фродорфъ и торжественно признать бѣлое знамя. Герцогъ Парижскій отрекся отъ прошлаго Орлеанской фамиліи, и былъ признанъ наследникомъ будущаго короля Генриха V. Извѣстіе объ этомъ взволновало всю Францію; во всѣхъ провинціяхъ одинаково было выражено нежеланіе народа возвратиться къ старому порядку. Руководители интригой увидѣли, что имъ невозможно навазать Франціи монархію съ бѣлымъ знаменемъ и что имъ остается теперь сдѣлать попытку ввести парламентарную и конституціонную монархію. Тотчасъ-же была снаряжена депутація къ графу Шам-

бору изъ Сюньи, Дювиньо, Брюно и Шенелона, которая должна была уговорить короля для вида согласиться на конституціонную хартію, на трехцвѣтное знамя и пр. „Лишь-бы только получить тронъ, а тамъ никто не мѣшаетъ повести дѣло по-своему“, твердилъ Шенелонъ, и ему вторила пресса, руководимая либеральными католиками.

Всѣмъ этимъ дѣломъ заправляли монсеньеръ Дюпанлу, Фаллу, герцогъ Брольи и другіе либеральные католики, парламентаристы, конституціонисты; ихъ поддерживали либеральные органы прессы, какъ „Correspondant“, „Le Français“ и другіе. И кто-же торжественно высказался противъ ихъ пропаганды обмана, противъ ихъ лицемѣрія? Иезуиты, газета „Univers“, редактируемая Люи Велью, котораго мы должны на этотъ разъ похвалить, назвать его поступокъ честнымъ. Велью—защитникъ попорченной чести и справедливости! Но подобный вазусъ могъ случиться только при такомъ положеніи общества, когда перемѣшались всѣ понятія, когда преобладаетъ моральный беспорядокъ и царитъ совершенная неурядица! Самъ графъ Шамборъ протестовалъ противъ интриги, веденной въ его пользу. Протестовалъ и святѣйшій отецъ папа. „Католическая пресса, пишутъ въ его органѣ „Osservatore Romano“, — постоянно доказывала, что политическая партія, именующая себя „либеральными католиками“, такое-же дрянное, такое-же испорченное растеніе, какъ самъ либерализмъ,—она даже хуже его, потому что либерализмъ, во крайней мѣрѣ, чистъ отъ религіознаго лицемѣрія. Къ фактамъ, выставленнымъ нами въ подтвержденіе нашего мнѣнія, слѣдуетъ прибавить послѣднія дѣйствія либеральныхъ католиковъ во Франціи. Мы считаемъ себя вправѣ рѣшительно заявить, что, по нашему мнѣнію, либеральные католики болѣе пагубны и опасны для общества, чѣмъ самые яростные демагоги, потому что демагоги съ грубой и наглою искренностью заявляютъ о своихъ планахъ и, тѣмъ указывая силу опасности, даютъ возможность употребить противъ нихъ подходящее лекарство; между тѣмъ либеральные католики, притворяясь людьми вполне благонамѣренными, дѣйствуютъ коварно, идутъ къ цѣли кривыми путями и ловко вводятъ въ заблужденіе относительно своихъ настоящихъ дѣйствій, которыя оказываются опасными уже тогда, когда достигнуты результаты и не представляется уже возможности принять противъ нихъ своевременныя мѣры...“ Далѣе

„*Ossevatore*“ говоритъ, что „если во Франціи не удалось возстановить законной монархіи, то это случилось потому, что дѣломъ руководили либеральные католики...“ Римская газета говоритъ, что „достоинны полнаго презрѣнія эти люди, выше всего ставящіе свой узкій эгоизмъ и корыстныя цѣли“, для которыхъ „политика есть только средство удовлетворенія собственнаго честолюбія“ и которые „на общественныхъ несчастіяхъ и всеобщемъ раззореніи основываютъ собственное благосостояніе“. Газета оканчиваетъ свой протестъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что партія либеральныхъ католиковъ характеризуется „безтолковымъ смѣшеніемъ недомыслия съ высокоуміемъ“ и что отъ нея „вскорѣ останется только самое унизительное воспоминаніе...“

Слѣдовательно, сами ультрамонтане, сами іезуиты поспѣшили заявить, что они не имѣли ничего общаго съ либеральными католиками, на свой страхъ ведшими интригу, основанную на обманѣ и предательствѣ. По этому можно судить, каковы средства, къ которымъ рѣшились прибѣгнуть эти господа, если отъ нихъ съ ужасомъ отворачиваются сами іезуиты!

II.

Герцогъ Альбертъ всегда давалъ своимъ произведеніямъ громкія заглавія—конечно, съ цѣлью придать имъ болѣе значенія: „Папское владѣнство и свобода“, „Свобода божественная и человѣческая“, „Вопросы религіи и исторіи“ и т. п. Его важнѣйшими трудами были: „Церковь и римская имперія въ IV столѣтіи“, „Юліанъ отступникъ“ и „Феодосій великій“,—важнѣйшими не по литературнымъ достоинствамъ или полезности, а по количеству печатныхъ листовъ.

„Хотя-бы случайно блеснула какой-нибудь свѣтлый лучъ или появилась какая-нибудь оригинальная мысль въ этой массѣ страницъ, написанныхъ г. Брольи, говоритъ одинъ изъ его критиковъ. — Насъ изумляетъ необычайное терпѣніе автора, который продолжаетъ писать, хотя для него самого очевидно, что онъ не возвышается надъ уровнемъ жалкой посредственности“.

Во всѣхъ снотворныхъ произведеніяхъ герцога Альбера про-

водится та идея, что „своимъ прогрессомъ человѣчество обязано католической религіи, которая всегда защищала либеральныя идеи“. По его мнѣнію, произведенія средневѣковыхъ схоластиковъ принесли дѣлу прогресса несравненно болѣе пользы, чѣмъ открытія Галилея, Коперника, Кеплера, Ньютона, чѣмъ труды Декарта, Бэкона и др. „Католицизмъ всегда отличался великодушіемъ и либерализмомъ“, постоянно твердитъ Альберъ Брولي, находя, вѣроятно, великодушіе и въ такихъ дѣйствіяхъ католицизма, какъ истребленіе альбигойцевъ, мавровъ, евреевъ, убійства во время варфоломеевской ночи, истязанія жертвъ инквизиціи, драгонады. Великодушіе и либерализмъ католицизма торжественно выражаются въ современномъ жалкомъ состояніи Испаніи, Ирландіи и нѣкоторыхъ провинцій Франціи. Либерализмъ католицизма проявлялся, вѣроятно, и въ безумномъ истребленіи перловъ искусства („христіанскому глазу неприлично смотрѣть на нагія статуи“, говорили монахи), въ сожженіи библиотекъ! Но Альберъ Брولي недаромъ іезуитъ, онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ и всегда отыщетъ подходящее оправданіе. „Если нѣкоторые высшіе представители католицизма, говорятъ онъ,—вынуждены были разрѣшить истребленіе еретиковъ, то они дѣлали это для спасенія общества отъ зла“. Какъ не сказать послѣ этого, что Альберъ Брولي достойный столпъ либерализма, имя котораго должно гремять въ обоихъ полушаріяхъ!

Другъ іезуитовъ, человѣкъ, проявляющій католическій либерализмъ, всегда можетъ рассчитывать на кресло во французской академіи. Альберу Броли захотѣлось попасть туда и онъ былъ избранъ огромнымъ большинствомъ на мѣсто достопочтеннаго отца Лакордера. Но будемъ справедливы. Альберъ Брولي, уже по количеству написанныхъ имъ произведеній, все-таки болѣе имѣлъ правъ на кресло въ академіи, чѣмъ его отецъ, его зять, герцогъ Оссовиль, и даже самъ герцогъ Омальскій, которые такъ же, какъ и онъ, засѣдали и засѣдаютъ въ академіи.

Но возвратимся къ политикѣ. Мы оставили герцога Альбера сотрудникомъ „Correspondant“ и „Revue des Deux Mondes“, пишущимъ статьи противъ республики и демократіи. Затѣмъ онъ сдѣлался членомъ реакціонернаго клуба улицы Пуатье. Послѣ государственнаго переворота онъ присоединился къ академической оппозиціи противъ императора Наполеона III. Салоны обоихъ Броли,

отца и сына, такъ-же, какъ и герцога Оссонвиля, стали центромъ глухой, ожесточенной, истительной оппозиціи. Изъ ихъ салоновъ выходила масса эпиграмъ, направленныхъ противъ императрицы и новаго двора. Старая аристократія, отказавшаяся примириться съ новымъ правительствомъ, дѣлала все возможное для распространенія этихъ эпиграмъ. Либерализмъ герцога Виктора, почти замолкнувшій-было во время іюльской монархіи, снова воспрянулъ и на словахъ сталъ проявляться такъ-же энергически, какъ и до тридцатаго года. Забывая, что самъ-же онъ, Викторъ Брольи, въ 1834 году ограничилъ право ассоціаціи, онъ гремялъ теперь въ пользу расширенія этого права; онъ явился горячимъ защитникомъ свободы прессы, хотя самъ принималъ участіе въ сентябрьскихъ законахъ. Онъ краснорѣчиво защищалъ судъ присяжныхъ, вѣротерпимость, право публичныхъ преній и прослылъ львомъ либерализма. Все это говорилось въ орлеанистскихъ салонахъ и быстро разносилось по всему городу, — впрочемъ, безъ особыхъ послѣдствій для герцога Виктора. Онъ снова пріобрѣлъ громадную популярность не только въ буржуазныхъ кружкахъ, но и во всѣхъ слояхъ общества, послѣ неловкаго поступка наполеоновской полиціи, которая была на-столько наивна, что сдѣлала обыскъ въ домѣ герцога и конфисковала его весьма невинную книгу „*Vue sur le gouvernement representatif*“. Полиція держала у себя эту книгу два года, и когда всѣ комиссары ознакомились съ ея содержаніемъ, возвратила ее автору. Возвращеніе, конечно, было еще наивнѣе, чѣмъ самая конфискація. Арестомъ этой книги правительство сильно подняло значеніе герцога Виктора. О книгѣ стали говорить, какъ о замѣчательномъ произведеніи, хотя она была крайне посредственна. Полиція могла-бы еще исправить свою оплошность, разославъ книгу во всѣ муниципальныя бібліотеки, но она этого не сдѣлала, а герцогъ Викторъ, лучше полиціи понимавшій дѣйствительное значеніе своего произведенія, получивъ его обратно, поспѣшилъ запретить его въ кладовую и уже не выпускалъ въ свѣтъ.

Несмотря на ненависть къ второй имперіи, герцогъ Альберъ далъ клятву вѣрности императору и конституціи. Онъ рассчитывалъ попасть депутатомъ въ палату и войти въ министерство — конечно, съ цѣлью свергнуть существовавшее правительство (впослѣд-
„Дѣло“, № 11.

ствіи онъ принялъ отъ Тьера постъ посланника и тотчасъ-же сталъ вести интригу противъ Тьера, окончившуюся поражениемъ послѣдняго). Однакожь, или условія были неудобны для которой-нибудь изъ сторонъ, или-же правительство второй имперіи только заигрывало съ герцогомъ Альберомъ, вовсе не думая сходитьса съ нимъ серьезно, но только Брольи не попалъ ни въ палату, ни въ министерство. Эта случайность спасла его отъ непопулярности и ей онъ обязанъ, что занимаетъ теперь должность перваго министра.

Но хотя Альберъ Брольи не занялъ мѣста въ администраціи второй имперіи, его вліяніе все-таки было сильно. Наполеоновская администрація слѣдовала тому правилу, что съ людьми богатыми и представителями знатныхъ фамилій надобно обходиться предупредительно и, по мѣрѣ возможности, обязывать ихъ. Къ тому-же официальные изслѣдованія, сдѣланныя правительствами 4-го сентября и Тьера, показали, что многіе изъ администраторовъ второй имперіи охотно брали взятки и мало обращали вниманія на законъ и справедливость. Вліяніе Альбера Брольи на наполеоновскую администрацію лучше всего обнаруживается въ известномъ дѣлѣ Тэла. Воспитатель дѣтей Альбера Брольи (въ то время еще князя), Тэла, влюбился въ княгиню, ихъ мать Княгиня на его признаніе не отвѣчала съ тою строгостью, которая-бы могла заставить Тэла отказаться отъ надежды, что предметъ его страсти раздѣлитъ его любовь. Тэла продолжалъ настаивать. Объ этомъ узналъ мужъ. Нисколько не походя на рыцаря, онъ не вызвалъ Тэла на дуэль, а отомстилъ ему самымъ жестокимъ образомъ. Онъ обратился къ врачу и полиціи, и вскорѣ несчастный наставникъ былъ отвезенъ въ Шарантонъ и посаженъ въ отдѣленіе помѣшанныхъ. Сколько онъ ни протестовалъ, ему твердили одно, что начальство знаетъ, что оно дѣлаетъ и что князь Брольи внесъ на его содержаніе всю сумму, какая полагается по закону. Понятно, что послѣ такого отвѣта несчастный приходилъ въ бѣшенство; его запирали и подвергали дѣйствію холодныхъ душъ. Такое рѣшительное средство, разумѣется, достигало цѣли: протестующій смирялся и ложился въ постель. Много долгихъ, мучительныхъ дней провелъ несчастный въ своемъ заключеніи; его выпустили, наконецъ, когда онъ совсѣмъ осла-

бѣлъ и упалъ духомъ. Онъ сейчасъ-же началъ процессъ противъ князя Брольи, требуя уплаты 100,000 франковъ за насильственное заключеніе. Но ему отказали въ искѣ, такъ-какъ судъ нашелъ, что „за оскорбленіе публичной нравственности, за отсутствіе уваженія къ женщинѣ онъ былъ справедливо наказанъ тюремнымъ заключеніемъ“. О томъ-же, что несчастнаго засадили въ домъ для умалишенныхъ, судъ не нашелъ даже нужнымъ упомянуть. Такіе возмутительные факты легко сходили съ рукъ во время второй имперіи. Вѣроятно, нашимъ читателямъ извѣстно дѣло Сандона, котораго министръ Бильо изъ мести продержалъ нѣсколько лѣтъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Тѣла не велъ дѣла далѣе; какимъ путемъ оно было потушено—неизвѣстно. Газеты очень мало говорили объ этомъ дѣлѣ изъ опасенія подвергнуться непріятностямъ, такъ-какъ въ то время нетрудно было каждое невинное замѣчаніе признать за оскорбленіе, за нарушеніе закона, ограждающаго частную жизнь гражданъ. А затѣмъ судъ, блистательная рѣчь прокурора и присужденіе къ тюремному заключенію или значительному штрафу...

III.

Въ воздухѣ чувствовалось, что господству второй имперіи приходитъ конецъ. Бонапартизмъ одряхлѣлъ, силы его истощились. Внутри страны съ каждымъ днемъ усиливалась оппозиція. Выборъ въ палату нѣсколькихъ „непримиримыхъ“ напугалъ тюльерійскій дворъ. Императоръ рѣшился сдѣлать опытъ либеральной имперіи. Тогда представилось зрѣлище неожиданное, но весьма характеристичное: весь главный штабъ аристократическаго и буржуазнаго либерализма подалъ руку второй имперіи и вступилъ въ ея ряды,—конечно, не безъ задней мысли захватить въ свои руки и власть, и бюджетъ. Всѣ эти господа, втеченіи двадцати лѣтъ будировавшіе вторую имперію, составлявшіе противъ нея тайные—впрочемъ, безвредные—заговоры, издѣвавшіеся надъ ней, проклинавшіе ее, сдѣлались внезапно ея хвалителями и льстецами, выказывали ей самую предупредительную любезность. Трудно было разобрать: вторая-ли имперія вдругъ стала либеральной или-же

либералы мгновенно превратились въ империалистовъ. И до сихъ поръ никто не рѣшилъ этого мудренаго вопроса. Во главѣ батальона либераловъ, присоединившихся ко второй имперіи, парадировала медленно, торжественно, тяжело статуя командора—великій человекъ либерализма, мраморный человекъ, герцогъ Викторъ Брольи на своемъ бронзовомъ конѣ. За нимъ выступалъ знаменосецъ либеральнаго католицизма, князь Альберъ Брольи. Далѣе слѣдовали герцогъ Оссовиль, дѣловой человекъ орлеанистской партіи; Одилонъ Барро, съ своимъ могучимъ животомъ; добродѣтельный Лабулэ, съ полученной въ подарокъ чернильницей, Прево-Парадолъ, молодой и блестящій секретарь старыхъ партій, и многіе другіе... Эмиль Оливье, присовокупившій ихъ ко второй имперіи, дѣлалъ имъ смотрѣ... Къ несчастію, императоръ, императрица, вице-императоръ Руэръ, Кассаньякъ и Жеромъ Давидъ почувствовали страхъ, что вторая имперія можетъ сдѣлаться дѣйствительно либеральной. Чтобы избѣжать такой печальной необходимости, они рѣшились рискнуть на войну съ Германіей. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, присоединившіеся либералы показали видъ, что они не понимаютъ коварства своихъ новыхъ союзниковъ. Одинъ Прево-Парадолъ искренно раскаялся въ своемъ заблужденіи и, сознавая свою вину, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Окончилась пагубная для Франціи война потерей двухъ провинцій и штрафомъ въ пять миллиардовъ. Но она послужила для устройства карьеры Альбера Брольи. Тьеръ, сдѣлавшись главой правительства, назначилъ его посланникомъ въ Лондонъ съ жалованьемъ въ 300,000 франковъ.

Никто, можетъ быть, не оказывалъ такой преданности Тьеру, какъ Альберъ Брольи. Высказывая свое удивленіе къ дѣятельности главы исполнительной власти, герцогъ Брольи въ то-же самое время подкапывался подъ него и организовалъ интригу, результатомъ которой было паденіе Тьера. Слѣдуетъ-ли обвинять его въ коварствѣ, измѣнѣ и неблагодарности? Намъ кажется, что такое обвиненіе будетъ несправедливо. Виповатъ не Брольи, а Тьеръ. И въ самомъ дѣлѣ, Тьеръ былъ слишкомъ опытный государственный человекъ, онъ отлично зналъ и понималъ герцога Альбера Брольи. Кто-же толкалъ его бросаться въ объятія человека, котораго онъ не уважалъ и зналъ за коварнаго лицебрѣа?

Кто заставлялъ его искать поддержки въ партіи, враждебной республикѣ, когда онъ считалъ республику единственной формой правленія, при которой можно примирить враждующія партіи и успокоить страну? Кто имѣлъ Тьеру распустить палату, избранную съ спеціальной цѣлью заключенія мира? Для распущенія ея ему не нужно было прибѣгать къ государственному перевороту: онъ имѣлъ законное право издать декретъ о распущеніи палаты и никто не осмѣлился-бы въ то время ослушаться этого распоряженія. Непонятно, почему Тьеръ не рѣшился на этотъ шагъ тотчасъ-же по заключеніи мира. Если онъ боялся водворенія радикальной республики, то страхъ его былъ призраченъ, какъ показываютъ событія, совершившіяся во Франціи въ эти три года. Кто знаетъ, распусти Тьеръ палату, можетъ быть, не случилось-бы парижскаго возмущенія, не было-бы братоубійственной войны...

Альберъ Брولی первый подалъ знакъ къ неповиновенію главѣ государства. Послѣ усмиренія Парижа монархическія партіи считывали, что Тьеръ немедленно совершитъ монархическую реставрацію. Но онъ крѣпко усѣлся на своемъ президентскомъ креслѣ и не имѣлъ охоты оставлять его. Напротивъ, онъ добился принятія конституціи Риве, которая утверждала за нимъ власть на неопредѣленное время. Правая сторона палаты вознегодовала, но Тьеръ въ то время былъ такъ силенъ, что она не рѣшилась нападать прямо на него, и направила свои удары противъ тѣхъ министровъ, которыхъ она считала республиканцами (?), намѣреваясь замѣнить ихъ людьми своей партіи. Но Тьеръ взялъ на себя защиту своихъ министровъ, точно исполнявшихъ его приказанія. Правая сторона напомнила ему избрѣтенную имъ фразу, что „король долженъ царствовать, а не управлять“, и обвинила его въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ, такъ-какъ онъ самъ вмѣстѣ и царствовалъ, и управлялъ; онъ покрывалъ своихъ министровъ, а не министры прикрывали его своей отвѣтственностью.

Брولی, посланникъ республики въ Лондонѣ, не замедлилъ начать интригу противъ правительства, отъ котораго имѣлъ кредитивныя граматы. Онъ такъ явно интриговалъ, что своими дѣйствіями произвелъ скандалъ. Въ палатѣ вотировалось предложеніе, отъ котораго зависѣло существованіе кабинета. Брولی ходилъ по скамьямъ центра, уговаривая всѣхъ подать голосъ про-

тивъ Дюфора. На этотъ разъ побѣдило правительство. Но Тьеръ выказалъ слабость—онъ не рѣшился дать отставку мятежному посланнику, и Брольи, по всей вѣроятности, возвратился-бы въ Лондонъ, если-бъ ему не пришла охота самому подать въ отставку. Впрочемъ, его понудило къ этому рѣшительное негодованіе, выраженное общественнымъ мнѣніемъ.

До сихъ поръ еще, вѣроятно, всѣмъ памятна борьба Тьера съ правой стороной національнаго собранія, въ началѣ которой всѣ преимущества были на сторонѣ Тьера. Когда Тьеръ, увѣренный въ своей побѣдѣ, въ ноябрѣ 1872 года обратился къ палатѣ съ своимъ знаменитымъ посланіемъ, въ которомъ онъ требовалъ окончательнаго провозглашенія республики, гнѣвъ и негодованіе правой, орлеанистской, и крайней правой, легитимистской, сторонъ перешли всякіе предѣлы. Страна, напротивъ, съ радостію встрѣтила это посланіе, предполагая, что, наконецъ, окончится тягостное временное положеніе. Когда стало извѣстно, что правая сторона намѣрена употребить всѣ усилія, чтобы воспротивиться прекращенію временнаго положенія, всѣ сочувствующіе предложенію Тьера надѣялись, что Тьеръ, вооруженный широкими полномочіями, какія ему давала конституція Риве, распуститъ палату и обратится съ воззваніемъ къ странѣ о новыхъ выборахъ и объ утвержденіи его власти всеобщимъ голосованіемъ. Народныя массы, навѣрное, съ энтузіазмомъ приняли-бы предложеніе Тьера, но... онъ не рѣшился.

Вмѣсто этого его министерство заявило, что оно представитъ на утвержденіе палаты проектъ новой конституціи. Проектъ былъ представленъ и палата передала его на разсмотрѣніе комиссіи тридцати. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ избранъ герцогъ Альберъ Брольи. Уже въ первый день преній въ комиссіи обнаружилось, что на ея рѣшенія оказываютъ рѣшительное вліяніе отцы іезуиты и вообще клерикальная партія. Комиссія начала прямымъ нападеніемъ на Тьера, но онъ все еще не вѣрилъ, что она рискнетъ на рѣшительный шагъ, и говорилъ своимъ друзьямъ: „я имъ готовлю ударъ, какого они и не ожидаютъ“.

Между тѣмъ, когда наступилъ рѣшительный день, правая сторона была вполне готова къ бою и такъ приняла Тьера, что онъ нашелся вынужденнымъ предложить вопросъ о довѣрїи и, если

не выскажутъ его, подать въ отставку. Тьеръ не былъ въ палатѣ во время вота. „Большинство превысило всего на 14 голосовъ“, сказалъ ему Бартеlemi Сент-Илеръ, возвратясь изъ засѣданія палаты. „Я и на такое не рассчитывалъ“, замѣтилъ Тьеръ. „Увы! большинство не за насъ, а противъ насъ“, отвѣтилъ Сент-Илеръ.

Тьеръ подалъ въ отставку. Герцогъ Альберъ сдѣлался вице-президентомъ совѣта министровъ. Онъ побѣдилъ и власть перешла къ такъ-называемой партіи герцоговъ.

Иные люди нравственно возвышаются вмѣстѣ съ возвышеніемъ ихъ положенія и всегда стоятъ на высотѣ своего положенія. Герцогъ Брольи не изъ такихъ людей. Его всепожирающее честолюбіе побуждаетъ его лѣзть вверхъ по соціальной лѣстницѣ, но онъ всегда стоялъ и будетъ стоять ниже положенія. Нельзя сказать, что герцогъ Альберъ лишенъ ораторскихъ способностей. Когда онъ былъ просто депутатомъ, его рѣчи отличались изворотливостью, иногда остроуміемъ; онъ говорилъ легко, хорошимъ языкомъ и довольно внушительно. Но съ той поры, какъ онъ сталъ министромъ, онъ, повидному, лишился своихъ ораторскихъ способностей. Мы находимъ въ „Temps“ слѣдующую оцѣнку его первой рѣчи:

„Рѣчь г. Брольи произвела странное впечатлѣніе на собраніе. Вице-президентъ совѣта министровъ долженъ былъ отвѣтить на внесенные въ палату запросы. Въ его распоряженіи было цѣлыхъ восемь дней, и, однакожь, онъ не успѣлъ приготовиться. Кому приходилось прежде слышать рѣчи г. Брольи, тотъ знаетъ, что если въ нихъ и не замѣчалось слишкомъ яркаго ораторскаго таланта, но все-же онѣ отличались академической отдѣлкой, и онъ говорилъ плавно, безъ запинки. Но рѣчь его, сказанная во вчерашнемъ засѣданіи, не отличалась ни однимъ изъ этихъ качествъ. Ораторъ, кажется, предпочелъ импровизировать рѣчь, и она вышла вполне неудачной. Съ первыхъ-же словъ его оставила увѣренность въ себѣ, онъ сталъ запинаться, бормотать себѣ подъ носъ и даже заикаться. Въ палатѣ было очень тихо и, однакожь, многихъ словъ изъ министерской рѣчи не было слышно. Явилось предположеніе, что, можетъ быть, министръ оробѣлъ и потому говорить такъ тихо, но чѣмъ дольше говорилъ онъ, тѣмъ

голосъ его все болѣе и болѣе понижался. Наконецъ, для довершенія дурного впечатлѣнія, онъ сошелъ съ трибуны въ то время, когда всѣ полагали, что онъ только-что началъ настоящую рѣчь. Большинство, холодно аплодировавшее ему изъ приличія, было крайне недовольно. За то личные друзья министра внутреннихъ дѣлъ Беле втайнѣ радовались неудачѣ перваго министра; ихъ взгляды, казалось, говорили: „Беле навѣрное вышелъ-бы побѣдителемъ въ настоящемъ случаѣ!“

IV.

Свою министерскую дѣятельность, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, Альберъ Брольи началъ дипломатической нотой, въ которой старался унижить свое отечество въ глазахъ другихъ европейскихъ государствъ. Если-бы князь Бисмаркъ вздумалъ вмѣшаться во французскія дѣла и приостановилъ очищеніе французской территоріи, онъ легко-бы могъ оправдать свои дѣйствія нотой герцога Брольи, въ которой объяснялось, что Франція находится въ состояніи анархіи. Лучшіе органы иностранной прессы возмущались такой болѣе, чѣмъ странной выходкой французскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

„Рознь, существующая во французскомъ національномъ собраніи и въ самомъ народѣ, говоритъ англійская газета „Daily News“, — несомнѣнно возбуждаетъ горестныя чувства во всѣхъ, кто сочувствуетъ несчастіямъ благороднаго французскаго народа; но крайне неприлично французскому министру иностранныхъ дѣлъ сообщать объ этомъ въ дипломатическомъ документѣ.

„Г. Брольи, конечно, не безъ задней мысли рисенулъ выпустить подобный циркуляръ. Имъ онъ не только хотѣлъ оправдать происхожденіе своего правительства, получившаго власть противъ желанія народа, но также желалъ возбудить симпатіи европейскихъ правительствъ къ новому министерству и большинству національнаго собранія, которыя, какъ оказывалось изъ циркуляра, имѣютъ общаго врага съ иностранными государствами. Въ своемъ циркулярѣ герцогъ Брольи говоритъ, что „новое правительство желаетъ установить во Франціи спокойствіе, столь жела-

тельное въ интересахъ прочихъ націй“. Всѣ государства, по его словамъ, „имѣютъ равный интересъ въ подавленіи революціоннаго духа, который составляетъ заговоры противъ спокойствія Франціи“. Такимъ языкомъ могли-бы говорить развѣ эмигранты 1791 года.“

Вслѣдъ за этимъ циркуляромъ Брольи дѣлаетъ распоряженіе о запрещеніи во Франціи эльзасской газеты „L'Industriel de Mulhouse“, которая съ особенной страстностью стояла за интересы Франціи и была самой распространенной изъ эльзасскихъ газетъ. Мотивомъ ея запрещенія послужило то обстоятельство, что она имѣетъ слишкомъ республиканское направленіе. Прусскія газеты горячо ухватились за этотъ фактъ; онѣ приводили его какъ доказательство свободы прессы въ германской имперіи и поразительной нетерпимости во французской республикѣ. Онѣ на основаніи этого факта пытались убѣдить скептиковъ, что Эльзасу выгоднѣ зависѣть отъ германской имперіи, чѣмъ стремиться снова присоединиться къ Франціи.

Это еще не все. Послѣ очищенія французской территоріи отъ нѣмецкихъ войскъ Тьеръ сталъ пользоваться большой популярностью во Франціи. Брольи, мѣшавшій устройству праздниковъ въ городахъ, освободившихся отъ чужеземнаго занятія, рѣшился пригрозить Тьеру судомъ, если онъ захочетъ принимать приглашенія на эти праздники въ честь освобожденія; наконецъ, даже запретилъ тосты въ честь Тьера. Партія Брольи дошла до такого курьеза, что стала посылать поздравленія графу Шамбору по поводу очищенія территоріи, какъ-будто графъ принималъ въ этомъ дѣлѣ какое-нибудь участіе.

4 сентября герцогъ Брольи разыгралъ новую комедію. Въ этотъ день онъ предсѣдательствовалъ въ генеральномъ совѣтѣ департамента Эрн. Получается депеша, отправленная изъ Парижа по его приказанію, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы она пришла въ началѣ засѣданія совѣта. Брольи распечатываетъ депешу и дрожащимъ отъ волненія голосомъ читаетъ извѣстіе о совершенномъ очищеніи территоріи отъ иностраннаго занятія. Пуйе-Кертъе, также засѣдавшій въ совѣтѣ, предложилъ послать благодарственный адресъ Мак-Магону и его первому министру, герцогу Брольи. Но другой членъ совѣта, прямодушный норманецъ, заявилъ, что

гораздо приличнѣе благодарить тѣхъ, кому страна дѣйствительно обязана этимъ фактомъ, т. е. Тьера и его экс-министра Пуїз-Бертъ, виновника франкфуртскаго договора. Понятно, Брольи потерялся; онъ забормotalъ что-то такое, чего никто не слышалъ и, наконецъ, объявилъ, что совѣтъ долженъ быть признателенъ... къ Франціи!

Въ иностранной политикѣ Брольи дѣлаетъ безчисленные промахи. Ему обязана Франція тѣмъ, что Италия, ея естественная союзница, соединилась съ Германіей. На недавнемъ праздникѣ въ честь Кавура французская нація не имѣла своего представителя. Между тѣмъ 50,000 французовъ легли на поляхъ Мадженты и Сольферино, сражаясь за освобожденіе Италии отъ нѣмецкаго ига.

По послѣднимъ извѣстіямъ, Брольи далъ приказаніе Фурнье, французскому послу въ Италиі, не возвращаться къ своему посту подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ. Въ видѣ возмездія, итальянскій кабинетъ предписалъ Нигрѣ, итальянскому посланнику въ Парижѣ, найти предлогъ, чтобы уѣхать оттуда.

А Брольи продолжаетъ увѣрять всѣхъ, что онъ либераль чистой крови!

Подобной-же нелѣпой политики держится Брольи и въ Испаніи. Во Франціи среди бѣлаго дня снаряжаются экспедиціи и посылаются оружіе карлистамъ. Если-бъ удалась реставрація Генриха V, Брольи и ему подобные либералы предполагали тотчасъ-же вмѣшаться въ испанскія дѣла и возвести на испанскій престолъ дон-Карлоса.

V.

Покончивъ съ біографическимъ очеркомъ Брольи, обратимся къ событіямъ, выдвинувшимъ Мак-Магона, — событіямъ, въ которыхъ принималъ самое дѣятельное участіе герцогъ Брольи, теперь первый министръ президента французской республики, маршала Мак-Магона.

Коалиція монархическихъ партій, составившаяся для низверженія Тьера, полагала посадить на его мѣсто герцога Омальскаго, но этому воспротивились боапартисты и нѣкоторые изъ леги-

тимистовъ. Учредить монархію въ тотъ моментъ союзники не могли, почему рѣшили оставить временную республику съ президентомъ маршаломъ Мак-Магономъ, который не имѣлъ ничего противъ восстановленія орлеанской или бурбонской монархіи и, конечно, не могъ питать ненависти къ бонапартовской династіи, давшей ему и почести, и богатство. Мак-Магона избрали потому, что онъ обладалъ извѣстностью, имѣлъ имя и вмѣствъ съ тѣмъ не былъ человѣкомъ инициативы. Онъ представлялъ собою посредственность, такую-же, какъ герцогъ Брольи, какъ всѣ члены кабинета Брольи, какъ, наконецъ, большая часть личностей, руководящихъ теперь французскими дѣлами. Во Франціи въ настоящее время во всемъ господствуетъ посредственность. Но посредственность Брольи активная, даже очень активная, тогда какъ посредственность Мак-Магона вполнѣ пассивная. Говорятъ, что Мак-Магонъ принялъ за правило въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться изрѣченіемъ Люи-Наполеона: „миръ принадлежитъ флегматикамъ“. Его всегда удивляла и приводила въ досаду безпкойная и бурная дѣятельность Тьера. Мак-Магонъ неподвиженъ и каждому можетъ показаться лѣнливимъ. Монархическія партіи, рассчитывая на эти его качества, вознамѣрились вручить ему диктаторскую власть, рассчитывая отобрать ее, когда имъ заблагоразсудится, т. е. когда явится возможность провозгласить монархію. Но они легко могутъ ошибиться и весьма возможно, что Мак-Магонъ играетъ съ ними ту-же комедію, какую съ такимъ успѣхомъ игралъ принцъ Наполеонъ, президентъ французской республики, вплоть до самаго дня государственнаго переворота.

Сдѣлавъ Мак-Магона главою исполнительной власти, орлеанисты, захватившіе руководство дѣлами Франціи, принялись за осуществленіе давно лелѣемаго ими плана: сліянія монархическихъ партій. Не будемъ повторять всѣмъ извѣстные факты, не станемъ вдаваться въ подробности интриги, повидимому, очень ловко веденной Фаллу, заслужившимъ репутацію коварнѣйшаго человѣка во Франціи, — интриги, которая, одно время казалось, вполнѣ удалась; скажемъ только, что герцогъ Брольи принималъ въ ней дѣятельное участіе, хотя въ своемъ объясненіи въ національномъ собраніи онъ отвергалъ его, оговорившись, впрочемъ, что, по его мнѣнію, каждый министръ можетъ имѣть мнѣнія, несогласныя съ

общимъ направленіемъ кабинета. Проще сказать, герцогъ Бролихъ проводилъ совершенно новый принципъ, по которому отдѣльный министръ можетъ дѣйствовать противъ кабинета и свергнуть его, если будетъ въ силахъ. Впрочемъ, Бролихъ самъ лично уже не разъ примѣнялъ этотъ принципъ и напрасно палата выражала свое негодованіе, выслушивая его объясненіе.

Какъ-бы тамъ ни было, но извѣстно, что орлеанистская интрига не удалась. Графъ Шамборъ, принявшій отреченіе графа Парижскаго, признавшій его своимъ наследникомъ и уже рассчитывавшій навѣрное быть королемъ, внезапно написалъ свое знаменитое письмо, равносильное его отреченію,—лучше сказать, сдѣлавшее окончательно невозможнымъ его реставрацію.

Орлеанисты, ошеломленные на-время такимъ казусомъ, скоро оправились; они снова захотѣли сдѣлать попытку вручить президентство герцогу Омальскому и снова убѣдились, что ихъ дѣло не выгорить. Тогда они заговорили о томъ, что не мѣшало-бы включить въ законъ о продленіи власти Мак-Магона статью, гласящую, что въ случаѣ смерти Мак-Магона президентомъ республики дѣлается герцогъ Омальскій. Но, спрашивается, кто-же, кромѣ людей, ослѣпленныхъ партіонными предразсудками, могъ серьезно посмотрѣть на такое наивное предложеніе? Однакожь, и послѣ этой неудачи орлеанисты не упали духомъ, потому что власть все-таки осталась въ ихъ рукахъ; самъ Бролихъ и большая часть министровъ, а затѣмъ и чиновниковъ принадлежитъ къ ихъ партіи.

Потерпѣвъ неудачу въ вопросѣ о возстановленіи монархіи, большинство національнаго собранія выступило съ проектомъ о продленіи власти Мак-Магона. Этотъ маневръ ей удался и хотя она, въ своему неудовольствію, должна была согласиться на обсужденіе ненавистныхъ ей конституціонныхъ законовъ, представленныхъ Тьеромъ, но она и изъ нихъ надѣется извлечь свою выгоду. Она рассчитываетъ, что ей нетрудно будетъ передѣлать ихъ на свой ладъ. Можно будетъ дать Мак-Магону такую широкую власть, о какой не смѣлъ мечтать даже самъ Генрихъ V. Въ проектѣ конституціонныхъ законовъ говорится о необходимости учрежденія сената, члены котораго будутъ отчасти избираться изъ депутатовъ національнаго собранія. Ничто не помѣшаетъ назначить туда самыхъ реакціонерныхъ членовъ собранія и затѣмъ дать сенату высшую

законодательную власть, а національное собраніе низвести на степень канцеляріи, въ которой будутъ подготовляться законопроекты и затѣмъ вноситься на утвержденіе сената. Устроивъ, такимъ образомъ, законодательную власть и давъ президенту неограниченное право распускать палату, когда ему вздумается, нетрудно будетъ добиться такихъ законовъ въ отношеніи прессы, права сходовъ, народнаго образованія и пр., которые отнять у французскаго народа даже призракъ свободы и снова водворять во Франціи порядки, господствовавшіе во время второй имперіи.

Но является вопросъ: какъ долго удержится настоящая палата? Рано или поздно она, конечно, должна будетъ разойтись и есть основаніе предполагать, что это не замедлитъ случиться. Искренно убѣжденные и болѣе дѣльные изъ монархистовъ сознаютъ теперь, что съ такой палатой, какъ настоящая версальская, далеко не уйдешь, и что пока она будетъ существовать, имъ не добиться возстановленія монархіи. Теперь всѣ ихъ надежды покоятся на учрежденіи верхней палаты, которую они организуютъ такъ, какъ имъ будетъ нужно. Маршала Мак-Магона они не опасаются, — напротивъ, они рассчитываютъ на его поддержку. Они теперь непрерывно твердятъ, что маршалъ всю жизнь свою былъ монархистомъ: что онъ началъ свою жизнь въ гвардейцахъ короля Людовика XVIII, что онъ пользовался благосклонностью короля Карла X; что, наконецъ, графъ Шамборъ не разъ обращался къ нему съ самыми лестными письмами и разрѣшилъ своимъ приверженцамъ подавать голоса въ пользу продленія власти маршала. Монархисты въ 1873 году съ такой-же увѣренностью рассчитываютъ на Мак-Магона, какъ въ 1871 году они надѣялись на Тьера. По ихъ словамъ, Тьеръ извѣнилъ имъ: онъ далъ имъ слово строго держаться ихъ программы и постоянно поступалъ по-своему. Но Тьеръ, замѣчаютъ они, опытный государственный человѣкъ; при своемъ дѣятельномъ характерѣ, онъ не могъ примириться съ необходимостью дѣйствовать по чужимъ внушеніямъ. Мак-Магонъ, напротивъ, мало свѣдущъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ, и нельзя ожидать, чтобы онъ рѣшился взять на себя руководительство въ дѣлѣ управленія; когда онъ былъ главнокомандующимъ шалонской арміей, онъ безотговорочно повиновался желаніямъ императора; онъ ясно видѣлъ

опасность и, однакожь, пошелъ къ Седану, потому что этого желалъ Наполеонъ; исполняя это желаніе, онъ зналъ, что жертвуетъ своей репутаціей хорошаго генерала. „Мак-Магонъ ненавидитъ республиканцевъ, заключаютъ монархисты, — и онъ поможетъ намъ уничтожить республику“. Точно также въ 1850 и 1851 годахъ разсуждали члены клуба улицы Пуатье о принцѣ Люи-Наполеонѣ Бонапартѣ, тогдашнемъ президентѣ республики. Они надѣялись съ его помощью уничтожить республику и возстановить орлеанскую монархію. И чѣмъ-же кончилась ихъ попытка? Мак-Магонъ, конечно, не принадлежитъ къ числу людей, обладающихъ высокимъ умомъ и развитіемъ, однакожь, онъ далеко не такъ простъ, какъ полагаютъ монархисты. Принцъ Люи-Наполеонъ старался увѣрить всѣхъ (и увѣрилъ очень многихъ), что онъ тихъ, воды не замутишь, что онъ наивнѣйшій изъ смертныхъ...

Къ тому-же Мак-Магонъ, располагая властью и раздачей мѣстъ, навѣрное воставитъ свою собственную партію; неужели-же изъ людей, окружающихъ его и преданныхъ — положимъ, хотя по разсчету, — не найдется такихъ, которые могутъ дать ему добрый совѣтъ и направить его дѣятельность такъ, чтобы онъ могъ лично получить значительныя выгоды?

Кто-же, наконецъ, окончательно побѣдитъ: монархія или республика? Странно, повидимому, но приходится связать, что изъ всего этого кризиса, изъ всѣхъ этихъ интригъ менѣе пораженной вышла республика. Въ самомъ дѣлѣ, въ палатѣ монархическая партія очень сильна, на ея сторонѣ огромное большинство, она дѣлаетъ рѣшительную попытку возстановить монархію — и находится вынужденной признать республику, т. е. придти къ тому, на чемъ остановился Тьеръ, котораго она свергла именно за попытку утвердить во Франціи консервативную республику! Несомнѣнно, что интрига монархической партіи, свергнувшая Тьера и продолжившая на неопредѣленное время временное положеніе, вредно отразилась на экономическомъ положеніи страны и нанесла значительный ущербъ торговлѣ и промышленности, что, въ свою очередь, ослабило энергію народа и онъ сталъ желать какой-нибудь развязки, лишь-бы прекратилось неопредѣленное положеніе. Если при такихъ условіяхъ не удалось возстановить монархію, то ясно, что большинство французозъ стоитъ за республиканскую форму правленія.

Но въ какихъ-бы послѣдствіяхъ ни привело продленіе власти Мак-Магона въ ближайшемъ будущемъ, несомнѣнно, что долго нельзя управлять страной помимо ея желанія, нельзя существовать министерству, если огромное большинство народонаселенія высказывается противъ него. Рано или поздно придется-же обратиться къ выбору новой палаты, и тогда страна торжественно заявить, питаетъ она довѣріе къ своему правительству или нѣтъ.

Одно очевидно, что монархической реставраціи въ скоромъ времени ожидать нельзя. Трудно еще сказать, долго-ли удержится новый кабинетъ — лучше сказать, старый, потому что руководство дѣлами осталось по-прежнему за Брולי, который, оставаясь первымъ министромъ, взялъ на себя обязанности министра внутреннихъ дѣлъ — но, во всякомъ случаѣ, онъ не безсмертенъ и болѣе шансовъ противъ, чѣмъ за него. Подождемъ, чѣмъ кончится рассмотрѣніе конституціонныхъ законовъ, тогда, по всей вѣроятности, положеніе дѣлъ вполне выяснится.

Власть Мак-Магона продолжена на семь лѣтъ. Производятся выборы въ комиссію тридцати, которая должна будетъ рассмотреть конституціонные законы, внесенные Тьеромъ, и представить ихъ на утвержденіе національнаго собранія. Выборы еще не кончились, но по извѣстіямъ, переданнымъ телеграфическимъ путемъ, видно, что большинство членовъ, избранныхъ въ комиссію принадлежитъ къ лѣвой, республиканской сторонѣ собранія.

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ДЖОНА СТЮАРТА МИЛЛЯ.

Ш.

САМООБРАЗОВАНИЕ.

Передавъ почти цѣликомъ разсказъ Милля объ его первоначальномъ воспитаніи, мы теперь перейдемъ къ послѣдующимъ фазисамъ его умственнаго развитія или самообразованія. По его словамъ, онъ многимъ былъ обязанъ въ этомъ отношеніи съ ранней юности двумъ счастливымъ обстоятельствамъ: разговорамъ его отца съ друзьями Бентамомъ, Ринардо и др., при которыхъ онъ постоянно, съ дѣтства, присутствовалъ и годичному пребыванію своему во Франціи, у брата Бентама. Особенно послѣднее обстоятельство играло большую роль въ его жизни, такъ-какъ онъ не только приобрѣлъ много новыхъ знаній, слушая въ Монпелье лекціи химіи, зоологіи, логики и высшей математики, не только основательно изучилъ французскій языкъ и общую литературу, но впервые подчинился вліянію природы, которая во время его путешествія по Пиринеямъ произвела на него глубокое впечатлѣніе, придавъ особый оттѣнокъ его вѣусамъ на всю послѣдующую жизнь. „Но величайшую пользу изъ этого пребыванія во Франціи, говоритъ Милль, — я приобрѣлъ оттого, что въ продолженіи цѣлаго года дышалъ свободной и искренней атмосферой континентальной жизни. Хотя я въ то время не сознавалъ и не вполне оцѣнивалъ эту пользу, но тѣмъ не менѣе она была очень дѣйствительна. Зная такъ мало англійскую жизнь и приходя въ столкновеніе до сихъ поръ лишь

съ немногими людьми, которые большею частью стремились не къ личнымъ, а къ великимъ общественнымъ цѣлямъ, я никогда не обращался въ такъ называемомъ общественномъ кругу Англіи, съ его мелкими нравственными интересами, гдѣ все обусловлено заранѣе и все держится на почвѣ самыхъ обиденныхъ вещей. Я не зналъ тогда и не могъ оцѣнить различія между подобнаго рода существованіемъ и жизнью такого народа, какъ французскій, недостатки котораго, при всей ихъ очевидности, совершенно иного характера. Чувства француза, которыя можно назвать, по крайней мѣрѣ, сравнительно возвышенными, составляютъ, такъ сказать, ходячую монету человѣческихъ отношеній какъ въ книжкахъ, такъ и въ частной жизни. Если иногда эти чувства улетучиваются въ громкихъ фразахъ, то все-же они живутъ въ массѣ націи, благодаря постоянному употребленію и питаемому къ нимъ уваженію, такъ-что они составляютъ живой, дѣятельный элементъ существованія массы; они понятны всѣмъ и признаны всѣми. Точно также я не могъ тогда оцѣнить общаго развитія ума, какъ результата постояннаго и болѣе искренняго объѣма взаимныхъ чувствъ, — развитія, встрѣчаемаго въ самыхъ необразованныхъ классахъ нѣкоторыхъ континентальныхъ странъ, тогда-какъ подобнаго умственнаго развитія нельзя встрѣтить въ Англіи даже въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ людей, которые, благодаря очень чувствительной совѣсти, постоянно напрягаютъ свой умъ къ разрѣшенію вопросовъ о добрѣ и злѣ, о справедливомъ и несправедливомъ. Я не зналъ, что у большинства англичанъ чувства и умственные способности потому именно остаются неразвитыми или развиваются односторонне и ограниченно, что они не интересуются тѣмъ, что лежитъ внѣ сферы ихъ личныхъ интересовъ, за исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ, и не только не сообщаютъ другимъ, но не размышляютъ и сами о томъ, что ихъ дѣйствительно интересуетъ; вслѣдствіе того они, какъ умственные существа, ведутъ какую-то отрицательную жизнь. Все это я понималъ гораздо позже, но и тогда чувствовалъ, хотя не давалъ себѣ яснаго отчета, въ поразительномъ контрастѣ между откровенной общительностью и добродушіемъ французской частной жизни и англійской мизантропіей, гдѣ каждый поступаетъ такъ, какъ-будто всѣ остальные (за очень рѣдкими исключеніями, если только они бываютъ) — враги или навѣваю-

щіе скуку болванъ. Правда, во Франціи дурныя и хорошія черты отдѣльныхъ личностей и національнаго характера скорѣе обнаруживаются въ ежедневныхъ столкновеніяхъ, чѣмъ въ Англіи, но по общему обычаю, французы питаютъ дружеское чувство ко всякому и ожидаютъ того-же отъ всякаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда существуютъ положительныя причины для непріязни. Въ Англіи можно сказать то-же только въ отношеніи самыхъ образованныхъ людей въ высшихъ классахъ или въ высшемъ слоѣ среднихъ классовъ.“ Кромѣ этого общаго вліянія французскаго общества на юный умъ будущаго мыслителя, онъ вынесъ изъ знакомства съ лучшими представителями французской либеральной партіи, которыхъ онъ видѣлъ въ домѣ знаменитаго экономиста Сея въ Парижѣ, „сильное и живое сочувствіе къ континентальному прогрессу, за которымъ онъ всегда впослѣдствіи столь-же зорко слѣдилъ, какъ и за англійской политикой, что въ то время для англичанина было рѣдкостью и имѣло очень полезное вліяніе на его развитіе, освобождая отъ пагубной привычки, всегда преобладающей въ Англіи—судить о всемірныхъ вопросахъ съ исключительно національной точки зрѣнія“.

По возвращеніи изъ Франціи Милль продолжалъ, подъ руководствомъ отца, свои прежнія занятія, которыя постепенно принимали все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Въ это время онъ познакомился съ сочиненіями Кондильяка, съ его *Traité des sensations* и его логикой въ „*Cours d'Etudes*“. Въ это-же время, по предложенію одного изъ друзей отца, извѣстнаго юриста Остена, онъ прошелъ съ нимъ курсъ римскаго права и значительную часть коментаріевъ Блэкстона объ англійскихъ законахъ. Эти занятія онъ считаетъ важнымъ элементомъ своего развитія, но поворотнымъ столбомъ въ этомъ отношеніи и эрой въ его жизни было чтеніе теоріи Бентама, выраженной въ трудѣ его ученика Дюмона—„*Traité de Législation*“. „Все мое предыдущее воспитаніе, говоритъ онъ,—было въ нѣкоторомъ смыслѣ практическимъ курсомъ бентамизма и его принципъ „наибольшаго блага для наибольшаго числа людей“ былъ нравственнымъ мѣриломъ, которое я постоянно привыкъ примѣнять къ жизни; но съ первыхъ-же страницъ Бентама этотъ принципъ явился предо мною съ поразительной силой новизны. Всего-же болѣе повліяла на меня глава, въ которой Бентамъ отвергаетъ обыкновенныя методы об-

сужденія нравственныхъ и юридическихъ вопросовъ, основанные на готовыхъ фразѣхъ „законъ природы“, „правильный разумъ“, „нравственное чутье“, „естественная прямота“ и тому подобное, и называетъ эти методы замаскированнымъ догматизмомъ, предписывающимъ другимъ свои понятія подъ личиною глубокихъ изрѣченій, которыя въ сущности не даютъ никакого разумнаго начала этимъ понятіямъ, но ставятъ ихъ вмѣсто разума. Все это доселѣ меня не поражало, но теперь глаза у меня открылись; я вдругъ созналъ, что всѣ предъидушіе нравственныя философіи рухнули и началась новая эпоха въ человѣческой мысли. Это впечатлѣніе было еще усилено той научной формой, въ которую облекъ Бентамъ примѣненіе принципа счастья къ нравственной сторонѣ человѣческихъ дѣйствій, анализируя различные роды и виды ихъ послѣдствій. Но всего болѣе поразила меня въ то время ясная, сжатая и величественная классификація преступленій, усвоивъ которую я какъ-будто неожиданно очутился на громадной вершинѣ, съ которой могъ свободно озираться обширное умственное поле и слѣдить въ безконечную даль за интеллектуальными результатами. Чѣмъ долѣе изучалъ я Бентама, тѣмъ яснѣе и шире развивалось предо мной сознаніе о томъ, чѣмъ должны быть человѣческія мнѣнія и учрежденія, какъ они могли быть доведены до совершенства и какъ далеко они въ настоящее время отъ этого идеала. Кончивъ послѣдній томъ „*Traité de Législation*“, я почувствовалъ себя совершенно новымъ человѣкомъ. Принципъ полезности, понятый такъ, какъ понималъ его Бентамъ, и примѣненный такъ, какъ онъ его примѣнилъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ, вполне соответствовалъ моей нравственной и умственной подготовкѣ и сталъ краеугольнымъ камнемъ, связующимъ всѣ отдѣльныя отрывочныя, составныя части моихъ знаній и вѣровавій. Я имѣлъ теперь теорію жизни, философію, религію, въ лучшемъ значеніи этого слова, и распространеніе которой могло сдѣлаться главной, внѣшней цѣлью моего существованія. „*Traité de Législation*“ оканчивается поразительной картиной человѣческой жизни въ томъ видѣ, какой ей придаетъ примѣненіе тѣхъ мнѣній и законовъ, необходимость которыхъ доказывалъ Бентамъ. Выставляемые имъ результаты практическихъ улучшеній были чрезвычайно умѣренны и, вѣроятно, настанетъ то время, когда наши потомки удивятся, что все это нѣкогда считалось химерой. Но

при моемъ тогдашнемъ умственномъ настроеніи это кажущееся превосходство надъ иллюзіей еще болѣе увеличило мое уваженіе къ великимъ достоинствамъ теоріи Бентама, а указанная имъ возможность усовершенствованія человѣческаго общества освѣтила яркимъ блескомъ открывавшуюся передо мною жизнь и придала опредѣленную форму моимъ стремленіямъ“.

Съ 1822 года наступилъ новый періодъ въ умственномъ образованіи Милля, и его развитіе продолжалось уже „болѣе писаніемъ и преніями, чѣмъ чтеніемъ“. Прежде, чѣмъ выступить на литературную арену, онъ написалъ нѣсколько сочиненій на различныя темы, которыя читалъ только отецъ, и между ними были замѣчательны двѣ классическія рѣчи, въ подражаніе Демосфену, и политическій трактатъ о вредѣ аристократической привилегіи. Первыми печатными попытками юнаго автора были статьи въ газетѣ „*Traveler*“, въ защиту политико-экономическихъ взглядовъ отца его, и два письма подъ псевдонимомъ Виллефа о спорномъ въ то время вопросѣ свободы совѣсти; а съ 1823 года онъ сталъ постоянно помѣщать въ либеральной газетѣ „*Morning Chronicle*“ политическія статьи, въ которыхъ главнымъ образомъ выставлялъ ошибочныя воззрѣнія парламентскихъ ораторовъ, недостатки англійскихъ законовъ и злоупотребленія судей. О дальнѣйшей, всѣмъ извѣстной его журнальной дѣятельности, сосредоточенной преимущественно съ 1824 года, въ „*Westminsterскомъ обозрѣніи*“, мы не станемъ здѣсь распространяться, а только уважемъ на ея значеніе въ его умственномъ развитіи. Хотя онъ самъ считаетъ свои первоначальныя статьи тяжелыми по изложенію и неинтересными для большинства читателей, но все-же онѣ не были однимъ пережевываніемъ заученныхъ уроковъ отца, а представляли въ извѣстной мѣрѣ самостоятельный умственный трудъ, который во всякомъ случаѣ для него самого былъ чрезвычайно полезенъ, давая ему возможность привести въ порядокъ громадную массу его разнородныхъ свѣденій и привыкнуть къ обработкѣ сырыхъ матеріаловъ. Быть можетъ, въ этомъ отношеніи ему принесло еще большую пользу изданіе, съ его собственными примѣчаніями, извѣстнаго сочиненія Бентама „*Rationale of Judicial Evidence*“. „Эта работа, говоритъ онъ,—имѣла на меня значительное вліяніе, особенно прекрасное изложеніе нѣкоторыхъ первоначальныхъ главъ Бентама послужило полезнымъ для меня при-

мѣромъ. Благодаря изученію его образцоваго слога и постоянному чтенію нѣкоторыхъ французскихъ и англійскихъ писателей, отличающихся замѣчательнымъ соединеніемъ силы съ простотою, именно Гольдсмита, Фильдинга, Паскаля, Вольтера и Курье, мой слогъ потерялъ ту неприятную сухость, которою отличались мои первыя произведенія; кости и хрящъ стали покрываться мясомъ и мало-по-малу мой слогъ сталъ оживленнымъ и даже иногда легкимъ *)).

Такое-же, если еще не большее образовательное вліяніе на Милля имѣли пренія о различныхъ ученыхъ и политическихъ вопросахъ съ молодыми людьми его лѣтъ, большею частью кончившими курсъ въ кембриджскомъ и оксфордскомъ университетахъ. Въ 1823 году онъ основалъ для этой цѣли общество, которое назвалъ *утилитаристскимъ* — совершенно новымъ словомъ, хотя имъ и несочиненнымъ, а заимствованнымъ изъ одного современнаго романа, въ которомъ шотландскій пасторъ предостерегаетъ своихъ прихожанъ отъ опасности бросить догматы епископальной церкви и сдѣлаться *утилитаристами*. До тѣхъ поръ никто еще въ Англій не называлъ себя утилитаристомъ, но это названіе скоро вошло въ употребленіе не только между послѣдователями Бентама, но и противниками его. Членами общества были, какъ мы уже замѣтили выше, молодые люди почти одинаковаго возраста съ Миллемъ и въ числѣ ихъ многіе впоследствии прославились въ политикѣ и литературѣ, какъ Гротъ, Остенъ, Грэмъ, Туэкъ, Робуекъ. Такимъ образомъ, онъ впервые очутился на равной почвѣ съ своими собесѣдниками, потому что въ разговорахъ съ друзьями отца онъ всегда сознавалъ себя ученикомъ передъ учителями. Милль рѣзко выставляетъ ту громадную пользу, которую онъ извлекаетъ изъ этихъ бесѣдъ и общаго чтенія различныхъ сочиненій по логикѣ, психологіи и политической экономіи. „Я всегда считалъ, говоритъ онъ, — что только съ этого времени я сталъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ мыслителемъ. Благодаря этимъ

*) Это усовершенствованіе въ литературномъ изложеніи обнаружилось, по словамъ Милля, впервые въ политическихъ статьяхъ, напечатанныхъ имъ въ 1825 году, въ журналѣ «Parliamentary History and Review» и которыя, трагунъ о тогдашнемъ коммерческомъ кризисѣ денежнаго обращенія, объ ограниченіи правъ католиковъ и т. д., были значительнымъ шагомъ впередъ въ литературномъ и ученомъ изложеніи, сравнительно съ его первыми юношескими попытками.

преніямъ, я также приобрѣлъ или, по крайней мѣрѣ, усилилъ ту умственную привычку, которой я приписываю все, что сдѣлалъ или когда-либо сдѣлаю въ области умозрѣній,—привычку никогда не довольствоваться полуразрѣшеніемъ представляющихся трудностей, не бросать никакой задачи, не разрѣшивъ ее во что-бы то ни стало, не оставлять безъ изслѣдованія ни одной темной стороны вопроса только потому, что она кажется неважной, и не считать, что я понялъ одну часть предмета, не усвоивъ его вполне". Не довольствуясь преніями между собою, Милль и его друзья принимали участіе въ другомъ публичномъ обществѣ, основанномъ сторонниками Мена, подъ названіемъ кооперативнаго, гдѣ они отстаивали свои мнѣнія противъ нападокъ на Овена. Впослѣдствіи-же стараніями Милля было открыто еще болѣе обширное общество, въ засѣданіяхъ котораго велись горячія пренія о политическихъ и научныхъ вопросахъ между сторонниками всевозможныхъ мнѣній—торіями, вигами, радикалами и т. д., конечно, преимущественно принадлежавшими къ молодому поколѣнію.

Наконецъ, въ маѣ 1823 года Милль поступилъ на службу индійской компаніи, и этотъ выборъ карьеры, сдѣланный отцомъ, онъ признаетъ самымъ удачнымъ въ отношеніи своего умственного развитія. „Я не знаю, говоритъ онъ,—ни одного занятія, которое-бы, подобно этой службѣ, было-бы такъ удобно для человѣка, неимѣющаго независимаго положенія, но желающаго посвятить часть дня на свои собственные умственные занятія. Журнальную работу нельзя посовѣтовать какъ постоянное средство къ жизни человѣку, способному совершить что-либо въ высшихъ отрасляхъ литературы и мысли, не только по причинѣ невѣрности этого источника обезпеченія, особенно если авторъ имѣетъ совѣсть и не согласится служить чужимъ убѣжденіямъ, ноипотому, что сочиненія, дающія средства къ жизни, обыкновенно, пишутся на-скоро и долго не живутъ... Книжки, образующія будущихъ мыслителей, требуютъ слишкомъ много времени для ихъ составленія и, по выходѣ въ свѣтъ, слишкомъ медленно приобретаютъ извѣстность, чтобъ служить источникомъ существованія. Люди, живущіе перомъ, должны ограничиваться литературнымъ баластомъ или, по крайней мѣрѣ, сочиненіями затрогивающими любопытство толпы; они могутъ предаваться своимъ собственнымъ занятіямъ только въ свободное время отъ обязательной работы, которая занимаетъ гораздо болѣе времени,

чѣмъ служебныя занятія, и гораздо болѣе утомляетъ и ослабляетъ умъ. Что касается меня, то въ продолженіи всей моей жизни я находилъ въ служебныхъ обязанностяхъ положительное отдохновеніе отъ моихъ умственныхъ занятій, которыя я велъ параллельно. Эти служебныя обязанности отличались достаточнымъ умственнымъ элементомъ, чтобы не составлять непріятнаго механическаго труда, но въ то-же время онѣ не требовали напряженія умственныхъ способностей, привыкшихъ къ отвлеченному мышленію и литературной работѣ. Я согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, что доставленный мнѣ моимъ официальнымъ положеніемъ случай лично познакомиться съ необходимыми условіями веденія общественныхъ дѣлъ имѣлъ полезное вліяніе на меня, какъ на теоретическаго реформатора современныхъ мнѣній и учреждений. Нельзя сказать, чтобы общественная дѣятельность, ограниченная писаніемъ бумагъ, исполняемыхъ на другомъ полушаріи, могла доставить мнѣ большое практическое знаніе въ жизни, но мои официальныя занятія давали мнѣ возможность видѣть различныя трудности и слышать, какъ разносторонне обсуждались всевозможныя средства для удаленія этихъ трудностей, а также практически изучить такія общественныя и политическія мѣры, которыя не приводили къ ожидаемымъ отъ нихъ результатамъ, и почему именно. Главная-же польза этой дѣятельности заключалась въ томъ, что я работалъ вмѣстѣ съ другими и составлялъ только одно колесо въ общей машинѣ. Какъ умозрительный писатель, я могъ-бы совѣтоваться только съ самимъ собою и никогда не встрѣтилъ-бы въ этой теоретической дѣятельности тѣхъ затрудненій, которыя непремѣнно обнаружались-бы, какъ только я вздумалъ-бы примѣнять свои теоріи къ практикѣ; но какъ секретарь, на обязанности котораго было вести политическую корреспонденцію, я не могъ выразить ни одного мнѣнія, не доказавъ предварительно правильность его или не попробовавъ убѣдить людей, имѣвшихъ между собою очень мало общаго. Такимъ образомъ, я находился въ хорошемъ положеніи, чтобы научиться лучшему методу побуждать людей къ принятію такихъ идей, къ которымъ они вовсе не привыкли; въ то-же время я практически ознакомился со всѣми трудностями вести къ извѣстнымъ цѣлямъ значительное собраніе людей, съ необходимостью сдѣлать, съ искусствомъ жертвовать несущественными сторонами вопроса для торжества существенныхъ. Я приобрѣлъ умѣнье довольствоваться тѣмъ, что воз-

можно, когда нельзя было добиться большего, съ удовольствіемъ достигать хотя малѣйшей части того, чего нельзя было достигнуть въ полной мѣрѣ, и равнодушно переносить совершенное пораженіе, не поддаваясь никогда отчаянію и унынію. Эти способности въ послѣдующей жизни оказались чрезвычайно важными для личнаго моего счастья и одинаково необходимы всякому теоретическому или практическому дѣятелю для совершенія наибольшаго количества добра, согласно обстоятельствамъ“.

При такихъ условіяхъ воспитанія и постояннаго саморазвитія выступилъ Милль на жизненное поприще однимъ изъ немногочисленныхъ членовъ такъ-называемой бентамовской школы утилитаристовъ. По его словамъ, такой школы, въ строгомъ смыслѣ этого слова, никогда не существовало и общепринятое понятіе, что Бентамъ былъ окруженъ группою учениковъ, черпавшихъ изъ его устъ готовые мнѣнія, ничто иное, какъ басня. Вліяніе Бентама на всѣхъ тѣхъ, которые считались его учениками, было хотя и громадное, но лишь чрезъ посредство его сочиненій, а предполагаемая бентамовская школа сводилась въ тому, что вокругъ отца Милля сгруппировалось нѣсколько молодыхъ людей, раздѣлявшихъ его политическія и философскія мнѣнія, а такъ-какъ эти мнѣнія въ главныхъ чертахъ были тождественны съ мнѣніями Бентама и Бентамъ былъ гораздо талантливѣе Джемса Милля, то все движеніе, котораго душою былъ онъ, пользовалось названіемъ бентамовскаго. Вполнѣ отдавая справедливость Бентаму и не равняя даже съ нимъ своего отца, Милль, однако, приписываетъ громадное, недостаточно еще оцѣненное въ Англии, вліяніе своего отца на молодое поколѣніе того времени. „Копечно, говорить онъ, — было-бы смѣшно приписывать ему такія-же заслуги въ отношеніи всего человѣчества, какія оказалъ Бентамъ. Онъ не произвелъ переворота или, лучше сказать, не создалъ, какъ Бентамъ, одной изъ величайшихъ отраслей человѣческой мысли, но своими сочиненіями и, главное, своимъ личнымъ вліяніемъ онъ былъ великимъ источникомъ свѣта для своего поколѣнія. Какъ Брутъ былъ послѣднимъ римляниномъ, онъ былъ послѣднимъ изъ сильныхъ, мужественныхъ бойцовъ XVIII вѣка и продолжалъ развитіе мыслей и чувствъ этого великаго вѣка (конечно, допуская измѣненія и усовершенствованія) противъ реакціи первой половины XIX вѣка. Впродолженіи послѣднихъ лѣтъ своей жизни

онъ былъ на-столько-же главою образованныхъ радикаловъ Англіи, какъ Вольтеръ былъ главою философовъ во Франціи. По могуществу его вліянія (въ силу одного ума и характера) на убѣжденія и стремленія окружающихъ его людей и по неуклонному, энергичному направленію этого вліянія на распространеніе идей свободы и прогресса, онъ не имѣлъ себѣ равныхъ.“ Вліяніе Джемса Милля, столь пламенно отстаиваемое его сыномъ, главнымъ образомъ распространялось, кромѣ его сочиненій и разговоровъ, молодыми людьми, окружавшими его, и, конечно, болѣе всѣхъ тѣмъ, умъ котораго былъ непосредственно имъ образованъ. Такимъ образомъ, молодой Милль сдѣлался центромъ юной партіи, которая съ ученіемъ Бентама соединила политическую доктрину.

„Всѣ эти мнѣнія, говоритъ Милль,—поддерживались съ юношескимъ фанатизмомъ маленькимъ кружкомъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находился и я; мы отличались такимъ сектаторскимъ духомъ, въ какомъ—по крайней мѣрѣ, сознательно—никогда не былъ повиненъ отецъ. Насъ иногда, по недѣльному преувеличенію, называли „школою“, но нѣкоторые изъ насъ, и болѣе всѣхъ я, надѣялись и стремились составить школу. Я долженъ признаться, что даваемое такъ часто послѣдователямъ Бентама названіе мыслящей машины, хотя несоотвѣтствующее многимъ изъ послѣдователей Бентама, было почти справедливо въ отношеніи меня впродолженіи двухъ или трехъ лѣтъ моей жизни. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: ни одинъ юноша, вступая на жизненное поприще, не можетъ быть разностороннимъ, и я именно былъ одностороненъ. Самолюбія и желанія отличія во мнѣ было много и ревность къ тому, что я считалъ благомъ челоуѣчества, была сильнѣйшимъ во мнѣ чувствомъ, придававшимъ характеръ всѣмъ остальнымъ. Но въ то время эта ревность ограничивалась областью умозрѣній и не имѣла корня въ истинномъ сочувствіи къ другимъ и въ искреннемъ челоуѣколюбіи, хотя эти качества занимали подобающее имъ мѣсто въ моемъ нравственномъ сознаніи. Кромѣ того, эта ревность не была соединена съ значительнымъ энтузіазмомъ къ возвышеннымъ, благороднымъ идеаламъ, хотя я былъ очень склоненъ къ этому чувству, но въ то время оно было лишено своей естественной пищи—поэтической культуры, а противоположное развитіе логики и анализа было во мнѣ чрезвычайно сильно. Прибавьте къ этому, что ученія моего отца всегда при-

давали слишкомъ низкую цѣну вообще чувствамъ и, что мы, особенно я, придавали развитію чувствъ, исключая чувства личнаго и общественнаго долга, очень мало значенія. Это было тѣмъ понятіемъ, что наши основныя теоріи постоянно отвергались во имя чувства нашими противниками, которые называли принципъ полезности холоднымъ расчетомъ, политическую экономію — безжалостной, а законъ Мальтуса — нарушающимъ естественныя чувства человѣка. Мы на это отвѣчали словами: „сентиментальность“, „общія мѣста“, „декламація“. Хотя вообще мы были правы, но слѣдствіемъ такого настроенія было теоретическое и практическое равнодушіе къ развитію чувствъ и непризнаваніе поэзіи и вообще воображенія полезнымъ элементомъ человѣческой культуры. Мы стремились главнымъ образомъ къ тому, чтобы измѣнить мнѣнія людей, побудить ихъ вѣрить только очевидности и держаться своихъ насущныхъ интересовъ. Вполнѣ признавая возвышенное достоинство безкорыстнаго человѣколюбія и любви къ справедливости, мы ожидали возрожденія человѣчества не отъ прямой дѣятельности этихъ чувствъ, но отъ вліянія образованнаго ума и правильно направленаго себялюбія. Хотя это послѣднее условіе чрезвычайно важно, какъ средство усовершенствованія, въ рукахъ людей, побуждаемыхъ болѣе благородными принципами, но я не думаю, чтобы кто-либо изъ оставшихся въ живыхъ послѣдователей Бентама основывалъ и нынѣ на этомъ все свои надежды на усовершенствованіе человѣческаго общества и человѣческой жизни“.

Разсказъ о перемѣнѣ, происшедшей въ Миллѣ въ этомъ отношеніи, составляетъ лучшія, краснорѣчивѣйшія страницы его автобіографіи и мы приведемъ ихъ здѣсь почти цѣликомъ.

„Съ зимы 1821 года, говоритъ онъ, — когда я впервые прочелъ Бентама, и особенно съ начала изданія „Вестминстерскаго обозрѣнія“, я имѣлъ цѣль въ жизни — быть реформаторомъ всего міра. Мое понятіе о личномъ счастьѣ сливалось совершенно съ этою цѣлью. Я старался на пути жизни собрать возможно болѣе цвѣтовъ, но полнымъ, совершеннымъ удовлетвореніемъ моихъ желаній могло быть только стремленіе къ избранной мною великой цѣли, и я поздравлялъ себя съ прочнымъ счастьемъ въ жизни, такъ-какъ мой идеалъ счастья былъ такъ далекъ, что постоянно можно было подвигаться къ нему, но никогда его не достигъ. Подобнымъ образомъ я существовалъ нѣсколько лѣтъ, находя пол-

нѣйшее наслажденіе въ томъ сознаніи, что на свѣтѣ происходятъ постоянныя улучшенія и я участвую въ борьбѣ для достиженія этихъ улучшеній. Но пришло время, когда я какъ-бы очнулся отъ сна. Это было осенью 1826 года. Я находился въ мрачномъ настроеніи духа, какъ случается со всякимъ; нервы мои были разстроены и неспособны ощущать никакого удовольствія, — однимъ словомъ, я находился въ такомъ настроеніи, когда все кажется пошлымъ, непріятнымъ и на все смотришь равнодушно; въ такомъ положеніи, я полагаю, находятся методисты, когда ихъ впервые посѣщаетъ внутреннее сознаніе грѣха. Въ это время въ головѣ моей мелькнула мысль предложить себѣ слѣдующій вопросъ: „если всѣ твои цѣли въ жизни осуществляются, если-бъ въ настоящую минуту могли произойти тѣ перемѣны въ человѣческихъ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, которыхъ ты добиваешься, то составило-ли-бы это для тебя величайшую радость и полное счастье?“ Непреодолимый голосъ совѣсти прямо отвѣчалъ: „нѣтъ!“ Сердце мое дрогнуло, все зданіе моей жизни разомъ рухнуло. Я ставилъ все свое счастье въ постоянномъ стремленіи къ одной цѣли; эта цѣль потеряла для меня свою обаятельную силу; зачѣмъ-же было болѣе къ ней стремиться? Къ чему было долѣе жить? Сначала я надѣялся, что облако, омрачившее мое существованіе, пройдетъ само собою, но эта надежда не исполнилась. Сонъ—вѣрное средство противъ мелкихъ непріятностей жизни—нисколько не подѣйствовалъ въ этомъ случаѣ и я проснулся съ такимъ-же яснымъ сознаніемъ своего горькаго положенія, съ какимъ и заснулъ. Оно не оставляло меня ни во время занятій, ни во время прогулокъ, ни дома, ни въ обществѣ. Ничто не могло доставить мнѣ забвенія хоть на минуту. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ облако все становилось мрачнѣе и непроницаемѣе, мое положеніе было тѣмъ не выносимѣе, что меня душило, по словамъ поэта Кольриджа: „Горе, безъ муки, потери, печали или угрызенія, горе мрачное, безстрастное, подавленное, не находящее исхода или утѣшенія ни въ словѣ, ни во вздохѣ, ни въ слезѣ“. Тщетно искалъ я утѣшенія въ моихъ любимыхъ книжкахъ-- этихъ славныхъ памятникахъ прошедшаго величія и благородства, въ которыхъ я всегда черпалъ новыя силы и энергію. Теперь я читалъ ихъ безъ всякаго чувства или съ обычнымъ чувствомъ, но лишеннымъ его чарующаго элемента, такъ-какъ я убѣдился, что моя любовь къ человѣчеству и къ

идеалу совершенства, ради ихъ самихъ, совершенно исчезла. Я не искалъ утѣшенія въ сочувствіи другихъ и никому не повѣдалъ своего горя. Если-бъ я любилъ кого-нибудь на-столько, чтобъ ощущалъ необходимость дѣлиться всѣми чувствами, то я, конечно, не былъ-бы въ такомъ положеніи. Къ тому-же я сознавалъ, что это положеніе вовсе не было интересно и ни въ какомъ случаѣ не могло быть особеннымъ предметомъ сожалѣнія. Конечно, добрый совѣтъ былъ-бы для меня чрезвычайно полезенъ, но я не зналъ, гдѣ его искать. Отецъ, къ которому я, естественно, обратился-бы за содѣйствіемъ во всякомъ практическомъ затрудненіи, былъ послѣднимъ человекомъ, къ которому я подумалъ-бы прибѣгнуть въ этомъ отношеніи. Все убѣждало меня, что онъ не имѣлъ понятія о подобномъ умственномъ состояніи, и если-бъ ему и можно было его растолковать, то онъ не былъ врачомъ, способнымъ исцѣлить подобный недугъ. Мое воспитаніе было дѣломъ его рукъ, но онъ, конечно, никогда не подозрѣвалъ, чтобъ оно могло привести къ подобному результату, и я считалъ бесполезнымъ причинить ему печальное сознаніе въ неуспѣхъ его плановъ, когда этому помочь было нельзя или, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ помочь. Другихъ друзей я въ то время не имѣлъ, т. е. такихъ, которые могли-бы понять мое тогдашнее положеніе. Что же касается меня самого, то оно мнѣ было совершенно понятно, и чѣмъ болѣе я думалъ о немъ, тѣмъ оно казалось мнѣ безнадежнѣе.

„Мое воспитаніе внушило мнѣ убѣжденіе, что всѣ умственные и нравственные чувства и качества, какъ добрыя, такъ и злыя, были результатами ассоціаціи идей съ извѣстными предметами; что мы любимъ одно и ненавидимъ другое, чувствуемъ удовольствіе въ одномъ дѣйствіи или созерцаніи, а страданіе въ другомъ—отъ приданныхъ воспитаніемъ или жизненнымъ опытомъ этимъ предметамъ идей удовольствія или страданія. Изъ этого, какъ я часто слышалъ отъ отца и былъ самъ убѣжденъ, вытекало то, что цѣль воспитанія—состоитъ въ томъ, чтобы развить, сколько возможно сильнѣе, ассоціацію идей удовольствія со всѣмъ, что ведетъ къ общему благоденствію и идеи страданія со всѣмъ, что нарушаетъ это благоденствіе. Эта теорія была, повидимому, непреложна, но теперь мнѣ казалось, бросая взглядъ назадъ, что мои учителя поверхностно занимались изысканіемъ средствъ къ образованію и

поддержкѣ подобной полезной ассоціаціи идей съ извѣстными предметами. Они, повидимому, вполне надѣялись на дѣйствительность старинныхъ обычныхъ орудій: похвалы и порицанія, награды и наказанія. Я не сомнѣвался, что этими средствами, если къ нимъ прибѣгали съ раннихъ лѣтъ и постоянно, можно было создать твердыя ассоціаціи идей страданія и удовольствія съ извѣстными предметами (особенно страданія), которыя въ свою очередь могли возбудить желанія и апатіи, способныя сохраниться на всю жизнь. Но въ созданныхъ такимъ образомъ ассоціаціяхъ всегда должно быть нѣчто искусственное. Идеи страданія и удовольствія, насильственно навязываемыя извѣстнымъ предметамъ, не соединены съ ними какими-либо естественными узами, и потому я полагалъ необходимымъ для долговѣчности этихъ ассоціацій, чтобы онѣ окрѣпли и стали нерасторжимы до начала обычной дѣятельности могучей силы анализа. Теперь я видѣлъ или, какъ мнѣ казалось, видѣлъ (прежде я никогда этому не вѣрилъ), что постоянная привычка анализа сглаживаетъ чувства, и, дѣйствительно, это случается, когда не развиваютъ никакихъ другихъ умственныхъ привычекъ и духъ анализа остается безъ его естественныхъ дополненій и смягченій. Главнѣйшее достоинство анализа заключается именно въ способностей ослабить и пошатнуть все, что является результатомъ предрасудковъ, а также въ доставленіи намъ возможности умственно отдѣлять идеи только случайно соединенныя. Никакія ассоціаціи идей съ извѣстными предметами не могли-бы, въ концѣ концовъ, устоять передъ этой разлагающей силой, если-бы мы не были обязаны анализу яснымъ сознаниемъ связи между причинами и послѣдствіями въ природѣ, истиннаго соответствія предметовъ между собою, независимо отъ нашей воли и чувствъ, и естественныхъ законовъ, въ силу которыхъ во многихъ случаяхъ одинъ предметъ фактически не можетъ быть отдѣленъ отъ другого. Чѣмъ яснѣе постигаются эти естественные законы, тѣмъ представленія предметовъ, вѣчно соединенныхъ въ природѣ, связуются все ближе и ближе въ нашихъ мысляхъ. Привычка анализа можетъ, такимъ образомъ, усилить отношеніе между причиной и слѣдствіемъ, средствомъ и цѣлью, но въ то-же время ослабитъ тѣ ассоціаціи идей съ извѣстными предметами, которыя, говоря обыкновеннымъ языкомъ, основаны на чувствѣ. Поэтому привычка анализа развиваетъ благоразуміе

и ясность взглядовъ, но точить, какъ червь, корень страстей и чувствъ, а главнымъ образомъ подкапываетъ всѣ желанія и ощущенія удовольствія, исключая чисто-физическихъ и органическихъ, которыя, по моему убѣжденію, совершенно недостаточны для придаія жизни какой-либо прелести. Вотъ какіе законы чело-вѣческой природы, мнѣ казалось, привели меня къ моему тог-дашнему положенію. Люди, мнѣніями которыхъ я привыкъ руко-водствоваться, считали величайшими и вѣрнѣйшими источниками счастья глубокую симпатію къ другимъ людямъ и чувства, ставящія благоденствіе всего чело-вѣчества цѣлью жизни. Я былъ убѣжденъ въ справедливости этого, но сознаніе, что извѣстное чувство могло меня сдѣлать счастливымъ, если-бъ я имъ обла-далъ, не давало мнѣ этого чувства. Мое воспитаніе не развило во мнѣ этихъ чувствъ въ достаточной силѣ, чтобъ противостоять разлагающему вліянію анализа, тогда какъ весь ходъ моего ум-ственного образованія пріучилъ меня къ раннему, преждевременному критицизму. Такимъ образомъ, я съ самаго начала моего стран-ствія по жизненнымъ волнамъ имѣлъ хорошо оснащенный корабль и руль, но не было у меня парусовъ; я не чувствовалъ истин-наго желанія достигнуть тѣхъ цѣлей, для достиженія которыхъ я былъ такъ старательно подготовленъ; я не ощущалъ удовольствія ни въ добродѣтели, ни въ общемъ благѣ, ни въ чемъ-либо дру-гомъ. Источники самолюбія и тщеславія, казалось, исчезли во мнѣ, также какъ и источникъ доброты и сочувствія. Чувство самолю-бія было отчасти удовлетворено въ слишкомъ раннемъ возрастѣ; я достигъ нѣкотораго значенія и чувствовалъ въ себѣ нѣкото-рое достоинство прежде, чѣмъ желаніе добиться значенія стано-вится жгучей страстью; несмотря на всю незначительность то-го, чего я достигъ, одинъ фактъ этого преждевременнаго дости-женія, какъ всякое преждевременное удовольствіе, сдѣлалъ меня равнодушнымъ, *blase*. Такимъ образомъ, всѣ удовольствія, эго-истичныя и неэгоистичныя, потеряли для меня одинаково всякое значеніе удовольствія, и, казалось, не было силы въ природѣ, ко-торая могла-бы начать сънова образованіе моего характера и создать въ моемъ умѣ, неумолимо аналитическомъ, ассоціацію идеи удовольствія съ какими-бы то ни было предметомъ чело-вѣческихъ желаній.

„Вотъ мысли, которыя прижѣшивались къ тяжелому, мрачному

унынію, овладѣвшему мною въ меланхолическую зиму 1826 и 1827 годовъ. Однако, я не бросаю своихъ обычныхъ занятій, продолжая ихъ механически, по привычкѣ, и даже принималъ по-прежнему участіе въ засѣданіяхъ нашего общества, хотя рѣшительно ничего не помню, что тамъ дѣлалось и говорилось въ эту эпоху. Но за то живо сохранился въ моей памяти тотъ постоянный вопросъ, который я задавалъ самъ себѣ: могъ-ли я и обязанъ-ли былъ жить, когда жизнь потеряла всю свою прелесть? На это я обыкновенно отвѣчалъ, что не выдержу такой жизни болѣе года. Однако, черезъ шесть мѣсяцевъ слабый лучъ свѣта проникъ въ окружающій меня мракъ. Я случайно взялъ въ руки мемуары Мармонтеля и остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ описываетъ смерть отца, ужасное положеніе семьи и неожиданную его рѣшимость замѣнить, несмотря на свои юные годы, все то, что они потеряли. Я живо представилъ себѣ эту сцену; чувства, одушевлявшія юношу, тронули меня и я даже прослезился. Съ этой минуты бремя, тяготившее меня, стало гораздо легче. Страшная мысль, что всякое чувство изсякло во мнѣ, теперь исчезла. Я не былъ болѣе безпомощнымъ, не былъ болѣе деревомъ или камнемъ. Все еще, повидимому, во мнѣ оставались источники всего лучшаго въ человѣческомъ характерѣ и способность быть счастливымъ. Освободясь отъ постоянного сознанія въ неизлечимости моего бѣдственнаго положенія, я постепенно сталъ находить, что обыкновенныя событія жизни могли приносить мнѣ нѣкоторое удовольствіе, что солнечные лучи, небо, книги, разговоры и общественныя дѣла могли снова приносить мнѣ наслажденіе, если не глубокое, то все-же достаточное для приданія мнѣ хорошаго настроенія; что дѣятельность въ пользу общаго блага и распространеніе моихъ мнѣній могло приносить мнѣ удовлетвореніе, хотя очень умѣренное. Такимъ образомъ, облако, отуманившее мой умъ, стало мало-по-малу рѣдѣть и я снова сталъ наслаждаться жизнью; хотя мрачные припадки унынія еще иногда возвращались и продолжались по нѣскольку мѣсяцевъ, но я уже никогда не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ.“

Этотъ внутренній переворотъ имѣлъ большое вліяніе на измененіе характера и убѣжденій Милля. Во-первыхъ, онъ усвоилъ себѣ теорію жизни, далеко непоходившую на прежнюю; не сомнѣваясь въ правильности своего прежняго убѣжденія, что

счастье—цѣль жизни, онъ теперь полагалъ, что этой цѣли можно достигнуть только, не выставляя ее прямою, непосредственной цѣлью, а считая подобной цѣлью что-либо другое, напримѣръ, счастье другихъ, усовершенствованіе человѣчества, какое-нибудь искусство или предпріятіе. „На служеніе этой цѣли, говоритъ онъ,—употребите все свое самосознаніе, всю свою способность къ анализу, и если другія обстоятельства вашей жизни сложились удачно, то вы будете счастливы, вдыхая въ себя счастье вмѣстѣ съ воздухомъ, а не думая о немъ, не анализируя его. Эта теорія стала основой моей философіи жизни и я до сихъ поръ считаю ее лучшей теоріей для всѣхъ, кто обладаетъ умѣренной впечатлительностью и умѣренной способностью къ наслажденію, т. е. для большинства человѣчества“. Другая важная переменна въ мнѣніяхъ Милля заключалась въ томъ, что онъ впервые отвелъ добавочное мѣсто въ ряду главныхъ условий человѣческаго благосостоянія внутренней культурѣ индивидуальнаго человѣка. Развитіе чувствъ сдѣлалось однимъ изъ главныхъ основаній его нравственной и философской теоріи и она привелъ къ убѣжденію въ важности поэзіи и искусствъ, какъ факторовъ человѣческой культуры. До этого убѣжденія онъ однако дошелъ не вдругъ и своимъ личнымъ опытомъ: музыка и поэзія оказали значительное содѣйствіе его излеченію во время мучительнаго періода унынія. При этомъ замѣчательно, что польза, принесенная ему музыкой, которая доставила ему новое, еще неиспытанное удовольствіе, омрачилась нѣсколько мыслію, что это наслажденіе не можетъ быть продолжительно, такъ-какъ музыкальныя комбинаціи должны были со временемъ истощиться, въ виду ограниченнаго числа сочетаній, особенно пріятныхъ для слуха, между пятью тонами и двумя полутонами, составляющими октаву. Что-же касается поэзіи, то самое благодѣтельное вліаніе на Милля имѣло чтеніе мелкихъ стихотвореній Вордсворта, чему онъ придаетъ значеніе важнаго событія его въ жизни. „Поэзія Вордсворта, говоритъ онъ,—прежде всего затрогивала одну изъ моихъ чувствительнѣйшихъ струнъ—любовь къ природѣ и сельской жизни, но, главное, она изображала не только внѣшнюю красоту, но состояніе чувствъ и мыслей подъ вліаніемъ красоты. Его поэзія, казалось, имѣла цѣлью развитіе тѣхъ чувствъ, въ которыхъ я нуждался. Мнѣ необходимо было, чтобъ меня заставили почув-

ствовать, сколько истиннаго, постоянного счастья заключалось въ спокойномъ созерцаніи. Вордсвортъ научилъ меня этому, не только не подавивъ во мнѣ сочувствія къ общей судьбѣ человѣчества, но еще усиливъ это сочувствіе. Искреннее наслажденіе, доставленное мнѣ его поэзіей, доказало, что подобное развитіе чувствъ не опасалось самой закоренѣлой привычки къ анализу. Подпавъ подъ вліяніе этой поэзіи, я сталъ сразу себя чувствовать лучше, счастливѣе, и хотя постепенно, но вполне освободился отъ своего мучительнаго состоянія, такъ-какъ никогда болѣе въ такой степени не подвергался припадкамъ унынія. Вообще Вордсворта можно назвать поэтомъ непозитическихъ натуръ, которыя именно и нуждаются въ поэтическомъ развитіи, а подобному развитію Вордсвортъ можетъ гораздо болѣе способствовать, чѣмъ поэты, стоящіе неизмѣримо выше его“.

Въ эту эпоху внутренней переработки вѣсѣхъ своихъ прежнихъ мнѣній, Милль, котораго, по его словамъ, многіе называли „сдѣланнымъ“, искусственнымъ человѣкомъ, ясно сознавалъ, что зданіе его старыхъ, заученныхъ мнѣній во многихъ мѣстахъ пошатнулось и требуетъ перестройки. Этой тяжелой, но самой благотворной работѣ онъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ, въ продолженіи которыхъ ничего не печаталъ и не принималъ участія въ засѣданіяхъ основаннаго имъ общества для обсужденія политическихъ и соціальныхъ вопросовъ.

Избравъ въ эту эпоху жизни своимъ девизомъ „многосторонность“, Милль подвергся вліянію самыхъ различныхъ политическихъ взглядовъ, заимствуя изъ нихъ все то, что было въ нихъ справедливаго и строго-научнаго; такъ, съ одной стороны, на него вліяла господствовавшая въ то время реакція XIX столѣтія противъ XVIII, выражавшаяся въ сочиненіяхъ Гёте, Кольриджа, первыхъ статей Карляйля и въ разговорахъ съ послѣдователями Кольриджа, съ которыми въ то время онъ близко сошелся, а съ другой—на него сильно подѣйствовалъ новый методъ обсужденія политическихъ вопросовъ, основанный однимъ изъ блестящихъ въ то время представителей соціологіи Контомъ. Всего болѣе поразилъ его полный, связанный взглядъ этого писателя на естественный порядокъ человѣческаго прогресса и раздѣленіе исторіи на органическіе и критическіе періоды. „Эта теорія, говоритъ онъ,-- вполне гармонировала съ всеми тогдашними понятіями и придавала имъ научную форму; но

главная польза, извлеченная мною изъ этого ученія, заключалась въ болѣе ясномъ сознаніи всѣхъ особенностей переходной умственной эпохи (какою представляется наше время), вслѣдствіе чего я пересталъ ошибочно принимать характеристическія умственные и нравственныя черты подобной эпохи за нормальные атрибуты человѣчества. Я смотрѣлъ теперь впередъ, не останавливаясь на настоящемъ вѣкѣ громкихъ споровъ, но слабыхъ убѣжденій, и устремлялъ взоры въ будущее, которое соединитъ лучшія свойства критическаго и органическаго періодовъ, безграничную свободу мысли, непредѣльную свободу индивидуальной дѣятельности, насколько она не приноситъ вреда другимъ, и правильныя убѣжденія о добрѣ и злѣ, о полезномъ и вредномъ“. Вообще цѣль этого ученаго считалъ я желательной и раціональной и хотя не вѣрилъ ни въ практичность, ни въ благотворное вліяніе идеи соціальной, но я чувствовалъ, что заявленіе подобнаго идеала человѣческаго общества не могло не придать благодѣтельнаго направленія усиліямъ другихъ подвинуть общество по пути, къ какому-либо идеальному состоянію“.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разнородныхъ условій умственное развитіе Милла дошло до своего конечнаго результата, и хотя во всю послѣдующую жизнь онъ постоянно развивалъ и усовершенствовалъ свои мнѣнія, но съ окончаніемъ того, что онъ самъ называетъ кризисомъ въ своемъ умственномъ развитіи, онъ явился во всемъ блескѣ своего ума на ученой, литературной и политической аренахъ. Особенно знаменателенъ былъ его „шагъ впередъ“ въ политическомъ отношеніи, и вся его послѣдующая дѣятельность была только блестящимъ выраженіемъ тѣхъ великихъ истинъ, до которыхъ онъ тогда додумался. „Въ области политики, говоритъ онъ, — я уже не признавалъ болѣе доктрину моего отца, выраженную въ его „Очеркѣ правительственной системы“, научной теоріей; я пересталъ считать представительную форму демократіи абсолютнымъ принципомъ, а, напротивъ, полагалъ, что это вопросъ времени, мѣста и обстоятельствъ, наконецъ, я смотрѣлъ теперь на выборъ политическихъ учрежденій болѣе какъ на нравственный и воспитательный вопросъ, чѣмъ какъ на вопросъ матеріальныхъ интересовъ, полагая, что его слѣдовало разрѣшать согласно тому, какое великое усовершенствованіе въ жизни и культурѣ стояло на очереди для даннаго народа,

какъ условіе его будущаго прогресса, и какія учрежденія всего вѣроятнѣе могли тому способствовать. Однако, эта переменна въ моеѣ политической философіи нисколько не измѣнила моихъ практическихъ и политическихъ мнѣній относительно потребностей моего времени и страны. Я болѣе, чѣмъ когда-нибудь, былъ радикаломъ и демократомъ въ отношеніи Европы и особенно Англіи.

IV.

ЖЕНА МІЛЛЯ И ЕЯ ВЛІЯНІЕ.

„Мое первое знакомство съ женщиной, которая послѣ двадцатилѣтней дружбы согласилась выйти за меня замужъ, было въ 1831 году, когда мнѣ только-что минуло двадцать-четыре года, а ей двадцать-два. Хотя прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ наши отношенія приняли характеръ тѣсной дружбы и полного довѣрія *), но я почти съ первой встрѣчи съ нею почувствовалъ, что никогда не видывалъ такого прекраснаго существа. Конечно, она не была, да и никто не могъ быть въ тѣ лѣта, когда я ее впервые увидалъ, тѣмъ совершенствомъ, которымъ она сдѣлалась внослѣдствіи. До того времени, когда я съ ней познакомился, ея богатая, сильная натура преимущественно выражалась въ обычной формѣ женскаго совершенства. Для внѣшняго свѣта она была красавицей и умной женщиной, поражавшей всѣхъ своимъ природнымъ возвышеннымъ достоинствомъ; для людей близкихъ она была существомъ съ сильными, глубокими чувствами, съ пронизательнымъ умомъ и созерцательной, поэтической натурой. Она вышла замужъ очень рано, за человѣка честнаго, прямого, благороднаго, отличавшагося хорошимъ воспитаніемъ и ли-

*) Въ другомъ мѣстѣ автобіографіи Милль говоритъ, что хотя нѣкоторые можно толковали его частыя посѣщенія мистрисъ Тэлоръ, жившей большею частью безъ мужа и за-городомъ, а также путешествія, иногда предпринимаемыя ими вдвоемъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ихъ поведение не давало ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ чистотѣ ихъ отношеній, которыя были только дружескими. „Хотя мы не признавали, прибавляетъ онъ,—для себя обязательными правила общественныхъ приличій въ такомъ личномъ, касавшемся насъ однихъ дѣлѣ, однако, мы считали своимъ долгомъ не допускать, чтобъ наше поведение набросило какую-нибудь тѣнь на ея мужа (котораго я уважалъ) а слѣдовательно и на нее“.

беральными мѣнiями, но неимѣвшего тѣхъ умственныхъ и артистическихъ наклонностей, которыя сдѣлали-бы его достойнымъ спутникомъ ея жизни, хотя онъ всегда былъ самымъ вѣрнымъ, любящимъ ея другомъ и она постоянно питала къ нему неизмѣнное уваженіе и сильную привязанность, а послѣ смерти глубоко его сожалѣла. При такой семейной обстановкѣ и лишенная общественными условіями возможности обратитъ свои высокія способности на вѣдѣтельную практическую дѣятельность, она проводила жизнь большею частью сосредоточенную, разнообразя ее только дружескими отношеніями къ небольшому кружку знакомыхъ. Я имѣлъ счастье попасть въ этотъ кружокъ и вскорѣ убѣдился, что въ ней соединены были тѣ качества, которыя во всѣхъ другихъ людяхъ я съ радостью пріивѣтствовалъ по одиночкѣ. Полное освобожденіе отъ всякихъ предразсудковъ (въ томъ числѣ и того, который приписываетъ безграничное совершенство устройству природы и міра) и пламенный протестъ противъ многихъ условій общественнаго строя были въ ней результатомъ не сухого аналитическаго ума, а благороднаго, возвышеннаго чувства, и существовали рядомъ съ пламенной наклонностью уважать и любить то, что достойно уваженія и любви. Въ отношеніи ея общей умственной и душевной характеристики, а также ея характера и натуры, я часто сравнивалъ ее тогда съ Шелли, но, по уму и мыслямъ, Шелли, на-сколько его умственные способности были развиты въ его короткую жизнь, былъ только ребенкомъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась впоследствии. Какъ въ высшихъ областяхъ умозрѣнія, такъ и въ мелкихъ практическихъ вопросахъ ежедневной жизни, ея умъ одинаково проникалъ до самой сущности каждаго предмета и сразу обнималъ основную идею или принципъ. Ея душевныя способности отличались тѣмъ-же точнымъ и быстрымъ процессомъ, какъ и умственные, такъ что, при ея пламенныхъ чувствахъ и могучемъ воображеніи, она могла бы сдѣлаться гениальнѣйшимъ артистомъ, а при ея горячемъ сердцѣ и энергичномъ краснорѣчii она могла достигъ высшего совершенства, какъ ораторъ; глубокое-же знаніе человѣческой природы и зоркая дальновидность въ практическихъ дѣлахъ дозволили-бы ей въ тѣ времена, когда политическая дѣятельность была открыта женщинамъ, занять видное мѣсто въ ряду правителей человѣчества. Ея умственные дарованія только служи-

ли подспорьемъ ея нравственному характеру, самому благородному и уравновѣшанному, какой я только встрѣчалъ въ жизни. Злбвеніе самой себя было у ней не послѣдствіемъ заученной теоріи долга, но прямо вытекало изъ сердца, до того отождествлявшіеся съ чувствами другихъ, что она часто доходила до крайностей, придавая чувствамъ другихъ ту-же пламенность, которою отличались ея собственныя чувства. Любовь къ справедливости можно было-бы признать за ея первенствующее качество, если-бъ она не отличалась безграничнымъ челоѡколюбіемъ и безпредѣльной добротой, всегда готовой оказать всевозможныя услуги. Остальныя характеристическія черты ея нравственной природы вполне соответствовали основнымъ качествамъ ея ума и сердца: самое искреннее смиреніе соединялось въ ней съ возвышеннѣйшею гордостью, ея простота и чистосердечіе не знали предѣловъ въ отношеніи тѣхъ, которые были достойны ихъ понять; пламенное преврѣніе ко всему низкому и подлому равнялось ея глубокому отращенію ко всякой жестокой, тираннической или безчестной чертѣ въ поведеніи и характерѣ людей.“

Постоянное умственное общеніе съ подобнымъ существомъ не могло не дѣйствовать самымъ благотворнымъ образомъ на мое развитіе, хотя ея вліяніе обнаруживалось очень медленно и постепенно, и только впоследствии ея умственный прогрессъ и мой слились въ одинъ общій потокъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что ея вліяніе, даже когда оно сдѣлалось главнымъ элементомъ моего умственного развитія, не измѣнило пути, по которому я шелъ, но только побуждало меня идти смѣлѣе и въ то-же время осторожнѣе. Единственный переворотъ, происшедшій въ моемъ умѣ, уже былъ совершенно оконченъ и мои новыя стремленія нуждались только въ подкрѣпленіи съ одной стороны и въ смягченіи—съ другой. Единственная-же перемѣна моихъ мнѣній, которая еще предстояла мнѣ, относилась до политики и заключалась, съ одной стороны, въ обобщеніи всѣхъ политическихъ и соціальныхъ моихъ мнѣній, а съ другой—въ превращеніи моего политическаго идеала изъ чистой демократіи, какъ ее обыкновенно понимаютъ въ наше время, въ ту измѣненную ея форму, которая выяснена мною въ моемъ сочиненіи „О представительномъ правленіи“.

Въ этомъ послѣднемъ, третьемъ періодѣ моего умственного развитія, мои мнѣнія выиграла много въ широтѣ и глубинѣ; я по-

нял многое, чего не понималъ прежде, а то, что и понималъ прежде, теперь я сталъ сознавать гораздо основательнѣе. Мало-помалу я совершенно отвернулся отъ всего, что было крайняго въ моей реакціи противъ бентамизма. Въ самомъ разгарѣ этой реакціи я сталъ гораздо хладнокровнѣе относиться къ общепринятымъ мнѣніямъ общества и свѣта, а также сталъ болѣе миролюбиво относиться къ тѣмъ поверхностнымъ улучшеніямъ, которыя начали проявляться въ этихъ мнѣніяхъ, что, конечно, было благопріятнымъ поворотомъ въ моемъ міросозерцаніи. Въ этомъ случаѣ великую нравственную поддержку оказала мнѣ мистрисъ Тэлоръ.

„Основы политической экономіи“ были первой книгой, въ которой жена моя приняла прямое и дѣятельное участіе. Глава этой книги, имѣвшая всего болѣе вліянія: „О вѣроятной будущности рабочихъ классовъ“ — ея произведеніе и въ первоначальной моей рукописи этой главы вовсе не было *). Она указала мнѣ на необходимость ея и не полную трудность безъ этой главы; она побудила меня написать эту главу и общая ея часть, изложеніе и обсужденіе двухъ противоположныхъ теорій о лучшемъ положеніи рабочихъ классовъ, составляетъ лишь передачу ея мыслей, часто ея собственными словами. Чисто-научную часть политической экономіи я не заимствовалъ у нея, но ея вліяніе главнымъ образомъ придало этому сочиненію тотъ общій тонъ, которымъ оно отличается отъ всѣхъ другихъ изложеній политической экономіи, имѣвшихъ притязаніе на научное значеніе. Этотъ тонъ, главнымъ образомъ, заключался въ допущеніи правильнаго различія между законами происхожденія богатства, которые дѣйствительно настоящіе, естественные законы, зависящіе отъ свойствъ предметовъ, и тѣмъ порядкомъ распредѣленія богатства, который подчиненъ нѣкоторымъ условіямъ, зависящимъ отъ человѣческой воли.

*) Милль обыкновенно писалъ свои сочиненія два раза, съ первой строки до послѣдней; въ первой рукописи онъ излагалъ весь предметъ до конца, обращая особенное вниманіе на общій планъ, а потомъ принимался съизнова за дѣло, но во вторую рукопись уже вставлялъ цѣлкомъ тѣ фразы, которыя онъ считалъ вполне удовлетворительными. Этотъ двойной способъ писанія онъ считаетъ чрезвычайно полезнымъ, такъ-какъ въ немъ соединяются свѣжесть и сила первоначальнаго творчества съ точностью и полнотою болѣе продолжительнаго обсуждения предмета.

Обыкновенно политико-экономисты смѣшиваютъ то и другое подъ однимъ названіемъ экономическихъ законовъ, которые они считаютъ неизмѣнными, приписывая тотъ-же характеръ непреложности предметамъ, зависящимъ отъ неизмѣнныхъ условій природы, и тѣмъ, которые служатъ лишь послѣдствіями извѣстныхъ социальныхъ порядковъ. „Основы политической экономіи“, не уступая своимъ предшественникамъ въ стремленіи къ научному опредѣленію экономическихъ законовъ, указали, что экономическія обобщенія, зависящія не отъ необходимыхъ условій природы, а отъ существующаго общественнаго строя, только временныя и подлежатъ измѣненію, согласно развитію общественныхъ условій. Такимъ образомъ, все, что было отвлеченнаго и чисто-научнаго, принадлежало мнѣ *); возвышенный-же, человѣчный элементъ ихъ былъ ея дѣломъ; во всемъ, что касалось примѣненія философскихъ истинъ къ потребностямъ человѣческаго общества и прогресса, я былъ ея ученикомъ, какъ въ смѣлости умозрѣній, такъ и въ осторожности практическихъ сужденій. Тѣ части моихъ сочиненій и особенно „Основы политической экономіи“, которыя признаютъ возможнымъ въ будущемъ то, что такъ гнѣвно отвергалось политико-экономистами въ сочиненіяхъ социалистовъ, безъ ея помощи вовсе не были-бы написаны или отличались-бы болѣе умѣреннымъ характеромъ. Однако, придавая мнѣ смѣлость въ теоретическихъ сужденіяхъ о человѣческихъ дѣлахъ, она, съ своимъ практическимъ умомъ и почти непогрѣшимой оцѣнкой практическихъ затрудненій, удерживала меня отъ слишкомъ идеальныхъ мечтаній. Ея умъ придавалъ всѣмъ идеямъ конкретную форму и быстро об-

* ВЪ другомъ мѣстѣ «Автобіографіи» Милль говоритъ: „Самыя важныя идеи и мѣста въ нашихъ общихъ прозведеніяхъ—тѣ, которыя принесли всего болѣе пользы и доставили всего болѣе успѣха и славы самимъ сочиненіямъ, принадлежатъ ей и мое участие въ нихъ было такое-же, какъ въ идеяхъ, найденныхъ въ прежнихъ авторахъ и только усвоенныхъ мною. Впродолженіи большей части моей литературной дѣятельности я исполнялъ въ отношеніи ея ту роль, которую я съ довольно ранней эпохи въ жизни принялъ на себя и считалъ самой полезной въ области мысли, именно роль истолкователя оригинальныхъ мыслителей и посредника между ними и публикой. Я всегда имѣлъ самое скромное понятіе о своихъ способностяхъ, какъ оригинальнаго мыслителя, исключая въ отвлеченной наукѣ (логикѣ, метафизикѣ и теоретическихъ принципахъ политической экономіи и политикѣ), но считалъ себя неизмѣримо выше большинства моихъ современниковъ по способности и готовности учиться у всѣхъ и слушать всѣхъ.“

нималъ всѣ практическія ихъ послѣдствія, а ея знаніе человѣческихъ чувствъ и поступковъ было такъ безошибочно, что рѣдко слабая сторона какого-либо практическаго вывода ускользала отъ нея. Изъ всѣхъ сочиненій моихъ самое большое участіе она приняла въ „Свободѣ“, которое, вѣроятно, переживетъ все, что я когда-нибудь писалъ (за исключеніемъ, быть можетъ, Логіки), потому что нашъ умственный трудъ сдѣлалъ эту книгу философскимъ истолкователемъ одной великой истины, значеніе которой все болѣе и болѣе выставляютъ прогрессивныя измѣненія, происходящія въ современномъ обществѣ. Эта истина заключается въ возможности для человѣка и общества наибольшаго разнообразія типовъ человѣческаго характера и допущенія полной свободы въ многостороннемъ и самомъ противоположномъ развитіи человѣческой природы. Лучшимъ доказательствомъ, какъ глубоки корни этой истины, служить громадное впечатлѣніе, произведенное ея изложеніемъ въ такое время, которое для поверхностныхъ наблюдателей не очень нуждалось въ такомъ урокѣ.

В. Т.

ПАМЯТНИКЪ ЕКАТЕРИНЪ II.

E regi monumentum aere perennius...

Гораций.

Недавно, съ небольшимъ годъ тому назадъ, Петербургъ праздновалъ двухсотлѣтній юбилей Петра Великаго; теперь онъ готовится праздновать торжественное открытіе памятника Екатеринѣ II. Праздникъ въ память царя-работника долженъ былъ возобновить въ нашей памяти замѣчательную личность Петра и цѣлый рядъ его неустанныхъ работъ, предпринятыхъ имъ для возрожденія Россіи, той ветхой до-петровской Россіи, которая такъ долго и такъ упорно коснѣла въ своей азіятской неподвижности и, можетъ быть, еще нѣсколько сотъ лѣтъ коснѣла-бы въ томъ-же положеніи, если-бы сильная рука реформатора не вывела ее на чистый путь европейскаго развитія. Это былъ праздникъ въ честь побѣды человѣческаго ума надъ тупостію, благотворныхъ прогрессивныхъ идей надъ рутиню, попытки общественнаго сознанія надъ безличнымъ и пассивнымъ существованіемъ народа; для насъ, далеко неизбалованныхъ своей исторіей, это былъ праздникъ историческаго обновленія, той роковой поворотной черты, отъ которой народы или идутъ назадъ, къ своей политической смерти, или устремляются впередъ, къ своему поступательному движенію и долгому существованію. Но что началъ Петръ I, то продолжала Екатерина II, и въ этомъ ихъ историческая преемственность, ихъ неотъемлемое право на признательность потомства.

Свойство человѣческой памяти таково, что, обращаясь къ пройденному человѣчествомъ пути, она всегда старается отыскать и сберечь свѣтлыя явленія своего прошлаго и не забыть тѣхъ тя-

жельхъ испытаній и бѣдствій, которыя народъ перенесъ въ своей жизни. И чѣмъ этихъ испытаній было больше, чѣмъ они были тяжелѣе, тѣмъ сочувственнѣе народная память относится къ своему хорошему прошлому и къ тѣмъ, кто облегчилъ участь народа, кто внесъ въ его бѣдную долю хоть каплю добра и искренняго участія.

Останавливаясь передъ бронзовымъ памятникомъ Екатеринѣ II, каждый изъ насъ невольно спроситъ себя: что-же выражаетъ эта монументальная фигура, что она говоритъ съ своего гранитнаго пьедестала этой многочисленной толпѣ зрителей, которые соберутся вокругъ нея въ день ея открытія? Неужели мы ограничимся однимъ простымъ любопытствомъ при взглядѣ на эту изящно-отличную, но мертвую группу, изображающую цѣлую историческую эпоху народной жизни? Неужели также, какъ и послѣ юбилея Петра Великаго, мы посмотримъ, потолкуемъ, разоидемся по домамъ и опять заснемъ своимъ богатырскимъ сномъ? Если прошлое можетъ научить насъ чему-нибудь полезному, пробудить въ насъ общественное сознаніе и указать намъ на наше будущее назначеніе, то оно должно постоянно держать нашу мысль на высотѣ нашихъ лучшихъ стремленій и поступковъ, — напоминать намъ о томъ, что передано намъ исторіей въ наслѣдство самого цѣннаго и благотворнаго и какъ мы сумѣли распорядиться этимъ наслѣдствомъ. Народы дорого покупаютъ каждый шагъ своего поступательнаго движенія, и потому-то, можетъ быть, онъ дѣлается имъ вдвойнѣ симпатиченъ... Мы намѣрены здѣсь напомнить читателю о главныхъ чертахъ екатерининскаго царствованія, остановиться на тѣхъ фактахъ, которые имѣютъ для насъ не только историческое, но и современное значеніе.

Принимая Россію изъ рувъ своихъ ближайшихъ преемниковъ, Екатеринѣ II предстоялъ громаднѣйшій трудъ внутренняго и внѣшняго переустройства; она должна была въ одно и то-же время остановить реакціонное движеніе нѣсколькихъ царствованій послѣ Петра I и поставить ее на тотъ самый путь, на который вывелъ ее великій преобразователь. Она не скрыла отъ своихъ подданныхъ, объявивъ въ своемъ манифестѣ, при восшествіи на престолъ, что „внутренніе порядки, составляющіе цѣлость нашего отечества, совсѣмъ испровержены“. Дѣйствительно, поле, только-что воздѣланное Петромъ, уже заглохло; партія, враждебная его

преобразовательнымъ планамъ, снова ожила и выступила на сцену. Екатеринѣ II слѣдовало опять начать съ того, на чемъ онъ остановился, т. е. одной рукой ей нужно было разрушать и разчищать, а другой строить и организовать. И въ этомъ именно направленіи началась кипучая дѣятельность императрицы въ первые годы ея царствованія. Съ перваго-же дня своего управленія она обратила вниманіе на насущныя нужды народа и предприняла мѣры для облегченія ихъ.

Что было въ то время особенно тяжелымъ бременемъ для страны — это высокая цѣна соли, составляющей первую жизненную потребность населенія, и вотъ не далѣе, какъ черезъ недѣлю по вступленіи на престолъ Екатерины II, народу читали на площадяхъ слѣдующій ея указъ: „За первое правило себѣ постановимъ мы навсегда имѣть неутомленное матернее попеченіе и трудъ о благополучіи и тишинѣ всего любезнаго російскаго отечества, возстановляя тѣмъ ввѣренный намъ отъ Всевышняго народъ въ вышнюю степень благоденствія; а вслѣдствіе того, при самомъ теперъ началѣ благополучнаго нашего государствованія, восхотѣли мы, не отлагая вдаль, но въ настоящее нынѣ время облегчить нѣкоторую частію тягость народную, въ наипервыхъ въ самой нужной и необходимой къ пропитанію человѣческому вещи, яко то въ соли“. И вотъ цѣна соли уменьшается на десять копеекъ съ пуда — громадное по тому времени облегченіе — и при этомъ дается народу торжественное обѣщаніе, что „воля наша при семъ остаться не можетъ“, что народъ долженъ ждать новаго облегченія своей участи и новыхъ о немъ заботъ. (Пол. собр. зак., 5 іюля 1762 г.).

Черезъ нѣсколько дней явились новыя законодательныя мѣры, направленныя къ поднятію вообще жалкаго экономическаго положенія страны, которую въ то время опустошали страшный голодъ, разбой и мѣстныя эпидеміи, — мѣры „о размноженіи хлѣбопашества и прочихъ потребностей“. (Указъ 23-го іюля).

Еще черезъ нѣсколько дней, а именно 20-го августа того-же года она предписываетъ сенату: „Хлѣбныя магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была. — Купцамъ объявить, чтобъ они богатыхъ парчей и кружева болѣе не выписали, по причинѣ, что чрезъ годъ отъ моей коронаціи заказано будетъ золото, серебро и кружева носить“.

Это противъ роскоши, которую породило вѣрностное право. Впослѣдствіи, когда Екатерина II еще ближе ознакомилась съ экономической неурядицей, господствовавшей въ то время на всемъ пространствѣ Россіи, когда до ея слуха стали доходить постоянныя жалобы на неурожаи и крайнюю бѣдность населенія, угнетаемаго нуждой и ничѣмъ незащищеннаго по юго-восточнымъ окраинамъ, она рѣшилась привлечь изъ Европы тѣ полезныя производительныя и рабочія силы, въ которыхъ особенно нуждались наши богатныя степи, обнаженныя отъ всякаго населенія и открытыя для вторженія враждебныхъ нашему политическому и экономическому строю чуждыхъ силъ.

Мѣра эта приведена была въ исполненіе знаменитымъ манифестомъ о дозволеніи возвращаться въ Россію русскимъ раскольникамъ и о заселеніи пустынныхъ окраинъ Россіи нѣмецкими рабочими. „По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ, говорилось въ манифестѣ, — главнымъ правиломъ мы себѣ постановили, чтобъ навсегда имѣть наше матернее попеченіе и трудъ о тишинѣ и благоденствіи всей намъ ввѣренной отъ Бога пространной имперіи и объ умноженіи въ оной обитателей. А какъ намъ многіе иностранныя, равнымъ образомъ и отлучившіеся изъ Россіи наши подданные, бѣгутъ челомъ, чтобъ мы имъ позволили въ имперіи нашей поселиться, то мы всемилостивѣйше симъ объявляемъ, что не только иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, благосклонно съ нашею обыкновенною императорскою милостію на поселеніе въ Россію приедемъ и наиторжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, что всѣмъ приходящимъ къ поселенію въ Россію наша монаршая милость и благоволеніе оказываема будетъ, но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ, съ обнадеживаніемъ, что имъ хотя-бъ по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но однакожъ всѣ ихъ до сего преступленія прощаемъ, надѣясь, что они, возчувствовавъ къ намъ сія наши оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи, пожить спокойно и въ благоденствіи, въ пользу свою и всего общества“. (Маниф. 11 дек. 1762).

Послѣдствіемъ этой мѣры было заселеніе Поволжья, колонизація новороссійскаго края, Закавказья и лучшихъ земель на южныхъ окраинахъ западной Сибири, а историческими результатами

этой мѣры пользуемся уже мы, отодвинутые отъ этого далекаго прошлаго цѣлымъ столѣтіемъ: все, чѣмъ питаются нынѣ объ наши столицы и центральныя мѣстности Россіи, все, чѣмъ уравнивается и возвышается русскій балансъ и русскій кредитъ въ европейской торговлѣ, все, чѣмъ сильна нынѣ вся южная половина Россіи, къ которой, повидимому, съ каждымъ годомъ передвигаются наши производительныя, экономическія и интеллектуальныя центры тяготѣнія, — все это вызвано было къ жизни или, по крайней мѣрѣ, всему этому заложенъ первый камень той-же дѣятельной рукой, которая написала замѣчательный для своего времени „Наказъ“.

Въ то-же время для непосредственнаго наблюденія надъ экономическимъ бытомъ Россіи, она предпринимала путешествія и лично осматривала недостатки своего „маленькаго хозяйства“, какъ она выражалась. Такъ въ первые годы своего царствованія, предпринявъ поѣздку по Россіи, по волжской ея окраинѣ, она изучаетъ каждую мѣстность, вникаетъ во всѣ обстоятельства жизни и все записываетъ, повѣряя иногда свои наблюденія или Панину, воспитателю Павла Петровича, или кому-либо другому изъ приближенныхъ къ ней лицъ. О Симбирскѣ она пишетъ, что это „самый скарденный городъ, и всѣ дома, кромѣ того, въ которомъ я стою, въ конфискаціи: — итакъ, мой городъ у меня-же! Я не очень знаю, схоже-ли это съ здравымъ разсужденіемъ, и не полезѣе-ли повернуть людямъ ихъ дома, нежели сіи лучинки имѣть въ страшной собственности, изъ которой ни коронныя деньги, ни люди не сохранены въ цѣлости. Я теперь здѣсь упражняюсь сыскать способы, чтобы деньги были возвращены, дома попусту не сгнили, и люди не приведены вовсе въ истребленіе“. (Чтен. моск. общ. истор. и древ., 1863, стр. 30).

А черезъ пять дней она уже сообщаетъ Панину о своихъ наблюденіяхъ надъ экономическимъ положеніемъ крестьянскаго населенія тѣхъ мѣстностей, по которымъ она проѣзжала. „Я на досугѣ сдѣлаю вамъ короткое описаніе того, что примѣтила дорогою. Гдѣ черноземъ и лучшія произрастенія, какъ то симбирская провинція и половина алатырской, тамъ люди лѣнны и верстъ по пятнадцати земли пусты, не населены и не разработаны. Отъ Алатыря до Арзамаса и отъ сего мѣста до муромскихъ лѣсовъ

пяди земли нѣтъ, кая-бы не была разработана, и хлѣбъ лучше, нежели въ первыхъ сихъ мѣстахъ“ и т. д.

Впослѣдствіи Екатерина II убѣдилась, что для поднятія сельскохозяйственнаго уровня, кромѣ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, нужны еще деньги, а для болѣе быстрого обращенія ихъ—общественный кредитъ. Результатомъ этого было учрежденіе Государственнаго банка, а для изученія народныхъ нуждъ она основала „Вольное Экономическое общество“.

Но мы долго не кончили-бы, если-бы стали подробно говорить о всѣхъ ея соображеніяхъ, прозетахъ и указахъ, въ которыхъ выразилась вся ея дѣятельность относительно экономическаго устройства Россіи.

Созидавъ съ одной стороны, она, съ другой, разрушала, ведя постоянную борьбу съ злоупотребленіями тогдашней администраціи и съ глубокимъ невѣжествомъ общества.

А каково было это общество, на какомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ оно стояло, мы отчасти знаемъ это изъ тѣхъ литературныхъ памятниковъ, которые дошли до насъ. Извѣстно, что когда открылась екатерининская законодательная комиссія, то многіе вошедшіе въ нее депутаты, избранные изъ среды самыхъ образованныхъ людей того времени, не умѣли ни читать, ни писать. Часто случалось, что губернаторы и архіереи были люди совершенно безграмотные. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ говорить, что въ это время элементарное образованіе получали только люди богатые, а бѣдные дворяне ничему не учились и занимались въ своихъ медвѣжьихъ углахъ хозяйствомъ да псовыми охотами. Но невѣжество вездѣ неразлучно съ общественной деморализаціей. Казнокрадство, взяточничество, сутяжничество, клевета и доносы были самыми обыкновенными явленіями общественной и чиновничьей сферы. Откупная система, рекрутскіе наборы, судебныя „волокуты“, раздача теплыхъ мѣстъ были главными источниками взятокъ и темнаго обогащенія. Грубость нравовъ и чисто-животная жизнь, подъ тонкимъ слоемъ европейской цивилизаціи, доходили до крайней степени. Тѣлесныя наказанія, кулачные бои, пьянство и оргіи были любимыми развлечениями даже въ высшемъ сословіи XVIII вѣка. Екатерина II все это видѣла и понимала; желая противодѣйствовать злу, она старалась поднять общественную нравственность, смягчить, облагородить

окружавшую ее грубость; двумя путями она шла въ этомъ направлении — административнымъ и путемъ интеллектуальнаго развитія, призвавъ на помощь себѣ литературу и искусство.

Однимъ изъ первыхъ ея дѣлъ въ этомъ отношеніи было уничтоженіе ненавистнаго бироновскаго учрежденія „Тайной розыскной канцеляріи,“ въ которой, втеченіи полстолѣтія, пролито было столько русской крови. „Мы, говоритъ императрица, послѣдуя нашему челоувѣколюбію и милосердію и прилагая крайнее стараніе не только неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонравнымъ пресѣчь пути къ приведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы, а подавать способы къ ихъ исправленію, повелѣваемъ: тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи не быть и оную совсѣмъ уничтожить“; находящіяся въ ней страшныя дѣла „за печатью къ вѣчному забвенію въ архиву положить“. Далѣе: „ненавистное выраженіе „слово и дѣло“ не долженствуетъ значить отнынѣ ничего, и мы не запрещаемъ употреблять онаго никому“. Мало того, государыня сама, лично, желаетъ изслѣдовать вины преступниковъ, „дабы показать и въ томъ примѣръ, какъ можно и надлежитъ кротостію изслѣдованія, а не кровопролитіемъ, толико ненавистнымъ нашему челоувѣколюбію, прямую истину раздѣлять отъ клеветы и коварства“. (Пол. собр. зак., № 11,687).

Тотчасъ-же послѣ этого указа, именно на другой день, 19-го іюля, императрица обнародываетъ высочайшее повелѣніе о дозволеніи всѣмъ бѣглымъ возвращаться въ Россію изъ-за границы, и по этому случаю говорить: „Положили мы главнымъ намѣреніемъ нашимъ, чтобъ всегдашнее стараніе имѣть о цѣлости нашея имперіи и о благоденствіи вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, чему мы и дѣйствительные опыты въ краткое время государствованія нашего уже показали, и впредь еще больше да и съ великимъ удовольствіемъ о томъ попеченіе прилагать не оставимъ“.

Далѣе, она предпринимаетъ различныя мѣры для искорененія взяточничества, судебныхъ проволочекъ, лихоимства и раздачи мѣстъ за деньги. Но очищая мелкій бюрократическій міръ отъ злоупотребленій, она въ то же время видѣла въ самомъ сенатѣ какое-то дѣленіе на партіи, вражду между сенаторами, зависть, дразни; впечатлительный характеръ ея не выноситъ этого и она

обращается къ почтеннымъ старцамъ съ такою рѣчью: „Господа сенаторы! я не могу сказать, чтобы вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ моей и о пользѣ общей, но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно“. Она указываетъ имъ на ихъ распри, смуты и совѣтуетъ помириться. (Полн. собр. зак., № 11,845).

Дѣйствуя административными мѣрами, то строгостію, то совѣтомъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовала на общественное ссзаніе и посредствомъ литературы. Въ ней она видѣла даже болѣе дѣйствительное средство въ этомъ отношеніи, чѣмъ карательныя мѣры закона, и послѣ Петра Великаго она первая оцѣнила значеніе прессы и сама участвовала въ ней, какъ писательница, какъ сатирикъ и публицистъ. Дѣятельная переписка ея съ замѣчательными французскими писателями Вольтеромъ, Дидро и д'Аламберомъ, ярко обрисовываетъ не только индивидуальную ея личность, но и вообще стремленія высшей интеллигенціи XVIII вѣка. „Наказъ“, составленный и пересмотрѣнный подъ непосредственнымъ руководствомъ Екатерины II, былъ полнѣйшимъ выраженіемъ гуманнаго взгляда императрицы на отношенія правителя къ своимъ подданнымъ. Онъ сдѣлалъ-бы честь и не такой эпохѣ, какъ екатерининская, и не такому обществу, какъ тогдашнее русское. Благодаря этому сочувственному отношенію ея къ умственной дѣятельности, печать того времени почти до конца царствованія пользовалась довольно широкой свободой и значительно облегчила многіе изъ предначертаній и трудовъ Екатерины II. Въ литературѣ она находила не только „пріятный отдыхъ“, но и одного изъ своихъ помощниковъ въ дѣлѣ преобразованій и улучшеній государственнаго и общественнаго строя. Въ 1783 году черезъ 20 лѣтъ по восшествіи на престолъ, Екатерина разрѣшаетъ всемъ заводить типографіи. Вотъ практическій ея взглядъ на это дѣло. „Всемилоствѣйше повелѣваемъ типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, и вслѣдствіе того позволяемъ, какъ въ обѣихъ столицахъ нашихъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи нашей каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ управѣ благочинія того города, гдѣ онъ типографію имѣть хочетъ. Въ

СИХЪ ТИПОГРАФІЯХЪ ПЕЧАТАТЬ КНИГИ НА РОССІЙСКОМЪ И НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ, НЕ ИСКЛЮЧАЯ И ВОСТОЧНЫХЪ, СЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ, ОДНАКОЖЕ, ЧТОБЫ НИЧЕГО ВЪ НИХЪ ПРОТИВНАГО ЗАКОНАМЪ БОЖИМЪ И ГРАЖДАНСКИМЪ ИЛИ-ЖЕ КЪ ЯВНЫМЪ СОБЛАЗНАМЪ КЛОНЯЩАГОСЯ ИЗДАВАЕМО НЕ БЫЛО; ЧЕГО РАДИ ОТЪ УПРАВЫ БЛАГОЧИНІЯ ОДАВАЕМЫЯ ВЪ ПЕЧАТЬ КНИГИ СВИДѢТЕЛЬСТВОВАТЬ“ (Полн. собр. зак., 15 января 1783 года).

Правда, многія изъ ея начинаній остались только теоретическими планами, многія мѣры были непослѣдовательны и эта непослѣдовательность лишила ихъ дѣйствительной силы, многія предпріятія не нашли себѣ способныхъ исполнителей, многое было непримѣнимо на практикѣ, но въ томъ обществѣ, среди котораго она дѣйствовала, важно было не столько самое осуществленіе всѣхъ прогрессивныхъ мѣръ, сколько правительственная санкція ихъ, высшій авторитетъ и чисто-нравственное вліяніе ихъ на общественное мнѣніе. Надо помнить, что въ то время за ничтожной горстью образованныхъ людей стояла сплошная темная масса почти полудикаго населенія Россіи, масса, исполненная всевозможныхъ предрасудковъ и суевѣрій и всѣми силами отстаившая ихъ. Работая по 15 часовъ въ сутки, императрица не оставляла безъ повѣрки и просмотра ни одной сколько-нибудь важной государственной бумаги, хотя она не любила плодить ихъ и вообще выражалась кратко въ своихъ официальныхъ актахъ. Такъ, коротко и сжато, она пишетъ въ сенатъ замѣчательный по своей простотѣ и силѣ указъ:

„Господа сенаторы! Прошу для пользы общества потрудиться и до отъѣзда въ Москву, есть-ли можно, окончить дѣла: 1) о сбавкѣ съ соли еще цѣны; 2) вмѣсто бывшихъ сыщиковъ сдѣлать въ губерніяхъ и провинціяхъ благопристойнѣйшее учрежденіе, какъ-бы воровъ и разбойниковъ искоренять; 3) о мѣдныхъ легковѣсныхъ деньгахъ; 4) о таможенныхъ, какъ имъ впредь полезнѣе быть“.

Вотъ и весь указъ.

И за всѣмъ тѣмъ памятникомъ ея государственной дѣятельности осталось для потомства 5,647 однихъ именныхъ и сенатскихъ указовъ и манифестовъ, только вошедшихъ въ полное собраніе законовъ. А сколько ихъ не вошло? Надо имѣть твердую въ работѣ руку и напряженное вниманіе, чтобъ лично написать и подписать, предварительно прочитавъ и собственноручно исправивъ

такую массу законодательныхъ актовъ, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ знаменитый „Наказъ комиссiи“, составляютъ цѣлыя ученые трактаты.

Нѣтъ сомнѣнiя, что Екатерина II въ своей плодотворной дѣятельности многимъ обязана счастливому соединенiю вокругъ нея способныхъ и энергическихъ исполнителей ея предначертанiй. Тотъ же практическiй тактъ и женская сметливость, которыя проявились у Екатерины II въ ея обыденныхъ отношенiяхъ къ людямъ, руководили ею и въ выборѣ государственныхъ людей, которые придали блескъ ея царствованiю. Умѣя угадать талантъ и оцѣнить его, она не стѣснилась назначенiемъ своихъ исполнителей и слугъ на высшiе государственныя посты ни родословными привилегiями, ни чинами, ни даже личными своими симпатiями. Безъ каго она приблизила къ себѣ изъ толпы, Ломоносова глубоко уважала, Дашкову, несмотря на ея женскiй полъ, назначила президентомъ Академiи наукъ.

Съ людьми приближенными она находилась въ самыхъ искреннихъ отношенiяхъ; она довѣряла имъ свои тайны, совѣтовалась съ ними и вела постоянную переписку.

Мы не касаемся здѣсь ни внѣшнихъ политическихъ отношенiй, ни екатерининскихъ побѣдъ, — все это далеко превышаетъ размѣры журнальной замѣтки. Мы хотѣли бросить нѣкоторый свѣтъ только на тѣ черты этой исторической личности, которыя опредѣляютъ нравственную фiзiономiю Екатерины II. Въ этихъ чертахъ мы находимъ много общаго съ ея предшественникомъ Петромъ I, генiю котораго суждено было угадать истинныя потребности русскаго народа, а таланту Екатерины II развить ихъ дальше и отчасти удовлетворить. Поэтому такiе дѣятели, какъ Петръ I и Екатерина II, всегда имѣютъ право сказать о себѣ: „мы памятникъ воздвигли себѣ вѣршею бронзы.“

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“

(Въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской ул., д. № 39.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Происхожденіе человѣка, Ч. Дарвина. Три выпуска, около 80-ти печатн. листовъ, съ рисунками. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно 2 р.

Вопросы общественной гигиѣны, В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Комедія Всемирной исторіи, Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Въ двухъ томахъ. Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна обомъ томамъ 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к. Каждому тому отдѣльно цѣна 2 р.

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гиѣны* д-ра М. С. Зеленскаго, и вступительной ст. В. О. Португалова: «Безпредѣльность гиѣны». Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины, Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: *Историческіе женскіе типы*. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи, Д-ра В. Циммермана. Составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печатн. листовъ. Цѣна тремъ томамъ 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французск. подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи Дж. Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. Г. Е. Благосвѣтлова. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Записки Военнаго. Валлетристическіе очерки. Разказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к. Съ перес. 1 р. 80 к.

Сочиненія Э. М. Толстаго. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 70 к.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ перес. 1 р.; съ пересылкой 1 р. 20 к.

Одинъ въ полѣ — не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Изданіе четвертое. Въ двухъ томахъ. Болѣе 60-ти печ. лист. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 30 к.

О ПОДПИСЬ
НА ГАЗЕТУ
„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

ВЪ 1874 ГОДУ.

„Сынъ Отечества“ въ 1874 году будетъ издаваться въ томъ-же видѣ и форматѣ, какъ и въ нынѣшнемъ году, по слѣдующей программѣ:

1) *Внутренній отдѣлъ*: передовая статья по одному изъ современныхъ вопросовъ.—Толки нашихъ газетъ.—Правительственныя распоряженія вообще.—Главнѣйшія производства.—Судебный отдѣлъ.—Отчеты земства.—Народное образование.—Желѣзно-дорожное дѣло.—Дѣятельность акціонерныхъ обществъ.—Отчеты техническихъ обществъ.—Промышленность и торговля.—Петербургская летопись.—Внутреннія (областные) извѣстія.—Петербургскій листокъ.—Провинціальная летопись.—Корреспонденціи.—Разныя извѣстія.

2) *Внѣшній отдѣлъ*: Политическое обозрѣніе.—Политическія извѣстія по государствамъ.—Мелкія политическія извѣстія.—Телеграммы.—Иностранная (не политическая) хроника.

3) Статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, художествъ и ремеслъ.

4) Критика, журналистика, библиографія.

5) *Беллетристическій отдѣлъ*: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и т. д.

6) Театральныя и музыкальныя извѣстія и общественныя увеселенія.

7) Биржевыя и торговыя извѣстія и курсы.

8) Смѣсь, зрѣлища, желѣзныя дороги.

9) Приложенія и каррикатуры.

10) Объявленія внутри газеты и въ приложеніяхъ.

Подписка на газету «Сынъ Отечества» принимается исключительно въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, на Невскою

проспектъ, у Аничкова моста, домъ Мѣдниковой, № 66, куда и просить обращаться какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою. . . 8 р. сѣр.
Для петербургскихъ съ доставкою на домъ . . . 7 „ „

У КНИГОПРОДАВЦА

И. А. ВИНГИНА,

по Большой Садовой улицѣ, домъ Пажескаго корпуса, № 5,

продаются слѣдующія книги:

Донъ-Кихоть Ламанчскій. Соч. *Мишуэля Сервантеса Саведры.* Въ двухъ частяхъ. Перев. съ испанскаго *В. Карелина.* Изд. 2-е, съ 27 картинами и портретомъ автора. Спб. 1873 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ отличномъ переплетѣ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Дочь оружейника. Историческій романъ *Генриха Майера.* Въ двухъ частяхъ, съ полиטיפажамъ въ текстѣ. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Въ добрый часъ! Романъ *Е. Вернера.* Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Жертва вечерняя. Романъ въ четырехъ книгахъ *П. Д. Боборыкина.* Изд. 2-е. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

О чемъ пѣла ласточка. Романъ *Фр. Шпильгагена.* Бѣдняки. Романъ *Кларети.* Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Очеркъ исторіи русской женщины. *С. С. Шашкова.* Изданіе исправленное и дополненное, съ прибавл. статьи „*Русская проституція*“. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Живая сила. Романъ *Фр. Геритеккера.* Спб. 1872 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Загадочныя природы. Романъ *Ф. Шпильгагена.* Изд. 3-е. Спб. 1873 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Изъ мрака къ свѣту. Романъ *Фр. Шпильгагена.* Въ четырехъ ча-

стать. Изд. 2-ое; продолженіе романа «Загадочныя натуры». Спб. 1871 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Фон-Гогенштейны. (Два поколѣнія). Романъ въ четырехъ частяхъ *Фр. Шпиллягена*. Спб. 1873 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Впередъ! Романъ *Фр. Шпиллягена*, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1872 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Въ двѣнадцатомъ часу. Романъ *Фр. Шпиллягена*. Спб. 1873 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Въ тихомъ омутѣ—буря. (Мидльмартъ). Романъ въ восьми книгахъ *Джоржа Эллиота*. Перев. съ англійскаго. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес. 2 р. 75 к.

Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ. *М. Н. Ядринцева*. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Историческіе этюды. *С. С. Шаикова*. 2 т. Содержаніе: 1) Русскія реакціи. 2) Поучительная исторія о вѣмцахъ. 3) Рабство въ Сибири. 4) Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи. 5) Россійско-американская компанія. 6) Иркутскій погромъ въ 1758—1760 г. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.; въ отличномъ переплетѣ 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія плебесцита. Разсказъ одного изъ 7,500,000 избирателей, сказавшихъ «да». *Эркмана-Шатриана*, перев. съ французскаго, и *Джини-совъ* младенецъ. Политико-сатирическій разсказъ. Перев. съ англійскаго Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к. съ, перес. 1 р. 75 к.

Ассоціаціи. *А. Михайлова*. Изд. 2-ое. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Прусскій шпіонъ. Романъ изъ послѣдней франко-прусской войны. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Изъ-за скиптра и коронъ. Романъ *Гр. Самарова*. 1873 г. Ц. 3 р. съ пересылкой.

Европейскія мины и контръ-мины. Романъ *Гр. Самарова*. 2 тома. Спб. 1873 г. Ц. 3 р. съ перес. Т. 2-ой отдѣльно 1 р. 50 к.

Бастилія. 1374—1789. *Историческій очеркъ* (Тайны Бастиліи.—Ея арестанты.—Пытки.—Процессы.—Побѣги). Соч. Арнульда, Альфонза дю-Пюжоль и Огюста Макэ. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Швейцарія и швейцарцы. Соч. *Диксона*, съ присоединеніемъ его-же статьи «Учебныя заведенія въ Цюрихѣ». Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пересылкою.

Съ петлей на шеѣ. (*La corde au cou*). Романъ *Таборіо*, въ 3-хъ частяхъ переводъ безъ пропусковъ. Спб. 1873 г. Ц. 2 р., съ пересылкою 2 р. 25 к.

Лѣсъ рубягъ — щелки летягъ. Романъ *А. Михайлова*. Спб. 1872 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Нѣмецкіе піонеры. Романъ *Фр. Шпилльмана*. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. съ перес.

Красота и здоровье женщины. *К. Реклама*. Перев. съ нѣмецкаго. *Основы жизни и физическое воспитаніе дѣвицъ*. *Е. Блекузля*. переводъ съ англійскаго. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. съ перес:

Тайна Эдвина Друда. Романъ *Чарльза Диккенса*. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Мандарингъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ, *Н. Д. Ахшарумова*. Спб. 1870 г. Ц. 2 р. съ перес.

Ольдтоунскіе старожилы. Романъ *Бичеръ-Стоу*. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Радищевъ и его книга «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Римскіе происни. Романъ. *Дизраэли*, въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. съ перес.

Романы и повѣсти. *Эркмана-Шатриана*. 2 т. Спб. 1869 г. Ц. 3 р. съ перес.

Люди третьей республики. Перев. съ англійскаго. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Безъ исхода. Романъ *К. М. Станюковича*. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Дѣти вѣна. Романъ *Гейзе*. 2 т. Спб. 1873 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи журнала „ДѢЛО“ (Надеждинская, на углу Манежнаго пер. д. № 39) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, новая книга:

ЛЮДИ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ.

(Тьеръ — Магъ-Магонъ. — Гамбетта. — Гревъ — Сентъ-Илеръ. — Руэръ — Герцогъ Броули. — Дюфоръ. — Александръ Дюма. — Одифре-Пакъе. — Пикаръ. — Федербъ. — Дюпанлу. — Вельо. — Герцогъ Омальскій. — Жирарденъ. — Отецъ Гіацинтъ. — Эрманъ-Шатрианъ. — Рошфоръ. — Абу. — Перье. — Симонъ — Сарду. — Потюо. — Луи Бланъ. — Викторъ Гюго).

Цѣна 1 р. 30 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Подписчики на журналъ „ДѢЛО“ платятъ 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ ВЪ 1874 г.

„БУДИЛЬНИКА“

САТИРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:
Безъ доставки	6 р. — к.
Съ доставкою	7 „ — „
Съ пересылкою	7 „ 50 „
Изъ этого числа за пересылку иногороднымъ	— „ 90 „
За адреса и бандероли	— „ 60 „

	На полгода:
Безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкою	4 „ — „
Съ пересылкою	4 „ 50 „
Изъ этого числа за пересылку иногороднымъ	— „ 52 ¹ / ₂ „
За адреса и бандероли	— „ 47 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Москвѣ въ редакціи (на Мясницкой, противъ почтамта, д. церкви Флора и Лавра) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и у Живарева (въ лавкѣ, въ Охотномъ ряду).

Приступая къ десятому году изданія «БУДИЛЬНИКА» (второй годъ въ Москвѣ), редакція находитъ излишнимъ знакомить публику какъ съ направлениемъ своего журнала, такъ и съ тою программой, которой она неуклонно слѣдовала, несмотря на многія независящія отъ редакціи обстоятельства и препятствія. Извѣстно, что изданіе сатирическаго журнала въ нашемъ отечествѣ несравненно труднѣе, чѣмъ изданіе какого-либо другого журнала — съ инымъ направлениемъ. Тѣмъ не менѣе, редакція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры къ улучшенію своего изданія, — желая оправдать то вниманіе и сочувствіе публики, которыми пользуется «БУДИЛЬНИКЪ» въ продолженіи девяти лѣтъ своего существованія.

О ПОДПИСКѢ НА „СУДЕБНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ ВЪ 1874 г.

«Судебный Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1874 году при содѣйствіи тѣхъ-же лицъ, по той-же программѣ, какъ и въ 1873 году, съ приложеніемъ

„СУДЕБНАГО ЖУРНАЛА“

(шесть разъ въ годъ, книжками въ 12—15 листовъ). Въ журналѣ будетъ, между прочимъ, помѣщено: 1) окончаніе печатающихся нынѣ сочиненій: а) «Объ обязательствахъ» по Виндшейду и б) «Кассационное производство» Вернара; 2) «Чтенія объ уголовномъ правѣ и судопроизводствѣ» Боятара; 3) «Руководство къ гражд. судопр. по уставамъ 20 ноября 1864 г.» А. Думашевскаго. При этомъ авторъ этого послѣдняго сочиненія, къ сожалѣнію, находитъ себя вынужденнымъ просить извиненія у подписчиковъ на названныя изданія на сей годъ въ томъ, что онъ по сіе время, вопреки обѣщанію, не печаталъ своего «Курса» въ «Судебномъ Журналѣ»: единственною причиною этой неаккуратности было крайнее разстройство здоровья, вынудившее его на трехмѣсячную почти отлучку за-границу (отъ 19 іюня по 10 сентября сего года) и помѣшавшее ему приготовить рукопись къ печати. Кромѣ того годовые подписчики на 1874 г. не позже конца января получать безвозмездно «Подробный систематическій указатель къ «Судебному Вѣстнику» за 1866—1873 гг.» (свыше 12 печатныхъ листовъ) и всѣ вышедшіе въ семь году листы Вернара и Виндшейда.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ НА СЛѢДУЮЩІЕ СРОКИ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.	Съ пересылкой.
На 12 мѣс.	12 р. 60 к.	14 р. — к.	15 р. — к.
» 6 »	7 » — »	7 » 50 »	8 » — »
» 3 »	3 » 75 »	4 » — »	4 » 50 »
» 1 »	1 » 30 »	1 » 50 »	2 » — »

Съ приложеніемъ «СУДЕБНАГО ЖУРНАЛА»:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.	Съ пересылкой.
На 12 мѣс.	17 р. — к.	19 р. — к.	20 р. — к.
» 6 »	9 » — »	10 » — »	11 » — »
» 4 »	6 » 50 »	7 » — »	7 » 50 »

Желающіе получать при посредствѣ редакціи «Сборникъ кассационныхъ рѣшеній», прилагаютъ 6 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа подписной суммы по третямъ и четвертямъ года **ВПЕРЕДЪ** для состоящихъ на государственной службѣ, только черезъ ихъ казначеевъ, а для гг. мировыхъ судей и членовъ земства—черезъ посредство сѣздовъ и управъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, на площади Казанскаго собора, д. № 4—7, кв. № 4; въ Москвѣ: въ книж. магаз. Анисимова, Соловьева и др. Иногородные адресуютъ въ С.-Петербургъ, въ главную контору „**СУДЕБНАГО ВѢСТНИКА**“.

ЗДѢСЬ-ЖЕ ПРОДАЕТСЯ:

„СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СВОДЪ“

рѣшеній кассационныхъ департаментовъ сената 1866—1871 гг., съ подлиннымъ текстомъ рѣшеній, извлеченными изъ нихъ тезисами и критическимъ разборомъ ихъ, изданіе редактора издателя «Судебнаго Вѣстника» А. Думашевскаго. **Томъ I** (граж. и торг. право, составл. А. Думашевскимъ) Ц. 4 р. **Томъ II** (гражд. судопроизводство, съ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями къ I и II том., составл. имъ-же). Ц. 5 р., **Томъ III** (уголовное судопроизводство, съ алфавит. и постат. указателями къ III т., составл. ординар. проф. слб университета А. П. Чебышевнымъ-Дмитріевымъ). Ц. 4 р. **Томъ IV** (уложеніе и уставъ о наказаніяхъ и учрежд. судеб. установл., съ приложеніемъ алфавитнаго и постатейнаго указателей къ IV тому), состав. ординар. проф. слб. университета Н. С. Таганцевымъ. Ц. 4 р. За всѣ четыре тома, выстѣ съ **«ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ»**, для годовыхъ подписчиковъ на **«СУДЕБНЫЙ ВѢСТНИКЪ»** и **«ЖУРНАЛЬ»** 20 руб. съ пересылкою. Выписывающіе всѣ четыре тома за пересылку ничего не платятъ.

Вскорѣ поступать въ продажу: **«ПЕРВОЕ ПРОДОЛЖЕНІЕ (1871—1872 гг.) къ «СИСТЕМАТИЧЕСКОМУ СВОДУ»** (около 80 печатныхъ листовъ), ц. 5 р., и второе изданіе перваго тома **«СВОДА»**, ц. 4 р.

А. МИХАЙЛОВЪ.

АССОЦІАЦІИ.

ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, АНГЛИИ И РОССИИ.

Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Подписчикамъ журнала «Дѣло» дѣляется уступка 20%.

Подписка на 1874 годъ.

БИРЖА,

КОММЕРЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

(ГОДЪ ТРЕТІЙ)

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Два года изданія газеты «Биржа» достаточно показали необходимость для нашего общества серьезнаго коммерческаго и политическаго органа. Въ такомъ-же духѣ газета «Биржа» будетъ издаваться въ 1874 году.

Въ «Биржѣ» сообщаются еженедѣльные корреспонденціи (съ цѣнами на товары и видами на спросъ) изъ Москвы, Архангельска, Риги, Варшавы, Одессы, Таганрога, Харькова, Орла, Курска, Саратова, Рыбинска (и другихъ волжскихъ и камскихъ пристаней), Ржева, Шадринска и многихъ другихъ городовъ и со всѣхъ главныхъ армо-рокъ.

Съ заграничныхъ биржъ сообщаются свѣденія о всѣхъ главныхъ товарахъ, *съ переводомъ цѣнъ на русскія деньги и на русскій вѣсъ.*

Въ «Биржѣ» помѣщается еженедѣльное обзорѣніе о ходѣ торговли желѣзомъ и другими металлами на заграничныхъ рынкахъ, съ указаніемъ на всѣ новыя замѣчательныя усовершенствованія въ желѣзодѣлательномъ производствѣ.

Подобнаго рода обзорѣнія будутъ постепенно введены и по другимъ отраслямъ торговаго и промышленнаго дѣла, напримѣръ, по торговлѣ сахаромъ и производству его и проч.

Въ 1873 году разосланы подписчикамъ «Биржи», безъ особенной за то платы, слѣдующія приложенія: 1) 11 нумеровъ «Сборника тиражей русскіихъ процентныхъ бумагъ» (подобный сборникъ не издается никѣмъ другимъ въ Россіи); 2) ежемѣсячные сравнительные выводы (таблицы) изъ балансовъ акціонерныхъ банковъ; 3) ежемѣсячныя таблицы сравнительной доходности русскіихъ желѣзныхъ дорогъ; 4) таблица цѣнъ банковыхъ акцій на петербургской биржѣ въ первое полугодіе 1873 года; 5) таблица доходности всѣхъ русскіихъ желѣзныхъ дорогъ по мѣсяцамъ за 3 года; 6) своды балансовъ разныхъ акціонерныхъ обществъ и проч.

Такого рода приложенія и многія другія будутъ разсылаемы при газетѣ «Биржа» и въ 1874 году.

Официальный прейскурантъ петербургской биржи, дополненный различными необходимыми справочными свѣденіями по каждой процентной бумагѣ, будетъ по-прежнему разсылаемы на особыхъ листкахъ, въ приложеніи къ «Биржѣ», такъ-что, по окончаніи года, изданіе подобнаго прейскуранта составитъ полезную для каждаго капиталиста справочную книгу.

Впродолженіи первыхъ годовъ изданія редакція заручилась сотрудничествомъ многихъ дѣльныхъ корреспондентовъ, русскихъ и заграничныхъ. Редакція проситъ желающихъ быть корреспондентами газеты «Биржа» сообщить ей о своихъ условіяхъ.

Программа газеты «Биржа» слѣдующая:

- 1) Передовыя статьи.
- 2) Правительственныя распоряженія.
- 3) Экономическій листокъ: всякаго рода фактическія свѣденія по части финансовъ, торговли и промышленности.
- 4) Внутреннія извѣстія.
- 5) Телеграммы: политическія, торговыя, биржевыя, какъ внутреннія, такъ и заграничныя.
- 6) Иностранныя извѣстія.
- 7) Отдѣлъ судебный.
- 8) Биржевой отдѣлъ.
- 9) Указатель процентныхъ бумагъ: всякаго рода свѣденія, интересующія владѣльцевъ государственныхъ бумагъ, акцій и облигацій, какъ-то: о выпускѣ новыхъ бумагъ, о предстоящихъ новыхъ взносахъ по бумагамъ, еще не вполне оплаченнымъ, о произведенныхъ тиражахъ выигрышныхъ и погасительныхъ, о выдачѣ дивидендовъ, объ уплатѣ купоновъ и пр.
- 10) Объявленія казенныя и частныя.

Срокъ выхода—ежедневный, за исключеніемъ понедѣльника, и дней, слѣдующихъ за табельными праздниками (въ которые не бываетъ собранія на с.-петербургской биржѣ); въ эти дни будутъ выходить при-бавленія съ телеграммами и важнѣйшими извѣстіями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки 12 р. 50 к.
Съ достав. и почтовою перес. въ друг. города имперіи. 15 р. — к.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи газеты «Биржа», въ С.-Петербургѣ, по Галерной ул., д. № 14.

Въ Петербургѣ подписка принимается: въ конторѣ редакціи газеты «Биржа» (Галерная, № 14), въ книжныхъ магазинахъ А. Ѳ. Базунова (Невскій проспектъ, домъ Ольхиной), М. О. Вольфа (Гостинный дворъ, №№ 18, 19 и 20) и у другихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ), А. Л. Васильева (на Страстномъ бульварѣ, домъ Шамардина) и въ конторѣ Н. А. Мейера (на Солянкѣ, домъ Бабурина).

Въ Одессѣ—въ конторѣ газеты «Биржа», при типографіи гг. Гроссуль-Толстыхъ (на Преображенской улицѣ, домъ Полетаева).

Редакторъ-издатель П. Усовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1874 ГОДЪ ЮМОРИСТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

(годъ шестнадцатый.)

Условія тѣ-же, т. е. за годъ съ пересылкою и доставкою 5 р. с., безъ доставки 4 р. с.; за полгода съ пересылкою и доставкою 3 р. с., безъ доставки 2 р. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ журнала „Развлеченіе“, въ Москвѣ, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Въ Петербургѣ у гг. Базунова, Гоппе и Исакова, въ Одессѣ у г. Мосягина.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только тогда, когда подпишутся въ конторѣ редакціи, на Покровеѣ, въ Машковомъ переулкѣ, д. Миллера.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Д. Н. БОГДАНОВИЧА.

№ 14—46. (Въ С.-Петербурѣ, В. Остр., уголъ 1 лнв. и Средн. просп.) № 14—46.

Покупаетъ и продаетъ всѣ процентныя бумаги по порученію.

Продаетъ 5% выигр. билеты обоимъ займовъ съ задатками отъ 6 руб. и больше по желанію, разсрочивая платежи какъ задатки и меньше, по соглашенію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Съ полученіемъ задатка высылаетъ счетъ и закладную; съ того дня выигрышъ, повышеніе цѣны, нарощеніе процентовъ—собственность покупателя. *Страхуетъ выигр. билеты* по 10 к., одиначные 15 коп. отъ билета.

Выдаетъ ссуды подъ % бумаги за 8% и $\frac{1}{3}\%$ ежем. комисіи; уплаты допускаетъ частями.

Открываетъ текущіе счета и принимаетъ денежныя вклады отъ 7% до 8% годовыхъ, смотря по времени; *долгосрочные по особому соглашенію.*

Совершаетъ разнаго рода банкирскія операціи, а для лицъ, живущихъ въ провинціи, исполняетъ по письменнымъ заказамъ и черезъ агентовъ.

Принимаетъ предложенія отъ лицъ, желающихъ принять агентство. Подробную программу выдаетъ бесплатно. На отвѣтъ и пересылку квитанцій просить прилагать марокъ на 20 коп.; *въ противномъ случаѣ контора не считаетъ себя обязанною отвѣчать.*

СЕМЬЯ и ШКОЛА,

ЖУРНАЛЪ ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

издаваемый подъ редакціею Юл. Симашко,

будетъ выходить въ 1874 г. нумерами въ 10 — 12 листовъ печати, въ 2 книгахъ въ большую $\frac{1}{8}$ долю листа ежемѣсячно, по слѣдующей программѣ:

Книга 1. Семейное чтеніе.

Для чтенія. Разказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр.
Для занятій. Игры, работы, рукодѣлія, мастерства и пр.

Книга 2. Часть 1. Воспитаніе и обученіе вообще.

ОТДѢЛЪ I. *Педагогика, Дидактика, Методика.* Воспитаніе домашнее и общественное. Физическое воспитаніе. Учебные пособия и матеріалы.

ОТДѢЛЪ II. *Критика и Библиографія* педагогическихъ сочиненій, изданій и пособій, русскихъ и иностранныхъ.

ОТДѢЛЪ III. *Биографическіе очерки* педагоговъ, съ портретами.

ОТДѢЛЪ IV. *Хроника* учебныхъ и учебно-воспитательныхъ заведеній, правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ.

ОТДѢЛЪ V. *Смѣсь.* Корреспонденціи. Заявленія педагогическаго содержанія, объявленія о книгахъ, учебныхъ пособияхъ и проч.

Часть 2. Наша начальная школа.

1) Правительственныя распоряженія.

2) Руководящія статьи по училищевѣденію, школьной дидактикѣ и по вопросу о народномъ воспитаніи.

3) Земство и народная школа въ періодическихъ обзорѣніяхъ.

4) Современное состояніе у насъ школьнаго дѣла. Начальныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ. Школы грамотности и частное обученіе.

5) Историческіе очерки, біографіи и проч.

6) Критико-библиографическое обзорѣніе; указаніе пособій по начальному обученію; перечень вновь выходящихъ книгъ и проч.

7) Приложенія, состоящія изъ образцовыхъ уроковъ, чтеній и учебниковъ, печатаемыхъ по частямъ и цѣликомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 1874 годъ:

Подписная цѣна въ годъ, за 12 №№ (22 книжки) «Семья и Школа» съ «Нашею начальною школою» (содержащихъ 100—120 лист.).

Въ С. Петербургъ безъ доставки на домъ 11 руб., съ доставкою 11 руб. 50 к.

Во всѣ города имперіи съ пересылкою черезъ газетную экспедицію 12 р.

За-границу съ пересылкою по почтѣ 15 руб.

Отдѣльно *Семейное чтеніе* 12 книжекъ съ приложеніями и съ пересылкою 8 р. *Наша начальная школа* 12 №№: безъ прилож. съ доставк. въ имперіи 3 р. 50 к.; съ приложеніями 5 р. 50 к.

Подписка принимается: для иногородныхъ исключительно въ конторѣ редакціи журнала «Семья и Школа» (Владимірск., № 7), для городскихъ въ книжныхъ магазинахъ: магазинѣ *Для иногородныхъ*, *Колесова и Михина*, *Я. Исакова*, *Русской книжной торговли* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма, заявленія, статьи и подписныя требованія на имя

Редактора-Издателя Ю. Симашко,
въ С.-Петербургъ, Владимірская, № 7.

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ
КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.

ДѢТИ ВѢКА.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ И ДВУХЪ ТОМАХЪ

СОЧИНЕНІЕ ГЕЙЗЕ.

Переводъ съ нѣмецкаго Е. С...вой.

Цѣна за оба тома 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р.

По соглашенію съ издательницей этого романа, подписчики на журналъ «Дѣло» могутъ получать его съ уступкой 20%, адресуя свои требованія въ Главную Контору журнала «Дѣло.»

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный И. С. Кузнецовымъ.

С.-Петербургъ. 1872 года. Цѣна 5 рублей, съ пересылкою 6 рублей.

Это есть первый техническій Словарь въ нашей литературѣ съ языка отечественнаго на языкъ иностранный и онъ заключаетъ въ себѣ слова, употребляемыя въ артиллеріи, фортификаціи, математикѣ, физикѣ, химіи, металлургіи, горномъ дѣлѣ, морскомъ дѣлѣ и вообще въ военномъ искусствѣ.

Съ требованіемъ обращаться въ С.-Петербургъ, Фурштатская улица, домъ № 13, въ редакцію „Артиллерійскаго Журнала“.

КУПИ. ИЗЪ АВТОВІОГРАФИИ ДЖОНА СТЮАРТА

МИЛЛІА. (Окончаніе). В. 1.

ХІХ. ПАМЯТНИКЪ ЕКАТЕРИНЪ ІІ.

XX. ПОДПИСКА ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ въ Самарской губерніи.

Когда уже было напечатано заявленіе о пожертвованіяхъ въ пользу голодающаго населенія Самар. губ. въ контору журнала «Дѣло» были доставлены еще слѣдующія пожертвованія: Н. С., 25 р.—Б. Г., 15 р.—В. Н., 3 р.—Ш—ръ, 12 р.—Всего 158 р.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 89)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.
Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ

ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ біографическми очеркомъ и портретомъ автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала **Дѣло** въ 1874 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала **Дѣло**; 3) о подпискѣ на газету «Сынъ Отечества» въ 1874 году; 4) отъ книгопродавца Шигина; 5) о книгѣ „Люди третьей республики“; 6) о подпискѣ на изданіе въ 1874 году „Будильника“; 7) о подпискѣ на „Судебный Вѣстникъ“ въ 1874 году; 8) объ изданіи соч. А. Михайлова „Ассоціація“ во Франціи, Германіи, Англии и Россіи; 9) о подпискѣ на 1874 г. газеты „Биржа“; 10) о подпискѣ на 1874 г. журнала „Развлеченіе“; 11) отъ банкирской конторы Богдановича; 12) объ изданіи въ 1874 г. „Семьи и Школы“; 13) о выходѣ въ свѣтъ романа Гейзе „Дѣти Вѣка“; 14) о Русскомъ Нѣмецкомъ военномъ техническомъ словарѣ. При этомъ номерѣ приложены объявленія, отъ Моднаго магазина, отъ Русскаго агентства швейныхъ машинъ, отъ Редакціи „Всемирнаго путешественника“, отъ книжнаго магазина Звонарцева, отъ Редакціи журнала „Нивы“ (съ тремя гравюрами), отъ Книжнаго магазина А. Ф. Базунова.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1874 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по
Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа,
на Невскомъ проспектѣ, по Гостин-
ному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ
Книжномъ Магазинѣ для Иногород-
ныхъ, на Невскомъ, противъ Думы,
въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловь-
ева, на Страстномъ бульварѣ, въ д.
Алексеѣва; а также въ книжномъ ма-
газинѣ М. М. Черенина, на Рож-
дественкѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн.	16 »
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 » 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р. 50 к. Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княже-
ства — 19 р. 50 к.; Франція и Давія — 20 р. 50 к.; Англія, Швеція, Испанія,
Португалія, Турція и Греція—21 р. 50 к.; Швейцарія 22 р. 50 к.; Италія—
23 р. 50 к.

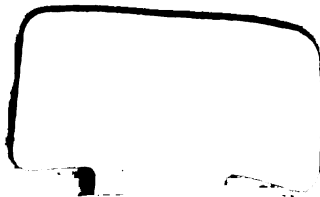
Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручитель-
ствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 055